

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

86

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2024 Issue 86

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Evgeniy V. Afonasin
Novosibirsk State University

Stefano GARZONIO
Università di Pisa, Italia

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
Perm State National
Research University

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Natalia B. SELUNSKAYA
Lomonosov Moscow State University

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2024 Выпуск 86

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории
Российской академии наук

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

Е. В. АФОНАСИН
Новосибирский государственный
университет

Стефано ГАРДЗОНИО
Пизанский университет, Италия

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Пермский государственный
национальный исследовательский
университет

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии
Российской академии наук

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
НИУ «Высшая школа экономики»

Дюла СВАК
Будапештский университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия

Н. Б. СЕЛУНСКАЯ
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
МГИМО (Университет) МИД России

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛЮНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ШАБУНИНА А. К., кандидат исторических наук
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 86М.:

Аквилон, 2024. — 400 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 86

Moscow: Aquilo-Press, 2024. — 400 p.

Journal “Dialogue with Time” is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

- © Общество интеллектуальной истории, 2024
- © Институт всеобщей истории, 2024
- © Издательство «Аквилон», 2024
- © Журнал «Диалог со временем», 2024

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания или его части любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

Н.А. ВЛАСОВ

МЕТОДОЛОГИЯ «ОБОСНОВАННОЙ ТЕОРИИ» КАК ИНСТРУМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ¹

Современные исторические исследования могут значительно выиграть от привлечения методологических инструментов смежных социальных наук. Одним из них является «обоснованная теория», широко распространенная в сфере социологии. В статье дается обзор развития данной методологии, ее основных современных направлений, а также описание процесса исследования в соответствии с принципами «классической» школы «обоснованной теории». Отдельно рассматривается опыт применения методологии в такой области знания, как исследования современных международных отношений, где «обоснованная теория» использовалась для реконструкции представлений и взглядов коллективных акторов. Делается вывод о том, что методы «обоснованной теории» могут успешно применяться и при изучении интеллектуальной истории и социальных процессов прошлого. Кроме того, отдельные инструменты из арсенала данной методологии могут использоваться в рамках других исследовательских подходов для решения более широкого спектра задач.

Ключевые слова: методология исторической науки, интеллектуальная история, «обоснованная теория», междисциплинарность, анализ текстов, абдукция.

В рамках любой научной дисциплины вопросы теории и методологии играют исключительно важную роль; историческая наука не является исключением. К сожалению, сплошь и рядом исследования прошлого проводятся без необходимой теоретической и методологической рефлексии, на основе самых общих принципов, сформулированных еще позитивистами в XIX в. Весьма распространенной является ситуация, когда, к примеру, автор кандидатской диссертации только на этапе оформления текста своей работы начинает задумываться над использованной методологией, причем делает это исключительно в силу наличия соответствующего формального требования. В таких условиях неудивительно, что представителями других областей знания порой подвергается сомнению даже сам статус истории как научной дисциплины.

Нельзя сказать, что вопросы теории и методологии исторической науки плохо освещены в отечественной литературе. Можно привести многочисленные примеры работ по данной проблематике: монографии и учебники И.Д. Ковальченко, Л.Н. Мазур, А.О. Медушевской, Н.Д. Потаповой, Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева² и др. В то же время в отечественной исторической науке не всегда уделяется достаточное внимание возможностям использования методов смежных дис-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00090 «Образ российского панславизма в Западной Европе в последней трети XIX века».

² Ковальченко 2003, Мазур 2010, Медушевская 2008, Потапова 2015, Репина 2003, Савельева, Полетаев 2008.

циплин для исследования прошлого. Между тем, в психологии, социологии, политологии и других общественных науках на сегодняшний день разработан широкий спектр подходов и методов, которые могли бы, на наш взгляд, успешно использоваться историками. В особенности это касается исследований в сфере интеллектуальной истории.

Одной из представительниц указанного спектра является методология «обоснованной теории» (Grounded Theory), появившаяся в 1960-е годы благодаря двум американским социологам – А. Строссу и Б. Глейзеру – в качестве противовеса господствующим количественным методам, «большим теориям» и чисто описательным исследованиям. Цель статьи заключается в том, чтобы определить потенциальные возможности применения этой методологии в сфере интеллектуальной истории.

Источником вдохновения для Стросса и Глейзера послужила философия американского прагматизма (Ч. Пирс, У. Дьюи, У. Джеймс, позднее Р. Рорти). Основные идеи этой школы состояли в том, что знание не абсолютно и не существует в отрыве от конкретной ситуации. Критерием истинности является его практическая полезность – помогает ли концепция справиться со стоящими перед исследователем задачами? Соответственно, прагматизм отвергал деление на теорию и практику. Точно так же представители этого направления отрицали дихотомию мышления и деятельности, утверждая, что любое мышление тесно связано с действиями человека, по сути, это разные проявления одного и того же процесса. В процессе разумной деятельности у человека формируются убеждения об окружающем мире, и на их основе он действует в дальнейшем; пересмотр убеждений осуществляется только тогда, когда они перестают приносить желаемый практический результат³.

В рамках концепции научного познания, выдвинутой Ч. Пирсом, наряду с дедукцией и индукцией большую роль играет абдукция. Корни этого понятия восходят еще к Аристотелю, но именно Пирс ввел его в современную философию науки⁴. Абдукция – это процесс выдвижения гипотез, объясняющих отдельные факты; из возможных объяснений выбирается лучшее (самое простое и правдоподобное)⁵. Затем гипотеза проверяется на других фактах, в результате чего может быть подтверждена или опровергнута. Абдуктивная гипотеза не претендует на теоретическую универсальность, она предназначена для объяснения конкретных эмпирически наблюдаемых явлений.

В 1967 г. Стросс и Глейзер опубликовали книгу, в которой изложили основы своей методологии⁶. Они предложили отказаться от изначально заданных теоретических подходов и заранее сформулированных гипотез. Теория должна была создаваться применительно к конкретному исследовательскому вопросу на основе работы с данными. При этом

³ Spencer 2020.

⁴ Walton 2005: 3.

⁵ Светлов 2008: 175.

⁶ Glaser, Strauss 1967.

речь шла не о глобальных теориях, претендующих на универсальность, а о так называемых теориях «среднего уровня» (middle-range), объясняющих конкретные феномены и группы феноменов. Именно такого рода теории и были названы «обоснованными».

Объектами исследования становились социальные процессы и феномены, находившие отражение в текстах их непосредственных участников. «Обоснованная теория» была призвана реконструировать то, что стояло за высказываниями людей – их убеждения, побудительные мотивы, восприятие происходящего. Исследователю надлежало подходить к имеющемуся материалу (как правило, интервью, но допускались и любые иные тексты) с максимальной открытостью и непредубежденностью. Он последовательно интерпретировал фразу за фразой, реконструируя те явления и процессы, которые стояли за высказываниями автора текста. В процессе осуществлялось кодирование – содержание каждого высказывания формулировалось в виде ключевых тезисов (кодов), которые затем объединялись в категории. На основе этих кодов и категорий затем создавались гипотезы и совершалось «восхождение» к более общему и абстрактному объяснению теоретического уровня. Движение «от данных к объяснениям» при помощи абдукции стало характерной чертой «обоснованной теории». В качестве примера можно привести первое крупное исследование, проведенное Строссом и Глейзером в 1960-е гг. с помощью новой методологии; оно было посвящено вопросу о том, как умирающие пациенты и ухаживающий за ними медицинский персонал справляются с перспективой скорой смерти⁷.

Популярность «обоснованной теории» быстро росла. Изначально соответствующие исследования практиковались в кругу учеников Глейзера и Стросса, однако вскоре методология вышла за пределы этой группы. По мнению современных исследователей, сегодня «обоснованная теория» является «самым успешным в смысле своего широкого распространения качественным методом социальных исследований»⁸. Этому во многом способствует ее гибкость – в рамках методологии нет единого жесткого «канона», и каждый исследователь может адаптировать ее к своим задачам. Однако эта же гибкость привела к достаточно быстрому разделению «обоснованной теории» на несколько направлений. Уже «отцы-основатели» методологии – Стросс и Глейзер – вскоре разошлись во взглядах и не написали более ни одной совместной работы. К настоящему времени насчитывается, по данным разных авторов, от пяти до семи школ «обоснованной теории», и некоторые из них претендуют на своего рода ортодоксию⁹. Так, в новейшем издании коллективной монографии, посвященной развитию «обоснованной теории», выделяются такие направления, как «строссианская» методология, «глейзеррианская» методология, «димензиональный анализ» Л. Шацмана, конст-

⁷ Glaser, Strauss 1965.

⁸ Reichertz, Wilz 2016: 48.

⁹ Equit, Hohage 2017: 18.

руктивистская «обоснованная теория» К. Шармаз и «ситуационный анализ» Э. Клерк, основанный на постмодернистских принципах¹⁰, причем отдельные направления проходили различные этапы в своем развитии.

В 1990 г. Стросс вместе со своей ученицей Ж. Корбин выпустил своего рода учебник под названием «Основы качественного исследования: техники и процедуры разработки обоснованной теории»¹¹, который выдержал четыре издания и считается классическим и наиболее влиятельным методологическим трудом в рамках данного направления. После смерти Стросса в 1996 г. Корбин продолжала работу над книгой, и поздние издания «Основ качественного исследования» значительно отличались от первого; основные изменения были связаны с внедрением элементов постпозитивистского подхода¹². Именно на примере «строссианского» варианта как наиболее распространенного и влиятельного имеет смысл продемонстрировать методiku «обоснованной теории».

Первой важной особенностью данной методологии является отсутствие жесткой последовательности шагов. Процесс анализа материала не линеен, а цикличен. Постоянное возвращение к уже пройденным этапам для уточнения или пересмотра принятых исследовательских решений является необходимой частью процедуры.

В начале любого исследования, естественно, стоит формулировка ключевого исследовательского вопроса. Он во многом определяет выбор данных для дальнейшей работы. Идеальный исследовательский вопрос должен быть достаточно широким и одновременно находиться вне русла уже сложившихся теорий. Исследователь должен приступать к анализу, не имея в голове никаких гипотез, которые предопределяли бы его работу с материалом. Однако принципиальная способность познающего субъекта встать на позицию совершенной объективности с самого начала вызывала обоснованные сомнения; в связи с этим К. Шармаз делает выбор в пользу «теоретического агностицизма» – исследователь должен, в первую очередь, путем рефлексии осознать свои представления об объекте исследования и постараться нейтрализовать их влияние¹³. В «Основах качественного исследования» также говорится о том, что исследователь должен уделять большое внимание рефлексии, отчетливо сознавая, с какими теоретическими предпосылками, предубеждениями и взглядами он приступает к работе¹⁴.

Корпус материалов не обязательно должен быть собран до начала анализа; он может дополняться в процессе, особенно если речь идет о серии интервью. Использование качественного метода дает возможность использовать разнородные материалы – от исторических документов до опросов, проводимых самим исследователем.

¹⁰ Morse 2022.

¹¹ Strauss, Corbin 1998.

¹² Bryant 2019: 27.

¹³ Charmaz 2006: 166.

¹⁴ Corbin, Strauss 2008: 31.

Практически сразу же после получения первых материалов можно приступать к их анализу. Как писали Стросс и Корбин, «анализ начинается с первого дня сбора данных»¹⁵. Далее стадии сбора и анализа могут идти параллельно, находясь во взаимной связи: результаты анализа влияют на направление дальнейшего сбора данных. Стросс и Корбин выделяют две ключевые исследовательские стратегии: активная постановка вопросов к изучаемому тексту и постоянное сравнение (различных фрагментов материала, категорий и кодов с новыми фрагментами материала и между собой)¹⁶. Кроме того, они подчеркивают необходимость учитывать контекст, в рамках которого существует исследуемый объект: от непосредственной ситуации до международного макроконтекста¹⁷. «Постановка вопросов, - пишет Корбин, - не только помогает сохранять интеллектуальную открытость в отношении альтернативных интерпретаций, но и позволяет исследователям задумываться о том, куда дальше двигаться в поисках данных»¹⁸.

При работе с данными одним из ключевых навыков исследователя считается чувствительность (*sensitivity*), что означает для исследователя «обладать проницательностью, быть способным обнаруживать в данных релевантные темы, события и сюжеты»¹⁹. Существует также понятие «теоретической чувствительности» - способности исследователя видеть в массиве данных основания для теоретических построений²⁰.

Ключевую роль в работе с материалом играет процесс кодирования. Анализ данных для представителей «классического» направления – это «превращение текста в концепты»²¹. В разных изданиях книги существуют значительные расхождения в трактовке данного этапа. Так, в ранних вариантах Стросс и Корбин выделяют три типа кодирования: открытое, осевое и селективное. В процессе открытого кодирования автор анализирует текст последовательно, предложение за предложением, с максимальной открытостью и готовностью к неожиданным находкам. Его задача заключается в том, чтобы сформировать систему «концептов» – кодов и категорий, отражающих основные идеи, стоящие за словами автора текста; «открыть данные со всем содержащимся в них потенциалом и возможностями»²². Размер единицы кодирования может быть различным в зависимости от целей исследования.

Корбин подчеркивает, что анализ данных всегда подразумевает их интерпретацию исследователем²³. Создание концептов предполагает переход на уровень абстракции, однако все концепты опираются на кон-

¹⁵ Corbin, Strauss 2008: 144.

¹⁶ Corbin, Strauss 2008: 69-79.

¹⁷ Corbin, Strauss 2008: 94.

¹⁸ Corbin 2022: 28.

¹⁹ Corbin, Strauss 2008: 32.

²⁰ Bryant 2019: 79.

²¹ Charmaz 2006: 61.

²² Corbin, Strauss 2008: 160.

²³ Corbin, Strauss 2008: 49.

кретные данные. Хотя категории и коды должны возникать в процессе кодирования, Стросс и Корбин допускают в определенных случаях использование отдельных заранее сформулированных категорий²⁴. Однако в рамках данной методологии это является исключением, а не правилом.

Все свои мысли и идеи следует обязательно фиксировать в виде примечаний к тексту («мемосов»), которые используются в дальнейшей работе. Мемос – это размышления исследователя по поводу материала или концепта, сформулированные в свободной форме и имеющие аналитический характер. Они могут касаться как отдельных фрагментов данных, так и концептов – кодов и категорий. Другим полезным инструментом Стросс и Корбин считают диаграммы – графические схемы, отражающие взаимоотношения и связи между концептами. Как и в случае с мемосами, строгих правил составления диаграмм не существует; все зависит от конкретной исследовательской ситуации и личных предпочтений аналитика. Мемосы и диаграммы являются не просто вспомогательными средствами («заметками на полях»), а играют ключевую роль в аналитическом процессе. Они служат для генерации идей, выявления лакун в исследовании, поиска закономерностей и паттернов. Мемосы позволяют также отслеживать процесс исследования (и при необходимости возвращаться к более ранним стадиям), определять степень разработанности категорий и достижение «предела насыщения».

В процессе осевого кодирования исследователь опирается на уже сложившуюся систему кодов и категорий. Ключевой задачей становится развитие этой системы – выясняются связи между концептами, выделяются ключевые обобщающие категории. В процессе вполне возможно возвращение к уже проработанным материалам, если необходимо уточнение кодов или извлечение дополнительной информации. При этом список концептов постоянно меняется – появляются новые, уточняются (или даже удаляются) старые. По словам Корбин, «одно из выдающихся качеств обоснованной теории заключается в том, что она позволяет отказаться от изначальных интерпретаций и перейти к тем, которые лучше подходят к данным»²⁵. Если открытое кодирование разделяет материал на отдельные элементы, соответствующие кодам, то в процессе осевого кодирования по сути осуществляется обратный процесс – синтез системы кодов и категорий, создающий целостную картину изучаемого явления (это может быть сам социальный процесс, представления его участников, взгляды действующих лиц и т.д.).

Параллельно продолжается поиск и привлечение новых материалов, но теперь этот процесс может иметь направленный характер. В методологии «обоснованной теории» существует понятие «теоретической выборки» (*theoretical sampling*). Она подразумевает отбор тех материалов, которые с наибольшей степенью вероятности позволят уточнить и раскрыть уже существующие концепты. Это отнюдь не означает, что

²⁴ Corbin, Strauss 2008: 40-41.

²⁵ Corbin 2022: 32.

исследователь оказывается в плену созданной им же самим структуры кодов и категорий. По словам Стросса и Корбин, «исследователь напоминает детектива; он или она следует за концептами, никогда не зная, куда они заведут, но всегда готовый к неожиданным находкам»²⁶. Он выбирает данные, которые могут принести наиболее интересные результаты – это особенно актуально в ситуации, когда объем материала потенциально не ограничен. Теоретическая выборка – циклический процесс, включающий в себя сбор материала и его анализ; он завершается, когда соответствующая категория достигает предела насыщения.

Наконец, в рамках селективного кодирования внимание исследователя сосредотачивается на одной или нескольких значимых категориях. Центральной, считается та категория, с которой теснее всего связаны все остальные. Выяснение сути этой категории и характера ее связей с другими категориями и кодами через «процесс интеграции и уточнения»²⁷ и является целью селективного кодирования. Результатом данного процесса и становится построение «обоснованной теории».

В третьем издании «Основ качественного исследования» Корбин полностью отказалась от использования термина «селективное кодирование». Вместо него она говорит о двух аспектах финальной стадии исследовательского проекта: определение базового социального процесса, стоящего за данными, и выделение центральной категории, с которой тем или иным образом связаны все остальные концепты. На данном этапе исследователь опирается на обобщающие мемосы, касающиеся целых кодов или категорий. Его задача заключается в том, чтобы «сплести вместе все нити исследования и создать структуру, обладающую убедительной объясняющей силой»²⁸. Для социологических исследований базовый процесс и центральная категория, как правило, идентичны или тесно связаны друг с другом (категория объясняет процесс). В других областях знания ситуация может быть иной. Именно построение системы концептов вокруг центральной категории «позволяет поднять выводы с уровня описания на уровень теории»²⁹.

Подчеркнем еще раз: несмотря на то, что начинать необходимо всегда с открытого кодирования, три вышеназванных типа не являются последовательными стадиями. Они могут (и должны) осуществляться параллельно, а сам процесс носить циклический характер. От наполнения категорий исследователь может возвращаться к выбору материала, а выделив на позднем этапе работы определенный код – к более ранним текстам с целью поиска в них следов этого кода. Нелинейный характер процесса, постоянное возвращение к уже пройденным этапам делает «обоснованную теорию», несмотря на кажущуюся простоту, весьма трудоемким методом исследования.

²⁶ Corbin, Strauss 2008: 144.

²⁷ Strauss, Corbin 1998: 143

²⁸ Corbin, Strauss 2008: 264.

²⁹ Corbin 2022: 30.

Завершать привлечение нового материала следует, когда достигнут «предел насыщения» (saturation) – никакую дополнительную информацию получить не удастся, а «все концепты хорошо определены и объяснены»³⁰. Тем не менее, по мнению ряда исследователей, это довольно расплывчатое определение, а «окончание исследовательского процесса остается рискованным решением»³¹. Термин «предел насыщения» часто понимается неверно: речь идет не о простом повторении уже известных данных, а о полном раскрытии всех категорий анализа, которое позволяет исследователю «прогнозировать поведение, убеждения, подходы и действия участников» исследования³².

Итогом исследования становится формирование теории – «системы хорошо проработанных категорий (тем, концептов), которые систематически связаны друг с другом определенными отношениями и образуют теоретический фрейм, объясняющий некий феномен»³³. Корбин выделяет два типа «обоснованных теорий»: касающиеся отдельных феноменов (substantive) и формальные (formal), наиболее абстрактные и охватывающие широкий круг проблем³⁴. При этом формальные теории нельзя приравнивать к «большим теориям», претендующим на универсальную объясняющую силу; оба названных типа принадлежат к числу теорий «среднего уровня»³⁵.

Стросс и Корбин в своей основополагающей работе указывают на то, что в конце исследования не обязательно должно произойти формирование некой теории; вполне достаточно, если удастся получить качественное описание изучаемого социального феномена³⁶. Однако данная точка зрения является весьма спорной – одной из отличительных особенностей «обоснованной теории» многие исследователи называют именно выход на теоретический уровень, за пределы простого описания³⁷.

Как уже говорилось выше, изначально методология «обоснованной теории» развилась и начала применяться в социологических исследованиях. Именно в данной области знания она сегодня занимает весьма сильные позиции. Однако на рубеже XX–XXI вв. «обоснованная теория» вышла за границы одной научной дисциплины и стала широко применяться в самых различных областях. В их числе можно назвать исследования в сфере психологии, медицины, менеджмента и маркетинга, лингвистики, этнографии, информационных систем, образования, туризма, архитектуры.

³⁰ Corbin, Strauss 2008: 145.

³¹ Equit, Hohage 2016: 13.

³² Morse 2022: 296.

³³ Corbin, Strauss 2008: 55.

³⁴ Corbin, Strauss 2008: 56.

³⁵ Urquhart 2019: 93.

³⁶ Corbin, Strauss 2008: 162.

³⁷ Morse 2022: 298.

Для оценки перспектив использования данной методологии в исторических исследованиях большой интерес представляет опыт применения «обоснованной теории» в исследованиях современных международных отношений. В 2010-е гг. в ФРГ сложилась школа во главе с ученым из Университета Аугсбурга У. Роосом, применяющая методологию «обоснованной теории» для изучения убеждений различных акторов в мировой политике. Важной вехой в развитии данной школы стала опубликованная Роосом в 2010 г. монография, посвященная реконструкции представлений и убеждений немецких государственных деятелей, на основании которых они принимают ключевые решения в сфере внешней политики³⁸. В качестве источников были выбраны официальные выступления федерального канцлера и министров за 1990–2007 гг. Роос использовал «классический» вариант «обоснованной теории», опираясь на работы Стросса и Корбин. «Внешнюю политику государства, – писал он во введении к монографии, – следует понимать как процесс решения проблем, характер которого определяется убеждениями, выступающими в роли правил принятия решений (Handlungsregeln)»³⁹. Роос подчеркивал, что исследует в данном случае не личные взгляды, убеждения и мировоззрения отдельных государственных деятелей ФРГ, а правила принятия решений, разделяемые политической элитой в целом, и называл высказывания представителей федерального правительства «текстуальными следами» интересующих убеждений⁴⁰. В процессе анализа он относил каждый элемент высказывания к определенной тематической категории и интерпретировал его, выявляя находящиеся в его основе более общие убеждения и правила. В качестве примера можно привести слова, сказанные федеральным министром обороны Ф. Рюэ в 1993 г.: «На фоне европейской интеграции партнерство с Северной Америкой приобретает новое качество. Во время драматичных перемен наше трансатлантическое партнерство, оправдывавшее себя на протяжении десятилетий, должно обеспечивать политическую преемственность». Роос относит это высказывание к категориям «Взгляды на трансатлантические отношения» и «Убеждения, касающиеся времени, изменений и процессов». В рамках второй категории фраза «приписана» к смысловому коду «Происходят основополагающие изменения, нужно приспосабливаться к новому времени». В подробном примечании («мемосе») автор писал, что для федерального правительства, судя по этому высказыванию, преемственность и постоянство особенно ценны, поскольку обеспечивают стабильность; в то же время новые условия требуют изменений, и изменение становится залогом стабильности. В дальнейшем мемосы сравнивались между собой, и на основе повторяющихся тезисов вырабатывались гипотезы, касающиеся убеждений федерального правительства в целом⁴¹.

³⁸ Roos 2010.

³⁹ Roos 2010: 19.

⁴⁰ Roos 2010: 81.

⁴¹ Roos 2010: 103-105.

В результате исследования Роос сформулировал несколько десятков утверждений, описывающих взгляды федерального правительства на международные отношения и внешнюю политику ФРГ, например: «Немецкие интересы важнее общеевропейских» или «ЕС должен стать ведущей мировой державой в рамках новой многополярной системы»⁴².

Как и следовало ожидать, книга была принята неоднозначно; критики особо указывали на то, что Роос ошибочно представляет убеждения как нечто единое, общее для всей политической элиты, игнорируя возможные разногласия. Сам исследователь обосновывал такой подход тем, что любое высказывание существует только в рамках диалога, то есть интерсубъективно, и потому отражает позицию не только его непосредственного автора, но и сообщества, к которому последний принадлежит⁴³. Однако в более поздней работе он вынужден был модифицировать свою точку зрения, заявив: «Достаточно часто речь идет о реконструкции убеждений, которые одержали верх в рамках многоголосого дискурса в данный конкретный момент в уникальной ситуации»⁴⁴.

В 2017 г. под редакцией У. Рооса вышел сборник статей, авторы которых изучили отдельные направления внешней политики ФРГ – от политики безопасности до помощи развивающимся странам⁴⁵. В отличие от монографии 2010 г., в данном сборнике и сам Роос, и его соавторы активно используют термин «дискурс». Таким образом, можно говорить о складывании в Университете Аугсбурга научной школы, использующей «обоснованную теорию» в сфере исследования международных отношений. О росте популярности данной исследовательской методологии говорит и публикация в 2013 г. монографии германской исследовательницы Г. Панетты, предметом которой является реконструкция идентичности в рамках политики безопасности ЕС⁴⁶. В середине 2010-х гг. появились и публикации англоязычных исследователей, использовавших «обоснованную теорию» для изучения процессов международной политики. К примеру, К. Ричардс и Ф. Фаррохния опубликовали статью, в которой предложили свой вариант адаптации «обоснованной теории» для прикладных политических исследований⁴⁷.

Непосредственно в сфере исторических исследований «обоснованная теория» еще не нашла широкого применения. Схожие методологические принципы можно обнаружить в рамках некоторых историко-теоретических подходов, в частности, «перекрестной истории» М. Вернера и Б. Циммерман, где также придается большое значение рефлексии исследователя, индуктивным процедурам, движению от данных к объяснению, постоянной адаптации аналитических категорий и ревизии гипо-

⁴² Roos 2010: 336-341.

⁴³ Franke, Roos 2017: 620-621.

⁴⁴ Roos 2017: 6.

⁴⁵ Roos 2017.

⁴⁶ Panetta 2013.

⁴⁷ Richards, Farrokhnia 2016.

тез⁴⁸. В целом в современной исторической науке все больше внимания уделяется изучению дискурсов, осмыслению явлений и процессов прошлого с позиции их непосредственных участников, отказу от телеологических трактовок. По словам Л.П. Репиной, история стремится «стать принципиально мультиперспективистской и контекстуально-ориентированной, оставлять место для возможных альтернатив и иметь даже не собственно интегративный, а подлинно коммуникативный характер»⁴⁹. Методология «обоснованной теории» представляется в рамках этих тенденций весьма актуальным исследовательским инструментом.

Как уже говорилось выше, в фокусе разработчиков рассматриваемой методологии изначально находилось исследование социальных процессов. Очевидно, что и в сфере изучения прошлого «обоснованная теория» может быть применена аналогичным образом. Однако представляется не только возможным, но и желательным ее использование не только в социальной, но и в интеллектуальной истории. Присущий «обоснованной теории» характер «ящика с инструментами» позволяет использовать ключевые элементы методологии там, где характер исследовательского вопроса и объекта исследования не позволяет применять ее в оригинальной форме – например, при изучении мировоззрения, взглядов и убеждений конкретных исторических деятелей.

В качестве примера такого исследования можно привести реконструкцию представлений германского канцлера О. фон Бисмарка о России на основе методологии «обоснованной теории» и качественного контент-анализа⁵⁰. В рамках данного исследования на первом этапе была создана база данных, включающая в себя все известные оценочные суждения «железного канцлера» о России и русских (более 800 высказываний). Затем в процессе кодирования эти суждения были разделены на тематические категории, выделены основные идеи – концепты – лежащие в основе высказываний. Итогом работы стала реконструкция системы взглядов Бисмарка на Россию, позволившая выделить центральную категорию, лежавшую в основе всего комплекса его представлений – концепцию русского национального характера, существовавшую у «железного канцлера». Проведенное исследование позволило не только осуществить систематическую реконструкцию взглядов, проследить их хронологическое развитие и проанализировать их влияние на принимавшиеся политические решения, но и опровергнуть некоторые широко распространенные в историографии мифы (к примеру, о том, что представления Бисмарка о России сформировались в первую очередь на основе его личного опыта, полученного в ходе пребывания на посту прусского посланника в Петербурге в 1859–62 гг.).

⁴⁸ Werner, Zimmerman 2006.

⁴⁹ Репина 2022: 116.

⁵⁰ Власов 2021.

Таким образом, представляется, что методология «обоснованной теории» может успешно применяться в области интеллектуальной истории. В том числе она подходит для анализа тех взглядов и представлений, которые не являются прямо выраженными в текстах и порой не в полной степени осознаются в своей совокупности самим объектом исследования. Речь при этом может идти как об индивидуальных, так и о коллективных представлениях. Безусловно сильными сторонами методологии «обоснованной теории» является наличие тщательно разработанных процедур исследовательского процесса и принцип абдукции, позволяющие сохранить интеллектуальную открытость и значительно снизить влияние сложившихся трактовок и субъективных установок исследователя. Рассматриваемая методология позволяет также – естественно, до определенного предела – модифицировать ее и использовать в сочетании с родственными методами, такими, как контент-анализ или дискурс-анализ. В то же время «обоснованная теория» справедливо считается достаточно сложным и трудоемким инструментом, что, однако, вполне компенсируется открывающимися при ее применении возможностями.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Власов Н.А. Россия глазами Бисмарка. СПб.: Евразия, 2021. 286 с. [Vlasov N.A. Rossija glazami Bismarka (Russia through Bismarck's eyes). Saint-Petersburg: Evrazija, 2021. 286 p.]
- Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 2003. 486 с. [Koval'chenko I.D. Metody istoricheskogo issledovanija (Methods of historical research). Moscow: Nauka, 2003. 486 p.]
- Мазур Л.Н. Методы исторического исследования. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2010. 606 с. [Mazur L.N. Metody istoricheskogo issledovanija (Methods of historical research). Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2010. 606 p.]
- Медушевская А.О. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 360 с. [Medushevskaja A.O. Teorija i metodologija kognitivnoj istorii (Theory and methodology of cognitive history). Moscow: RGGU, 2008. 360 p.]
- Потапова Н.Д. Лингвистический поворот в историографии. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2015. 379 с. [Potopova N.D. Lingvisticheskij povorot v istoriografii (Linguistic turn in historiography). Saint-Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2015. 379 p.]
- Репина Л.П. Междисциплинарные подходы к изучению прошлого. М.: Аспект Пресс, 2003. 159 с. [Repina L.P. Mezhdisciplinarnye podhody k izucheniju proshlogo (Interdisciplinary approaches to the study of the past). Moscow: Aspekt Press, 2003. 159 p.]
- Репина Л.П. Практики историописания в пространстве межкультурного взаимодействия // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 2(32). С. 114-129. [Repina L.P. Praktiki istoriopisanija v prostranstve mezhkul'turnogo vzaimodejstvija (Practices of writing history in the realm of intercultural interaction) // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2022. № 2(32). P. 114-129].
- Савельева И.М., Поletaев А.В. Теория исторического знания. СПб.: Алетеия, 2008. 522 с. [Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Teorija istoricheskogo znanija (Theory of historical knowledge). Saint-Petersburg: Aleteija, 2008. 522 p.]
- Светлов В.А. Методологическая концепция научного знания Ч. Пирса: единство абдукции, дедукции и индукции // Логико-философские штудии. 2008. № 5. С. 165-187. [Svetlov V.A. Metodologicheskaja koncepcija nauchnogo znanija Ch. Pirs: edinstvo abdukcii, dedukcii i indukcii (C. Peirce's methodological concept of scientific knowledge: the unity of abduction, deduction and induction) // Logiko-filosofskie shtudii. 2008. № 5. P. 165-187].
- Bryant A. The Varieties of Grounded Theory. London: SAGE Publications, 2019. 145 p.
- Charmaz K. Constructing Grounded Theory. A Practical Guide Through Qualitative Analysis. London: SAGE Publications, 2006. 208 p.

- Corbin J. Strauss's Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. London – New York: Routledge, 2022. P. 25-44.
- Corbin J., Strauss A. Basics of Qualitative Research. Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Third Edition. London: SAGE Publications, 2008. 400 p.
- Equit C., Hohage C. Ausgewählte Entwicklungen und Konfliktlinien der Grounded Theory Methodologie / Handbuch Grounded Theory. Von der Methodologie zur Forschungspraxis. Weinheim: Beltz Juventa, 2016. S. 9-46.
- Franke U., Roos U. Rekonstruktive Ansätze in den Internationalen Beziehungen und der Welt-politikforschung: Objektive Hermeneutik und Grounded Theory / Handbuch Internationale Beziehungen. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2017. S. 619-640.
- Glaser B., Strauss A. Awareness of Dying. Chicago: Aldine Transactions, 1965. 305 p.
- Glaser B., Strauss A. The Discovery of Grounded Theory. Strategies for qualitative research. New Brunswick: Aldine Transactions, 1967. 271 p.
- Morse J.M. et al. The Challenges to and Future(s) of Grounded Theory / Developing Grounded Theory. The Second Generation Revisited. L.; New York: Routledge, 2022. P. 289-320.
- Panetta G. EU-Sicherheitspolitik als Stabilisierungsarbeit. Eine Grounded-Theory-Studie. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2013. 231 p.
- Reichertz J., Wilz S. Welche Erkennungstheorie liegt der GT zugrunde? / Handbuch Grounded Theory. Von der Methodologie zur Forschungspraxis. Weinheim: Beltz Juventa, 2016. S. 48-66.
- Richards C., Farrokhnia F. Optimizing Grounded Theory for Policy Research: A Knowledge-Building Approach to Analyzing WTO E-Commerce Policies // International Journal of Qualitative Methods. 2016. Vol. 1. P. 1–14.
- Roos U. Deutsche Außenpolitik. Eine Rekonstruktion der grundlegenden Handlungsregeln. Wiesbaden: VS Verlag, 2010. 370 p.
- Roos U. Einleitung: Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln deutscher Außenpolitik. / Deutsche Außenpolitik. Arenen, Diskurse und grundlegende Handlungsregeln. Hrsg. von U. Roos. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2017. S. 1-12.
- Spencer A.R. American Pragmatism. An Introduction. Cambridge: Wiley, 2020. 207 p.
- Strauss A., Corbin J. Basics of Qualitative Research. Techniques and Procedures for Developing Grounded Theory. Second Edition. London: SAGE Publications, 1998. 312 p.
- Urquhart C. Grounded Theory's Best Kept Secret: The Ability to Build Theory / The SAGE Handbook of current developments in Grounded Theory. L.: SAGE Publ., 2019. P. 89-106.
- Walton D. Abductive Reasoning. Tuscaloosa: University Alabama Press, 2005. 320 p.
- Werner M., Zimmermann B. Beyond Comparison: Histoire Croisée and the Challenge of Reflexivity. // History and Theory. 2006. Vol. 45. № 1. P. 30–50.

Власов Николай Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра теории и истории международных отношений, доцент, n.vlasov@spbu.ru

The Grounded Theory Methodology as a Research Tool in Intellectual History

The recent historical research could greatly benefit from the use of methodological tools borrowed from other social sciences. One of those tools is the Grounded Theory methodology, widely used in sociological research. The article provides an overview of the development of this methodology, as well as description of the research process in accordance with the principles of the "classical school" of Grounded Theory. The experience of applying this methodology in the study of international relations is taken into close consideration as especially illustrative. Grounded Theory was used there to reconstruct the ideas and views of collective actors. The conclusion is that the methodology of Grounded Theory could be successfully used in historical science, particularly in the study of social processes. In addition, some tools from the "toolbox" of this methodology may be used in the framework of alternative approaches to cover a significantly broader range of research questions.

Keywords: *methodology of historical research, intellectual history, Grounded Theory, interdisciplinary research, textual analysis, abduction.*

Vlasov Nikolay Anatolievich, Candidate of science in history, Associate professor, Saint-Petersburg State University, Chair of Theory and History of International Relations, Associate professor, n.vlasov@spbu.ru

ПОСТСТРУКТУРАЛИСТСКИЙ ТЕКСТОВОЙ АНАЛИЗ ИСТОРИЧЕСКОГО НАРРАТИВА

В статье проанализированы теоретические аспекты применения постструктуралистского текстового анализа, предложенного Р. Бартом, в изучении историографии. Показано, что прямое заимствование постструктуралистских практик непродуктивно, поскольку они предполагают релятивизм в истолковании текста. Рассмотрена возможность ограничения подхода Барта структуралистским понятием кода, который следует искать в рамках культурной ситуации, хронологически соответствующей времени создания историографического источника. С учетом понятия кода применение постструктуралистского анализа позволяет получить информацию, представляющую интерес с точки зрения исторической науки.

Ключевые слова: историография, постструктурализм, текстовый анализ, деконструкция, интертекст, семиотика.

Постструктурализм вызывает недоверие и скептическое отношение у части сообщества историков. Этот скепсис понятен, поскольку теоретические положения и исследовательские практики постструктурализма – относительность исторической истины, релятивизм в истолковании текста, идея «смерти автора», деконструкция текста и т. д. – не вписываются в классическую позитивистскую концепцию.

В настоящем исследовании мы покажем, что постструктуралистский текстовый анализ не является интеллектуальной игрой. Применение в историографических исследованиях практик работы с текстом, предложенных классиками постструктурализма, позволяет вскрыть пласты информации, представляющие исследовательский интерес¹.

Из комплекса постструктуралистских методов работы с текстом неслучайно выбран анализ, предложенный Р. Бартом². Именно он, будучи не только теоретиком постструктурализма, но и признанным литературоведом, применил на практике в ходе анализа художественных текстов сложные, не всегда четко сформулированные и зачастую абстрактные постструктуралистские идеи. В работах «S/Z» и «Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По» Барт осуществил деконструкцию произведений О. Бальзака и Э. По, назвав свой подход текстовым анализом³.

¹ Несмотря на то, что в последние годы все чаще звучит тезис о преодолении постструктуралистской парадигмы (см., например, Румянцев 2023), мы считаем, что ее основные положения и исследовательские приемы останутся в качестве теоретико-методологического аппарата гуманитарных наук в целом и истории в частности.

² Идеи Барта рассматриваются в литературе, посвященной теоретическим проблемам истории, однако внимание авторов этих работ привлекает не бартовская теория и практика работы с текстом, а его взгляды на сущность истории, в частности, идея, согласно которой историописание является разновидностью художественной литературы. См., напр.: Breisach 2003: 73-74; Clark 2004: 95-98.

³ В литературе по постмодерну отмечается, что подход Барта в «S/Z» сочетает структуралистские и постструктуралистские черты. «Следы структурализма, разумеется,

Наша задача не ограничивается переносом постструктуралистских практик литературоведческого анализа в историографию. Постструктурализм постулирует принцип относительности в истолковании произведения, что неприемлемо в смысле получения знания, представляющего ценность для исторической науки. Нужна такая трансформация ряда положений постструктуралистского анализа, которая позволила бы получить информацию, представляющую интерес для историка. Поэтому наше внимание будет сосредоточено в том числе на этой проблеме.

Текстовый анализ Р. Барта. Основной оппозицией бартовского анализа является противопоставление денотативного и коннотативного смыслового уровней в тексте⁴. Денотативный уровень представлен первичной знаковой системой – естественным языком. Денотативные значения зафиксированы в словарях. Для понимания текста на этом уровне достаточно знать язык, на котором он написан. Коннотативный пласт образован вторичной знаковой системой – языком культуры. Коннотативные смыслы в отличие от денотативных не отражены в словарях, они закреплены в идеологии и, шире, в культуре⁵. Эти смыслы «прямо не называются, а лишь подразумеваются»⁶, поэтому для их «прочтения» необходимо разбираться в языке той культуры, в рамках которой был создан исследуемый текст, что предполагает анализ межтекстовых отношений. Анализ коннотативного уровня текста представляет интерес не только с литературоведческой, но и с историографической точки зрения, поскольку позволяет говорить о культурно обусловленных смыслах и о механизме их актуализации в историческом произведении.

Денотативный и коннотативный уровни текста соотносятся следующим образом: естественный язык как первичная знаковая система образует план выражения вторичной коннотативной знаковой системы⁷. Другими словами, коннотативная знаковая система надстроена над естественным языком и использует его знаки в качестве инструмента для выражения своих культурно-обусловленных смыслов⁸.

Эти два смысловых уровня связаны с постструктуралистским разграничением произведения и Текста⁹. Произведение, понимаемое в

⁴ Косиков 2001: 11.

⁵ Барт 2001: 35. По Р. Барту, область коннотативных означаемых и есть область идеологии (Барт 1989b: 316). Идеологию мы рассматриваем как часть культуры.

⁶ Косиков 1989: 18.

⁷ Согласно Л. Ельмслеву, коннотация есть знаковая система, план выражения которой образует другая знаковая система (Зенкин 2003: 16).

⁸ Коннотативное значение – это вторичное значение, означающее которого само представляет собой какакой-либо знак (Барт 2001: 34).

⁹ В литературе встречается также оппозиция текст/интертекст, фено-текст/гено-текст. Согласно Г. Косикову, произведение можно определить, как то, что «сказал» автор, а Текст как то, что «сказалось» в произведении независимо от авторской воли (Косиков 2000: 38). Слово «Текст», понимаемое в постструктуралистском смысле, пишется с большой буквы.

традиционном смысле как словесное сочинение, взятое само по себе, репрезентирует денотативный пласт информации. Для того, чтобы выявить культурно обусловленные смыслы произведения, нужно погрузить его в пространство Текста. Можно сказать, что понятие «Текст» в бартовском смысле если не соответствует, то, по крайней мере, близко по смыслу к понятию «интертекст»¹⁰, поскольку в Тексте произведение «подключается» к другим произведениям, приобретая интертекстовую глубину и обогащаясь коннотациями. Текст, в отличие от произведения, лишен эмпирической реальности, это не материальный объект, у него нет и не может быть автора. Это пространство, где идет процесс образования значений¹¹. Барт показал, что количество смыслов Текста не поддается какому-либо учету, поскольку в нем осуществляется сама множественность смысла как таковая. Если произведение требует критической интерпретации, то Текст требует чтения в бартовском смысле этого слова как погружение в пространство тех кодов, в рамках которого существует произведение¹².

Процедуру вывода произведения в пространство Текста можно назвать деконструкцией¹³. В современной гуманитаристике нет общепринятого понимания этого термина. Жак Деррида, предложивший данную теорию и практику работы с текстом, избегал точного определения деконструкции¹⁴, но он сформулировал принципы, которые легли в ее основу: децентрация структуры, отказ от бинарных оппозиций, идея различия¹⁵. В литературоведении деконструкция определяется как постструктуралистская литературно-критическая методология и практика анализа художественного текста, которая предполагает обнаружение в тексте «скрытых и незамечаемых не только неискушенным, “наив-

¹⁰ Бартовский Текст, согласно Г. Косикову, это один из изводов интертекста (Косиков 2001: 18). Под интертекстом понимается совокупность текстов, отразившихся в произведении, независимо от того, соотносится ли он с произведением *in absentia* (например, в случае аллюзии) или включается в него *in praesentia* (как в случае цитаты) (Пьеге Гро 2008: 48). Нужно отметить, что актуализация межтекстовых связей не обязательно должна быть осознанной: «интертекстуальность не рассматривается ни как подражание, ни как филиация: дело идет не столько о заимствовании (цитации всегда раскавычены), сколько, как правило, о бессознательных и трудно опознаваемых следах. При подобном определении интертекстуальности, она не требует ни подражания тем или иным произведениям прошлого, ни межтекстовых отсылок, но предполагает принципиальную подвижность самого письма, транспонирующего предшествующие или нынешние высказывания» (Пьеге Гро 2008: 53).

¹¹ Барт 1989с: 424.

¹² Косиков 1989: 40. Подробнее о разграничении произведения и Текста см. в: Барт 1989а: 413-423.

¹³ Патрик Серио называет подход Барта деконструкцией, противопоставляя его лотмановской реконструкции (Серио 2022: 179). Термин «деконструкция» был предложен М. Хайдеггером, введен в оборот в 1964 г. Ж. Лаканом и теоретически обоснован Ж. Деррида (Ильин 1996: 177).

¹⁴ «Всякое предположение типа “деконструкция есть X” или “деконструкция не есть X” априори не обладает правильностью» (Деррида 1992: 56.).

¹⁵ См.: Деррида 2000; Деррида 2007: 447-468.

ным” читателем, но ускользающих от самого автора (“спящих” по выражению Жака Деррида) “остаточных смыслов”, доставшихся в наследие от речевых, иначе – дискурсивных практик прошлого, закрепленных в языке в форме неосознаваемых мыслительных стереотипов»¹⁶. Наш анализ, основанный на идеях Ролана Барта, ближе к этому, литературоведческому, пониманию деконструкции. Мы намеренно не развиваем здесь концепцию деконструкции в терминах, предложенных Деррида, поскольку это требует отдельного исследования¹⁷.

Практика деконструкции в историографическом исследовании. Прямое заимствование деконструктивистских практик в том виде, в каком они применяются в литературоведении, непродуктивно. Литературоведческий и исторический анализ текста преследуют разные цели. Предметом бартовского анализа был Текст, его связь с произведением и идея множественного смысла. Интерпретировать произведение для него – значит понять его как воплощенную множественность, рассыпав его в пространстве Текста¹⁸. Историк же эти феномены, взятые сами по себе, не интересны, поскольку, имея несомненное литературоведческое содержание, они не заключают в себе информации о прошлом. Думается, внимание должно быть обращено не на сам Текст, а на коннотативные смыслы, которые возникают в произведении благодаря ему, и, кроме того, из всего потенциально бесконечного множества культурных смыслов нужно выявить только те, которые актуализировались в пределах интертекстового пространства в конкретный исторический период.

Проиллюстрируем эти идеи на примере анализа повествования советского историка М. В. Нечкиной о патриотизме членов тайных обществ в монографии «Движение декабристов» (1955)¹⁹. Эта работа является одним из самых масштабных исследований по истории декабристского движения²⁰. Мы рассмотрим ряд фрагментов монографии советского историка, понимаемой как произведение, в рамках пространства Текста. Тема декабристского патриотизма не является самостоятельной в этом исследовании, для нее не выделено отдельной структурной части монографии (параграфа или главы). Эта тема актуализируется периоди-

¹⁶ Ильин 1996: 3-4, 177.

¹⁷ В исторической литературе проблема деконструкции была поднята А. Манслоу, однако он говорит не о деконструкции конкретного текста, а о практике историописания в целом. Манслоу использует термин *deconstructive consciousness* (деконструктивистское сознание). Этот термин означает уверенность в том, что историописание является процессом конструирования определенной формы повествования, которая служит текстовой моделью прошлого. Корректнее понимать реальность прошлого как то, что заключено в тексте, а не как то, что когда-то было на самом деле. Манслоу отмечает, что такое понимание деконструкции не надо путать с пониманием, предложенным Жаком Деррида (Munslow 2006: 3).

¹⁸ Барт 2001: 33. «Наша задача, – писал Барт, – попытаться уловить и классифицировать отнюдь не все смыслы текста <...>, а, скорее, те формы и те коды, через которые идет возникновение смыслов текста» (Барт 1989с: 425).

¹⁹ Нечкина 1955.

²⁰ Цамутали, Белоусов 2015: 12.

чески в контексте проблем, интересовавших историка (причины формирования движения и его идеология, деятельность декабристских организаций, восстание 14 декабря и т.п.). Наша задача заключается в том, чтобы собрать рассыпанные по тексту монографии фрагменты о патриотизме декабристов и прочесть их как единый нарратив, но не на уровне естественного языка, а на уровне языка культуры середины 1950-х гг.²¹

Поскольку язык культуры с семиотической точки зрения является вторичной знаковой системой, мы должны выявить знаки этой системы в тексте монографии и определить их коннотации. Знаки вторичной семиотической системы обладают рядом особенностей. Они никогда не сформулированы прямо. Способность видеть эти знаки и понимать их смысл зависит от культурного багажа читателя²². Актуализация коннотаций зависит от культурного контекста. Коннотативный знак живет в произведении пока жива культура, его породившая. План выражения коннотативных знаков не соответствует плану выражения знаков денотативной системы. Означающим коннотативного знака может являться и текст объемом в несколько страниц, и часть слова²³. Коннотативные знаки хаотично рассыпаны по всему тексту²⁴.

Теории для выявления означающих вторичной знаковой системы нет. Делается это эмпирически. Критерием является повторяемость сюжетов в произведении. В интересующей нас монографии в рамках повествования о декабристском патриотизме повторяются фрагменты, свидетельствующие, во-первых, *о признании декабристами величия русского народа и России*. «Любовь к родине, вера в Россию, в ее силу, мощь, достоинство, любовь активная, горячая, влекущая к действиям, является характерной чертой передовой молодежи того времени», — отмечала М.В. Нечкина²⁵. В монографии говорится, что декабрист В. Кюхельбекер прочел в марте 1821 г. в Париже лекцию, посвященную рус-

²¹ Поскольку анализ монографии М. В. Нечкиной служит иллюстративным целям, мы не ставим своей задачей собрать все фрагменты о патриотизме и ограничиваемся лишь некоторыми примерами.

²² Подробнее об этом см. в: Лотман 2002; Эко 2005.

²³ Весьма показателен пример с рекламой фирмы «Пандзани», который проанализирован Бартом в статье «Риторика образа». Денотативное содержание слова «Пандзани» представлено фирмой, рекламирующей товар. К коннотативному плану «благодаря звуковой форме этого знака <...> относится идея итальянскости» (Барт 1989b: 298). Подробнее разбирает этот пример Г. Косиков: «в коннотативном же знаке означающим оказывается не все слово “Пандзани”, а лишь его фонематические составляющие “дз” и конечное “и”, вызывающие к жизни собственно коннотативное означаемое, которое можно обозначить как “итальянскость”» (Косиков 2001: 12) Возможна и такая ситуация, при которой план выражения знака вторичной системы представлен на уровне первичной системы текстом в несколько предложений: «описание внешности персонажа, занимающее несколько фраз, может иметь всего одно коннотативное означаемое — «нервозность» этого персонажа, хотя само слово «нервозность» и не фигурирует в плане денотации» (Барт 1989c: 427).

²⁴ Подробнее о коннотативных знаках см. в: Косиков 1989: 16-17.

²⁵ Нечкина 1955: 100-101.

скому языку и литературе. По словам историка, «лекция была проникнута высоким национальным сознанием и верой в силы угнетенного царизмом русского народа»²⁶. Михаил Орлов, выступая против исторической концепции Н.М. Карамзина, «законно требовал ясного рационального объяснения непреложного факта – “древнего величия” России, которое не мог объяснить Карамзин с его ложной апологетической схемой о добровольном призвании Русью на царство Рюрика»²⁷.

Во-вторых, в монографии повторяются фрагменты, в которых говорится о *развитом чувстве национального достоинства декабристов*. М.В. Нечкина отмечала, что чувство национального достоинства заставляло членов тайных обществ бороться против всех, кто неуважительно относится к русской культуре и к русскому народу: «В ноябре 1815 г. Александр I подписал конституционную хартию Польши, а Россия оставалась страной самодержавного произвола, лишенной конституции», что оскорбило «патриотов-новаторов, задело достоинство передовых русских людей, полагавших Россию достойной конституционного устройства»²⁸. В монографии говорится, что в 1819 г. декабрист М. Орлов выступил против исторической концепции Д.П. Бутурлина. Согласно М.В. Нечкиной, негодование декабриста вызвало неуважительное отношение Бутурлина к русскому языку: «Книга Бутурлина была написана русским автором по-французски (якобы для того, чтобы сделать чтение “удобным” большему числу читателей!) и переведена на русский язык генерал-майором квартирмейстерской части А. Хатовым. Уже это возмущившее истинных патриотов обстоятельство говорило об отсутствии у автора чувства национального достоинства»²⁹.

В-третьих, в тексте монографии повторяются фрагменты, в которых утверждается, что *декабристский патриотизм носил ярко выраженный революционный характер*. Истинный патриотизм, согласно советскому историку, предполагает борьбу за освобождение своей Родины не только от внешнего врага (Наполеона), но еще и от врага внутреннего (абсолютизма). Еще в 1812 г. будущие декабристы «поняли, что народ участвует в защите родины сознательно, не как слепое орудие чьей-то воли, а как участник “великого дела”. И такой народ – крепостной?»³⁰, именно это «сознание горестного положения народа <...> заставило молодых патриотов думать о спасении отечества»³¹. Патриотизм декабристов, по словам историка, «вырос и окреп в боях за родину и в непрерывной работе рано пробудившегося сознания. Нужно было спасать родину, – по мнению молодых патриотов, она стояла на краю гибели»³².

²⁶ Нечкина 1955: 263.

²⁷ Нечкина 1955: 254.

²⁸ Нечкина 1955: 149.

²⁹ Нечкина 1955: 255.

³⁰ Нечкина 1955: 110.

³¹ Нечкина 1955: 171.

³² Нечкина 1955: 147.

Общей чертой настроения всех членов Союза Спасения «были “пламенный патриотизм” и “нетерпеливое желание” поскорее изменить угнетенное положение любимой родины»³³.

На уровне первичной знаковой системы смысл повествования ясен. Хотя выявленные нами фрагменты разбросаны по разным частям текста, они, тем не менее, выстраиваются в связный и понятный рассказ о патриотизме декабристов – члены тайных обществ отличались развитым чувством национального достоинства, признавали величие русского народа и России, они понимали, что великий русский народ, освободивший страну в 1812 г., находится в рабском положении. Стремление освободить народ от гнета самодержавия обусловило революционный характер декабристского патриотизма.

В рамках советского интеллектуального контекста середины XX в. повествование о декабристском патриотизме имело свои коннотативные смыслы. Актуализация коннотативных смыслов происходит благодаря памяти контекста, интертекстовым связям произведения через «чтение» аллюзий и реминисценций к прецедентным текстам данной эпохи. Проблема заключается в том, что пространство Текста никак не ограничено, поскольку количество взаимодействующих между собой произведений открыто. Множество произведений, входящих в это пространство, зависит от читателя, точнее от его культурного багажа. Ситуация усложняется и тем, что связи между произведениями не выстраиваются в какую-либо систему. Они хаотически переплетаются и постоянно трансформируются. Другими словами, пути смыслообразования в рамках Текста образуют ризому. В ризоме, как отмечали Ж. Делез и Ф. Гваттари, нет магистральной линии смыслообразования, нет никакого единства, кроме единства хаоса³⁴. Любая точка ризомы всегда может быть присоединена к любой другой ее точке³⁵. По ризоме можно двигаться бесконечно, каждый раз выстраивая уникальный маршрут, и каждый раз получать уникальный смысл. Именно поэтому все смыслы произведения, возникающие при погружении его в пространство Текста, уловить и классифицировать невозможно. Их количество, как и количество взаимодействующих произведений потенциально бесконечно. В этом смысле никаких четких границ и конкретного содержания у Текста нет³⁶.

Возможности ограничения постструктуралистского релятивизма.

Нужно наложить такие ограничения на пространство Текста, которые позволили бы избежать релятивизма в интерпретации и получить знание, представляющее интерес с точки зрения исторической науки³⁷. По-

³³ Нечкина 1955: 147.

³⁴ Делез, Гваттари 2010: 14.

³⁵ Делез, Гваттари 2010: 12.

³⁶ Текст представляет собой пространство без центра, без конца и начала (Косиков 1989: 40). Текст по словам Барта «открыт в бесконечность» (Барт 1989с: 425).

³⁷ Это важно, поскольку сейчас «особую актуальность получает сложный процесс “состыковки” теоретических оснований, методов, исследовательских технологий и понятийно-терминологических систем взаимодействующих дисциплин, но также –

нятие *код* является инструментом, используя которое, можно решить эту задачу. Под кодом понимается сверхтекстовая организация значений³⁸. В литературе понятие кода подверглось критике за его излишнюю аналитичность. И. Ильин отмечал, что код, представляя собой глубоко структуралистскую концепцию свода правил и ограничений, со временем выбыл из употребления в постструктуралистских исследованиях³⁹. В рамках анализа исторического нарратива, думается, от понятия кода отказываться не надо, поскольку код выполняет важную структурирующую функцию, ограничивая пространство Текста.

Р. Барт использовал универсальные коды (культурный, герменевтический, символический, семический, проайретический). Такой подход оправдан при работе с художественными произведениями и соответствует целям литературоведческого анализа, поскольку, например, проайретический и герменевтический коды позволяют охарактеризовать строение и развертывание сюжета⁴⁰. Задачи историографического анализа текста заключается в другом. На наш взгляд, коды нужно искать в той культуре, в пределах которой создано исследуемое произведение.

В культурной ситуации позднего сталинизма мы находим идеологический феномен, к которому тяготеют выявленные нами в тексте советского историка фрагменты текста. Речь идет о кампании по борьбе с космополитизмом. Ниже мы покажем, что идеология этой кампании является кодом, т.е. интеллектуальным пространством, в рамках которого выявленные нами фрагменты текста приобретают коннотативные смыслы. Этот код позволяет нам ограничить не поддающееся подсчету число текстов, которые могли теоретически взаимодействовать с монографией советского историка, кругом литературы, обслуживавшей кампанию по борьбе с космополитизмом. Главным критерием при этом выступает не столько количество произведений, сколько их информативность. На определенном этапе работы с этими текстами коннотативная семантика становится ясна и анализ новых текстов лишь подтверждает ее, не внося уже никаких принципиальных дополнений. Поэтому количество текстов в данном случае определяется эмпирически.

Мы использовали работы, которые имели прецедентный характер в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, т.е. формировали понятие *советский патриотизм* и раскрывали его семантику. По времени

не в меньшей степени – их адаптации к процедурам исторической критики и интерпретации источников» (Репина, Шабунина 2022: 34).

³⁸ Барт 1989с: 455. «Код, как мы его понимаем, – писал Барт, – принадлежит главным образом к сфере культуры: коды – это определенные типы *уже виденного, уже читанного, уже деланного*; код есть конкретная форма этого „уже“, конституирующего всякое письмо» (Барт 1989с: 455-456), происхождение кодов «затеряно в непроницаемой перспективе *уже-написанного*» (Барт 2001: 46).

³⁹ Ильин 1996: 164. «Структуралистам так и не удалось вывить в литературных текстах стабильных синтагматических последовательностей, соответствующих изначальным предсказаниям», а теория семиотического кода, согласно Д.М. Соболеву, также оказалась неспособной разрешить накопившиеся противоречия (Соболев 2008: 6).

⁴⁰ Косиков 2001: 19.

публикации они соответствовали тому периоду, когда М.В. Нечкина работала над своей монографией. Кроме того, эти работы были опубликованы в официальных, авторитетных, широко известных изданиях (например, газета «Правда», журнал «Большевик»). Количество привлеченных текстов, разумеется, не является исчерпывающим, поскольку в настоящей работе эти тексты служат лишь иллюстративным целям.

В этих работах сформулирована основная оппозиция кампании по борьбе с космополитизмом: советскому патриотизму, который понимался как единственный истинный тип любви к отечеству, был противопоставлен ложный несоветский патриотизм. В лекции «О советском патриотизме», организованной Всесоюзным обществом по распространению политических и научных знаний, прочитанной в лектории общества в Москве кандидатом философских наук, членом редколлегии журнала «Коммунист» А.И. Соболевым (опубликована отдельной брошюрой в издательстве «Правда» в 1948 г.), говорилось: «Советский патриотизм – качественно новый патриотизм. Он принципиально отличается от любого другого, несоветского патриотизма»⁴¹. При этом советский патриотизм, в отличие от несоветского, был охарактеризован весьма положительно. Он, согласно газете «Правда», обладает «животворной силой», которая ставит рядового советского человека на «десять голов выше любого представителя буржуазного мира»⁴². Оппозиция советский / несоветский патриотизм имела еще социальное измерение, поскольку подлинный патриотизм есть только у «трудящихся классов»⁴³. Напротив, «господствующим классам» советские идеологи отказывали в патриотическом чувстве: «буржуазия как класс не может быть ни носителем, ни искренней защитницей национальных интересов»⁴⁴, «лозунги патриотизма она использует в своих узкоклассовых, эгоистических интересах»⁴⁵. Не было патриотических чувств и у дворянства в дореволюционной России, поскольку оно, наоборот, «пресмыкалось перед своими западноевропейскими компаньонами»⁴⁶.

Идеологи кампании по борьбе с космополитизмом утверждали тезис о величии русского народа, выдающиеся черты которого «с особой силой проявились не только в деле создания могущественного национального государства, но и в создании неоценимых духовных ценностей»⁴⁷. Этот тезис постоянно повторяется: «Нет ни одной области созидательной человеческой деятельности, где бы русский человек не оставил глубоких и неизгладимых следов»⁴⁸, «великие русские люди своим трудом, своими творениями, открытиями, изобретениями доказали все-

⁴¹ Соболев 1948: 3.

⁴² Об одной антипатриотической группе 1949: 3.

⁴³ Соболев 1948: 8.

⁴⁴ Соболев 1948: 6.

⁴⁵ Соболев 1948: 10.

⁴⁶ Соболев 1948: 4.

⁴⁷ Русский народ 1945: 6.

⁴⁸ Там же.

му миру, что русская нация – выдающаяся нация», подлинным советским патриотом является только тот, кто видит, что «русская нация – выдающаяся нация», которая доказала это «своим трудом, своими творениями, открытиями, изобретениями»⁴⁹. Напротив, «безродные космополиты» отрицают тезис о величии русского народа и, более того, распространяют «лживые утверждения» о его «вековечной отсталости»⁵⁰. Этот тезис распространялся и на прошлое России. Редактор газеты «Правда» по отделу пропаганды Д.Т. Шепилов, например, утверждал, что определяющей чертой «господствовавших классов» царской России являлась «антинародность»⁵¹.

С тезисом о величии русского народа была тесно связана идея развитого чувства национального достоинства советского патриота. Сталин, согласно Д.Т. Шепилову, указывал на то, что «последний советский гражданин, свободный от цепей капитала, стоит головой выше любого зарубежного высокопоставленного чинуши, влачащего на плечах ярмо капиталистического рабства», поэтому «умение высоко держать достоинство советского человека – неотъемлемое качество истинного патриота»⁵². Напротив, для «господствующих классов» в дореволюционной России характерно было отсутствие национальной гордости, обусловленное «преклонением перед иностранщиной»: «Пределом национального самоунижения явилось забвение дворянством даже русского языка и рабское копирование всего французского, а затем – немецкого»⁵³. Советские идеологи утверждали, что русский народ в дореволюционной России находился в рабском положении, был угнетен эксплуататорами – «помещиками и царем». Истинные патриоты, видя эту несправедливость, вели революционную борьбу за освобождение народа от внутреннего врага. Борьба за свободу страны от иноземной агрессии уравнивалась в рамках кампании по борьбе с космополитизмом с революционной борьбой против самодержавия. «Борьба с внешними поработителями» и «ненависть и борьба с внутренними поработителями» названы двумя сторонами «всякого истинного патриотизма»⁵⁴, а «свержение власти помещиков и капиталистов» – «патриотическим подвигом российского пролетариата»⁵⁵.

Революционному патриотизму советские идеологи противопоставляли космополитизм. Цель космополита заключается в том, чтобы ослабить патриотическое чувство, позволить внешнему и внутреннему врагам поработить страну. Космополитизм, по словам Соболева, используется для «скрытия торговли национальным суверенитетом»⁵⁶.

⁴⁹ Соболев 1948: 12.

⁵⁰ О задачах 1949: 4.

⁵¹ Шепилов 1947: 2.

⁵² Шепилов 1947: 3.

⁵³ Шепилов 1947: 2.

⁵⁴ Соболев 1948: 11.

⁵⁵ Соболев 1948: 9.

⁵⁶ Соболев 1948: 7.

В текстах, изданных в рамках кампании по борьбе с космополитизмом, мы сталкиваемся с уже знакомыми нам по работе М.В. Нечкиной сюжетами – величие народа, национальное достоинство, революционный характер патриотизма. Выявленные нами фрагменты текста монографии являются знаками вторичной семиотической системы, поскольку они имеют свой собственный план выражения, не совпадающей с планом выражения первичной знаковой системы, в которой каждое отдельное слово является знаком⁵⁷. Кроме того, у них свой собственный план содержания, т. е. интересующие нас коннотации.

Повествование о патриотизме декабристов коннотирует идею, согласно которой декабристский патриотизм типологически соответствовал советскому патриотизму. Декабристы, как и истинные советские патриоты, горячо любили свое отечество и признавали существенный вклад русского народа в развитие своей страны. Советского человека и декабристов роднит также чувство национального достоинства, «законной гордости за страну». Точно так же, как и в случае с советским патриотизмом, декабристская любовь к отечеству была проникнута революционным содержанием – советский патриотизм возник в «революционной буре», декабристский патриотизм также был связан с идеей освобождения «великого русского народа от царизма».

Кроме того, декабристы выводятся из основной массы настроенного космополитически дворянского сословия. Повествование о признании декабристами величия русского народа коннотировало идею прогрессивности декабристов. Они сумели подняться над своим классом, который рисовался в историографии исключительно в негативных тонах как класс, лишенный чувства национального достоинства. Декабристам не характерна «антинародность» и космополитизм дворянства «царской России». Декабристы никогда не «пресмыкались перед своими западноевропейскими компаньонами», не «торговали национальным суверенитетом», не использовали патриотические лозунги для реализации своих сословных интересов. В этом смысле декабристы оказываются ближе к советским трудящимся, нежели к русским дворянам начала XIX века.

Взятое в целом повествование советского историка о патриотизме членов тайных обществ коннотировало идею, согласно которой декабристы были людьми советского типа, т.е. «своими». Причем формальное несоответствие этого тезиса историческим реалиям в контексте язы-

⁵⁷ Планом выражения знаков в рамках вторичной системы является и сравнительно объемный фрагмент в несколько предложений (например, «книга Бутурлина была написана русским автором по-французски (якобы для того, чтобы сделать чтение «удобным» большому числу читателей!) и переведена на русский генерал-майором квартирмейстерской части А. Хатовым. Уже это возмущившее истинных патриотов обстоятельство говорило об отсутствии у автора чувства национального достоинства («Ты писал по-французски и дал на сие самую дурную причину, – писал Орлов, – Лучше было бы ничего не говорить. По крайней мере неизвестно бы было, к какой литературе принадлежит твое сочинение») и одна короткая фраза (например, «чувство национального достоинства отличало новаторов Союза Благоденствия»).

ка культуры роли не играет. Язык культуры может свободно смешивать советское и дореволюционное. Понятна и сущность этого процесса – в рамках межтекстового пространства смысл формируется не благодаря логическим связям и фактическим соответствиям, а благодаря отношениям цитации и ассоциаций культурных примеров⁵⁸.

Интерес представляет также механизм актуализации перечисленных смыслов: они актуализировались через скрытые отсылки к знаковым для советской культуры середины XX века идеям борьбы с космополитизмом, зафиксированным в прецедентных текстах эпохи. Это межтекстовое взаимодействие порождало своеобразную интеллектуальную игру, когда в историческом произведении благодаря памяти культурного контекста актуализировались коннотативные смыслы. Читатель должен был владеть соответствующим культурным кодом, чтобы увидеть отсылки и прочесть произведение в интертекстовой перспективе.

Постструктуралистский анализ позволяет выявить в произведении культурно-обусловленный пласт информации, то, что «сказалось» в тексте независимо от автора. Если авторский уровень имеет фиксированный смысл, то содержание информации на уровне языка культуры не статично. Оно варьируется в зависимости от культурного контекста. Сам по себе этот феномен множественного смысла не представляет ценности с точки зрения историографии. Трансформация постструктуралистского подхода, которая заключается в ограничении интертекстового пространства, опоре не на универсальные коды, а на коды, имманентно присущие той культуре, в рамках которого было создано изучаемое произведение, позволяет избежать релятивизма в истолковании текста и получить информацию, представляющую историческую ценность. В целом подход, изложенный выше, по своей сути является постструктуралистским, поскольку нацелен на деконструкцию произведения, раскрытия его смыслов в интертекстовом пространстве, но по своим инструментам он ближе к классическому структурализму, так как использует семиотический анализ и понятие кода.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989а. С. 413–423 [Bart R. Ot proizvedeniya k tekstu (From Work to Text) // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotik. Pojetika. Moscow: Progress, 1989a. Pp. 413–423].
- Барт Р. Риторика образа // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989b. С. 297–318. [Bart R. Ritorika obraza (The Rhetoric of the Image) // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moscow: Progress, 1989b. Pp. 297–318].
- Барт Р. Текстовый анализ одной новеллы Эдгара По // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989с. С. 424–461 [Bart R. Tekstovoi analiz odnoi novelly Edgara Po (Textual Analysis of a Tale by Poe) // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moscow: Progress, 1989c. Pp. 424–461].
- Барт Р. S/Z. М.: УРСС, 2001. 230 с. [Bart R. S/Z (S/Z). Moscow: URSS, 2001. 230 p.].
- Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 892 с. [Delez Zh., Gvattari F. Tysyacha plato. Kapitalizm i

⁵⁸ «Логика, регулирующая Текст, – отмечал Р. Барт, – заждется не на понимании, а на метонимии; в выработке ассоциаций, взаимосцеплений, переносов» (Барт 1989а: 417).

- shizofreniya (A Thousand Plateaus. Capitalism and Schizophrenia). Ekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: Astrel', 2010. 892 p.].
- Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с. [Derrida Zh. O grammatologii (Of Grammatology). Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p.].
- Деррида Ж. Письмо японскому другу // Вопросы философии. 1992. № 4. С. 53–57. [Derrida Zh. Pis'mo yaponskomu drugu (Letter to a Japanese Friend) // Voprosy filosofii. 1992. № 4. Pp. 53–57].
- Деррида Ж. Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие. М.: Академический Проект, 2007. С. 447–468. [Derrida Zh. Struktura, znak i igra v diskurse gumanitarnykh nauk (Structure, Sign and Play in the Discourse of the Humanities) // Derrida Zh. Pis'mo i razlichie. Moscow: Akademicheskii Proekt, 2007. Pp. 447–468].
- Зенкин С.Н. Ролан Барт и семиологический проект // Барт Р. Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. С. 5–28. [Zenkin S.N. Rolan Bart i semiologicheskii proekt (Roland Barthes and the Semiologic Project) // Bart R. Sistema Mody. Stati' po semiotike kul'tury. Moscow: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. Pp. 5–28].
- Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 253 с. [Il'in I. P. Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm (Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism). Moscow: Intrada, 1996. 253 p.].
- Ильин И. П. Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с. [Il'in I. P. Postmodernizm ot istokov do kontsa stoletiya: evolyutsiya nauchnogo mifa (Postmodernism from its Origins to the End of the Century: the Evolution of a Scientific Myth). Moscow: Intrada, 1998. 255 p.].
- Косиков Г. Идеология. Коннотация. Текст // Барт Р. S/Z. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 7–22 [Kosikov G. Ideologiya. Konnotatsiya. Tekst (Ideology. Connotation. Text) // Bart R. S/Z. Moscow: Editorial URSS, 2001. Pp. 7–22].
- Косиков Г.К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. С. 3–45 [Kosikov G.K. Rolan Bart – semiolog, literaturoved (Roland Barthes – Semiotician and Theorist of Literature) // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika. Moscow: Progress, 1989. Pp. 3–45].
- Косиков Г.К. «Структура» и/или «текст» (стратегии современной семиотики) // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 3–48 [Kosikov G.K. «Struktura» i/ili «tekst» (strategii sovremennoi semiotiki) («Structure» and/or «Text» (strategies of modern semiotics)) // Frantsuzskaya semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu. Moscow: Progress, 2000. Pp. 3–48].
- Лотман Ю.М. Текст и структура аудитории // История и типология русской культуры. СПб.: Искусство–СПб, 2002. С. 169–173 [Lotman Yu.M. Tekst i struktura auditorii (Text and Audience Structure) // Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury. Saint Petersburg: Iskusstvo–SPB, 2002. Pp. 169–173].
- Нечкина М. В. Движение декабристов: В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. I. 438 с. [Nechkina M. V. Dvizhenie dekabristov (The Decembrist Movement): V 2-kh t. Moscow: Izdatel'stvo Akad. Nauk SSSR, 1955. T. I. 438 p.].
- О задачах советских историков в борьбе с проявлениями буржуазной идеологии // Вопросы истории. 1949. № 2. С. 3–13 [O zadachakh sovetskikh istorikov v bor'be s proyavleniyami burzhuaznoi ideologii (On the Tasks of Soviet Historians in the Fight Against Manifestations of Bourgeois Ideology) // Voprosy istorii. 1949. № 2. Pp. 3–13].
- Об одной антипатриотической группе театральных критиков // Правда. 1949. 28 января. С. 3 [Ob odnoi antipatrioticheskoi grupe teatral'nykh kritikov (About an Anti-patriotic Group of Theater Critics) // Pravda. 1949. 28 yanvarya. P. 3].
- Пьерге Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 238 с. [Pe'ge Gro N. Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti (Introduction to the Theory of Intertextuality). Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2008. 238 p.].
- Репина Л.П., Шабунина А.К. Трансдисциплинарность в изучении социокультурных практик повседневности (на примере феномена голода в викторианской Англии) // Уральский исторический вестник. 2022. № 3 (76). С. 34–44 [Repina L.P., Shabunina A.K. Transdisciplinarnost' v izuchenii sotsiokul'turnykh praktik povsednevnosti (na primere fenomena goloda v viktorianskoi Anglii) (Transdisciplinarity in the Study of Sociocultural Practices of Everyday Life (On the Example of the Phenomenon of Famine in Victorian England)) // Ural'skii istoricheskii vestnik. 2022. № 3(76). Pp. 34–44].

- Румянцева М.Ф. Источниковедение в структуре актуальной исторической культуры: приглашение к дискуссии // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Том 45. № 2. С. 55–62 [Rumyantseva M.F. Istochnikovedenie v strukture aktual'noi istoricheskoi kul'tury: priglashenie k diskussii (Source Studies in the Structure of Current Historical Culture: Invitation to Discussion) // Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. 2023. Tom 45. № 2. Pp. 55–62].
- Русский народ – руководящая сила среди народов нашей страны // Большевик. 1945. №10. С. 3–12 [Russkii narod – rukovodyashchaya sila sredi narodov nashei strany (The Russian People are the Leading Force Among the Peoples of Our Country) // Bol'shevik. 1945. №10. Pp. 3–12].
- Серю П. Барт и Лотман: Идеология vs культура // Жанры речи. 2022. Т. 17. N 3 (35). С. 176–185 [Serio P. Bart i Lotman: Ideologiya vs kul'tura (Barthes and Lotman: Ideology vs Culture) // Zhanry rechi. 2022. T. 17. N 3 (35). Pp. 176–185].
- Соболев А. И. О советском патриотизме: Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Центральном лектории Общества в Москве. М., 1948. 31 с. [Sobolev A. I. O sovetском patriotizme: Stenogramma publichnoi leksii, pročitannoi v Tsentral'nom lektorii Obshchestva v Moskve (On Soviet Patriotism: Transcript of a Public Lecture Given at the Society's Central Lecture Hall in Moscow). Moscow, 1948. 31 p.].
- Соболев Д.Н. Лотман и структурализм: опыт невозвращения // Вопросы литературы. 2008. №3. С. 5–51 [Sobolev D.N. Lotman i strukturalizm: opyt nevozvrashcheniya (Lotman and Structuralism: the Experience of Non-return) // Voprosy literatury. 2008. №3. Pp. 5–51].
- Цамугали А.Н., Белоусов М.С. 190-летие восстания декабристов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2: История. 2015. Вып. 4. С. 5–19 [Tsamutali A.N., Belousov M.S. 190-letie vosstaniya dekabristov (190th anniversary of the Decembrist Uprising) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 2: Istoriya. 2015. Vyp. 4. Pp. 5–19].
- Шепилов Д. Советский патриотизм // Правда. 11 августа. 1947. С. 2–3 [Shepilov D. Sovetskii patriotizm (Soviet Patriotism) // Pravda. 11 avgusta. 1947. Pp. 2–3].
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. М.: РГГУ, 2005. 502 с. [Eko U. Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta (The Role of the Reader. Research on the Semiotics of Text). Moscow: RGGU, 2005. 502 p.].
- Breisach E. On the Future of History: The Postmodernist Challenge and Its Aftermath. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2003. 243 p.
- Clark E.A. History, Theory, Text: Historians and the Linguistic Turn. Cambridge (Mass.); London: Harvard univ. press, 2004. 336 p.
- Munslow A. Deconstructing history. London; New York: Routledge, 2006. 232 p.

Каменев Евгений Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, Институт истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет; ev.kamenev@yandex.ru

Post-Structuralist Textual Analysis of Historical Narrative

The article analyzes the theoretical aspects of the application of post-structuralist textual analysis, proposed by R. Barth, in the study of historiography. It is shown that direct borrowing of post-structuralist practices is unproductive, since they imply relativism in the interpretation of the text. The possibility of restricting Barth's approach to the structuralist concept of code is considered. This code must be found within a cultural situation that chronologically corresponded to the time of the creation of the historiographical source. Taking into account the concept of code, the application of post-structural analysis makes it possible to obtain information that is of interest from the point of view of historical science.

Keywords: historiography, post-structuralism, textual analysis, deconstruction, intertext, semiotics.

Kamenev Evgenii Vladimirovich, Candidate of Historical Science, Associate Professor, Institute of History, Political and Social Sciences, Petrozavodsk State University; ev.kamenev@yandex.ru

АПОЛОГИЯ МИФА В ИСТОРИИ

Автор исходит из понимания мифа, которое сформулировал А.Ф. Лосев. Бытование мифа в истории тесно связано с двумя внешне далеко отстоящими друг от друга, но внутренне неразрывно соединенными между собой процессами – поиском исторической альтернативы и восхвалением на страницах Истории, которое именуется воздаянием славы. Личность может проснуться знаменитой на следующий день после совершения поступка, а может очень долго дожидаться всеобщего признания собственных заслуг, но так и не дожидаться прижизненной славы. В этом признании или непризнании молвой заслуг и достоинств личности заключается одно из частных проявлений альтернативного характера исторического процесса. Существует весьма протяженный временной лаг между совершением выдающегося исторического деяния и его достойной исторической оценкой, которая выставляется потомством. Напряженная ситуация признания или непризнания заслуг перед Историей многократно усложняется альтернативным характером исторического процесса.

Ключевые слова: миф, слава, историческая альтернатива, философия истории, литература и история, хронотоп, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин.

«Миф всегда говорит... о личностях, о живых существах. Его персонажи суть не отвлеченные идеи и методы построения и осмысления чувственности, но сама эта чувственность, дышащая жизненной теплотой и энергией»¹. В одном случае исторический миф напоминает мощный взрыв, который происходит в момент увенчания личности славой и идет плечом к плечу вместе с ней. В другом случае формирование и развитие исторического мифа растягиваются во времени и в пространстве. Устойчивая историческая репутация – это миф. Признание высоких достоинств и заслуг, воздаяние почестей и хвалы далеко не всегда происходит при жизни личности, чье имя впоследствии бережно сохраняется на страницах Истории. Современники часто оказываются несправедливы, и не спешат признавать чьи-нибудь высокие заслуги, качества, таланты. И лишь потомки (иногда, весьма далекие), бесстрастно взвесив всю совокупность доводов *за* и *против*, расставляют всё по местам, раскладывают по полочкам – и выносят вердикт от лица Истории, воздают запоздалые почести или же, подвергнув шельмованию, ниспровергают былого кумира с пьедестала славы. И этот процесс периодической ревизии исторических репутаций не имеет конца.

Чувственность, жизненная теплота и энергия – всё это носит альтернативный характер. Долгое время сослагательное наклонение отождествлялось с досужим мифом, понимаемым как заведомо ложное измышление, не имеющее никакого отношения к научному знанию. Миф сослагательного наклонения стал «синонимом небытия, несуществования, ложной выдумки, нереальной фантастики»². В своих изысканиях

¹ Лосев 2001: 63-64.

² Там же: 118.

советские историки и философы слабо интересовались как упущенными историческими возможностями, так и самим фактом выбора тех или иных путей в процессе исторического развития человечества. Даже признание противоборства различных исключających друг друга возможностей развития не вело к следующему шагу – потребности рассмотреть нереализованные исторические альтернативы на эмпирическом и теоретическом уровне³. Исторические альтернативы практически никем не воспринимались в качестве реальной научной проблемы, имевшей право на существование и нуждавшейся в изучении. Сослагательное наклонение в истории высокомерно трактовалось как прерогатива беллетристов и писателей-фантастов. Лишь в годы перестройки произошел прорыв в постижении альтернативного характера истории. Достигнутый уровень осмысления проблемы нашел отражение в ряде журнальных публикаций, однако дальнейшее изучение было осложнено бурными событиями последующих лет, сказавшимися на всех сферах жизни общества. Каждый день рождал новые альтернативы, что явно мешало отыскивать и пытаться осмыслить их в далеком и недавнем прошлом.

Историческая альтернатива предполагает необходимость выбора одной из двух (или нескольких) возможностей дальнейшего развития. Процесс поиска и выбора всегда представляет собой попеременное рассмотрение взаимоисключающих возможностей, но лишь в предельном случае осуществляется выбор одного из двух альтернативных решений, направлений, вариантов развития или модернизации. Поиск и выбор исторической альтернативы неотъемлемо связаны с возникновением мифов. Нереализованные исторические возможности – плодородная и благодатная почва для взращивания и укоренения мифов. В наши дни маятник научной мысли качнулся в противоположную сторону: исследователи стремятся инкорпорировать сослагательное наклонение в ткань исторического повествования. Воскреснув под пером историка, побежденные альтернативы и упущенные возможности могут вновь заявить о своем существовании, порождая новые и реанимируя старые мифы.

Возникновение, формирование и развитие мифов в Истории – это имманентное свойство исторического процесса; свойство, присущее ему по самой его природе. «Мир, в котором мы живем, и существуют все вещи, есть мир *мифический*...»⁴. Мифологизация Истории происходит одновременно, хотя и с разной степенью интенсивности, сразу с двух противоборствующих сторон – как со стороны победившей, так и со стороны побежденной альтернативы: за каждой из них стоят личности, порождающие собственные мифы. Миф «всегда есть выражение тех или других жизненных и насущных потребностей и стремлений»⁵. Насущные потребности и стремления присущи и победителям, и по-

³ Разумеется, существовали исключения из этого правила, но они носили единичный характер. См.: Экштут 2000. С. 70–94; 2003: 148–164.

⁴ Лосев 2001: 35.

⁵ Там же: 38.

бежденным, и тем, кто увенчан славой, и тем, кто ею обделен. Историю пишут победители, абсолютизируя и мифологизируя собственную победу, исключая саму возможность альтернативного развития событий в далеком или недавнем прошлом. Победившая альтернатива получает право на славу, в то время как альтернатива отвергнутая трактуется победителем как нечто эфемерное, не достойное не только исторического прославления, но и малейшего упоминания на страницах Истории.

Выдающийся историк и мыслитель Ю.М. Лотман взглянул на парадоксальную ситуацию из Космоса и описал, как она выглядит в большом историческом времени, в масштабе длительной временной протяженности: «Путь как отдельного человека, так и человечества, усеян нереализованными возможностями, потерянными дорогами. Гегельянское сознание, вошедшее даже незаметно для нас в самую плоть нашей мысли, воспитывает в нас пиетет перед реализовавшимися фактами и презрительное отношение к тому, что могло бы произойти, но не сделалось реальностью. <...> Следует подчеркнуть, что взгляд из прошлого в будущее, с одной стороны, и из будущего в прошлое, с другой, решительно меняет наблюдаемый объект. Глядя из прошлого в будущее, мы видим настоящее как набор целого ряда равновероятных возможностей. Когда мы глядим в прошлое, реальное для нас обретает статус факта, и мы склонны видеть в нем нечто единственно возможное. Нереализованные возможности превращаются для нас в такие, какие фатально не могли быть реализованы. Они приобретают эфемерность»⁶. Однако нас не должна вводить в заблуждение эта мнимая эфемерность. Отвергнутые возможности не исчезают бесследно: они превращаются в миф и остаются в историческом предании и исторической памяти.

История – это жесткая взаимосвязь исторической альтернативы, славы и мифа, но на оси времени поиск исторической альтернативы всегда предшествует славе и мифу. Поэтому, анализируя феномен славы исторически, мы возьмем за отправную точку рассуждений альтернативный характер исторического процесса и выделим пять уровней рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы.

Первый уровень. Поиск исторической альтернативы имеет *онтологический* статус: он ведется и меняет свой вектор в реальном социальном пространстве и реальном времени. Такой же статус имеют различные социальные утопии, возникающие в это время; проекты государственных преобразований, которым впоследствии не будет суждено воплотиться в жизнь; планы военных кампаний, не реализованные на практике; и, наконец, многообразные амбициозные творческие замыслы, оставшиеся лишь в черновиках и не завершившиеся созданием задуманного произведения, – все они принадлежат культуре своего времени и не могут быть от нее безболезненно отчуждены. События происходят *здесь и теперь*. Процесс поиска еще не завершён во времени: настоящее время еще не успело превратиться в прошлое, наоборот, оно тесно свя-

⁶ Лотман 1992: 96, 194-195.

зано с недавним прошлым, со вчерашним днем, и строит различные планы на ближайшее и отдаленное будущее. И во всех этих планах есть мысли о грядущей славе и о возможных способах ее достижения. Вспомним эпопею «Война и мир» и рассуждения князя Андрея о славе.

«Известие это было горестно и вместе с тем приятно князю Андрею. Как только он узнал, что русская армия находится в таком безнадежном положении, ему пришла в голову, что ему-то именно предназначено вывести русскую армию из этого положения, что вот он, тот Тулон, который выведет его из рядов неизвестных офицеров и откроет ему первый путь к славе! Слушая Билибина, он соображал уже, как, приехав к армии, он на военном совете подаст мнение, которое одно спасет армию, и как ему одному будет поручено исполнение этого плана. ...И ему представилось сражение, потеря его, сосредоточение боя на одном пункте и замешательство всех начальствующих лиц. И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец, представляется ему. Он твердо и ясно говорит свое мнение и Кутузову, и Вейротеру, и императорам. Все поражены верностью его соображения, но никто не берется исполнить его, и вот он берет полк, дивизию, выговаривает условие, чтоб уже никто не вмешивался в его распоряжения, и ведет свою дивизию к решительному пункту и один одерживает победу»⁷.

Подчеркнём, что речь идет именно о социальном времени, в нем строятся планы на будущее. Поиск исторической альтернативы, который ведут сторонники модернизации общества, направлен на то, чтобы ускорить *бег времени*. Так возникает благоприятная почва для появления мифа с его отрешенностью «от смысла, от *идеи* повседневной и обыденной жизни»⁸. Миф возникает тогда, когда общество нетерпеливо жаждет перемен и ожидает чуда, а чудо не происходит.

Именно нетерпение становится питательной средой и мощным катализатором для возникновения мифа. «Нас возвышающий обман» мифа – это историческая альтернатива, восстающая против «тьмы низких истин» затхлого и ограниченного мира мещанской или «идиотизма деревенской жизни». У радикалов их собственное нетерпение выступает в качестве аргумента в теоретических спорах и политической борьбе. А их противники из консервативного лагеря, наоборот, желают замедлить *бег времени*: на десятилетия «заморозить» страну в исходной точке, выиграть время и употребить его на поиск адекватных средств, направленных против социальной революции. И тех, и других объединяет желание обмануть время. Это – *малое время* Истории⁹.

Грядущие результаты этого поиска и сроки, потребные для достижения желаемой цели, вызывают ожесточенные споры. Споры ведутся как о самой «сокровенной цели», так и о средствах ее достижения (моральных и аморальных, приемлемых и неприемлемых, реальных и умоглядных). Споры из сферы теоретических дискуссий плавно перетекают в сферу практической политики, и наоборот.

⁷ Толстой 1937: 198, 323.

⁸ Лосев 2001: 86.

⁹ Бахтин 1986: 390, 392.

Субъекты поиска принадлежат к политической и интеллектуальной *элите* общества; *безмолвствующее большинство* не принимает ни малейшего участия в этом процессе, о котором мало что знает, питаясь слухами и сплетнями. Хотя результаты поиска исторической альтернативы неизбежно скажутся на судьбе всего общества, большинство не осознает это, равнодушно наблюдая за происходящим или глумясь над неудачными попытками изменить привычное течение дел. Господствует практически всеобщая иллюзия, что решение судьбы большинства от него самого совершенно отчуждено и никак не зависит. Применительно к Петербургскому периоду истории России можно смело утверждать, что пушкинская ремарка «народ безмолвствует» еще не написана или, по крайней мере, не успела стать банальной от слишком частых повторений. Еще никто не увенчан славой. Но мысли о грядущей славе носятся в воздухе и электризуют атмосферу. О славе мечтают поэты, ее жаждут воины, и вожделяют государственные деятели.

В августе 1825 г., за несколько месяцев до восстания декабристов, в военном лагере в местечке Лещины Вольнской губернии член Южного тайного общества подпоручик Полтавского пехотного полка Михаил Павлович Бестужев-Рюмин наизусть читает нескольким армейским офицерам пушкинское антиправительственное стихотворение «Кинжал». Спустя несколько дней, выступая перед членами Общества соединенных славян, подпоручик произносит экспрессивную речь, в которой предрекает участникам конспиративной сходки грядущую славу:

«Век славы военной кончился с Наполеоном. Теперь настало время освобождения Народов от угнетающего их рабства, и неужели Русские, ознаменовавшие себя столь блистательными подвигами в войне истинно Отечественной – Русские исторгшие Европу из под ига Наполеона, не свергнут собственного ярма?.. Порывы всех Народов, удерживает Русская армия – коль скоро она провозгласит свободу – все Народы восторжествуют. – Великое дело свершится, и нас провозгласят Героями века»¹⁰.

На этом этапе развития История присутствует в ее незавершенности. Еще ничего не решено. Есть надежды на обретение славы в будущем, но нет событий, которые бы позволили реализовать желание славы на практике, и уже появилась благодатная почва для возникновения мифов в ближайшем или далеком будущем.

Второй уровень. Поиск исторической альтернативы завершен в реальном социальном пространстве и реальном времени. Проблема поиска утратила онтологический статус. Событие свершилось и приобрело статус исторического факта. Восторжествовала *ирония истории*: осуществляемые намерения превратились в свою противоположность. Кажется, что всё окончательно решено и что новых возможностей для исторического выбора, по крайней мере, при жизни этого поколения, больше не предвидится. Одна из противоборствующих тенденций одержала победу и предстала в качестве единственно возможного пути исторического раз-

¹⁰ Восстание декабристов. Материалы. Т. 9. 1950: 117.

вития – закономерного и необратимого. Такая трактовка минувших событий получает санкцию официальной идеологии и становится непреложным фактом для ученых, считающих, что История не терпит сослагательного наклонения. Реальный исторический процесс превращается в миф, отрицающий возможность альтернативного развития событий.

При этом верховная власть нередко болезненно реагирует на то, что непосредственные участники былых событий, стремясь упрочить собственную славу, начинают выяснять отношения в публичном пространстве. Верховная власть хочет контролировать не только настоящее, но и прошлое, поэтому с неодобрением взирает на государственных деятелей первого ряда, спешащих с написанием собственных мемуаров. Маршал Советского Союза А.М. Василевский в январе 1975 г., незадолго до смерти, признался, почему он, один из творцов Победы, долго не приступал к написанию воспоминаний: «Первые книги о войне были написаны вскоре после ее окончания. Я хорошо помню два сборника воспоминаний, подготовленных Воениздатом, “Штурм Берлина” и “От Сталинграда до Вены”» (о героическом пути 24-й армии). Но оба эти труда не получили одобрения И.В. Сталина. Он сказал тогда, что писать мемуары сразу после великих событий, когда еще не успели прийти в равновесие и остыть страсти, рано, что в этих мемуарах не будет должной объективности. При всей спорности этого утверждения оно не могло не сказаться какое-то время на моем отношении к написанию книги»¹¹.

Желание власти сохранить в Истории «белые пятна» или «фигуры умолчания» искажает историческую перспективу, формируя официальный взгляд на недавнее прошлое. С этого момента победенная тенденция начинает восприниматься как досадная и эфемерная случайность, изначально не имевшая ни малейшего шанса помешать поступательному движению Истории, – случайность, которой можно безболезненно пренебречь при осмыслении закономерного хода исторического процесса. Однако далеко не все разделяют эту точку зрения. Еще живы люди, имевшие *непосредственное* отношение к выбору исторической альтернативы и хорошо осведомленные о скрытом механизме принятия тех или иных решений. Они хранят память о былом в его незавершенности и пытаются понять как смысл минувших событий, так и свое место в них. Для них История – «догадок сеть», продолжающийся процесс, в котором «мы часто действуем случайно»¹².

А как складывается судьба тех, кто волею судеб принадлежит к побежденной исторической альтернативе? Иногда эти люди настолько прочно укореняются в прошлом, что еще при жизни становятся ходячим анахронизмом. Суетные, с их точки зрения, хлопоты настоящего им глубоко чужды, ибо кажутся мелкими, пошлыми и лишены эстетического и нравственного смысла. Князь П.А. Вяземский грустно заметил: «Нет великого человека в глазах камердинера; нет эпических событий и

¹¹ Василевский 1984: 5.

¹² Вяземский 1887. Т. 11: 401, 438; 1896. Т. 12: 551.

лиц для журналистов, биографов, лазутчиков в стане живых и мертвых. ...История была прежде жертвоприношение, апофеозное служение; нынче она сомнение, изобличение и отрицание»¹³. Физическое старение этих последних свидетелей былого протекает «среди чуждых сердцам их людей»¹⁴. Таким человеком был князь Вяземский, более трети века проживший с непреходящим ощущением собственной выключенности из настоящего времени, десятилетиями лелеявший свою *тоску* по золотому веку русской дворянской культуры. С особенной сердечной болью он вспоминал о безвременно погибших современниках, которых «преждевременная смерть похитила с поприща, богатого многими надеждами, не обратившимися в события»¹⁵. С начала 1840-х гг., когда наступили *сумерки* дворянской культуры – после смерти Пушкина, Дениса Давыдова, Баратынского, – князь остро чувствовал свое одиночество. «Жизнь мысли в нынешнем, а сердца жизнь в минувшем»¹⁶, – так за год до смерти, в 1877 г., написал он в одном из последних стихотворений.

«Память сердца»¹⁷ неотделима для таких людей от мыслей о том, что в какой-то момент времени их судьба могла сложиться иначе, если бы Река времени повернула в иное русло. Хотя только один шаг отделяет такие размышления от попытки вообразить в сослагательном наклонении важнейшие эпизоды своей биографии, лишь единицы решаются этот шаг сделать. Декабрист Д.И. Завалишин пошел еще дальше. Вступив на путь мифотворчества, он написал записки не о жизни, которую фактически прожил, а записки о жизни, которую хотел бы прожить¹⁸.

Третий уровень. Он сильно растянут во времени и пространстве. Начинается, когда наступает время подведения предварительных итогов, а заканчивается с появлением непосредственной реакции живых участников бывших событий на выход в свет первых исторических сочинений о прошлом, которое они хорошо помнят. Подведение итогов наступает лишь тогда, когда завершают земной путь или сходят с политической сцены фигуры первого ряда, олицетворявшие собой поиск исторической альтернативы, а их современники начинают соотносить достигнутые результаты с понесенными издержками и выставлять оценки недавнему прошлому, всё еще тесно связанному с настоящим. С переоценкой прошлого возникает новая альтернатива. Недавняя слава фигур первого плана либо тускнеет под напором «тьмы низких истин», либо разгорается более ярким светом. То же происходит и с мифами.

Если смотреть на Петербургский или императорский период истории государства Российского в масштабе большого исторического времени, то можно заметить, что стремление обрести славу на поле боя бы-

¹³ Вяземский 1984: 130.

¹⁴ Вяземский. Полн. собр. соч. Т. 11: 408.

¹⁵ Вяземский 1992: 281.

¹⁶ Вяземский. Полн. собр. соч. Т. 12: 535.

¹⁷ Батюшков 1978: 220.

¹⁸ Лотман 1992: 339-342.

ло важнейшим регулятором поведения благородного сословия. Этот регулятор поведения возник и укоренился благодаря усилиям Петра Великого. Петровские реформы изменили вектор развития страны: они модернизировали страну и перезагрузили систему ценностей политического класса. «Перезагрузка» происходила весьма болезненно и сопровождалась сильным сопротивлением дворянства. Иностранцы, которые приезжали в Россию в царствование Петра, поражались тому, что российские дворяне крайне неохотно покидали свою малую родину. Они, воспринимая государственные повинности как некую доuku, мечтали о том, чтобы как можно быстрее отделаться от коронной службы, отправиться в свои имения, поместья, вотчины – там сполна насладиться частной жизнью. У них не было внутреннего желания служить, о чем россияне без обиняков признавались иностранцам.

Секретарь прусского посольства в Петербурге Иоганн-Готтгильф Фоккеродт владел русским языком и по должности составлял переводы документов с русского на немецкий. Он родился в саксонском городе Галле, окончил Галльский университет и прожил в России четверть века – с 1712 до 1737 г. Его мемуары о пребывании в России содержат систематическое описание петровских преобразований. Саксонец зафиксировал скептические рассуждения петровских современников, которым выпал жребий жить в эпоху перемен. Современники Петра Великого не испытывали ни малейшего восторга от собственной участи, чётко формулируя возражения, направленные против петровских нововведений.

«Все его новые распоряжения и учреждения они умеют превосходно обращаться в смешную сторону; кроме того, Петербург и флот в их глазах мерзость, и уже тут не бывает у них недостатка в доказательствах для подтверждения этого положения. Да и заведение правильного (регулярного) войска, считаемое всем светом за величайшую пользу, доставленную царству Петром I, для них бесполезно и вредно; бесполезно по их твердой уверенности, что только бы они сами сидели смиренно и не мешались без надобности в ссоры, а то никто не нападет на них из соседей, и что во всяком случае довольно с них и старых военных порядков для удаления врага от своих пределов; вредно потому, что считают правильно обученное войско новыми узами, которые вполне подчиняют их самовластному произволу государя, как бы ни был он несправедлив и странен, лишают их всякого покоя и удовольствия, какими они могли бы наслаждаться на родине, и принуждают их служить на войне, которая в подобном случае, по мнению их, великая беда, а для тех, которые служат тут по доброй воле, – большая глупость»¹⁹.

Когда прусский дипломат стал толковать россиянам о чести и славе, они стали над ним смеяться. Фоккеродт сохранил для Истории рассуждения петровских современников, не желавших добывать славу на ратном поле. «Земля наша такая обширная, а нивы такие плодородные, что ни одному дворянину не с чего голодать: сиди он только дома да смотри за своим хозяйством. Как ни маловато его имение, хотя бы и сам он должен был ходить за сохой, ему все же лучше, чем солдату. ...Да при

¹⁹ Неистовый реформатор 2000: 96-97.

таких-то обстоятельствах что нас заставит бросать свой покой и прохладу, подвергать себя тысяче трудностей и опасностей из-за того только, чтобы достать себе какой-нибудь чин или отличие, которое так мало помогает нашему благополучию, что даже еще идет наперекор ему?»²⁰.

Если верить мемуарам прусского дипломата, а не верить им у нас нет никаких оснований, современники Петра Великого не были склонны мифологизировать ни личность государя, ни его эпоху. С позиций собственного житейского опыта они чрезвычайно приземленно и прагматично рассуждали об исторической альтернативе, выбранной монархом, и подвергали сомнению необходимость реформ. Никакого желания «воспарить» над эпохой у них и не было, поэтому собеседники дипломата утверждали, что радикальные петровские преобразования лишь расстроили финансы государства и ввели россиян в непомерные издержки: «Петр I гораздо лучше пособил бы своим пользам и был бы в состоянии совершить гораздо более великие дела, если бы оставил в кармане своих подданных те изумительные суммы, какие затратил на флот, или употребил бы их на умножение сухопутного войска. ... Потому-то Петр I наверное уж поступил бы гораздо умнее, если бы миллионы людей, которых стоила шведская война и основание Петербурга, оставил за сохою дома, где недостаток в них слишком ощутителен»²¹. Однако эти доводы современников великого человека, хотя и содержали ряд справедливых сетований на эпоху слома бывшего жизненного уклада, не означали окончательный приговор Истории.

Пройдет более полувека после смерти Петра. В 1782 году, когда в Петербурге состоялось торжественное открытие памятника Петру I, приуроченное к 20-летию царствования императрицы Екатерины II, князь М.М. Щербатов решил взглянуть на Петровскую эпоху в масштабе большого исторического времени. Так появилось его историко-публицистическое сочинение «Рассмотрение о пороках и самовластии Петра Великого». Сенатор князь Щербатов, автор «Истории Российской от древнейших времён», доведенной до 1610 г., вступает в заочный спор с теми, кто обвиняет монарха в пороках и самовластии, и последовательно отстаивает петровский миф: «Слава есть Петра Великого яко некоторая великая река, которая что более удаляется от своего начала, то пространнее становится»²². Да, князь признает, что монарху были присущи и пороки, и самовластие, но, обстоятельно о них поведав, историк замечает, что петровские добродетели превосходили его пороки, после чего делает вывод: «Могу ли я после сего дерзнуть какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли данное мне просвещение, яко некоторый изменник похищенное оружие, противу давшего мне во вред ему обратиться»²³. Князь Щербатов, дослужившийся до очень высокого чина дей-

²⁰ Там же: 97.

²¹ Там же: 54, 98.

²² Щербатов 2010: 119.

²³ Там же: 120.

ствительного тайного советника, не понаслышке был знаком с основами государственного управления. Именно это знание позволило сиятельному историографу написать оригинальный историсофский трактат «Примерное времяисчислительное положение, во сколько бы лет, при благополучнейших обстоятельствах, могла Россия сама собою, без самовластия ПЕТРА ВЕЛИКОГО, дойти до того состояния, в котором она ныне есть в рассуждении просвещения и славы». Князь Щербатов, справедливо считающийся одним из столпов эпохи Русского Просвещения, стал первым историографом, предпринявшим опыт осмысления Петровской эпохи в сослагательном наклонении. Историограф взял за гипотетическую точку отсчета 1682 год, когда в Московском государстве царем Фёдором Алексеевичем была ратифицирована «Привилегия на Академию» – учредительный документ первого высшего учебного заведения Славяно-греко-латинской академии. В этот же год состоялась коронация царя Петра Алексеевича, которому спустя сто лет в Петербурге был открыт знаменитый памятник, ныне известный как «Медный всадник». Делая обстоятельные выкладки, князь пришел к выводу: если бы не самовластие Петра, потребовались бы самоотверженные усилия семи поколений россиян, полагая жизнь одного поколения протяженностью в тридцать лет, чтобы поставить государство Российское на ту ступень просвещения, на которой страна находилась в 1782 г.:

«Надлежало бы протечи 210 годам, следственно, Россия бы еще начала входить в то состояние, в каком она есть, еще и не прославив себя, около 1892 года, да и то, считая, что в течение бы сего великого времени, не было никакого помешательства ни внутреннего, ни внешнего. А кто возможет поручиться, чтобы в сие время не было таких в ней государей, которые неблагоприятно принятыми мерами нарушили бы то, что два или три предка их заводили, и поступком бы сим продлили еще время ее просвещения? ... То б когда исполнилось сие просвещение, и где б была ныне приобретенная его слава?»²⁴

Вывод историографа однозначен: если бы не самовластие Петра Великого, даже при полном отсутствии неблагоприятных внешних факторов государство Российское минимум на 210 лет отстало бы от просвещенной Европы, не приобретя при этом никакой славы. «Паче воздайте хвалу и благодарение Петру Великому, что хотя много после смерти его дел повреждали, но учиненное им основание и слабости, и зависти, и тщетному самолюбию, и развратности воспротивляется, и что сей монарх, в гробнице заключенный, еще побеждает своих врагов и прославляет Россию»²⁵. Однако и этот вывод был всего-навсего подведением предварительных итогов Петровской эпохи. Сам историограф, отстаивая и защищая от нападок петровский миф, прекрасно осознавал относительность своих суждений о Петре и его эпохе. Князь Щербатов никогда не был безусловным апологетом Петра, склонным игнорировать недостатки монарха и закрывать глаза на печальные издержки пет-

²⁴ Там же: 136.

²⁵ Там же.

ровских преобразований. В 1786–1789 гг. князь пишет знаменитый памфлет «О повреждении нравов в России». Россияне, по выражению историкографа, «исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же гораздо с вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов»²⁶. В чем же заключалось столь ненавистное князю повреждение нравов? «Грубость нравов уменьшилась, но оставленное ею место лестию и самством (т.е. эгоизмом. – С.Э.) наполнилось. Оттуда произошло раболепство, презрение истины, обольщение государя и прочие злы, которые днесь при дворе царствуют, и которые в домах вельможей вогнездились»²⁷. Вновь возрадовалась *ирония истории*. Все эти «злы» были ничем иным, как превращением осуществляемых намерений в свою противоположность.

Своеобразие третьего периода постижения исторической альтернативы, заключается в том, что историки получают доступ к ранее засекреченным документам, осознают сам факт наличия в прошлом проблемы поиска исторической альтернативы и начинают ее изучать, стремясь постичь суть былых событий и овладевая *хронотопом* минувшего. Мы исходим из понимания хронотопа, сформулированного М.М. Бахтиным:

«Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп. <...> Следовательно, всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»²⁸.

В научный оборот вводятся новые факты, многие из них были глубокой тайной для участников событий. Осознается неустранимое противоречие между обманчивой видимостью явлений и их скрытой от непосредственного наблюдения сущностью. «Мы должны считаться с тем законом великого обмана, который вступает в силу, когда изучаются внешние явления. Ведь все более или менее видимое нами может абсолютно не соответствовать реальному положению вещей»²⁹. Выявляется как роль фундаментальная случая в Истории, так и всеобщая, необходимая и существенная связь между отдаленными друг от друга явлениями и сферами жизни социума – постигается диалектика необходимого и случайного в Истории. Проясняется различие между мифом и реальностью, что вовсе не означает автоматической утраты былых иллюзий.

Оставшиеся в живых непосредственные участники исторических событий весьма болезненно реагируют на предпринимаемые историками попытки демифологизации, ибо многие мифы были неотъемлемой частью их биографии и в этом качестве не утратили для них непреходящей ценности. «Миф не принадлежал исключительно архаической ста-

²⁶ Там же. С. 415.

²⁷ Там же. С. 429.

²⁸ Бахтин 1975: 235, 406.

²⁹ Тарле 1981: 121.

дии человеческой истории, он остается содержанием человеческого сознания и в позднейшие времена... Он был не только полученным от седой старины культурным наследием, но и живым соучастником нового культурного процесса»³⁰. Среди непосредственных участников былых событий всегда отыщется такой человек, который вместе с пушкинским Поэтом из стихотворения «Герой» будет готов гневно воскликнуть по адресу историка, склонного к «срыванию всех и всяческих масок»:

Да будет проклят правды свет.
Когда посредственности хладной,
Завистливой, к соблазну жадной,
Он угождает праздно! – Нет!
Тьмы низких истин мне дороже
Нас возвышающий обман...³¹

Даже если историки сознательно хотят интерпретировать новые факты только в рамках официальной идеологии или официального мифа, отныне политическая власть уже утрачивает, хотя бы частично, монополию на истолкование прошлого. Устанавливается наличие отвергнутых альтернатив и упущенных возможностей. Открываются скрытые механизмы принятия решений. Возникает реальная возможность посмотреть на совершившееся событие в *большом историческом времени*, в масштабе длительной временной протяженности. Отныне исследователь может судить не только о ближайших, но и об отдаленных *исторических* последствиях события, оценивая его значимость для Истории. «Нельзя изменить фактическую вещную сторону прошлого, но смысловая, выразительная, говорящая сторона может быть изменена, ибо она незавершима и не совпадает сама с собой (она свободна)»³². Изменяя (нередко – весьма радикально) смысловую, выразительную, говорящую сторону прошлого, исследователь переосмысливает и былые мифы, и былую славу, и былые исторические репутации, еще недавно казавшиеся незыблемыми. Подобные метаморфозы постоянно наблюдаются в большом историческом времени. Фигуры первого плана уходят в тень или низвергаются с пьедестала, а их неудачливые соперники и антагонисты извлекаются из тьмы забвения. Исследователь отрешается от обыденности былого, воспаряет над ней, стремясь понять суть явлений и добиться приращения нового знания, – и в конечном итоге создает новые мифы. «В мифологии налична какая-то необычность, новизна, небывалость, отрешенность от эмпирического протекания явлений»³³.

Новые мифы начинают вытеснять старую мифологию. Забытые и недооцененные герои былых времен получают запоздалую известность, выдвигаются на первый план и удостоиваются славы. Вновь торжествует *ирония истории*: былые прижизненные неудачи или страдания становятся веским основанием для посмертного прославления. В наше время

³⁰ Гуревич 1990: 379.

³¹ Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 3. Кн.1: 253.

³² Бахтин 1986: 430.

³³ Лосев 2001: 61.

военные историки любят писать о героях Великой Отечественной войны, по тем или иным причинам не получивших звание Героя Советского Союза, или о членах отряда космонавтов, так и не совершивших космический полет. В итоге посмертная слава забытых героев начинает теснить память о тех, кто был удостоен прижизненных почестей.

Историк становится *привратником бессмертия*. Минувшее событие изымается из монопольного ведения властей, инкорпорируется историческим знанием и обретает в его рамках *аксиологический* и *эпистемологический* статус. Историк использует анализ и синтез, индукцию и дедукцию, микро- и макроподход, – всё это для того, чтобы систематизировать и истолковать собранные документы и материалы, выстраивая имеющиеся факты в соответствии с той или иной теоретической концепцией. При этом некоторые факты – сознательно или бессознательно – отбрасываются как якобы незначительные или случайные, а роль и значение других – невольно преувеличивается. Так формируются различные версии и интерпретации былого. Создается база для «экспериментальной» истории, для постановки вопросов типа: «что было бы, если бы...» Однако мало кто отваживается на контрфактическое моделирование исторического прошлого: «господствует какая-то боязнь исследовательского риска, боязнь гипотез»³⁴. На этой стадии историки находятся *в поиске* и уясняют суть дела для самих себя. Завершив этот процесс, они начинают излагать результаты своих изысканий в статьях и монографиях, что означает переход к следующему уровню рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы.

Четвертый уровень. Логика исследования сменяется логикой изложения. Историк предстоит рассказать о том, что сам он уже хорошо знает, но что еще только ожидает узнать читатель. «Материал, творчески преобразованный в сознании, ведет историка за собой, и он в состоянии сосредоточить все внимание на литературной форме, стараясь максимально точно и образно отразить ход своей мысли, воплощенной в подборе и связи конкретных фактов»³⁵. Историком движет не только академический интерес, нацеленный на приращение нового знания и постижение нового смысла. Прошлое становится достоянием как исторических сочинений, предназначенных «для немногих», так и школьных и университетских учебников, оборот которых контролирует государство.

В 1813 г., когда Русская армия, отстаивая независимость Отечества, приступила к освобождению Европы, в Петербурге сразу на двух языках, русском и французском (языке образованного общества просвещенной Европы), вышла в свет небольшая брошюра с красноречивым названием «О преподавании истории относительно к народному воспитанию». Ее написал Сергей Семенович Уваров – в то время 27-летний попечитель Санкт-Петербургского учебного округа.

³⁴ Бахтин 1986: 347.

³⁵ Дружинин 1979: 95-96.

Только что начался Заграничный поход, в сознании россиян еще свежа память о Бородинской битве и пожаре Москвы, а до низвержения Наполеона и взятия Парижа остаётся более года. И в этот момент один из самых образованных людей золотого века русской культуры и человек круга историографа Карамзина решает довести до сведения сограждан свои сокровенные мысли. Его дед в чине генерала погиб в годы Семилетней войны. Отец, флигель-адъютант Екатерины II, пал на поле чести во время войны со Швецией. А их внук и сын не ведет информационную войну с неприятелем на актуальную тему «Мороз ли истребил французскую армию в 1812 году?», как это впоследствии сделает его знаменитый современник генерал-лейтенант Денис Давыдов. Нет, Уваров, в чьем непосредственном ведении находится весь столичный образовательный процесс – от народных училищ и гимназий до университетов, – задается вопросом, как следует преподавать историю юношеству. И в 1813 г. прозорливо и четко формулирует мысли, сохранявшие свою актуальность в 2023-м. Он прекрасно осознает, к каким печальным последствиям может привести неверное истолкование прошлого, и, не призывая наказывать заблуждающихся преподавателей, настаивает на том, чтобы государство взяло процесс преподавания под свой контроль:

«Если в тишине кабинета ученый иногда заблуждается в исследовании исторических истин, то на кафедре сие исследование становится стократ затруднительнее, с тою разницею, что на кафедре заблуждение увлекает не одного его, но и учащихся. В народном воспитании преподавание истории есть дело государственное».

Попечитель осведомлен о том, что стремление преподавателей сводить изучение истории к зазубриванию дат рождает у учащихся неприязнь к этому важному с государственной точки зрения предмету. Переломить ситуацию поможет хороший, ярко и увлекательно написанный учебник, и власть не должна жалеть денег на это благое дело. Уваров отмечает, что именно преподаватель истории формирует у учащихся национальный характер, с которым неразрывно связана гордость за свою страну и ее героическое прошлое. Это особенно актуально сейчас, когда Русская армия ведет войну против сильнейшей армии мира, а удивленная Европа наблюдает «народный дух и тот изящный характер, на который ныне Европа смотрит, как изнеможенный старец на бодрость и силу цветущего юноши. Сие правило должно особенно быть чтимо преподающим историю. Он в сем отношении делается прямо орудием правительства, и исполнителем его высоких намерений». Изложив эти краеугольные положения, попечитель учебного округа делает вывод, по сию пору сохраняющий злободневность: «История, на таком основании преподаваемая, образует граждан умеющих чтить обязанности и права свои, судей, знающих цену правосудия, воинов умирающих за Отечество, опытных вельмож, добрых и твердых царей»³⁶. В течение шестнадцати лет граф Уваров занимал пост министра, образовав «людей сороковых годов», подготовивших и осуществивших Великие реформы.

³⁶ Уваров 2010: 204, 205, 206, 212.

Историку, приступившему к работе, необходимо решить, *как писать историю*. Обосновывать ли неумолимое действие исторических закономерностей или же видеть во всем только фундаментальную роль случая? Как воплотить в тексте научного сочинения *несбывшееся*? Стоит ли говорить читателю о том, что не состоялось – было побеждено, отвергнуто, упущено, – что не превратилось из возможности в действительность? Делать ли вид, что рассказываешь о том, *как было на самом деле*, или же честно признаться, что пишешь лишь об эмоциях людей прошлого по поводу состоявшихся или не состоявшихся событий? *Судить или понимать* этих людей? Рассказывать ли, наконец, и о своих ошибках и заблуждениях, без которых не бывает настоящего исследования? «...Процедура исследования, ограниченность исторических документов, приемы доказательств и конструирование интерпретаций сами становятся предметами рассказа. Происходит разрыв с авторитарным методом подбора лишь подтверждающих аргументов, которым историки традиционно пользовались, когда описывали объективную реальность. Теперь сама точка зрения исследователя становится частью рассказа, процесс исследования описывается ярко и подробно, ограниченность документов, формулирование гипотезы – вся проделанная работа уже больше не считается лабораторной тайной, скрытой от глаз непосвященных. Итак, рождается особая форма диалога с читателем, который вовлекается в процесс монтажа историографического дискурса...»³⁷.

Для того, чтобы приблизиться к получению содержательных ответов хотя бы на часть из этих вопросов и научиться вести диалог с читателем, имеет смысл обратиться к опыту мыслителей, чьи труды существенно обогатили гуманитарное знание XX века. Люсьен Февр в работе с красноречивым названием «Как жить историей» (1941) заметил:

«...Мы упорствуем, говоря об истории по старинке, мысля этажами, кладками, бульжниками – фундаментами и надстройками, тогда как всевозможные явления, связанные с электричеством, – ток, бегущий по проводам, перемена фаз, короткое замыкание – могли бы одарить нас целой сокровищницей образов, с большей гибкостью выражающих наши мысли. Но все идет так, как шло прежде»³⁸.

Рассуждения Люсьена Февра получили афористическое завершение в эссе Хорхе Луиса Борхеса «Сфера Паскаля» (1952). Величайший мастер интеллектуальной метафоры, писатель, без произведений которого невозможно представить себе не только латиноамериканскую литературу, но и мировую культуру XX столетия, высказал парадоксальную мысль: «Быть может всемирная история – это история нескольких метафор. ...Быть может, всемирная история – это история различной интонации при произнесении нескольких метафор»³⁹.

Историк не может обойтись без метафоры. «Метафоры живой, свежей, хотелось бы сказать. В своем бытовании в культуре метафора

³⁷ Леви 1996: 180-181.

³⁸ Февр 1991: 31.

³⁹ Борхес 1984: 200, 202.

приобретает общераспространенность, а затем уходит на периферию, вплоть до забвения. Бывает так, что она освежается в результате переосмысления, бывает так, что она становится банальной, тривиальной. История метафор – это история культуры»⁴⁰. И дело не только в том, что именно метафора способна придать историческому повествованию исключительную выразительность. Образность изначально присуща гуманитарному знанию, самой его природе. Вспомним широкообъемлющую формулу М.М. Бахтина: «Предмет гуманитарных наук – *выразительное и говорящее бытие*»⁴¹. Изучая культуру минувшего времени, историк стремится отыскать наиболее выразительные приметы былого, чтобы, отталкиваясь от них, корректно сформулировать вопросы прошлому и заставить его заговорить. Исследователь вступает в диалог с прошлым с позиций *внеаходимости* понимающего в его отношении к былой культуре. «В области культуры – внеаходимость самый могучий рычаг понимания». Теоретическое изучение прошлого – это, полагает Бахтин, не интуитивное «вчувствование» в иную культуру, не субъективное в нее «переселение» и «вживание», а «диалогическая встреча двух культур»⁴², которая сопровождается не только их взаимным обогащением, но и утратами ряда особенностей культуры прошлого. Разумеется, историк старается избежать этих потерь, обращаясь к документам и материалам эпохи и прилагая усилия к тому, чтобы не навязывать прошлому сегодняшнее понимание социальных процессов.

История, подобно литературе и искусству, стремится отыскать «способ пережить деланье вещи, а сделанное в искусстве неважно». Так утверждал В.Б. Шкловский, которому принадлежит честь открытия эффекта *остранения* в искусстве: «остранение есть почти везде, где есть образ»⁴³. Я полагаю, что оно есть и в истории. Историк, сознательно стремящийся сочетать научную доказательность текста с его эстетической выразительностью, постоянно вплетает художественные образы в ткань своего повествования. Так возникает эффект *остранения*: на всем известные вещи, события, структуры, институты, на героев и антигероев смотрят иными глазами. Остранение идет рука об руку с мифотворчеством. Причину этого убедительно объяснил А.Ф. Лосев:

«Миф тоже вырывает вещи из их обычного течения, когда они то несоединимы, то непонятны, то не изучены в смысле их возможного дальнейшего существования, и погружает их, не лишая реальности и вещественности, в новую сферу, где выявляется вдруг их интимная связь, делается понятным место каждой из них и становится ясной их дальнейшая судьба»⁴⁴.

Исторический процесс всегда абсолютен, а его результаты относительны. В течение почти двух столетий историки – апеллируя либо к Провидению, либо к неумолимым законам Истории, – абсолютизировали

⁴⁰ Вжозек 1994: 264.

⁴¹ Бахтин 1975: 430.

⁴² Там же: 354.

⁴³ Шкловский 1983: 15, 20.

⁴⁴ Лосев 2001: 93.

ли эти относительные результаты: подвели к ним, отсекая все второстепенное, случайное. В наши дни возникла потребность писать иначе. Историк остраивается от результата, сознательно продлевает в своем повествовании ощущение протекания процесса и подвергает сомнению наличие в Истории безупречных и общепризнанных репутаций.

Фридрих Шлегель еще в 1798 г. заметил: «Историк – это пророк, обращенный в прошлое»⁴⁵. Историк увы дан дар провидения, прорицания, обращенного в прошлое; историк – провозвестник минувшего; ему дано единственно верное откровение былого. Позднейшее стремление историка отыскать в прошлом действие законов Истории означало все то же стремление дать единственно возможное правильное объяснение исторических событий. Закон, т.е. всеобщая, необходимая и существенная связь между явлениями, всегда однозначен, что сближает его с Провидением. Между тем современные размышления историков и философов о *множественности* толкований и интерпретаций минувших событий стимулировали проведение мысленных и компьютерных экспериментов с неслучившимся или упущенным.

Что можно противопоставить пророку, который предсказывает назад? Результат – известен. Ответ – найден. Как избежать соблазна подогнать решение под уже известный ответ? Требуется дать *видение* процесса, а не его *узнавание*. Именно это и позволяет сделать *остранение* – «прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия»⁴⁶. Последовательное использование этого приема подводит не боящегося смелых гипотез историка к необходимости сделать следующий шаг – дать контрфактический вариант протекания реальных исторических событий, что фактически означает не только неизбежный эпатаж научного сообщества, но и сознательный разрыв с предшествующей исторической традицией, не признававшей сослагательного наклонения в Истории. Между тем, уходят в небытие последние из непосредственных участников былых событий. Исчезает очень существенная *этическая* преграда как для проведения опытов «экспериментальной» истории, так и для обнародования полученных результатов.

Пятый уровень. На заключительной стадии рассмотрения проблемы поиска исторической альтернативы научное сообщество осознает, что онтологический аспект этой проблемы представляет интерес для футуролога, политолога, социолога, экономиста, правоведа, но не имеет никакого отношения ни к историку, ни к философу, на долю которых остаются аксиологический и эпистемологический аспекты. Именно историку предстоит, пользуясь формулой Александра Блока: «Всё сущее – увековечить, / Безличное – вочеловечить, / Несбывшееся – воплотить!»⁴⁷

Несостоявшаяся История, обретя своего историографа и найдя воплощение в его работах, становится Историей несостоявшегося. Несо-

⁴⁵ Шлегель 1983: 293.

⁴⁶ Шкловский 1983: 15.

⁴⁷ Блок 1988 342.

стоявшееся нуждается в своей апологии, то есть в защите. Контрфактическая модель исторического прошлого, защищая несбывшееся и несостоявшееся от забвения, позволяет глубже уяснить суть былых событий, четко очерчивая границы незнаемого и непознанного – того, что мы привыкли именовать словом «тайна». Именно в этом качестве контрфактическая модель ведет к приращению научного знания, становится объектом неизбежной полемики и фактом историографии. Контрфактическое моделирование – это пророчество о несбывшемся и его воплощение в новом мифе, мифе о несостоявшемся, с которым связана по сию пору никем не познанная историческая тайна.

«Скажут: зачем же тогда существует пророчество? Пророчество существует для того, чтобы установить *смысл* грядущих времен, а не их факты. Поэтому все толкования должны ограничиться установлением только *точного смысла событий*, а не их фактического протекания»⁴⁸.

В Истории всегда будет нечто непознаваемое, ускользающее от нашего категориального аппарата. Среди профессиональных историков редко можно встретить явного агностика, не считающего нужным скрывать свое мировоззрение. Однако есть своя притягательность в том, чтобы заявить собратям по цеху: «Я не знаю». Ремесло историка потеряло бы свою неизъяснимую прелесть, если бы историку не приходилось время от времени разгадывать тайны.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Батюшков К.Н. Опыты в стихах и прозе. М.: Наука, 1978. 608 с. [Batyushkov K.N. Opyty v stihah i proze. (Experiments in poetry and prose.) M.: Nauka, 1978. 608 s.]
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 502 с. [Bahtin M.M. Voprosy literatury i estetiki: Issledovaniya raznyh let (Questions of literature and aesthetics: Studies from different years) M.: Hudozh. lit., 1975. 502 s.]
- Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 444 с. [Bahtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva (Aesthetics of verbal creativity) M.: Iskusstvo, 1986. 444 s.]
- Блок А.А. Избранные сочинения. М.: Худож. лит., 1988. 687 с. [Blok A.A. Izbrannye sochineniya (Selected works) M.: Hudozh. lit., 1988. 687 s.]
- Борхес Х.Л. Проза разных лет. М.: Радуга, 1984 [Borhes H.L. Proza raznyh let. (Prose from different years) M.: Raduga, 1984].
- Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 1984. 496 с. [Vasilevskij A.M. Delo vsej zhizni (Life's work) M.: Voenizdat, 1984. 496 s.]
- Вжозек В. Метафора как эпистемологическая категория // Одиссей–1994. М., 1994. С. 257–264 [Vzhozek V. Metafora kak epistemologicheskaya kategoriya (Metaphor as an epistemological category) // Odissey–1994. M., 1994. S. 257–264].
- Восстание декабристов. Материалы. Т. 9. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. [Vosstanie dekabristov. Materialy (Decembrist revolt. Materials) T. 9. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1950].
- Вяземский П.А. Записные книжки. М.: Русская книга, 1992. 384 с. Vyazemskij P.A. Zapisnye knizhki (Notebooks) M.: Russkaya kniga, 1992. 384 s.]
- Вяземский П.А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. 464 с. [Vyazemskij P.A. Estetika i literaturnaya kritika (Aesthetics and literary criticism) M.: Iskusstvo, 1984].
- Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 395 с. [Gurevich A.YA. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva (The medieval world: the culture of the silent majority) M.: Iskusstvo, 1990. 395 s.]
- Дружинин Н.М. Воспоминания и мысли историка. М.: Наука, 1979. 168 с. [Druzhinin N.M. Vospominaniya i mysli istorika (Memories and thoughts of a historian) M.: Nauka, 1979].

⁴⁸ Лосев 2001: 221.

- Леви Дж. К вопросу о микроистории // Современные методы преподавания новейшей истории. М., ИВИ РАН, 1996 Levi Dzh. K voprosu o mikroistorii (On the issue of microhistory) // Sovremennye metody prepodavaniya novejshej istorii. M., IVI RAN, 1996].
- Лосев А.Ф. Диалектика мифа / Сост., подг. текста, общ. ред. А.А. Тахо-Годи, В.П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558 с. [Losev A.F. Dialektika mifa (Dialectics of myth) / Sost., podg. teksta, obshch. red. A.A. Taho-Godi, V.P. Troickogo. M.: Mysl', 2001. 558 s.]
- Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Прогресс, 1992. 272 с. [Lotman YU.M. Kul'tura i vzryv (Culture and explosion) M.: Gnozis; Progress, 1992. 272 s.]
- Лотман Ю.М. О Хлестакове // Избранные статьи. В 3 т. Т. I. Таллин: Александра, 1992. С. 339-342. [Lotman YU.M. O Hlestakove // Izbrannye stat'i. (About Khlestakov) V 3 t. T. I. Tallinn: Aleksandra, 1992. S. 339-342].
- Неистовый реформатор / И.-Г. Фоккеродт, Ф.-В. Берхгольд. М.: Фонд Сергея Дубова, 2000. 560 с. [Neistovyi reformator (Furious reformer) / I.-G. Fokkerodt, F.-V. Berhgo'l'd. M.: Fond Sergeya Dubova, 2000. 560 s.]
- Тарле Е.В. Из литературного наследия академика Е.В. Тарле. М.: Наука, 1981. 392 с. [Tarle E.V. Iz literaturnogo naslediya akademika E.V. Tarle (From the literary heritage of academician E.V. Tarle) M.: Nauka, 1981. 392 s.]
- Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Т. 9. М.: Художественная литература, 1937 [Tolstoj L.N. Poln. sobr. soch. (Full collection op.) T. 9. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1937].
- Уваров С.С. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 720 с. [Uvarov S.S. Izbrannye trudy (Selected works) M.: ROSSPEN, 2010. 720 s.]
- Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991 [Fevr L. Boi za istoriyu (Fights for history) M.: Nauka, 1991].
- Шкловский В.Б. О теории прозы. М.: Советский писатель, 1983. 382 с. [SHklovskij V.B. O teorii prozy (About the theory of prose) M.: Sovetskij pisatel', 1983. 382 s.]
- Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика. Т. 1. М.: Искусство, 1983. [SHlegel F. Estetika. Filosofiya. Kritika (Aesthetics. Philosophy. Criticism) T. 1. M.: Iskusstvo, 1983. 448 s.]
- Щербатов М.М. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. 632 с. [SHCHerbatov M.M. Izbrannye trudy (Selected works) M.: ROSSPEN, 2010. 632 s.]
- Экштут С.А. «Несбывшееся – воплотить!» Опыт историософского осмысления сослагательного наклонения в истории // Диалог со временем. 2000. № 2. С. 70–94 [Ekshtut S.A. «Nesbyvsheesya – voplotit'!» Opyt istoriosofskogo osmysleniya soslagatel'nogo nakloneniya v istorii // Dialog so vremenem. 2000. № 2. S. 70–94]
- Экштут С.А. Битвы за храм Мнемозины. Очерки интеллектуальной истории. СПб.: Алетейя, 2003 [Ekshtut S.A. Bitvy za hram Mnemoziny. Oчерki intellektual'noj istorii (Battles for the Temple of Mnemosyne. Essays on Intellectual History) SPb.: Aletejya, 2003].

Экштут Семён Аркадьевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; semenekshut54@gmail.com

Apology for myth in history

The author proceeds from the understanding of myth by A.F. Losev. The existence of myth in history is closely connected with two processes that are outwardly far removed from each other, but internally inextricably linked - the search for a historical alternative and praise on the pages of History, which is called the retribution of glory. A person may wake up famous the next day after committing an act, or he may wait a very long time for general recognition of his own merits, but never achieve lifetime fame. This recognition or non-recognition by rumor of the merits and merits of an individual lies one of the particular manifestations of the alternative nature of the historical process. There is a very long time lag between the commission of an outstanding historical act and its worthy historical assessment, which is given by posterity. The tense situation of recognition or non-recognition of merits to History is greatly complicated by the alternative nature of the historical process.

Key words: *myth, glory, historical alternative, philosophy of history, literature and history, chronotope, A.F. Losev, M.M. Bakhtin.*

Semen Ekshtut, Dr.Sc. (Philosophy), Leading researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; semenekshut54@gmail.com

ДИАЛЕКТИКА В ЦАРСТВЕ МАРСА: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПОЛОГИИ ВОЙН А.Е. СНЕСАРЕВА И Е.А. РАЗИНА

Научное исследование войны как социального явления требует применения к ней диалектической методологии, которая обуславливает рассмотрение исторического развития войны. В первую очередь это предполагает выделение исторических типов войн. Задача изучения исторической типологии войн была впервые поставлена и начала решаться после Первой мировой войны. В статье рассматриваются исторические типологии войн, разработанные русским военным теоретиком А.Е. Снесаревым и советским военным историком Е.А. Разиным. Эти два варианта исторической типологии войн опирались на разные философские подходы и обладали как сильными, так и слабыми сторонами.

Ключевые слова: война, философия войны, диалектика, историческая типология войн, А.Е. Снесарев, Е.А. Разин.

Войны продолжают быть спутником человечества и в XXI веке. Они, наряду с социальными революциями, служили в истории важнейшей формой социальной динамики. Посредством войн снимаются противоречия предшествующего этапа развития общества и формируются предпосылки для перехода к его последующему этапу. Неудивительно, что война как социальное явление издавна находилась в центре внимания мыслителей различной специализации – военных теоретиков, историков, философов, политологов, социологов и др. Однако сложность заключается в том, что она война есть развивающееся явление, процесс, развертывающийся внутри процесса всемирно-исторического развития.

В военной мысли вплоть до первой половины XX в. господствовал взгляд на войны как на неизменное явление, законы которого одинаковы для всех времен и народов. Военная мысль соответствовала гносеологическим принципам классической науки Нового времени, которые предполагали то, что истина – это абсолютный, совершенный, завершенный и когерентный результат познания. Наука о войне воспринималась так же, как геометрия Евклида до создания неевклидовых геометрий Н.И. Лобачевским и Б. Риманом или как классическая механика Ньютона до возникновения релятивистской механики А. Эйнштейна. Такой подход был реализован в трудах Сунь-цзы, Вегеция, Н. Макиавелли, К. Клаузевица, Г. Жомини, Р. Штейнмеца, Н.П. Михневича, А.А. Свечина и многих других исследователей войн. В частности, с середины XIX и по середину XX века, а отчасти и позже в качестве непревзойденной вершины науки о войне рассматривалась концепция К. Клаузевица, и этот прусский генерал воспринимался как Евклид или Ньютон в погонах. В первую очередь этот подход проявляется в господствующей и поныне догматической интерпретации знаменитого определения войны Клаузевица: «война есть не только политический акт, но и подлинное орудие политики, продолжение политических отношений, осуществле-

ние их иными средствами»¹. На самом же деле эта дефиниция в полной мере применима не ко всем войнам, а только к войнам эпохи Клаузевица и последующего времени, включая и нашу эпоху. Определение войны, данное Клаузевицем, является столь же относительной истиной, что и аксиома о параллельных прямых в геометрии Евклида².

Вместе с тем, в последней трети XIX века диалектическое мышление начало проникать в науку о войне. Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» (1878) в рамках своей теории насилия, а также в ряде других работ рассмотрел эволюцию военного дела, в частности, эволюцию тактики пехоты в эпоху Нового времени, обусловленную развитием огнестрельного оружия и общественно-политического строя³. Хотя в данном случае диалектический подход был применен лишь к отдельным аспектам военного дела, причем только определенной эпохи, и полноценное диалектическое исследование войны Ф. Энгельсом осуществлено не было, его работы можно считать первым шагом диалектики в царстве Марса.

Обращение к становлению диалектического мышления о войне представляется весьма важным и актуальным, поскольку разворачивающиеся в современных социальных науках исследования этого социального явления зачастую де-факто игнорируют его исторический характер. Отражение войны как исторически развивающейся системы закономерностей, как правило, не происходит, и авторы чаще всего ограничиваются тем, что фиксируют поверхностные исторические изменения отдельных сторон этой системы. Это характерно, в частности, для активно развивающейся в последние годы теории справедливых войн, анализа моральных, правовых и идеологических предпосылок ведения войн⁴, а также для исследований специфики современных войн⁵.

История военного искусства как предпосылка исторической типологии войн

Важнейшей предпосылкой становления диалектического мышления о войнах было развитие отрасли знания на стыке исторической науки и науки о войне – всемирной военной истории. Эта дисциплина, возникшая в последней трети XIX в., часто фигурировала под названием истории военного искусства, что вполне закономерно, поскольку еще со времен Сунь-цзы и Вегеция знание о войне развивалось именно как тех-

¹ Клаузевиц 2022: 38.

² Исторически переходящий характер философии войны Клаузевица, как правило, недооценивается в современных исследованиях творчества великого немецкого военного мыслителя. См.: Smith 2004; Herberg-Rothe 2007; Соколов 2019; Müller 2021.

³ Энгельс 1961: 162–189.

⁴ См. напр.: Just war theory 2013; Contemporary just war 2018; Куманьков 2019; Comparative just war theory 2020. Теория справедливых войн рассматривает войны с точки зрения их места во всемирно-историческом развитии, а также с точки зрения взаимодействия войн с формами общественного сознания (политикой, моралью, правом, религией и т.д.), что являет собой преимущественно внешний (экстерналистский) подход к войнам. В этом заключается ограниченность теории справедливых войн.

⁵ См. напр.: Куманьков 2020; Соколов 2015; Preventive Force 2016.

нология, т.е. как осмысление практических навыков ведения войн и достижения побед, возвысившись до теоретического уровня много позднее – в трудах Клаузевица и последующих военных мыслителей. К вершинам истории военного искусства, которые подготовляли становление диалектического взгляда на войны, следует отнести, в частности, труды русских ученых Н.С. Голицына⁶, Н.П. Михневича⁷, немецкого историка Г. Дельбрюка⁸, русского ученого А.А. Свечина⁹. Все эти труды по военной истории содержат весьма богатый эмпирический материал и в основном сохраняют свое значение, даже с учетом определенных моментов устарелости. Примечательно, что военно-историческая мысль активно развивалась в Российской империи, а потом и в СССР. Это было обусловлено тем, что наша страна, отставая от передовых стран мира по уровню развития производительных сил и ряду других параметров, входила, начиная с эпохи Петра Первого, в очень узкий круг военных держав высшего ранга, в терминах американского политолога Дж. Модельски – являлась одной из немногих глобальных держав¹⁰.

Масштабный труд генерала от инфантерии Н.С. Голицына «Всеобщая военная история» (1872–1878) вкуче с его же «Русской военной историей» (1877–1878), был, по всей вероятности, первым в истории мировой науки сочинением по всемирной военной истории. Труд Голицына излагает военную историю: 1) древних времен, 2) средних времен, 3) новых времен, 4) новейших времен. Генерал от инфантерии Н.П. Михневич в своем произведении «История военного искусства с древнейших времен до начала девятнадцатого столетия» (1885) выделил военное искусство: 1) древнейших народов (ассирийцев, вавилонян, египтян, индусов, персов), 2) народов классической эпохи (греки, римляне) и 3) новых народов (Западной Европы и России). Г. Дельбрюк в своей «История военного искусства в рамках политической истории» (1900–1908) вычленил военное искусство: 1) античности, 2) германцев, 3) Средневековья и 4) Нового времени. Таким образом, для этих трудов в большей или меньшей степени характерно следование общепризнанной периодизации истории, введенной К. Келлером в 1702 г.

В произведениях упомянутых военных историков в хронологическом порядке фиксировались изменения, происходившие в рамках всемирной военной истории в сфере вооружений, тактики, организации военного дела, принципов комплектования вооруженных сил, рассматривалось и то, как эволюция вооружений детерминировала изменения тактики и организации армий. Вышеназванные труды ставили во главу угла описание фактов всемирной военной истории и их эмпирический анализ, не сопровождающийся, однако, выявлением существенных за-

⁶ Голицын 1872.

⁷ Михневич 2008.

⁸ Дельбрюк 2001–2015.

⁹ Свечин 2002.

¹⁰ Modelski 1987.

кономерностей войн. Эти труды описывали изменчивость эмпирических проявлений войны, исходя из неизменности сущности (природы) войны. В этом смысле труды по военной истории не выходили за пределы методологии Платона, основанной на противопоставлении изменчивого чувственно-воспринимаемого мира вещей и неизменного умопостигаемого мира идей, на антиномии текучести единичного и вечности общего. Это противоречие наиболее выпукло проявилось у Дельбрюка, который сочетал детальное прослеживание эволюции тактики и рассмотрение детерминант этой эволюции, в чем он выступал как продолжатель диалектического метода Энгельса, с верностью принципу неизменности стратегии. Согласно Дельбрюку, в ходе всемирной военной истории стратегия всегда была основана на оппозиции стратегии сокрушения (Александр Македонский, Пирр, Гай Юлий Цезарь, Наполеон) и стратегии измора (Ганнибал, Сципион, Велизарий, Фридрих II). Взгляды Дельбрюка на тактику и стратегию разделял Свечин в своем труде «Эволюции военного искусства» (1927–1928).

Большой шаг в формировании диалектического мышления о войнах был сделан после Первой мировой войны, в результате рефлексии над опытом самой развитой, зрелой, масштабной на тот момент войны в истории человечества. Рассмотрение развитой формы войны позволяет понять галерею ее незрелых форм. К данной познавательной ситуации применим знаменитый афоризм-аналогия К. Маркса «Анатомия человека – ключ к анатомии обезьяны. Намеки же на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно»¹¹. Диалектическое мышление в науке о войне выступило как разработка исторической типологии войн.

Историческая типология войн А.Е. Снесарева

По всей вероятности, первым в истории мировой научной мысли попытку разработать историческую типологию войн предпринял русский и советский военный мыслитель, бывший генерал-лейтенант Российской императорской армии А.Е. Снесарев в своем труде «Философия войны»¹² (1929), основанном на лекциях, прочитанных им в Академии Генерального штаба РККА в 1919–1921 гг. Незаурядная эрудиция автора проявилась в изложении высказываний о войнах мыслителей и деятелей культуры всех времен и народов, фактов из истории войн и военной статистики. Своеобразие метода исследования войн Снесарева заключается в соединении философского и социологического подходов, поскольку ученый не только стремился к теоретическим обобщениям, но и активно опирался на эмпирические данные, а именно на статистику, касающуюся разных аспектов войны как социального явления. Однако в труде Снесарева отсутствуют теоретическая система и разработанный понятийно-категориальный аппарат, нет четко установленных понятий, отражающих исторические типы войн. Книга Снесарева, скорее, эмпи-

¹¹ Маркс 1968: 39.

¹² Снесарев 2013.

рична, чем теоретична, и служит в большей степени заявкой на создание философии войны, чем философией войны в строгом смысле слова.

Концепция войны Снесарева включает три основных компонента: 1) нравственную оценку войны как социального явления, 2) характеристику войны как фактора исторического процесса, 3) историческую типологию войн. В первых двух пунктах Снесарев следовал концепции войны русского религиозного философа В.С. Соловьева, которая была выдвинута в сочинении «Оправдание добра». Снесарев вслед за Соловьевым подчеркивал невозможность осмысления войны в рамках абстрактных представлений о добре и зле. Для него войны были злом, порождавшим добро. Снесарев считал войну важнейшим фактором исторического прогресса человечества, обуславливавшим развитие и распространение культуры и гуманизма: «Войны всегда и несомненно играли огромную роль в жизни народов и царств как довлеющий фактор поступательного хода истории; они выводили на сцену истории молодые народности и сбрасывали в глубины прошлого народности старые, изжитые, утомленные исторической работой. Упомянутая роль с культурной точки зрения во многих случаях (если не в большинстве) была ролью положительной, культурно-созидательной; некоторые же войны носили яркий культурно-двигательный колорит. Все войны были более или менее жестоки, разрушительны и мстительны – это, несомненно, их злая сторона, но эти особенности вытекали как неизбежные следствия из сущности войны. Но и в этой сумме жестокостей мы видели иногда объясняющие и даже оправдывающие элементы»¹³.

Самым интересным компонентом философии войны Снесарева является его историческая типология войн. Ученый выделяет следующие типы войн: 1) первобытные войны, 2) древние войны, 3) средневековые войны, 4) войны Нового времени. На первый взгляд, вычленение этих исторических типов войн совпадает с тем, что было характерно для рассмотренных выше трудов по военной истории. Но все же Снесарев сделал шаг вперед по сравнению с военными историками.

При рассмотрении первобытных войн, разновидностью которых являются войны современных «дикарей», т.е. народов, пребывавших в начале XX в. в первобытном состоянии, Снесарев опирался на труды нидерландского теоретика войны Р. Штейнмеца¹⁴ и французского антрополога Ш. Летурно. Вслед за ними Снесарев подчеркивает, что войны были неизменным спутником начальных ступеней развития человечества и подчеркивает огромное значение войн в древнейшем прошлом, поскольку без них эволюция человека и его выход за пределы животного мира была бы невозможной. Войны у дикарей вызываются множеством причин, к числу которых относится охота на людей с целью каннибализма, захват рабов, женщин или скота, суеверия, связанные с верой во вредоносную магию соседей, защита чести племени и

¹³ Снесарев 2013: 151.

¹⁴ Steinmetz 1907.

вождей и т.д. В рамках первобытных войн выдвигались военные вожди, которым во время войны принадлежала полнота власти над воинами, возникали зародыши тактики, стратегии, артиллерии (метательное оружие), фортификации, разведки, военной коммуникации и т.д.

При анализе древних войн Снесарев воспроизвел установки философии войны В.С. Соловьева. Снесарев писал, что войны Древнего мира оказали решающее цивилизующее воздействие на судьбы мира, разрушая «одряхлевшие государства», отстраняя с исторической арены «обессилевшие народы», способствуя подъему более сильных государств, народов со значительными жизненными силами и потенциалом исторического творчества. Война была движущей силой общественного прогресса, а вооруженные силы – его опорой. Без войн не было бы объединения многих народов и территорий в рамках названных государств, не было бы материальных и духовных достижений, расцвета античной культуры и последующего распространения христианства. Только благодаря войнам возникли четыре «всемирные монархии» – Ассирио-Вавилонская, Персидская, Македонская и Римская державы, ставшие ступенями развития цивилизации в Античности. В древних войнах делают шаг вперед тактика, стратегия, фортификация и другие аспекты военного дела, и эти достижения сохраняли свое значение вплоть до начала XX века. Прогресс военного дела в Древнем мире, ступенями которого служили персидское войско, македонская фаланга и римские легионы, был, вместе с тем, нравственным и общественным прогрессом, воплощавшим перевес качества над количеством и формы над материей, полагал Снесарев.

В эпоху Средневековья войны, писал Снесарев, будучи единственным орудием достижения насущных для народов благ, продолжали быть средством прогресса. И такой прогресс выступал как победы христианского мира над мусульманским, европейской культуры над восточной, свободы над гнетом. При анализе войн эпохи Средневековья Снесарев выдвигает собственную историческую типологию войн, опирающуюся на выделение причин войн, которые были настолько разнообразными, что систематизировать их не представлялось возможным. И все же на основе «общих идей» войн он выделяет подтипы средневековых войн: 1) «войны, воплощающие идею переселения народов»¹⁵, 2) войны с целью «установлению порядка и окончательного закрепления за одной или несколькими народностями определенной территории»¹⁶, в которых в качестве сторон выступали народы, феодалы, горожане, крестьяне, централизованная власть и т.д. 3) войны с надвигающимися на Европу народами Востока и Юга (арабами, монголами, турками), 4) религиозные войны (крестовые походы, гуситские походы и т.д.).

Войны Нового времени Снесарев в соответствии с их причинами подразделил на следующие подтипы: 1) религиозные, 2) колониальные, 3) революционные, 4) национальные. Все они способствовали прогрессу

¹⁵ Снесарев 2013: 125.

¹⁶ Снесарев 2013: 126.

человечества. Религиозные войны, связанные с Реформацией, привели к раскрепощению людей, развитию духовной жизни, науки. Колониальные войны, несмотря на то что они были грабительскими, безнравственными и приводили к уничтожению целых культур, например, доколумбовых цивилизаций, вели к экономическому развитию и объединению человечества. Снесарев писал, что «колониальные войны явились тем первым и решительным толчком, который объединял народы мира в одно целое, сводил все умственные сокровища земли в одну сумму, в одно общее достояние человечества, давал исход для общемирового экономического сотрудничества – являлся всемирный рынок; войны были первым стимулом к братскому единению народов. Может быть, на первых шагах колониальные войны скорее напугали, разъединили народы, но это было лишь первичным нездоровым зерном, последующие зерна были обильные и благодатные»¹⁷. В числе колониальных войн – завоевание конкистадорами Америки, войны Великобритании в Индии, завоевание Россией Туркестана. Революционные войны, прежде всего, войны революционной и наполеоновской Франции, вели к отмене феодально-крепостнических порядков, установлению гражданских свобод, введению рациональной бюрократии. В эпоху этих войн Франция явила миру свое высшее всемирно-историческое значение. Национальные войны, ставя задачи объединения наций и/или освобождения от чужеземного гнета, подталкивали прогресс не только соответствующих наций, но и всего человечества. Эти войны были направлены на благо определенных наций и велись под знаменем «уравновешенного национализма», который отрицает «чрезмерный эгоизм наций, презрительное или злобное отношение к другим нациям»¹⁸. В таком национализме Снесарев видел позитивное явление. В качестве примера национальных войн, которые вели немцы, Снесарев называет войны против Наполеона в 1813–1814, австро-прусскую войну 1866 г., франко-прусскую войну 1870–1871, а также Первую мировую войну, полагая, что вина за нее лежит в первую очередь на Великобритании, которая защищала свое мировое господство перед лицом растущей мощи Германии. Национальными войнами были войны за объединение Италии, русско-турецкая война 1877–1878, которая велась Россией с целью освобождения балканских славян от османского гнета. При этом Снесарев считал, что Россия нередко вела войны, не в своих, а в чужих интересах – например, войны против Наполеона, поход в Венгрию в 1849 г. Гражданская война в США среди войн Нового времени стоит особняком, поскольку она велась с целью создания предпосылок экономического прогресса страны, а также предоставления чернокожим прав свободных людей.

Снесарев выделил ряд закономерностей, которые были наиболее зримыми при переходе от одного исторического типа войн к другому. Важнейшей из них он считал уменьшение жестокости, разрушительно-

¹⁷ Снесарев 2013: 137–138.

¹⁸ Снесарев 2013: 143.

сти и военных потерь (в относительных величинах). Он писал: «Вообще закон последовательного уменьшения в войнах человеческих жертв можно считать достаточно установленным»¹⁹. Первобытные войны были нацелены на полный разгром врага, на уничтожение средств его существования, включая поселения, и нередко – на полное физическое уничтожение враждебного племени (народа). Снесарев писал, что какими бы кровопролитными не были битва при Каннах в 216 г. до н.э. и битва при Каталаунских полях в 451 г., они меркнут перед сражениями первобытных племен, когда речь шла об истреблении всех живущих на определенной территории. Многие индейские племена в Северной Америке исчезли или оказались на грани исчезновения в результате подобных войн. Ссылаясь на исторические свидетельства и приводя статистику людских потерь в войнах разных эпох, ученый указывает, что в ходе истории войн происходило постепенное смягчение нравов. Современные войны, полагал ученый, нацелены в первую очередь на подчинение воли противника. Примечательно, рассматривая уменьшение жестокости в ходе эволюции войн, Снесарев вычленил уже пять исторических типов: 1) войны дикарей, 2) войны варваров, 3) войны классического мира, 4) средневековые войны и 5) войны Нового времени. Таким образом, к провозглашенной ранее исторической типологии войн он добавляет войны варваров, причисляя к ним войны древних египтян, ассирийцев, вавилонян, кочевников Азии, яванцев до прихода голландцев. Снесарев выделил в качестве еще одной закономерности рост влияния войн на государство. Особенностью войн Нового времени был рост вовлечения в них населения – их вел вооруженный народ, т.е. почти все мужское население наций, чем эти войны и отличались от войн Средних веков. Помимо этого, Снесарев выявил закономерность, проявляющуюся в том, что развитие военного дела приводит к тому, что меньшими усилиями достигаются большие результаты. Например, для взятия Трои потребовалось собрать почти поголовное ополчение греков, тогда как победы над персами Александр Македонский одержал гораздо меньшими силами. Римская империя была намного более обширной, чем Персидская монархия, но охранялась намного меньшим количеством войск.

Историческая типология войн Снесарева коснулась в первую очередь средневековых войн и войн Нового времени. В объяснении причин войн Снесарев придерживался плюралистического подхода, рассматривая множество равновесных детерминант, связанных с разнообразными потребностями общества и людей. При этом вне поля его зрения осталось то, как развитие войн обуславливалось эволюцией вооружений, о чем уже написали Ф. Энгельс и Г. Дельбрюк. Возможно, поэтому философия войны Снесарева была непоследовательно диалектической. Это наглядно проявилось в противоречивом утверждении ученого, сравнивавшем тактику римских легионеров и тактические приемы начала XX века, что «природа боя от начала веков остается глубоко

¹⁹ Снесарев 2013: 113.

неизменной, хотя подробности его хода, обусловливаемые техникой и обстановкой, претерпевали большие изменения и колебания»²⁰. Сделав шаг вперед по сравнению с Энгельсом и Дельбрюком в выделении исторических типов войн, А.Е. Снесарев не воспринял их достижений, проявляющихся в диалектическом рассмотрении тактики.

Историческая типология войн Е.А. Разина

Историческую типологию войн, основанную на марксистской методологии, разработал советский военный историк и теоретик генерал-майор Е.А. Разин (1898–1964). Первое издание его двухтомного труда «История военного искусства с древнейших времен до Первой империалистической войны» увидело свет в 1939–1940 г. и благодаря богатству эмпирического материала быстро приобрело популярность в СССР. Второе издание после некоторой доработки вышло уже в 1941 г. Впоследствии Е.А. Разин значительно переработал свое произведение, и его новая, трехтомная, версия под названием «История военного искусства» появилась в 1955–1961 гг. Ученый не успел завершить свой труд, и его содержание доведено только до событий XVII века включительно. Благодаря этому сочинению, Разин фактически стал ведущим советским военным историком. Основанный на изложении эмпирического материала в хронологической последовательности, труд Разина содержит, тем не менее, определенные теоретические компоненты, главным образом во введениях ко всем томам его сочинения.

Первоначальная (довоенная) концепция Е.А. Разина предполагала выделение военного искусства рабовладельческого, феодального и капиталистического общества, и, таким образом, для вычленения различных исторических типов войн ученый в качестве основания использовал общественные формации. В рамках своей поздней (послевоенной) концепции он признал это неправильным, полагая, что военное искусство является функцией вооруженных сил как компонента государства, а не общества в целом, и, кроме того, оно способно существенно развиваться в рамках одной формации. Тем самым, ученый подчеркнул относительную самостоятельность сферы военного дела внутри общественной формации как системы, относительную автономию этой сферы по отношению к способу производства.

С целью выявления специфики войны как социального явления Е.А. Разин в рамках своей поздней концепции охарактеризовал ее движущие силы следующим образом: «Факторами, определяющими исход войны, являются: во-первых, социально-экономический фактор (общественный строй и экономические возможности), во-вторых, политикоморальный фактор (политическое устройство и моральные силы народа и вооруженных масс) и, в-третьих, военно-технический фактор (количество и качество войск, вооружение и боевая техника, военное искусство всего личного состава вооруженных сил)»²¹. Разин здесь, как пред-

²⁰ Снесарев 2013: 111.

²¹ Разин 1999: 14.

ставляется, стремился в марксистском духе интерпретировать философию войны Клаузевица, согласно которой война включает три компонента: 1) насилие вкупе с ненавистью и враждой (слепой природный инстинкт), 2) игра вероятностей и случая (свободная духовная деятельность) и 3) подчинение в качестве орудия политике (чистый рассудок). Клаузевиц указывал, что первая из сторон относится главным образом к народу, вторая – к полководцу и третья – к правительству²². Первый, второй и третий факторы Разина аналогичны первой, третьей и второй сторонам войны по Клаузевицу соответственно.

Для обоснования относительной самостоятельности военного дела, его опосредствованной зависимости от способа производства Разин предложил рассматривать войну как специфическую отрасль производства и выделил ее основной закон: «Пользуясь аналогией (отнюдь не отождествлением) между общественным развитием в целом и войной, как одним из явлений классового общества, мы можем сказать, что основным законом войны является противоречие между “производительными силами” и “производственными отношениями” этого общественного явления. К “производительным силам” войны относятся: военные кадры, оружие (и вообще вся боевая техника) и боевые навыки личного состава вооруженных сил. “Производственные отношения” войны включают три основные категории взаимосвязи: отношения (внешние) между правительством и армией (армия – орудие государственной власти), отношения (внутренние) между рядовым и начальствующим составом вооруженных сил, отношения между фронтом и тылом»²³. Таким образом, относительная самостоятельность войны как общественного явления, согласно Разину, обусловлена относительной самостоятельностью войны как специфической отрасли внутри способа производства.

Диалектика «производительных сил» и «производственных отношений» войны, по Разину, обуславливает способы употребления вооруженных сил, которые интегрируются в формах ведения войн, и учение о последних составляет военное искусство, включающее стратегию, оперативное искусство и тактику. Исходя из этого, Разин выделил четыре периода развития военного искусства: 1) рабовладельческий или ремесленный (XXXI в. до н.э. – VI в.), 2) феодальный или цеховой (VII–XVI вв.), 3) мануфактурный (вторая половина XVI–XIX вв.) и 4) машинный (XX в.). Вооруженные силы разных стран в эти периоды организованы и функционируют аналогично предприятиям промышленности (в широком смысле) эпохи. Подчеркивание соответствия между историческими типами промышленного производства и историческими типами военного дела составляет основу концепции Разина. Его историческая типология войн противоречива: первые два типа он выделяет по смешанному основанию (производительные силы и производственные отношения), последующие два – в соответствии с производительными силами.

²² Клаузевиц 2002: 40–41.

²³ Разин 1999: 14–15.

Для рабовладельческого (ремесленного) периода характерно производство вооружений ремесленным способом, и их применение основывалось на мускульной силе людей и животных, разделение труда внутри военной деятельности было незначительным, стратегические формы были примитивны, различение тактических функций было весьма неразвитым, касаясь только двух родов войск – пехоты и кавалерии. Этот период развития военного искусства полностью соответствовал рабовладельческой общественной формации.

Феодалный (цеховой) период предполагал производство вооружений цехами ремесленников, с помощью ручного труда, предполагавшего более высокий уровень разделения функций. Использование вооружений продолжало основываться на мускульной энергии людей и животных, огнестрельное оружие имело второстепенное значение. Войска были организованы по цеховому принципу, рода войск выступали как цеховые корпорации. Разин писал: «В феодалный или цеховой период войны дружины феодалов, а затем отряды кондотьеров, ландскнехтов, швейцарских и других наемников представляли собой строго замкнутые цеховые корпорации. Рыцарь или князь, а затем кондотьер являлись своего рода цеховыми мастерами, организаторами своих отрядов – цеховых корпораций»²⁴. Уже дружины раннесредневековых племенных вождей были своего рода цеховыми корпорациями, замечает Разин. Боевая деятельность также имела цеховой характер. Вооруженные силы чаще всего выглядели как небольшие отряды профессиональных воинов (рыцарей), которые дополнялись народным ополчением. Феодалный период войны Разин в связи с изменением политических форм подразделяет на два этапа: 1) этап военного искусства племенных объединений славян, арабов, франков, монголов и турок, а также военное искусство периода феодалной анархии в Европе и Азии, т.е. периода складывания феодалного общества, 2) военное искусство феодалных монархий и народных восстаний, т.е. эпохи формирования феодално-абсолютистских государств.

Мануфактурный период характеризуется производством вооружений на мануфактурах, что предполагает высокий уровень разделения физического труда. Вооружения этого периода, как и ранее, имели «ручной» характер, эффективность их применения зависела в первую очередь от индивидуальных качеств людей (физической силы, виртуозности, глазомера и т. д.). В этот период вооружения (гладкоствольное ручное огнестрельное оружие и гладкоствольная артиллерия, с середины XIX в. – нарезное оружие) быстро совершенствовались, и, кроме того, происходила их стандартизация. Вооруженные силы были построены и функционировали как своего рода мануфактура, что означало сочетание применения вооружений, приводимых в действие мускульной энергией людей и животных, с высоким уровнем специализации и кооперации военной деятельности, чего ранее не было. Это приводило к интенсив-

²⁴ Разин 1999: 18.

ному развитию организации войск, включая появление их новых родов. В силу этого вооруженные силы превратились в высокодифференцированные и сложноорганизованные коллективы солдат и офицеров. В это время сложились организационные единицы вооруженных сил, существующие и поныне – взвод, рота, батарея, батальон, полк, бригада, дивизия, корпус, армия и т. д. Вооруженные силы становятся постоянными регулярными армиями, а с конца XVIII в. – массовыми армиями. Развивались тактика и стратегия: возникли и совершенствовались кордонная и маневренная стратегия, линейная тактика, а впоследствии тактика колонн и рассыпного строя. Мануфактурный период Разин подразделил на этапы: 1) становления (2-я половина XVI–XVII вв.), 2) развития (XVIII в.) и 3) классических форм (XIX в.). В своем труде ученый успел детально рассмотреть только ремесленный, цеховой периоды и первый этап мануфактурного периода военного искусства. Машинный период не был охарактеризован Разиным даже в общем виде. Поскольку третий том труда Разина посвящен первому этапу третьего периода военного искусства, то мы можем предположить, что в случае полной реализации его творческих замыслов все производство охватило бы пять томов.

Поздняя концепция войны Разина противоречива. С одной стороны, он стремился уйти от редуccionизма своей первоначальной концепции и отразить внутренние закономерности войны, но с другой – опирался на некоторые неудачные идеи К. Маркса и Ф. Энгельса. В «Экономических рукописях 1857–1858 гг.» Маркса намечен подход, согласно которому война подчиняется тем же закономерностям, что и способ производства, и это, в первую очередь, проявляется в том, что в рамках войны также действует диалектика производительных сил и производственных отношений²⁵. Но позиция Маркса была нечеткой: он, с одной стороны, отождествлял наемный труд в капиталистической экономике и «наемный труд» в армии, указывая на то, что второй развивался исторически раньше, чем первый, уже в Античности, и одновременно подчеркивал различие между ними²⁶. Маркс в 1866 г. в письме к Энгельсу по отношению к войне использовал понятие «человекоубойная промышленность» («Menschenabschlachtungindustrie»)²⁷. Маркс предлагал Энгельсу написать главу для «Капитала», посвященную проблеме обусловленности организации труда вооружениями. Вооружения определяют тактику и организацию вооруженных сил, что убедительно показал Энгельс в рукописи «Материальные основы тактики пехоты»²⁸, но приписывание военному делу диалектики производительных сил и производственных отношений является ошибкой. Впоследствии Маркс и Энгельс отказались от реализации идеи рассматривать войну как сферу диалектики производительных сил и отношений, вероятно, осознав беспер-

²⁵ Маркс 1968: 41.

²⁶ Маркс 1968: 21.

²⁷ Маркс 1963: 197.

²⁸ Энгельс 1961: 655–662.

спективность этого подхода, поскольку военное дело представляет собой особую область политики, которая надстраивается непосредственно над способом производства, но не является его компонентом. В «Капитале» Маркса и в главах «Анти-Дюринга» Энгельса, посвященных «теории насилия», уже не содержится попыток разработки концепции войны как специфической отрасли общественного производства. Однако Разин подход, едва намеченный Марксом и Энгельсом, попытался превратить в теоретический принцип, что было вполне закономерным в условиях СССР, при господстве догматического отношения к марксизму, и использовал его для построения исторической типологии войн. В ходе эволюции философии войны Разина абстрактный редукционизм его первоначальной концепции, предполагавшей сведение войны к типу общества, был сменен конкретным редукционизмом его поздней концепции, предполагавшей сведение войны к типу производительных сил.

Редукционизм поздней философии войны Е.А. Разина содержал в себе двоякую ограниченность: во-первых, война сводилась к опосредствованной сущности войны, минуя непосредственную, во-вторых, война сводилась к производительным силам, т.е. только к одной из сторон способа производства. Ограниченность подхода Разина привела к тому, что положения его концепции в рамках исторической типологии войн остались сугубо лишь декларативными, поскольку систематическое и детальное исследование того, как «производительные силы» и «производственные отношения» войны обуславливали каждый из типов военного искусства и переход от одного типа к другому на основе осталось нереализованным. Более того, такое исследование и не могло быть реализовано. В связи с этим всемирную военную историю Разин закономерно отразил только на эмпирическом и дескриптивном уровне: несравненное эмпирическое богатство его труда сочетается с теоретической слабостью. Историческая типология войн Разина не столько помогает понять конкретные войны, сколько сводит их к выделенным им типам. Разин как военный историк превосходит Разина как философа войны. Вместе с тем, при всех своих моментах ограниченности историческая типология войн Е.А. Разина представляла собой серьезный шаг вперед по сравнению с подходом А.Е. Снесарева в силу более глубокого рассмотрения феномена войны и его исторического развития.

Е.А. Разин подвергся критике со стороны И.В. Сталина в связи с тем, что историк, ссылаясь на высказывания В.И. Ленина, защищал теоретическое наследие К. Клаузевица. В письме к ученому от 23 февраля 1946 года, опубликованном в № 3 журнала «Большевик» за 1947 г., руководитель Советского государства указал, что Клаузевиц полностью устарел как авторитет в военном деле. Сталин полагал, что следует покончить с «незаслуженным уважением» к военным авторитетам Германии, он заявил: «Смешно брать теперь уроки у Клаузевица»²⁹. Сталин

²⁹ Сталин 2010: 19.

обосновывал это тем, что, во-первых, Германия, чье военное дело опиралось на идеи Клаузевица, потерпела поражение в двух мировых войнах, во-вторых, тем, что Клаузевиц представлял мануфактурный период войны, тогда как середина XX в. относится к машинному периоду. Сталинская критика в адрес Разина была поверхностной, прагматической и антитеоретической, но примечательно, что, критикуя военного историка, Сталин исходил при этом из его типологии войн, разделяя его редуccionистскую методологию.

Подход к исторической типологии войн, близкий позиции Разина, был характерен для советского военного историка А.А. Строкова, автора «Истории военного искусства» (1955–1965), посвященной всемирной военной истории от Древности до XIX в. включительно. В качестве дополнения к этому сочинению ученый в 1974 г. опубликовал книгу «Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне». Строков, указывая на то, что войны являются атрибутом обществ, основанных на частной собственности на средства производства, классово-антагонистических обществ, подчеркивает целостность общественной жизни, всеобщую связь общественных явлений в аспекте обусловленности войны и военного искусства способом производства. Строков выделил следующие этапы развития военного искусства: 1) рабовладельческое общество, 2) феодальное общество, 3) мануфактурный период (домонополистический капитализм) и 4) машинный период (монополистический капитализм). Исторические типологии войн Разина и Строкова в силу их редуccionистской методологии можно считать устаревшими, но благодаря фундаментальности и огромному эмпирическому богатству их труды и поныне сохраняют свое значение.

Исторические типологии войн А.Е. Снесарева и Е.А. Разина были важными шагами в развитии диалектического мышления о войнах. Как представляется, подход Разина был более глубоким и теоретически разработанным, и это было обусловлено не только тем, что он опирался на марксистскую методологию, которая оказалась более эффективной, чем эклектическая методология Снесарева. Большое значение имело и то, что Разин исходил из осмысления опыта двух мировых войн, тогда как Снесарев – только опыта I мировой войны. Рефлексия над самыми развитыми, зрелыми войнами в истории человечества является необходимой предпосылкой постижения закономерностей развития войн. Вместе с тем, материалистический редуccionизм концепции Разина довольно скоро обнаружил свою ограниченность.

Разработка исторической типологии войн происходила одновременно и за рубежом. Наиболее важная зарубежная историческая типология была создана американским ученым К. Райтом в его фундаментальном труде «Исследование войны» (1942)³⁰. В конце XX в. возникла концепция войн четырех поколений американского военного мыслителя

³⁰ Wright 1942.

У. Линда³¹ и концепция шести поколений войн российского военного теоретика В.И. Слипченко³², получивших распространение в западной и российской науке соответственно. В отличие от подходов А.Е. Снесарева, Е.А. Разина и К. Райта, концепциям У. Линда и В.И. Слипченко присуща преимущественно прикладная ориентация – они были призваны служить основанием для военного искусства, а также военно-политической и военно-экономической деятельности государств.

Разработка исторической типологии войн, учитывающей достижения предшествующих поколений ученых, остается актуальной проблемой для современных социальных наук, что диктуется необходимостью теоретического исследования войны как развивающегося всемирно-исторического явления, т.е. диалектического мышления о войне. Последнее сопряжено с осуществлением противоречивого единства интерналистского и экстерналистского подходов к войне, а это означает, с одной стороны, исследование внутренних закономерностей войны как автономного социального явления, что предполагает, в первую очередь, анализ обусловленности основных модусов военного искусства (тактики, оперативного искусства и стратегии) вооружениями, с другой – исследование войны как компонента общественной системы, т.е. анализ обусловленности войны основными сферами общественной жизни (географической средой, экономикой, общественным сознанием, включая мораль, право и т.п.). Такой путь исследования войн снял бы, в частности, ограниченность популярных ныне теорий справедливых войн и теорий современных войн, что является задачей будущего.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Голицын Н.С. Всеобщая военная история древних времен. Ч. 1–2. СПб.: Типография А. Траншеля, 1872–73; Ч. 3. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1874; Ч. 4. СПб.: Тип. П.П. Меркурьева, 1875 [Golicyn N.S. Vseobshchaya voennaya istoriya drevnih vremen. Ch. 1-2. (General military history of the Antiquity. Parts 1-2). Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya, 1872-73; Ch. 3. (Part 3). Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1874; Ч. 4. (Part 4). Saint Petersburg: Tip. P.P. Merkur'eva, 1875].
- Голицын Н. С. Всеобщая военная история средних времен. Ч. 1–3. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1876–1878 [Golicyn N.S. Vseobshchaya voennaya istoriya srednih vremen. Ch. 1-3. (General military history of the Middle Ages. Parts 1-3). Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1876-1878].
- Голицын Н.С. Всеобщая военная история новых времен. Ч. 1–2. СПб.: Тип. А. Траншеля, 1872–1873; Ч. 3. СПб.: Тип. тов-ва «Общественная польза», 1874 [Golicyn N.S. Vseobshchaya voennaya istoriya novyh vremen. Ch. 1-2. (General military history of modern times. Parts 1-2). Saint Petersburg: Tip. A. Transhelya, 1872-1873; Ч. 3. (Part 3). Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1874].
- Голицын Н.С. Всеобщая военная история новейших времен. Ч.1-2. Тип. тов-ва «Общественная польза», 1874–75 [Golicyn N.S. Vseobshchaya voennaya istoriya novейshih vremen. Ch.1-2. (General military history of contemporary times. Parts 1-2). Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1874-75].
- Голицын Н.С. Русская военная история. Ч. 1,2. Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1877–78 [Golicyn N.S. Russkaya voennaya istoriya. Ch. 1, 2. (Russian military history. Parts 1, 2). Saint Petersburg: Tip. tov-va «Obshchestvennaya pol'za», 1877-78].

³¹ Lind, Thiele 2015.

³² Слипченко 2002.

- Дельбрюк Г. История военного искусства в рамках политической истории. Т. I–VII. СПб.: Наука, 2001–2015 [Del'brvuk G. Istoriva voennogo iskusstva v ramkah politicheskoy istorii. T. I–VII. (History of Warfare in the Framework of Political History. Parts I–VII). Saint Petersburg: Nauka, 2001–2015].
- Клаузевиц К. О войне. Важнейшие принципы войны. СПб.: Азбука, 2022 [Klauzewitz K. O vojne. Vazhnejshie principy vojny. (On war. The most important principles of war). Saint Petersburg: Azbuka, 2022].
- Куманьков А.Д. Война в XXI веке. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2020 [Kuman'kov A.D. Vojna v XXI veke. (War in the 21st century). Moscow.: Izdatel'skij dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2020].
- Куманьков А.Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фоушин, Б. Оренд, Дж. Макмахан. СПб.: Алетея, 2019. 268 с. [Kuman'kov A.D. Sovremennye klassiki teorii spravedlivoj vojny: M. Ulcer, N. Foushin, B. Orend, Dzh. McMahan. (Contemporary classics of just war theory: M. Walzer, N. Fotion, B. Orend, J. McMahan). Saint Petersburg: Aleteya, 2019. 268 p.].
- Куманьков А.Д. Философия войны: краткий очерк истории // Логос. 2019. №3. С. 99–116 [Kuman'kov A.D. Filosofiya vojny: kratkij ocherk istorii (Philosophy of War: A Brief History) // Logos. 2019. №3. P. 99–116].
- Лиддел-Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 1999 [Liddel-Gart B. Enciklopediya voennogo iskusstva. Strategiya nepryamyh dejstvij. (Encyclopedia of military art. Strategy of indirect actions). Moscow: AST, 1999].
- Маркс К. Письмо к Ф. Энгельсу от 7 июля 1866 // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 31. М.: Госполитиздат, 1963. С. 195–197. [Marx K. Pis'mo k F. Engel'su ot 7 iyulya 1866 (Letter to F. Engels, July 7, 1866) // Marx K., Engel's F. Sobr. soch. 2-e izd. T. 31. Moscow: Gospolitizdat, 1963. P. 195–197].
- Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. 2-е изд. Т. 46 (1). М.: Госполитиздат, 1968 [Marx K. Ekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov (Economic manuscripts 1857–1859) // Marx K., Engel's F. Sobr. soch. 2-e izd. T. 46 (1). Moscow: Gospolitizdat, 1968].
- Михневич Н.П. История военного искусства. М.: Эксмо, 2008 [Mihnevich N.P. Istoriya voennogo iskusstva. (History of military art). Moscow: Eksmo, 2008].
- Разин Е.А. История военного искусства. В 3-х т. СПб.: Полигон, 1999–2000 [Razin E. A. Istoriya voennogo iskusstva. V 3-h t. (History of Military Art). Saint Petersburg: Poligon, 1999–2000].
- Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М.: Академический проект-Кучково поле, 2002 [Svechin A.A. Evolyuciya voennogo iskusstva. (The evolution of Military Art). Moscow: Akademicheskij proekt-Kuchkovo pole, 2002].
- Слипченко В.И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего. М.: Вече, 2002. 864 с. [Slipchenko V.I. Vojny shestogo pokoleniya: oruzhie i voennoe iskusstvo budushchego. (Sixth Generation Wars: Weapons and the Art of War of the Future). Moscow: Veche, 2002. 864 p.].
- Соколов Е.С. Рождение современной войны // Вопросы философии. 2015. №12. С. 175–186 [Sokolov E.S. Rozhdenie sovremennoj vojny (The Birth of Modern Warfare) // Voprosy filosofii. 2015. №12. P. 175–186].
- Соколов Е.С. Современность войны: Карл Клаузевиц и его теория // Логос. 2019. №3. С. 67–98 [Sokolov E.S. Sovremennost' vojny: Karl Klauzevic i ego teoriya (The Modernity of War: Carl Clausewitz and His Theory) // Logos. 2019. №3. P. 67–98].
- Снесарев А.Е. Философия войны. М.: Издательство «Ломоносовъ», 2013 [Snesarev A.E. Filosofiya vojny. (Philosophy of war). Moscow: Izdatel'stvo «Lomonosov», 2013].
- Сталин И.В. Ответ товарищу Разину // Сталин И.В. Полное собрание сочинений. Т. 16. М.: Изд. ИТРК, 2010. С. 18–21 [Stalin I.V. Otvet tovarishchu Razinu (Reply to Comrade Razin) // Stalin I.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 16. Moscow: Izd-vo ITRK, 2010. P. 18–21].
- Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество от Французской буржуазной революции до периода империализма. М.: Воениздат, 1965 [Strokov A.A. Istoriya voennogo iskusstva. Kapitalisticheskoe obshchestvo ot Francuzskoj burzhuaznoj revolyucii do perioda imperializma. (History of military art. Capitalist society from the French bourgeois revolution to the period of imperialism). Moscow: Voenizdat, 1965].

- Строков А.А. История военного искусства. Капиталистическое общество периода империализма (до конца Первой мировой войны 1914–1918 гг.). М.: Воениздат, 1967 [Strokov A.A. Istoriya voennogo iskusstva. Kapitalisticheskoe obshchestvo perioda imperIALIZMA (do konca Pervoj mirovoj vojny 1914-1918 gg.). (History of military art. Capitalist society during the period of imperialism (until the end of the First World War, 1914–1918). Moscow: Voenizdat, 1967].
- Строков А.А. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М.: Воениздат, 1955 [Strokov A.A. Istoriya voennogo iskusstva. Rabovladel'cheskoe i feodal'noe obshchestvo. (History of military art. Slave and feudal society). Moscow: Voenizdat, 1955].
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М.: Госполитиздат, 1961. С. 162–189. [Engel's F. Anti-Dyuring (Anti-Düring) // Marks K., Engel's F. Sochineniya. 2-e izd. T. 20. Moscow: Gospolitizdat, 1961. P. 162-189].
- Comparative Just War Theory. An Introduction to International Perspectives. Ed. by L. Cordeiro-Rodrigues and D. Singh. L.: The Rowman & Littlefield Publishing Group, 2020.
- Contemporary Just War. Theory and Practice. New York: Routledge, 2018.
- Herberg-Rothe A. Clausewitz's Puzzle. The Political Theory of War. New York: Oxford University Press, 2007.
- Just war theory in the twenty-first century. Ed. by F. Allhoff, N.G. Evans and A. Henschke. New York and London: 2013. 432 p.
- Lind W., Thiele G. 4th Generation Warfare Handbook. Kouvola: Kastalia House, 2015.
- Modelski G. Long Cycles in World Politics. Basingstoke and London: Macmillan Press, 1987.
- Müller Ch.Th. Clausewitz verstehen. Wirken, Werk und Wirkung. Hamburg: Brill, 2021.
- Preventive Force. Drones, Targeted Killing, and the Transformation of Contemporary Warfare. Ed. by K. Fisk and J.M. Ramos. New York: New York University Press, 2016.
- Smith H. On Clausewitz. A study of Military and Political Ideas. New York: Palgrave MacMillan, 2004.
- Steinmetz R. Philosophie des Krieges. Leipzig: Verlag von Johann Ambrosius Barth, 1907.
- Wright Q. A Study of War. Vol.1, 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1942.

Рахманов Азат Борисович, доктор философских наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, azrakhmanov@mail.ru

Dialectics in the Realm of Mars: Historical Typologies of Wars of A.E. Snesev and E.A. Razin

The scientific study of war as a social phenomenon requires the application to it of dialectical methodology, which involves consideration of the historical development of war. First and foremost, this involves distinguishing the historical types of warfare. The task of studying the historical typology of wars was first posed and began to be addressed after World War I. This article examines the historical typologies of warfare developed by the Russian military theorist A.E. Snesev and the Soviet military historian E.A. Razin. These two versions of the historical typology of wars were based on different philosophical approaches and had both strengths and weaknesses.

Keywords: war, philosophy of war, dialectics, historical typology of wars, A.E. Snesev, E.A. Razin.

Azat Borisovich Rakhmanov, Dr. Sc. (Philosophy), Professor, Lomonosov Moscow State University, azrakhmanov@mail.ru

И.Е. СУРИКОВ

ДВА КРИТИЯ И АТЛАНТИДА ИЗ ИСТОРИИ АФИНСКОЙ ОЛИГАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ (Часть II)*

Вопрос о том, в чьи уста вложена Платоном в «Тимее» и «Критий» легенда об Атлантиде дискусионен. Согласно традиционной точке зрения, рассказывающий ее Критий тождественен известному олигарху конца V в. до н.э. Критию, сыну Каллесхра (дяде Платона), в 404–403 гг. до н.э. возглавлявшему репрессивный режим «Тридцати тиранов» в Афинах. Однако такая идентификация Крития вышеупомянутых диалогов порождает непреодолимые хронологические трудности. В свое время по эпиграфическим данным стал известен другой Критий (сын Леаида, дед «тирана»), и крайне велика вероятность того, что именно он выведен Платоном в качестве действующего лица «Тимея» и «Крития». Обоснованию этого тезиса посвящена эта часть статьи. В том случае, если он верен, перед нами предстает целая семья, в которой крайне-олигархические воззрения передавались по наследству. Данное положение хорошо согласуется с тем фактом, что еще один представитель этой семьи – Каллесхр (отец младшего Крития и сын старшего) – тоже был политиком-олигархом.

Ключевые слова: Платон, Афины, Атлантида, Критий, олигархия, демократия, Спарта, политическая мысль.

В первой части статьи мы видели, что противопоставленные друг другу образы Атлантиды и «древнейших Афин» в диалогах Платона «Тимей» и «Критий» поданы в ярко выраженном антидемократическом и лаконофильском духе. А самым ярким примером афинянина-лаконофила был, безусловно, Критий – ученик Сократа и софистов, философ, литератор и политик, знатнейший аристократ, а помимо всего прочего – дядя Платона. Критий – фигура известная, и освещающая его личность литература достаточно обильна¹, так что здесь мы скажем о нем лишь несколько слов, тем более что в другом месте рассматривали его биографию подробно².

Критий никогда не скрывал своих антидемократических убеждений (за что однажды даже был изгнан из Афин), а перед Спартой просто-таки преклонялся – вплоть до того, что написал о ней панегирический трактат «Лакедемонская полития» (сохранившийся лишь фрагментарно). Когда в Афинах вскоре после их поражения в Пелопоннесской войне был взамен ликвидированной демократии установлен олигархический режим Тридцати (404–403 гг. до н.э.), Критий стал одним из его лидеров, а со временем – даже первым человеком в Афинах. В сущно-

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00024, <https://rscf.ru/project/23-28-00024/>

¹ Укажем несколько важных (и сравнительно новых) работ, специально посвященных этому деятелю: Фролов 2003; Ungern-Sternberg 2000; Danzig 2014; Herrmann 2017; Gottesman 2020.

² Суриков 2011: 210–288.

сти, именно он главный виновник того, что правящая коллегия Тридцати вошла в историю как «Тридцать тиранов»³, запятнав себя беспрецедентными репрессиями⁴. Критий проявил себя как идеократ в полном смысле слова, готовый ради торжества любезных ему взглядов пролить любую кровь. В том числе, между прочим, и собственную: кончил он тем, что, доблестно сражаясь, погиб в битве при Пирее против лидера изгнанников-демократов Фрасибула (Xen. Hell. II. 4. 19).

Критий, в сущности, всерьез планировал превратить Афины в «новую Спарту»⁵ – вплоть до создания даже некоего подобия илотии. Одна из его мер заслуживает специального упоминания. В демократических Афинах с середины V в. до н.э. на холме Пникс неподалеку от городского центра существовал экклесиастерий – помещение для заседаний народного собрания (экклесии), высшего органа власти. С рядами скамей для участников, полукругом сходящимися к центру, он несколько напоминал греческие театры, но имел от них то понятное отличие, что в центре находилась не орхестра, где играли актеры и хор, а трибуна (βῆμα) для выступающих. Обращена трибуна по первоначальному строительному плану была к морю. Однако ее, по свидетельству Плутарха, «Тридцать тиранов повернули лицом к земле: они думали, что господство на море рождает демократию, а олигархией меньше тяготятся земледельцы» (Plut. Them. 19; пер. С.И. Соболевского). В высшей степени символический шаг, отражающий парадигму олигархического мышления!

Почему мы так подробно остановились на личности Крития? Дело в том, что теперь перед нами вплотную встает вопрос о том, кем является тот Критий, который в рассматриваемых диалогах ведет речь об Атлантиде. Долгое время в исследовательской литературе решительно преобладало мнение, согласно которому это не кто иной, как лидер Тридцати, о коем только что шла речь⁶. Это казалось более чем естественным, учитывая то, что Платону он приходился близким родственником и выступает в качестве действующего лица в еще нескольких его произведениях («Протагор», «Хармид», а также «Эриксий», обычно считающийся написанным не самим Платоном, а кем-то в рамках его школы)⁷.

Однако давно уже было замечено, что такая идентификация Крития порождает серьезную хронологическую трудность. На ней нужно остановиться подробно, дабы стало ясно, о чем идет речь. Вот что говорит сам рассказчик о том, как ему стало известно предание об Атлантиде. Его будто бы «засвидетельствовал Солон, мудрейший из семи мудрецов. Он был родственником и большим другом прадеда нашего Дро-

³ Считается, что это выражение первым употребил историк IV в. до н.э. Эфор: Rhodes 2000: 135.

⁴ О государственном терроре со стороны коллегии Тридцати см.: Wolpert 2006; 2019.

⁵ Это один из базовых тезисов имеющего в историографии монографического исследования о «Тридцати тиранах» (Krentz 1982), и мы с данным тезисом вполне солидарны (см. дополнительные аргументы в: Суриков 2021: 204–213).

⁶ Напр.: Видаль-Наке 2012: 22 (никакой иной возможности даже не предполагается).

⁷ Nails 2002: 108.

пида, о чем сам неоднократно упоминает в своих стихотворениях; и он говорил деду нашему Критию – а старик в свою очередь повторял это нам (πρὸς δὲ Κριτίαν τὸν ἡμέτερον πάππον εἶπεν, ὡς ἀλεμνημόνευεν αὐτὸς πρὸς ἡμᾶς ὁ γέρον), – что нашим городом в древности были свершены великие и достойные удивления дела (война с Атлантидой – *И.С.*)... Да, в те времена нашему деду было, по собственным его словам, около девяноста лет, а мне – самое большее десять» (Plat. Tim. 20d–e; 21a–b).

Поскольку здесь упомянут Солон, укажем базовые даты, связанные с ним. Этот выдающийся афинский политик, законодатель и поэт родился около 640 г. до н.э., в 594–593 гг. до н.э., занимая высшую в полисе должность архонта-эпонима с чрезвычайными полномочиями, провел свои знаменитые реформы, а скончался в 560 или 559 г. до н.э.⁸ Из этого и надлежит исходить. Обратимся теперь к хронологии знаменитого олигарха Крития (Крития, сына Каллесхра, если привести его имя с патронимиком, как было принято в Афинах⁹). Для этого последнего приблизительную дату рождения обычно указывают так: около 460 г. до н.э.¹⁰ Впрочем, нам уже приходилось писать¹¹ о том, что в действительности он, видимо, был несколько моложе. В «Протагоре» Платона молодой Критий выведен как близкий друг Алкивиада, неразлучный с ним¹² (Plat. Prot. 316a; 317e; 336d); да и из других источников видно, что эти двое были сверстниками. Что же касается Алкивиада, не приходится сомневаться в том, что он родился около 450 г. до н.э. Когда он был совсем еще ребенком, его отец Клиний погиб в битве при Коронее 447 г. до н.э., и мальчика взял под опеку его родственник Перикл. Политическую деятельность Алкивиад начал в 420 г. до н.э. (Thuc. V. 43. 2 – первое упоминание), то есть, как и положено, по достижении тридцатилетнего возраста, начиная с которого в афинском полисе гражданину разрешалось занимать государственные должности (Алкивиад стал стратегом и избирался на этот пост несколько лет подряд¹³ – вплоть до известного скандала с профанацией Элевсинских мистерий (415 г. до н.э.), приведшего к его осуждению на смерть и перехода на сторону Спарты.

Итак, рождение Крития тоже резоннее относить примерно к 450 г. до н.э. Время же действия в диалогах «Тимей» и «Критий» определяют как 429 г. до н.э.¹⁴ А теперь обратим внимание на то, как охарактеризо-

⁸ Суриков 2005: 102, 127, 144. Эти и другие вопросы жизни и деятельности Солона в контексте истории Афин были наиболее подробно рассмотрены в: Суриков 2022.

⁹ Строго говоря, официальное имя афинского гражданина включало, кроме личного имени и патронимика, еще демотик (указание принадлежности к тому или иному дему). Но демотик Крития и всей его семьи, к сожалению, неизвестен.

¹⁰ Например: Nails 2002: 108.

¹¹ Суриков 2011: 234.

¹² Позже их пути настолько разошлись, что Критий даже стал виновником гибели Алкивиада (это отдельный вопрос, которого здесь мы касаться не можем). Но начинали они оба как ученики Сократа.

¹³ Fornara 1971: 62–64.

¹⁴ Nails 2002: 326. Действие в «Протагоре», в котором, напомним, тоже появляется Критий (причем в нем это, безусловно, «наш» Критий), датируется чуть более ран-

ван Критий в начале «Тимея»: «Что касается Крития, то уж о нем-то все в Афинах знают, что он не невежда (ἰδιώτην) ни в одном из обсуждаемых нами предметов» (Plat. Tim. 20a). Несколько странно, что о юноше двадцати с небольшими лет высказывается столь лестное суждение. Предметы-то в дальнейшем будут обсуждаться сложнейшие!

Но сделаем даже уступку и примем ту дату рождения Крития (ок. 460 г. до н.э.), которая преобладает в литературе. О тридцатилетнем человеке, допустим, уже можно сказать то, что сказано в приведенной цитате. Но и в этом случае совершенно непреодолимая хронологическая нестыковка всё же остается, и вот в чем она заключается. Как мы видели, Критий «Тимея», по его словам, услышал рассказ об Атлантиде в десятилетнем возрасте от своего девятидесятилетнего деда, тоже Крития (с патронимиком – Крития, сына Дропиды), а этот Критий (будем во избежание путаницы называть его Критием-старшим) – от Солона.

Если Критий «Тимея» – тот Критий (Критий-младший), который впоследствии стал главой коллегии Тридцати, то его разговор с дедом имел место никак не раньше 450 г. до н.э., и тогда получается, что Критий-старший родился не ранее 540 г. до н.э. Но как он мог узнать что-либо от Солона, скончавшегося, выходит, задолго до его рождения? А при этом – вот еще один крайне важный нюанс – Критий-старший упоминается в одном из сохранившихся фрагментов элегий Солона. Прочитируем этот фрагмент (Sol. fr. 18 Diehl) в нашем переводе:

Русоволосому Критию дай-ка скажу, чтобы слушал
Он отца: за вождем он не безумным пойдет.

Упомянутый здесь отец Крития – это Дропид, близкий родственник (по некоторым сведениям, даже брат) Солона, занимавший в Афинах пост архонта-эпонима непосредственно после него, в 593/592 г. до н.э.¹⁵ и, несомненно, продолживший дело его реформ. Судя по тону элегии, она была обращена к довольно молодому человеку, иначе вряд ли имел смысл совет слушаться отца. Как бы то ни было, перед нами бесспорное свидетельство того, что Критий-старший застал-таки Солона.

В другом месте¹⁶ мы отнесли адресованную Критию элегию к 590-м гг. до н.э. (и тогда выходит, что Критий-старший родился не позже конца VII в. до н.э.), но оговорили, что эта датировка является гипотетической. Коль скоро мы решили во всём делать уступки тем, кто не согласен с нашими построениями, уступим и на сей раз. Пусть элегия написана Солоном перед самой смертью, в 560 г. до н.э. Тогда Критий-старший родился в 570 г. до н.э. или позже и с Критием-младшим, появившимся на свет в 460 г. до н.э. или позже, не мог общаться ни в девятилетнем, ни в каком-либо ином возрасте в физических пределах чело-

ним временем (ок. 433/432 г. до н.э., Nails 2002: 309), действие в «Хармиде» – еще одним диалоге, в котором участвует «наш» Критий, – тем же 429 г., что и в «Тимее» (Nails 2002: 311). В «Эриксии» действие происходит ок. 415 г. до н.э. (Nails 2002: 315), но это сочинение, как говорилось выше, Платону не принадлежит.

¹⁵ Develin 2003: 38.

¹⁶ Суриков 2022: 1/54.

веческой жизни. Возникающую несообразность пытались истолковать разными способами; в том числе высказывали мысль, что Платон плохо знал генеалогию семьи Крития¹⁷. Но это исключено – ведь речь фактически идет о *собственной* семье философа, о его близких родственниках. Напрашивалось предположение, что Критий диалогов об Атлантиде все-таки не тождествен одиозному олигарху Критию-младшему, что это какое-то другое лицо, но принадлежащее к той же семье (ветви рода Кодридов): редкое в Афинах имя Критий было употребительно в основном в этой семье.

Но что это за лицо? Создавалось впечатление, как выражаются, недостающего звена. И это звено отыскивалось (что, правда, специалистами по Платону было замечено далеко не вскоре, поскольку они вряд ли читают археологическую литературу), когда в 1949 г. Ю. Вандерпул опубликовал¹⁸ надпись (датируемую 480-ми гг. до н.э.) «Критий, сын Леаида» и в афинской просопографии появилась новая, ранее неизвестная личность – Критий-средний. Надпись была сделана на остраконе, черепке-«бюллетене», какими афиняне пользовались при процедуре остракизма. Соответственно, она фигурирует во всех опубликованных впоследствии перечнях граждан, упоминающихся на остраконах¹⁹ (всего на сегодняшний день известно два остракона с именем Крития).

Коль скоро этот человек в 480-х гг. до н.э. подвергался опасности изгнания остракизмом (впрочем, вряд ли эта опасность была для него очень серьезной, судя по столь малому количеству поданных против него голосов²⁰), он должен был родиться около 520 г. до н.э.²¹ Иными словами, Критий-средний с исключительно большой степенью вероятности являлся внуком Крития-старшего и дедом Крития-младшего. Собственно, в современных просопографических справочниках именно такое родство принимается как данность²². Выстраивается следующая родословная семьи в VI–V вв. до н.э.: Дропид – Критий-старший – Леаид – Критий-средний – Каллесхр – Критий-младший.

Именно Критий-средний – афинянин, в хронологическом плане стоящий как раз между эпохой Солона и эпохой Перикла, – оказывается оптимально подходящей кандидатурой для идентификации того Крития,

¹⁷ К истории вопроса см.: Nails 2002, 106–107.

¹⁸ Vanderpool 1949.

¹⁹ Например: Lang 1990: 91; Brenne 2001: 204; 2002: 59; Суриков 2006: 546 (у нас «сын Лезда»), но, похоже, данный патронимик все-таки следует читать как *Λεαΐδου*: Osborne, Вуте 1994: 280).

²⁰ Для сравнения: с именем Кимона найдено 474 остракона, с именем Фемистокла – 2238. Рекордсменом является менее известный политик Мегакл, сын Гипократа, с 4445 остраконами.

²¹ Правильно в: Nails 2002: 106. Ср. Castleden 1998: 165, с 511 г. до н.э. как датой рождения Крития-среднего. Но это менее вероятно, поскольку в таком случае в году «великих остракизов» (480-е гг. до н.э.) ему не было бы еще 30 лет, он не мог бы еще заниматься активной политической деятельностью и его имя имело бы мало шансов оказаться на остраконах.

²² Например: Davies 1971: 322–326.

который у Платона рассказывает об Атлантиде. Вырисовывается следующая картина, хронологически вполне согласованная и элиминирующая рассмотренные выше неувязки. Около 510 г. до н.э. десятилетним мальчиком он слышит от девяностолетнего деда историю затонувшей страны; много времени спустя, в 429 г. до н.э., будучи уже сам в весьма преклонном возрасте (тоже в районе девяноста), передает эту историю Сократу и другим собеседникам. Как говорится, пазл сложился?

Но не все с этим согласны. К настоящему времени в дискуссии по рассматриваемому здесь вопросу специалисты разделились на три группы. Одни с энтузиазмом приняли новую идентификацию²³. Другие продолжают настаивать на том, что Критий диалогов об Атлантиде – это все-таки Критий-младший, будущий глава «Тридцати тиранов»²⁴. Их аргументация наиболее детально развернута у Д.В. Панченко. По его словам, «...это решение (отождествление рассказчика об Атлантиде с Критием-средним – И.С.) неубедительно. Единственное, что всерьез можно привести в его пользу, – это хронологические трудности.

Солон уже в 594 г. до н.э. выступил как реформатор, тирания Тридцати приходится на 404–403 гг. до н.э. – может ли друг Солона Дропид быть прадедом Крития-тирана?»²⁵ Мы, со своей стороны, повторим и подчеркнем: никак не может, это исключено. Даже если данный довод и единственный, он совершенно непреодолим. Но как же выходит из положения Панченко? Он пишет: «На самом деле это вопрос о родословных семьи Платона и Крития, о том, кто такие Дропид и Критий, упоминаемые в стихах Солона, и, наконец, Солона ли?»²⁶ Признаться, поставленный здесь вопросительный знак нам непонятен. Какие могут быть основания для сомнений? Выше цитировалась соответствующая солоновская элегия. Допустим, что исследователь предвосхитил появившуюся на Западе несколько позже теорию²⁷, согласно которой сборник стихов, ходивший в античности под именем Солона, в действительности не принадлежал этому автору первой половины VI в. до н.э., а был кем-то сочинен и приписан ему значительно позже, вероятно, в IV в. до н.э. Но эта гиперкритическая гипотеза, выросшая на волне постмодернистского деконструкционизма, не нашла ничьей поддержки – и не удивительно, ведь сколько-нибудь серьезных оснований у нее нет.

Панченко продолжает: «Платон, похоже, сам здесь чувствует затруднение. Во всяком случае, он старается максимально растянуть возрастную дистанцию между двумя Критиями, дедом и внуком... Справка о возрасте обоих в момент передачи сказания не может иметь никакого иного смысла, как подтянуть генеалогию из четырех поколений к времени Солона. Не исключено даже, что это фикция и что Платон созна-

²³ Например: Castleden 1998: 165; Nails 2002: 106–107.

²⁴ Например: Панченко 1990: 136–137; Herrmann 2017: 151.

²⁵ Панченко 1990: 136.

²⁶ Панченко 1990: 136.

²⁷ Lardinois 2006; Stehle 2006.

тельно опускает два поколения – ведь схема из шести поколений неизбежно вносила в передачу сказания новые звенья и делала ее громоздкой и неправдоподобной»²⁸.

Итак, перед нами дилемма. Либо Платон толком не знал родословную собственной семьи – но это несерьезно, как говорилось и выше. Либо он ее намеренно искажил, «вычеркнул» из нее людей – но зачем? Нужно учитывать еще, что у античных греков высокого развития достиг культ покойных предков, которые, согласно общераспространенным воззрениям, способны жестоко отомстить за недолжное, непочтительное отношение к ним, в частности, за их забвение. А здесь как раз перед нами был бы факт такого забвения предков – либо по небрежению, либо по сознательному умыслу, что еще хуже. Да и для чего бы Платону было прибегать к таким искусственным приемам, если имелся гораздо более простой и ничем дурным не чреватый путь: вложить речи об Атлантиде в уста Крития-среднего. Если бы такового пришлось измышлять, то, конечно, перед нами вставала бы серьезная проблема. Но, как мы видели, с 1949 г. Крития-среднего не нужно измышлять, он был открыт на эпиграфическом материале.

Далее у Д.В. Панченко следует: «В “Тимее” Критий охарактеризован как человек, равно причастный и философским, и государственным занятиям. Это полностью соответствует нашим сведениям о Критии-тиране, но не о его деде»²⁹. Об этом деде, Критии-среднем, все «наши сведения» заключаются в том, что он существовал. Мы не знаем, был ли он причастен философии; а что, собственно, заставляет отказать ему в этом? К политике же он, судя по всему, был причастен, иначе его имя не появилось бы на остраконах: остракизм употреблялся только по отношению к политическим деятелям. С другой стороны, кем в 429 г. до н.э. был Критий-младший? Всего лишь молодым, начинающим философом, находящимся пока в фазе ученичества (в это время он еще ученик Сократа, как видно из диалога «Хармид»; потом уйдет от него к софистам и только после этого внесет свой оригинальный вклад в древнегреческую мысль) и отнюдь еще не политиком. Не следует экстраполировать данные о Критии последних лет V в. до н.э. на ситуацию, имевшую место на четверть века раньше.

«...Критий представлен в паре с Гермократом. Это предполагает относительную симметрию между ними и в отношении известности, и в отношении возраста», – пишет Панченко³⁰. Но этот аргумент не работает: если бы Платон добивался подобного рода «симметрии», он и третьим собеседником Сократа сделал бы человека примерно тех же лет. А этот третий у него – Тимей, время рождения которого определяют как «ок. 490 г.»³¹. В данном свете на проблему соотношения возрастов дей-

²⁸ Панченко 1990: 136.

²⁹ Панченко 1990: 136.

³⁰ Панченко 1990: 136.

³¹ Тахо-Годи 1994: 606.

ствующих лиц диалогов можно ведь посмотреть и под иным углом: возможно, автор как раз хотел изобразить лиц *разных* поколений, передающих слово друг другу.

Равным образом слаб и тезис, согласно которому, коль скоро в «Хармиде» и «Протагоре» выведен Критий-младший, то и в двух рассматриваемых нами произведениях должен фигурировать он, а не его дед³². Это ровно ни из чего не следует; укажем к тому же, что Сократ (и исторический, и платоновский) зачастую активно общался с *несколькими* представителями одной и той же семьи (можно упомянуть семью Критона, семью Аристида, семью Мелесия, да и семью самого Платона, в конце концов). Наконец, завершающий довод Д.В. Панченко – «вывести Крития-старшего (у нас он назван Критием-средним – И.С.) было бы художественно слабым решением»³³ – вопиюще субъективен. Полагаем, не наше дело – оценивать (и чуть ли не предписывать) решения Платона – великого философа и замечательного мастера слова. И еще более слабым решением было бы такое, которое настолько серьезно противоречило бы хронологии известных лиц, именитых афинских граждан, что это не могло не броситься в глаза любому читателю или слушателю.

Вернемся к вопросу о трех позициях ученых касательно личности Крития. Третья группа – это группа колеблющихся³⁴, считающих, что проблема не может быть решена и даже допускающих сознательную двусмысленность со стороны автора диалогов. На наш взгляд, таковая вполне могла иметь место. Платон, вкладывая повествование об Атлантиде и древнейших Афинах в уста одного Крития, конечно, понимал, что каждый при этом вспомнит о Критии другом – «кровавом».

Итак, перейдем к выводам. Можно с очень большой долей вероятности констатировать существование в Афинах V в. до н.э. двух Критиев, деда и внука. О последнем точно известно, что он был олигархом-лаконофилом: он показал это делом. Его единомышленником был и дед, судя по той системе политических взглядов, которую он излагает в «Тимее» и «Критии». Удивляться этому не приходится. Критий, глава Тридцати, был не первым носителем олигархического мировоззрения в своей семье. В данной связи привлечем внимание еще вот к какому эпизоду.

Олигархия Тридцати – вторая олигархия в афинской истории. Первая, тоже недолговечная, была установлена в 411 г. до н.э. в ходе переворота, приведшего к власти коллегию Четырехсот³⁵. В качестве одного из ее членов упоминается отец Крития Каллесхр (Lys. XII. 66). Притом контекст данного упоминания делает ясным, что из двух «фракций» олигархического движения – крайней (Фриних, Антифонг, Писандр) и умеренной (Ферамен, Аристократ) – Каллесхр принадлежал к первой,

³² Панченко 1990: 136–137.

³³ Панченко 1990: 137.

³⁴ Например: Danzig 2014: 509; Gill 2016: 38–42.

³⁵ Об этой олигархии см.: Nefner 2001. Об олигархических переворотах в классических Афинах см. обобщающее исследование: Lehmann 1997.

как позже Критий, который боролся с тем же Фераменом и погубил его³⁶. Если сын и отец являлись крайними олигархами, вполне естественно обнаружить, что в том же лагере находился и дед.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Видаль-Наке П. Атлантида: краткая история платоновского мифа. М.: ИД ВШЭ, 2012 [Vidal-Naquet P. Atlantis: a brief history of the Platonic myth]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki, 2012].
- Панченко Д.В. Платон и Атлантида. Л.: Наука, 1990 [Panchenko D.V. Platon i Atlantida (Plato and Atlantis). Leningrad: Nauka, 1990].
- Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика. М.: Наука, 2005 [Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Archaika i rannaya klassika (Ancient Greece: politicians in the context of the age. Archaic and Early Classical.). Moscow: Nauka, 2005].
- Суриков И.Е. Остракизм в Афинах. М.: Языки славянских культур, 2006 [Surikov I.E. Ostrakizm v Afinakh (Ostracism in Athens). Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur, 2006].
- Суриков И.Е. Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2011 [Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: politiki v kontekste epokhi. Godina mezhdousobits (Ancient Greece: politicians in the context of the age. The years of strife). Moscow: Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, 2011].
- Суриков И.Е. Античная Греция: Механизмы политической жизни. Opuscula selecta III. М.: Издательский дом ЯСК, 2021 [Surikov I.E. Antichnaya Gretsiya: Mekhanizmy politicheskoy zhizni (Ancient Greece: Mechanisms of Political Life). Opuscula selecta III. Moscow: Izdatel'skiy dom YaSK, 2021].
- Суриков И.Е. Солон и его время: в 2 т. СПб.: Академия исследования культуры, 2022 [Surikov I.E. Solon i ego vremya: v 2 t. (Solon and his time. Vol. 1-2). St. Petersburg: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2022].
- Тахо-Годи А.А. Примечания // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 3 / под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. 516–624 [Takho-Godi A.A. Primechaniya // Plato. Sobranie sochineniy v. 4 t. T. 3 (Works in 4 vols. Vol. 3) / ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus, A.A. Takho-Godi. Moscow: Mysl', 1994. 516–624].
- Фролов Э.Д. Критий, сын Каллесхра, афинянин, – софист и тиран // ВДИ. 4 (247). 2003. 67–89 [Frolov E.D. Kritiy, syn Kalleskhra, afinyanin, – sofist i tiran (Critias, son of Calliaschros, the Athenian, - a sophist and a tyrant) // Vestnik drevney istorii. 4 (247). 2003. 67–89].
- Brenne S. Ostrakismos and Prominenz in Athen: Attische Bürger des 5. Jhs. v.Chr. auf den Ostraka. Wien: Holzhausen, 2001.
- Brenne S. Die Ostraka (487 – ca. 416 v.Chr.) als Testimonien (T 1) // Ostrakismos-Testimonien I: Die Zeugnisse antiker Autoren, der Inschriften und Ostraka über das athenische Scherbengericht aus vorhellenistischer Zeit (487–322 v.Chr.) / hg. von P. Siewert. Stuttgart: Steiner, 2002. 36–166.
- Castleden R. Atlantis Destroyed. London; New York: Routledge, 1998.
- Danzig G. The Use and Abuse of Critias: Conflicting Portraits in Plato and Xenophon // Classical Quarterly. 64/2. 2014. 507–524.
- Davies J.K. Athenian Propertied Families 600–300 B.C. Oxford: Clarendon Press, 1971.
- Develin R. Athenian Officials 684–321 B.C. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
- Fornara C.W. The Athenian Board of Generals from 501 to 404. Wiesbaden: Steiner, 1971.
- Gill M.L. Plato's Unfinished Trilogy: *Timaeus* – *Critias* – *Hermocrates* // Plato's Styles and Characters: Between Literature and Philosophy / ed. by G. Cornelli. Berlin; Boston: De Gruyter, 2016. 33–45.
- Gottesman A. The *Sōphrosynē* of Critias: Aristocratic Ethics after the Thirty Tyrants // Early Greek Ethics / ed. by D.C. Wolfsdorf. Oxford: Oxford University Press, 2020. 243–261.
- Heftner H. Der oligarchische Umsturz des Jahres 411 v.Chr. und die Herrschaft der Vierhundert in Athen: Quellenkritische und historische Untersuchungen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2001.

³⁶ Ungern-Sternberg 2000.

- Herrmann F.-G. Hat Kritias nach Spartas Pfeife getanz? // Das antike Sparta / hg. von V. Potthou, A. Powell. Stuttgart: Steiner, 2017. 133–155.
- Krentz P. The Thirty at Athens. Ithaca; New York: Cornell University Press, 1982.
- Lang M. Ostraka (The Athenian Agora, Vol. 25). Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 1990.
- Lardinois A.P.M.H. Have we Solon's Verses? // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois. Leiden; Boston: Brill, 2006. 15–35.
- Lehmann G.A. Oligarchische Herrschaft im klassischen Athen: Zu den Krisen und Katastrophen der attischen Demokratie im 5. und 4. Jahrhundert v.Chr. Wiesbaden: Springer Fachmedien, 1997.
- Nails D. The People of Plato: A Prosopography of Plato and Other Socratics. Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2002.
- Osborne M.J., Byrne S.G. A Lexicon of Greek Personal Names. Vol. 2: Attica. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Rhodes P.J. Oligarchs in Athens // Alternatives to Athens: Varieties of Political Organization and Community in Ancient Greece / ed. by R. Brock, S. Hodkinson. Oxford: Oxford University Press, 2000. 119–136.
- Stehle E. Solon's Self-reflexive Political Persona and its Audience // Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches / ed. by J.H. Blok, A.P.M.H. Lardinois. Leiden; Boston: Brill, 2006. 79–113.
- Ungern-Sternberg J. von. 'Die Revolution frisst ihre eignen Kinder': Kritias vs. Theramenes // Große Prozesse im antiken Athen / hg. von L. Burckhardt, J. von Ungern-Sternberg. München: C.H. Beck, 2000. 144–156.
- Vanderpool E. Some Ostraka from the Athenian Agora // Hesperia Supplements. 8. 1949. 394–412.
- Wolpert A. The Violence of the Thirty Tyrants // Ancient Tyranny / ed. by S. Lewis. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. 213–223.
- Wolpert A. Xenophon on the Violence of the Thirty // Xenophon on Violence / ed. by A. Kapellos. Berlin; Boston: De Gruyter, 2019. 169–187.

Суриков Игорь Евгеньевич, доктор исторических наук, з.н.с., ИВИ РАН; профессор, РГГУ; isurikov@mail.ru

Two Critiases and Atlantis From the history of Athenian oligarchic thought

Debatable is the question as to into whose mouth the Atlantis legend of the *Timaeus* and *Critias* was put by Plato. According to the traditional opinion, Critias, who tells it, is identical with the noted late fifth-century B.C. oligarch Critias son of Callaeschrus (Plato's uncle), who was at the head of the repressive "Thirty tyrants" regime in Athens in 404–403 B.C. However, such an identification of Critias gives rise to very serious and insurmountable chronological difficulties. Some time ago, another Critias (son of Leides), the "tyrant" grandfather, became known from epigraphic data, and extremely likely is possibility that it is he who was depicted by Plato as a character of the *Timaeus* and *Critias*. This part of the article is devoted to the substantiation of this thesis. If it is correct, an entire family appears before us, in which extremely oligarchic position was hereditary. Such a situation is well agreed with the fact that another member of the family, Callaeschrus (father of the younger Critias and son of the elder one) was also an oligarchic politician.

Keywords: *Plato, Athens, Atlantis, Critias, oligarchy, democracy, Sparta, political thought*

Igor E. Surikov, Prof. Dr. in History, chief research fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; professor, Russian State University for Humanities; isurikov@mail.ru

ИДЕЯ ЗАКОНА КАК СРЕДСТВО ЛЕГИТИМАЦИИ АВТОРИТАРИЗМА В «ГЕОРГИКАХ» ВЕРГИЛИЯ

В статье на основе анализа понятий *lex* (закон) и *ius* (право) в «Георгиках» Вергилия (29 г. до н.э.) рассматриваются особенности политических запросов римского общества периода гражданских войн. Цель исследования – определить смысловое значение категории закона и предполагаемый этим значением образ наилучшего устройства римского государства. В первой книге «Буколик» (41 г. до н.э.) Вергилий сочленил идею свободы (*libertas*) с принципом зависимости от спасительной единоличной власти, тем самым сделав первый шаг в идеологической легитимации авторитаризма. В «Георгиках» Вергилий предпринимает следующий шаг в этом направлении. Вкладывая в понятия *lex* и *ius* значение основополагающего установления, поэт прочно связывает их с авторитарными силами: природой, Юпитером, пчелиным царем и Октавианом. Природа и Юпитер изображаются творцами первичного закона, тогда как царь пчел и Октавиан – его реципиентами. По мысли поэта, когда земные законы опираются на первичное божественное положение, государство процветает. Когда же они от этого положения отклоняются, государство бедствует. Первый сценарий возможен лишь под эгидой добродетельного правителя, на месте которого поэт видит исключительно Октавиана и которого, впрочем, он готов именовать царем. Таким образом Вергилий формулирует вполне конкретное представление о приближавшейся авторитарной модели властных отношений и одновременно с этим создает впечатление ее естественности и легитимности.

Ключевые слова: *принципат Августа, lex, ius, римская поэзия, Вергилий, политический подтекст.*

Идеология принципата Августа сформировала твердое представление о неразрывной связи императора с идеей закона. Август демонстративно почитал *leges* и *iura* римских граждан¹, выступал гарантом их «свободы» (*libertas* – *RGDA*. 1. 1), защитником «мира» (*pac* – *RGDA*. 12. 2; 13) и безопасности (*RGDA*. 3. 2; 5. 2; 25. 1; 26. 1–2), оставаясь непримиримым борцом с разрушительной стихией разнузданности. Законотворчество виделось ему важным средством нравственного возрождения римского общества и, как следствие, укрепления государства (*RGDA*. 8. 5). Такая установка, как хорошо известно, была сформулирована в трудах Саллюстия и Цицерона². Впоследствии мысль о необходимости поддержания добрых нравов политическими методами вошла в комплекс представлений об идеальном правителе Сенеки-философа, Диона Хрисостома и Плиния Младшего³.

¹ На реверсе аурея, датированного 28 г. до н.э., Октавиан изображен как магистрат, восседающий на курульмом кресле, правой рукой он держит свиток, слева от него расположен ларец. По всей видимости, в свитке и ларце нужно усматривать символическое воплощение законов и прав римского народа, на что, в свою очередь, указывает содержащаяся на реверсе легенда *LEGES ET IVRA P R RESTITVIT*. Подробнее см.: Rich, Williams 1999: 176–178, 180–183. О выражении *leges et iura* как указании на отсутствие тирании см.: Cowan 2019: 32–36.

² Утченко 1977: 168, 178–180, 208, 214; Шалимов 2000: 36.

³ Шалимов 2000: 42–43, 55, 88, 101, 123, 150–154.

Репрезентация власти Августа как законодателя и блюстителя нравов, несомненно, имела прямое отношение к сущности режима принципата. Однако важно учитывать и то, как эту власть понимали ее современники, что затруднительно без анализа общественных ожиданий периода гражданских войн. В статье мы рассмотрим под углом анализа понятий *lex* и *ius* в «Георгиках» Вергилия (29 г. до н.э.) особенности политических запросов римского общества, предшествовавших официальному восстановлению законности в 28 г. до н.э. С этой целью постараемся ответить на следующие вопросы. Какое значение категории *lex* и *ius* играют в художественном мире поэта и какой образ желаемого устройства государства следует из их семантики? Представляется, что Вергилий, поэзия которого пронизана мотивом борьбы сил порядка и хаоса⁴, испытывал к этим понятиям особое отношение.

Внимание к юридическому языку в поэтических произведениях эпохи Августа характерно преимущественно для исследователей творчества Овидия, подчеркивающих на фоне других поэтов особое отношение элегика к разным правовым понятиям⁵. В рамках одного из перспективных подходов к этой проблематике поэтический мир Овидия и правовая система принципата рассматриваются как два конкурирующих дискурса⁶. Произведениям Вергилия в этом отношении повезло меньше. Нам удалось обнаружить не так много работ, в которых затрагивалась бы эта проблема. Ч. Сигал, сравнив истории Орфея и Эвридики у Вергилия и Овидия, показал, что оба поэта противопоставляют страсть Орфея нарушенному им закону, но если Вергилий указывает на заслуженность последовавших за преступлением страданий героя, то Овидий, сочувствуя ему, подчеркивает силу его любви к Эвридике⁷. М.Р. Гейл коснулась концепта «естественного закона» (*natural law*) в «Георгиках», продемонстрировав на этом примере полифоническое устройство текста поэмы⁸. Согласно Гейл, произведение соткано из противоречащих друг другу «голосов», и ни одному из них не предоставлено последнего слова. В этом мире природа подчинена закону и упорядочена, но вместе с тем она хаотична, неистова и таинственна. М. Лоури⁹ и Ю.Г. Чернышов¹⁰ обратили внимание на параллель в образах Сатурна и Августа в «Энеиде»: оба персонажа – законодатели и зачинатели «золотого века». Лоури также показала глубокую связь в этой поэме законотворчества и защиты закона с применением насилия¹¹. Л. Вида в нескольких словах от-

⁴ Pöschl 1964: 31–36; Морева-Вулих 2000: 61, 99–100, 106, 113–115, 122–126, 140, 146, 150, 166–167.

⁵ Kenney 1969: 243, 250; Kenney 1970: 392; Hollis 1994: 548; Balsley 2010: 14–15; Balsley 2011: 49–50.

⁶ Lowrie 2009: 361, 374–375, 378; Ziogas 2016: 28; Ziogas 2021: 2–3, 5, 10.

⁷ Segal 1989: 54–72.

⁸ Gale 2004: 201–208, 220, 271–274.

⁹ Lowrie 2009: 172.

¹⁰ Чернышов 1994: 22–24; он же 2013: 136–137.

¹¹ Lowrie 2010: 392–395.

метила, что параллелизм между двумя персонажами, исполняющими свойственную царям роль законодателя, недвусмысленно отсылает к монархии Августа¹². В духе «пессимистической» школы¹³ исследовательница обнаруживает в «Буколиках» систематическую критику Октавиана как одного из виновников беззакония периода гражданских войн¹⁴.

Более продуктивными выглядят попытки анализа у Вергилия особенностей употребления ценностно сопряженного с *lex* и *ius* понятия *libertas* (свобода). Как известно, в политическом дискурсе эпохи Республики *lex* и *ius* выступали в качестве гаранта свободы¹⁵, понимавшейся как право гражданина на участие в управлении государственными делами, равенство перед законом, свобода от тирании, свобода слова, а также экономическая независимость¹⁶. Без сдерживающей силы закона свобода, согласно такому взгляду, неумолимо вырождалась в nepзвoлительное своеволие и разнузданность (*licentia*)¹⁷.

П.А. Джонстон убедительно показала, сколь остро для Вергилия стояла проблема ограничения свободы законом¹⁸. П.Дж. Дэвис раскрыл специфику функционирования свободы слова во вселенных «Энеиды» Вергилия и «Метаморфоз» Овидия¹⁹. К. Эккерман дал трактовку *libertas* первой эклоги «Буколик» (41 г. до н. э.) как свободы пастуха от возлюбленной Галатеи и как возможности сохранить за собой землю и, в результате, не быть ограниченным в наслаждении досугом (*otium*)²⁰. По мысли У.В. Клаузена, в первой эклоге Вергилий намеренно смешивает частное и публичное значения *libertas*, преследуя цель выразить благодарность Октавиану за его благодеяния в подходящей для пасторального контекста манере²¹. К. Галински утверждает, что акцент в первой эклоге сделан не столько на свободе, сколько на обеспеченном Октавианом спокойствии (*otium*)²². Поэт выразил новое понимание свободы, которое в дальнейшем стало характерным для идеологии режима Августа. *Li-bertas* Вергилия, полагает Галински, уже мало походит на свободу действий в политической сфере, но больше напоминает свободу от вредоносного воздействия и угнетения, т.е. *securitas* (безопасность)²³.

¹² Weeda 2015: 105.

¹³ Об «оптимистической» и «пессимистической» школах изучения политического содержания римской поэзии см.: Schmidt 2001: 154–163; Шумилин 2015: 213–215; Галински 2017: 152–154.

¹⁴ Weeda 2015: 84 (n. 112).

¹⁵ Rich, Williams 1999: 185–186 (n. 57).

¹⁶ Wirzubski 1968: 4, 12, 137; Штаерман 1972: 47–48; 1985: 26–27; von der Osten 2006: 39; Arena 2012: 28–30; Balmaceda 2020: 33. Ср.: Galinsky 1996: 54–77.

¹⁷ Wirzubski 1968: 7; Devine 1978: 27, 31, 315–317, 339–340; Arena 2012: 69, 167, 244–245.

¹⁸ Johnston 2006: 26–28, 30.

¹⁹ Davis 2016: 189–197.

²⁰ Eckerman 2016: 258.

²¹ Clausen 1994: 31.

²² Galinsky 2006: 6–8.

²³ О рождении и эволюции дискурса *securitas* см.: Данилов 2019: 65–66.

Б. Синьюэ развивает мысль К. Галински. На взгляд ученого, «Буколики» Вергилия формируют новый дискурс *libertas*, который, сочетая идею свободы с принципом зависимости от спасительной экстраординарной власти, «натурализует» (*naturalises*) дискурс авторитаризма, характерный для будущего принципата Августа²⁴. Предложенное поэтом понимание свободы как спокойной, полной удовольствий жизни (*otium*) очищало это понятие от злободневных политических коннотаций, лишало его привычного антиавторитарного звучания и создавало ощущение естественности и легитимности, складывавшейся на осколках республиканского строя новой модели властных отношений²⁵. При этом в эклогах Вергилий намеренно не связывает свои надежды с конкретным политиком, ведь в годы гражданских войн претендентов на роль авторитарного благодетеля было предостаточно. Вместо этого, отмечает исследователь, Вергилий создает туманные образы богоподобного спасителя государства – юноши (*iuvenis* – *Ecl.* I. 42) и мальчика (*puer* – *Ecl.* IV. 18, 60, 62), которых только ретроспективно, в монументальной «Энеиде», позволяет читателю идентифицировать с Октавианом²⁶.

Гипотеза Б. Синьюэ, безусловно, интересная и аргументированная, углубляет наше понимание механизма влияния общественного сознания периода гражданских войн на специфику идеологии принципата Августа. Если выйти за рамки грубого «пропагандистского» подхода к поэзии этой эпохи и отбросить едва ли доказуемое предположение, согласно которому Октавиан уже в конце 40-х – начале 30-х гг. до н.э. мог распространять через поэтов идеологемы будущего государственного строя, мы будем вынуждены признать, что идеология режима и сама модель властных отношений принципата по большому счету представляли собой реакцию на естественно сложившиеся общественные ожидания или, по крайней мере, результат диалога между обществом и властью²⁷. Также наблюдения Б. Синьюэ подводят нас к вопросу о роли *lex* и *ius* в этом новом, авторитарном дискурсе *libertas*. Если свобода не мыслилась у Вергилия без зависимости от носителя экстраординарной власти, то законы, вероятно, должны были обрести в таком дискурсе статус ключевого орудия его правления и таким образом выйти в сознании римских граждан за пределы компетенции магистратов и народных собраний.

²⁴ Xinyue 2021: 31–32, 37, 44, 46; idem 2022: 39, 54–55.

²⁵ Idem 2021: 35–36.

²⁶ Idem 2021: 45. Более подробное изложение этой идеи см.: Geue 2013: 59–61.

²⁷ Такой позиции придерживается, в частности, Я.Ю. Межеричкий (2016: 488–489, 680). Также в науке существует мнение, что Вергилий не столько отражал и пропагандировал идеологию принципата, сколько с помощью положительных персонажей стремился наставить и поучить самого принцепса; например, см.: Дератани 1946: 73–75; Вулих 1981: 148, 160; Морева-Вулих 2000: 21, 58, 110, 112–113, 142, 152. По словам В. Пёшля, Вергилий задумывал своего Энея как идеал, в котором была нужда (Pöschl 1961: 294). М.Л. Гаспаров считал, что поэзия, обессмертившая Августа, создавалась во многом вопреки официальному заказу. Благодатность нового политического порядка казалась Вергилию и Горацию очевидной; идеи принципата были им не навязаны, а выстраданы (Гаспаров 2018: 96–97, 181, 296).

Концепт естественного закона у Вергилия. Предварительно отметим частоту употребления Вергилием интересующих нас понятий. В «Буколиках» можно встретить только 2 случая использования категории *libertas* (оба раза в первой эклоге – *Ecl.* I. 27, 32) и ни одного – *lex* и *ius*. В «Георгиках» ситуация обратная: ни одного случая употребления *libertas*²⁸, зато по три *lex*²⁹ и *ius*³⁰. Для сравнения, в «Энеиде» трижды встречается *libertas*³¹, 15³² раз *lex*³³ и 13 – *ius*³⁴.

Практически сразу же после вступления к первой книге «Георгики» Вергилий пишет о «законах и установлениях, которые природа предписала разным землям» (*leges... foedera... imposuit natura locis* – *Georg.* I. 60–61): что хорошо произрастает в одном месте, не приживается в другом (*Georg.* I. 50–59). На первый взгляд, речь идет об эпикурейских «физических законах», подробно описанных в хорошо известной Вергилию поэме Лукреция. Возникнув одновременно с формированием мира в процессе спонтанного столкновения отклонившихся от своей траектории атомов, законы с тех пор имманентно управляют вселенной и позволяют природе оставаться «свободной» (*libera* – *Lucr.* II. 1091) от внешнего божественного воздействия³⁵. Именно так трактует этот отрывок М.Р. Гейл³⁶. Однако такую механистическую картину устройства вселенной, где нет места для случая и божественного провидения и все явления подчинены обезличенным закономерностям, Вергилий упорно подрывает мифологическим компонентом. Появление законов, управляющих природой, поэт относит не к началу мира, но ко времени Девкалиона и Пирры (*Georg.* I. 62)³⁷. Кроме того, литератор допускает возможность произрастания плода не из семени, но по божественной воле (*Georg.* I. 21–22), что расходится со знаменитой аксиомой Лукреция «ничего не может возникнуть из ничего» (*[ubi viderimus] nil posse creari de nihilo* – *Lucr.* I. 156–157). Земледельцы «Георгики», очевидно, зависят от божественной воли, и голос повествователя призывает их почитать богов (*Georg.* I. 100–101, 157, 338). Наконец, в финале первой

²⁸ Если не считать трех случаев употребления прилагательного *liber* (*Georg.* I. 128; III. 167, 194).

²⁹ *Georg.* I. 60; IV. 154, 487.

³⁰ *Georg.* I. 269; II. 501; IV. 562.

³¹ *Aen.* VI. 821; VIII. 648; XI. 346; плюс 4 *liber* (*Aen.* VII. 369; IX. 154; XI. 493; XII. 74).

³² Если учитывать один случай употребления сложносоставного слова *legifer* («дающий законы» – *Aen.* IV. 58).

³³ *Aen.* I. 507; IV. 58, 213, 231, 618; VI. 622, 810; VII. 203; VIII. 322; XI. 322; XII. 112, 190, 315, 819, 822.

³⁴ *Aen.* I. 293, 507; II. 157, 541; III. 137; IV. 27; V. 758; VII. 247, 402; VIII. 670; IX. 642; XI. 359; XII. 315.

³⁵ *Lucr.* I. 586–598; 1021–1051; II. 1058–1063, 1090–1092; ср.: *Epic. Ep. Hdt.* 76–77.

³⁶ Gale 2004: 201–203.

³⁷ Хотя Вергилий и использует выражение *quo tempore primum* (*Georg.* I. 62), чуть дальше выясняется, что до Девкалиона и Пирры мир знал эпоху первобытного золотого века (*Georg.* I. 125–128). Конечно, такое противоречие можно при желании списать на многоголосье поэмы.

книги открывается зловещая панорама мистических знаков, предвещавших убийство Юлия Цезаря: это и землетрясения в непривычных местах, и ночные привидения, и кровь, бьющая из фонтанов, и многое другое (*Georg.* I. 466–488). Такие явления предстают нарушением естественного порядка вещей. Стараниями человеческих страстей и божественного гнева на месте упорядоченного мира в конечном счете воцаряется хаос³⁸. Как показывает М.Р. Гейл, «Георгики» Вергилия неоднократно подвергают сомнению концепцию нерушимых законов Лукреция подобным образом³⁹, что в качестве одного из оснований позволяет исследовательнице говорить о полифоническом устройстве поэмы. В ней нет, полагает М.Р. Гейл, четко маркированного авторского «голоса» и, соответственно, нет строгой авторской позиции. Произведение соткано из различных противоречащих друг другу «голосов», которые не только не дают читателю ответов, но ставят перед ним вопросы⁴⁰.

Но что если там, где исследователи порой склонны видеть противоречивое соединение нескольких дискурсов – в данном случае эпикурейского и мифологического, – мы на самом деле имеем дело с формированием нового, который, складываясь из элементов разных языковых систем, в то же время наполняет их новым содержанием и в результате избавляет их сосуществование от смыслового конфликта? В приведенном выше примере мы можем обнаружить попытку авторитарного дискурса свободы приспособить к своим нуждам категорию закона. В этом отношении показательно, что, по словам Р.Ф. Томаса, ссылки Вергилия на Лукреция имеют минимальное значение для нового контекста⁴¹. Н. Фрир, в свою очередь, отметил, что в «Георгиках» Вергилий отделился от Лукреция и на место философа Эпикура воздвиг политика Октавиана⁴². На определенные мысли наталкивает и сама частота употребления поэтом терминов *libertas*, *lex* и *ius* в «Буколиках» и «Георгиках».

Первое, что привлекает наше внимание, это специфический мифологический контекст, в который Вергилий помещает термин *natura* (природа). Как уже отмечалось, природа утверждает свои законы одновременно с созданием Девкалионом и Пиррой нового поколения людей – «народа сурового» (*durum*⁴³ *genus* – *Georg.* I. 63), который, только появившись на свет, уже призывается повествователем к тяжелому сельскому труду, незнакомому предшествующей эпохе (*Georg.* I. 63–66, 125–128). Вряд ли мы ошибемся, если предположим, что в качестве действующей надчеловеческой силы читатель ожидал увидеть здесь скорее

³⁸ Gale 2004: 204–208.

³⁹ Eadem: 208–231.

⁴⁰ Eadem: 270–274. Об «Энеиде», как о поэме, скорее задающей вопросы, чем предлагающей ответы, пишет Э.А. Шмидт (Schmidt 2001: 169). Правда, ученый делает это в контексте предложенной им теории «эпической объективности» Вергилия, не формулируя при этом концепции полифонического устройства произведения.

⁴¹ Thomas 1986: 175–176.

⁴² Freer 2019: 88–90.

⁴³ Прилагательное, часто применявшееся для характеристики закона, судьбы, отца.

Юпитера, чем природу. Ведь, согласно поэтической традиции, именно с Юпитером было связано зарождение нового рода людей, пришедшего на смену уничтоженному потопом нечестивому человечеству железного века⁴⁴. Тем более что Вергилий, описывая природные знамения о надвигающемся убийстве Юлия Цезаря и последовавшие за этим убийством несчастья, близок к популярному в его время уподоблению периода гражданских войн «грехопадению» железного века⁴⁵. Такой контекст, нам кажется, создает прочную ассоциативную связь между верховным богом и природой. Эта связь только усиливается, когда Вергилий говорит о принуждении людей Юпитером к занятию земледелием. Божество позаботилось о том, чтобы сельский труд был непростым, и чтобы он не оставлял простора для изнеживающей праздности (*Georg.* I. 121–124). Даруя змеям яд, предписывая⁴⁶ волкам выходить на охоту, останавливая потоки вина и лишая мир прочих атрибутов золотой поры с целью усугубить возложенное на человека бремя (*Georg.* I. 129–144), Юпитер действует как настоящий демиург, устроитель мира, который не только не подчиняется каким бы то ни было законам природы, но сам же их устанавливает. Не схожим ли усложнением среды обитания земледельца занята сама *natura*, изобретающая разнообразные климатические условия и наделяя почвы специфическими особенностями, влияющими на характер урожая (*Georg.* I. 43–81)? Деятельность природы и верховного бога приводит к одному результату. «Упорный труд» (*labor improbus*⁴⁷ – *Georg.* I. 145–146), нехарактерный для праздного мира «Буколики», в котором то же самое поколение живет при Сатурне (*Ecl.* VI. 41), становится главным законом мироздания и, «все победив» (*omnia vicit*), приносит «земледельческий золотой век», более реалистичный и достижимый современным поэту обществом⁴⁸. При нем даже в праздничные дни «божественные и человеческие *права*» (*fas* и *iura*) позволяют заниматься «некоторыми делами» (*quaedam exercere* – *Georg.* I. 268–269).

На основании вышесказанного мы полагаем, что Юпитер и природа первой книги «Георгик» – это вовсе не маркеры разных «голосов» произведения, но наименования для принципиально единой сущности, ответственной за выработку законов. *Deus* и *natura* у Вергилия – это, если и не абсолютно тождественные, то, по крайней мере, очень близкие по своей семантике понятия.

Подобное сближение бога и природы, совершенно неприемлемое для эпикурейской философской системы, было вполне естественным для стоического дискурса⁴⁹. Обеспокоенное моральными качествами

⁴⁴ *Hor. Od.* I. 2. 1–52; *Ovid. Met.* I. 89–437.

⁴⁵ *Georg.* I. 466–514; ср.: *Hor. Od.* I. 2. 1–20; *Ovid. Met.* I. 200–203; XV. 782–830.

⁴⁶ Вергилий использует глагол *iubeo*, характерный для юридического контекста.

⁴⁷ О самом понятии см.: Zanker 2010: 502–503 (п. 24–25); фон Альбрехт 2021: 92 (прим. 237), 128–129.

⁴⁸ Чернышов 1986: 107; Galinsky 1996: 93–97; Zanker 2010: 501.

⁴⁹ В «Георгиках» можно найти стоическую физику (*Georg.* IV. 219–225; ср.: *Aët.* I. 7. 23; *Min. Fel. Oct.* XIX. 10; *Cic. Nat. Deor.* I. 37) и характерное для многих стоиков

человечества божество, кроме того, могло напоминать современникам строгого стойка, оценивающего лень как одну из главных предпосылок порочной жизни, препятствии на пути достижения деятельной добродетели⁵⁰. Трудно не усмотреть здесь параллели с призванным на помощь деревенским жителям Октавианом (*Georg.* I. 40–42)⁵¹, от которого, как от цicerоновского ректора, ожидалось восстановление республики через нравственное возрождение гражданского коллектива. Тем более что в ближайшее окружение политика в качестве учителей и советников входили Арей Александрийский и Афинодор из Тарса, знаменитые приверженцы учения Стои⁵².

Итак, согласно Вергилию, в основу устройства вселенной был положен фундаментальный закон природы. Причем его «издание» пришлось на эпоху нравственного возрождения человечества. Во многом благодаря этому закону деревенская молодежь трудолюбива и довольна малым (на языке стойков – свободна, *libera*), а жители верны благочестию (*pietas*): богам приносятся жертвы, отцы пользуются уважением (*Georg.* II. 472–473). В эпоху гражданских войн, пору железного века, когда рушатся все человеческие законы и установления, только в деревне можно укрыться от повсеместных злоключений (*Georg.* II. 493–518). Именно здесь покидающая мир *Справедливость* (*Iustitia*) оставила свои «последние следы» (*extrema vestigia* – *Georg.* II. 473–474). Здесь не знают о «железных/гнетущих законах/нормах» (*ferrea*⁵³ *iura*), никого не тревожит «обезумевший форум» (*insanum forum*) и «народные архивы» (*populi tabularia* – *Georg.* II. 501–502). Несправедливым законам и институтам железного века противостоит миролюбивая сельская добродетель как единственная опора «родине» (*patria* – *Georg.* II. 514–515).

Правитель как проводник естественного закона. Однако мир за пределами деревенской жизни лишен такого непосредственного воздействия закона природы, и поэтому он легко отдается пороку и погружается в хаос. Когда развязываются нечестивые войны, возникает угроза уничтожения даже последнего пристанища осколков справедливости (*Georg.* I. 505–508). Чтобы этого не допустить, божественный закон должен завладеть политикой и обрести власть над людскими нравами, словно они суть направления ветров. Для этого закону требуется чуткий посредник – полновластный правитель, способный своим примером упорядочить общественные нравы (*Georg.* IV. 82–116). Эту идею поэт раскрывает аллегорическим изображением гражданского коллектива в виде пчелиного улья, сообщества пчел-квиритов (*Quirites*)

представление о загробной жизни (*Georg.* IV. 226–227; ср.: VF. I. 138, 145, 518; II. 604, 790, 879; *Plut. Stoic. rep.* 39. 1052 c).

⁵⁰ Cic. *Nat. Deor.* II. 44; *Tusc.* II. 91; V. 68; *Hor. Sat.* II. 20–21, 233–238; *Sen. Brev. vit.* XVIII. 1–2; *Prov. I.* 1, 5–6; V. 4; *V. beat.* VII. 3; *Or. I.* 4; VI. 2; *SVF.* III. 695.

⁵¹ Фон Альбрехт 2021: 128.

⁵² Межеричкий 2016: 314–318.

⁵³ Очередная деталь, указывающая на сходство между эпохой гражданских войн и мифологическим железным веком.

с выборной царской властью (*Georg.* IV. 200–203). Предпочтение аллегории прямому обращению к Октавиану как царю объясняется прекрасной осведомленностью литератора об опасливом отношении нобилитета и будущего принцепса к термину *rex* (*Georg.* I. 36–39), приобретающему негативные коннотации со времен изгнания Тарквиния Гордого. Тем не менее Вергилий пишет об институте царя не просто как о положительном явлении, но легитимирует его идеями стоицизма как важное условие для установления разумного порядка.

Царь выступает «блюстителем трудов/дел квиритов» (*operum custos*⁵⁴ – *Georg.* IV. 215). Под его водительством жизнь в государстве подчинена «великим законам» (*magnae leges*⁵⁵ – *Georg.* IV. 154) и одновременно с этим процветают ключевые добродетели: патриотизм, благочестие, целомудрие, согласие, трудолюбие (*Georg.* IV. 149–218). Последняя особенно охраняется: пчелы гонят прочь от своих жилищ ненавистных трутней, этот «ленивый сброд» (*ignavum pecus* – *Georg.* IV. 168), подающий дурной пример. Такой порядок – дар *Юнупера* в память о том, что в эпоху Сатурна пчелы кормили его медом в Диктейской пещере (*Georg.* IV. 149–152). Длится этот порядок до тех пор, пока здравствует царь, ведь только при нем граждане обладают единым разумом – *mens* (*rege incolomi mens omnibus una est* – *Georg.* IV. 213). Без правителя единомыслие пропадает, рушится стройная система, воцаряется произвол (*Georg.* IV. 213–214). Из этого обстоятельства – возможности отклонения от разумного порядка – следует постоянно угрожающая миру перспектива воцарения хаоса с характерными для него атрибутами: природными катаклизмами, кровопролитием, нечестием и пр.⁵⁶ Этим, в частности, может объясняться характерное для вселенной «Георгиев» чередование порядка и хаоса, функционирующих не в параллельных друг другу дискурсах, или «голосах», как полагает М.Р. Гейл, но сосуществующих в рамках одной непротиворечивой мировоззренческой парадигмы.

Как отметил еще Н.Ф. Дератани, лежащая в основе пчелиного строя *mens* есть не что иное, как стоическое «единомыслие» (*ὁμόνοια*)⁵⁷. Действительно, *ὁμόνοια* у стоиков – это знание общих благ, следствием которого выступают согласие и возможность помогать друг другу (*Clem. Strom.* II. 9. 41; *Stob.* II. 7. 11b). Зенон вслед за Платоном и Диогеном считал единомыслие следствием добродетели и важным параметром упорядоченного государства, в котором живут свободные, самостоятельные и рассудительные граждане (*Plut. Lic.* 31).

Кроме того, *mens* в философии Стои служило одним из обозначений пронизывающей космос и обеспечивающей его единство первоосновы сущего, эквивалентом которому могли быть «природа» (*φύσις*, па-

⁵⁴ Гораций называет *custos rerum* Августа (*Hor. Od.* IV. 15. 17).

⁵⁵ Очевидное противопоставление гнетущим нормам железного века – *ferrea iuga*.

⁵⁶ Фон Альбрехт пишет о нераздельности в «Георгиевках» мира природы и политики (фон Альбрехт 2021: 90, 127).

⁵⁷ Дератани 1946: 68.

tura), «бог» (deus)⁵⁸, «логос» (λόγος, logos), «истинный/вечный/неизменный/первенствующий закон» (lex vera/semperiterna/immutabilis/princeps), «общий закон» (νόμος κοινός), «божественный разум» (divina ratio), «мировая душа» (animus mundi), «совершенная мудрость» (sapientia perfecta), «необходимость» (necessitas), «судьба» (fatum) и др.⁵⁹ Проблему соотношения этих понятий разные авторы могли решать по-своему. Цицерон, к примеру, пересказывая учение стоиков, говорит об «истинном законе» (vera lex) и «божественном разуме» (divina ratio) как о силе, истекающей от «природы» (natura) и «бога/Юпитера» (deus, Iuppiter), – vis naturae, mens dei, divina mens (мысли бога, божественной мысли), которая наставляет человека в праведных делах и отвращает его от недостойных поступков (Cic. *Legg.* I. 18–19; II. 8, 10–11)⁶⁰. Такой разумный закон, возникнув раньше любого «писаного закона» (scripta lex), связывает миры богов и людей в единую гражданскую общину; он выступает «критерием права и бесправия» (iuris atque iniuriae regula) и служит эталоном мудрому законодателю (*Legg.* I. 19–23, 42–45; II. 13; ср. Cic. *De off.* II. 11)⁶¹. Итак, lex-ratio – это не сам deus-natura, но его атрибут, его приказ и наставление. Бог – «изобретатель закона» (legis inventor), его «податель» (lator) и одновременно с этим – «судья» (disceptator – *Rep.* III. 33). Mens, в свою очередь, не тождественна lex-ratio, но, тесно с ней связанная, представляет собой скорее нечто вроде мышления бога и божественной мысли как его частного случая, то, с помощью чего божество идентифицирует «справедливые деяния» (rectum) и отделяет их от «порочных» (pravum). Lex-ratio возникает одновременно с mens и как бы в ней проявляется (*Legg.* II. 10–11). Именно на эти идеи, хотя и в менее строгой форме, ссылается Вергилий в четвертой книге «Георгик»: если deus наполняет земли, моря, небеса и дает начало всему сущему, то и в пчелах заключена частица его естества – divina mens (*Georg.* IV. 220–225; ср.: *Aen.* VI. 725–729). Не эти ли представления о мире пытается пробудить поэт в сознании своего читателя уже в первой книге «Георгик», говоря о природе, Юпитере и предложенных ими порядках?

Как и Цицерон, Вергилий видит в божественном законе ориентир для земного законодателя. Однако если у оратора посредником между истинным законом и римским народом все-таки выступают магистраты (*Legg.* III. 2–5; ср. *De off.* I. 124), то у поэта этой прерогативой наделяется единоличный правитель – лучший из граждан и одновременно с этим

⁵⁸ То есть Юпитер или Зевс.

⁵⁹ Cic. *Acad.* I. 29; II. 119; *Rep.* III. 33; *Legg.* II. 10; *Sen. Ep.* CVII. 11; *Arr. Epict. diss.* II. 23. 42; D. L. VII. 88. Подробнее см.: Столяров 1995: 31–32, 106–110.

⁶⁰ Подробнее см.: Утченко 1977: 136–138.

⁶¹ И поскольку предки римлян, согласно Цицерону, умели следовать этому божественному установлению (*Rep.* III. 41; *Legg.* II. 61–62), то, соответственно, соблюдение отеческих традиций, как бы зафиксировавших эту практику, жизненно необходимо для поддержания нормального функционирования государства. Подобная мысль представляет собой философское обоснование римского традиционализма и, инструментализируя традицию, лишает ее былой самоценности.

достойный царь, обязанный поддерживать добродетели квиритов и, уподобляя земной строй небесному, тем самым защищать порядок, мир и безопасность. Мы думаем, что подобные ненавязчивые манипуляции Вергилия с понятиями *lex* и *ius*, осознаны они им или нет, должны были создавать ощущение естественности и даже предпочтительности подобного сосредоточения властных полномочий в руках одного человека. Если гарантом *libertas* как безопасности и спокойствия способен выступать только авторитарный владыка, то и полномочия по обустройству земного порядка с помощью законов, стало быть, вполне естественно должны оказаться в его распоряжении. Все это в совокупности, думается, производило должный эффект, заблаговременно легитимировавший авторитаризм в сознании римских граждан. Заметим, что идея неразрывной связи закона, законотворческой и судебной функции с той или иной властной фигурой нашла свое яркое отражение и в «Энеиде»⁶². Показательно, что у Овидия, представителя младшего поколения поэтов эпохи Августа, принцепс изображается преимущественно в роли подателя законов, полновластного судьи, блюстителя нравов и бога⁶³.

Сопрягая закон, с одной стороны, с природой/Юпитером как его разумным творцом и, с другой стороны, с царем как его чутким реципиентом и интерпретатором, Вергилий готовит почву для своего решающего шага в легитимации надвигающейся императорской власти. В конце последней книги «Георгик» этот семантический ряд обогащается новой переменной: Вергилий открыто связывает «законы» (*iura*) с личностью *Октавиана*. Поэт описывает его как победоносного полководца, победителя «дальней Азии» (*extrema Asia*), оберегающего Рим от индов (*Georg. II. 170–172*)⁶⁴. «Великий Цезарь» (*Caesar magnus*) поражает Евфрат «войной, словно молниями» (*fulminat bello*), устанавливает по воле народов «законы» (*iura*) и, как следствие, устремляется к Олимпу (*Georg. IV. 560–562*). Изображая будущего Августа как метателя молний, Вергилий, очевидно, уподобляет его Юпитеру, несущему от имени Рима разумные законы восточным народам. Хотя Октавиан еще не стал богом, но как наиболее близкий к божественному разуму человек он уже заключает в себе некоторые его черты. Видимо, неслучайно поэт применяет к нему тот же эпитет *magnus* (великий), которым в этой же книге характеризует благостный дар Юпитера – справедливые законы пчелиного царства, *magnae leges*.

⁶² *Aen. I. 507–508; III. 137; IV. 58, 213–214, 227–231; V. 758; VI. 810; VII. 246–247; VIII. 321–324, 668–670; XI. 358–359*. В нескольких случаях семантика *lex* и *ius* открыто противопоставлена войне: *Aen. IX. 642–643; XI. 320–322; XII. 111–112*.

⁶³ Правда, такая власть вряд ли приходилась элигику по вкусу. См.: *Ovid. Met. XV. 832–834; Fast. II. 127–144*. Также см.: *Lowrie 2009: 375–376 (n. 40); McGowan 2009: 37–41, 59–61, 121–122, 128–129, 132–151; Balsley 2011: 59–64; Усов 2022*.

⁶⁴ Для сравнения отметим, что Проперций приписывает императору совершенно иную мотивацию – стремление поживиться богатствами востока (*Prop. III. 4. 1–4*).

Выступая атрибутом природы, Юпитера, пчелиного царя и Октавиана, категории *lex* и *ius* указывают на принципиальное сходство между осуществляемой ими властью и, самое главное, подчеркивают ее естественность и спасительность для гражданского коллектива и всего человечества. Вергилий не говорит о наличии какой-либо существенной разницы между этими терминами, но использует их в примерно одинаковом значении. Во всех случаях *lex* и *ius* подразумевают некий приказ, установление, положение, определяющее и регулирующее жизнь мира природы и политики, мира почв и ветров, а также человеческих поступков, стремлений и нравов. Первичный неписанный закон исходит от природы и Юпитера, вторичный – от полновластного политика. Земные писанные законы могут быть как благотворными для жизни людей, если они опираются на разумное божественное положение (и тогда мы имеем дело с *magnaе leges*), так и губительными, если они, поощряя страсти и несправедливости, отклоняются от этого положения (в таком случае речь идет о *ferrea iura*). По мысли Вергилия, первый сценарий достижим лишь под эгидой единоличного добродетельного правителя, на месте которого поэт видит исключительно Октавиана и которого, впрочем, он готов именовать царем. Таким образом поэт формулирует определенные ожидания о том, что из себя должен представлять будущий политический порядок, и одновременно с этим создает впечатление его естественности и, соответственно, легитимности.

Все это свидетельствует о принципиальных изменениях в фундаментальной установке полисной политической культуры: наделение политической государственной властью не мыслится Вергилием неотъемлемой прерогативой народного собрания, это право переходит в область компетенции разумного неба. Окончательное оформление власти Октавиана знаменует начало новой эпохи, при которой император берет на себя роль проводника законов природы, а римский народ уподобляется суровым отпрыскам Девкалиона и Пирры.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Альбрехт М. фон. Вергилий. «Буколики», «Георгики», «Энеида»: Введение. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2021 [Albrecht M. von. Vergilij. “Bukoliki”, “Georgiki”, “Eneida”: Vvedenie (Virgil. “Bucolics”, “Georgics”, “Aeneid”: Introduction). Moscow: Greko-latinskij kabinet YU. A. Shichalina, 2021].
- Вуликх Н.А. Поэзия и политика в «Энеиде» Вергилия // ВДИ. 1981. 3. С. 147–160 [Vulikh N.A. Poeziya i politika v “Eneide” Vergiliya (Poetry and Politics in Virgil’s “Aeneid”) // VDI. 1981. 3. P. 147–160].
- Галинский К. Августовская литература и августовская «идеология»: пересмотр оценок // Шаги / Steps. 2017. 4. С. 151–167 [Galinsky K. Avgustovskaya literatura i avgustovskaya “ideologiya”: peresmotr ocenok (Augustan literature and Augustan “ideology”: an ongoing reassessment) // Shagi / Steps. 2017. 4. P. 151–167].
- Гаспаров М.Л. Поэт и поэзия. М.: РИПОЛ классик, 2018 [Gasparov M.L. Poet i poeziya (Poet and poetry). Moscow: RIPOL klassik, 2018].
- Данилов Е.С. Рождение Секуритас: историки раннего принципата и представления квири-тов о безопасности // Память и идентичность: особенности историописания в Античности, в Средние века и раннее Новое время. Сборник статей по материалам межвузовской научной конференции. Москва, 4-5 июня 2018 г. / Ред. П.Н. Лебедев. М.: РГТУ,

2019. С. 53–66 [Danilov E.S. Rozhdenie Sekuritas: istoriki ranнего principata i predstavleniya kviritov o bezopasnosti (The birth of the Securitas: Early Principle historians and Quirite concept on safety) // Pamyat' i identichnost': osobennosti istoriopisaniya v Antichnosti, v Srednee veka i rannee Novoe vremya. Sbornik statej po materialam mezhvuzovskoj nauchnoj konferencii. Moskva, 4-5 iyunya 2018 g. / Ed. by P.N. Lebedev. Moscow: RGGU, 2019. P. 53–66].
- Дератани Н.Ф. Вергилий и Август. К вопросу о проблеме власти и о патриотических идеях в Риме I в. до н. э. // ВДИ. 1946. 4. С. 66–75 [Deratani N.F. Vergilij i Avgust. K voprosu o probleme vlasti i o patrioticheskikh ideyah v Rime I v. do n. e. (Virgil and Augustus. On the issue of power and patriotic ideas in Rome in the 1st century BC) // VDI. 1946. 4. P. 66–75].
- Межеричкий Я.Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. [Mezherickij Ya. Yu. "Vosstanovlennaya Respublika" imperatora Avgusta (Emperor Augustus' "Restored Republic"). Moscow: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2016].
- Морева-Вулих Н.В. Римский классицизм: творчество Вергилия, лирика Горация. СПб.: Академический проект, 2000. [Moreva-Vulih N.V. Rimskij klassicizm: tvorchestvo Vergiliya, lirika Goraciya (Roman Classicism: Virgil's Works, Horace's Lyrics). Saint Petersburg: Akademicheskij proekt, 2000].
- Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М.: АО Ками Групп, 1995 [Stolyarov A.A. Stoya i stoicism (Stoa and Stoicism). Moscow: AO Kami Grup, 1995].
- Усов Д.А. Lex и ius в дискурсе Проперция и Овидия: Принципат Августа как военизированное царство Миноса // ВДИ. 2022. 3. С. 623–638 [Usov D.A. Lex i ius v diskurse Properciya i Ovidiya: Principat Avgusta kak voenizirovannoe carstvo Minosa (*Lex and Ius in Propertius' and Ovid's Discourse: The Augustan Principate as the Paramilitary Kingdom of Minos*) // VDI. 2022. 3. P. 623–638].
- Утченко С.Л. Политические учения древнего Рима (III–I вв. до н.э.). М.: Наука, 1977. [Utchenko S.L. Politicheskie ucheniya drevnego Rima (III–I vv. do n.e.) (The Political Doctrines of Ancient Rome (III–I centuries BC)). Moscow: Nauka, 1977].
- Чернышов Ю.Г. Три концепции «Сатурнова царства» у Вергилия // Античная гражданская община. Проблемы социально-политического развития и идеологии: межвузовский сборник / Ред. Э.Д. Фролов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 100–114 [Chernyshov Yu. G. Tri koncepcii «Saturnova carstva» u Vergiliya (Three Concepts of the "Saturn's Kingdom" in Virgil's writing) // Antichnaya grazhdanskaya obshchina. Problemy social'no-politicheskogo razvitiya i ideologii: mezhvuzovskij sbornik / Ed. by E.D. Frolov. Leningrad: Izd-vo LGU, 1986. P. 100–114].
- Чернышов Ю.Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в древнем Риме. В 2 ч. Ч. 2: Ранний принципат. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1994 [Chernyshov Yu. G. Social'no-utopicheskie idei i mif o "zolotom veke" v drevnem Rime. V 2 ch. Ch. 2: Rannij principat (The Socio-Utopian Ideas and the Myth of the "Golden Age" in Ancient Rome). Novosibirsk: Izd-vo NGU, 1994].
- Чернышов Ю.Г. Древний Рим: мечта о золотом веке. М.: Ломоносов, 2013 [Chernyshov YU. G. Drevnij Rim: mechta o zolotom veke (Ancient Rome: the Dream of the Golden Age). Moscow: Lomonosov, 2013].
- Шалимов О.А. Образ идеального правителя в Древнем Риме в середине I-го – начале II века н.э. М.: ИВИ РАН, 2000 [Shalimov O.A. Obraz ideal'nogo pravatelya v Drevnem Rime v seredine I-go – nachale II veka n.e. (The concept of the ideal ruler in Ancient Rome in the middle of the 1st – the early of 2nd c.c. A.D.). Moscow: IVI RAN, 2000].
- Штаерман Е.М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. 2. С. 41–61 [Shtaerman E.M. Evolyuciya idei svobody v drevnem Rime (The Evolution of the Idea of Freedom in Ancient Rome) // VDI. 1972. 2. P. 41–61].
- Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура древнего Рима. В 2 т. Т. 1 / Ред. Е.С. Голубцова. М.: Наука, 1985. С. 22–105 [Shtaerman E.M. Ot grazhdanina k poddannomu (From citizen to subject) // Kul'tura drevnego Rima. V 2 t. T. 1 / Ed. by E.S. Golubcova. Moscow: Nauka, 1985. P. 22–105].
- Шумилин М.В. Политический контекст римской поэзии // Шаги / Steps. 2015. 1. С. 213–222 [Shumilin M.V. Politicheskij kontekst rimskoj poezii (Political context of Roman poetry) // Shagi / Steps. 2015. 1. P. 213–222].
- Arena V. Libertas and the Practice of Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge University Press, 2012.

- Balmaceda C. *Libertas in Early Latin Authors // Libertas and Res Publica in the Roman Republic: Ideas of Freedom and Roman Politics / Ed. by C. Balmaceda. Leiden–Boston: Brill, 2020. P. 33–54.*
- Balsley K. *Between two lives: Tiresias and the law in Ovid’s Metamorphoses // Dictynna – Revue de poésie latine. 2010. 7. P. 13–31.*
- Balsley K. *Truthseeking and Truthmaking in Ovid’s Metamorphoses 1.163–245 // Law and Literature. 2011. 23/1. P. 28–70.*
- Clausen W.V. *A Commentary on Virgil, Eclogues. Oxford: Clarendon Press, 1994.*
- Cowan E. *Hopes and Aspirations: Res Publica, Leges et Iura, and Alternatives at Rome // Alternative Augustan Age / Ed. by K. Morrell, J. Osgood, K. Welch. Oxford: O.U.P., 2019. P. 27–45.*
- Davis P.J. *Freedom of Speech in Virgil and Ovid // Wordplay and Powerplay in Latin Poetry / Ed. by P. Mitsis, I. Ziogas. Berlin–Boston: De Gruyter, 2016. P. 183–198.*
- Devine A.M. *A Study of the Aristocratic Ideal and the Theme of Moral Decline in Latin Love Elegy: Ph.D. Thesis (Philosophy). Hobart: University of Tasmania, 1978.*
- Eckerman Ch. *Freedom and Slavery in Vergil’s Eclogue 1 // Wiener Studien. 2016. 129. P. 257–280.*
- Freer N. *Virgil’s Georgics and the Epicurean Sirens of Poetry // Reflections and New Perspectives on Virgil’s Georgics / Ed. by B. Xinyue, N. Freer. London–New York: Bloomsbury Academic, 2019. P. 79–90.*
- Gale M.R. *Virgil on the Nature of Things. The Georgics, Lucretius and the Didactic Tradition. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.*
- Galinsky K. *Augustan Culture: An Interpretive Introduction. Princeton: University Press, 1996.*
- Galinsky K. *Vergil’s Uses of “Libertas”: Texts and Contexts // Vergilius. 2006. 52. P. 3–19.*
- Geue T. *Principes “avant la lettre”: the foundation of Augustus in pre-Augustan poetry // La costruzione de mito augusteo / Ed. by M. Labate, G. Rosati. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2013. P. 49–67.*
- Hollis A.S. *Rights of Way in Ovid (Heroides 20.146) and Plautus (Curculio 36) // Classical Quarterly. 1994. 44/2. P. 545–549.*
- Johnston P.A. *Turnus, Horses, and “Libertas” // Vergilius. 2006. 52. P. 20–31.*
- Kenney E.J. *Ovid and the law // Yale Classical Studies. 1969. 21. P. 241–263.*
- Kenney E.J. *Love and legalism: Ovid, Heroides 20 and 21 // Arion: A Journal of Humanities and the Classics. 1970. 9/4. P. 388–414.*
- Lowrie M. *Writing, Performance, and Authority in Augustan Rome. Oxford; New York: Oxford University Press, 2009.*
- Lowrie M. *Vergil and Founding Violence // A Companion to Vergil’s Aeneid and Its Tradition / Ed. by J. Farrell, M.C.J. Putnam. Malden–Oxford: Wiley-Blackwell, 2010. P. 391–403.*
- McGowan M.M. *Ovid in Exile: Power and Poetic Redress in the Tristia and Epistulae ex Ponto. Leiden–Boston: Brill, 2009.*
- Pöschl V. *The Poetic Achievement of Virgil // Classical Journal. 1961. 56/7. P. 290–299.*
- Pöschl V. *Die Dichtkunst Virgils. Bild und Symbol in der Äneis. Wien: Rudolf M. Rohrer, 1964.*
- Rich J.W., Williams J.H.C. *Leges et Iura P.R. Restituit: A New Aureus of Octavian and the Settlement of 28–27 B.C. // Numismatic Chronicle. 1999. 159. P. 169–213.*
- Segal Ch. *Orpheus: The Myth of the Poet. Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press, 1989.*
- Schmidt E.A. *The Meaning of Vergil’s “Aeneid”: American and German Approaches // Classical World. 2001. 94/2. P. 145–171.*
- Thomas R.F. *Virgil’s Georgics and the Art of Reference // Harvard Studies in Classical Philology. 1986. 90. P. 171–198.*
- Von der Osten D.E. *The Cult of the Goddess “Libertas” in Rome and Its Reflection in Ovid’s Poetry and Tibullan Love Elegy // Vergilius. 2006. 52. P. 32–44.*
- Weeda L. *Vergil’s Political Commentary in the Eclogues, Georgics and Aeneid. Warsaw–Berlin: De Gruyter Open, 2015.*
- Wirszubski Ch. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge: Cambridge University Press, 1968.*
- Xinyue B. *(Un)Seeing Augustus: Libertas, Divinisation, and the Juvenis of Virgil’s First Eclogue // Journal of Roman Studies. 2021. 111. P. 31–48.*
- Xinyue B. *Politics and Divinization in Augustan Poetry. Oxford: Oxford University Press, 2022.*
- Zanker A.T. *Late Horatian Lyric and The Virgilian Golden Age // American Journal of Philology. 2010. 131/3. P. 495–516.*

Ziogas I. Orpheus and the Law: The Story of Myrrha in Ovid's *Metamorphoses* // *Law in Context*. 2016. 34/1. P. 24–44.

Ziogas I. *Law and Love in Ovid: Courting Justice in the Age of Augustus*. Oxford: University Press, 2021.

Усов Дмитрий Андреевич, соискатель, РГГУ; *usovda1996@gmail.com*

The idea of law as a means of legitimizing authoritarianism in Virgil's "Georgics"

The paper examines the features of Roman society's political demands during the civil wars period analyzing *lex* and *ius* in Virgil's "Georgics" (29 BC). The aim of the study is to determine the key meaning of these concepts and the best Roman state structure's guise assumed by this meaning. In the first book of "Eclogues" (41 BC), the poet combines the idea of freedom (*libertas*) with the principle of dependence on saving individual power, thereby taking the first step in the ideological legitimation of authoritarianism. In the "Georgics", Virgil takes the next step in this direction. Putting the meaning of a fundamental commandment into *lex* and *ius*, the poet firmly connects them with explicit authoritarian forces: nature, Jupiter, the king of bees and Octavian. Nature and Jupiter are depicted as the creators of the primary law, while the king of bees and Octavian are its recipients. According to the poet, when earthly laws are based on the primary divine precept, the state flourishes, but when they deviate from this precept, the state is in misery. The first option is possible only under the patronage of an all-powerful virtuous ruler: the poet exceptionally gives this role to Octavian, whom he is even willing to call a king. Thus, Virgil formulates a concrete idea of the approaching authoritarian model of power relations and simultaneously creates the impression of its naturalness and legitimacy.

Keywords: *Augustan principate, lex, ius, Roman poetry, Virgil, political dimension.*

Dmitriy A. Usov, applicant, *Russian State University for the Humanities*; *usovda1996@gmail.com*

«УЧЕНАЯ ДРУЖБА» ЖЕНЩИНЫ И МУЖЧИНЫ В КОНТЕКСТЕ
ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРАКТИКИ
(на примере писем к Феодоре Раулене)

«Ученая дружба» – известный феномен византийской интеллектуальной культуры. «Ученую дружбу» можно трактовать как социальный идеал сообщества византийских интеллектуалов, который базировался на идее любви к знаниям (φιλομάθεια) и взаимной поддержки в достижении «философского образа жизни». Обмен дружескими письмами был важнейшим элементом подобных отношений в мире византийских писателей, который был мужским по преимуществу. Однако дошедшие до нас корреспонденции свидетельствуют о том, что женщины также состояли в переписке с мужчинами и участвовали в создании эпистолярного дискурса. На примере писем, адресованных общественному деятелю и писательнице *Феодоре Раулене* (ок. 1240—1300), в статье обсуждается специфика реализации модели «ученой дружбы» между мужчиной и женщиной. Феодора состояла в переписке с передовыми интеллектуалами своего времени (Григорий Кипрский, Максим Плануд, Константин Акрополит, Мануил Оловод, Никифор Хумн). Дошедшие фрагменты писем демонстрируют типичные элементы византийской «ученой дружбы»: набор риторических приемов, интеллектуальное взаимодействие (обмен книгами, комментирование корреспондентами эпистолярного стиля друг друга); поддержание постоянства контакта через подарки. Эпистолярная дружба между мужчиной и женщиной не выходит за рамки правил византийского эпистолярного дискурса, определяемых эпистолярной теорией и концепцией дружбы (φιλία). Однако содержание писем обогащается дополнительными смыслами благодаря гендерному аспекту.

Ключевые слова: византийская эпистолография, византийские интеллектуалы, раннепалеологовская Византия, Феодора Раулена, «ученая дружба».

В среде византийских интеллектуалов эпистолярная практика была одной из ключевых для поддержания дружеских отношений. В каком-то смысле сам акт написания письма был призван создать и подтвердить факт, пусть и воображаемого, присутствия (παρουσία) и единения (ένωσις) двух разделенных расстоянием корреспондентов¹. Письма ученых византийцев часто оказываются сфокусированными на теме дружбы (φιλία): дружба восхваляется, стандартизируется через топосы и мотивы, подвергается абстрагированию и идейному осмыслению. Обмен письмами генерировал эпистолярную дружбу², одновременно позволяя продемонстрировать владение эпистолярным этикетом³.

В эпистолярном дискурсе φιλία может иметь ряд градаций. На примере эпистолярного наследия Михаила Пселла (более пятисот писем) Я.Н. Любарский дает типологию отношений, которые покрывают византийский термин φιλία. Во-первых, исследователь выделяет утонченную интеллектуальную дружбу, тесно переплетённую со страстью к науке и литературе («ученая дружба»). Во-вторых, дружбу «эпикурейско-гора-

¹ Karlsson 1962: 57–60.

² Mullett 1988: 9.

³ Об эпистолярном этикете: Grünbart 2016: 39–46; Черноглазов 2021.

цианского» типа, где научные интересы сочетаются с удовольствием, связанным с взаимной симпатией корреспондентов и общностью их жизнеощущения. Также *φιλία* нередко трактуется как дружеское отношение, обусловленное близостью (родственной, дружеской или соседской), которая накладывает определенные социальные обязательства. Наконец, под *φιλία* может пониматься простая доброжелательность по отношению даже и к малознакомым лицам⁴.

Как видно, «ученая дружба» является лишь одним из уровней эпистолярной коммуникации. Феномен «ученой дружбы» хорошо известен исследователям византийской интеллектуальной культуры⁵. Под ним понимается набор специфических норм и практик, в которых отразились коллективные представления византийских интеллектуалов о социальном идеале. Основой для таких отношений служило стремление ученых византийцев к реализации «философского образа жизни», где главной целью становилось постижение истины через научные занятия.

«Ученая дружба» включала не только элементы сугубо интеллектуального дискурса – например, любовь к знанию (*φιλομάθεια*), обмен мнениями, дискуссия, обоюдное внимание к качеству интеллектуальной продукции, поощрение самообразования (*αὐτοδιδασκαλία*), но имела и практическую цель⁶. Именно через интеллектуальные формы общения (отношения «учитель–ученик», эпистолярный обмен, участие в «театрах») происходило поддержание каналов связи, осуществлялись взаимопомощь и получение материальных ресурсов⁸. Модель «ученой дружбы», сформулированная еще античными авторами, оставалась актуальной для византийских писателей на протяжении всей истории.

Дошедшие до нас византийские дружеские письма демонстрируют прежде всего дружбу мужчин, чьи мысли и чувства оказываются в центре эпистолярного нарратива⁹. Сохранившихся писем, где адресатом выступает женщина, очень немного, и они могут показаться случайным явлением в византийской эпистолографии¹⁰. Что же касается писем женского авторства, то здесь мы имеем дело с единственной дошедшей до нас коллекцией — письмами Ирины Хумнены¹¹.

⁴ Любарский 2002: 332–335. Последнее на сегодняшний день критическое издание писем Пселла: Michael Psellus 2019.

⁵ О дружбе в интеллектуальной среде: Tinnefeld 1973: 151–168; Поляковская 1992: 53–60; Любарский 2002: 332–340; Papaioannou 2011: 43–61; Куц 2013: 104–122; Bourbouhakis 2020: 279–306. О дружбе в Византии: Hatlie 1990: 137–152; White 1992; Mullett 1999: 166–184; Rapp 2016: 32–39, 180–229.

⁶ Куц 2013: 105, 108–119.

⁷ Riehle 2022: 211–251; Marciniak 2007: 277–285.

⁸ Mullett 1984: 173–201.

⁹ Насчитывается более 15 тыс. византийских писем, причем большинство относится к литературным письмам интеллектуалов разных эпох: Grünbart 2004: 345.

¹⁰ В период VI–XII вв. М. Грюнбарт насчитывает только 68 женщин из общего числа адресатов (2037). Исследователь обнаруживает в общей сложности 106 писем, адресованных женщинам (ок. 5% от всех рассмотренных): Grünbart 2005: 180, 186.

¹¹ Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit (далее PLP). 30936. Hero 1986.

Между тем обращение к женщине-адресату, хотя и редко фиксируемое, не является экстраординарным для византийской эпистолярной практики. Например, эпистолярный круг общения известного церковного деятеля и писателя Феодора Студита¹² включает 44 корреспондентки¹³. Едва ли этот случай можно интерпретировать, как уникальный¹⁴. Скорее в нем отражается практика: образованные женщины из числа монахинь, настоятельниц монастырей, аристократок и членов императорской фамилии могли состоять в переписке с образованными мужчинами¹⁵. Свидетельства об эпистолярной активности женщин содержатся и в других источниках, например, в средневизантийских житиях¹⁶. Почему же ее следы практически не дошли до нас?

Существует мнение, что отсутствие писем женского авторства связано скорее с проблемами сохранения и передачи, нежели с недостатком авторской инициативы со стороны женщин¹⁷. Возможно, переписывание женских писем в принципе не было актуальным для византийцев и не существовало как сложившаяся в веках практика. Ведь эпистолярные коллекции византийских интеллектуалов в большинстве случаев являлись корпусами переписанных писем, сформировавшимися в результате отбора. Отбор нередко сопровождался редактурой писем, улучшавшей их литературное качество. Составителями коллекций выступали сами писатели, их единомышленники и ученики¹⁸. Логика данного процесса состояла в том, чтобы сохранить интеллектуальный продукт более высокого уровня. Безусловно, эпистолярная практика требовала соблюдения законов эпистолярной теории, успешное овладение которыми было возможно лишь в результате длительного обучения. Получение полноценного образования и занятие интеллектуальной деятельностью, как правило, не были уделом женщин¹⁹. Помимо исключительных случаев, женщина не могла соперничать с мужчиной в литературном мастерстве, и, значит, письмо, написанное женщиной, ценилось меньше, чем письмо составителя-мужчины.

Однако нельзя отрицать, что византийский эпистолярный дискурс мог создаваться не только мужчинами, но и образованными женщинами. В каких формах могла реализовываться модель «ученой дружбы» между корреспондентами противоположного пола? Можно ли зафиксировать в ней какие-либо изменения, связанные с гендерным аспек-

¹² Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit (PMBZ). 7574.

¹³ Grünbart 2005: 180–181.

¹⁴ Переписка с женщинами было частью пастырской деятельности Феодора Студита: Nikolaou 1993: 175–180; Изотова 2022: 11–24.

¹⁵ Grünbart 2005: 181.

¹⁶ Nikolaou 1993: 171–172.

¹⁷ Riehle 2020: 4. Not. 20.

¹⁸ Riehle 2022: 213–214.

¹⁹ Обычно образование девочек вне зависимости от их социальной принадлежности ограничивалось домашним обучением, которое завершалось с вступлением в брак: Laiou 1981: 253–257; Kalogeras 2000: 212–231.

том? В поисках ответов я предлагаю обратиться к письмам интеллектуалов, адресованных к конкретной женщине — Феодоре Раулени, общественному деятелю и писательнице раннепалеологовского периода.

Феодора Раулени: женщина в эпистолярном дискурсе

В поздневизантийскую эпоху хорошо образованные, обладающие экономическими ресурсами женщины-аристократки оказывали влияние на политическую и культурную жизнь²⁰. В публичном пространстве они выступали в качестве благотворительниц, ктиторов монастырей, покровительниц интеллектуалов. Отчетливое проявление подобной тенденции позволяет исследователям даже ставить вопрос об особых формах «женской» репрезентации аристократок²¹.

Феодора Палеологиня Кантакузина Раулени (ок. 1240–1300) являет собой яркий пример такой женщины²². Феодора принадлежала к высшей аристократии, ее мать Ирина-Евлогия²³ была родной сестрой Михаила VIII Палеолога²⁴. Детство и юность Феодоры прошли при дворе никейского императора Федора II Ласкаря. Как и ее мать, Феодора была активной противницей униатской политики своего дяди-императора, за что подверглась опале после 1274 г.²⁵ После смерти своего второго мужа, протовестиария Иоанна Рауля²⁶, Феодора принялась за возрождение столичной церкви св. Андрея в Крисе²⁷, где основала собственную монашескую общину. Протовестиарисса владела обширной библиотекой и организовала скрипторий. Феодоре занималась писательством, а также переписывала и комментировала рукописи²⁸.

До нас не дошло ни одного письма, составленного Раулени, однако сохранившиеся адресованные ей послания свидетельствуют о ее активной переписке с рядом интеллектуалов раннепалеологовской эпохи: это патриарх Григорий II Кипрский²⁹ (29 писем), государственный деятель и ученый Никифор Хумн³⁰ (2 письма), «ритор риторов» Мануил Оловол³¹ (1 письмо), математик и писатель Максим Плануд³² (1 письмо), писатель и чиновник Константин Акрополит³³ (1 письмо).

²⁰ Kotzabassi 2022: 2. О женском патронаже в Поздней Византии: Talbot 2001: 329–344; Leonte 2012: 345–354.

²¹ Riehle 2012: 300, 314.

²² PLP. 10943. Наиболее полную биографию см.: Donald 1994: 33–47.

²³ PLP. 21360.

²⁴ PLP. 21528.

²⁵ Подробнее см.: Donald 1971: 113–146.

²⁶ PLP. 24125.

²⁷ Современная мечеть Мустафы-паши в Стамбуле: Janin 1969: 28–31.

²⁸ До нас дошло одно сочинение Раулени – «Житие Феофана и Феодора Начертанных» (ВНГ 1793): Papadopoulos-Kerameus 1897: 185–223. См. также: Nervo 1991: 152–161. Об ее переписческой деятельности: Фонкич 1976: 134; Zorzi 2019: 259–282.

²⁹ PLP. 4590.

³⁰ PLP. 30961.

³¹ PLP. 21047.

³² PLP. 23308.

³³ PLP. 520.

Совокупность 34-х писем разных лет, адресованных Раулени, является репрезентативной выборкой и дает возможность сравнивать, каким образом византийские интеллектуалы выстраивали модель «ученой дружбы», обращаясь к женщине. Разумеется, все сделанные выводы на основе этой совокупности будут актуальны только для круга общения Феодоры Раулени. Их невозможно будет проецировать, например, на всю женско-мужскую поздневизантийскую эпистолографию. Впрочем, это и не является целью данного исследования, сфокусированного на конкретном случае женско-мужского эпистолярного взаимодействия.

Всего несколько писем, отправленных по случаю смерти родных Раулени, имеют точную датировку³⁴. Остальные датируются приблизительно: например, часть писем Григория Кипрского возможно интерпретировать как написанные в период его патриаршества (1283–1289)³⁵; письма Никифора Хумна по ряду признаков позволительно отнести к начальному этапу его карьеры (нач. 1290-х гг.)³⁶; письма Плануда и Акрополита не содержат явных хронологических маркеров.

В подобной случайной выборке женско-мужские отношения и сама модель «ученой дружбы» будут представлены только через призму мужского взгляда. Другая черта нашей выборки — преобладание писем Григория Кипрского³⁷, что неизбежно делает Григория основным информантом о реализации «ученой дружбы» между женщиной и женщиной в контексте данного исследования. Учитывая обозначенные особенности, важными становятся: во-первых, анализ тех фрагментов, где фиксируются мнения или действия самой Феодоры; во-вторых, сравнение образов Раулени, которые встречаются у разных эпистолографов.

В письмах, адресованных Феодоре, мы находим свидетельства о наличии типичных компонентов «ученой дружбы». Одним из них был обмен дарами (τὸ δῶρον), которыми сопровождалось послания³⁸. Так, в письмах Григория Кипрского к Феодоре, мы не раз встречаем упоминания о взаимных подарках, как правило, съестных³⁹. Частота упоминания наводит на мысль, что между Григорием и Феодорой практика дарения была способом поддержания постоянного контакта. О желании контакта говорят и взаимные дружеские визиты Григория и Раулени⁴⁰.

³⁴ Утешительное письмо Мануила Оловола 1274 г. по случаю смерти второго мужа Феодоры: Kotzabassi 2020: 152; утешительное письмо Григория Кипрского от 1284 г. на смерть матери Феодоры: Kotzabassi 2011: 127–128.

³⁵ Kotzabassi 2011: 127.

³⁶ Riehle 2010: 310.

³⁷ Процентное соотношение авторов по количеству писем в выборке: 85% (Григорий Кипрский); 6% (Никифор Хумн); 3% (Мануил Оловола); 3% (Максим Плануд); 3% (Константин Акрополит).

³⁸ Черноглазов 2008: 159–162; Куц 2013: 167–177; Bernard 2020: 311–313.

³⁹ Kotzabassi 2011: перья для письма (δὼναξ), ep. 2; дыня (πέπωνας), ep. 8; фрукты (καρπούς), ep. 9; финики и медовые пироги (φουινικές, μελίτηκτα), ep. 13; вишни (κερασίον), ep. 19; рыба (ἰχθύς), ep. 3, 16, 20; шафран (κρόκος), ep. 21; икра (ψοτάρηρον), ep. 24; тутовые ягоды (σικάμινον), ep. 25, 26; сладости (γλυκότητι), ep. 18.

⁴⁰ Ibid: ep. 21.1–3; ep. 23.1–4.

Циркулирование ценных книг и собственных сочинений – еще один важный элемент дарообмена в сообществе византийских *literati*: у четырех из пяти корреспондентов Раулены одной из тем был обмен книгами и обсуждение содержания или качества рукописей. По просьбе Раулены Никифор Хумн одалживает ей «Метеорологику» Аристотеля, снабженную комментариями Александра Афродисийского. Плохое состояние книги, обусловленное невежеством писца, вызывает у Хумна чувство стыда. Ведь перед глазами Раулены, «любящей прекрасное» (τῆ φιλοκάλλω), появится испорченный текст, изобилующий ошибками. Однако он все же осмеливается послать книгу, надеясь, что «нестройное состояние речей» не воспрепятствует Раулене «беседовать с Аристотелем»⁴¹. Из письма Константина Акрополита известно, что протовестиарисса выслала некую астрологическую книгу с целью узнать его мнение о ее ценности. И хотя Акрополит определяет ее содержание как бессмыслицу (τὰ μάταια), он все же советует Раулене не предавать огню книгу, чтобы иметь возможность использовать ее в полемике против чужеземных мудрецов-астрологов, претендующих на якобы научное (κατ' ἐπιστήμην) знание о будущем⁴². Обмен книгами и детали, связанные с их переписыванием, упоминаются в нескольких письмах Григория Кипрского. В одном из них Григорий в шутовском тоне жалуется Феодоре, что книги, которые она ему одолжила, вытеснили его собственные⁴³. Среди авторов, позаимствованных из библиотеки Раулены, Григорий упоминает Элия Аристиды, Демосфена и Василия Великого⁴⁴.

Несколько иначе обстоит дело в письме Максима Плануда. Речь идет об обмене книг в рамках заказа, который Плануд выполняет по просьбе Раулены. Из письма мы узнаем, что Максим вносит исправления и дополнения в собрание трактатов по музыкальной гармонии из библиотеки Раулены, ориентируясь на собственный, переписанный им ранее текст этих же трактатов. Работа осложнена тем, что Плануд не может воспользоваться своей книгой, поскольку одолжил ее своему знакомому Авториану⁴⁵, после отъезда которого книга исчезла. Исполнитель просит Раулену вмешаться и заставить Авториана отдать книгу назад или хотя бы дать разъяснения относительно ее судьбы⁴⁶.

Хотя перед нами пример эпистолярной коммуникации между заказчицей-патронессой и исполнителем⁴⁷, это письмо нельзя назвать строго деловым: конкретная просьба вписана в контекст византийского литературного письма. В начале послания Плануд пишет об удовольст-

⁴¹ Boissonade 1844: 92–93. Ep. 76.

⁴² Costantino Acropolita 1991: 155–156. Ep. 60. В письме не указан адресат, об аргументах в пользу Феодоры см.: Ibid: 77–78. См. также: Constantinides 1982: 109.

⁴³ Kotzabassi 2011: ep. 17.1–3.

⁴⁴ Ibid: ep. 12, 17, 18.

⁴⁵ PLP. 1693.

⁴⁶ Leone (ed.) 1991: 103–104. Ep. 68.

⁴⁷ О патронаже Раулены над Планудом свидетельствуют эпиграммы, которые Плануд составил по ее заказу для восстановленной ц. св. Андрея: Taxidis 2017: 118–133.

вии, которое он испытал, как находясь в состоянии предвкушения ответа Раулены, так и уже после получения письма от нее, и не знает, какому обстоятельству радоваться больше – тому ли, что письмо от Раулены, или тому, что оно демонстрирует красоту и изящество языка⁴⁸. Чуть ниже Плануд высказывает комплимент стилю и композиции, утверждая, что все части письма прекрасны⁴⁹. Ожидание письма, выражение удовольствия от эпистолярного общения с корреспондентом и похвала его стиля – типичные элементы дружеского византийского письма.

Важным измерением «ученой дружбы» в рамках эпистолярного дискурса являлось применение особых риторических приемов и мотивов, характерных для письма дружеского типа: радость от получения письма друга; жалоба на его молчание; грусть, вызванная отсутствием писем. Помимо приведенного примера из письма Максима Плануда, эпистолярный мотив радости встречается в одном из ответных писем Григория Кипрского. Иерарх хвалит письмо Раулены, называя его прекрасным. Ритм речи и сплетение слов, составленных в соответствии с эпистолярным искусством, наполняют получателя радостью⁵⁰.

«Ученая дружба» подразумевала внимание к стилю корреспондента и к его литературным успехам. Оценка литературного оформления не была только хвалебной. В одном из писем Феодора предстает довольно строгим критиком, внимательно читающим послания друга и дающим советы по улучшению письма, которым друг старается следовать⁵¹. Другое послание передает нам откровенное мнение Феодоры о недостатках стиля своего корреспондента. Григорий пишет Феодоре: «Ты говоришь, что те наши письма, которые посылаются тебе от нас, на твой взгляд, являются в некоторой степени безыскусными и явно священническими. Затем ты не ограничиваешься этим, но выносишь суждение об этих письмах, которое приличествует письмам, не имеющим ничего благородного»⁵². Григорий дискутирует со своей корреспонденткой, подчеркивая, что письмо прежде всего должно ясно передавать мысль пишущего без преуменьшения⁵³. Он объясняет недовольство Раулены высокими требованиями: «Ты не оцениваешь письма сами по себе и не выносишь о них суждение, сравнивая их с другими письмами. <...> ты оцениваешь письма в соответствии с желаниями твоей души. А это желание заключается в том, чтобы прекрасное в наших письмах всегда выходило за пределы всякого являемого, как просто бесконечное...»⁵⁴.

⁴⁸ Leone (ed.) 1991: 102. Ep. 68.20–25.

⁴⁹ Ibid: 103. Ep. 68.5–6.

⁵⁰ Kotzabassi 2011: ep. 7.1–3.

⁵¹ Ibid: ep. 14.1–6.

⁵² Ibid: ep. 18.1–3: Αφελῆ σοι τινὰ φησὶ εἶναι γράμματα καὶ ἐκδήλωσ προεσβυτερικά, ἃ πρὸς ἡμῶν σοι πέμπεται γράμματα: εἶτ' οὐχ' ἰστάς ἀχρι τοῦδε τὸ πρᾶγμα, ἀλλὰ καὶ ψήφρον αὐτοῖς ἐπάγεις, τοῖς οὐδὲν γενναῖον ἔχουσι πρέπουσαν.

⁵³ Ibid: ep. 18.6–8.

⁵⁴ Ibid: ep. 18.18–21: μήτ' αὐτὰ καθ' αὐτὰ δοκιμάζεις τὰ γράμματα μήτε μὴν πρὸς τὰ τῶν ἄλλων κρίνεις: ... πρὸς δὲ τὸ βούλημα τῆς ψυχῆς ἐξετάσεις τῆς σῆς· τὸ δὲ ἐστίν, ὑπερβάλλειν αἰεὶ παντὸς τοῦ φαινομένου, τὸ ἐν τοῖς ἡμετέροις καλόν, ὡς ἀπειρον ἀτεχνῶς εἶναι.

Григорий активно использует два типичных приема византийской эпистографии: описание болезней и юмор⁵⁵. Описания болезней, порой весьма детализированные, призваны отразить переживания составителя и вызвать сочувствие у адресата⁵⁶. Шуточные упреки или представление ситуации в комичном свете позволяют говорить об интимности в отношениях патриарха Григория и Раулены. Так, в одном из писем Григорий подсмеивается над количеством рыбы, которое Феодора прислала ему в подарок и которое вызывает у него смущение⁵⁷. В другом послании эпистограф описывает нашествие мышей как войну, которая развернулась прямо в его временном жилище⁵⁸.

Какой же образ женщины-корреспондента позволяет зафиксировать данный эпистолярный корпус? В табл. 1 представлены все языковые конструкции, которые корреспонденты используют, обращаясь к Феодоре, Раулени а также наименования, близкие по своей функции к обращению, которыми адресаты ее наделяют.

<i>Корреспондент</i>	<i>Обращения</i>		
Григорий Кипрский	1. <i>κυρία και θύγατερ ἐν Χριστῷ</i> (госпожа и дочь во Христе)	2. <i>ἀγαθὸν ποίημα τοῦ ἀγαθοῦ θεοῦ</i> (благое творение Благого Бога)	3. <i>ἐμὴ θύγατερ</i> ⁵⁹ (дочь моя)
Никифор Хумн	4. <i>τὴν σοφωτάτην καὶ διακριτικωτάτην ἄμα ψυχὴν</i> ⁶⁰ (мудрейшая и вместе с тем в высшей степени пронизательная душа)		
Максим Плануд	5. <i>τὴν τιμίαν σου κορυφὴν</i> (твоя честная голова)	6. <i>τὴν σὴν τιμίαν ψυχὴν</i> ⁶¹ (твоя честная душа)	
Константин Акрополит	7. <i>εὐγενεστάτη καὶ σοφωτάτη κυρία μου</i> (благороднейшая и мудрейшая моя госпожа)	8. <i>σου ἡ εὐγένεια</i> ⁶² (твое благородство)	
Мануил Оловол	9. <i>τρισευγενεστάτη καὶ φιλολογωτάτη ψυχὴ</i> (трижды благороднейшая и ученейшая душа)	10. <i>φιλοθέου μητρὸς γέννημα φιλόθεον καὶ φιλάρετον</i> (боголюбивое и любящее добродетель дитя боголюбивой матери)	11. <i>συνετωτάτη καὶ ἀρχινοστάτη ψυχὴ</i> ⁶³ (благоразумнейшая и пронизательнейшая душа)

Табл. 1. Обращения корреспондентов к Феодоре Раулени

⁵⁵ О феномене болезни в византийской эпистографии см.: Бибилов 1995: 57–62; Timlalex 2002; Черноглазов 2011: 203–219. О юморе в византийской эпистографии см.: Куц 2007: 468–474; Bernard 2016: 179–196.

⁵⁶ Kotzabassi 2011: ep. 11.1–3; ep. 15.1–5; ep. 28.5–10, 25–30.

⁵⁷ Ibid: ep. 20.1–7.

⁵⁸ Ibid: ep. 29.20–41.

⁵⁹ Обращения в письмах Григория Кипрского: Kotzabassi 2011. Ep. 1.1; ep. 7.6; ep. 27.3.

⁶⁰ Boissonade 1844: 93. Ep. 76.13.

⁶¹ Leone (ed.) 1991: 104. Ep. 68.4–5; 105. Ep. 68.2.

⁶² Costantino Acropolita 1991: 156. Ep. 60.1, 4.

⁶³ Kotzabassi 2020: 155.4–5; 157.49.

Часть примеров (7,8,9) отражает аристократическое происхождение и обоснованный им более высокий статус Раулены по сравнению со статусом интеллектуала, который обращается к ней. Сюда же можно отнести *kyria* (госпожа) из примера № 1, которое, как отмечает М. Грюнбарт, является маркером высокого общественного положения женщины⁶⁴. Другая группа обращений фокусируется на интеллектуальных и духовных качествах Раулены: мудрость, проницательность, благоразумие, благочестие, боголюбие (2,4,7,11,10). Конструкции, которые включают в себя *ψυχή* (душа) и *κορυφή* (голова) (4,5,6,9,11), являются типичными обращениями в дружеских византийских письмах⁶⁵. Обращения Григория Кипрского (1,3) подчеркивают его статус церковного иерарха и, возможно, говорят о том, что Феодора была его духовной дочерью.

Высокая оценка качеств Раулены проявляется не только в формулах обращений, но и в характеристиках, которые дают ей интеллектуалы. Плануд восхваляет трудолюбие Раулены, направленное на поддержание наук (*μαθηματα*), называет ее покровительницей (*προστάτιν*) их спасения⁶⁶. Константин Акрополит, отсылая обратно астрологическую книгу, предлагает Раулене, благороднейшей и мудрейшей госпоже, поступить с ней по собственному усмотрению. В этом жесте возможно усмотреть апелляцию интеллектуала к высокому авторитету Феодоры, который основывается не только на ее аристократическом происхождении и экономических ресурсах, но и на высокой образованности.

Однако происходит ли колебание эпистолярного дискурса в результате того, что он конструируется участниками разного пола? Если мы посмотрим на обращения и пожелания, которые интеллектуалы-эпистографы используют по отношению к корреспондентке, то обнаружим стремление повысить статус референта до мужского⁶⁷.

В нашей выборке мы находим ряд обращений (см. табл. 1), которые могут как указывать на женский пол адресата (1,3,7), так и демонстрировать гендерную нейтральность (2,4,5,6,8,9,10,11). Как видно, обращений, указывающих на женский пол адресата, меньше, чем тех, которые можно использовать для корреспондента любого пола. Стоит, однако, сказать, что для византийской эпистолярной традиции характерно систематическое избегание обращения к адресатам по имени. Вместо этого эпистографы предпочитали обращаться через указание статуса, подчеркивание способностей адресата или через игру слов, применяемую по отношению к личному имени адресата⁶⁸. Тем не менее, на мой взгляд, важно, по крайней мере, зафиксировать данную особенность корреспонденции Феодоры Раулены и иметь ее в виду при сравнении с другими византийскими женско-мужскими переписками.

⁶⁴ Grünbart 2005: 183.

⁶⁵ Ibid: 122. О *κορυφή* там же: 86.

⁶⁶ Leone (ed.) 1991: 105. Ср. 68.1–7.

⁶⁷ О данном явлении в языке: Кирилина 2005: 16.

⁶⁸ Kotzabassi 2020: 189.

О тенденции «преодоления» женской природы адресата может говорить ряд обращений-пожеланий, которые высказывают корреспонденты Раулены. Так, Григорий Кипрский просит Бога прибавить Феодоре мудрости и умения в красноречии, чтобы она оказалась не только выше образованных женщин, живших прежде нее, но и многих остальных мужчин, достигших великой мудрости⁶⁹. Мануил Оловог в своем утешительном письме на смерть мужа Раулены призывает вдову не проливать непрерывно слезы и не предаваться безутешному стенанию. Ведь, аргументирует Оловог, Платон говорит, что мужчинам не подобает много скорбеть об умершем. Раулена же, являясь столь серьезной, занимающейся науками женщиной, должна также последовать примеру мужской эмоциональной модели поведения⁷⁰. Не менее показательным является замечание того же Мануила Оловога о телесной природе Феодоры. Убедая ее бесстрашно переносить горькие испытания, «ритор риторов» прибавляет, что по воле судьбы и по причине испытаний, которые выпали на долю Феодоры, ее женское тело превышает человеческую природу, и, скорее, сопоставимо по твердости с природой стали или железа⁷¹. Столь явное преувеличение обусловлено риторической спецификой жанра утешительного письма⁷². Тем не менее нельзя отметить желание возвысить женщину-адресата через характеристику ее изначально женского тела как превосходящего человеческую природу и обладающего сверхспособностями.

Более многогранный образ Феодоры Раулены дают письма Григория Кипрского. Это объясняется не только тем, что письма патриарха, безусловно, преобладают в изучаемой выборке, но и потому, что разная гендерная идентичность корреспондентов приводит к колебанию ролей внутри эпистолярного дискурса. Сам Григорий склонен интерпретировать отношения с Рауленой через модель «отец—дочь» (πατήρ — θυγάτηρ)⁷³, что позволяет говорить о возможном духовном наставничестве со стороны патриарха⁷⁴. Но в то же время, сам прося о заступничестве, он сравнивает Феодору с защитником (ἀντιλήτωρ), советником (σύμβουλος) и утешителем (παρακλήτωρ) (все определения даются в оригинальном тексте в муж. р. — *А.М.*), который осуществляет попечение (πρόνοια) о Григории⁷⁵. В другом письме находим указание на финансовую помощь со стороны Раулены⁷⁶. По сути, их взаимодействие включает в себя одновременно несколько типов отношений: духовное лицо и мирянка; высший церковный иерарх и представительница импе-

⁶⁹ Kotzabassi 2011: ep. 7.9–12.

⁷⁰ Kotzabassi 2020: 158.57–61.

⁷¹ Ibid: 157.51–52.

⁷² О жанре утешительного письма: Littlewood 1999: 19–41.

⁷³ Kotzabassi 2011: ep. 10. 4–6; ep. 27.3–4.

⁷⁴ Григорий упоминает о своих молитвах за Феодору, а в одном из писем наставляет ее на путь примирения после ссоры: Ibid: ep. 1, 7, 6; ep. 11.9–12.

⁷⁵ Ibid: ep. 10.10–11; ep. 11.4.

⁷⁶ Ibid: ep. 22.1–5.

раторской фамилии; писатель и его патронесса; наконец, двое интеллектуалов, испытывающих взаимную симпатию.

Итак, примеры из сохранившихся фрагментов корреспонденции Феодоры Раулены свидетельствуют о том, что модель «ученой дружбы» могла быть применима к адресатам противоположного пола. Хорошо образованная женщина-корреспондент, обладающая высоким социальным статусом, вполне успешно интегрируется в модель отношений утонченной византийской эпистолярной дружбы. Письма, обращенные к Раулене, позволяют зафиксировать основные измерения подобной модели отношений: набор риторических приемов, характерных для дружеского типа писем; интеллектуальное взаимодействие (обмен рукописями, комментирование корреспондентами эпистолярного стиля друг друга); поддержания постоянства контакта через подарки.

Феодора Раулена находилась в активном взаимодействии с выдающимися интеллектуалами-современниками, интересовалась математикой, астрологией, естественными науками и, по всей видимости, актуальной полемикой, связанной с их применением. Причем, стоит отметить, что сами корреспонденты относились к Феодоре как к авторитетному лицу, знатоку рукописей и библиофилу, способной разобрать сложный рукописный пассаж и оценить по достоинству редкую книгу.

Однако анализ гендерных маркеров (в обращениях и пожеланиях) показывает консервативность византийского эпистолярного дискурса, который как будто «не осознает», что создается в пространстве общения интеллектуалов противоположного пола. Чтобы «впустить» женщину в мир литературного письма, эпистолографам порой требуются дополнительные текстуальные манипуляции. Об этом говорят восхваления и подчеркивание исключительности женщины, которая, выйдя за пределы собственной женской природы, способна соревноваться с мужчинами.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бибиков М. В. К социально-психологическому анализу писем Григория Кипрского: бедность, бедствия, болезнь // Византийский временник. 1995. 56. С. 57–62 [Bibikov M. V. K sotsial'no-psikhologicheskomu analizu pisem Grigoriya Kiprskogo: bednost', bedstviya, bolezn' (Towards a socio-psychological analysis of the letters of Gregory of Cyprus: poverty, disasters, illness) // Vizantijskij vremennik. 1995. 56. P. 57–62].
- Изотова О.Н. Пастырство в Византии конца VIII – начала IX в. в письмах прп. Феодора Студита // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2022. 107. С. 11–24 [Izotova O.N. Pastyrstvo v Vizantii konca VIII – nachala IX v. v pis'mah prp. Feodora Studita (Pastorship in Byzantium in the letters of st. Theodore the Studite (late 8th – early 9th c.) // Vestnik PSTGU. Seriya II: Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 2022. 107. P. 11–24].
- Кирилина А. В. Гендерные исследования в лингвистических дисциплинах // Гендер и язык / Ред. А. В. Кирилина. М., 2005. С. 7–32 [Kirilina A. V. Gendernye issledovaniya v lingvisticheskikh disciplinah (Gender studies in linguistic disciplines) // Gender i yazyk / Ed. by A.V. Kirilina. Moscow, 2005. P. 7–32].
- Куш Т. В. Ирония и шутка в византийском эпистолярном дискурсе // Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии. 2007. 13. С. 468–474 [Kushch T. V. Ironiya i shutka v vi-

- zantijskom epistolyarii (Irony and joke in the Byzantine epistolary) // Materialov po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. 2007. 13. P. 468–474].
- Куш Т. В. На закате империи: Интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. 456 с. [Kushch T.V. Na zakate imperii: Intellectuálnaya sreda pozdnej Vizantii (At the sunset of Empire: intellectual milieu of the late Byzantium). Ekaterinburg, 2013].
- Любарский Я. Н. Михаил Пселл: личность и творчество // Две книги о Михаиле Пселле / П. В. Безобразов, Я. Н. Любарский. СПб., 2001. С. 183–542 [Lyubarskij YA. N. Mikhail Psell: lichnost' i tvorchestvo (Michael Psellos: Personality and Writings) // Dve knigi o Mihaile Pselle / P. V. Bezobrazov, YA. N. Lyubarskij. Saint Petersburg, 2001. P. 183–542].
- Поляковская М. А. Портреты византийских интеллектуалов: Три очерка. Екатеринбург, 1992. 256 с. [Polyakovskaya M. A. Portrety vizantijskih intellektualov: Tri очерка (Portraits of Byzantine Intellectuals: Three Essays). Ekaterinburg, 1992].
- Фонкич Б. Н. Заметки о греческих рукописях советских хранилищ // Византийский временник. 1976. 36. С. 134–138 [Fonkich B.N. Zametki o grecheskih rukopisyah sovetskikh hranilishch (Notes about the Greek manuscripts in the Soviet collections) // Vizantijskij vremennik. 1976. 36. P. 134–138].
- Черноглазов Д. А. «У врат смерти»: жалобы на болезни в византийских письмах IX–XIII вв. // Византийские очерки. Труды российских ученых к XXII Международному конгрессу византистов. 2011. С. 203–219 [Chernoglazov D. A. «U vrat smerti»: zhaloby na bolezni v vizantijskikh pis'mah IX–XIII vv. (At the gates of death: complaints about illness in Byzantine letters of the ninth–thirteenth centuries) // Vizantijskie очерки. Trudy rossijskikh uchenyh k XXII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. 2011. P. 203–219].
- Черноглазов Д. А. Пять писем Иоанна Цеца: автопортрет византийского интеллектуала // Византийский временник. 2008. 67. С. 152–164 [Chernoglazov D. A. Pyat' pisem Ioanna Ceca: avtoportret vizantijskogo intellektuala (Five letters by John Tzetzes: a Byzantine intellectual's self-portrait) // Vizantijskij vremennik. 2008. 67. P. 152–164].
- Черноглазов Д. А. Трактат «Эпистолярные стили» Псевдо-Либания и его позднейшие версии: византийские письмовники и их практическое применение. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. СПб., 2021. [Chernoglazov D.A. Traktat «Epistoljarnye stili» Psevdo-Libaniya i ego pozdnejšie versii: vizantijskie pis'movniki i ih praktičeskoe primenenie (The treatise 'Epistolary Styles' of Pseudo-Libanius and its later versions: Byzantine letter writing manuals and their practical use. PhD thesis, Saint Petersburg State University, 2021)].
- Bernard F. Epistolary Communication: Rituals and Codes // A Companion to Byzantine Epistolography / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 307–332.
- Bernard F. Humor in Byzantine Letters (10th–12th centuries): Some Preliminary Remarks // *Dumbarton Oaks Papers*. 2016. 69. P. 179–196.
- Boissonade J.F. *Anecdota Nova*. P., 1844.
- Bourbouhakis E. Epistolary Culture and Friendship // A Companion to Byzantine Epistolography / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 279–306.
- Constantinides C. N. Higher Education in Byzantium in the Thirteenth and Early Fourteenth Centuries (1204 – ca. 1310). Nicosia, 1982.
- Costantino Acropolita. *Epistole* / A cura di R. Romano. Napoli, 1991.
- Donald N.M. *The Byzantine Lady: Ten Portraits, 1250–1500*. Cambridge; N. Y., 1994.
- Donald N.M. The Byzantine reaction to the Second Council of Lyons, 1274 // *Studies in Church History*. 1971. 7. P. 113–146.
- Grünbart M. An der Quelle: Libanios als Vorbild späbyzantinischer Epistolographen // *Koinotaton doron. Das späte Byzanz zwischen Machtlosigkeit und kultureller Blüte (1204–1461)* / Hrsgs. A. Berger, S. Mariev, G. Prinzing, A. Riehle. Berlin, 2016. S. 39–46.
- Grünbart M. *Formen der Anrede im byzantinischen Brief vom 6. bis zum 12. Jahrhundert*. Wien, 2005.
- Grünbart M. *L'epistolografia // Lo spazio letterario del medioevo. Le culture circostanti*. Vol. 1. La cultura bizantina / A cura di G. Cavallo. Rome, 2004. P. 345–378.
- Hatlie P. Friendship and the Byzantine Iconoclast Age // *Friendship and Friendship Networks in the Middle Ages* / Ed. J. Haseldine. L., 1990. P. 137–152.
- Hero A.K. *A Woman's Quest for Spiritual Guidance: the Correspondence of Princess Eulogia Choummaina Paliatologina* / Introduction by J. Meyendorff. Brookline, Massachusetts, 1986.

- Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire byzantin. P.1: Le siège de Constantinople et le patriarcat oecumenique. T. 3: Les eglises et les monastères. P., 1969.
- Kalogeras N. M. Byzantine Childhood Education and its Social Role from the Sixth Century until the End of Iconoclasm. Chicago, 2000.
- Karlsson G. Idéologie et cérémonial dans épistolographie byzantine. Textes du Xe siècle analysés et commentés. Uppsala, 1962.
- Kotzabassi S. Introduction: Intellectual Life in the Palaeologan Period: Persons, Genres and Trends // A Companion to the Intellectual Life of the Palaeologan Period / Ed. S. Kotzabassi. Leiden; Boston. 2022. P. 1–14.
- Kotzabassi S. Epistolography and Rhetoric // A Companion to Byzantine Epistolography / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 177–199.
- Kotzabassi S. Manuel Holobolos' Letter of Consolation to Theodora Raoulaina // *Parekbolai*. 2020. 10. P. 151–160.
- Kotzabassi S. Scholarly Friendship in the Thirteenth Century: Patriarch Gregorios II Kyprios and Theodora Raoulaina // *Parekbolai*. 2011. 1. P. 115–170.
- Laiou A. Role of Women in Byzantine Society // *Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik*. 1981. 31(1). P. 249–260.
- Leone P. M. A. (ed.). *Maximi Monachi Planudis Epistulae*. Amsterdam, 1991.
- Leonte F. A Late Byzantine Patroness: Helena Kantakouzene Palaiologina // *Female founders in Byzantium and beyond*. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 2012. 60(1). S. 345–354.
- Littlewood A. R. The Byzantine Letter of Consolation in the Macedonian and Komnenian Periods // *Dumbarton Oaks Papers*. 1999. 53. P. 19–41.
- Marciniak P. Byzantine Theatron – A Place of Performance? // *Theatron. Rhetorische Kultur in Spätantike und Mittelalter* / Hrgs. M. Grünbart. Berlin, 2007. S. 277–285.
- Michael Psellus. *Epistulae*. 2 vols. // Ed. S. Papaioannou. Berlin; Boston, 2019.
- Mullett M. Aristocracy and Patronage in the Literary Circles of Komnenian Constantinople // *The Byzantine Aristocracy, IX–XIII Centuries* / Ed. M. Angold. Oxford, 1984. P. 173–201.
- Mullett M. Byzantium: A Friendly Society? // *Past & Present*. 1988. 118. P. 3–24.
- Mullett M. Friendship in Byzantium: Genre, Topos and Network // *Friendship in Medieval Europe* / Ed. J. Haseldine. Stroud, 1999. P. 166–184.
- Nervo F. R. Teodora Raoulaina: Tra agiografi a e politica // *ΣΥΝΔΕΣΜΟΣ: Studi in onore di Rosario Anastasi*. Catania, 1991. 1. P. 152–161.
- Nikolaou K. Γυναικες επιστολογράφοι στη μέση βυζαντινή περίοδο (8ος–10ος αι.) // *Proceedings of the 2nd International Symposium: The Communication in Byzantium*. Athens, 1993. Σ. 175–180.
- Papadopoulos-Kerameus A. *Ανάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας*. T. 4. Ἐν Πετρούπολει, 1897. Σ. 185–223.
- Papaioannou S. Michael Psellos on Friendship and Love: Erotic Discourse in Eleventh-Century Constantinople // *Early Medieval Europe*. 2011. 19(1). P. 43–61.
- Rapp C. *Brother-Making in Late Antiquity and Byzantium: Monks, Laymen, and Christian Ritual*. Oxford, 2016.
- Riehle A. Epistolography, Social Exchange and Intellectual Discourse (1261–1453) // *A Companion to the Intellectual Life of the Palaeologan Period* / Ed. S. Kotzabassi. Leiden; Boston, 2022. P. 211–251.
- Riehle A. Introduction. Byzantine Epistolography: a Historical and Historiographical Sketch // *A Companion to Byzantine Epistolography* / Ed. A. Riehle. Leiden; Boston, 2020. P. 1–30.
- Riehle A. Καί σε προσάτιν ἐν αὐτοῖς τῆς αὐτῶν ἐπιγράφομεν σωτηρίας; Theodora Raulaina als Stifterin und Patronin // *Female founders in Byzantium and beyond*. *Wiener Jahrbuch für Kunstgeschichte*. 2012. 60(1). S. 299–316.
- Talbot A.–M. Building Activity in Constantinople under Andronikos II: The Role of Women Patrons in the Construction and Restoration of Monasteries // *Byzantine Constantinople: monuments, topography and everyday life* / Ed. N. Necipoglu. Leiden; Boston; Köln, 2001. P. 329–344.
- Taxidis I. Les Épigrammes de Maxime Planude. Introduction, édition critique, traduction française et annotation. (*Byzantinisches Archiv*, 32). Berlin; Boston, 2017.
- Timplalexi P. *Medizinisches in der byzantinischen Epistolographie (1100–1453)*. Frankfurt am Main, 2002.

Tinnefeld F. «Freundschaft» in Briefen des Michael Psellos. Theorie und Wirklichkeit // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1973. 22. S. 151–168.

White C. Christian Friendship in the Fourth Century. Cambridge, 1992.

Zorzi N. Una copista, due copisti, nessuna copista? Teodora Raulena e i due codici attribuiti alla sua mano // Medioevo greco. 2019. 19. P. 259–282.

Матвеева Алевтина Сергеевна, аспирант, исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aleutinamatveeva@yandex.ru

Scholarly Friendship Between a Woman and a Man in the Context of Byzantine Epistolary Practice: Letters to Theodora Raoulaina

Scholarly friendship is a well-documented phenomenon within Byzantine intellectual culture. Scholarly friendship can be understood as the collective social ideal of the Byzantine intellectual community, grounded in the shared pursuit of knowledge (φιλομάθεια) and mutual support in embracing the “philosophical way of life”. The exchange of friendly letters was a crucial component of such relationships in the predominantly male community of Byzantine writers. Nevertheless, surviving correspondence reveals that women actively engaged in correspondence with men and played a role in shaping scholarly epistolary discourse. Drawing on the letters directed to the public figure and writer Theodora Raoulaina (c. 1240–1300), this article explores the nuances involved in implementing the model of scholarly friendship between a man and a woman. Theodora actively exchanged correspondence with the foremost intellectuals of her time (Gregory II of Cyprus, Maximus Planudes, Constantine Akropolites, Manuel Holobolos, Nikephoros Choumnos). The surviving fragments of correspondence exhibit characteristic elements of Byzantine scholarly friendship, including a repertoire of rhetorical techniques typical for friendly letters, intellectual interaction such as the exchange of manuscripts, and commenting on a correspondents’ epistolary style. Additionally, the maintenance of constant contact is evident through the exchange of gifts. Byzantine epistolary friendship between a man and a woman does not go beyond the rules of Byzantine epistolary discourse, defined by epistolary theory and the concept of friendship (φιλία). However, the content of the letters is enriched with additional meanings due to the gender aspect.

Keywords: *Byzantine epistolography, Byzantine intellectuals, Early Palaiologan Byzantium, Theodora Raoulaina, scholarly friendship.*

Alevtina S. Matveeva, PhD student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University; Junior researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aleutinamatveeva@yandex.ru

Н.А. ЧЕШОКОВА

ИСТОРИЯ ВЫМЫШЛЕННАЯ И РЕАЛЬНАЯ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ВЛАСТИ ЛИ СОНГЕ (ТХЭДЖО, 1392–1398) – ОСНОВАТЕЛЯ КОРЕЙСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЧОСОН (1392–1897)

В статье анализируется, как в корейских исторических источниках XV в. отражен приход к власти Ли Сонге (Тхэджо, 1392–1398) – основателя корейского государства Чосон (1392–1897). Цель исследования – выявить способы легитимации власти в средневековой Корее. Рассмотрены способы легитимации власти, которые предпринимались как самим Ли Сонге, так и его потомками позднее. Было выявлено, что легитимация власти Ли Сонге опиралась одновременно на конфуцианскую традицию, буддизм и собственные корейские представления об идеальном правителе.

Ключевые слова: легитимация власти, Ли Сонге, Чосон, Ван Гон, Корё.

Ли Сонге 李成桂 (посмертное имя Тхэджо 太祖, 1335–1408, правил 1392–1398) был официально провозглашен королем и взшел на трон во дворце Сучхангун 壽昌宮 17 числа 7 лунного месяца 1392 г., о чем гласит первая запись в летописи «Истинные записи правящего дома Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*)¹. Так начинается история государства Чосон (1392–1897) и концентрация власти в руках клана Ли на 518 лет. 57-летний Ли Сонге правил шесть лет. Смена правящей династии, изменения государственной идеологии, построение нового государственного аппарата, укрепление, а также экономические реформы и установление дипломатических отношений с китайской династией Мин (1368–1644) – лишь основные задачи, которые необходимо было решать новому государю. Вскоре появилась еще одна серьезная проблема – выбор наследника. При жизни Ли Сонге стал свидетелем кровопролитной борьбы за власть между своими сыновьями – в 1398 и 1400 гг. Два младших сына (седьмой и восьмой) были убиты, еще двое (второй и четвертый) – сосланы. Братоубийцей был пятый сын – Ли Банвон 李芳遠 (1367–1422). В 1398 г. Ли Сонге отрекся от престола в пользу своего второго сына, Ли Бангва 李芳果 (Чонджон 定宗, 1367–1422, правил 1398–1400). В 1400 г. после неудачного заговора против Ли Банвона Чонджон также отрекся от престола, и Ли Банвон стал новым правителем Чосона. Посмертное имя – Тхэджон 太宗, правил 1400–1418.

Таким образом, период правления Ли Сонге был сравнительно короток и не предполагал решения всех проблем нового государства. Основная ноша легла на Ли Банвона и его потомков. Однако в исторических хрониках и средневековой литературе Ли Сонге предстает удивительным героем, достойным Мандата Неба и ведущим государство к процветанию. Идеальный правитель, выбранный за свои заслуги и внут-

¹ Также возможен перевод «Истинные записи правления династии Чосон», «Анналы династии Чосон». Нами по совету доктора ист. наук, профессора С.О. Курбанова выбран перевод «правлящий дом Чосона» в связи с тем, что Чосон – это название государства, а не династии. Фамилия правящей династии – Ли.

ренную силу *ток* 德 (кит. дэ). Возвеличение основателя династии не вызывает удивления и логично, однако нас интересуют способы, которые были использованы для этого.

Наше исследование посвящено изучению «культурного кода», символов, при помощи которых происходило возвеличение Ли Сонге и принятие его как родоначальника новой династии. Источники исследования – письменные памятники, среди которых как официальные исторические источники – в частности, летопись «Истинные записи правящего дома Чосон»; так и художественные – например, поэтический памятник «Ода о драконах, летящих к небу» 龍飛御天歌 (*Ёнбиочхонга*, 1445–1447 гг.), который тем не менее был подготовлен ведущими учеными Чосона; а также корёский свод текстов, легитимирующий основателя государства Корё Ван Гона 王建 (Тхэджо 太祖, 877–943, правил 918–943), «Всеобщие анналы» 編年通錄 (*Пхёнён тхоннок*, XII в.) и др. Ван Гон важен для нашего исследования, т.к. его легенда о происхождении не была связана с «чудесным рождением», характерным для основателей государств, существовавших на Корейском полуострове до X в. Как и Ли Сонге, Ван Гон получил посмертное имя «Тхэджо» 太祖, что значит «великий предок». Важно обратить внимание, что в XV в., особенно в период правления вана Седжона 世宗 (1397–1450, правил 1418–1450), внука Тхэджо Ли Сонге, заметно увеличение числа сочинений, содержание которых направлено на укрепление правящей династии². Подготовлены они были на высшем государственном уровне.

Сэм Вермеерш предлагает выделять в биографии Ли Сонге три основных периода: 1) до его становления монархом в 1392 г., 2) период управления страной в 1392–1398 гг., и 3) период после отречения от престола и до конца жизни – 1398–1408 гг.³ Мы полагаем, что наиболее значимые элементы конструирования образа Тхэджо связаны с его деятельностью до прихода к власти и в период, когда он управлял государством. Поэтому рассмотрим первый и второй периоды подробнее.

Генерал Ли Сонге

Ли Сонге родился на северо-востоке Корё, в Хварёне⁴, в семье военного чиновника. Судя по записям в летописи «Истинные записи правящего дома Чосон», его предки исповедовали буддизм, и сам он также интересовался данной религией и поддерживал ее⁵. К началу своего восхождения Ли Сонге был военным губернатором на северо-востоке Корё (назначен 1384 г.). Он, наравне с военачальником Чхве Ёном 崔瑩

² Син 2012: 160.

³ Vermeersch 2013: 127.

⁴ В период Корё данное место именовалось Хваджумок, затем было переименовано в Хварён, в 1393 г., на следующий год после восхождения Ли Сонге на престол, получило название Ёнхын, что можно перевести как «Вечно цветущий». Оно звучало как благопожелание и потому более подходило родине основателя новой династии. Подробнее см.: Симбирцева 2012: 41.

⁵ Подробнее см.: «Истинные записи правящего дома Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон вандожо силлок*).

(1316–1388), пользовался уважением корейской элиты и имел возможность в сжатые сроки организовать боеспособную армию.

Страна же в 1380-е гг. бедствовала. У власти находился государь У-ван 禡王 (1365–1389, правил 1374–1388), при котором бразды правления держал триумvirат, представлявший «старую аристократию»: Ли Иним 李仁任 (?–1388), Лим Гёнми 林堅味 (?–1388) и Ём Хынбан 廉興邦 (?–1388). Триумvirат защищал интересы «старой аристократии» – «сильных домов» *ходжок* 豪族⁶. Эти кланы имели тесные связи с королевской семьей, торговые и личные контакты с монгольскими правителями в Юань (1271–1368⁷). Триумvirат стремился консолидировать в своих руках органы управления страной и монополизировать торговлю. Поэтому для триумvirата и аристократической элиты было выгодно поддерживать дипломатические отношения с Юань. В период правления У-вана Ли Иним, пользовавшийся безграничным доверием короля, продолжал поддерживать Юань, закрепившихся в северном Китае после восстания «Красных повязок» (1351–1368), и при этом выступал против минского Китая (1368–1644) – отношений с последним у Корё фактически не было на протяжении 1374–1386 гг.⁸ В 1384–1385 гг. Корё перестало помогать монголам, которые уже явно проиграли войну Мин и не имели ресурсов восстановить свое государство. Однако с укрепившейся китайской династией существовали разногласия по пограничным территориям, которые Корё не намеревалось уступать.

Знаковым стал 1388 год. Мин предъявили претензии на северо-восточные территории Корё, а именно бывшее монгольское наместничество Ссансон (завоевано Корё в 1356 г.). Внутри же Корё усиливались массовые недовольства из-за политики триумvirата. Заручившись поддержкой У-вана, полководец Чхве Ён заключил Ли Инима, Лим Гёнми и Ём Хынбана под стражу и стал новым советником короля.

⁶ В связи с недостаточным количеством источников, касающихся чиновничьих кланов X–XI вв., в корееведении сохраняется дискуссия относительно того, насколько сильно за весь период Корё изменилось число «сильных домов», степень их влияния на правителя, их численность в структурах государственного управления и др. Ситуацию осложняет переворот 1170 г., в ходе которого военные подняли восстание и убили многих гражданских чиновников. Тем не менее, мы склонны соглашаться с мнением Джона Дункана, который доказывает, опираясь на списки чиновников Корё, что правящая элита Корё фактически за весь период не изменялась. Тем не менее, иногда клан переставал играть значимую роль в управлении страны по естественным причинам – например, когда уменьшалось число потенциальных наследников в семье. Также по политическим причинам возможны были ссылка или казнь членов влиятельного клана по приказу вана. Что касается военного восстания, то военные чиновники были связаны со многими гражданскими чиновниками, а потому сохраняли им жизнь. Более подробно см. Duncan 2014: 69–71.

⁷ В литературе также встречаются хронологические рамки монгольского государства Юань как 1280–1368 гг. В таком случае подразумевается правление Юань после покорения Южной Сун (1127–1279) и управление единой территорией Поднебесной, разделенной после поражения империи Тан (618–907).

⁸ Курбанов 2022: 210.

В ответ на претензии Мин было решено отправить войска на полуостров Ляодун, дабы присоединить эти земли к Корё и тем самым не только увеличить территорию, но и показать свою мощь. Ранее Ляодун входил в состав государства Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.), и там проживало значительное число корейских семей. Регион имел стратегическое значение для Корё и Мин, поэтому интерес к нему закономерен. Более того, можно сказать, что принадлежность Ляодуна – основной территориальный спор, который волновал Корё, затем Чосон и их северных соседей⁹. Чхве Ён настаивал на прямом столкновении, чтобы доказать свое превосходство и установить контроль над спорными территориями. Ли Сонге, напротив, считал подобные действия опрометчивыми и предлагал путь дипломатии¹⁰. У-ван поддержал Чхве Ёна и приказал Ли Сонге с 50-тысячной армией выступать, но на подступах к реке Амноккан Ли Сонге повернул армию вспять и вернулся в столицу Кэгён, где объявил о взятии Чхве Ёна под стражу и низвержении У-вана. Бывший правитель был отправлен в далекую ссылку – сначала на остров Канхвадо, а позднее – в г. Каннин, где и скончался¹¹. Новым королем стал его сын Чхан-ван 昌王 (1381-1389, правил 1388-1389), а Ли Сонге – регентом. Период правления был недолгим. При дворе стали возникать сомнения в легитимности У-вана – поздние летописи сообщают, что он был приемным сыном законного короля Конмин-вана 恭愍王 (1330–1374, правил 1351–1374)¹² или сыном буддийского монаха Синдона (1323–1371), пользовавшегося значительной властью в правление Конмин-вана¹³. Как и У-ван, Чхан-ван был сослан, и, вскоре после восшествия нового короля, им обоим было приказано выпить яд.

Следующим монархом Корё стал Конъян-ван 恭讓王 (1345–1394, правление 1389–1392). Он принадлежал к королевскому роду Ван, но выступал как креатура Ли Сонге. В течение почти трех лет его правления, власть в Корё принадлежала Ли Сонге и поддерживающему его новому сословию *садэбу* 士大夫 – группе реформаторов-неоконфуцианцев. В 1392 г. Конъян-ван был низложен, и Ли Сонге выбран в качестве нового правителя, основателя новой правящей династии. Что касается Ляодуна, то новое государство было вынуждено признать главенство Мин. Ким Сонмин так характеризует это решение: «Чосон мог поддерживать безопасные дипломатические отношения с Мин только уважая их имперскую власть и отказавшись от притязаний на Ляодунский полуостров»¹⁴. Ли Джунсин уточняет, что Ли Сонге, отказавшись следо-

⁹ Lee 2016: 47.

¹⁰ Примечательно, что ранее Ли Сонге уже участвовал в атаке на Ляодун. В 1356 г. Конмин-ван, отец У-вана, приказал Ли Сонге и другим военным атаковать ряд крепостей на Ляодунском полуострове, но после успешного продвижения Ли Сонге не смог укрепиться и был вынужден уступить захваченные земли. См.: Lee 2016: 49.

¹¹ Пак 2012: 239.

¹² Концевич 2010: 648.

¹³ Курбанов 2022: 210-211.

¹⁴ Kim 2017: 30.

вать плану У-вана и развернув войска у острова Вихвадо, объяснял свои действия тем, что малое государство [Корё] не должно нападать на Срединное государство, и эта риторика впоследствии мешала Ли Сонге и его потомкам проводить активную политику по захвату Ляодуна¹⁵. С другой стороны, как пишет Сун Ньяншен, политика Ли Сонге и отказ от соперничества с Мин за Ляодунский полуостров привели к постепенному выстраиванию взаимовыгодных отношений с Мин и распространению влияния Ли Сонге на чжурчжэней, которые проживали в районе реки Туманган и на Ляодунском полуострове¹⁶.

Легитимация власти в средневековой Корее

В мировой практике, согласно теории Макса Вебера (1864–1920), возможны три способа легитимации власти правителя: традиционный, харизматический и рациональный; возможно также их сочетание¹⁷. В Корее периода Корё и Чосон мы имеем дело с традиционным типом легитимности, опирающимся на «дарованную Небом власть». В случае же смены правящей династии или курса, в большинстве случаев на первый план выходит харизматическая личность, – и тогда в текстах, которые призваны поддержать установление новой династии, будет создаваться образ достойного правителя, избранного Небом за его уникальные качества. Важную роль здесь играет теория о «силе *ток*» (кит. *дэ*).

В основополагающем труде о *дэ* А.И. Кобзев, сравнивая концепт *дэ* в древнейших китайских канонах и опираясь на контекст «Книги истории» 書經 (кит. *Шу цзин*), приводит следующую связь между *дэ* и управлением страной: «*Дэ* – главная добродетель в чжоуской мысли, унаследованная из древности <...> и выражающая принцип гармонизации как общества, так и всего универсума. Дао [道; кор. *то* – Н.Ч.] означает «поведение» или «продвижение», а также путь государя и Неба. Тянь [天; кор. *чхон* – Н.Ч.] – Небо, дающее начало всем вещам и принципам, направляющее ход истории посредством добродетельных (*дэ*) государей, за чьими действиями оно наблюдает глазами народа. Если правящая власть приобретает аморальные черты и тем самым вносит в мир дисгармонию, Небо восстанавливает порядок, сменяя правителя (династию) или <...> пуская в ход воспитующие и наказующие меры»¹⁸.

Т.е. *дэ* / *ток* – это такие внутренние качества индивидуума, которые обращают на него внимание народа и Неба. Хотя в китайской философии особенности характеристик «силы *дэ*» были неоднократно прописаны в каноничной литературе, в Корее одну из, вероятно, первых классификаций предложил чиновник Чхве Чхивон 崔致遠 (857–908) в «Семисловных стихах, в которых описывается “дэ”» (880–884). По словам Л.В. Ждановой, специалиста по творчеству Чхве Чхивона, «обладатель “дэ” способен проникать в непостижимые для простых смертных тайны,

¹⁵ Lee 2016: 57–58.

¹⁶ Song 2012: 169.

¹⁷ Weber 1925: 122–170.

¹⁸ Кобзев 1998: 19.

может однократным усилием произвести чудо, достичь результата, во много раз превышающего возможности человека <...> личность, отмеченная “дэ”, несет на себе печать “сверхчеловека”»¹⁹.

Чхве Чхивон, опираясь на биографии выдающихся китайских деятелей, выделял следующие типы обладателей *дэ / ток*:

- Тип стрелка (военного), чья функция – в совершенстве владеть своим мастерством и управлять насельниками близлежащих территорий – «варварами» – при помощи как силы, так и личного примера;
- Тип ученого (поэта и каллиграфа), чья функция – словом воздействовать на мироздание, воспевать гармонию, пояснять и описывать тайны природы; при помощи слова-знака воздействовать на «варваров»;
- Тип чиновника (государственного мужа), чья функция – быть опорой правителя, совершенствовать в себе *дэ / ток*, покорять и преобразовывать «варваров», устанавливать гармонию и способствовать процветанию государства; «возвращать земле истинный облик» – т.е. способствовать расширению границ государства (в том числе путем мирных переговоров). К этой группе Чхве Чхивон относил также торговцев – мастеров «лодочных дел»; и чиновников, которые грамотно толковали небесные знамения и действовали в соответствии с ними²⁰.

Итак, каждый мог обратить на себя внимание Неба. Требовалось лишь доказать, что сила *дэ/ток* высока и выделяет героя среди прочих.

Еще один не менее важный аспект в корейской системе легитимации – это признание со стороны «Срединного государства». Китаецентричная модель мира, где Китай оказывался в символическом «центре» пространства, а окружающие его государства позиционировались как менее достойные и цивилизованные, была широко распространена в Восточной Азии. Государства Корейского полуострова в разные периоды по-разному пытались встроиться в эту систему.

С одной стороны, между Кореей и Китаем традиционно существовали особые отношения *садэ* 事大 – «служение старшему [государству]». Как пишет Т.М. Симбирцева, «соблюдение *садэ* было религией и идеологией, высшей честью, психологией и моралью, следованием идеалу, способом повысить престиж власти и гарантировать безопасность государства»²¹. Отметим, что идея *садэ* зиждилась на модели китаецентризма и так обеспечивала единую культурную идентичность между конфуцианцами – они ощущали себя частью китайской цивилизации и носителями культурных ценностей Поднебесной²². Здесь стоит отметить, что термин *садэ* характерен, прежде всего, для корейской культуры и истории, а в китайской истории особые отношения между Кореей и Китаем характеризовались различными терминами в зависимости от исторического периода, однако их совершенно точно нельзя характеризовать

¹⁹ Жданова 1979: 175.

²⁰ Классификация приведена нами по анализу текста Чхве Чхивона, проведенного Л.В. Ждановой. Жданова 1979: 175-180.

²¹ Симбирцева 2012: 46.

²² Jang 2014: 60.

как «даннические» или «вассальные»²³. «Срединное государство» представлялось культурным идеалом, на который следовало равняться.

С другой стороны, Ремко Брёкер доказывает, что правители Корё видели себя равными китайским императорам как минимум с точки зрения ритуала. Это проявлялось в том, что корёские правители носили те же цвета одежды, что и китайские; могли отправлять ритуалы Небу (что было невозможно для не «Сыновей Неба»); имели посмертные имена как китайские правители, титулы и т.д.²⁴ Это может быть связано с нестабильностью в «Срединном государстве», где последовательно сменялись правящие династии, а также с началом формирования в Корё корейской прото-идентичности, во многом обусловленной грамотной ассимиляционной политикой и экономическим развитием государства (до начала монгольских нашествий в XIII в.)²⁵.

Многие особенности придворного церемониала, которые в определенной степени нарушали *садэ*, сохранились и в Чосоне. Например, это посмертные титулы – как ранее упомянутый «Тхэджо» – «великий предок». Ремко Брёкер предполагает, что в данной и схожих ситуациях несоблюдение иерархии в отношении «Сына Неба» было связано с тем, что за прошедшие века нарушение уже не воспринималось как «нарушение»; использование, в частности, посмертных имен могло восприниматься как устоявшийся «правильный» ритуал²⁶. Однако, в отличие от правителей Корё, провозглашенное Ли Сонге новое государство больше зависело от Китая и его признания – в связи с этим легитимация Ли Сонге должна была опираться на традиционные китайские принципы легитимации власти. Так, например, Ли Сонге сразу после провозглашения новой династии направил в Мин посланника, дабы китайский император признал своего нового соседа. Китайский император выбрал и название для этого государства – Чосон, по аналогии с легендарным Древним Чосоном, который был зафиксирован в китайских летописях. Официально название стало использоваться с 15 февраля 1393 года²⁷.

Таким образом, можно сделать вывод, что легитимация правителя в Чосоне будет опираться на традиционные конфуцианские модели, идею «силы *дэ* /*ток*». Также новый лидер должен действовать в контексте «восстановления порядка»²⁸ (после окончания предыдущей династии) и быть поддержан правящей в «Срединном государстве» династией.

²³ Song 2012: 156-157.

²⁴ Подробнее см.: Breuker 2003: 52-58.

²⁵ Пример нарушения *садэ*: – Корё чеканило собственные монеты, причем на них была выгравирована не фамилия правящего дома или девиз правления, а самоназвание страны. Сохранились три варианта, каждый из них был широко распространен и после падения Корё: «[Страна] к Востоку от моря» (*Хэдон*), «Восточная страна» (*Тон-зук*) и «Три Хан» (*Самхан*). Монеты ходили и в Китае. Подробнее см. Jun 2014: 272.

²⁶ Breuker 2003: 53.

²⁷ Симбирцева 2012: 41.

²⁸ «Восстановление порядка» в связи с окончанием правления предыдущей династии и началом правления новой. Традиционная китайская модель *мальсе сасан* 末世思想, предполагающая естественную смену циклов.

Ряд исследователей, среди которых Сэм Вермеерш, считают также, что значительную роль в формировании легитимности в Корё и Чосоне играл буддизм: «все его [Ли Сонге] действия в отношении буддизма демонстрируют замечательную преемственность по отношению к Корё, что указывает на то, что он полностью рассчитывал следовать прецеденту Корё, основывая королевскую легитимность на буддизме»²⁹. Это и идея правителя-чакравартина, который руководит при помощи будд и направляет своих подданных; и использование буддийских ритуалов и опора на буддистов в начале своего правления (наиболее значимой фигурой был монах Мухак, о нем речь пойдет ниже). Хотя буддизм в период Чосон преследовался, первые правители Чосона оставались буддистами. Кроме того, можно говорить и о синкретизме. Так, Корё, будучи вассалом монгольской империи Юань в XIII–XIV вв., ощутило на себе «глобализацию», в которой все подчинялось правилам неоконфуцианства³⁰. Чосон позиционировал себя как неоконфуцианское государство, однако разные религиозные представления уже были настолько укоренены в корейской культуре, что отказаться от них было невозможно.

Помимо конфуцианских и буддийских представлений о «благородном муже», признании со стороны «старшего государства», легитимация власти в Корее опиралась и на собственные корейские представления о достойном правителе. Они были выражены в мифах и легендах; канонических образцах поведения правителей – сформированных в том числе благодаря корёскому памятнику «Исторические записи Трех государств» 三國史記 (*Самгук саги*, 1145 г.) придворного историографа Ким Бусика 金富軾 (1075–1151). Мы полагаем, что возможно говорить о том, что данные способы легитимации власти были в большей степени характерны для убеждения простого народа.

Таким образом, легитимность корейского монарха, основателя династии, строилась на основе совокупности факторов. Когда Ли Сонге требовалось обосновать свою легитимность, он и его сторонники могли: 1) заявить о получении Небесного Мандата, как того требовало конфуцианство; 2) опереться на буддийскую традицию «правителя-чакравартина», характерную для Корё; 3) использовать любые отсылки на сверхъестественные силы; или 4) сообщить, что он «лучший из лучших», т.е. обладает достаточным количеством дэ / ток³¹.

Однако чосонским правителям и элите потребовалось решать еще одну дополнительную задачу – уточнять происхождение Ли Сонге.

Предок-основатель Ли Сонге: проблема легитимности

Ли Сонге был родом из того самого монгольского наместничества Ссансон, которое стало камнем преткновения между Корё и минским Китаем. До 1356 г. данные земли входили в состав империи Юань. Многие предки Ли Сонге занимали в Юань высокие должности. Но, предви-

²⁹ Vermeersch 2013: 126.

³⁰ Ahn 2018: 146-147.

³¹ Baker 2013: 154.

дя, вероятно, крах Юань в связи с восстанием «Красных повязок», отец Ли Сонге, Ли Джачхун 李子春 (1315–1360), обратился к корёскому Конмин-вану и предложил ему помощь в присоединении земель к Корё. Так Ли Сонге стал подданным Корё. Однако удивительным образом в китайских списках конца XIV в. Ли Сонге фигурировал как сын одного из лидеров триумvirата – Ли Инима. Произошло это по вине двух корейцев, бежавших в Мин – Юн И 尹彝 (Юн Саган 尹思康, ? –?) и Ли Чхо 李初 (?–?)³². Юн И и Ли Чхо выступали против Ли Сонге – в 1390 г. они направились в Мин, где на аудиенции во дворце заявили, что Ли Сонге – не только сын Ли Инима, но и действующий правитель Коньян-ван – не представитель королевского клана Ван. Также они обвинили Ли Сонге и его сторонника Чон Доджона 鄭道傳 (1342–1398) в подготовке военного похода на Китай и жестоких репрессиях против несогласных.

Китайский посланник в 1390 г. выразил недовольство императора подобным положением дел. Поэтому, хотя происхождение Ли Сонге не должно было интересовать Китай, сразу после основания нового государства требовалось разъяснить, что род Ли Сонге не имеет отношения к падению Корё. Для этого летом 1392 г. ко двору императора отправился посол, который вез список двадцати двух предков Ли Сонге, доказывающий отсутствие родственных отношений с Ли Инимом.

Однако ошибка в генеалогии Ли Сонге не была исправлена и сохранилась в более поздних текстах: например, «Собрании установлений Великой Мин» 大明會典 (кит. *Да Мин хуйдянь*; кор. *Тэ Мин хведжон*, XVI в.). Лишь в 1589 г. китайская сторона внесла изменения в свои внутренние документы, касающиеся Чосона. Т.е. почти 200 лет в китайских источниках Ли Сонге фигурировал как сын Ли Инима, что негативно сказывалось на образе его как нового лидера государства.

Т.о. не только необходимость сакрализации новой династии и нового основателя внутри страны влияли на мифологизацию образа Ли Сонге, но также значительную роль играли и внешние причины, ключевая из которых – «нелегитимное» происхождение правителя.

Проблема генеалогии Ли Сонге в корейских источниках называется «Опровержение клеветы о происхождении» 宗系辨誣 (*Чонге пёнму*), ее хронологические рамки с 1394 по 1589 гг.

Образ Ли Сонге в письменных источниках

Основной источник информации о династии Ли и государстве Чосон – летопись «Истинные записи правящего дома Чосон». Летопись начала составляться при пятом сыне Ли Сонге, Ли Банвоне (Тхэджоне). До Ли Банвона историей государства Корё занимался соратник Ли Сонге – *садэбу* Чон Доджон 鄭道傳 (1342–1398), идеолог раннего Чосона.

Другой важный источник, повествующий о Ли Сонге и его предках, – поэтическое произведение «Ода о драконах, летящих к небу» 龍飛御天歌 (*Ёнбиочхонга*, 1445 г.) – было создано на *ханмуне*³³ с приме-

³² Robinson & Ji 2023: 190–191.

³³ Ханмун – коресезированная форма китайского письменного языка вэньянь.

нением нового корейского алфавитного письма *онмун*. Авторы – ученые «Павильона собрания мудрейших» 集賢殿 (*Чипхёнджон*) Квон Дже Квон (1387–1445), Чон Инджи 鄭麟趾 (1396–1478) и Ан Джи 安止 (1377–1464)³⁴. Составлен текст был при ване Седжоне. Как пишут современные переводчики «Оды...» на русский язык Е.Н. Кондратьева и О.М. Мазо, главная функция произведения – «узаконить и упрочить положение новой династии, возвеличивая основателя династии и его род»³⁵. Также «Ода...» должна была помогать в государственных делах, предлагая способ решения или предостерегая от ошибок в управлении.

Название «Оды...» отсылает к китайскому классическому памятнику – «Книге перемен» 易經 (*И цзин*), а именно к первой представленной гексаграмме, состоящей из шести горизонтальных черт. Эти черты символизируют «светлую» янскую энергию³⁶, Небо и, согласно толкованию, представляют шесть «драконов». В «Оде...» эти шесть «драконов» – шесть предков Седжона, каждый из которых имеет храмовое имя: отец Ли Банвон (Тхэджон), дед Ли Сонге (Тхэджо), прадед Ли Джачхун (Хванджо 桓祖), прапрадед Ли Чхун 李椿 (Тоджо 度祖, ?–1342), прапрапрадед Ли Хэнни 李行里 (Икчо 翼祖, ?–?) и прапрапрапрадед Ли Анса 安社 (Мокчо 穆祖, ?–1274). Структура «Оды...» представляет собой перекличку корейской и китайской истории через систему образов и параллельные строки.

Анализируя модели из «Оды...», мы находим параллели с корёским сочинением «Всеобщие анналы» 編年通錄 (*Пхённён тхоннок*, XII в.). Данный текст был составлен после военного переворота в 1170 г., точная дата составления неизвестна. Текст включен в летопись «История Корё» 高麗史 (*Корёса*, 1451 г.).

Во «Всеобщих анналах» описываются предки Ван Гона. Изложение хронологическое, однако выполнено в мифологическом ключе.

Первым описан отец Ван Юн 王隆 (?–897), который получает наставления от монаха Тосона 道誥 (827–898) с тем, чтобы передать их своему наследнику. История Тосона и его уверенность в том, что Ван Гон станет новым правителем нового государства, опирается на особенности пространственного расположения дома Ван Юна (теорию *пхунсу чхри соль* 風水地理說, «корейский фэншуй») и представляет собой замену «чудесного рождения», которое было характерно для корейских правителей до Ван Гона. Тосон фактически легитимирует Ван Гона, и в дальнейшем, благодаря поддержке буддизма в Корё, остается известной и популярной фигурой в Чосоне³⁷.

³⁴ Подробнее см.: Кондратьева, Мазо 2011: 9–10.

³⁵ Там же. С. 12.

³⁶ В традиционной дальневосточной философии мир был создан из пустоты благодаря возникновению и постоянному движению двух первоначал – *ян* и *инь*. *Ян* ассоциировалось также с мужским началом, светом, звуком и др. *Инь*, напротив, – с женским началом, тьмой, тишиной и др.

³⁷ Vermeersch 2013: 131.

Каждый из последующих предков Ван Го на наделяется все более чудесными чертами, вплоть до некоего военного Хогёна 虎景 (?–?), выходца из Силла, который спустился с горы Пэктусан³⁸ и был великолепным лучником, а позднее сочетался браком с горным духом³⁹. Обратим внимание, что указание на военную мощь как проявление у человека силы *ток / дэ* ранее описывал Чхве Чхивон. Во «Всеобщих анналах» также присутствуют иные волшебные существа и события.

Как считает переводчик «Всеобщих анналов» на английский язык Майкл Роджерс (1923–2005), легенда о Ван Гоне ориентирована на государство, а не на конкретный клан – т.е. цель ее состоит именно в объяснении, что представители семьи Ван изначально, задолго до провозглашения Ван Го на королем, имели особые предпосылки для прихода к власти⁴⁰. Соответственно, данный текст можно рассматривать как известный в Чосоне способ легитимации власти.

Если мы сопоставим даты составления указанных выше памятников, то обнаружим, что все тексты находились в распоряжении конкретной группы лиц, которой было доступно не только «фактическое» содержание произведений, но и семиотический комплекс знаков, символов, «культурного кода» – ведь все, без исключений, тексты идеологического «ядра» мы можем рассматривать как интертекстуальные.

Соответственно, если мы хотим выявить «модель легитимации» власти Ли Сонге, созданную для него «легенду», то нам следует обратиться именно к поликодовой модели, проанализировать и сопоставить комплексы образов из указанных произведений.

Проведя данный анализ, мы выявили некоторые закономерности.

Ли Сонге и модели легитимации власти

В связи с тем, что интертекстуальность предполагает такой канал коммуникации, при котором отправляемое сообщение будет верно и максимально единообразно интерпретировано получателем, ожидаем несколько знаковых систем, каждая из которых ориентирована на свою целевую группу.

Одна из целевых групп – китайский правитель и чиновники, которые подозревают, что Ли Сонге – сын Ли Инима. Помимо отправленно-

³⁸ Здесь хотелось бы отметить, что хотя в XVII–XVIII вв. в Чосоне будет создаваться «культ» Пэктусана, данный миф не попадет в комплекс связанных с горой текстов. Более того, в Корё Пэктусан не почитался как «особенная гора», поэтому в данной ситуации, мы полагаем, важно расположение Пэктусана как наиболее высокой горы на полуострове. Также сюжетный троп напоминает аналогичный в мифе о Тангуне – легендарном основателе Древнего Чосона. Миф о Тангуне также был записан в Корё, в XIII в. Отец Тангуна, Хванун, спустился с неба на гору Тхэбэксан. Как и в истории Хогёна, Хванун сочетается браком с чудесным существом – медведицей, которая превратилась в женщину. Гора в обеих историях, возможно, имеет функцию «мирового древа», посредника между мирами, однако любопытно, что примерно в один и тот же период времени (XII и XIII вв.) в Корё был использован один и тот же художественный прием в похожих контекстах.

³⁹ Rogers 1982-1983: 5-6.

⁴⁰ Ibid. P. 14.

го в конце XIV в. списка двадцати двух предков Ли Сонге, требовалось представить его биографию в «идеологическом ядре» Чосона, а именно в «Оде...», доступной для китайского двора, где читаем:

Чжоуский Тай-ван, живя в долине Бинь, заложил основы императорского правления.

Наш родоначальник, живя в Кёнхыне, заложил основы правления ванов⁴¹.

Под «нашим родоначальником» здесь понимается Мокчо, прапрадед Ли Сонге. Согласно легенде, он был родом из Чонджу, однако из-за конфликта с местной знатью (подробнее об этом см. стих №17) был вынужден переселиться и переехал в местность Альдон близ Кёнхына. Тогда же Мокчо признал себя подданным Юань. Этот и иные стихи о старших родственниках Ли Сонге должны были свидетельствовать, что Ли Сонге никак не мог быть связан с Ли Инимом.

С другой стороны, значимым являлось и объяснение легитимности Ли Сонге через избранность его Небом за особые качества и заслуги. Это было важно, прежде всего, на ритуальном уровне. В «Истинных записях правящего дома Чосон» читаем:

«Год красного Петуха / Дождь. Прежде была долгая засуха. Как [Тхэджо] взойшел на престол, [начались] проливные дожди. Сердца людей [полны] большой радостью»⁴².

Это третья запись в летописи, датируемая 18 днем 7 лунного месяца 1392 г. Второй день правления Тхэджо. Т.е. согласно летописи, Небо ниспослало дождь в ответ на восшествие Ли Сонге на престол. При этом «Истинные записи...» однозначно маркируют Коньян-вана как правителя недостойного и теряющего поддержку народа.

Однако, чтобы Небо «выбрало» Ли Сонге, он должен являться носителем чрезвычайно выраженной силы *дэ / ток*. Поэтому Ли Сонге в «Оде...» посвящено наибольшее количество стихов. И хотя он выделяется внешне – «большие уши» (стих №29)⁴³, из всех способов раскрытия силы *дэ / ток*, средневековые историки сосредоточились на воинской доблести Ли Сонге, его силе и ловкости. О военных успехах Ли Сонге неоднократно говорится и в его хрониках, которые были составлены в XV в.⁴⁴ Соответственно, здесь мы видим доказательство легитимности Ли Сонге через демонстрацию у него явно выраженной силы *дэ / ток*.

Сравним, как Ван Гон и Ли Сонге приходят к власти. Эти события подробно описаны в, соответственно, «Исторических записях Трех государств» и «Истинных записях правящего дома Чосон», а также «Оде...».

⁴¹ Кондратьева, Мазо 2011: 38.

⁴² «Истинные записи правящего дома Чосон» 朝鮮王朝實錄 (Чосон ванджо силлок).

⁴³ Неизвестно, как доподлинно выглядел Ли Сонге. Сохранившийся до наших дней его посмертный портрет *оджин* 御眞 был создан в 1872 г. на основе *оджин* XVIII в., а тот – на основе еще более ранних. Однако *оджин* могли не полностью передавать черты изображенного на них человека, что объяснялось техникой изготовления *оджин* и важностью «правильных» черт для физиогномического анализа. Тем не менее, на *оджин* Ли Сонге представлен как мужчина с маленьким ртом и большими ушами. Подробнее см.: Cho 2010: 60-63.

⁴⁴ Подробный разбор эпизодов см.: Baker 2013: 158-160.

Изучив указанные источники, мы выявили общую модель: военный, обладающий явно выраженной силой *дэ / ток*, уважаемый народом, отказывается занимать престол и свергать недостойного правителя (проявляя себя как преданный подданный), но меняет свое решение из-за действий женщины (к Ван Гону жена приходит и подает оружие⁴⁵; к Ли Сонге присоединяются жены Конъян-вана). В «Оде...» мы видим также параллель с китайской историей, иллюстрирующей аналогичные действия правителя.

Великолепный военный, который поддерживает своего правителя – это явный конфуцианский элемент модели. Мы видим акцентуацию на уникальных качествах человека, его почтительности к старшему и желании быть достойным подданным. Что же тогда означает изменение решения из-за вмешательства женщины, «младшего» в конфуцианской иерархии?

Данный мотив возможно интерпретировать вне зависимости от китайской параллели через систему облика, разработанную М.И. Никитиной (1930-1999). В данной системе женщина предстает как «младший», задачей которого является регулярный анализ облика «старшего». Если «младший» замечает, что «старший» достоин, «младший» остается с ним, в противном случае – указывает на его недостаток и, при отсутствии изменений, покидает «старшего». Т.е. «младший» укрепляет облик «старшего», поддерживает его⁴⁶.

Эта параллель тем более актуальна, что речь идет о государстве – и структуре его традиционно (вслед за китайскими конфуцианскими сочинениями) в Корее ассоциируема со структурой семьи, где «государь – отец, вассал – любимая мать, подданные – малые дети»⁴⁷. Т.е. само государство-семья символически поддерживает нового «старшего». Предшественник Ван Гона Кунъе (869-918, пр.: 901-918) собственноручно жестоко убивает своих жену и наследников, и после этого подданные бунтуют. Занять престол вместо Кунъе Ван Гону предлагают сначала «народ», а потом жена. Т.е. «младшие» покидают «старшего» и обращаются к новому «старшему», символически «укрепляя» его. С другой стороны, в «Истинных записях...» жены Конъян-вана покидают своего мужа и правителя государства и обращаются к Ли Сонге, тем самым также признавая его главенство и «укрепляя» его.

Иная модель легитимации – буддийская, связанная с фигурой «идеального монарха», пришествие которого подтверждается буддийскими монахами и чудесами.

Во «Всеобщих анналах», а также в «Десятичастном наставлении» 訓要十條 (*Хунё ситчо*, X или XI вв.) легитимность Ван Гона связывается с предсказанием, сделанным буддийским монахом Тосоном⁴⁸. Неизве-

⁴⁵ Самгук саги. В 3 т. Т. 3. 2002: 198.

⁴⁶ Никитина 1982: 66.

⁴⁷ Там же. С. 17.

⁴⁸ «Десятичастное наставление» (*Хунё ситчо*) из летописи «История Корё» (*Корёса*).

стно, был ли данный эпизод на самом деле – основной исследователь «Всеобщих анналов» Майкл Роджерс сомневается не только в том, что эпизод имел место, но и в том, существовал ли сам Тосон или был некоторым коллективным образом представителя сон-буддизма⁴⁹. Однако этот эпизод в средневековый период корейской истории явно рассматривался как реально произошедший (чему способствовали и упоминания Тосона в «Десятичастном наставлении»), а потому в буддийском Корё подкреплял веру в избранность и могущество Ван Гона. Примечательно, что приписываемые Тосону тексты создаются вплоть до XX века. Например, это предсказания, включенные в собрание пророческих сочинений «Записи Чон Гама» 鄭鑑錄 (*Чон Гам нок*, XVII–XIX вв.). Т.М. Симбирцева приводит предсказание Тосона, в котором речь идет о Ли Сонге: «Ханян – место, где концентрируются силы всех гор и рек страны. Здесь непременно будет государев град, и хозяевами его станут [люди с фамилией Ли]»⁵⁰. Это предсказание явно относится к периоду Чосон и укреплению власти правящего дома через вес фигуры Тосона.

К концу Корё буддийские монастыри «владели огромными площадями земли, неподконтрольными государству, что отрицательно сказывалось на всей экономике страны»⁵¹, нельзя говорить о полном искоренении буддизма. Он оставался значимой частью жизни элиты Чосона еще как минимум на протяжении столетия⁵². Тем не менее, Чосон позиционировался как неоконфуцианское государство, и эта двойственность коснулась и особенностей мифотворчества.

У Ли Сонге, как и у Ван Гона, был буддийский наставник – монах Мухак 無學 (1327–1405). Широко известна история о том, что Мухак верно истолковал сон Ли Сонге о трех балках, которые Ли Сонге выносит из сарая, – визуально данный образ должен был означать иероглиф «правитель» *ван* 王. Объяснив Ли Сонге значение его сна, Мухак, якобы, подтолкнул Ли к принятию своей судьбы. В «Оде...» это стих №13:

*«Многие пели песни, но он не уяснил волю Неба – разъяснена была во сне»*⁵³.

Идея вещего сна, наполненного глубокими смыслами и аллюзиями, встречается еще в эпоху Трех государств (I в. до н.э. – VII в.). Сны посылало Небо, в силлаской традиции их можно было даже покупать и продавать (пр. силлаские сны о мочеиспускании на природные объекты). Данная концепция традиционна, но больше характерна для буддизма, чем неоконфуцианства. Здесь прослеживается параллель с предсказанием, которое сделал Тосон для Ван Гона – можем назвать данный мотив легитимации «буддийское пророчество». Важно, что при этом неизвест-

⁴⁹ Rogers 1982-1983: 48-49. Отметим, что Майкл Роджерс выделяет Тосона как фигуру, чья значимость для последующей истории корейских государств в целом и Корё в частности, равновесна легендарному Тангуну. Ibid. P.36.

⁵⁰ Симбирцева 2012: 328.

⁵¹ Курбанов 2022: 207.

⁵² Duncan 2014: 252.

⁵³ Кондратьева, Мазо 2011: 51.

но, действительно ли встреча Ли Сонге и Мухака состоялась. Как указывает Сэм Вермеерш, мы не находим упоминаний об этом в биографии Мухака, да и сама идея связи правителя с буддизмом, такая притягательная для Корё, не подходила Чосону⁵⁴. Поэтому можно предположить, что это более поздний ход, использованный потомками Ли Сонге.

Отметим, что в стихе «Оды...» №13 есть упоминание «многие пели песни», под которым имеется в виду некоторая песенка о «полководце Ли»⁵⁵. В тот же период были популярны песни о «Мокча» 木子 – «деревянном человеке», в образе которого можно увидеть Ли Сонге, так как при совмещении двух иероглифов получается «Ли» 李, что также означает «слива». Согласно тексту песни, «Мокча сядет на свинью и спустится до самых границ Самхан», т.е. в год свиньи придет к власти и станет управлять всем полуостровом⁵⁶.

Смена династий подчиняется, согласно корейским представлениям о времени, *мальсе сасан* 末世思想 – циклу и фазам, сменам пяти элементов. Майкл Роджерс доказывает, что стихия, ассоциируемая с кланом Ван и легитимацией Ван Гона, – это вода⁵⁷. Соответственно, согласно циклу порождения пяти элементов, законно сменить элемент воды может только элемент дерева, с которым, через образ сливы, стала ассоциироваться правящая династия Ли. Это еще один способ символической легитимации смены правящей династии.

В заключение отметим, что эта же идея о смене пяти элементов и смене династий использовалась при подготовке восстания Чон Ёрипа 鄭汝立 в 1589 г.: сторонника Чона распространяли в народе песню *минё* о том, что «Деревянный человек исчезает, город Чона расцветает» 木子亡 鄭邑興 (*мок-ча ман чон-ып хын*)⁵⁸.

Выше нами были рассмотрены следующие способы дополнительной, помимо традиционных церемониальных ритуалов, легитимации власти Тхэджо Ли Сонге, основателя новой династии и правителя государства Чосон, а именно:

- направленность на Китай как «старшее государство», чье одобрение необходимо для получения Мандата Неба согласно доминирующей идее китаецентризма;
- направленность на корейский народ, который должен был осмыслять нового правителя и новую династию в контексте известного комплекса символов «избранности».

Для этого были использованы как традиционные китайские способы легитимации власти (получение Мандата Неба через империю Мин; доказательство наличия силы *дэ / ток*), так и буддийские (чаще всего

⁵⁴ Vermeersch 2013: 131-132.

⁵⁵ Кондратьева, Мазо 2011: 52.

⁵⁶ Ким 2016: 31.

⁵⁷ Rogers 1982-1983: 39-41.

⁵⁸ Kim 2009: 96.

связанные с уже известном Чосону опыте легитимации Ван Гона, основателя Корё); и собственные корейские (мотив сна; система облика; народное творчество).

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- «Десятичастное наставление» 訓要十條 (*Хунё сипчо*) из летописи «История Корё» (*Корё-са*). Архив Международного центра корееведения Кюджангак Сеульского национального университета [Ten injunctions]. URL: kyudb.snu.ac.kr/pf01/renderer/Img.do?item_cd=ETC&book_cd=GK03539_00&vol_no=0002&page_no=98
- «Истинные записи правящего дома Чосон» 朝鮮王朝實錄 (*Чосон ванджо силлок*) [Veritable records of the Joseon dynasty]. URL: <http://sillok.history.go.kr/main/main.do>
- Жданова Л.В. Цикл Чхве Чхивона «Семисловные стихи, в которых описывается “дэ”» (в связи с представлениями о типах личности, обладающей силой “дэ”) // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIV годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (доклады и сообщения). Декабрь 1978 г. Ч. 2. М.: ГРБЛ, 1979. С. 175-180. [Zdanova L.V. Tsikl Chwe Chiwona “Semislovnnye stikhii, v kotorykh opisuyuetsia “dae” (v svyazi s predstavleniiami o tipakh lichnosti, obladaiuschei siloi “dae”) (Choe Chiwon’s “Seven-syllable verses that explain de” (in connection with the types of great men who are supposed to possess de) // Pis'mennyye pamiatniki i problemy istorii kultury narodov Vostoka. XIV godichnaia nauchnaia sessiia LO IV AN SSSR (doklady i soobsheniia). Dekabr' 1978, ch. 2. Moscow: “GRVL”, 1979. P. 175-180].
- Ким Тхак. Пророчества Чосона (*Чосон-ый гон сасан*) [Joseon prophecies]. Сеул. 2016. БукКхория.
- Кобзев А.И. Дэ и коррелятивные ей категории в китайской классической философии // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М.: Восточная литература РАН, 1998. С. 12-36. (История восточной философии) [Kobzev A.I. Dae i korrelativnyye ei kategorii v kitaiskoi klassicheskoi filosofii (De and its correlative categories in Chinese classical philosophy) // Ot magicheskoi sily k moral'nomu imperative: kategorii dae v kitaiskoi culture. Moscow: Vostochnaia literatura RAN, 1998. P. 12-36].
- Концевич Л.Р. Хронология стран Восточной и Центральной Азии. М.: Восточная литература РАН, 2010 [Kontsevich L.R. Khronologiiia stran Vostochnoi i Tsentral'noi Azii (Timeline of East and Central Asia). Moscow: Vostochnaia literature RAN, 2010]
- Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. СПб: Изд-во СПбГУ, 2022 [Kurbanov S.O. Istoriia Korei: s drevnosti do nachala XXI veka (History of Korea: from the ancient times to the beginning of the 21st century). SPb, Izdatel'stvo SPbGU, 2022].
- Никитина М.И. Древняя корейская поэзия в связи с ритуалом и мифом. М.: Наука, ГРБЛ, 1982 [Nikitina M.I. Drevniia koreiskaia poesiia v svyazi s ritualom i mifom (Early Korean poetry in connection to a ritual and a myth). M.: Nauka, GRBL, 1982].
- «Ода о драконах, летящих к небу» / пер. со среднекорейского, стихотворное переложение Е.Н. Кондратьевой; вступ. ст., пер. с ханмуна, прим. Е.Н. Кондратьевой, О.М. Мазо. М.: Восточная литература, 2011 [“Oda o drakonakh, letiaschikh k nebu”] (Songs of the dragons flying to heaven) / per. so srednekoreiskogo, stikhotvornnoe perelozhenie E.N. Kondrat'evoi; vstup. st., per. s khammuna, prim. E.N. Kondrat'evoi, O.M. Mazo. M.: Vostochnaia literature, 2011].
- Пак Хёнмо. Исследование особенностей руководства Ли Сонге во время возвращения армии с острова Вихвадо (*Ли Сонге-ый Вихвадо хвезун-е натханан лидосип моментхы ёнгу*) [A study of Yi Seong gye's leadership moment during the Wehwado-hoegun in 1388] // Хангук чончхи ёнгу. Сеул. 2012. Vol. 21. No 2. P. 223-246.
- Самгук саги. В 3 т. Т. 3: Разные описания. Биографии / изд. текста, пер., вступ. ст., коммент., прил. под общей ред. М.Н. Пака и Л.Р. Концевича. М.: Восточная литература, 2002 [Samguk sagi. V 3 t. T. 3. Raznye opisaniia. Biografii (History of the Three Kingdoms. Vol. 3. Various descriptions. Biographies) / izd. teksta, per., vstup.st., komment., pril. pod obshei red. M.N. Paka i L.R. Kontsevicha. M.: Vostochnaia literature, 2002].
- Симбирцева Т.М. Владыки старой Кореи. Orientalia et Classica XXXV. Труды Института восточных культур и античности. М.: Изд-во РГГУ, 2012 [Simbirseva T.M. Vladyki staroi Korei (The rulers of Old Korea). Orientalia et Classica XXXV. Trudy Instituta vostochnykh kultur i antichnosti. M.: Izdatel'stvo RGGU, 2012].

- Син Янсон. Библиография раннего Чосона: Изучение деятельности придворных ведомств в XV в. (*Чосон чоги соджиса ёнгу: 15 сеги кванчхансо-рыль чунсим-ыро*) [The culture of publication in Early Joseon. Study of the books published by government]. Сеул. 2012. Хеан.
- Ahn, Kanghun. Beyond the Discourse of Practical Learning: Rethinking Chosŏn Intellectual History in a Broader Context // *Seoul Journal of Korean Studies*. Seoul. 2018. Vol. 31. No. 2. P. 141-167.
- Baker, Don. Rhetoric, Ritual, and Political Legitimacy: Justifying Yi Seong-gye's Ascension to the Throne // *Korea Journal*. Hawaii. 2013. The University of Hawai'i Press. Vol. 53. No. 4. P. 141-167.
- Breuker, Remco. Koryŏ as an Independent Realm: The Emperor's Clothers? // *Korean Studies*. Seoul. 2003. The Kyujanggak Institute for Korean Studies. Vol. 27. P. 48-84.
- Cho, In-Soo. Portrait of the Founding Monarch of the Joseon Dynasty // *Masterpieces of Korean Art*. Seoul. 2010. The Korea Foundation. P. 60-63.
- Duncan, John. The Origins of the Chosŏn Dynasty. Washington. 2014. University of Washington Press.
- Jang, In-Sung. Reconsidering the Concept of Sadae in China-Korea Tributary Relations // *Concepts and Contexts in East Asia*. Chuncheon. 2014. Hallym Academy of Sciences. No.3. P. 53-89.
- Jun, Seong Ho. Monetary authority independence and stability in medieval Korea: the Koryŏ monetary system through four centuries of East Asian transformations, 918-1392 // *Financial History Review*. 2014. Vol. 21. P. 259-280.
- Kim, Seonmin. Ginseng and Borderland: Territorial Boundaries and Political Relations Between Qing China and Choson Korea, 1636-1912. California. 2017. University of California Press.
- Kim, Sun Joo. Marginality and Subversion in Korea. The Hong Kyongnae Rebellion of 1812. 2009. University of Washington Press.
- Lee, Jungshin. Koreans' Perception of the Liaodong Region During the Chosŏn Dynasty. Focus on Sejong sillok chiriji (Geographical Treatise in the Annals of King Sejong) and Tongguk yŏji sungnam (Augmented survey of the geography of Korea) // *International Journal of Korean History*. 2016. Korea University. Vol.21. No.1. P. 47-85.
- Robinson, Tony & Ji, Minsun. A Flying Dragon: King T'aejo, Founder of Korea's Joseon Dynasty. Heidelberg. 2023. Heidelberg Asian Studies Publishing.
- Rogers, Michael C. P'yŏnnyŏn T'ongnok: The Foundation Legend of the Koryŏ State // *Journal of Korean Studies*. Washington. 1982-1983. Duke University Press. Vol. 4. P. 3-72.
- Song, Nianshen. 'Tributary' from a Multilateral and Multilayered Perspective // *The Chinese Journal of International Politics*. 2012. Oxford University Press. Vol. 5. P. 155-182.
- Vermeersch, Sam. Yi Seong-gye and the Fate of the Goryeo Buddhist System // *Korea Journal*. Hawaii. 2013. The University of Hawai'i Press. Vol. 53. No 2. P. 124-154.
- Weber, Max. *Wirtschaft und Gesellschaft*. Zweite, vermehrte Auflage. Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck). Tübingen, 1925. S. 122-170. [пер. на рус.] / Личность. Культура. Общество. Вып. 1(40). 2008. URL: <https://iphras.ru/upload/rezник/sovets/bibl/1/Weber7.pdf>

Чеснокова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, chesnatalie@mail.ru

The Fictional and Real History: Legitimation of Yi Seong-gye (Taejo, 1392-1398), the Founder of the Korean Kingdom of Joseon (1392-1897)

The article focuses on the descriptions of Yi Seong-gye (Taejo, 1392-1398), the founder of the Korean Kingdom of Joseon (1392-1897), 's enthronement in various Korean source written in the 15th century by Korean intellectuals. The main goal of the study is to describe ways of legitimating royal power in medieval Korea. To achieve this task, I characterized the ways Yi Seong-gye and his later disciples used to prove his excellence. The conclusion of the study explains that Yi Seong-gye's legitimacy was supported by Confucian tradition, Buddhist religion and rituals, and unique Korean ideas of a "great ruler".

Key words: *legitimacy, Yi Seong-gye, Taejo, Wang Geon, Joseon, Goryeo.*

Chesnokova Nataliya A., PhD in History, Associate Professor, HSE University. chesnatalie@mail.ru

«ИМПЕРИЯ ЗНАНИЙ»: УТОПИЧЕСКИЙ ПРОЕКТ И ТРЕВОГИ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ СРЕДА РОССИИ XVIII СТОЛЕТИЯ

В статье исследуются записки и черновые наброски Ивана Тревоги, в которых содержатся идеи преобразования и развития научно-образовательной среды российского государства второй половины XVIII в. В них представлен грандиозный по масштабам и утопичный по характеру замысел, объединяющий научные структуры с административно-территориальным устройством страны и направленный на формирование единой международной научной базы данных. Многие предложения автора соответствуют российским реалиям исследуемого исторического периода и сравнимы с положениями, отраженными в Регламентах и уставах Академии наук, Московского университета, Императорской российской Академии наук середины XVIII – начала XIX в. Однако утопические взгляды И. Тревоги содержат идеи, значительно опередившие свое время. Среди них масштабные социальные гарантии для представителей научного мира, широкий штат, свободный и открытый доступ в мир ученых без гендерных и сословных ограничений.

Ключевые слова: *Иван Тревога, утопия, интеллектуальная среда, наука, образование, университет, академия, проект.*

XVIII столетие в российской истории ассоциируется с веком Просвещения, расцвет которого пришелся на период правления Екатерины II. Традиционно характерные для эпохи Просвещения черты связываются с укреплением абсолютизма и сословной структуры российского общества, реформами в области центрального и местного управления, изменениями в системе образования и воспитания, развитием новых культурных традиций, заложенных еще Петром I. Неотъемлемой частью новой, светской культуры стала наука. Формированию интеллектуальной среды Российской империи должны были служить Академия наук (1725), Московский университет (1755), Императорская Российская академия (1783). В проектах, Уставах и регламентах данных учреждений обозначалась необходимость укоренения, популяризации и трансляции научных знаний, которые провозглашались естественным путем к достижению благосостояния государства и народа¹.

Усилиями общественных деятелей идея о неразрывной связи образования и процветания государства постепенно утверждалась в умах россиян. В лучших просветительских традициях считалось, что разум дает возможность достижения благополучия. В известном сочинении В.Н. Татищев недвусмысленно высказывался, что «разумный человек... сам всем доволен и совестию спокоен», а для этого человеку «надобно... прежде учиться»². Способность человека к наукам, по мнению мыслителя, была тем свойством, которое отличало его от животного мира. Качество ума «исправляется» только науками. Размышления об образовании и роли разума в жизни социума мы можем встретить в со-

¹ Уставы Академии Наук СССР 1974: 32, 40; ПСЗРИ 1880: 284–285; 287.

² Татищев 1979: 51–52.

чинениях Г.Н. Теплова, И.И. Бецкого, Н.И. Панина, М.М. Щербатова и др. На русский язык переводились философские труды европейских просветителей: Ф. Фенелона, С. Пуфендорфа, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро. Правление Екатерины II стало благодатной почвой для появления государственных и частных проектов о путях развития государственного благополучия посредством распространения наук и знаний³.

В то же время середина столетия – это время зарождения литературных сочинений, в которых авторы излагали свое видение идеального государственного и общественного устройства – утопий. Большая их часть происходила из среды российской культурной элиты, а их авторы принадлежала к дворянскому сословию. Содержание их утопий сводилось в основном к социально-политическим вопросам и размышлениям о наилучшем «способе» правления и государственного устройства. Однако стремление к размышлению об идеале захватило не только дворян. В указанное время в России появляется демократическое направление утопической мысли. Т.В. Артемьева отмечает пестроту его социальной основы – выходцы из обедневшего дворянства, из духовенства, мелкие и средние служащие⁴. На наш взгляд, заслуживает внимания то, что поиск идеальной модели государственного и общественного устройства они искали не только в политической сфере, но и в области развития науки.

Утопия как способ осмысления мира и особая литературная форма интересовали историков, философов и литературоведов со второй половины XIX в. Огромный накопленный пласт научной литературы, посвященной утопии, можно разделить на три группы. Во-первых, это работы, в которых вырабатывается понятие утопии, рассматриваемой как особая форма рефлексии, дается классификация сочинений данного жанра⁵. Во-вторых, исследования, посвященные анализу развития российской утопической мысли в контексте социально-исторических, политических и культурных особенностей России⁶. Особенно значима в этом плане работа Т.В. Артемьевой, где автор анализирует значительный пласт утопических сочинений XVIII в. через призму исторических событий в общеевропейском контексте философии эпохи Просвещения⁷. В центре внимания исследований третьей группы – отдельные авторы XVIII века и их литературное наследие: сочинения М.М. Щербатова, М.Д. Чулкова, А.П. Сумарокова, В.А. Левшина, М.М. Хераскова⁸.

Одним из интереснейших и малоизученных авторов, принадлежащих к разночинной среде, является Иван Тревога (Тревогин). Его проект, посвященный развитию интеллектуальной среды, выделяется на

³ Бецкой 1764; Фельбигер И.И. 1783.

⁴ Артемьева 2005: 198.

⁵ Фогт 2010; Святловский 1922; Шацкий 1990; Аинса 1999.

⁶ Святловский 1922; Кизеветтер 1912; Геллер, Нике 2003; Артемьева 2005; Егоров 2007.

⁷ Артемьева 2005.

⁸ Пыпин 1896; Чечулин 1900; Серман 2000; Ростовцева 2014; 2017; Вагеманс 1989; Бугров 2006; Соловьев 2020; Семенова 2021.

фоне утопических сочинений и социально-политических «прожектов» XVIII века. Он отличается особенным наивным и в то же время практическим характером, а также наличием идей, нашедших частичное воплощение многие годы спустя. Ряд положений философа-мечтателя звучат привлекательно и, тем не менее, фантастично и по сей день. Особенностью его проекта является то, что он разрабатывался как практическое предложение, а не как теоретическое или литературное сочинение, заключающее представления автора об идеальном. Однако современная исследовательская традиция соотносит его письменное наследие с сочинениями утопического характера ввиду фантастичности основных черт предлагаемой им модели («Борнейское царство», «Империя знаний»)⁹. В рамках данного исследования мы проанализируем основные черты утопического проекта И. Тревоги «Империя знаний», посвященного развитию наук, отметим те аспекты, которые нашли частичное воплощение в российской практике спустя многие годы и, даже, столетия.

Биография этого политического авантюриста посвящено немало работ¹⁰. Родился он на Украине в морганатическом браке (мать происходила из семьи малороссийского сотника, отец – иконописец). После потери кормильца мать отправила сыновей в Харьковское сиротское училище, которое Иван не сумел закончить из-за конфликта с руководством. Бежав из Харькова в 1781 г., Тревога работал домашним учителем в семьях воронежского дворянства, где сумел познакомиться с заместителем Е.А. Щербининым, ставшим покровителем молодого человека. В конце 1781 г. наместник был вызван в столицу и взял с собой Ивана. В Санкт-Петербург они прибыли в феврале 1782 г., однако во время путешествия молодой человек сильно заболел. Оправившись от болезни, он узнал, что «Щербинин получил нечаянно увольнение от своей службы» и отбыл из города, не оставив для Ивана никаких рекомендательных писем. Оставшись без покровителя и без средств к существованию, Тревога настойчиво искал работу. Некоторое время он трудился домашним учителем рисования и арифметики у придворных певчих братьев Ямпольских, с которыми когда-то учился в Харькове, затем корректором при Академической типографии. Через некоторое время Иван попытался открыть собственный журнал «Парнасские ведомости», но прогорел. Не справившись с долгами, он бежал за границу, нанявшись матросом на голландское судно. Затем перебрался во Францию, в Париж, где пытался заработать, выдавая себя за Голконского принца, лишённого наследства из-за происков родственников, сместивших его с родительского престола. Терпя крайнюю нужду, искал приюта в российском посольстве, но попал в Бастилию по обвинению в краже. Далее неудачливый мечтатель был передан российскому послу графу Барятин-

⁹ Артемьева 2005: 198.

¹⁰ Светлов 1961; Топорков 1989; Дмитриева, Топорков 1992; Егоров 2007; Клибанов 1978; Артемьева 2005.

скому, тот отправил «принца» на родину, перепоручив следствие Тайной канцелярии. Поводом для перенаправления дела в столь серьезную организацию стало бегство Тревоги за границу и «самозванчество» – малороссиянин называл себя борнейским самодержцем.

Согласно приговору, Тревога был осужден на два года пребывания в смиренном доме, затем его отправили в Тобольск солдатом («...в...воинския команды, которые бы однакож не в близости границы, но в некотором отдалении от оной... а сверх того начальник оной, не только должен иметь за жизнью и поведением его Тревогина неослабое смотрение и наблюдение, но притом старатся приуготовить его полезным и способным к продолжению службы»¹¹. По инициативе Пермского губернатора Евгения Петровича Кашкина Тревога был переведен из Тобольска в Пермь, где и прослужил «более году без отлучно» при особе его превосходительства. Затем был определен в главное народное училище на должность учителя рисования. Однако вскоре директор училища взял на эту должность другого преподавателя, который «найден способнее», а Тревога был переведен помощником учителя французского языка в пансион пастора Геринга. Последний год своей жизни Иван давал частные уроки, проживая в доме коменданта. 1 марта 1790 года он скончался «от приключившейся ему болезни»¹².

Изучая наследие Ивана Тревоги, исследователи в большей степени уделяли внимание текстам социально-политического характера, к которым относятся материалы «Борнейского царства», города «Иоаннии». Размышления Тревоги о развитии и распространении наук, изложенные в записках «Храм знаний», «Офир», «Ученая область», «Фондамент Парнасса», «Уложение Империи знаний» (в двух вариантах) и, наконец, «Империя знаний» не становились предметом отдельного исследования. Между тем, изучение взглядов Ивана Тревоги на роль и место научных знаний в деле достижения идеального общественного устройства представляется весьма актуальным.

Указанные выше тексты являются частью обширного следственного дела, составленного в Тайной канцелярии в 1783 г. Общий объем дела составляет около тысячи листов. Материалы, представленные в нем, можно разделить на несколько частей: 1) делопроизводство французской полиции (протоколы допросов и показания Тревоги, переписка с русским посольством и с местными властями, делопроизводственные материалы, касающиеся передачи подследственного в Россию, опись изъятых документов); 2) материалы следствия Тайной экспедиции (розыск по установлению личности подследственного, в частности, переписка с Харьковским сиротским домом, протоколы допроса и «сказки» Тревоги, экстракты, т.е. выписки по делу, донесения о поведении арестанта во время отбывания им наказания); 3) записки, составленные самим Иваном Тревогой перед арестом и во время пребывания в Басти-

¹¹ РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д. 2631. Л.: 196 об.

¹² Там же: 220–222.

лии. Содержащаяся в деле роспись «записок» арестанта насчитывает 90 наименований. Следствие было завершено в 1783 г., в связи с чем, эта дата является верхней границей датировки изучаемой рукописи¹³. Как следует из материалов следствия, работу над первыми набросками «Области знаний» мыслитель начал в 1781 г., когда показал своей «проект» воронежскому наместнику Е.А. Щербинину. Последний рекомендовал Тревоге продолжать начатое, пообещав «что он исходатайствует ему кошт для вояжирования» за границу с целью обучения и ознакомления с системой западноевропейских научных и образовательных учреждений¹⁴. Таким образом, можно заключить, что работа над записками, посвященными развитию наук, происходила в 1781–1783 гг.

Пожелание, высказанное благодетелем, вполне можно расценивать как мотивацию для последующего развития темы науки в записках Тревоги. Очевидно, что юный автор хотел быть полезным Отечеству и мечтал представить свой проект Ее императорскому величеству, о чем свидетельствуют материалы следствия. Практическая направленность записок о развитии наук дает основание отделить их от остального наследия Тревоги и рассматривать как взаимосвязанный текст вне самозванческого контекста. Такой подход позволяет отнести их к эпистемологической утопии, опирающейся на «идеальное» знание¹⁵.

Анализ сохранившихся в деле записок и набросков свидетельствует об эволюции представлений Тревоги. Первоначально в его текстах фигурируют предложения по развитию отдельных научных областей – «Храмы наук», затем он переходит к проектированию «Ученой области», «Офира» и, наконец, «Империи знаний». Отметим, что идея создания надгосударственного и наднационального сообщества ученых, созданного для развития и скорейшего практического применения знаний для всеобщей пользы, относится еще к эпохе Возрождения – «Республика ученых»¹⁶. Однако указанное сообщество не имело черт государственного образования, в то время как проект Ивана Тревоги содержал структурно-государственные элементы.

Наиболее масштабным из научных проектов Тревоги является «Империя знаний» (1783 г. – кульминационный период его злоклочений и заключения в Бастилию), который, однако, нельзя считать завершенным вариантом. Он включает в себя части, представленные в других записках о развитии наук. Возможно, что юного автора вдохновило назначение княгини Е.Р. Дашковой на пост директора Петербургской академии наук (24 января 1783 года) и открытие Российской академии наук. По этому поводу в столице проходили подготовительные и праздничные мероприятия, о которых было известно не только в России, но и

¹³ РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д. 2631.

¹⁴ Там же: 153.

¹⁵ Артемьева 2005: 10.

¹⁶ Goodman Dena. 1994: 338.

заграницей. Российская Академия была открыта согласно высочайшему указу от 30 сентября 1783 года, а учредительное собрание состоялось 21 октября того же года¹⁷. Научные учреждения, возглавляемые княгиней, были ориентированы на развитие гуманитарного знания¹⁸.

Находясь в Бастилии, Тревога написал письмо, адресованное российской императрице, в котором предложил открыть еще одно научное учреждение – «Храм Знаний»: «...сие сочинение подаст какой нибудь пример к присоединению чего нибудь к новоучреждаемой академии...»¹⁹. Проект «Храма знаний», написанный в общих чертах, в целом соотносится с новым научным учреждением, вдохновившем нашего мечтателя на собственный творческий поиск²⁰.

Несмотря на то, что план развития научной сферы представлен различными набросками, записками и черновиками, что свидетельствует об отсутствии единой завершенной концепции, анализ имеющихся материалов дает возможность реконструировать общие черты замысла Тревоги. Концепция «Империи Знаний» складывается из содержания трех черновых набросков: «Наказ о сочинении нового Уложения Империи Знаний», «Фондамент Парнасса» и «Уложение империи Знаний»²¹. В двух вариантах «Уложения» рассмотрена структура империи, состав ее членов, система управления, полномочия и должность императора.

Главной задачей «империи» Тревога полагал собрание в едином месте всех наук, художеств и ремесел для их скорейшего развития и совершенствования²². Организованное наподобие государства ученое сообщество должно было собирать мировые достижения теоретических и практических знаний, сохранять и распространять их. Результатом должна стать научная база данных, служащая для всеобщей пользы.

Автор представлял свою империю как некое образование, лишенное национального признака, поскольку, как оно должно было располагаться в разных частях света: «как во всей Европе, так и в Азии, в Африке и в Америке члены ее находятся»²³. Однако столицей империи должен был стать Харьков (по мнению автора, этот город более других имел благоприятный для ученых мужей климат, а скорее всего потому, что этот город связан с детством Ивана Тревоги). Все главные учреждения «империи» должны были располагаться на территории России²⁴. Следовательно, мы можем предположить, что Российская империя имела бы определяющее влияние на «Империю знаний» и устанавливала свой протекторат. Как справедливо отметила Т.В. Артемьева, предложенная Тревогой модель предполагала национально-софиократическое

¹⁷ Коломинов, Файнштейн 1986: 18–20.

¹⁸ Проскурина 2006: 212–213.

¹⁹ РГАДА. Ф.7. Оп. 2. Д. 2631. Л. 281.

²⁰ Кауркин 2011: 245.

²¹ Один из вариантов опубликован М.Д. Кумрачевой. Кумрачева 1983: 323–326.

²² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. Л. 288.

²³ Там же: 288 об.

²⁴ Там же: 289 об.

государство, идеологической основой которого являлась наука²⁵.

Структура данного научно-территориального образования согласно одному из вариантов «Уложения» включала в себя четыре царства: наук, художеств, ремесел и языков, делившихся, в свою очередь, на «Ученые наместничества, губернии, провинции и проч.»²⁶. В каждом царстве планировалось учредить университеты, академии и факультеты. В основу структуры своей империи Тревога положил отраслевой принцип, полагая, что знания должны иметь не только теоретическую направленность (наука), но и практическое выражение (художества и ремесла), что в целом соответствовало прагматическому характеру российской (и в целом европейской) интеллектуальной среды данной эпохи. Аналогичную идею о совмещении теоретического знания и практических умений содержала программа развития Парижской Академии наук Гюйгенса (1666)²⁷. Иностранные языки также были бы полезны в виду международного и наднационального характера империи и ее главной задачи – аккумуляции и развитию мировых научных достижений. Административная структура учреждаемой империи в целом соответствовала структуре российского государства. Вызывает интерес мысль о том, что центры административно-территориальных единиц российской империи должны иметь научные и образовательные учреждения в виде университетов и академий, что будет соответствовать административному делению империи знаний. Схожая идея впоследствии была воплощена Александром I в ходе реформы системы образования.

Согласно другому варианту «Уложения» в состав «Империи знаний» входило 3 царства — памяти, разума, воображения; 3 наместничества — истории, философии, поэзии; 10 губерний — истории духовной, истории священной, истории гражданской древней, истории гражданской нынешней, метафизики всеобщей, науки о боге, науки о человеке, науки о натуре, поэзии священной, поэзии светской; 5 провинций — истории о пророчествах, истории гражданской, истории литературной, совокупления натуры. Последняя провинция не обозначена²⁸. Однако в дальнейшем, указывая названия «царств», автор возвращается к предыдущему варианту, изложенному выше. Схожие идеи фигурировали в проекте «Ученая область», где автор выделил «Царство наук», «Царство художеств» и «Царство ремесел». Новаторством стала изложенная в обоих вариантах структура гуманитарной области знаний, соединенная с территориально-административной системой Российской империи. Хотя в целом обозначенные на уровне губерний и провинций научные отрасли соответствовали бытовавшей в то время академической и университетской практике²⁹. Можно предположить, что идея со-

²⁵ Артемьева 2005: 203

²⁶ Там же.

²⁷ Копелевич 1974: 96.

²⁸ Там же: 303.

²⁹ Уставы Академии наук СССР 1974: 34, 52.

вместить знаниевые области с административно-территориальной системой продиктована желанием обозначить самостоятельность, независимость и масштабность проектируемых научных учреждений, обозначить их самостоятельный государственный статус.

В текстах Тревоги была представлена довольно четко выстроенная структура властной вертикали. В состав царств входили университеты, академии и факультеты. Во главе царств должны были стоять избранные «Аполлоны и Великие Гросмейстеры». Наместничества возглавлялись кураторами, династии – ректорами, губернии – адъюнкт-ректора-ми, провинции – префектами, округа – адъюнкт-префектами, уезды – цензорами, города – профессорами, села – адъюнкт-профессорами, деревни – академиками³⁰. Как мы видим, автор последовательно проводит идею соединения территориально-административных и научных функций. Единственным выпадающим из ряда звеном является династия – ректор, что, возможно, связано с наследственным принципом власти, хотя пояснений по этому поводу нет. Возможно, сам автор «запутался» в политической структуре Российской империи. Относительно наследственности некоторых должностей в «империи» мы можем найти еще один интересный факт из материалов, касающихся учреждения «Храмов». Главу или гроссмейстера храма Иван Тревога «наградил» титулами «принц» и «всесветлейший князь», что соответствует не только пожизненному, но и наследственному характеру указанной должности³¹.

Автор детально описал чин профессора, включавший следующие ранги: «генерал профессор знаний, обер профессор знаний, профессор знаний, профессор памяти, профессор разума, профессор воображения, консул-профессор, адъюнкт-профессор»³². Возможно, перечисляя профессорские чины, Тревога опирался на уже привычную систему, утвержденную Табелью о рангах. Так он пытался объединить существующую социально-политическую систему и свой проект развития наук. Российская действительность – государственное устройство и бюрократическая система – стали схемой для утопии Тревоги.

В состав империи должно было войти пятьсот ученых, триста художников и двести ремесленников. Членом данного сообщества мог стать любой человек, обладающий способностями к занятию наукой. Тревога в своем проекте не вводил ни возрастных, ни сословных, ни профессиональных ограничений. Наряду с мужчинами он предлагал привлекать к занятиям науками и женщин³³. По меркам XVIII века – непомерно огромный штат. Состав Лондонского королевского общества в 1750 г. – 327 чел.³⁴, Парижская академия наук в год создания (1666),

³⁰ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. Л. 303, 331.

³¹ Кауркин 2011: 245.

³² Там же: 315.

³³ Там же: 288–289 об.

³⁴ Копелевич 1974: 90.

насчитывала 342 члена³⁵. Регламент Академии наук 1747 г. предусматривал штат, состоящий из 10 штатных академиков, 8 адъюнктов и 10 почетных членов, находящихся при зарубежных академиях³⁶. В «Кратком начертании императорской Российской академии», составленном княгиней Е.Р. Дашковой в 1783 г. общий штат, включая председателя и двух секретарей, должен был составить от 35 до 60 чел.³⁷ В штатном расписании «Регламента Академии наук» 1803 г. значилось 18 ординарных академиков и 20 адъюнктов. Четвертый параграф этого документа дополнял состав учреждения: «...Академия должна состоять из 18 ординарных академиков и 20 адъюнктов, между коими полагается неопределенное число экстраординарных академиков». В ее состав также входили 6 почетных членов из иностранцев и 6 российских корреспондентов³⁸. По указу 30 января 1830 года, утвердившему «Дополнительные пункты к Регламенту имп. Академии наук 1803 г.», увеличивалось число ординарных академиков с 18 до 21, а адъюнктов сокращалось с 20 до 10³⁹.

Как видим, состав ученого сообщества, предусмотренный Тревогой, намного превосходил даже наиболее демократический университетский устав 1803 года. Тревога осознавал всю грандиозность своего замысла, но видел в этом практическую пользу: чем больше ученых людей, тем больше и тем быстрее будут собраны и внедрены в практику все полезные научные достижения.

Новаторской в контексте российской практики была идея Тревоги о свободном доступе в ученое сообщество, основанном на личных способностях и желании, без половозрастных, сословных и конфессиональных ограничений. Реальная государственная практика исследуемого периода не предполагала таких подходов. Частновладельческие крестьяне, не имели доступа к обучению и, тем более, не могли попасть в ученое сообщество. Далеко было и до свободы от гендерных ограничений. Подход Тревоги опережал действительность не только XVIII в., но и следующего столетия. Его система с довольно размытыми внешними границами могла бы способствовать не только численному росту ученого мира, но и непрерывному развитию наук, основанному на свободном доступе способных людей. Лишь в 1889 г. первой из женщин членом-корреспондентом Санкт-Петербургской Академии наук стала С.В. Ковалевская, которая была профессором Стокгольмского университета, так как в университетах России женщинам преподавать было запрещено.

Управление «Империей знаний» должно было осуществляться общими собраниями, что внешне соответствовало академическим Регламентам 1747 и 1803 гг. По Регламенту 1747 г. академическое Собрание трижды в год устраивало обязательные совещания, на которых рассмат-

³⁵ Яковлев 2019: 83.

³⁶ Уставы Академии наук СССР 1974: 57–58

³⁷ ПСЗРИ: 1830: 1024–1025.

³⁸ Уставы Академии наук... 1974: 65, 90–91.

³⁹ Там же: 186. Сноска 25.

ривались вопросы, связанные исключительно с научной сферой, решались они голосованием по простому большинству голосов⁴⁰. Но равенства членов Собрания не предполагалось. В совете они рассаживались за столом согласно старшинству своего членства. Кроме того, функционал Собрания ограничивался принятием в академическое сообщество новых членов, обсуждением диссертаций и научных открытий. Те же полномочия оставались у академического Собрания по Регламенту 1803 г.⁴¹

В записках Тревоги указывалось, что «Члены суть все равны между собою и не отличаются ни чем, прочие же служители империи Знаний отличаются по чинам, заслугам, награждениям и проч. Однако же как первые так и последние всегда подвластны императору и царям»⁴².

Царская должность, именуемая также Аполлонами или гроссмейстерами, должна была быть выборной, сроком на 25 месяцев: «В империи Знаний престолы не наследственны но возводятся на оныя из членов те которых чрезвычайной совет способными к правлению найдет»⁴³. Вопрос о должности «императора знаний» Тревога рассмотрел поверхностно, упоминая, что он находится под протекцией российских императоров. На последней странице «Учреждения Ученой области» есть небольшая приписка, в которой говорится, что «Император Знаний должен быть «природный россиянин, веры греко-католической... много учен...»⁴⁴. Напомним, что президент академии наук по регламенту 1747 г. назначался Ее Императорским Величеством. Лишь университетский устав 1803 г. предполагал выборность ректорской должности.

Права и должностные обязанности Аполлонов подробно рассмотрены в «Учреждении Ученой области». Тревога полагал, что «сей правитель» должен владеть разными иностранными языками, быть сведущим в «науках, художествах и ремеслах» и путешествующий по разным землям, дабы «знал совершенно что есть свет» и, помимо этого, соизмерять каким образом можно избежать «великих денежных издержек»⁴⁵. Каждые пять лет должны были проходить выборы «Аполлона»⁴⁶, для участия в которых «Тайный совет» представлял императрице кандидатуры «только двух новых да третьего старого». В день выборов, в «публичную залу великолепно-убранную», должны были собраться «многия члень», которым раздавали шары для голосования. Выборы должны были проходить публично и открыто посредством положения шаров «в ящик, который разделен в две части, из коих на одной написано: избираю, а на другой не избираю». Последней голосовала императорская

⁴⁰ Там же: 48.

⁴¹ Там же: 80–82.

⁴² РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. Л. 289–291.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же: 301 об.

⁴⁵ Там же: 296–296 об.

⁴⁶ В этом документе при сохранении выборности должности Аполлона меняется срок их службы. Вместо 25 месяцев Тревога указывает 5 лет.

особа, но не одним, а десятью шарами⁴⁷. Аполлоны управляли «царствами» совместно с «Тайными советами», в которых можно усмотреть схожие черты с академическим Собранием по регламенту 1747 г. Однако документ предполагал сосредоточение всех управленческих функций в руках президента, а в его отсутствие – президентской канцелярии. Взаимоотношения академиков с внешними учреждениями могли осуществляться только через президента и его канцелярию. Главным покровителем «Империи Знаний» являлась императрица Всероссийская, а благодетелями «царств» становились назначенные ею владельческие особы. Это положение перекликается с проектом устава Московского университета 1755 г., предусматривавшего назначение в качестве кураторов университета «знатнейших особ», чтобы они докладывали Ее Императорскому Величеству об университетских нуждах⁴⁸.

Размышляя над структурой учреждений и системой управления «Империи знаний» Тревога предусматривал несколько вариантов. В его записках встречаются следующие названия: Полномочный совет; Совет памяти; Совет разума; Совет воображения; Департаменты истории, философии и поэзии; Палаты истории (священной, церковной, гражданской), метафизики, науки о боге, науки о человеке, науки о натуре, стихотворчества светского и священного; Кабинеты истории гражданской и литературной⁴⁹. Штат сотрудников «царства» определялся следующим образом: «Гросмейстер или Аполлон – 1, муз – 9, консулпрудентов – 15, обер конференц секретарей – 2, конференц секретарь – 4, регистраторов – 2, канцеляристов – 5, подканцеляристов – 10, копейстов – 24, сторожей – 2»⁵⁰. «Царство» по числу штатных единиц больше соответствует штатному расписанию академий и Московского университета. Однако по существу должностей данные учреждения не соответствуют друг другу.

Значительную долю чинов «империи Знаний» составляли консулпруденты, которые должны были регулярно присылать «в Тайной совет сия империи» свои сочинения, изобретения, «или рукоделия»; представлять отчеты о состоянии области, губернии, городов, уездов, «или других мест»; сообщать о всех «делах или вещах», которые «достойны какаго нибудь внимания особливо до наук касающиеся»; строго следить за всеми «нововыходящими сочинениями» и изобретениями; собирать всевозможную информацию «о натуральных вещах касающихся до пользы человеческой»⁵¹. По мнению автора проекта эти должностные лица должны были состоять при всех академиях, университетах, гимназиях, коллегиях, семинариях. Их поездки оплачивались «империей». Здесь, как видим, мыслитель развил задекларированную еще в академическом регламенте 1747 г. идею о поиске, переводе и

⁴⁷ Там же: 297.

⁴⁸ Об учреждении Московского университета 1755...

⁴⁹ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. Л. 309.

⁵⁰ Там же: 313.

⁵¹ Там же: 308.

публикации полезных для государственных нужд открытий и изобретений. В проекте устава Московского университета 1755 г. упоминаются должности директора и кураторов, которые должны были проводить апробацию произведенных научных открытий и изобретений.

В структуру управления «царством» Тревога вводит 9 муз в ранге помощниц или заместителей «Аполлона». До окончания службы они не имели права выходить замуж. Срок их службы в «Империи Знаний» определялся десятью годами, «ибо они принимаются в сию должность от пятнадцати лет и царствуют до 25 лет их возраста»⁵². Музы должны были контролировать деятельность женской части состава «царства» и нести за них ответственность. Предполагалось, что каждая муза будет иметь «своих кабинетов девять, что учинит у девяти муз восемьдесят один кабинет. Кабинеты сии суть: поэмы греческой, истории духовной и светской, любовной поэзии, комедии, трагедии, танцов, музыки, од, астрономический»⁵³. Остается неясным, означает ли это, что женской части научного сообщества отводились лишь курируемые музами научные области? Члены указанных кабинетов обязаны были три раза в неделю являться на службу и еженедельно представлять свои труды для публикации в периодическом издании «Российский Парнас». В случае отъезда или продолжительной отлучки «Аполлона» управление переходило к музам. Если муза в силу каких-то причин «вынуждена будет отойти от дел», то она должна найти себе на это время замену в виде наместницы.

Особое внимание уделялось социальным гарантиям для граждан «Империи знаний». Они освобождались от штрафов, долгов, телесных наказаний и прочих «казней» за любые виды преступлений, кроме «смертоубийства». Нечто подобное мы видим в проекте университетского устава 1755 г., где утверждалась подотчетность университетского сообщества только Правительствующему Сенату, подсудность университетскому суду и свобода от постоя и других повинностей. В наибольшей степени самостоятельность университетов была достигнута и на некоторое время воплощена на практике лишь университетским уставом 1803 г. В Проекте Тревоги было предусмотрено создание пенсионных домов в Царьграде, Лионе и Париже, где содержались бы бедные «престарелые кавалеры», которым также предусматривалась выплата пожизненной пенсии. Некое подобие государственного обеспечения впервые появится лишь в академическом Регламенте 1803 года, 19 параграфом которого академикам назначалась пенсия: прослужившим 20 лет – в половину жалования, прослужившим 25 лет – в размере полного жалования. Тем же документом предусматривалось пенсионное содержание вдовы академика и его несовершеннолетних детей⁵⁴. Дома престарелых, предназначенные для учительского сообщества впервые будут

⁵² Там же: 321.

⁵³ Там же: 327.

⁵⁴ Уставы Академии наук... 1974: 67.

созданы лишь в Советском Союзе в первое послевоенное десятилетие⁵⁵.

Помимо научных, в «Империи» предусматривалось создание сети учебных заведений, обеспечивающих поэтапное образование и делающих научную сферу доступной всем желающим и имеющим соответствующие способности. В проекте упоминаются университеты, академии, факультеты, коллегии, гимназии, семинарии, училища, классы, кабинеты и курсы (либо корпуса). Данное положение проекта перекликается с попыткой Екатерины II создать в России систему народного образования, итогом которой стало открытие в 1786 г. сети начальных школ и главных губернских гимназий в ряде российских губерний. Однако создать стройную, целостную систему, основанную на преемственности и доступности знаний, императрице не удалось. Эта цель была достигнута лишь в ходе реформ Александра I.

В письме к императрице Екатерине II Тревога отмечает: «Ведаю, ваше императорское величество, что учреждение сего мною предполагаемого великознаменитого училища великой суммы стоить будет. Но напротив же того можно со временем распространить знания во всей империи. Просветить совершенно своё отечество. Приобрести славу и похвалу всей России, и напоследок приумножить до нескольких миллионов государственной суммы»⁵⁶. Таким образом, автор понимал тяжесть расходов на содержание «империи», которую должно было нести российское государство, но, вместе с тем, отмечал славу и материальный доход, который «империя» могла бы принести России в будущем.

Таким образом в «Империи знаний» Ивана Тревоги была создана комплексная модель, состоящая из взаимосвязанных научных и образовательных учреждений, имеющих собственное централизованное управление, широкое финансирование, свободу научной деятельности, социальные гарантии, а также свою специфическую культуру и иерархию. В его проекте совместились принципы административно-территориальной системы (царства, губернии, провинции и т.д.) с научными отраслями (науки, ремесла, художества, языки) и организационными единицами (академии, университеты, факультеты). Видимо мыслитель пытался известным ему путем обеспечить автономность научной сферы от государственной, создать транснациональное научно-государственное образование под общим протекторатом Российской империи. Отдельные положения разработанной им концепции перекликались с существующей в России практикой, однако большинство из предложенных Тревогой положений нашли лишь частичное воплощение в практике многие годы спустя, в основном же остаются фантазией и по сей день. В большинстве случаев невоплощенные, но обозначенные в проекте идеи касаются области социальных гарантий и материального обеспечения деятелей от науки. В целом, проект Тревоги

⁵⁵ Смирницкий, Старикова 2022: 244–253.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 7. Оп. 2. Д. Л. 281.

отвечал коннотациям просветительской интеллектуальной культуры XVIII столетия, отвечая главной идее – накопление, сосредоточение всех знаний и мировых научных достижений, создания широкой базы данных. Идея их аккумуляции в рамках самостоятельного научно-государственного образования, состоявшего разветвленной системы научных и учебных учреждений, находящегося под протекторатом Российской империи также в целом соответствовала российскому контексту просветительской идеологии, но имела несколько наивный и фантастичный характер. Задачи, на решение которых был направлен утопический проект Тревоги – это воспитание собственных, российских научных кадров, развитие научного знания в целом, создание единой базы данных, которую можно будет использовать в практических целях для улучшения качества жизни человеческого сообщества, финансовая и юридическая независимость науки с широкой социальной базой и государственной поддержкой.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Goodman Dena. The Republic of Letters: A Cultural History of the French Enlightenment. London, Cornell University Press. 1994.
- Аинса Ф. Реконструкция утопии: Эссе / Фернандо Аинса; Предисл. Ф. Майора; Пер. с фр. Е. Гречаной, И. Стаф; Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького РАН. М.: Наследие, 1999 [Ainsa F. Rekonstrukcija utopii: E'sse (Reconstruction of Utopia: An Essay) / Fernando Ainsa; Predisl. F. Majora; Per. s fr. E. Grechanoj, I. Staf; In-t mirovoj lit. im. A.M. Gor'kogo RAN. Moskva: Nasledie, 1999].
- Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему. Философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя. 2005 [Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushhemu. Filosofija istorii i utopija v Rossii jepohi Prosveshhenija (From a glorious past to a bright future. Philosophy of History and Utopia in Enlightenment Russia). SPb.: Aletejja. 2005].
- Белкой И.И. Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества / Собрание учреждений и предписаний. Т. 1. СПб.: Сенат. Тип, 1789. С. 1–12 [General'noe uchrezhdenie o vospitanii обоего pola junoshestva (The General Institution for the education of both sexes of youth) / Sbranie uchrezhdenij i predpisanij. T.1. SPb.: Senat. Tip, 1789. P. 1–12].
- Бугров Д.В. «Надежда» в Антарктиде: загадки офирской утопии князя М. М. Щербатова // Известия Уральского государственного университета. Гуманитарные науки. 2006. № 47. С. 275–291 [Bugrov D. V. «Nadezhda» v Antarktide: zagadki ofirskoj utopii knyazya M. M. Shherbatova ("Hope" in Antarctica: the Mysteries of Prince M. M. Shcherbatov's Ophir Utopia) // Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarny'e nauki. 2006. № 47. P. 275–291].
- Вагеманс Э. К истории русской политической мысли: М. М. Щербатов и его «Путешествие в землю Офирскую» // Русская литература. 1989. № 4. С. 107–119 [Vagemans E'. K istorii russkoj politicheskoj my'sli: M. M. Shherbatov i ego «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu» (On the History of Russian Political Thought: M. M. Shcherbatov and his "Journey to the Land of Ophir") // Russkaya literatura. 1989. № 4. P. 107–119].
- Геллер Л., Нике М. Утопия в России. СПб.: Гиперион. 2003 [Geller L., Nike M. Utopiya v Rossii (Utopia in Russia). SPb.: Giperion. 2003].
- Дмитриева Е.Е., Топорков А.Л. Авантюрная биография И.И. Тревогина //Памятники культуры. Новые открытия: Ежегодник. 1990. М.: Круг. 1992. С. 49–75 [Avantjurnaja biografija I.I. Trevogina (The adventurous biography of I.I. Trevogin) //Pamjatniki kul'tury. Novye otkrytija: Ezhegodnik. 1990. M.: Krug. 1992. P. 49–75].
- Доклад Ее Императорского Величества Действительного камергера и кавалера Шувалова / ПСЗРИ. Т. XIV. СПб.: «П отделение Собственной Его Величества канцелярии». 1830. С. 286–294 [Doklad Ее Imperatorskogo Velichestva Dejstvitel'nogo kamergera i ka-

- valera Shuvalova (Report of Her Imperial Majesty the Real Chamberlain and Cavalier Shuvalov) / PSZRI. T. XIV. 1830. P. 286-294].
- Егоров Б.Ф. Российские утопии: Исторический путеводитель. СПб.: «Искусство-СПб». 2007 [Rossijskie utopii: Istoricheskij putevoditel' (Russian Utopias: A Historical Guide) SPb.: «Iskusstvo-SPb». 2007].
- Именной указ об учреждении Московского университета и двух гимназий / ПСЗРИ. Т. XIV. СПб.: «II отделение Собственной Его Величества канцелярии». 1830. С. 284–286. [Imennoj ukaz ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dveh gimnazij (A personal decree on the establishment of the Moscow University and two gymnasiums) / PSZRI. T. XIV. SPb.: «II otdelenie Sobstvennoj Ego Velichestva kancelyarii». 1830. P. 284–286].
- Кауркин Р.В. Утопические проекты Ивана Тревоги // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия История. 2011 № 6 (1). С. 245–249 [Utopicheskie proekty Ivana Trevogi (Utopian projects of Ivan Trevogi) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Serija Istorija. 2011 № 6 (1). P. 245–249].
- Кизеветтер А.А. Русская утопия XVIII столетия // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М., 1912 [Kizevetter A.A. Russkaya utopiya XVIII stoletiya (The Russian utopia of the XVIII century) / Kizevetter A. A. Istoricheskie ocherki. M., 1912].
- Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России в XIX в. М. 1978 [Narodnaja social'naja utopiya v Rossii v XIX v. (Popular Social Utopia in Russia in the 19th c.). M., 1978].
- Коломинов В.В., Файнштейн М.Ш. Храм муз словесных. (Из истории Российской Академии). Л. 1986 [Hram muz slovesnyh. (Iz istorii Rossijskoj Akademii) (The Temple of the verbal Muses. (From the history of the Russian Academy). L. 1986].
- Копелевич Ю.Х. Возникновение научных академий. Середина XVII – середина XVIII вв. Л.: Наука. 1974 [Kopelevich Yu.X. Voznikovenie nauchny'x akademij. Sredina XVII – seredina XVIII vv. (The emergence of scientific academies. The middle of the XVII - the middle of the XVIII centuries). L.: Nauka. 1974].
- Краткое начертание императорской Российской академии // ПСЗРИ. Т. XXI. СПб.: «II отделение Собственной Его Величества канцелярии». 1830. С. 1024–1027 [Kratкое načertanie imperatorskoj Rossijskoj akademii (A brief outline of the Imperial Russian Academy) // PSZRI. T. XXI. SPb.: «II otdelenie Sobstvennoj Ego Velichestva kancelyarii». 1830. P. 1024–1027].
- Кумрачева М.Д. Крепостная интеллигенция России (вторая половина XVIII – начало XIX в.). М.: Наука. 1983 [Krepostnaja intelligencija Rossii (vtoraja polovina XVIII – načalo XIX v.). M.: Nauka. 1983].
- Проскурина В. Мифы империи: Литература и власть в эпоху Екатерины II. М.: Новое литературное обозрение. 2006 [Mify imperii: Literatura i vlast' v jepohu Ekateriny II (Myths of the Empire: Literature and Power in the Era of Catherine II). M.: Novoe literaturnoe obozrenie. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2006].
- Пыпин А. Н. Полузабытый писатель XVIII века // Вестник Европы. № 11. 1896. С. 264 – 305 [Pyпин A. N. Poluzabytyj pisatel' XVIII veka (A half-forgotten writer of the XVIII century) // Vestnik Evropy. № 11. 1896. P. 264–305].
- Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.7. Оп. 2. Д. 2631 [Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov (RGADA) (The Russian State Archive of Ancient Acts). F.7. Op. 2. D. 2631].
- Ростовцева Ю.А. «Нума Помпилий» М.М. Хераскова и «Наказ» Екатерины Второй: литературная утопия в свете «исторической мифологии» // Филология: научные исследования. 2014. № 4. С. 305–314 [Rostovceva Yu.A. «Numa Pompiliij» M.M. Xeraskova i «Nakaz» Ekateriny Vtoroj: literaturnaya utopiya v svete «istoricheskoi mifologii» ("Numa Pompilius" by M.M. Kheraskov and "The Order" by Catherine the Second: a literary Utopia in the light of "historical mythology") // Filologiya: nauchny'e issledovaniya. 2014. № 4. P. 305–314].
- Ростовцева Ю.А. Культурные подтексты русской литературной утопии XVIII века: Левшин и Чулков // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. 2014. № 2. С. 58–72 [Rostovceva Yu. A. Kul'turny'e podteksty russkoj literaturnoj utopii XVIII veka: Levshin i Chulkov (Cultural implications of the Russian literary utopia of the XVIII century: Levshin and Chulkov) // Vestnik Literaturnogo instituta im. A. M. Gor'kogo. 2014. № 2. P. 58–72].
- Ростовцева Ю.А. Утопия В.А. Левшина «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве». Между Eutopia и Utopia // Вестник Омского государственного педагогическо-

- го университета. Гуманитарные исследования. 2017. № 3 (16). С. 113–117. [Rostovceva Yu.A. Utopiya V.A. Levshina «Novejshee puteshestvie, sochinennoe v gorode Belev». Mezhd Eutopia i Utopia (Utopia by V. A. Levshin "The newest journey composed in the city of Belev". Between Eutopia and Utopia) // Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarny'e issledovaniya. 2017. №3 (16). P. 113–117].
- Светлов Л.Б. Неизвестный литератор XVIII в. Иван Тревогин и его утопические проекты //Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т. XX. Вып. 4 июль – август. М.: АН СССР. 1961. С. 326–331 [Neizvestnyj literator XVIII v. Ivan Trevogin i ego utopicheskie projekty (An unknown writer of the XVIII century. Ivan Trevor and his utopian projects) //Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i jazyka. T. XX. Вып. 4 jul' – avgust. M.: AN SSSR. 1961. P. 326–331].
- Семенова А.В. Российская история в поэмах М.М. Хераскова «Россияда» и «Владимир», «Царь или спасенный Новгород». Нур-Султан. 2021 [Semenova A.V. Rossijskaya istoriya v poe'max M.M. Xeraskova «Rossiyada» i «Vladimir», «Czar' ili spasennyj Novgorod» (Russian History in M.M. Kheraskov's poems "Rossiyada" and "Vladimir", "Tsar or Saved Novgorod"). Nur-Sultan. 2021].
- Татищев В.Н. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ / Избранные произведения. Ленинград: Академия наук СССР, 1979. С. 51–132 [Razgovor dvuh prijatelej o pol'ze nauk i uchilishh (A conversation between two friends about the benefits of sciences and colleges) / Izbrannye proizvedeniya. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1979. P. 51–132].
- Святловский В.В. Русский утопический роман. Петроград: Гос. изд-во. 1922 [Svyatlovskij V.V. Russkij utopicheskij roman (The Russian Utopian Novel). Petrograd: Gos. izd-vo. 1922].
- Серман И.З. Мечтательная страна Александра Сумарокова // Философский век. Альманах 13. Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма. Мат-лы Международной конференции 27–28 июля 2000 г. СПб., 2000. С. 216–225 [Serman I.Z. Mechattel'naya strana Aleksandra Sumarokova (Alexander Sumarokov's Dreamy Country) // Filosofskij vek. Al'manax 13. Rossijskaya utopiya e'poxi Prosveshheniya i tradicii mirovogo utopizma. Materialy' Mezhdunarodnoj konferencii 27-28 iyulya 2000. SPb., 2000. P. 216–225].
- Смирницкий А.Е., Старикова Н.В. Социальная защита учителей в первое послевоенное десятилетие (1945–1955 годы) // Преподаватель XXI век. 2022. № 1–2. С. 244–253 [Smirniczkij A.E., Starikova N.V. Social'naya zashhita uchitelej v pervoe poslevoennoe desyatiletie (1945-1955 gody') (Social protection of teachers in the first post-war decade (1945–1955)) // Prepodavatel' XXI vek. 2022. № 1–2. P. 244–253.].
- Соловьев К.А. Принципы государственного управления в социальной утопии князя М.М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С...шведского дворянина» // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление (государство и общество). 2020. №2. С. 3–19 [Solov'ev K.A. Principy' gosudarstvennogo upravleniya v social'noj utopii knyazyu M.M. Shherbatova «Puteshestvie v zemlyu Ofirskuyu g-na S...shvedskogo dvoryanina» (Principles of public administration in the social utopia of Prince M.M. Shcherbatov "Journey to the land of Ophir by Mr. S... a Swedish nobleman") // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21. Upravlenie (gosudarstvo i obshhestvo). 2020. №2. P. 3–19.].
- Топорков А.Л. История Ивана Тревоги //Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, Наука. Сиб. Отделение. 1989. С. 246–276 [Istorija Ivana Trevogi (The story of Ivan Trevogi) //Publicistika i istoricheskie sochineniya perioda feodalizma. Novosibirsk, Nauka. Sib. Otdelenie. 1989. P. 246–276].
- Уставы Академии Наук СССР. М.: «Наука». 1974 [Ustavy Akademii Nauk SSSR (Statutes of the USSR Academy of Sciences). M.: «Nauka». 1974].
- Фельбигер И.И. О должностях человека и гражданина. СПб.: Тип. Акад. Наук. 1783 [O dolzhnostjakh cheloveka i grazhdanina (About the positions of a person and a citizen). SPb.: Tip. Akad. Nauk. 1783].
- Об учреждении Московского университета и двух гимназий. С приложением высочайше утвержденного проекта по сему предмету [Ob uchrezhdenii Moskovskogo universiteta i dvuh gimnazij. S prilozheniem vysochajshe utverzhdennogo projekta po semu predmetu (About the establishment of the Moscow University and two gymnasiums. With the application of a highly approved project on this subject)] // URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/HisUni/Ustavi/U1755.htm>

Фогт А. Социальные утопии / А. Фогт. М.: «КомКнига». 2010 [Fogt A. Social'ny'e utopii (Social utopias) / A. Fogt. M.: «KomKniga». 2010].

Яковлев В.И. Из истории создания Парижской политехнической школы и Института Франции // Вестник Пермского университета. Вып. 1. (14). Математика. Механика. Информатика. 2019. С. 83–89 [Yakovlev V.I. Iz istorii sozdaniya Parizhskoj politexnicheskoy shkoly i Instituta Francii (From the history of the creation of the Paris Polytechnic School and the Institute of France) // Vestnik Permskogo universiteta. Vy`p. 1. (14). Matematika. Mexannika. Informatika. 2019. P. 83–89].

Кауркин Радислав Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, НИУ ВШЭ в Нижнем Новгороде

Старикова Нина Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, НГПУ им. К. Минина, ninast78@yandex.ru

"Empire of knowledge": utopian project of I. Trevoga and the intellectual environment of Russia in the 18th century

The article explores the notes and rough sketches of Ivan Trevoga, which contain ideas for the transformation and development of the scientific and educational environment of the Russian state in the second half of the XVIII century. They present the author's grandiose in scale and utopian in nature, combining scientific structures with the administrative-territorial structure of the country, aimed at forming a unified international scientific database. Many of the author's proposals correspond to the Russian realities of the historical period under study and are comparable to the provisions reflected in the Regulations and Statutes of the Academy of Sciences, Moscow University, the Imperial Russian Academy of Sciences of the mid–XVIII - early XIX centuries. However, the utopian views of I. Alarms contain ideas that are significantly ahead of their time. Among them are large-scale social guarantees for representatives of the scientific world, a wide staff, free and free access to the world of scientists without gender and class restrictions.

Keywords: *Ivan Trevoga, utopia, intellectual environment, science, education, university, academy, project.*

Radislav V. Kaurkin, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics in Nizhny Novgorod.

Nina Vladimirovna Starikova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, ninast78@yandex.ru

**ГЕНРИХ РИККЕРТ И СПЕЦИФИКА МЕТОДОЛОГИИ
ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ
(К 160-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)**

В статье характеризуется теоретико-методологическая концепция Генриха Риккерта, одного из ярких представителей «критической философии истории», основная проблематика которой была связана с вопросами возможностей и границ исторического познания. Главное внимание при этом было уделено защите научности истории, что базировалось на принципах методологического различения индивидуализирующих и генерализирующих наук. Эпистемология Риккерта строилась на критике теории отражения и противопоставлении обобщающего метода естественных наук, связанных с объектами, не имеющими ценностей и идеографического метода наук о культуре, имеющих дело с объектами, связанными с ценностями, что и обуславливает особенности исторических наук и специфику исторического познания.

Ключевые слова: теория познания, методология истории, индивидуализирующий метод, истинность, ценность, культура.

Генрих Риккерт (1863–1936) – виднейший представитель баденской школы неокантианства. Эта школа попыталась дать своеобразную классификацию наук, в связи с которой создала определенную теорию исторических наук. Вильгельм Виндельбанд, крупнейший представитель западноевропейской философии конца XIX – начала XX в., более известный как специалист по истории философии, сформулировал основные постулаты этой школы, оказавшей влияние на активную разработку важнейших проблем методологии истории и теории исторического познания. Его учеником и преемником по Гейдельбергскому университету был Генрих Риккерт, отличавшийся большей активностью по развитию неокантианства в начале XX века.

Одна из отличительных черт концепции В. Виндельбанда – идея «специфики наук», базировавшаяся в их классификации не на предмете и содержании, а на методе исследования. Именно это, по его мнению, гарантирует самостоятельность каждой науки. Сложность и многообразие познавательных средств определили то, что отдельные их аспекты изучаются различными науками, специфика которых может быть обоснована, по утверждениям неокантианцев, «преобладающим методом познания»¹. Таким преобладающим методом исторической науки, по Виндельбанду, является, в его терминологии, идеографический, формирующий понятия с индивидуализирующей точки зрения, выясняя отношения части к целому. По своему предмету история не отличается от любой естественной науки, их общим предметом являются акты действительности. Виндельбанд при этом указывал, что методологическая противоположность классифицирует только приемы познания, а не его содержание. Возможно, что один и тот же предмет служит одновре-

¹ Сеницын 2005: 151–162.

менно объектом как номотетического, так и идеографического исследования. Предметом познания, по Виндельбанду, является не действительность, а лишь определенные правила соединения между собой представлений, которые люди должны произвести для того, чтобы мыслить правильно. При этом, в качестве высшего критерия выносятся истина как высшая ценность. Высшие ценности – истина, благо, красота и святость – являются надвременными, внеисторическими принципами, определяющими характер человеческой деятельности. Эти ценности субъективно осознаются как нормы безусловного долженствования.

Риккерт в своей теории познания исходил из принципов, выдвинутых Виндельбандом. К понятию познания указывал Г. Риккерт, принадлежит, кроме субъекта, который познает, предмет, который познается. Под предметом понимается то, что противостоит субъекту как нечто независимое от него и именно в том смысле, что познание должно направляться на него, если оно хочет достигнуть своей цели; цель же познания заключается в том, чтобы быть объективным. Источником объективности и критерием истинности познания выступают, по Риккерту, «идеальные нормы и ценности, трансцендентное долженствование (независимое от сознания – *О.С.*), признание и осуществление которых в суждении и составляет сущность познавательного процесса»².

Г. Риккерт специально критикует теорию отражения. Познание, по его мнению, не может быть представлением, отражающим действительность, так как действительность – «необозримое многообразие», которое невозможно отобразить представлением. Всякое познание выделяет из "необозримого многообразия" только малую часть воспринятого – что, конечно, нельзя считать отражением. В теории познания Риккерта (как и Виндельбанда) видно влияние идей Фихте и Канта³. Он признает только одну действительность, одно бытие, эмпирическую действительность имманентную сознанию как единство формы и содержания, содержание охвачено формой – в содержании. Отсюда же отождествление истинности и ценности. Не ценность или долженствование обуславливают истину, наоборот, истинность суждений имеет для нас ценность. Теория познания пролагает путь к миру ценностей, как к целому, поскольку он устанавливает это понятие. Для того, чтобы вскрыть все многообразие ценностей, теория познания должна обратиться к той науке, которая изучает культуру как действительность, выявляя ее богатство и многообразие. наука эта – история⁴.

Итак, все проблемы теории познания, поднятые в рассуждениях Риккерта привели его к проблемам исторических наук.

Если теория познания Баденской школы неокантианства пользовалась влиянием в среде философов (в России – А.И. Введенский), то теория и методология истории, созданная представителями этой шко-

² Риккерт 1904: 179–189, 211, 256–257.

³ Горбашев 1996: 11; Дёмин 2017: 68.

⁴ Риккерт 1910: 1.

лы, получила настолько широкое распространение и поддержку среди историков, философов, социологов, юристов, что позволяет нам говорить о возникновении неокантианского течения в методологии истории и даже шире – в методологии гуманитарных и общественных наук.

Риккерт оспаривал мысль о «некоем естественно-научном универсальном методе» и пытался показать «насколько пуста та доктрина, согласно которой общие элементы вещей тождественны с существенными признаками понятий»⁵. В предисловии к русскому изданию книги «Границы естественно-научного образования понятий...» он подчеркивал, что его главной задачей было «теоретически обосновать примат практического разума..., понять сущность исторического образования понятий», выяснить принципиальное различие между историческим и естественно-научным мышлением⁶. Открыто выступая против тех теоретиков, которые «считают возможным самое историю обратить в естественную науку»⁷, что «при исследовании всех процессов можно и должно применять методы, свойственные естествознанию», Риккерт заявлял, что «философское мышление нынешнего времени не исторично» и утверждал, что «лучшим путем вселить и в других это убеждение представляется попытка указать на односторонность естественно-научного исследования»⁸. Отсюда, чтобы выяснить сущность и ценность исторических наук, он и приступил к исследованию границ естествознания.

Риккерт начинает свое исследование с обычного понятия телесной действительности, которая противостоит человеку и, на которую направляется его познание. Эта действительность дается нам как необозримое множество образований в пространстве и во времени, образований, отличающихся друг от друга и количественно, и качественно. Поскольку познание направлено на целое действительности, оно представляется нам как экстенсивное многообразие, так как оно направлено на своеобразии каждого отдельного образования, оно представляется интенсивным образованием⁹. Познание действительности возможно только в том случае, если это экстенсивное и интенсивное многообразие будет преодолено. В преодолении многообразия и заключается задача и функция естественнонаучного понятия в целях познания телесного мира.

Метод естествознания – метод создания общих понятий, в этих понятиях уже не предусматривается экстенсивное и интенсивное многообразие эмпирической действительности. Метод естествознания – это метод генерализирующего образования понятий. Поэтому понятия, полученные методом естественных наук, совершенно отличаются от той действительности..., чем дальше идет такое образование понятий, тем дальше отходит естествознание от действительности, так как эмпириче-

⁵ Риккерт 1903:1.

⁶ Там же: 1–2.

⁷ Там же: 10.

⁸ Риккерт 1903:11.

⁹ Там же: 12.

ская действительность только единична, в ней нет ничего общего. Таким образом, действительность, согласно Риккерт, существует только как совокупность единичных явлений¹⁰. Общее, как совокупность естественно-научного понятия не отражает и не может отражать действительности, так как общего вообще нет в действительности. Но в общем, как в продукте генерализирующего метода, для Риккерта выражен закон природы. Но закон природы, не является законом действительности, он только «значит» и обусловлен трансцендентным долженствованием. Индивидуальное, единичное во всем своем своеобразии, считал Риккерт, представляет собой предмет особой науки: «исторической науки. История как наука начинается там, где прекращается естествознание»¹¹.

Двигаясь далее в русле Виндельбанда, Риккерт писал, что принципиальное различие между науками о природе и историческими науками обусловлено различием методологическим. Эмпирическая действительность одна: «Она становится природой, если мы рассматриваем ее, имея в виду общее, она становится историей, если мы рассматриваем ее, имея в виду особенное, индивидуальное»¹². Основное различие в методах этих наук, нужно искать в том, что делают различные понятия с этой действительностью, именно ищут ли они общее и во всех отношениях недействительное, или индивидуальное в действительности? У естествознания одна задача, у истории – вторая¹³.

Риккерт, как и Виндельбанд не проводил, тем не менее, непреодолимой границы между генерализацией и индивидуализацией.

Риккерт специально подчеркивал, что не следует думать, что естествознание имеет дело с материальным, физическим, а история с психическим. Физическое и психическое представляют собой одну эмпирическую действительность. Психическое, как данная непосредственно действительность, обрабатывается также генерализующим методом естествознания. И, наоборот, физическое может стать предметом исторического рассмотрения. Риккерт полагал, что с этой точки зрения и к биологии, химии, физике может быть применен исторический метод.

В научном познании, подчеркивал немецкий ученый, применяются не только либо генерализирующий, либо индивидуализирующий методы, а науки занимаются исследованием либо объектов природы, либо объектом культуры, которые соответственно могут изучаться или генерализирующим, или индивидуализирующим способом – вполне возможно их комбинирование. Исходным пунктом для генерализирующей науки служат индивидуальные факты, в свою очередь индивидуализационный метод нуждается в общих понятиях, как обходных путях для изображения и связывания объектов между собой¹⁴.

¹⁰ Там же: 12–13.

¹¹ Там же: 273.

¹² Там же: 274.

¹³ Там же: 224; Виндельбанд 1904: 218–220.

¹⁴ Риккерт 1908:74.

По мнению Риккерта, наряду с генерализирующими науками о природе существуют научные дисциплины, рассматривающие объекты природы индивидуализирующим способом через косвенное отнесение к ценностям (геология, география и т. д.). И, напротив, явления культуры можно рассматривать генерализирующим способом (юриспруденция, языковедение и т. д.), что в терминологии Р.Д. Коллингвуда носит название – квазиисторические науки о природе и квазиаучные исторические дисциплины. Но тут же противореча себе, Риккерт категорично заявил: «... история, которая трактует о людях, их учреждениях и деяниях может быть названа лишь индивидуализирующей наукой, если мы будем иметь в виду ее последние цели. Целью ее всегда является изображение единичного более или менее обширного хода развития во всей его единичности и объекты ее либо сами суть явления культуры, либо находятся в каком-нибудь отношении к культурным ценностям»¹⁵. Тем самым, заключал Риккерт в научной обработке действительности история принципиально отличается от естественных наук. Профессиональный историк стремится понять предмет как единое целое, в его индивидуальности, единственности и неповторимости. Но, если история должна излагать только единичное, индивидуальное, то она должна ограничиться частью действительности, так как она не может охватить все необходимое многообразие единичностей исторических явлений. Каков же критерий отбора? Риккерт решал проблему следующим образом: нужно выделить существенное и отбросить несущественное. Что же является существенным индивидуального, которое выделяется как отличающееся от других индивидуальностей? Этим, существенным, по Риккерту, чем индивидуальное выделяется как предмет истории, оно обязано ценности. Единство исторического индивидуума покоится на отношении к ценности: «Мы выделяем, при образовании исторических понятий, из необозримого многообразия эмпирической действительности только то, что имеет отношение к ценности»¹⁶. Потому образование исторических понятий есть «телеологическое образование понятий»¹⁷. Он считал, что образование исторических понятий также отличается от образования естественно-научных понятий. Так как понятие по своему смыслу нацеливается всегда на общее и отвлекается от единичного, индивидуально-го, то история не создает общих понятий, она создает «мысли», которые не могут «покрыть» необозримое многообразие событий, они не имеют общего содержания, но все же являются «понятиями» в том смысле, что выделяют существенное из действительности¹⁸.

По большинству положений взгляды Виндельбанда и Риккерта совпадают, возможно Риккерт только более категоричен в утверждении идиографичности метода исторической науки: «Предмет истории – ин-

¹⁵ Риккерт 1903:337.

¹⁶ Там же: 293–294.

¹⁷ Там же: 351.

¹⁸ Риккерт 1908: 72.

дивидуальное, то, что не должно быть делимо, что неповторимо... Значение такого индивидуального зависит от значения ценностей, на которую направлена историческая действительность»¹⁹.

Но по одному существенному пункту Риккерт пошел дальше «первого баденца». В предложенной Риккертом схеме классификации научных дисциплин, истории в системе эмпирических наук определено место, «как в отношении ее метода, так и в отношении ее материала»²⁰.

История преимущественно имеет дело с духовными и психическими процессами, что имеет установку к ценности, а понятие ценности и устанавливает связь между духовным и историческим. В этом Риккерт и виделся переход от формального понятия исторического метода к своеобразию исторического материала. Понятие духа непригодно, полагал Риккерт, так как под духом часто понимают психические процессы (а он стремился освободиться от «психологизма»). И он предложил понятие культуры, так как именно в культуре «осуществлены» ценности. Культура существует там, где существует отнесение к ценности и этим устанавливается связь культуры и истории; понятия культуры и истории взаимно обуславливают друг друга: культурные ценности делают историю наукой, а история создает культурные блага, в которых осуществляются культурные ценности²¹.

Итак, по Риккерт, наука о культуре – наиболее правильное наименование исторической науки. При этом история как реальная наука имеет дело не с недействительным содержанием культуры в ее понятийной изолированности, а с имеющей смысл культурной действительностью в ее однократном временном течении. Таким образом, по материалу естествознание и история отличаются друг от друга как область, свободная от смысла, и область полная смысла²².

Таковы основные взгляды Риккерта (опуская его многословные рассуждения на границы естественно-научного образования понятий и на логику истории). Нами были выделены те его положения, которые были широко обсуждаемы в Европе, вообще и в России, в частности.

Добавим еще одно существенное положение теории Риккерта. Не отрицая причинной связи в исторических событиях, он решительно выступил против применения понятия закона в истории²³. При этом нет не только законов истории, нет и предвидения будущих событий: «Если бы мы могли заранее рассчитать будущее в его индивидуальности и знали бы точно все, что произойдет, то наши намерения, действия потеряли бы всякий смысл, мы должны радоваться, что не существует исторических законов»²⁴. В данном случае вновь отчетливо проявилась антипозити-

¹⁹ Риккерт 1903: 479.

²⁰ Там же: 511–512.

²¹ Там же: 541, 543.

²² Там же: 401, 464.

²³ Там же: 473.

²⁴ Риккерт 1903: 13.

вистская направленность концепции Риккерта, который заявлял, что его исследование «направлено не против естественных наук, а против естественно-научного мировоззрения», поскольку «...трактование истории с чисто натуралистической точки зрения... принципиально ошибочно»²⁵.

В этом нам видится как смысл, так и цель большинства теоретико-методологических построений исследователя.

Подведем общие итоги. Основные черты неокантианской теории познания и методологии истории были следующие:

- Объективный характер знания (познание должно быть объективным).
- Непознаваемость объективного бытия (действительности). Предмет познания – не сама объективная действительность, которая трансцендентна, а представления о ней, соединенные по определенным правилам.
- Неприятие теории отражения как возможного процесса познания действительности.
- Признание истинности как высшей ценности познания, которая по своему характеру трансцендентна. Ценности осознаются как нормы безусловного должностования.
- Все многообразие ценностей вскрывает наука, изучающая, культуру как действительность – история.
- Науки делятся (классифицируются) с точки зрения познавательных приемов (образования понятий) на науки об общем – номотетические и на науки о единичном, индивидуальном – идеографические, на науки о природе и науки о культуре. В целом эта классификация методологического характера, хотя Риккерт вводит и предметный (содержательный) принцип деления наук.
- Оценка естественно-научного познания действительности как одностороннего, утверждение примата практического разума, признание возможности (при определенных условиях) комбинирования генерализирующего и индивидуализирующих методов в исследовательском процессе.
- Антиматериалистическая и антипозитивистская направленность теории с обоснованием специфики исторического познания, отрицанием закономерности в истории, прогресса как закона исторического развития (это есть нравственная задача) и предвидения как познавательной функции исторической науки.

Ряд кардинальных идей Генриха Риккерта на предмет и природу истории как науки о культуре, на «теорию ценностей», на критику устаревших традиционных позитивистских установок были достаточно продуктивны и представляются научно ценными, они расширили понимание сложности и своеобразия исторического познания, специфики самой исторической науки, неизменно задавали тон всем методологическим дискуссиям в первой трети XX века и, тем самым, определяли поступательное развитие научно-исторического знания.

²⁵ Там же: 23.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Виндельбанд В. Прелюдии. Философские статьи и речи. СПб, 1904 [Vindelband V. Preljudii. Filosofskie stat'i i rechi. (Preludes. Philosophical articles and speeches). St. Petersburg, 1904].
- Горбашов В.Л. Философско-историческая концепция Г. Риккерта. Йошкар-Ола, 1996. Рукопись деп. в ИНИОН. № 51699. [Gorbashov V.L. Filosofsko-istoricheskaya koncepciya G. Rikkerta (Philosophical and historical concept of G. Rikkert). Yoshkar-Ola, 1996. Manuscript dep. in INION. № 51699].
- Дёмин И.В. Философия истории Генриха Риккерта: между метафизикой и постметафизикой // Философская мысль. 2017. №10. С. 65–82 [Dyomin I.V. Filosofiya istorii Genricha Rikkerta mezhdru metafizikoj i postmetafizikoj (The philosophy of the history of Heinrich Rickert: between metaphysics and post-metaphysics) // Philosophical thought. 2017. №10. P. 65–82].
- Куприянов В.А. Реабилитация телеологии в философии баденского неокантианства // Философия и культура. 2017. № 11. С. 54–68. [Kupriyanov V.A. Reabilitaciya teleologii v filosofii badenskogo neokantianstva (Rehabilitation of teleology in the philosophy of Baden neo-Kantianism) // Philosophy and culture. 2017. № 11. P. 54–68].
- Рамазанов С.П. Категория ценности в теории исторического познания Г. Риккерта // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1982. С. 54–64. [Ramazanov S.P. Kategoriya cennosti v teorii istoricheskogo pozna-niya G. Rikkerta (Category of value in the theory of historical knowledge G. Rickert) // Methodological and historiographic issues of historical science. Tomsk, 1982. P. 54–64].
- Риккерт Г. Введение в трансцендентную философию. Предмет познания. Киев, 1904 [Rikkert G. Vvedenie v transcendentnuyu filosofiyu. predmet poznaniya (Introduction to transcendental philosophy. Subject of knowledge). Kyiv, 1904].
- Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903 [Rikkert G. Granicy estestvenno-nauchnogo obrazovaniya ponyatij. Logicheskoe vvedenie v istoricheskie nauki (Boundaries of natural science education of concepts. A logical introduction to the historical sciences). St. Petersburg, 1903].
- Риккерт Г. Понятие философии // Логос, 1910. Кн. 1 [Rikkert G. Ponyatie filosofii (The concept of philosophy) // Logos, 1910. Kn. 1].
- Риккерт Г. Философия истории. СПб., 1908 [Rikkert G. Filosofiya istorii. (Philosophy of history). St. Petersburg, 1908].
- Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб, 1911 [Rikkert G. Nauki o prirode i nauki o culture (Nature sciences and cultural sciences). St. Petersburg, 1911].
- Синицын О.В. Философско-историческая концепция Вильгельма Виндельбанда и специфика исторического познания // Clio Moderna. Казань, 2005. Вып. 5. С. 151–162. [Sini-syn O.V. Filosofsko-istoricheskaya koncepciya Vilgelma Vindelbanda i specifika istoricheskogo poznaniya (Philosophical and historical concept of Wilhelm Windelband and the specifics of historical knowledge) // Clio Moderna. Kazan, 2005. No. 5. P. 151–162.].
- Синицын Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет; olvsin@yandex.ru*

Heinrich Rickert and the Specifics of the Methodology of Historical Knowledge (on the 160th Anniversary of His Birth)

The article characterizes the theoretical and methodological conception of Heinrich Rickert, one of the prominent representatives of the “critical philosophy of history”. The main attention is paid to protecting the scientific nature of history, which was based on the principles of methodological distinction between individualizing and generalizing sciences. Rickert's epistemology was based on criticism of the theory of reflection and opposition of the generalizing method of natural sciences, associated with objects that do not have values, and the ideographic method of cultural sciences, dealing with objects associated with values, which determines the features of the historical sciences and the specifics of historical knowledge. To reveal the diversity of all values, it is necessary to turn, according to Rickert, to the science that studies culture as reality, revealing all its richness, diversity, and uniqueness.

Key words: *theory of knowledge, methodology of history, individualizing method, truth, value, culture.*

Oleg V. Sinitsyn, Dr.Sc. (History), Professor, Kazan Federal University; olvsin@yandex.ru

**РУКОПИСИ ПО ИСТОРИИ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА
В.Д. СУХОРУКОВА: ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ И ПУБЛИКАЦИЙ**

Статья посвящена истории создания и издания рукописей по истории донского казачества одного из основоположников донской историографии Василия Дмитриевича Сухорукова (1795–1841). Проведен анализ и сопоставление опубликованных вариантов и известных черновиков рукописей «Историческое описание Земли Войска Донского» и «Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах», рассмотрен ряд связанных с ними дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: В.Д. Сухоруков, донская историография, донские казаки, историческое знание, историческое описание, статистическое описание, рукопись.

С именем Василия Дмитриевича Сухорукова (1795–1841), выдающегося историка, казачьего офицера связано становление донской историографии. Его перу принадлежат первые труды по истории донского казачества «Историческое описание Земли Войска Донского» и «Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822–32 годах»¹. Работы эти вышли уже после смерти автора. В их основе – рукописи В.Д. Сухорукова, подготовленные в 1821–1826 гг. по заданию «Комитета о устройстве Войска Донского» (1819) о сборе материалов для статистического описания и написания истории донских казаков².

Первые высокие оценки трудов В.Д. Сухорукова были даны еще в 1830 г., когда лично А.С. Пушкин пытался помочь опальному автору вернуть конфискованные властями рукописи³. О репутации Сухорукова в среде донских исследователей свидетельствует то, что в начале XX века в статье об основателе Новочеркасского музея донского казачества Х.И. Попове в качестве высшей похвалы указывалось, что он «по качеству трудов его, относящихся к истории донского казачества и его быту» занимает второе место после В.Д. Сухорукова⁴. В 1941 г., несмотря на не востребованность, по известным причинам, ценного массива созданных в дореволюционный период в российской провинции исторических трудов, вышла монография А.М. Линаина, значительная часть которой была посвящена В.Д. Сухорукову.⁵ В ней правда радикально были смещены акценты и донской исследователь позиционировался уже в первую очередь не как казачий историк, а как историк-декабрист.

В XXI в. снова наметился интерес к личности В.Д. Сухорукова и возобновились попытки сконструировать «правильные» идейные основы его первоначальной рукописи по истории донского казачества. В 2001 г. вышло предпринятое известными историками Н.С. Коршико-

¹ Историческое описание Земли Войска Донского... 1867, 1872; Статистическое описание земли донских казаков... 1891; Сухоруков. 1903.

² Историческое описание Земли Войска Донского... 1867: I–X.

³ Александр Сергеевич Пушкин... 2010: 165–166.

⁴ Донцы XIX века... 2003: 407.

⁵ Линаин 1941: 94–152.

вым и В.Н. Королевым переиздание «Исторического описания Земли Войска Донского» В.Д. Сухорукова, которому предшествовала определенная текстологическая работа⁶. В 2005 г. вышло еще одно переиздание труда корифея донской историографии⁷. На труды В.Д. Сухорукова ссылаются, подтверждая свои концепции, и современные авторы.⁸

У популярности работ Сухорукова есть еще одна причина. Текстологическая история его трудов уникальна: как мы покажем ниже, большая часть его рукописей не просто была «засекречена» правительством, но и оказалась переработана, причем неизвестно точно, какие части подвергались переработке, и какой характер она носила. Более того, ряд авторитетных исследователей XIX в. в принципе считали более корректным рассматривать важнейшие работы В.Д. Сухорукова, «Историческое описание Войска Донского» и «Статистическое описание Земли Донских казаков, составленное в 1822–1832 годах» как коллективные труды (наиболее развернуто эту точку зрения выразили секретарь Донского статистического комитета С.Ф. Номикосов и военный статистик Н.И. Краснов)⁹. В итоге, несмотря на то, что еще в 1860-х гг. исследователь донской старины, первый заведующий Донским музеем Х.И. Попов владел частью черновиков к текстам Сухорукова, даже их простейшего текстологического анализа не проводилось¹⁰. Вместо полноценного сравнения черновиков и опубликованных книг донские историки предпочитали строить достаточно умозрительные идейные конструкции, призванные доказать, что гипотетический оригинал Сухорукова имел черты, актуальные запросам современной эпохи. В итоге предисловия и комментарии к различным изданиям «Исторического описания Войска Донского» порой больше говорят о предпочтениях авторов этих предисловий, а не о воззрениях самого В.Д. Сухорукова.

Поэтому нам показалось интересным обратиться, во-первых, к истории создания и издания рукописей В.Д. Сухорукова и его помощников, а, во-вторых, к сопоставлению опубликованных вариантов и дошедших до нас черновиков. Полноценный текстологический и лингвистический анализ текстов, традиционно приписываемых В.Д. Сухорукову, возможен только в полноценной монографии, ввиду многочисленности спорных вопросов и богатой истории текстов. В статье мы наметим ряд дискуссионных вопросов и постараемся ответить на некоторые из них.

Рукописи не горят: история создания рукописей В.Д. Сухорукова

К сбору материалов для подготовки статистического описания и военной истории донских казаков В.Д. Сухоруков приступил в 1821 г. по поручению Комитета об устройстве Войска Донского. Работы пово-

⁶ Сухоруков 2001.

⁷ Сухоруков 2005.

⁸ Куц 2014; Венков 2018: 279; Яровой 2021; Скорик 2015.

⁹ Краснов 1881; Номикосов 1884: 2.

¹⁰ В Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) в фонде Х.И. Попова хранится одна из рукописей В.Д. Сухорукова. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1-13.

дились под руководством генерал-майора И.Ф. Богдановича. С помощниками Сухоруков объехал все округа, станицы и крепости Донского войска с целью сбора архивных документов и устных преданий старожилов. Он лично обследовал архивы бывшей крепости Новохоперской, станичные архивы в округах Хоперском, Донецком, Усть-Медведицком, 2-м Донском и часть архивов в 1-м Донском, нанес на карту места, где находились старые казачьи городки, старинные укрепления и городища. В его распоряжении были также материалы Московского архива Коллегии иностранных дел. В марте 1822 г. Сухоруков представил генералу Богдановичу план Описания и первые рукописи своей работы. В 1824 г. по материалам исследования Сухоруков подготовил исторический очерк «Общежитие Донских казаков в XVII-XVIII столетиях»¹¹. К ноябрю 1826 г. рукопись Исторического описания была закончена, также была составлена подробная опись всех актов и выписок из архивных дел.

27 июля 1827 г. Сухоруков сдал все «акты, материалы, полубеловые и черновые тетради составленной уже статистики и истории и все без исключения записи»,¹² относящиеся к истории Донского войска, чтобы больше никогда их не увидеть (по крайней мере, по официальной версии)¹³. Дело в том, что он вел научные работы в рамках деятельности правительственного комитета, и, когда попал в опалу¹⁴, ему было приказано отдать все материалы и тексты своим помощникам есаулам Кушнареву, Кучерову и сотнику Поснову¹⁵. После этого, по официальной версии, рукописи оказались на десятилетие засекречены. «Статистическое и историческое описание Войска Донского, составленное за несколько лет перед сим» удалось получить для копирования только в 1839 г., по личному ходатайству войскового атамана М.Г. Власов, с указанием, что копия будет доступна только членам местного статистического комитета, которым она необходима для проводимых исследований¹⁶. Однако известен также факт, упоминаемый О.М. Морозовой, что еще в 1837 г. о рукописях Сухорукова писал в самом комплементарном тоне войсковой чиновник и краевед И.С. Ульянов¹⁷. Видел ли он их или знал о них с чужих слов не известно. Но в 1830–1834 гг. тексты Сухорукова редактировались с участием его бывших помощников из донских казаков Кушнаревым, Кучеровым и Посновым, а также чиновником межевой канцелярии В.М. Пудавовым, причем, помощники поддерживали контакт с

¹¹ Сухоруков 1824.

¹² Историческое описание Земли Войска Донского...1867: IX.

¹³ Кириллов 1909: 16-17.

¹⁴ Причины опалы В.Д. Сухорукова тема отдельного исследования: до революции авторы, конструируя образ историка-казака, считали ее главной причиной попытки Сухорукова защитить исторические казачьи привилегии (Краснов 1881), а историки советской и постсоветской эпохи акцентировали внимание на близости В.Д. Сухорукова с членами декабристских обществ (Коршиков, Королев 2001).

¹⁵ Историческое описание Земли Войска Донского...1867: VIII.

¹⁶ ГАРО. Ф. 353. Оп. 1. Д 3. Л. 1-1об.

¹⁷ Морозова. 2007.

Сухоруковым и пользовались его советами¹⁸. Вполне возможно, что какие-то копии для частного пользования были сняты с рукописей уже тогда, а копии, полученные после 1839 года были нужны не столько для ознакомления донской элиты с сухоруковскими текстами, сколько для объяснения, откуда эти тексты стали известны местной интеллигенции.

Таким образом, известно только то, что в 1827 г. Сухоруков передал в Комитет об устройстве Войска Донского некий текст исторического и статистического описания Войска Донского, причем, это был законченный полубеловик и черновики к нему. Этот текст был де-факто засекречен и подвергнут переработке, о которой мало что известно из первоисточников. Руководил переработкой генерал регулярной армии И.Ф. Богданович, но выполняли ее казаки, более того, помощники и соратники В.Д. Сухорукова¹⁹. В первом издании «Исторического описания Войска Донского» (1867–1872 гг.), со ссылкой на неназванных поименно бывших сотрудников Сухорукова утверждалось, будто бы дело ограничилось «небольшим изменением некоторых мест», которые оказались «слишком резкими»²⁰. Однако упомянутый выше И.С. Ульянов свидетельствовал, что ему В.М. Пудавов давал несколько иную информацию: «сочинения его [Сухорукова] процеживались через густую подозрительность Богдановича, и более видные места по непосредственному его указанию урезывались и переделывались»²¹. И официально копии были сняты уже с переработанных рукописей, хотя нельзя исключать возможности того, что какие-то копии снимались неофициально с первоначального, сухоруковского, и неких промежуточных вариантов текстов.

Неизвестно, кем было принято решение разделить историческое и статистическое описание Сухорукова на части – историческую и статистическую. Из ходатайства М.Г. Власова ясно, что он рассчитывал скопировать именно «Статистическое и историческое описание Войска Донского». Схожую формулировку («Историческое и статистическое описание Войска Донского»), использовал военный министр А.И. Чернышев в 1820-х гг.²² Тем не менее, все источники, созданные после официального копирования переработанных рукописей Сухорукова, говорят о «Историческом описании Земли Войска Донского» и «Статистическом описании Земли Донских казаков, составленном в 1822–1832 годах» как об отдельных текстах. Впервые эти тексты охарактеризовал донской статистик Н.И. Краснов в начале 1860-х гг., более детально – «Историческое описание Земли Войска Донского», причем он утверждал, что это описание существует не в одном, а в нескольких рукописных экземплярах, и при этом не указывал Сухорукова в качестве автора²³.

¹⁸ Коршиков, Королев 2001: 13.

¹⁹ Там же.

²⁰ Историческое описание Земли Войска Донского...1867: IX.

²¹ Коршиков, Королев 2001: 13.

²² Коршиков, Королев 2001: 10.

²³ Краснов 1863: 1-3.

Публикация рукописей В.Д. Сухорукова

В 1867 г. первый том «Исторического описания Земли Войска Донского» был, наконец, опубликован по инициативе краеведа А.А. Карасева по рукописи, хранящейся в Донском областном статистическом комитете, т.е. по официальной копии, полученной по ходатайству войскового атамана М.Г. Власова в 1839 г.²⁴ В предисловии, анонимном, но, вероятно, принадлежавшем публикатору, сообщалось, что эта копия сверялась с другими рукописями, но изменений в нее в итоге не внесли. В 1872 г. вышел второй том²⁵. Издание вышло без имени В.Д. Сухорукова на обложке, хотя в предисловии он позиционировался как основной автор текста. Каких-либо попыток текстологического анализа, установления мест, которые были изменены в ходе правок, в этом издании не предпринималось. В предисловии к изданию сообщалось, что все правки первоначального «сухоруковского» текста ограничивались «небольшим изменением некоторых мест», и, соответственно, необходимости делать правки в рамках логики издания рукописи не было.

Первые известные нам попытки выявить «сухоруковскую» часть «Исторического описания Земли Войска Донского» были предприняты в 1880 гг. Н.И. Красновым. В 1881 г. донской статистик опубликовал статью «Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами», из которой видно, что он не случайно не указывал Сухорукова в качестве автора «Исторического описания» в своих более ранних работах²⁶. В новой статье Н.И. Краснов уже прямо указывал на необоснованность донской традиции приписывать рукописи, составленные под редакцией И.Ф. Богдановича исключительно В.Д. Сухорукову. Дословно он сообщал на этот счет следующее: «Историческое описание», как нам известно, составлялось по частям, разными лицами, и весьма возможно, что главы, относящиеся до завоевания Ермаком Сибири, лично написаны, или, по крайней мере, редактированы Сухоруковым. Эти главы резко отличаются от остального труда своими литературными достоинствами и даже в ущерб исторической правде, как показали позднейшие исследования Миллера и Соловьева»²⁷.

Как мы видим, Н.И. Краснов, определяя, какие конкретно места «Исторического описания» принадлежат В.Д. Сухорукову, ориентировался исключительно на свой литературный вкус. Это привело к следующим результатам. Н.И. Краснов не случайно находил руку В.Д. Сухорукова наиболее заметной в главах, относящихся к периоду до завоевания Ермаком Сибири. В этих главах доказывалось происхождение казачества от беглых русских крестьян, сторонником чего был сам Краснов, и статистик на подобном основании даже записал В.Д. Сухорукова в свои союзники: «Собственно взгляд Сухорукова на происхождение

²⁴ Историческое описание Земли Войска Донского...1867: X.

²⁵ Историческое описание Земли Войска Донского...1872.

²⁶ Краснов 1863: 1-3.

²⁷ Краснов 1881.

донских казаков вовсе непопулярен между донскими сепаратистами, ибо этот известный донской деятель, подобно Соловьеву, производит донских казаков от беглецов из Великороссии»²⁸. Вот только, как мы увидим ниже, позднейшие издатели «Исторического описания», имевшие иные взгляды на происхождение казачества, на основании не менее спорных доводов утверждали, будто бы как раз начальные главы «сухоруковского» текста подверглись сильнейшей переработке, и о них нельзя судить по опубликованной версии, более того, эта версия, якобы, диаметрально расходится с позицией В.Д. Сухорукова.

В 1884 г. точку зрения Н.И. Краснова косвенно поддержал другой авторитетнейший донской историк-краевед, С.Ф. Номикосов, секретарь Донского областного статистического комитета, заявивший, будто бы единственный вариант рукописи «Статистического описания Земли Донских казаков, составленного в 1822–1832 годах» хранится в комитете, и В.Д. Сухоруков не является его единственным автором²⁹.

На дальнейшие события повлияло появление в Донском Войске краеведческого центра, альтернативного статистическому комитету – Донского музея (будущий Новочеркасский музей истории донского казачества), основатель которого, Х.И. Попов, был пропагандистом творчества Сухорукова. «Статистическое описание Земли Донских казаков» было опубликовано в 1891 г. не по рукописи, которая хранилась в статистическом комитете и считалась единственной, а по рукописи, переданной Донскому музею сыном В.М. Пудавова (это доказывает, что те, кто правил рукописи Сухорукова, снимали с них копии как минимум для личного пользования). В анонимном предисловии к изданию в пику Краснову утверждалось: «Язык рукописи, программа ее и сличение с отрывками черновых рукописей, хранящихся в Донском областном статистическом комитете, на которых имеются поправки рукой Сухорукова, не оставляют сомнений в том, что предлагаемое статистическое описание первоначально было составлено им, и лишь позднейшие дополнения принадлежали его бывшим сотрудникам»³⁰. Как видим, и издатель «Статистического описания» в определении авторства Сухорукова ориентировался на литературный язык текстов, и из приводимой цитаты не вполне ясно, чьей рукой была написана публикуемая рукопись и черновики к ней, только правки, безусловно, принадлежали Сухорукову.

В 1903 г. Х.И. Поповым и его сподвижником И.П. Поповым было переиздано и «Историческое описание Земли Войска Донского», уже с фамилией В.Д. Сухорукова на обложке³¹. За основу было взято первое издание книги, но его сверили с другими уцелевшими рукописями и (очевидно, при проверке цитат) с первоисточниками³². Кроме того, из-

²⁸ Краснов 1881.

²⁹ Номикосов 1884: 2.

³⁰ Статистическое описание земли донских казаков... 1891: Ш.

³¹ Сухоруков 1903.

³² Сухоруков 1903: 1.

датели дали в предисловии резкий ответ неким «писателям», усомнившись в принадлежности публикуемого текста В.Д. Сухорукову (очевидно, уже умершим к этому времени Н.И. Краснову и С.Ф. Номикосову – М.К., А.П.). Безо всяких доказательств и ссылок в предисловии отмечалось, что вопрос об авторстве «Исторического описания» теперь «решается утвердительно» в пользу В.Д. Сухорукова, хотя Х.И. Попов и И.П. Попов признавали, что в публикуемом тексте «замечаются незначительные несоответствия способу изложения автора», связывая эти несоответствия с правкой рукописи в 1830–1834 гг.³³

Таким образом, наметился любопытный казус: если в предисловии к первому изданию (1867–1872) оговаривалось, что правка «сухоруковского» текста под редакцией И.Ф. Богдановича ограничилась «небольшим изменением некоторых мест», то в предисловии ко второму изданию (1903) признавалось, что правка была более значительной, до того, что некоторые места в тексте не соответствуют стилю В.Д. Сухорукова. Более того, Х.И. Попов и И.П. Попов приводили один конкретный пример произошедшей, по их мнению, принципиальной правки, когда редакции якобы подверглись идейные основы первоначального «сухоруковского» текста. Речь шла о разделе «Подробности о происхождении донских казаков и о первоначальной их жизни» второй главы «Исторического описания», т.е. о начальной части текста, в которой, по мнению Н.И. Краснова, рука Сухорукова была заметнее всего. А Х.И. Попов и И.П. Попов считали, что весь этот раздел был переписан концептуально, причем идеи Сухорукова о происхождении казаков оказались заменены представлениями из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Х.И. Попов и И.П. Попов обосновывали свою позицию тем, что написанное в этом разделе противоречило взглядам, высказанным Сухоруковым в рецензии на «Историю Войска Донского» В.Б. Броневского³⁴. Слабость данной аргументации заключается в том, что книга Броневского вышла в 1834 г., т.е. почти через десятилетие после отстранения Сухорукова от работ по составлению Исторического описания Войска Донского, и воззрения последнего за это время могли сильно измениться. Иных примеров концептуальной правки идей Сухорукова и мест из публикуемого текста, которые были бы «несоответственны способу изложения автора», Х.И. Поповым и И.П. Поповым не приводилось.

Дореволюционные издания трудов Сухорукова осуществлялись донскими историками-краеведами и были выполнены на довольно низком текстологическом уровне. Хотя с 1880 г. в краеведческой среде сложился консенсус о том, что какие-то места «сухоруковских» текстов подвергались серьезной правке, попыток установить эти места текстологически, путем сличения рукописей, не предпринималось. Распространился чисто субъективный подход: сторонник происхождения казаков от русских беглых Н.И. Краснов считал, что соответствующие места в при-

³³ Сухоруков 1903: 5.

³⁴ Там же.

писываемых Сухорукову текстах принадлежат ему в наибольшей степени, а противник этой гипотезы Х.И. Попов, напротив, утверждал, что именно эти места – позднейшие вставки. Сам уровень работы донских краеведов XIX в. с историческими текстами был довольно низким: так, публикаторы еще в 1867 г. пришли к выводу, что ими публикуется версия рукописи, выполненная в 1824 г. (основанием к этому стало упоминание в ней сделанной в 1823 г. археологической находки как прошлогодней)³⁵. Однако, если принять эту датировку, выходило, что они вообще работали с неокончатальной версией сухоруковского черновика, и, соответственно, в ней никак не могло быть правок, осуществленных позже 1826 г. под руководством И.Ф. Богдановича.

В советский период наследие В.Д. Сухорукова не переиздавалось. И здесь интересна как раз монография А.М. Линаина, в которой вовсе отрицается значение «Исторического описания Земли Войска Донского». Прежде всего, оговорим, что А.М. Линин не был ни профессиональным историком, ни даже краеведом: он был филологом, которого В.Д. Сухоруков заинтересовал в контексте связей с А.С. Пушкиным³⁶. Не могла не сказаться на специфике его исследований и специфика периода отечественной историографии 1930-40-х гг. Однако, в определенном смысле А.М. Линин просто продолжил уже сложившуюся на Дону к началу XX в. традицию не столько реконструировать, сколько произвольно конструировать образ В.Д. Сухорукова, субъективно отвергая часть его наследия как сфальсифицированную в ходе правок.

А.М. Линин утверждал, будто бы Х.И. Попов и И.П. Попов доказали «факт» концептуальной переделки второй главы «Исторического описания Земли Войска Донского», сделав из этого вывод, что «коренной переработке» подвергались целые главы «сухоруковского» текста³⁷. Соответственно, в интерпретации Линаина, правка сухоруковских рукописей в 1830-1834 гг. была не небольшим изменением некоторых мест и привела не к незначительным несоответствиям способу изложения автора. Ссылаясь исключительно на Х.И. Попова, Линин утверждал, будто бы «выполняя специальное поручение Богдановича, Кушнарев, Кучеров, Поснов и Пудавов заново переписали работы Сухорукова»³⁸.

Таким образом, хотя В.Д. Сухоруков продолжал позиционироваться как автор «Исторического описания Земли Войска Донского» и «Статистического описания Земли Донских казаков, составленного в 1822-1832 годах», фактически его авторский, идейный вклад в данные тексты объявлялся несущественным. «Специальное назначение этой книжки («Историческое описание Земли Войска Донского» - М.К., А.П.) для команды и тщательная цензура обеспечили освобождение ее от специфики политических воззрений Сухорукова на историю донско-

³⁵ Историческое описание Земли Войска Донского...1867: III; Сухоруков 1903: II.

³⁶ Линин 1941: 3-5.

³⁷ Линин 1941: 105.

³⁸ Линин 1941:104.

го казачества», – прямо писал А.М. Линин³⁹. Утверждения А.М. Лина о полной переработке текстов В.Д. Сухорукова стали преобладать и в советской донской историографии. Общая идея о том, что реакционные власти цензурировали тексты историка-декабриста, убирая из них свободолобивые и демократические идеи, идеально укладывалась в советский исторический нарратив.

Таким образом, если в дореволюционной историографии мы могли наблюдать две альтернативных концепции происхождения текстов «Исторического описания Земли Войска Донского» и «Статистического описания Земли Донских казаков» (тексты коллектива авторов/тексты В.Д. Сухорукова, подвергавшиеся, кроме отдельных глав, незначительной правке другими лицами), то в советской историографии на смену им приходит принципиально новый, третий концепт (это тексты В.Д. Сухорукова, подвергшиеся серьезной политической цензуре). Подобное мнение нашло отражение, в частности, в творчестве крупнейшего историка донского казачества А.П. Пронштейна⁴⁰. Оно выглядело логичным и убедительным, и стало общепринятым в науке.

В постсоветский период в результате смены методологических векторов произошли изменения в исследовательских полях историков. В поле зрения исследователей попадает эволюция и формы научной деятельности в российской провинции в дореволюционный период, провинциальная историография. В случае с историографией казачества это сопровождалось и возобновлением некоторых тенденций, характерных для авторов XIX-начала XX вв. В частности, снова намелился интерес к личности В.Д. Сухорукова и возобновились попытки сконструировать «правильные», по мнению современных историков, идейные основы его первоначальной рукописи по истории Войска Донского.

В 2001 г. выходит переиздание труда В.Д. Сухорукова «Историческое описание Земли Войска Донского», подготовленное Н.С. Коршиковым и В.Н. Королевым⁴¹. Исследователи провели большую архивную работу по поиску беловика рукописи В.Д. Сухорукова, однако так и не обнаружили ее. В итоге ими была взята за основу беловая рукопись 1834 г., найденная ими в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА)⁴² (т. е., не копия, снятая кем-то из донских любителей истории, а собственно беловая рукопись после правок, переданная военному министру А.И. Чернышеву И.Ф. Богдановичем)⁴³. Однако отнеслись к этой рукописи историки весьма вольно, не только приводя варианты из других рукописей в примечаниях, но и произвольно заменяя целые главы вариантами из них. В итоге их текст представляет собой конструктор, претендующий на близость с первоначаль-

³⁹ Линин 1941: 105.

⁴⁰ Пронштейн 1961: 10.

⁴¹ Сухоруков 2001.

⁴² РГВИА. Ф. ВУА. Д. 18 260.

⁴³ Коршиков, Королев 2001: 14-18.

ным текстом В.Д. Сухорукова, однако при этом никогда не существовавший исторически. Именно из-за публикации многочисленных черновиков и вариантов рукописи В.Д. Сухорукова значение публикации Н.С. Коршикова и В.Н. Королева трудно переоценить. Но уже сама попытка сочетать главы из различных рукописей ориентируясь на собственное мнение демонстрирует ту же субъективность в отношении текста «Исторического описания Земли Войска Донского», которую демонстрировали и их предшественники Н.И. Краснов и Х.И. Попов.

Более того, хотя в предисловии к публикации Коршиков и Королев прямо утверждают, будто бы им удалось обнаружить наиболее измененные по сравнению с оригинальным текстом Сухорукова места рукописи 1834 г., фактически они основывают свое мнение на этот счет не на текстологическом анализе, а на собственных субъективных оценках. Наиболее подробно они рассматривают все тот же вопрос о происхождении казачества. Подобно Х.И. Попову и И.П. Попову, историки утверждают, будто бы представления о происхождении казаков из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина и даже прямая цитата из этой книги были вставлены в «Историческое описание» по инициативе Богдановича, и это противоречило представлениям самого Сухорукова. Однако подтверждается данное мнение не ссылкой на архивные материалы или текстологическим сравнением ранних и поздних вариантов текста рукописи Сухорукова, а как минимум спорными рассуждениями, согласно которым, раз концепции Карамзина о происхождении казачества развивал Броневский, а его Сухоруков критиковал, то и цитаты из «Истории государства Российского» в первоначальном варианте «Исторического описания» быть не могло. Более того, Коршиков и Королев прямо объединяют воззрения Карамзина и Броневского как «дворянских историков», негативно относившихся к вольнолюбивому казачеству⁴⁴.

Проблема, однако в том, что Коршиков и Королев обнаружили в Государственном архиве Ростовской области (ГАРО) черновые материалы Сухорукова по проблеме происхождения казаков, и опубликовали их в своем издании. Уже на первой странице этих материалов Сухоруков с пиететом ссылается на «нашего знаменитого историографа Карамзина»⁴⁵. По мнению Коршикова и Королева, Сухоруков считал раннее Донское Войско «независимой воинственной республикой», и критиковал Броневского именно с этих позиций⁴⁶. Вот только в публикуемых черновых материалах Сухоруков действительно именуется ранних казаков «независимой воинственной республикой», но при этом... ссылаясь на Карамзина⁴⁷. Более того, еще дореволюционные авторы установили, что Карамзин влиял на Сухорукова⁴⁸. Да и сами Коршиков и Королев отме-

⁴⁴ Коршиков, Королев 2001: 15-16.

⁴⁵ Сухоруков 2001: 34.

⁴⁶ Коршиков, Королев 2001: 16.

⁴⁷ Коршиков, Королев 2001: 36.

⁴⁸ Артинский 1907: 243-244.

чают, что в ноябре 1822 г. Сухоруков не просто общался с Карамзиным, но и слушал чтение последним «нужных мест» из еще неопубликованного тома «Истории государства Российского»⁴⁹. Поэтому трактовка Карамзина и Броневского, авторов совершенно несопоставимого уровня, как единомышленников, чьи воззрения на казачество были абсолютно неприемлемы для В.Д. Сухорукова, выглядит абсолютно искусственным конструктом, восходящим к советской историографии («дворянские истории») и не имеющим достаточной доказательной базы.

Обратимся непосредственно к текстологическому анализу. Цитата из Карамзина, по мнению Коршикова и Королева, невозможная в первоначальном тексте «Исторического описания Земли Войска Донского», описывает создание казачества беглыми из России, «исклавшими дикой вольности и добыч в опустевших улусах орды Батыевой, в местах ненаселенных, где Волга сближается с Доном, и где издавна был торговый путь из Азии в Северную Европу». Она приводится в разделе «Подробности о происхождении донских казаков и о первоначальной их жизни» второй главы, разделе, который доказывает происхождение казаков от беглых из России не ранее конца XV в. и который считали несопоставимым с взглядами Сухорукова еще Х.И. Попов и И.П. Попов. Коришиков и Королев тоже дают к этому разделу сноску, из которой следует, что, во-первых, он полностью переписан Богдановичем, а, во-вторых, «все больше специалистов» (включая, очевидно, самих публикаторов) предлагают искать корни казачества в гипотетическом славянском населении Дона VIII–XV вв.⁵⁰ Как видим, концептуально исправленной снова объявляется та часть «сухоруковского» текста, которая не соответствует представлениям постулирующих это исправление авторов.

А что, собственно, писал сам Сухоруков в найденных Коршиковым и Королевым черновиках? Он однозначно не считал бродников, историческое славянское население Дона, предками казаков: «Сии бродяги, без сомнения, не были прародителями существовавшей впоследствии на Дону независимой и сильной республики»⁵¹. Предками казаков были русские, возможно, беглые крестьяне: «Обширные и ненаселенные места для своевольных, а, может быть, и угнетенных людей Южной России были верным, безопасным убежищем»⁵². Как мы видим, пресловутая цитата Карамзина концептуально не просто не противоречит, но полностью соответствует утверждениям Сухорукова из его черновиков. Правда, Коршиков и Королев утверждают еще, что донской историк собрал много версий о происхождении казачества, и планировал изложить их все, а Богданович приказал заменить их официальной версией Карамзина⁵³. Однако, любому историку понятно, что, хотя на стадии

⁴⁹ Коршиков, Королев 2001: 8.

⁵⁰ Сухоруков 2001: 44-45.

⁵¹ Сухоруков 2001: 36.

⁵² Сухоруков 2001: 40.

⁵³ Сухоруков 2001: 34.

подготовки материала ученый ищет информацию, далеко не вся она будет использована в итоговом тексте. Первоначальный текст Сухорукова в принципе сокращался, из соображений объема, а не политических воззрений автора, в ходе чего было логично убрать как раз не соответствующие представлениям автора мнения о происхождении казаков.

Как мы видим, черновики Сухорукова не дают никаких оснований считать, что его представления о происхождении казачества были подвергнуты концептуальной цензуре: и в этих черновиках, и в беловых рукописях 1834 и 1839 гг. одинаково присутствуют цитаты из Карамзина, и отсутствует критика взглядов знаменитого историографа. Очевидно, все же был прав Краснов, считавший Сухорукова сторонником происхождения казаков от русских беглых крестьян, а не Х.И. Попов, а сегодня и Коршиков и Королев, утверждающие, что подобные воззрения противоречат позднейшим идеям донского историка. На этом фоне и другие утверждения Коршикова и Королева о явных вставках в «сухоруковский» текст не выглядят абсолютно убедительными. Например, в разделе о покорении Астрахани историкам не понравилась фраза о казаках, «пламенеющих доказать усердие свое к государю». Они сочли ее позднейшей редакцией, ссылаясь на мнение журналиста Е.К. Сизякина, высказанное в газете «Донская речь» в 1889 г. При этом Сизякин даже не писал о подложности данной конкретной фразы, просто предполагая, что «псевдопатриотические реплики» вставлены в «серьезное и бесстрастное изложение» Сухорукова во время правки⁵⁴.

Таким образом, с одной стороны, Коршиков и Королев осуществили первое полноценное издание Исторического описания Сухорукова с указанием альтернативных вариантов и версий, включив в него даже некоторые черновики донского историка. Однако, с другой стороны, их заявка на установление наиболее искаженных правкой мест не выдерживает критики. Фактически, как и прежде в донской историографии, эти места определяются исходя исключительно из близости высказываемых в конкретной части текста взглядов публикаторам.

В заключение отметим, что в переиздании «Исторического описания Земли Войска Донского», которое вышло в 2005 г. по заказу Всеволодского Войска Донского для казачьих кадетских корпусов, были помещены лишь 8 первых глав книги В.Д. Сухорукова⁵⁵. Развернутого оригинального сопроводительного аппарата издателями приложено не было: в издание вошло только небольшое предисловие донского атамана В.П. Водолацкого без описания истории сухоруковских рукописей и даже самой краткой биографии В.Д. Сухорукова. Не сопровождалось издание и текстологическими пояснениями. Судя по проведенному нами краткому анализу, в нем воспроизведены дореволюционные издания «Исторического описания Земли Войска Донского», но без предисловий к ним. Подобный подход продолжает тенденцию к конструиро-

⁵⁴ Сухоруков 2001: 47.

⁵⁵ Сухоруков 2005.

ванию «правильного» образа В.Д. Сухорукова, характерную, для всей донской историографии. Между тем гораздо более надежным вариантом нам представляется текстологический анализ «Исторического описания Земли Войска Донского», который еще предстоит провести историкам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Александр Сергеевич Пушкин: документы к биографии. 1830-1837. СПб., 2010. 1025 с. [Aleksandr Sergeevich Pushkin: dokumenty k biografii. 1830-1837 (Alexander Sergeevich Pushkin: documents for the biography. 1830-1837). SPb., 2010. 1025 s.]
- Артинский И. П. Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В.Д. тип., 1907. 469 с. [Artinskij I. P. Oчерk istorii Novoчерkasskoj vojskovoј gimnazii (Essay on the history of the Novoчерkassk military gymnasium). Novoчерkassk: Obl. V.D. tip., 1907. 469 s.]
- Венков А.В. Геноцид, голодомор и другие ужасы в истории «казацкого народа» // Новое прошлое / The New Past. 2018. № 1. С. 275-290. [Venkov A.V. Genocid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazackogo naroda» (Genocide, famine and other horrors in the history of the «Cossack people») // Novoe proshloe / The New Past. 2018. № 1. S. 275-290.]
- Донцы XIX века. Ростов н/Д, 2003. 599 с. [Doncy XIX veka. (Donets of the 19th century). Rostov n/D, 2003. 599 s.]
- Историческое описание Земли Войска Донского / Издание Войскового Статистического Комитета [В.Д. Сухоруков]. Т. 1-2. Новочеркасск, 1867-1872 [Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo (Historical description of the Land of the Don Army) / Izdanie Vojskovogo Statisticheskogo Komiteta; [V.D. Suhorukov]. T. 1-2. Novoчерkassk, 1867-1872].
- Кириллов А.А. Краткое обозрение истории о донских казаках: Опыт bibliографии Донской истории. Новочеркасск: Част. Дон. тип., 1909. 41 с. [Kirillov A.A. Kratкое obozrenie istorii o donskikh kazakah: Opyt bibliografii Donskoј istorii. (A brief overview of the history of the Don cossacks: An experience in the bibliography of Don history). Novoчерkassk: Chast. Don. tip., 1909. 41 s.]
- Коршиков Н.С., Королев В.Н. Историк Дона В.Д. Сухоруков и его «Историческое описание Земли Войска Донского» // Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2001. С. 7-18. [Korshikov N.S., Korolev V.N. Istorik Dona V.D. Suhorukov i ego «Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo» (Don historian V.D. Sukhorukov and his «Historical Description of the Land of the Don Army») // Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo. Rostov-na-Donu, 2001. S. 7-18.]
- Краснов Н.И. Земля Войска Донского / Сост. чл.-сотр. Имп. Рус. геогр. о-ва, Ген. штаба штабс-кап. Н. Краснов. СПб.: тип. Деп. Ген. штаба, 1863. 555 с. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, т. 7). [Krasnov N.I. Zemlya Vojska Donskogo (Land of the Don Army) / Sost. chl.-sotr. Imp. Rus. Geo-gr. o-va, Gen. shtaba shtabs-kap. N. Krasnov. Sankt-Peterburg: tip. Dep. Gen. shtaba, 1863. 555 s. (Materialy dlya geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba, t. 7).]
- Краснов Н.И. Исторические очерки Дона. Борьба Чернышева с войсковыми атаманами // Русская речь. 1881. № 5. С. 66-93. [Krasnov N.I. Istoricheskie oчерki Dona. Bor'ba Chernysheva s vojskovymi atamanami (Historical essays on the Don. Chernyshev's struggle with military atamans) // Russkaya rech'. 1881. № 5. S. 66-93.]
- Куд О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. М.: Старая Басманная, 2014. 595 с. [Kuc O.Yu. Donskoe kazachestvo vremeni Azovskoj eпоpeі i 40-h gg. XVII v.: politicheskaya i voennaya istoriya. (Don cossacks during the Azov epic and the 40s. 17th century: political and military history). M.: Staraya Basmannaya, 2014. 595 s.]
- Линин А.М. А. С. Пушкин на Дону: Ист.-лит. очерки. Ростов н/Д: Ростиздат, 1941. 176 с. [Linin A.M. A. S. Pushkin na Donu: Ist.-lit. oчерki. (Pushkin on the Don: Ist.-lit. essays). Rostov n/D: Rostizdat, 1941. 176 s.]
- Морозова О.М. «Выдающийся донец» – генерал Иван Ульянов // Relga. Научно-культурологический журнал. 2007. № 8. [Morozova O.M. «Vydayuyshchijssya donec» - general Ivan Ulyanov («Outstanding Donetsk» - General Ivan Ulyanov) // Relga. Nauchno-kul'turologicheskij zhurnal. 2007. № 8. URL: <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1959&level1=main&level2=articles>].

- Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 762 с. [Nomikosov S.F. Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo. (Statistical description of the Don Army region). Novocherkassk, 1884. 762 s.]
- Пронштейн А.П. Земля Донская в XVIII веке / Рост. н/Д гос. ун-т. Ростов н/Д; Изд-во Рост. ун-та, 1961. 375 с. [Pronshhtejn A.P. Zemlya Donskaya v XVIII veke (Don Land in the 18th century) / Rost. n/D gos. un-t. Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1961. 375 s.]
- Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск: Лик, 2015. 1184 с. [Skorik A.P. Milyutinskij kazachij yurt: opyt istoricheskoy rekonstrukcii (Milyutinsky cossack yurt: experience of historical reconstruction). Novocherkassk: Lik, 2015. 1184 s.]
- Статистическое описание земли Донских казаков, составленное в 1822-32 годах / [До 1825 г. сост. В.Д. Сухоруков]. Новочеркасск: Obl. Vojska Donskogo tip., 1891. 302 с. [Statisticheskoe opisanie zemli Donskih kazakov, sostavlennoe v 1822-32 godah (Statistical description of the land of the Don Cossacks, compiled in 1822-32) / [Do 1825 g. sost. V.D. Suhorukov]. Novocherkassk: Obl. Vojska Donskogo tip., 1891. 302 s.]
- Сухоруков В. Д. Общежитие донских казаков в XVII и XVIII столетиях: Ист. очерк. СПб.: Тип. деп. народного просвещения, 1824. 200 с. [Suhorukov V. D. Obshchezhitie donskih kazakov v XVII i XVIII stoletiyah: Ist. ocherk. (Hostel of the Don Cossacks in the 17th and 18th centuries: Ist. feature article). SPb.: Tip. dep. narodnogo prosveshcheniya, 1824. 200 s.]
- Сухоруков В. Д. Историческое описание Земли Войска Донского. 2-е изд. Новочеркасск: Obl. Vojska Donskogo stat. kom., 1903. 471 с. [Suhorukov V. D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo. 2-e izd. (Historical description of the Land of the Don Army). Novocherkassk: Obl. Vojska Donskogo stat. kom., 1903. 471 s.]
- Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска / Комментар., доп., вступ. ст. Н.С. Коршикова и В.Н. Королева. Ростов н/Д: ГинГо, 2001. 514 с. [Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska (Historical description of the Land Army) / Komment., dop., vstup. st. N.S. Korshikova i V.N. Koroleva. Rostov n/D: GinGo, 2001. 514 s.]
- Сухоруков В.Д. Историческое описание Земли Войска Донского. Ростов-на-Дону, 2005. 121 с. [Suhorukov V.D. Istoricheskoe opisanie Zemli Vojska Donskogo. (Historical description of the Land Army). Rostov-na-Donu, 2005. 121 s.]
- Яровой А.В. Традиционные военные игры донских казаков: проблема аутентичности // Культурное наследие России. 2021. № 1(32). С. 3-49. [Yarovoj A.V. Tradicijnyye voennye igry donskih kazakov: problema autentichnosti (Traditional war games of the Don cossacks: the problem of authenticity) // Kul'turnoe nasledie Rossii. 2021. № 1(32). S. 3-49.]

Колесникова Марина Евгеньевна, доктор исторических наук, профессор, заведующий, кафедра истории России, директор, Гуманитарный институт, Северо-Кавказский федеральный университет; kolesnikovam2017@mail.ru

Перетяtko Артем Юрьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет; artperetatko@yandex.ru

V.D. Sukhorukov's manuscripts on the history of the Don cossacks history of creation and publications

The article deals with history of creation of the manuscripts on Don Cossacks by Vasily Dmitrievich Sukhorukov (1795–1841) who was one of the founders of Don historiography. The comparison of editions and known drafts of the manuscripts “Historical description of Don Host Oblast” and “Statistical description of the Don Cossacks’ land composed in 1822–1832” are given. A number of issues concerning the history of manuscripts by Sukhorukov and his assistants as well as the history of their editions are addressed.

Keywords: V.D. Sukhorukov, history and geography of Don, Don Cossacks, historical knowledge, historical description, statistical description, manuscript.

Kolesnikova Marina, Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Russian History, Director, Institute for the Humanities, North-Caucasus Federal University (Stavropol) / kolesnikovam2017@mail.ru

Peretyatko Artyom, Candidate of Sciences in History, Senior Lecturer, Department of Regional Science and Eurasian Research, Institute for Sociology and Regional Studies, Southern Federal University (Rostov-on-Don) / artperetatko@yandex.ru

Т.П. БУДЯКОВА, Т.А. ПОЛЯКОВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ Г.Д. ГРЕБЕНЩИКОВА В КОНТЕКСТЕ ГРАЖДАНСКОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В РОССИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Биография и интеллектуальное наследие Г.Д. Гребенщикова рассматриваются в контексте исследований интеллектуальной истории. Раскрываются возможности и пределы использования этого наследия в интерпретации исторических событий периода гражданского противостояния в России в начале XX в. Продукты интеллектуального творчества Г.Д. Гребенщикова, являясь результатом активного познания мира и самопознания на протяжении всей его жизни, фиксируют рост его личности. Ценность интеллектуального наследия мало заметной личности ограничивается возможностями ее самовыражения. Это обусловлено низким иерархическим статусом такого человека, его социальной и иной зависимостью от многих факторов, с которыми приходится считаться при выражении своей социальной и личной позиции. Способ выражения своей социальной позиции и историческая оценка происходящего в этих условиях носят не рациональный, а эмоциональный и символический характер. Это наглядно проявилось в интеллектуальном наследии Г.Д. Гребенщикова.

Ключевые слова: историческая личность, мало заметная личность, автобиография, Г.Д. Гребенщиков, интеллектуальное наследие, интеллектуальная история.

Интеллектуальная история в понимании Стефана Коллини – попытка понять прошлое посредством индивидуального человеческого опыта¹. Сегодня – это междисциплинарное направление, изучающее историю по текстовым и иным коммуникативным источникам, включая дебаты по философским, политическим и социальным вопросам². Трансдисциплинарность – одна из отличительных черт интеллектуальной истории, что «в своем современном виде выступает проявлением активно развивающейся парадигмы метатеории и предлагает почву для сотрудничества различных конкурирующих точек зрения, свободных от прежних дисциплинарных границ»³.

Одно из традиционных направлений интеллектуальной истории – историческое познание через биографии и продукты интеллектуальной деятельности исторических личностей⁴. Следы прошлого человеческого познания в исторических текстах и артефактах могут служить ценным источником психологических и исторических данных, но, по мнению М. Muthukrishna, J. Henrich и E. Slingerland, мало используются⁵. R. Barker акцентировал внимание на том, что история мышления – это особый креативный материал для осмысления исторических фактов и событий⁶. В этом смысле источники интеллектуальной истории, как полагают

¹ Collini 1985.

² Oz-Salzberger 2001.

³ Шабунина, 2023: 18.

⁴ Cuttica 2015.

⁵ Указанные авторы образно называют эти источники «мертвым разумом». См.: Muthukrishna, Henrich, Slingerland 2021.

⁶ Barker 2008.

R. Lv, J-L. Qian, Q-Y. Nao et al., могут оказывать влияние на историческую репутацию событий и исторических личностей⁷.

Историческая фигура (историческая личность), согласно устоявшемуся мнению, это личность, оказавшая влияние (иногда определяющее) на исторический процесс. Однако исторический опыт формируется и через биографический путь людей, которые были рядом с исторически известными личностями, а изучение их жизни может раскрыть и более глубокие знания об исторической эпохе, в которой они жили, чем биографии исторических фигур. Продукты их интеллектуальной деятельности, закрепленные в автобиографиях, письмах, научных трудах и даже беллетристике, дают уточненное представление и о роли выдающихся личностей, рядом с которыми протекала жизнь малозаметного человека в определённые исторический период или эпоху⁸. В аспекте познания истории российского общества в кризисный период его развития в начале XX в. представляют интерес плоды интеллектуального творчества Г.Д. Гребенщикова, ставшие объектом изучения в настоящей статье.

Материалы и методы

В современных исследованиях отмечается особый вклад интеллигенции в историю цивилизаций, особенно в критические периоды жизни человечества. Отличительными чертами лучших представителей российской интеллигенции всегда считались: причастность к развитию страны, чувство долга перед отечеством, просветительство, когнитивная активность в осмыслении реальности и др.⁹

Эти признаки в полной мере соответствуют личности Г.Д. Гребенщикова. При этом его личность и вклад в отечественную культуру стали активно изучаться только после Перестройки, в т.ч. благодаря тому, что в 1991 г. на родину вернулся личный архив писателя: его мемуары, переписка, автографы неопубликованных произведений и другие документы. Данный архив в настоящее время находится в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА, Барнаул, РФ). Интеллектуальная личность Г.Д. Гребенщикова отражена также в материалах других архивов, в частности, Immigration History Research Center Archives, University of Minnesota (Minneapolis, USA), Archives Orthodox Church in America (Syosset, USA), Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (г. Москва) и др.¹⁰

Эти источники стали для нас основой историко-психологического анализа интеллектуального наследия и биографии Г.Д. Гребенщикова. Объектом анализа стали также произведения Гребенщикова автобиографического и публицистического характера, в которых дается оценка

⁷ Lv et al. 2023.

⁸ Санжаров, Петрова 2017. Характерно, например, внимание к личности леди Керзон – жены известного лорда Керзона: ее письма дают представления о жизни и схемах влияния английской элиты за счет связей в британской колонии. См.: Thomas 2004.

⁹ Терехова, Трофимова, Терехова 2021.

¹⁰ Росов 2021.

исторической эпохи, в которой он жил, и известных персон, с которыми он вступал в контакты.

Прежде чем анализировать интеллектуальное наследие Гребенщикова, следует как-то обозначить его фигуру в историческом контексте. Г.Д. Гребенщиков – сибирский писатель, родом из бедной рабочей семьи, который начал свою творческую жизнь в конце XIX в., участвовал в первой мировой войне, затем эмигрировал с отступающей белой армией за пределы России. Гребенщиков входил в писательский пул эмигрантов первой волны, контактировал с И.А. Бунинным, А.И. Куприным, К.Д. Бальмонтом, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковским, а также с великим князем А.М. Романовым, Ф.И. Шаляпиным, Н.К. Рерихом, И.С. Шмелевым, А. Ачаиром, В.Ф. Булгаковым, И.И. и Е.А. Сикорскими, П.Н. Красновым и др. В середине своей жизни он переехал на постоянное жительство в США, где стал владельцем типографии, издававшей произведения русских писателей-эмигрантов, и основал на базе своего местожительства квазицентр эмигрантской русской мысли и просветительства, похоронен в США. Некоторые его романы и пьесы при его жизни были переведены на европейские языки, опубликованы в Европе и США, вызвав интерес местной читающей публики¹¹.

Результаты и их обсуждение

Интеллектуальный историк рассматривается прежде всего как аналитик и как критик¹², в этом смысле автобиографический и иные материалы, зафиксированные в исследуемых нами архивных документах, дают поле для критического осмысления личности людей, с которыми взаимодействовал Г.Д. Гребенщиков, его самого и событий, свидетелем и участником которых он был. Вместе с тем, нельзя не согласиться с мнением Н.М. Hamilton о том, что надежность биографических и автобиографических источников, возможная пристрастность в форме предвзятости или предпочтения, ограничения по этике и конфиденциальности представляют собой угрозу объективности излагаемых сведений¹³. С этим же сопряжена обсуждаемая в литературе проблема репрезентативности опыта отдельной личности, выбранной для биографического анализа, при изучении исторических процессов¹⁴.

Продукты интеллектуальной деятельности Г.Д. Гребенщикова интересны в первую очередь тем, что они показывают активную работу мышления писателя на протяжении всей его жизни, фиксируя рост его личности, в т.ч. делая ее особо значимой для исторического исследования. Так, в начале творческого пути он боролся за то, чтобы его произведения оценивались по самому высокому стандарту, вплоть до присуждения Нобелевской премии¹⁵. В конце же жизни самокритично при-

¹¹ Азаров 2020; Росов 2021.

¹² Cuttica 2017.

¹³ Hamilton 2020.

¹⁴ Мухин 2014.

¹⁵ Росов, 2021.

знавался, что *«всегда чувствовал себя не подготовленным к такой ответственной роли, как роль писателя. Да и сейчас нахожу, что произошло какое-то большое недоразумение. Не по притворству говорю, что писателем себя и теперь стыжусь считать»*¹⁶. Такая позиция отвечала и объективной критике его произведений. Биограф Г.Д. Гребенщикова В.А. Росов добросовестно показывает, что «отношение к произведениям Гребенщикова среди литературных критиков всегда было противоречивым». Так, Г.П. Струве назвал главное детище Гребенщикова, роман «Чураевы», безвкусным, а его самого – «безграмотным серым этнографом»¹⁷. А.И. Куприн заключал, что дарование Гребенщикова «равно маленькому перочинному ножичку»¹⁸. Напротив, В.Ф. Зеелер, секретарь союза писателей и журналистов в Париже, отмечал сильное эмоциональное воздействие романа «Чураевы» на него лично и полагал, что не зная творчество Гребенщикова «просто стыдно человеку, претендующему на знакомство с русской литературой...»¹⁹.

Особое значение интеллектуального наследия Г.Д. Гребенщикова заключается в обосновании им самим значимости малозаметной личности в истории: *«Это дерзость, но иногда мне кажется, что должно быть совестно многим образованным людям, не видящим того многого прекрасного, что видим мы, необразованные и простые люди»*²⁰. Особенно ярко этот аргумент актуализировался в его творчестве. К примеру, в «Сказке про ерша» он сначала намеренно акцентирует внимание на том, что ерш всех раздражает, что ему нет места среди красивых благородных рыб: *«Неужели и ты думаешь дойти до горных рек? Неужели и ты думаешь пустить свою икру по чистым струям во все моря? Да нужно ли, ерш, для мира твое колючее и неопрятное потомство?»*²¹ Однако затем ерш своим упорством продвигаться к цели заставляет всех переоценить его персону. Практически зеркально здесь отражена ситуация с восприятием Гребенщикова как писателя его именитыми коллегами по литературному цеху и его стремление все-таки добиться признания у этой более статусной группы личностей. Не случайно в современной психологии считается, что литературное произведение для писателя – это и способ самореализации, и способ психотерапии²².

Несмотря на то, что Г.Д. Гребенщиков был принят в кругу эмигрантской интеллигенции, он в этой среде смотрелся как инородная фигура, в силу чего к нему относились если не высокомерно, то покровительственно, а иногда и презрительно. Сам Гребенщиков так описал реакцию Д.С. Мережковского на то, что его труды приняли для публика-

¹⁶ Гребенщиков 1996: 8.

¹⁷ Росов 2021: 408.

¹⁸ Там же: 141.

¹⁹ Там же: 481.

²⁰ Гребенщиков 1996: 8.

²¹ Гребенщиков 1996.

²² Caniato, Sellers 2019.

ции в одно из издательств Парижа: «Мережковский побегал в издательство и там возмущался, что какой-то Гребенщиков будет с ним рядом издаваться»²³. Еще более наглядно эту инородность подчеркнул С.А. Есенин при встрече с Г.Д. Гребенщиковым в США: «Почему вы не в России? Что, у вас голубая кровь? Ведь Вы же наш брат, Ерема!»²⁴. Да и сам Гребенщиков, ища причины высокомерного отношения к нему, например, И.А. Бунина, объяснял это сословной дистанцией. «Барин по крови, он остается баринком в литературе» – писал обиженный на Бунина Гребенщиков, когда тот отказался выступать на его творческом вечере²⁵. Уже перебравшись в Америку, Гребенщиков, чтобы восстановить прерванные, но значимые для него отношения, пишет Бунину примирительное письмо, в котором намеренно подчеркивает сословное превосходство мэтра, о чем можно судить по специфическому обращению к Бунину: «Красивый Вы, Ваше Высочество!»²⁶.

При анализе интеллектуального багажа Гребенщикова возникает явный когнитивный диссонанс. Истоки его заложены в противоречии между социальным происхождением писателя, предки которого были рудокопами, и его необычно сложившейся судьбой, связавшей писателя с противоположным лагерем, куда относились т.н. «классовые враги» простого народа. Эта неоднозначная позиция позволяла ему несколько более объективно оценивать происходящее, чем тем, кто четко идентифицировал себя только с одной стороной классового конфликта.

Оказавшись в конце Гражданской войны психологически между враждующими сторонами, которые обе были важны для него, он с позиции миротворца попытался призывать к примирению. Однако встретился с жесткими запретами на такой подход со стороны белоэмигрантов. Ему не дали возможность беспристрастно, как бы со стороны оценивать происходящее. Очерк «Мостик через пропасть», где он призывал к братству между большевиками и белыми генералами, отказались печатать в «Царьградском альманахе», выходившем в Константинополе. Вот одна из ключевых фраз этой статьи: «Как родные братья могут спорить, не хватая друг друга за шиворот, так равно в будущей России отлично могут ужиться большевик и белый генерал, вовсе не съедая друг друга живьем, как это делается в процессе нашей революции»²⁷. Отказ в публикации объективно означал, что его вынуждали принять одну из сторон, в т.ч. активно выступить против большевиков. Запрет публикации такой статьи – это свидетельство наличия острой стадии социального конфликта, в которой оказались противоборствующие стороны.

Необходимость выжить в столь сложной жизненной ситуации побуждала Гребенщикова так сформулировать свою позицию по соци-

²³ Гребенщиков 1921.

²⁴ Гребенщиков 1926: 12.

²⁵ Гребенщиков 1923.

²⁶ И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщиков. Переписка 2002.

²⁷ Гребенщиков 1920: 3-4.

ально-классовым вопросам, чтобы, не вступая в жесткое противостояние с белым лагерем, не разрушать свою личность. С начала эмиграции он подчеркивал, что несмотря на пролетарские корни, он отличается от тех, кто совершил революцию, особым воспитанием, например, не позволяющим ему демонстрировать ложь и хамство: «Так как, несмотря на пролетарское происхождение, я всей душой презираю ложь и хамство, я оказался в числе “врагов народа” и в изгнании»²⁸. Ему пришлось сделать «реверанс» в сторону эмиграции, фактически морально обеляя эту сторону противостояния, приписывая все пороки большевикам и не замечая того же у белогвардейцев: *«Страшная, душу надрывающая революционная кривда, ныне разверзла бездонную пропасть между двумя непримиримыми мирами: с одной стороны мира здраво, логически и честно мыслящий род человеческий, а с другой – наглолживый, тиранический и кроваво-жестокий, но многочисленный клан профессиональных убийц и мучителей подлинного рода человеческого»*²⁹.

Защищая свою личность, он нашел также интеллектуальное решение проблемы когнитивного диссонанса, когда сын простого народа становился апологетом высшего сословия: «плох не народ, плохи – большевики»: *«Мне кажется, большевики съедят всю Россию, зажгут Европу и, поджаривая ее по кускам, уйдут сами с обуглившегося пожарница России. И вот, потом мужик и подвижник снова из непа будут поднимать Россию – божью великую страну...»*³⁰.

Пытаясь найти своей собственный сегмент в литературной сфере, Г.Д. Гребенщиков пришел к однозначному выводу, что он может быть востребован как писатель, только обратившись к истокам своего социального происхождения. Эта осознанная позиция позволяла ему, защищая свои пролетарские корни, при общении с белоэмигрантами, выходцами из привилегированных сословий, обращать внимание на те моменты в их дебатах о России, которые те сами не решались затрагивать. Так, в ходе спора о причинах провала белого движения в России он спросил контр-адмирала В.К. Пилкина: *«За что мы любим Россию, если наш народ – это “деревня“, подлая и глупая?»* У адмирала не было объясняющей формулы, он фактически ушел от ответа, пафосно заявив: *«Нет, мы любим всё то божеское, что имеется только в России»*³¹. У врагов большевиков пока не было содержательных аргументов для оппонирования в таких вопросах, но сама их постановка требовала активизации в ее осмыслении. Примирение сторон было возможно только при общении на равных, а к этому представители белого движения, воспитанные на жесткой сословной иерархии, были не готовы. Яркой иллюстрацией этому является описание Гребенщиковым манеры поведения и общения бывших господ, бежавших от революционного народа, фактически

²⁸ Гребенщиков 1957.

²⁹ Гребенщиков 2013, Т.5: 84.

³⁰ Гребенщиков 1921.

³¹ Там же.

потерявших все свои привилегии, в момент их прибытия в Константинополь: прямые негнувшиеся спины и обращение, обязательно фиксирующее высокий сословный статус: «князь», «граф», «баронесса» и т.п.

Продвигаемая Гребенщиковым интеллектуальная формула понимания простого народа как основы России стала важной нравственной установкой для духовного здоровья многих эмигрантов, позволяя на чужбине переносить трудности бытия и зависимости от чужеродной среды. Заявленная позиция Гребенщикова побуждала «бывших» критически оценивать свою жизнедеятельность. Так, Великий князь Михаил Романов писал Гребенщикову в 1929 г., выбрав его в качестве духовного советника: «...я по письмам (отцов и матерей молодых матросов) узнавал страдания народа в годы неурожая или падежа скота, я, в это время, могу сказать, жил жизнью всех этих незаметных тружеников, я близко сознавал всю борьбу за существование, которую они вели с такой покорностью и неизбежностью. Душа моя болела, и я чувствовал своё бессилие помочь всем моим братьям по духу»³².

Как представителю трудового народа Гребенщикову также пришлось отвечать на вопросы тех, кто имел претензии к этому народу. К примеру, ему требовалось найти какую-то формулу, объясняющую неожиданно жестокое отношение народа к элите российского общества: «Что случилось с русским народом, принявшим участие в столь кровавой расправе с избранными людьми своей отчизны, и, особенно, как это никто не выручил, не защитил своего Государя, а даже как будто сочувствовал злодеянию неслыханной расправы над Помазанником Божиим и всей его семьей?»³³. Точную формулу ответа на этот вопрос, по его же собственному признанию, он так и не нашел, поскольку, вначале не смел критиковать царскую власть в силу своего осознанного выбора одной из сторон конфликта, а затем в силу непонимания самого русского народа, представителем которого он себя декларировал. Он не смог понять того, что народ в советской России стал психологически другим, свободным от барского и иного гнета и не испытывал пиетета перед монархией, которую считал основой этого гнета.

Позже в трагедии царской семьи Гребенщиков уже обвинял как народ, так и аристократию: «Для меня вся эта история настолько тяжела, что я всё еще не могу спать и всё время сомневаюсь, что я смогу поднять ее как полный сюжет. Нужна великая духовная сила и знание среды, чтобы сметь свое суждение иметь в этой страшной трагедии не только Государя и его семьи, но и всего русского народа, который и в верхах, и в низах оказался в массе преподлежшим»³⁴. Суждение Гребенщикова о моральной ущербности большинства народа скорее всего эмоционально, поскольку оскорбление – это продукт эмоций, а опора на эмоции является следствием отсутствия рациональных аргументов.

³² Письмо великого князя Романова 1929.

³³ Гребенщиков 2003.

³⁴ Гребенщиков 1950: 182.

В связи с этим мы полагаем, что оценка значимости интеллектуального багажа Гребенщикова должна проводиться через призму его личности. В первую очередь речь идет о личности, вынужденной реализовывать себя и свою социально-политическую позицию в условиях узкого коридора возможностей, как материально-финансовых, так и статусных. Во-вторых, конечно, имел место и фактор необходимости защиты своей личности от самых разнообразных угроз, побуждавших к осторожности в высказываниях. Этим частично объясняется доминирование в его рассуждениях о России, ее прошлом и будущем, эмоционально-оценочных суждений, которые в отличие от рациональных форм, приводили к поверхностным выводам о сущности явлений, в т.ч. исторических. Покажем это на примере размышлений Гребенщикова при принятии ключевого для эмигрантов жизненно важного решения.

Автобиографии в настоящее время активно изучаются в контексте как раз принятия жизненно важных решений личности³⁵. Особенно важно такое исследование в условиях, когда жизненно важный выбор происходит на фоне эпохальных исторических событий.

Жизненно важным смысловым вопросом, требовавшим от представителей эмиграции взвешенного, обоснованного решения, был вопрос о возможности возвращения в Россию. Примечательно, что именно к Гребенщикоу обратились за советом артисты труппы Художественного театра о том, возвращаться ли им обратно в Россию после гастролей в Европе. Рационального ответа у него не нашлось, ситуация спровоцировала только всплеск эмоций: *«Что я могу сказать им, когда сам не еду. Я сын сибирского рудокопа, настоящий народный писатель, неподдельный пролетарий – и я не еду в Москву и в Россию! Что же сделано с нашей Родиной, которая нам кажется тюрьмой? Почему-то не влечет меня рабоче-крестьянская власть!.. Что же это значит? Может быть, я не понимаю истинного смысла событий и грядущего искупления?»*³⁶. Мечта даже о духовном возвращении в Россию не была рационально осмыслена, а являясь эмоциональным средством самозащиты своей личности, выражалась в виде демагогического лозунга: *«Нас выгнали в узкие двери из России, а мы войдем в нее через широкие ворота чудесной и всемирной славы красотой русского неумирающего духа»*³⁷.

Поверхностность суждений о русском народе была частично осознана Гребенщиковым в конце жизни, что говорит о напряженной, не прекращающейся с годами интеллектуальной работе писателя по осмыслению важных для переходного исторического периода проблем: *«Как сын своей среды, я иногда воображал, что кое-что знаю обо всем народе. Я думал, что именно среди простого народа, еще не порвавшего с деревней и землей, сохранилась некая житейская мудрость, то есть соединение духа и разума. В моей родной семье, и даже в целом нашем*

³⁵ Hollstein 2019.

³⁶ Гребенщиков 1922.

³⁷ Гребенщиков 2013, Т. 4: 415.

племени, это хранилось под видом древнего благочестия, почиталось законом мудрости. Однако я первый внес в эту среду ложный свет европейской цивилизации и тем самым разверз пропасть между собой и моим отцом и изверг себя из лоно веры и правды своих предков»³⁸.

Такое переосмысление стало результатом разочарования писателя в США, представлявшихся ему первоначально как оазис демократии. Продвижение православных традиций и ценностей не встретило поддержки со стороны американских чиновников от культуры, отказавшими в финансировании его русского проекта в США, разрушив и более фундаментальные надежды Г.Д. Гребенщикова на то, Америка «может повести народы к миру, творчеству и благоденствию»³⁹.

Выводы

Личные документы и автобиографии в настоящее время становятся все более важным инструментом познания коллективного, общественного, исторически важного⁴⁰. При этом до сих пор в исторической науке и в общественном сознании доминирует культура знаменитостей⁴¹. Наше исследование показало, с одной стороны, ценность интеллектуального наследия личности, включенной в исторические события, созерцающей их, но не обладающей возможностями влияния на ход истории. Такой опыт имеет историческое значение, так как, являясь частью общественного сознания, побуждает разных людей совершать или не совершать определенные действия, значимые как для их личной судьбы, так и для групп населения, объединенных общими социологическими свойствами. С другой стороны, были выявлены пределы осмысления исторической реальности малозаметным в историческом плане человеком, ограниченные его низкими социально-ролевыми, политическим и даже гражданским статусами. «Я оставался и хочу остаться честным объективным наблюдателем и лишь в художественных образах быть убедительным и неопровержимым», писал Гребенщиков в 1922 г.⁴² Однако это желание писателя в силу политических ограничений не всегда было возможно полностью реализовывать даже в беллетристике. Художественные произведения Г.Д. Гребенщикова, в части описания своей жизненной позиции сложны для восприятия читателя, поскольку перенасыщены символизмом, философскими и религиозными отступлениями.

Однако литературные и публицистические символы можно трактовать как опосредованный инструмент оценки исторической реальности. Так, в последние годы жизни Г.Д. Гребенщикова в его творчестве через символы прослеживается явное разочарование писателя в американской политической системе и признание нравственного авторитета советской России: «Антихристу там [в России] остается всё меньше и

³⁸ Росов 2021: 467.

³⁹ Там же: 335.

⁴⁰ Crothers 2015.

⁴¹ Collini 2006.

⁴² Гребенщиков 1922: 218.

меньше работы, нежели во всем остальном мире»⁴³. Продукты интеллектуального наследия американского периода уже определяют значение творчества писателя для осознания духовной роли России в ином культурно-историческом пространстве.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Азаров Ю.А. Две судьбы Георгия Гребенщикова // Сюжетология и сюжетография. 2020. 2. С. 302–315. DOI: 10.25205/2410-7883-2020-1-302-315 [Azarov YU.A. Dve sud'by Georgiya Grebenshchikova (Two destinies of Georgy Grebenshchikov) // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2020. 2. P. 302–315].
- Гребенщиков Г.Д. Автобиографические заметки 1922 г. // Возрождение (Париж). 1957. 70. С. 23–38. [Grebenshchikov G. D. Avtobiograficheskiye zametki 1922 g. (Autobiographical notes 1922) // Vozrozhdeniye (Parizh). 1957. 70. P. 23–38].
- Гребенщиков Г.Д. Дневник [Рукопись], 1921 г. // Immigration History Research Center Archives, University of Minnesota (Minneapolis, USA): George and Tatiana Grebenshchikoff Papers (GTGP). В. 5. F. 9. [Grebenshchikov G. Dnevnik [Rukopis'], 1921 g. (Grebenshchikov G. Diary [Manuscript], 1921) // Immigration History Research Center Archives, University of Minnesota (Minneapolis, USA): George and Tatiana Grebenshchikoff Papers (GTGP). В. 5. F. 9.].
- Гребенщиков Г.Д. Мостик через пропасть [Рукопись], 21 ноября 1920 г. // Частный архив В. А. Росова (Москва, РФ). 4 л. [Grebenshchikov G. Mostik cherez propast' [Rukopis'], 21 noyabrya 1920 g. (Bridge over the Chasm [Manuscript], November 21, 1920) // Chastnyy arkhiv V. A. Rosova (Moscow, RF). 4 l].
- Гребенщиков Г.Д. Гонец. Письма с Помперага. М.: МАСТЕР-БАНК, 1996. 215 с. [Grebenshchikov G.D. Gonets. Pis'ma s Pomperaga (Messenger. Letters from Pomperag). Moscow: MASTER-BANK, 1996. 215 p.].
- Гребенщиков Г.Д. Письмо И.С. Шмелеву 17.06.1923 // Дом русского зарубежья им. А. И. Солженицына (Москва, РФ); Фонд И.С. Шмелёва. 1–1 об. л. [Grebenshchikov G.D. Pis'mo I.S. Shmolevu 17.06.1923 (Letter from I.S. Shmelev 06/17/1923) // Dom russkogo zarubezh'ya im. A. I. Solzhenitsyna (Moscow, RF); Fond I.S. Shmelova. 1–1 ob. l].
- Гребенщиков Г.Д. Пляска во пламени. [Рукопись] (1950-е гг.) // Архив Г.Д. Гребенщикова. Государственный музей истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА), г. Барнаул. ОФ 56739/047. 27 л. [Grebenshchikov G.D. Plyaska vo plameni. [Rukopis'] (1950-ye gg.) (Dance in the flames. [Manuscript] (1950)) // Arkhiv G.D. Grebenshchikova. Gosudarstvennyy muzey istorii literatury, iskusstva i kul'tury Altaya (GMILIKA). G. Barnaul. OF 56739/047. 27 l].
- Гребенщиков Г.Д. Сerezha Есенин // Зарница (Нью-Йорк). 1926. 9. С. 12–14. [Grebenshchikov G.D. Serezha Yesenin (Seryozha Yesenin) // Zarnitsa (N'yu-York). 1926. 9. P. 12–14].
- Гребенщиков Г.Д. Чудное воспоминание // Г.Д. Гребенщиков. Былина о Микеле Буяновиче. М.: Ариаварта-Пресс, 2003. [Grebenshchikov G.D. Chudesnoye vospominaniye (Wonderful memory) // G.D. Grebenshchikov. Bylina o Mikule Buyanoviche. Moscow: Ariavarta-Press, 2003].
- Гребенщиков Г.Д. Русский жемчуг // Собр. соч. Т. 4. Барнаул, 2013. С. 412–415 [Grebenshchikov G. Russkiy zhemchug (Russian pearls) // Sobr. soch. T.4. Barnaul, 2013. P. 412–415].
- Гребенщиков Г.Д. Америка. Чураевка. Собр. соч. Т.5. Барнаул, 2013. С. 84. [Grebenshchikov G. D. Amerika. Churayevka (America. Churaevka). Sobr. soch. T.5. Barnaul, 2013.].
- И.А. Бунин и Г.Д. Гребенщикова. Переписка // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М., 2002. С. 220–276. [I.A. Bunin i G.D. Grebenshchikova. Perepiska (I.A. Bunin and G.D. Grebenshchikov. Correspondence) // S dvukh beregov. Russkaya literatura KHKH veka v Rossii i za rubezhom. Moscow, 2002. P. 220–276].
- Мухин О.Н. Перспективы изучения биографии исторической личности в свете применения полидисциплинарной методологии (на примере историко-психологического анализа личности Петра I): автореф. дис. д-ра ист. наук. М., 2014. [Mukhin O.N. Perspektivy izucheniya biografii istoricheskoy lichnosti v svete primeneniya polidistsiplinarnoy metodologii (na primere istoriko-psikhologicheskogo analiza lichnosti Petra I) (Prospect

⁴³ Росов 2021: 404.

- for studying the biography of a historical figure in the light of the application of multidisciplinary methodology (using the example of historical and psychological analysis of the personality of Peter I): avtoref. dis. d-ra ist. nauk. Moscow, 2014).
- Письмо великого князя Романова к Гребенщикovu (от <7> ноября 1929 года) // Архив Г.Д. Гребенщикова. Материал из фондов Государственного музея истории литературы, искусства и культуры Алтая (ГМИЛИКА), г. Барнаул. Машинопись (2 л.). Ед. хр. ОФ 546/2. [Pis'mo velikogo knyazyu Romanova k Grebenshchikovu (ot <7> noyabrya 1929 goda) (Letter from Grand Duke Romanov to Grebenshchikov (dated <7> November 1929))] // Arkhiv G.D. Grebenshchikova. Material iz fondov Gosudarstvennogo muzeya istorii literatury, iskusstva i kul'tury Altaya (GMILKA), g. Barnaul. Mashinopis' (2 l.). Yed. khr. OF 546/2].
- Росов В.А. Георгий Гребенщиков: сын Белухи. Барнаул: Новосибирск: Экселент, 2021. 544 с. [Rosov V.A. Georgiy Grebenshchikov: syn Belukhi (Georgy Grebenshchikov: son of Belukha). Barnaul: Novosibirsk: Ekselent, 2021. 544 p.].
- Санжаров В.А., Петрова И.Н. Историческая личность в восприятии современников: на примере анализа образов Людовика XI и Карла Смелого у Филиппа де Коммина // Журнал исторических, политологических и международных исследований. 2017. 60/1. С. 56-62. [Sanzharov V.A., Petrova I.N. Istoricheskaya lichnost' v vospriyatii sovremennikov: na primere analiza obrazov Lyudovika XI i Karla Smelogo u Filipa de Kommina (Historical personality in the perception of contemporaries: on the example of the analysis of the images of Louis XI and Charles the Bold by Philippe de Commines) // Zhurnal istoricheskikh, politologicheskikh i mezhdunarodnykh issledovaniy. 2017. 60/1. P. 56-62].
- Терехова Т.А., Трофимова Е.Л., Терехова Н.В. Образ современной российской интеллигенции: репрезентация самоидентификации // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. 10/1. С. 141–156. DOI: 10.17150/2308-6203.2021.10(1).141–156. [Terekhova T.A., Trofimova Ye.L., Terekhova N.V. Obraz sovremennoy rossiyskoy intelligentsii: reprezentatsiya samoidentifikatsii (The image of the modern Russian intelligentsia: representation of self-identification) // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. 2021. 10/1. P. 141–156].
- Шабунина А.К. Вызов трансдисциплинарности: предметная область «конфликт-компромисс» // Диалог со временем. 2023. Вып. 83. С. 17–29. [Shabunina A.K. Vyzov transdisciplinarnosti: predmetnaya oblast' «konflikt-kompromiss» (The challenge of transdisciplinarity: the subject area “conflict-compromise”) // Dialog so vremenem. 2023. Vyp. 83. P. 17–29].
- Barker R. On Stefan Collini: Absent Minds // Political Studies Association. 2008. Vol. 6, no.1. P. 14-22. DOI: 10.1111/j.1478-9299.2007.00141.x
- Caniato R. N., Sellers A. Every Writer has a Story to Tell, everyone is a Writer: Three Case Histories Utilizing Creative Writing in Therapy // Psychology and Psychotherapy: Research Studys. 2019. Vol. 2, no. 5. Pp. 1-3. October. DOI: 10.31031/PPRS.2019.02.000546
- Collini S. What is Intellectual History? // History Today. 1985. Vol. 35, no. 10. Pp. 46-54.
- Collini S. Absent Minds: Intellectuals in Britain. Oxford: Oxford University Press. 2006.
- Crothers C. Discipline-Building in the Social Sciences: Collective Memory, Biography and Autobiography // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. Elsevier, 2015. Pp. 491-497. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.03002-6
- Cuttica C. Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences (Second Edition). 2015. Pp. 255-261. DOI: 10.1016/B978-0-08-097086-8.62118-9
- Cuttica C. The Intellectual Historian as Critic: Reflections on the Work of Stefan Collini // Modern Intellectual History. 2019. Vol. 16. Is. 1. P. 251-280. DOI: 10.1017/S1479244317000014
- Hamilton H.M. Balance in writing a life: Some issues in biography // Collegian. 2020. Vol. 27, no 6. Pp. 585-588. DOI: 10.1016/j.colegn.2020.07.001
- Hollstein B. What autobiographical narratives tell us about the life course. Contributions of qualitative sequential analytical methods // Advances in Life Course Research. 2019. Vol. 41. September. 100248. DOI: 10.1016/j.alcr.2018.10.001
- Lv R., Qian J-L., Hao Q-Y. et al. The impact of current and historical reputation with non-uniform change on cooperation in spatial public goods game // Chaos, Solitons & Fractals. 2023. Vol. 175, no. 10. 113968. DOI: 10.1016/j.chaos.2023.113968
- Muthukrishna M., Henrich J., Slingerland E. Psychology as a historical science // Annual Review of Psychology. 2021. Vol. 72, no. 1. Pp. 717-749.

Oz-Salzberger F. Intellectual History // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. 2001, Pp. 7605-7612. DOI: 10.1016/B0-08-043076-7/02646-2

Thomas N. Exploring the boundaries of biography: the family and friendship networks of Lady Curzon, Vicereine of India 1898–1905 // Journal of Historical Geography. 2004. Vol. 30, no. 3. Pp. 496-519. DOI: 10.1016/S0305-7488(03)00047-1

Будякова Татьяна Петровна, кандидат психологических наук, доцент, профессор, кафедра психологии и психофизиологии, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, *budyakovaelez@mail.ru*

Полякова Татьяна Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, кафедра литературоведения и журналистики, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, *tpolyakova1@yandex.ru*

Intellectual Heritage G.D. Grebenshchikov in the Context of Civil Confrontation in Russia at the Beginning of the XX Century

Biography and intellectual heritage of G.D. Grebenshchikov are considered in the context of intellectual history research. The possibilities and limits of using this heritage in the interpretation of historical events of the period of civil confrontation in Russia at the beginning of the 20th century are shown, and their representativeness is also assessed. It is noted that the products of intellectual creativity of G.D. Grebenshchikov, being the result of active knowledge of the world and self-knowledge throughout his life, recording the growth of his personality, make it especially significant for scientific historical research. It is postulated that the value of the intellectual heritage of an inconspicuous personality is limited by the limits of the possibility of its self-expression. This is due to the low hierarchical status of such a person, his social and other dependence on many factors that have to be taken into account when expressing his social and personal position. The way of expressing one's social position and the historical assessment of what is happening in these conditions is not rational, but emotional and symbolic. This is clearly manifested in the intellectual heritage of G.D. Grebenshchikov.

Keywords: *historical figure, unnoticeable personality, autobiography, G.D. Grebenshchikov, intellectual heritage, intellectual history.*

Tatyana Budyakova, PhD in Psychology, associate professor, Professor of the Department of Psychology and Psychophysiology, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, *budyakovaelez@mail.ru*

Tatyana Polyakova, PhD in Philology, associate Professor, Associate Professor of the Department of Literary Studies and Journalism, Bunin Yelets State University, Yelets, Russian Federation, *tpolyakova1@yandex.ru*

ДВЕ РЕВОЛЮЦИИ В СУДЬБЕ РОССИЙСКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТА П.А. СОРОКИНА: СТРАТЕГИЯ ВЫЖИВАНИЯ

На основе источников личного происхождения и публицистики анализируется индивидуальная стратегия выживания российско-американского социолога, историка П.А. Сорокина в условиях крупных общественно-политических кризисов в России начала XX в. Предпринимается попытка определить характерные черты российской интеллигенции и на конкретном примере продемонстрировать их проявление в условиях «слома эпох». Показано, что уход от взаимодействия с властью и борьбы за власть является наиболее успешной стратегией выживания, избранной ученым.

Ключевые слова: П.А. Сорокин, Великая российская революция 1917 г., интеллигенция, интеллектуалы и власть.

Обращение к вопросам взаимодействия власти и интеллигенции в кризисные эпохи существования человечества неизбежно вызывает дискуссии как в научной среде, так и на бытовом уровне. Полагаем, актуальность этой проблемы связана со стремлением участников дискуссии понять механизмы взаимодействия власти и общества, а подчас и получить практическое руководство к действию в условиях социально-политического кризиса. В качестве последнего нередко выступают биографии крупных исторических деятелей, свидетелей и участников масштабных социальных конфликтов, обнажающих «переломы эпох». Не меньший интерес вызывает и индивидуальная стратегия выживания «маленького человека» в условиях революции, гражданской или мировой войны, а также его восприятие пережитых событий, преломленное сквозь призму времени и память. Опираясь на предложенный тезис, проанализируем действия российско-американского социолога Питирима Александровича Сорокина (1889–1968), некогда юного семинариста, застигнутого Первой российской революцией (1905–1907), а затем уже молодого ученого, попавшего в водоворот событий 1917 г.

Несмотря на знак равенства между понятиями «интеллектуал» и «интеллигент», поставленном в XXI в., Сорокина все же следует отнести именно к представителям российской интеллигенции. Причина такой классификации проста: в своей деятельности (интеллектуальной, научной, политической) Сорокин воплощал одну из характерных черт российской интеллигенции рубежа XIX–XX вв. – оппозицию власти. Здесь неизбежно встает вопрос не только о том, какие отношения в этом случае возникают между интеллигентом и властью, но ставится проблема интеллигент и народ. Часть отечественных интеллигентов считает, что интеллигенция зародилась в России в XVIII в. в период правления Петра Великого. В годы его царствования произошел раскол общества на интеллигенцию, представленную дворянским сословием (образованную часть общества, близкую к власти и нередко представляющую эту власть), и народ. Однако, если бы такое положение сохра-

нилось, вопрос «интеллигенция и власть» отпал бы сам собою, так как власть и была бы представлена интеллигенцией. Во второй половине XIX в. общество вновь раскололось. Интеллигенты в открытую начинают выступать с критикой власти, отделяя себя от этой власти. Эти процессы в конечном счете приводят к тому, что между властью и имущими и народной массой формируется социальная прослойка – интеллигенция. Не исключаем, что именно эти процессы находят отражение в характерных чертах российской интеллигенции, ее миссии – просвещение народа и критика царского режима, революционность, борьба с властью.

Сорокин, чей период образования пришелся на начало прошлого столетия, быстро воспринял эти идейные посылы, которые ярко проявились в его интеллектуальной деятельности уже в 1917 г. Здесь уместно привести слова А.А. Блока, написанные им после первого революционного пожара: «Я – интеллигент, литератор, и оружие мое – слово. Боясь слов, я их произношу. Боясь «словесности», боясь «литературщины», я жду, однако, ответов словесных; есть у всех нас тайная надежда, что не вечно пропасть между словами и делами, что есть слово, которое переходит в дело»¹. Сорокин, согласившись с тезисом о том, что основное оружие интеллигента слово, скорее всего бы возразил опасениям поэта в отношении существующей пропасти между словами и делами. Он не боялся слов и не испытывал страха, произнося то, что считал нужным, нередко подкрепляя свои слова действиями.

Биографы Сорокина рисуют его как человека деятельного, активно включившегося в дело построения нового мира после февральских событий в России. Многие представители интеллигенции приветствовали свержение монархии, конец царской тирании. Не был исключением и наш герой. Последующие же события обнаружили неоднородность самой интеллигенции, привели к ее внутреннему расколу. Не потому ли российская интеллигенция первых двух десятилетий прошлого века до сих пор является (несмотря на громадную исследовательскую работу, осуществляемую отечественными учеными) *сфинксом* нашей культуры? Как известно, у этого существа голова человека, а все остальное какого-либо животного. Эту метафору в рамках настоящей статьи авторы употребляют в том смысле, что голова нашего сфинкса – народная и великая часть российской интеллигенции, всегда своим лицом и проницательными глазами была обращена на трудовой народ и высоко ценила его как главного, основного создателя материальных и духовных ценностей, творца истории, «махового колеса» (В.О. Ключевский) российской государственности. Здесь надо пояснить: слова «народная интеллигенция» в данном контексте употребляются не только и не столько в смысле происхождения (выходцы из народа), а сколько в смысле ее патриотичности (патриотическая интеллигенция). Если у исследователя данного феномена русской/российской культуры хороший глазомер, то он безошибочно констатирует, что патриотическая интеллигенция во все

¹ Блок 1908.

времена нашей истории была вместе с народом, готовая положить жизнь свою за народ. Но ведь есть кроме патриотической интеллигенции и космополитическая интеллигенция. Такое разделение интеллигенции во всех странах мучительно происходит на крутых изломах истории. Не миновала эта судьба и российскую интеллигенцию после установления власти Советов 25–26 октября (7 ноября) 1917 г. Великие ученые патриоты И.П. Павлов, К.А. Тимирязев, П.Л. Капица, И.В. Мичурин, В.И. Вернадский, А.П. Карпинский и много других безоговорочно пошли служить народу. Великие писатели – М. Горький, В.В. Маяковский, К.А. Федин, К.И. Чуковский не отстали от ученых. Талантливейшие офицеры русской армии в будущем генералы, адмиралы и маршалы Советского Союза – Б.М. Шапошников, С.С. Каменев, А.А. Самойло, Д.М. Карбышев, А.А. Брусилов, всего более 70 тысяч офицеров приняли командование подразделениями Рабоче-крестьянской Красной Армии. Фамилии людей, составивших патриотическую интеллигенцию, можно еще долго перечислять. Но и того, что названо вполне достаточно.

Питирим Александрович Сорокин, социолог и политический деятель, выходец из низов коми народа. Казалось, что после 7 ноября 1917 г. он должен был во весь свой голос заявить: «Я был и остаюсь с народом!» и занять свое место в передовых рядах народной патриотической интеллигенции. Но этого не случилось. Почему же так произошло? Чтобы разгадать эту загадку, надо хотя бы пунктиром начертать извилистой чертой жизненную, научную и политическую стезю, которую он прошел от начала до конца. Ну что ж, попытаемся сие сделать.

Питирим Сорокин был средним ребенком в семье. Рано потерял мать. В возрасте десяти лет покинул отчий дом вместе со старшим братом и, как следствие, обрел самостоятельность на заре своей жизни. Странствия по деревням и селам Яренского уезда Вологодской губернии, тяжелый физический труд, но вместе с тем бескрайние просторы тайги сформировали у Сорокина некоторые черты характера: жажду знаний о мире и свободолюбие. Не углубляясь в детали жизни и деятельности ученого (заметим, что широкой общественности доступны пять биографических исследований о нём)², сосредоточим внимание на действиях Сорокина в условиях двух пережитых им революций.

О юности Сорокина известно немного. Преимущественно сведения о Сорокине-семинаристе мы получаем из автобиографического романа, написанного социологом в конце жизни. Его воспоминания о молодости романтизированы. Сорокин отмечает, что в 1905 г. его привлекли эсеровские идеи многофакторности истории, идеи борьбы за индивидуальность, равенство, свободу. «Став ревностным социал-революционером, я принялся распространять революционные идеи среди студентов, рабочих и крестьян близлежащих деревень», – пишет Сорокин³. Речь идет о

² Голосенко 1991; Василенко 2005; Федакина 2007; Дойков 2008. Т. 1; Дойков 2009. Т. 2; Зюзев 2019.

³ Сорокин 1991: 37.

населенных пунктах Костромской губернии, и главным образом с. Хреново Кинешемского района, где в период с 1904 по 1906 г. проживал еще совсем юный Сорокин. В условиях социального катаклизма 15-летний юноша, захваченный идеей свержения самодержавия, примкнул к революционному движению. Также поступили и некоторые из его товарищей по церковно-приходскому училищу. Возможно, не осознавая опасности революционной борьбы, подверженный эмоциональному воздействию со стороны руководителей кружка, в который он вступил вскоре после прибытия в училище, Сорокин включается в агитационную деятельность. Описывая этот период жизни в «Дальней дороге», ученый стремился подчеркнуть знаковость своей фигуры в набирающем обороты революционном движении 1905–1907 гг. На наш взгляд ситуация выглядела более прозаично. С.Ф. Аманов отмечает, ссылаясь на «Костромской листок» от 30 декабря 1905 г.: «Часто, молодым людям доставалось от обывателей за крамольные взгляды»⁴. Обыватели с недоверием относились к юным пропагандистам. Кроме того, выбранный Сорокиным путь революционера, вскоре был прерван его арестом за антиправительственную деятельность. Стратегия противостояния власти для Сорокина-семинариста, как и для многих его друзей, успехом не увенчалась. К моменту подавления Первой русской революции Сорокин твердо определил для себя новый жизненный ориентир – получение высшего образования. Второй революционный виток, завершивший эпоху самодержавного правления в России, Сорокин встретил, уже будучи молодым ученым, признанным петроградской профессурой.

Период 1917–1922 гг. стал определяющим в жизни многих деятелей российской интеллигенции. Февральскую революцию Сорокин встретил в возрасте двадцати восьми лет. К этому времени он стал приват-доцентом Петроградского университета и уже имел некоторый педагогический опыт. Как эсер, он приветствовал свержение самодержавия в феврале – марте 1917 г., однако его дневниковые записи свидетельствуют о внутреннем беспокойстве, о поисках ответов на вопросы с многими неизвестными, например, о дальнейшей судьбе страны и своей собственной. В первые дни революции социолог с надеждой записал в дневнике: «Да здравствует бескровная революция!»⁵.

С февраля по октябрь 1917 года Сорокин без колебаний поддерживал Временное правительство. Он, как ранее упоминалось, занял активную политическую позицию. «Уроки истории показывают, что политика – сфера человеческих отношений, где реализуется стремление к власти. И хотя те, кто его реализует, верят, что именно их власть преследует благо, не может не вызвать подозрения эта уверенность любой политической стороны в том, что использование своей силы преследует благо, а использование силы противником – зло»⁶, справедливо заметил

⁴ Аманов 2014.

⁵ Сорокин 2015: 55.

⁶ Боббио 2011: 182.

Н. Биббио на конференции в Милане в 1977 г. В газетных заметках Сорокина данное положение четко прослеживается. Поэтому остановимся на его публицистической деятельности подробнее.

Сегодня является уже твердо установленным фактом участие Сорокина в организации издания эсеровских газет «Дело народа» и «Воля народа». Если в первой газете он проработал непродолжительное время, лишь с 15 марта по 22 апреля, опубликовав на ее страницах 11 статей, то газета «Воля народа» обнажила публицистический талант Сорокина. «Воля народа» – ежедневная литературно-политическая газета. Выходила в Петрограде с 22 апреля по 31 декабря 1917 г. Вплоть до февраля 1918 г. с перебоями вышло еще несколько номеров газеты под измененными названиями: «Воля страны» (5 января – 19 февраля 1918 г.), «Воля земли» (21 февраля 1918 г.). В общей сложности с апреля по декабрь было издано 206 номеров. Установлено, что авторству Сорокина, включая псевдонимы, принадлежит 133 статьи⁷. Краткие сведения об издании позволяют подчеркнуть не только то, что Сорокин являлся сотрудником «Воли народа», но и в целом его востребованность как автора.

Публицистика 1917 года отражает политические предпочтения и устремления Сорокина. Анализируя содержание «заметок социолога» (как сам Сорокин называл значительную часть своих статей), можно проследить смену его настроений, мыслей относительно происходящего в столице и стране. Одной из ведущих тем газетных статей Сорокина является отношение к власти и как к социальному институту, и как к праву, которым наделяются определенные группы людей. Ярким примером подобных размышлений является статья «Сущность и авторитет власти», где ученый задается вопросами о содержании понятия власти, ее сущности и, главное, предпосылках и условиях успеха власти. Сорокину чужды философские размышления на эти вопросы. Он вполне конкретен и излагает свое видение власти, исходя из накопленного на момент написания статьи багажа знаний об этом политическом феномене. Будучи юристом по образованию и социологом по призванию, Сорокин формулирует очень простое понятие власти: «...Власть – это не что иное, как приписывание определенным лицам – носителям власти – прав приказывать и повелевать, а себе – обязанности подчиняться <...> секрет власти – в психике человека»⁸. И вот болезненный вопрос для Сорокина-интеллекта – какую власть признать законной в ситуации политического кризиса в стране? Ученый замечает, что в предшествующие времена этой дилеммы не возникало, так как власть имела божественный характер. Теперь же для всех очевидно, что «авторитет на основах религии больше невозможен», поэтому базироваться власть может «только на внутреннем, моральном весе самих носителей власти и их действий». Таким моральным весом, по мнению Сорокина, обладало Временное коалиционное правительство. Забегая вперед, скажем,

⁷ Сегодня они доступны широкому кругу читателей: Сорокин 2000; Сорокин 2016.

⁸ Сорокин 2000: 32.

проблема власти и морали, лишь мелькнувшая в этой газетной статейке, впоследствии разовьется у Сорокина в фундаментальное научное исследование итогом которого станет объемная монография «Власть и нравственность. Кто должен сторожить стражей?» (СПб, 1959).

По мере того, как Временное правительство затягивало решение острейших социально-экономических проблем доверие народа к нему иссякало. Сентябрьские заметки Сорокина разительнее отличаются от апрельских и даже июльских. Они пронизаны тревогой, если не паническими настроениями. В одной из них социолог, провозглашая гибель русской нации, восклицает: «Я больше не хочу и не могу быть политиком»⁹. Ощущение беспомощности, невозможности влиять на народные массы, разочарование в действующей власти отражаются в его сентябрьских статьях. Идея просвещения «темного» русского народа остается нереализованной для Сорокина-интеллигента, как и вопросы отношения к власти и с властью, сохраняют свою остроту.

В октябре 1917 г. перед ним возникает новая дилемма – поддержать советскую власть или противостоять ей? Эмоциональность политической публицистики того времени, принадлежавшей перу Сорокина, позволяет констатировать, что в его стратегии взаимодействия с властью держащими преобладает импульсивность, на первых парах отсутствует продуманность действий и забота о последствиях. «Совершено великое преступление», «Тартюфы революции», «Недоноски большевизма», «Лжецы продолжают лгать» и прочие броские заголовки статей Сорокина в «Воле народа», как и не менее обличительное содержание этих статей свидетельствует о выборе открытой борьбы как стратегии выживания. Более того, ученый смело выступает не только на страницах газет и журналов, он активный участник антибольшевистских демонстраций и митингов в Петрограде. В 1918 г. Сорокин осуществил поездку на малую родину, где выступал с лекциями о «текущем моменте». В числе прочего он призывал бороться с советской властью с помощью сил Антанты, чем вызвал негодование среди слушателей¹⁰.

Однако сопротивление советской власти приводит к очередному аресту. Сорокин вновь, как и в 1906 г., ищет опору в науке и образовании, открыто отказавшись от политической деятельности в октябре 1918 г. Стратегия открытой борьбы с властью оказалась для ученого проигрышной. После освобождения и восстановления в статусе преподавателя Петроградского университета он предпринимает попытки сотрудничать или по крайней мере сосуществовать с советской властью.

Что дает основания сделать подобное заключение? Во-первых, ряд мер, принятых Сорокиным накануне визита в Великоустюгскую ЧК, к которым отнесем публикацию письма о выходе из партии эсеров и завершении политической карьеры на страницах печатного органа Северодвинского Исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских

⁹ Там же: 136.

¹⁰ Лекция по «текущему моменту» Питирима Сорокина 1918: 3.

и красноармейских депутатов¹¹ за день до ареста, письмо в Северодвинское бюро партии коммунистов схожего содержания, затем письмо к В.И. Ленину со словами благодарности за освобождение и восстановление в статусе преподавателя Петроградского университета¹², письмо в Научное общество марксистов с просьбой рассмотреть его кандидатуру в качестве члена общества¹³. Во-вторых, факт добровольной сдачи властям 30 октября 1918 г., свидетельствующий о переоценке стратегии борьбы как несостоятельного способа выживания в условиях глубокого общественно-политического кризиса. Однако, в отличие от ряда своих соотечественников, выбравших путь сотрудничества с большевиками, сделавших выбор жить и работать в Советской России, приспособившись к новым условиям, Сорокин этого плана в полной мере не придерживался, хотя открыто о нем заявил. И после 1918 г. он оставался противником советской власти, что способствовало зарождению у него мыслей об эмиграции¹⁴, которую он реализовал спустя пять лет.

Для сравнения: его ближайший друг и соратник, известный экономист Н.Д. Кондратьев (1892–1938) изначально разделявший с Сорокиным идеи борьбы, противостояния, стремления к построениям демократического общества в России, связывая свои цели и мечты с Временным правительством, в конечном счете признал советскую власть. Об этом свидетельствуют следующие строки: «Начиная с 1919 г. я признал, что должен принять Октябрьскую революцию, потому что анализ фактов действительности и соотношение сил показали, что первое представление, которое я получил в 1917–1918 гг., было неправильно, и ясно, я вошел в органическую связь с советской властью»¹⁵.

В период жизни в советской России Сорокин как представитель интеллигенции, несмотря на утрату желания пострадать за народ все-таки осознавал обязанность «помешать монополии на силу превратиться в монополию на истину»¹⁶, но, в конечном счете, выбрал тактику отстранения от власти и в политическом, и в научном плане.

Оказавшись за рубежом, Сорокин претерпел внутреннюю трансформацию, испытал глобальный духовный кризис, связанный с переосмыслением событий 1917–1922 гг. и своей роли в них. В дальнейшем органически войдя в западную систему, он утрачивает черты русского интеллигента и становится западным интеллектуалом. «Для нас теоретик-интеллектуал перестал быть субъектом, представителем чьей-то совести или олицетворением чьего-либо сознания. Ибо те, кто действует и борется, перестали быть представляемыми кем-либо, будь то партией или профсоюзом, которые в свою очередь, присваивали бы себе право

¹¹ Письмо П. А. Сорокина в редакцию Крестьянские и Рабочие Думы 1918.

¹² Григорьев 2015: 32–37.

¹³ Зверев, Соболев 1989: 124–128.

¹⁴ Долгова 2016: 254–258.

¹⁵ Кондратьев 1989: 6–20.

¹⁶ Боббио 2011: 182.

быть их сознанием»¹⁷, – произнес Ж. Делёз в интервью с М. Фуко. Так и Сорокин, окончательно разочаровавшись в идейных установках российской интеллигенции конца XIX – начала XX века, увидев их несостоятельность на практике, и так и не признав, в отличие от большей части российской интеллигенции, эмигрировавшей из России, вины за разжигание пожара революции, сосредотачивается на разработке теоретических вопросов в области социологической науки.

Выбор Сорокина в пользу дистанцирования от разросшегося социально-политического конфликта в России, последующее обоснование выбранного пути, переоценка революционной стратегии как возможности достижения общественных благ в конечном итоге позволили ученому обратиться к разработке теории альтруизма. Все это представляет собой оптимистичную модель выживания, в то время как многие его соотечественники, в полной мере избравшие путь сотрудничества и повиновения, так и не реализовав свой интеллектуальный потенциал, погибли в период политических репрессий в СССР. По емкому выражению Н.А. Бердяева: «Русская революция стала концом русской интеллигенции»¹⁸. Таким образом, предпринятая Сорокиным тактика ухода от конфликта показала свою жизнеспособность в условиях «слома эпох».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аманов С.Ф. Между молотом и наковальней. Первая русская революция и рост социального напряжения в г. Кострома. URL: <https://ist-konkurs.ru/raboty/2013/834-2014-02-11-13-10-41> [Amanov S.F. Mezhdru molotom i nakoval'nej. Pervaja russkaja revoljucija i rost social'nogo naprjzhenija v g. Kostroma (Between a rock and a hard place. The first Russian revolution and the growth of social tension in Kostroma)].
- Бердяев Н.А. Самопознание. Режим доступа: <https://librebook.me/samopoznanie/vol1/10>. Дата обращения: 01.06.2023 [Berdjaev N.A. Samopoznanie (Self-knowledge)].
- Блок А.А. Народ и интеллигенция. [Blok A. A. Narod i intelligencija (People and intelligent-sia)] URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/3260655/60177850/&art=3260655&user=217047521&uilang=ru&catalog2&track_reading.
- Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Социология власти. 2011. 7. С. 175–186 [Bobbio N. Intellectually i vlast' (Intellectuals and power) // Sociologija vlasti. 2011. 7. P. 175–186].
- Василенко В.В. П.А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии. Ставрополь: изд-во СГУ, 2005 [Vasilenko V.V. P.A. Sorokin. Opyt intellektual'noj biografii (Pitirim A. Sorokin. Experience of intellectual biography). Stavropol': izd-vo SGU, 2005].
- Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1991 [Golosenko I.A. Pitirim Sorokin: sud'ba i trudy (Pitirim Sorokin: fate and works). Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatel'stvo, 1991].
- Григорьев Е. Письма товарищу Ленину // Историк. 2015. 4. С. 32–37 [Grigor'ev E. Pis'ma tovarishhu Leninu (Letters to comrade Lenin) // Istorik. 2015. 4. P. 32–37].
- Дойков Ю.В. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография в 2-х томах. Т.1. 1899–1922. Архангельск, 2008; Т.2. 1923–1968. Архангельск, 2009 [Dojkov Ju.V. Pitirim Sorokin. Chelovek vne sezona. Biografija v 2-h tt. (Pitirim Sorokin. A man out of time. Biography in 2 vols) V. 1. 1899–1922. Arhangel'sk, 2008; V. 2. 1923–1968. Arhangel'sk, 2009].
- Долгова Е.А. «Начинаю ходатайство о выезде за рубеж...»: о планах П.А. Сорокина в 1922 г. // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы / отв. ред. П.А. Трибунский. М.: ИРИ РАН. 2016. С. 254–258 [Dolgova E.A. «Nachinaju hodatajstvo o vyezde za rubezh...»: o planah P. A. Sorokina v 1922 g. ("I am starting a petition to go abroad...": about the plans of P. A. Sorokin in 1922) // Rossijskoe nauchnoe zarubezh'e: ljudi, trudy, institucii, arhivy: sb. nauchnyh tr. / отв. ed. P.A. Tribunskij. M.: Inst. ross. ist. RAN. 2016. P. 254–258].

¹⁷ Фуко 2002: 67.

¹⁸ Бердяев 1990.

- Зверев В.М., Соболев В.С. Автографы Питирима Сорокина // Социологические исследования. 1989. 2. С. 124–128 [Zverev V.M., Sobolev V.S. Avtografy Pitirima Sorokina (Autographs of Pitirim Sorokin) // Sociologicheskie issledovaniya. 1989. 2. P. 124–128].
- Зюзев Н.Ф. Питирим Александрович Сорокин: учение и жизнь. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорокина, 2019 [Zjuzev N.F. Pitirim Aleksandrovich Sorokin: uchenie i zhizn' (Pitirim Aleksandrovich Sorokin: doctrine and life). Syktyvkar: SGU im. Pitirima Sorokina, 2019].
- Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики / [Редкол.: Л. И. Абалкин (отв. ред.) и др.; Ин-т экономики АН СССР, Отд-ние экономики АН СССР]. М.: Экономика, 1989 [Kondrat'ev N. D. Problemy jekonomicheskoy dinamiki (Problems of economic dynamics) / [Redkol.: L. I. Abalkin (otv. red.) i dr.; In-t jekonomiki AN SSSR, Otd-nie jekonomiki AN SSSR]. Moscow: Jekonomika, 1989].
- Лекция по «текущему моменту» Питирима Сорокина // Известия Яренского Уездного Совета Крестьянских Депутатов. 1918. 11. С. 3 [Lekcija po «tekushhemu momentu» Pitirima Sorokina (Lecture on the “current moment” by Pitirim Sorokin) // Izvestija Jarenskogo Uezdnogo Soveta Krest'janskijh Deputatov. 1918. 11. P. 3].
- Письмо П. А. Сорокина в редакцию // Крестьянские и Рабочие Думы. 1918. 75. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=137622&p=1>. [Pis'mo P. A. Sorokina v redakciju (Letter from P. Sorokin to the editor) // Krest'janskije i Rabochie Dumi. 1918. 75].
- Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман: пер. с англ. Сыктывкар.: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991 [Sorokin P.A. Dolgij put'. Avtobiograficheskij roman: per. s angl. (A Long Journey; the Autobiography of Pitirim A. Sorokin). Syktyvkar: SZh Komi SSR, MP «Shypas», 1991].
- Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000 [Sorokin P.A. Zametki sociologa. Sociologicheskaja publicistika (Notes from a sociologist. Sociological journalism). Saint Petersburg: Aletejja, 2000].
- Сорокин П.А. Листки из русского дневника. Социология революции / Сост., подг. текста, вступ. ст. и коммент. В.В. Сапова. Сыктывкар: Анбур, 2015 [Sorokin P.A. Listki iz russkogo dnevnika. Sociologija revoljucii (Leaves from a Russian Diary. The sociology of revolution) / Sost., podg. teksta, vstup. st. i komment. V.V. Sapova. Syktyvkar: Anbur, 2015].
- Сорокин П.А. Неизвестные газетные статьи 1917 г. / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.С. Русанова. М.: Изд-во «Перо», 2016 [Sorokin P.A. Neizvestnye gazetnye stat'i 1917 g. (Unknown newspaper articles from 1917) / Podgotovka teksta, avt. vstup. st. i komment. V.S. Rusanova. Moscow: Izdatel'stvo «Pero», 2016].
- Федякина Е.В. Питирим Александрович Сорокин: общественная и научная деятельность. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2007 [Fedjakina E.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin: obshhestvennaja i nauchnaja dejatel'nost' (Pitirim Aleksandrovich Sorokin: social and scientific activities). Samara: Izd-vo «Samarskij universitet», 2007].
- Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С.Ч. Офертаса под общ. ред. В. П. Визгина и Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2002 [Fuko M. Intellektualy i vlast' (Intellectuals and power): Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju / Per. s franc. S.Ch. Ofertasa pod obshh. red. V. P. Vizgina i B.M. Skuratova. M.: Praksis, 2002].

Русанова Вера Сергеевна, кандидат исторических наук, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина; vera.petrashun@yandex.ru

Two Revolutions in the Destiny of the Russian Intellectual P.A. Sorokina: Individual Survival Strategy

This article analyzes the individual survival strategy of the Russian-American sociologist and historian P. A. Sorokin in the conditions of major socio-political crises in Russia at the beginning of the 20th century, based on sources of personal origin and journalism. The authors try to identify the characteristic features of the Russian intelligentsia. A specific example will demonstrate the existence of the intelligentsia in the conditions of the "break of eras". The authors come to the conclusion that avoiding interaction with the authorities, from the struggle for power is the most successful survival strategy chosen by the scientist.

Key words: P.A. Sorokin, The Great Russian Revolution of 1917, intelligentsia, intellectuals and power.

Vera S. Rusanova, candidate of Historical Sciences, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; vera.petrashun@yandex.ru

АЛЬФРЕД ЛЕПЕШКА И ДРУГИЕ ГЕРОИ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИИ О ЗНАМЕНИТОЙ ПАРОДИИ НА ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК (ЧАСТЬ 2)

В 1930 г. в Лондоне была опубликована написанная У. Селларом и Р. Йетменом книга «1066 и все такое» – сатира на современный школьный учебник истории, остающаяся одним из самых известных произведений английской сатиры XX века. Содержание этого произведения рассматривается в статье. Цель исследования заключается в выявлении способов достижения комического эффекта. Обращается внимание на то, что объектом иронии для авторов было намерение научить викторианской морали. Для этого использовалась антитеза хороших/плохих королей: отрицательным примером был Карл II, и напротив, Альфред Великий был примером хорошего короля, хотя почти все, что о нем было известно из школьных учебников, носило легендарный характер. Сатира помогает понять, что власть обычно принадлежит не выдающимся личностям, а весьма ординарным и даже никчемным персонам. Другой объект для сатирической критики – ложное понимание героизма. Якобы древние бритты положили начало традиции героизма. Такой подход объясняется восприятием Первой мировой войны и войн в целом, характерным для "потерянного поколения". Сатира Селлара и Йетмана показывает: традиционный урок истории был полон мифов и домыслов. Эта книга подрывает представление о единственно верной версии национальной истории, отраженной в английских школьных учебниках по истории.

Ключевые слова: «1066 и все такое», Британия и ее роль в мире, короли и королевы, сатира, английский юмор, школьный учебник истории.

Рассмотрев предпосылки (кризис британского самосознания после первой мировой войны и новое понимание роли учебника истории для сохранения мира) и условия (юмор как черта английского национально-го характера) создания сатиры «1066 и все такое» У. Селларом и Р. Йетменом, обратимся к ее содержанию. Понятно, пересказ шуток дело неблагодарное, он не может заменить непосредственного знакомства, да и невозможно коснуться всех эпизодов британской истории, затронутых авторами пародии, поэтому ограничимся выборочными примерами из разных эпох. Цель не в том, чтобы вместе посмеяться над шутками, а в том, чтобы обратить внимание на способы конструирования комичного в тексте, имеющем отношение к истории. Все начиналось с римлян: «Первая дата в английской истории – 55 г. до н.ей эры, когда Юлий Цезарь (*памятный* римский император) высадился, как и другие успешные завоеватели этих островов, в Танете. Тогда римляне были *топ-нацией* благодаря их классическому образованию¹. Цезарь двинулся энергично, но древние британцы, хотя были все много старше призывного возраста, окрасились в синий цвет и, нарисовав древесину, героически сражались под руководством лихой королевы Боудикки»², как «они делали позднее

¹ Здесь усматривается намек на то, что и в первой половине XX в. основой подготовки элиты оставалась классика, то есть латынь и чтение римских авторов.

² Игра слов: wood (дерево) и Woadicea (так в тексте, жена вождя британского племени иценов). Хронология событий смещена, как это бывает часто после изучения школьного курса истории.

в узких красных шеренгах при хорошей королеве Виктории». Выходит, что с древности жители острова были воинами-героями. Цезарь был вынужден перенести завоевание Британии на следующий год (54, а не 56, вследствие римской манеры считать, посмеивались авторы) и сокрушил британцев благодаря таким нечестным средствам, как тараны, черепахи, гипокаусты, сороконожки, вязанки, благодаря памятной латинской фразе *Veni, Vidi, Vici*, которую римляне, поскольку были хорошо образованы, правильно истолковали. Однако британцы произносили слова неправильно, и, конечно, подумали, что он назвал их *Weeny, Weedy, Weaky* (крохотными, заросшими сорняками, слабыми – А.С.), потому испугались и сдались, полагая, что всех их уже разделали на три части»³. Этот отрывок сопровождался изображением двух древних британцев, один из которых красил другому тело. Рисунок имел ироничный заголовок «Начало британского героизма». «Уход римских легионов с целью быть запечатленным в “Упадке и падении Римской империи” Гиббона (в связи с требованиями римлянами пышных развлечений, хлеба и зрелищ), оставил Британию беззащитной, и привел Европу к серии волн, из которых, в общем, и состоит история», – иронизировали авторы⁴. Словом “волны” обозначались все последующие завоевания. Нашествия “волн”, которыми можно объяснить все, что угодно, своего рода пародия на идею закономерности исторического процесса.

«Памятный» папа Григорий однажды на рынке рабов заметил светловолосых детей и спросил, кто они. Получив ответ, что это Ангелы (англы), он произнес «памятную» шутку: «Не Ангелы, а англикане», и скомандовал своим святым, называемым Св. Августин, отправиться и приобрести к вере остальных». Это событие иллюстрировала картинка «Волна святых»; четверо святых шагают, видимо, в Англию, у каждого из них нимб над головой.

Dawn of British barroom

Wave of Sts

Следующей накатившей на страну “волной” была волна яичных королев: Eggberd, Eggbreath, Eggfroth и т.д. Они ничем «не памятные», кроме того, что трудно забыть такие имена, как Eggbirth (Яйце-рожденный),

³ Намек на то, что британскую нацию составили англичане, шотландцы и ирландцы.

⁴ Sellar, Yeatman: 12

Eggbred (Яйце-вращенный), Eggbeard (Яйце-бородый), Eggfish (Яйце-рыбный). Невозможно даже запомнить, каким видом Eggdeath (Яйце-смерти) они погибли⁵.

Особое место во всех учебниках для начальной школы занимал король Альфред Великий (871–899), первым удостоившийся этого прозвища. В «Истории нашего острова» Г. Маршалл описала, как он скрывался от датчан в болотах Сомерсета: «Это было самое трудное время в жизни Альфреда. Он был король, но без короны и мантии, без дворца и слуг. Он был настолько беден, что вынужден поселиться в хижине пастуха по имени Деневульф. Его одежда была такой старой и изношенной, что жена пастуха считала его приятелем мужа, и относилась к нему, как к простому человеку, а не великому королю. Однажды она жарила лепешки и должна была многое сделать. В это время Альфред сидел у огня. Он чинил лук и стрелы и выронил их, раздумывая о своей стране и народе, как освободить их от датчан, и забыл обо всем другом». Женщина попросила Альфреда следить за лепешками и вовремя перевернуть их. Думая, как сокрушить датчан и сжечь их корабли, Альфред отвлекся, и лепешки сгорели. Женщина пришла в ярость, но муж объяснил, что перед ней король. Подумав, она сказала: «Король или не король, но он должен был следить за лепешками». Альфред не рассердился, и когда вернул королевство, приблизил пастуха ко двору, а его жена стала знатной дамой⁶. Селлар и Йетман спародировали этот рассказ: «Датское завоевание было *хорошим делом*, поскольку, превратив на время датчан в топ-нацию, стало причиной появления Альфреда Лепешки (датчане были, в конце концов, окончательно разгромлены Нельсоном)⁷. Альфред Лепешка стал первым хорошим королем, не считая хорошего короля Вацлава, который, «хотя и выглядит четвертым, стал первым (кстати, неизвестно, королем какой страны был Вацлав)»⁸.

Не следует путать, «поучали» авторы, Альфреда с Артуром, не менее памятным, но, возможно, никогда не существовавшим, поэтому менее значимым исторически (если только он действительно не существовал). Есть рассказ, что однажды король Артур сжег несколько лепешек, принадлежавших миссис Гирт (Girth), знатной даме того времени в местечке, называемом Этелинг (Atheling)⁹. Поскольку Альфред «не был

⁵ Sellar, Yeatman 1997: 14-15. Эта словесная игра напоминает Свифта, изобретателя многих слов (правда, только одно из них, лилипут, вошло в язык).

⁶ An Island History 1920.

⁷ Пример абсурда, чепухи, считающейся одним из «правил» английского юмора. В 1807 г. английский флот подверг бомбардировке Копенгаген.

⁸ Имеется в виду герцог Богемии Вацлав Хороший (X в.). Он был убит в результате заговора, организованного его братом Болеславом Злым, и стал почитаемым, особенно в Чехии и Англии, католическим святым. Считается покровителем Чехии.

⁹ Sellar, Yeatman 1997: 17-18. Этелинг – титул, который в англосаксонский период могли носить члены королевской семьи, обладавшие правом наследовать престол. Считают, что от этого термина происходило название острова Ателни в Сомерсете, где действительно укрывался Альфред. Гирт – вероятно, имеется в виду Гирт Год-

королем-поджигателем, а был хорошим королем, мы можем опустить эту историю как абсурдную, да и дело происходило в болотах, где лепешки не могли гореть толком». Рассказ об Альфреде-Лепешке стал предметом обсуждения на рубеже прошлого и нынешнего века, когда история стала частью обязательной программы в начальной школе: «Есть нюанс в том, чему обучать младших школьников в отношении главных фигур национальной истории. Следует ли описывать Альфреда как монарха, который сжег лепешки, независимо от того, было это или нет, потому что это “часть английского наследия”, или надо сосредоточиться на правде и убедиться, что дети понимают, что он великий король, потому что создал флот и законы Англии?»¹⁰

Крупнейший специалист по англо-саксонскому периоду в истории Британии сэр Фрэнк Стентон сообщал о положении после вторжения датчан в 877 г.: «Сам Альфред был вынужден укрыться в труднодоступных частях Уэссекса к западу от Селвуда. Рассказы о его приключениях в то время были записаны в XII в., и представляют собой романтическое приукрашивание реальных несчастий... Когда Альфред отступил на остров Ателни, была велика вероятность, что датчане до конца года поделят Уэссекс. Страна избежала такой судьбы благодаря Альфреду»¹¹. Намеренное смещение реального лица (короля Альфреда) и легендарного Артура, возможно, жившего в начале VI в., имена которых начинаются с одной буквы, подчеркивает ограниченность представлений об истории отдаленного времени. Всем известен англосаксонский эпос «Беовульф», Селлар и Йетман предложили датский эпос «Беолопард», с отрывком из которого познакомили вымышленных учеников¹².

Тем не менее, внимание к персоне Альфреда оправдано. Как писал известный историк Саймон Шама, с задачей объединения англосакских королевств во имя спасения от катастрофы завоевания мог справиться только выдающийся правитель, обладавший «исключительными» способностями. Альфред «подходил для этого. Тюдоры видели в нем настолько воодушевляющую фигуру, что прикрепили к нему, единственному из своих предшественников, почетную приставку «Великий» по прямой аналогии с Карлом Великим. При всей мифологии, окружающей его имя, нельзя сказать, что они были неправы». Самый трудный период его биографии лежит в «сердце альфредовской легенды». Изгнанник в болотах Ателни, он превратил их в естественную крепость. Война, которую он вел, была прототипом герильи. Он жил в нужде за счет того, что удавалось захватить во время рейдов и благодаря гостеприимству крестьян, «в том числе жены свинопаса, которая доставила ему неприят-

винсон, представитель англосаксонской знати, боровшийся против норманнов и погибший в битве при Гастингсе. Ни имя, ни название не имели отношения к Артуру, намек на существование которого историки находили у Гильды Премудрого.

¹⁰ Cannadine, Keating, Sheldon 2011: 203-204.

¹¹ Stenton 1971: 255

¹² Sellar, Yeatman 1997: 16-17.

ный момент за то, что он сжег лепешки. Эти истории тогда и позднее приобрели тон жития, по меньшей мере, апокрифа»¹³.

Прозвище Этельреда Неразумного давало огромный простор фантазии¹⁴. Г. Маршалл писала: «Он был глупым и медлительным, его называли неразумным. Он жил через сто лет после Альфреда. В его правление все шло из рук вон плохо. Датчане быстро поняли, какой он глупый человек, и стали прибывать в большом числе. У Этельреда не было характера, чтобы стать хорошим лидером. Он никогда не знал, чего он хочет, солдаты потеряли дух, а офицеры ссорились между собой. Он строил корабли, но их разбросал шторм. Лондон по случайности сгорел дотла. Везде была нищета и несчастья». Он дал датчанам деньги, но они вернулись, и это повторялось снова и снова, только они требовали больше и больше, «потому что были жадными, и видели, что от глупого короля деньги получать легко». Тогда «жестокый и слабый» Этельред придумал учинить массовое убийство, были перебиты все датчане, поселившиеся в Англии. Гунхильда, сестра датского короля, вышедшая замуж за англа, перед гибелью вместе с их сыном, сказала: «Моя смерть принесет Англии великие несчастья». Так и вышло. Датчане, высадившись, огнем испепелили остров, а Этельред бежал во Францию¹⁵.

В версии «1066 и все такое» правление Этельреда Неразумного описано так: «Он был первым “слабым королем” Англии, и никак не мог уразуметь местоположение датчан. Вместо того, чтобы дожидаться его, они обычно забирали штраф, называемый “датские деньги”, чтобы их нельзя было уразуметь. Хотя они были разумными, память у них была плохая, они сразу забывали, что получили деньги, и, едва уплыв, приплывали снова. К этому времени Этельред снова не разумел, где они. Наконец, смерть застала его полностью не разумеющим о ее приходе»¹⁶. Видно, что представление об этом короле (если абстрагироваться от комической чепухи) близко к мнению историка: «Многие предъявленные историками обвинения Этельреду объясняются тем, как он стал королем. На протяжении всего царствования он вел себя как неуверенный человек. Причины военной неэффективности, необычной в его линии, периодических вспышек жестокости, недоверия, царившего в отношениях со знатью, лежат глубже, чем просто в неспособности к управлению. Это выглядит как реакция слабого короля на осознание, что он пришел к власти в результате того, что его подданные считали самым гнусным преступлением со времени переселения англвов в Британию»¹⁷. В «1066 и все такое» один из вопросов к этой теме сформулирован так:

¹³ Schama 2000: 57-58, 60.

¹⁴ По-английски: Unready (Неготовый). Оно появилось во второй половине XII в. и означало тогда «Не следовавший советам».

¹⁵ An Island History 1920.

¹⁶ Sellar, Yeatman 1997: 20.

¹⁷ Stenton 1971: 374. Этельред стал королем после убийства сводного старшего брата Эдварда, к которому вряд ли был причастен, ему было тогда примерно десять лет.

«Считаете ли вы, что Этельред Неразумный прямо ответствен за Французскую революцию? Если да, что можете сказать». Это пример доведения некоей позиции до абсурда как средство создания комического эффекта. В этой части всего 12 вопросов, заканчивавшихся ремаркой, пародирующей наставительный тон учебников: «Не пытайтесь отвечать одновременно больше, чем на один вопрос» (как будто это возможно).

Со смертью Эдуарда Исповедника английские короли закончились, наступили «волны» нормандских королей (французы), валлийских Тюдоров, шотландских Стюартов, немецких Ганноверов, «не говоря о *памятном* голландце по имени Вильямэндмери»¹⁸. Нормандская династия дала много «плохих» королей. Вильгельм Завоеватель «известен любовью к старому оленю, будто тот был его отцом, и вообще любовью к животным, потому издал несколько очень справедливых законов о лесах». В одном из них говорилось: если в лесах и других местах, еще не принадлежавших королю, будет кто-то пойман, то этому человеку надлежит отрезать уши и отрубить ноги. Если же это не сделано, то следует выколоть ему глаза раскаленным железом и разрешить покинуть страну. Другой его закон повелевал отправляться в постель в восемь часов. Это называлось комендантским часом, и было, в конце концов, *хорошим делом*. Вильгельм Рыжий «всегда был злым и краснолицым, поэтому очень непопулярным. Так что его смерть была *хорошим делом*, и она случилась *памятным* образом. Он охотился в Новом Лесу, когда Вильгельм Телль (отличный стрелок, изобретатель арбалета) выбрал в качестве безупречной цели красное яблоко, которое в результате упало королю на голову и пробило его сердце. Сэр Исаак Уолтон, который там находился, избрал благодаря этому закон притяжения. Так что правление Рыжего имело хороший конец»¹⁹. Как видим, рассказ о гибели Вильгельма II от попадания стрелы «обогатился» фантазией на тему легенды о метком швейцарском стрелке и соединился с хрестоматийным эпизодом с падающим яблоком, подтолкнувшим Ньютона к открытию закона притяжения. Правда, вместо Ньютона появилось имя его старшего современника, другого Исаака, писателя Уолтона, знакомого любому англичанину по справочнику «Всё о рыбной ловле», совокупный тираж которого сравним с Шекспиром.

У Ричарда I была грива и львиное сердце. Он «ездил в пустыню порычать и свирепо атаковать паладинов и саладинов, поэтому был романтическим королем. Едва вернувшись в Англию, он снова собирался в Средиземноморье. Поэтому его прозвали Ричард Лионский вокзал»²⁰. Как заметил Р. Самуэл, невозможно всерьез рассуждать о Великой Хартии вольностей и английских свободах, вспомнив, как написали о ней

¹⁸ После Славной революции 1688–89 гг. королевой и королем Англии были провозглашены супруги Мария Стюарт, дочь свергнутого Якова II, и голландский штатгальтер Вильгельм Оранский, внук казненного Карла I.

¹⁹ Sellar, Yeatman 1997: 26-27.

²⁰ Sellar, Yeatman 1997: 31. Очередная игра слов по созвучию. Lyon и lion: Лион и лев.

Селлар и Йетмен²¹. 1. Никого нельзя приговорить к смерти, кроме как по какой-то причине (кроме простого народа); 2. Все должны быть свободны (кроме простого народа); 3. В королевстве всё должно быть одинакового веса и размера (кроме простого народа); 4. Никого нельзя оштрафовать до разорения (кроме короля); 5. Баронов нельзя судить иначе, как судом других баронов, которые могут понять. Великая Хартия вольностей была, следовательно, главной причиной демократии в Англии, поэтому *хорошим делом* для всех (кроме простого народа)²². Трудно не посмеяться над рассказом о романтическом герое Робине Гуде (Hood), жившем со служанкой Мэрион и шайкой весельчаков, в которую входила и являвшаяся, по-видимому, его незаконной дочерью Красная Шапочка (Little Red Riding Hood). Он был удивительный стрелок, попадавший в зайца за 400 шагов, а в шерифа за 800. Он предупреждал шерифа о себе звуком горна, чтобы стрелять в бегущую мишень. Робин Гуд был настоящим социалистом, так как часто грабил богатых священников, а деньги отдавал беднякам, которые любили его за щедрость.

«Восстание фазанов» (peasants/pheasant, игра слов, так авторы везде называют крестьян – А.С.) вынесено в раздел «приложение», очередная насмешка по поводу структуры учебников. Фазаны не раз восставали «под руководством таких *памятных* лидеров, как (игра слов – А.С.) Черная кошка (Black Kat), Соломенная шляпа (Straw Hat), Джон Бык (John Bull), и Что Тайлер (What Tyler)²³. Цели восставших названы следующим образом: (а) получить полное прощение за то, что восстали; (б) выяснить, кто был дворянином, когда Адам пахал, а Ева пряла (правильный ответ прост – Адам, но церковь скрывала это опасное знание); (с) выяснить, кто король, а кто предводитель восстания; (d) уничтожить зло (игра слов: villain – виллан (зависимый крестьянин) и злодей – А.С.) Авторы шутили: «Как видим, это целиком познавательные движения, поэтому были легко подавлены». При Генрихе VI Столетняя война подошла к концу «благодаря Жанне д'Арк, французскому потомку Ноя, которая услышала голоса ангелов, распевавших До-Ре-Ми (место, откуда она происходила, называлось Домреми – А.С.). Это ее воодушевило, и она нечестно разгромила англичан в нескольких сражениях. Она могла сделать Францию «топ-нацией», но церковь решила сделать ее абсолютно *памятной* мученицей. Так что Жанна д'Арк, в конце концов, сделала *хорошее дело*, став единственной французской *памятной* святой».

Каждый Тюдор и Стюарт заслужил собственную долю шуток. Генрих VIII – «сильный король с хорошим чувством юмора и VIII женами», самыми *памятными* из которых были Екатерина Высокомерная

²¹ Samuel 1999: 209-210.

²² Sellar, Yeatman 1997: 33-34.

²³ Обгрываются имена крестьянских идеологов и вождей: Джек Строу, Роберт Кет, Уот Тайлер, а также символа нации Джона Булля. Риторический вопрос проповедника Джона Болла «Когда Адам пахал, Ева пряла, кто дворянином был тогда?» превращен в прямой вопрос, и выглядит смешно. Авторы обгрыбают ход восстания 1381 г., в частности нерешительность молодого короля Ричарда II.

(Arrogant вместо Aragon – А.С.), Анна Головка Чеснока (Cloves вместо Cleve), леди Джейн Остин (английская писательница начала XIX в.), Анна Хутауэй (так звали жену Шекспира – А.С.)²⁴. Достижению комического эффекта в этом примере служил каламбур. Борода у короля была рыжая (а не Синяя – А.С.). Он «с молодости любил играть в теннис, и после воцарения не проиграл ни одного сета» (еще бы! – А.С.). Он придумал игру «блеф короля Хейла», в которую играл с министрами. Участнику завязывали глаза, он становился на колени и клал голову на чурбан. Задача была догадаться, на ком король женится в следующий раз. Генрих хотел получить от папы развод с первой женой Екатериной, потому что (а) она была высокомерной; (б) он женился на ней давно; (с) она родила ребенка, превратившегося в Марию Задумчивую (Broody вместо Bloody, Кровавая); (d) он думал, что развод будет *хорошим делом*.

Эдуард VI и Мария Задумчивая были двумя маленькими Тюдорами, которые проскочили между двумя большими Тюдорами, Генрихом VIII и Елизаветой.

Уже в начале царствования Елизавета сказала придворным, что у нее два тела: первое, по воле бога, тело женщины, второе – тело политическое, чтобы «управлять», и ей «удалось подчинить физическое тело политическому»²⁵. Видимо, в связи со словами Елизаветы, что у нее тело женщины, но сердце и желудок короля, авторы сатиры писали: «Несмотря на то, что эта *памятная* королева была мужчиной, ее придворные постоянно обращались к ней с ласковыми женскими прозвищами, как то: Сияние Авроры, Черная Красота или Коричневая Бесс. Она грациозно прошла по плащу, который расстелил перед ней в грязи сэр Уолтер Рэли (рассказ, «кочевавший» из одного учебника для начальной школы в другой – А.С.). Фактически она была во всех отношениях хорошей и романтической королевой». Огромной неприятностью для ее царствования была «шотландская королева (Мария Стюарт – А.С.), известная как Королева Сердец из-за большого числа мужей, среди которых были кардинал Риццо²⁶, Босуэлл²⁷ и король Франции»²⁸. Большую часть из них она взорвала в Голливуде (вместо замка Холлируд, королевской резиденции в Эдинбурге – А.С.)²⁹ К несчастью для Марии, Шотландия была вскоре охвачена *волной* синодов, ведомых сэром Джоном Ноксом, памятным шотландским субботним рыцарем. Не способный поверить в число ее мужей, он полагал, что Мария – не одна женщина, и обвинил ее в том, что она «полк чудовищных жен-

²⁴ У Генриха VIII было шесть жен, но римская цифра VIII обращает на себя внимание. На самом деле, кто не пытался вспомнить всех жен этого короля. Авторы не забыли о казнях министров, в том числе Томаса Мора и Томаса Кромвеля.

²⁵ Schama 2000: 333

²⁶ Придворный музыкант Марии.

²⁷ Представитель шотландской знати, ее любовник.

²⁸ Действительно муж, король Франции Франциск II (1659–1660).

²⁹ При взрыве, причины которого неясны, погиб муж Марии Стюарт Генри Дарнлей, отец будущего Якова VI Шотландского, он же Яков I Английский.

щин»³⁰. После этого смелого заявления рыцарь заключил ее в Лох Ломонд (озеро в Шотландии – А.С.). Мария, однако, бежала в Англию, и Елизавета немедленно отправила ее на карантин». Печальный итог жизни Марии Стюарт, видимо, убеждает, что в отличие от сестры она не подчинила физическое тело политическому.

«Еще одним доказательством благородной природы королевы Елизаветы, продолжили, как ни в чем не бывало, авторы, была ее симпатия к французским протестантам, или гугенотам (называемым так в честь своего романтического вождя Виктора Гюго). После убийства юного святого по имени Варфоломей французский король Генрих Наваррский перешел в католичество, произнеся памятную фразу «Париж стоит мессы». В то же время Елизавета благородно послала своего фаворита Лейстера узнать, правда ли это, тем самым оказав ценную помощь гугенотскому делу», – иронизировали авторы³¹.

Яков I Стюарт «был слюнчавым и имел фаворитов, так что был *плохим королем*, однако он мыслил логично и точно, и одно из первых его дел – казнь сэра Уолтера Рэли, сохранившегося с предыдущего царствования. Яков все время повторял: «Нет епископа, нет короля». Услышав это, сэр Гайфокс, активный и сознательный человек, принял это за лозунг нового царствования и разработал план взорвать короля, епископов и всех остальных на заседании парламента»³². Как известно, Яков, хотя воспитывался как кальвинист, защищал англиканскую церковь и епископальную систему. Тут Селлар и Йетмен перевернули смысл сказанного, что позволило им назвать участника порохового заговора Гая Фокса, сжигание чучела которого давняя английская традиция, «активным и сознательным», а не изменником. С восшествием на престол Карла I началась в высшей мере *памятная борьба* между кавалерами (Wrong but Wromantic, неправыми, но романтическими) и круглоголовыми (Right and Repulsive, правыми, но отталкивающими).

Создатели сатиры четко уловили тональность учебников, да и многих исторических трудов. Карл I «был королем кавалеров, поэтому имел заостренную бородку, длинные струящиеся локоны, носил большую плоскую шляпу и веселый наряд». В этом предложении снова пример «перевернутой» логики. Круглоголовые, наоборот, были чисто выбриты, носили высокие конические шляпы, белые воротнички и мрачные одежды. При таких обстоятельствах гражданская война была неотвратимой, иронизировали авторы по поводу трактовки ее причин в учебниках.

Сравним этот пассаж с учебником Г. Маршалл: «Король и лорды были на одной стороне, а парламент и народ на другой. Тех, кто пошел за королем, называли кавалерами, или роялистами, тех, кто поддержал парламент, парламентариями, или круглоголовыми. Кавалер происхо-

³⁰ В памфлете радикального пресвитерианского проповедника Нокса «Первый звук трубы» осуждалось любое женское правление.

³¹ Sellar, Yeatman 1997: 67-68.

³² Sellar, Yeatman 1997: 70.

дит от слова, означающего «лошадь», потому что почти все они ездили верхом. Круглоголовых называли так потому, что они, в отличие от кавалеров, носили короткую прическу»³³. Поскольку сторонники парламента были, в основном, рабочими людьми, то не умели сражаться. Но среди них был «храбрый и сильный человек», Кромвель, который научил их этому³⁴.

Когда Карл потерпел поражение, он был судим по приказу охвостья парламента и «признан виновным в том, что потерпел поражение в войне против самого себя, что, конечно, было высшей государственной изменой», – иронизировали Селлар и Йетмен. Кромвель «приказал ему идти, чтобы его голову отрубили, тем более, по мнению круглоголовых, она была неправильной формы» (т.е. не круглая, как у сторонников парламента – А.С.). В книге о суде и казни Карла I Цецилия Уэджвуд отмечала: в конце декабря 1648 г. ходили слухи, что Кромвель и Айртон не имели намерения расправиться с королем, но рассчитывали нанести ущерб репутации левеллеров, считавших планируемый процесс незаконным. Она отвергла это предположение: еще в ноябре Кромвель сказал одному из сторонников, что главным свидетелем против Карла будет Бог. Невероятно, чтобы через месяц он пересмотрел эту позицию³⁵. Карл был настолько романтичен, что приказ Кромвеля (идти на эшафот) «был ему безразличен, и очень *памятно*, как он ходил и говорил в течение получаса после того, как голова была отрублена». Так авторы пародировали постоянно поминаемое в учебниках благородство, с которым он принял смерть. Еще Т. Маколей писал, что на эшафоте король проявил качества джентльмена. Уэджвуд отмечала, что Карл осознал, что не сможет выступить перед народом, от которого его отделили солдаты верхом. Тогда он обратился к небольшой группе, которая была с ним на эшафоте³⁶. А вот Кромвель умер, по словам Селлара и Йетмана, «пресытившись гордостью, чистками, бородавками и другой безделицей».

Карл II «был всегда весел, следовательно, был не столько королем, сколько монархом» (так обыгрывается часто встречающееся прозвище «веселый монарх»). Во время гражданской войны он оказал ценную помощь сторонникам отца тем, что прятался на всех дубах, которые мог найти. (После реставрации Карл II любил рассказывать о своих приключениях после поражения при Вустере в 1651 г. Был эпизод, когда ветви дуба скрыли его от солдат Кромвеля.) Поэтому он был очень романтичным и популярным, и смог занять трон вскоре после смерти Кромвеля. Известна шутка, сказанная Карлом II во время масштабных торжеств в честь реставрации: «Выясняется, что это ни чья, а только моя вина, что я слишком долго находился за границей, тогда как весь народ так сердеч-

³³ An Island History 1920.

³⁴ О том, как пропаганда конструировала образ враждебной партии (кавалеров или круглоголовых) см.: Carlton: 1994, ch. 3.

³⁵ Wedgwood 1983: 77.

³⁶ Wedgwood 1983:189-190.

но жаждал видеть меня дома»³⁷. На троне Карл «продолжил интересоваться естественной красотой, теперь уже не деревьями, держал при дворе много домашних животных. Среди знаменитых испанцев короля (созвучные слова: испанцы (Spanish) вместо спаниелей (spaniels) – А.С.), самой *памятной* из которых была Екатерина Браганца³⁸. Будучи женатым на Екатерине, он больше любил апельсиновую девушку, которую звали Элинор Гвинн³⁹. Значит, он был *плохим* человеком, - посмеивались над менторским тоном учебников Селлар и Йетмен.

Very memorable

A Bad Man

Карл II был известен остроумием и изобретениями. Среди последних – необузданный и веселый стиль поведения, называемый Реформацией⁴⁰. В конце концов, это оказалось *Хорошим Делом*, так как стало одной из ранних причин детерминированности королевы Виктории быть хорошей. Большая часть шуток Карла была необузданного характера, и потому (к счастью) *не была памятной*. Тем не менее, он учредил несколько остроумных актов парламента. Среди них Акт о возмещении и забвении: каждый должен заплатить королю, а потом забыть, что заплатил; Акт о единообразии, по которому каждый должен быть таким же, как другой; Пятимильный акт, по нему директора школ и священники не должны отходить друг от друга больше, чем на пять миль; Акт о корпорациях, провозгласивший, что каждый должен быть как можно толще (кроме Нелл Гвин). Потом Карл сильнее развеселился, счел эти акты несколько несправедливыми, утвердил новый Habeas Corpus Act, по которому обязал подданных хранить свои тела, и этим удовлетворил всех. Потом Карл развеселился еще больше и издал Декларацию о терпимости, позволявшую людям делать все, что они хотят, а чуть позднее

³⁷ См.: Соколов 2017: 326.

³⁸ Португальская (не испанская) принцесса, супруга Карла II Стюарта.

³⁹ Элинор – героиня романа Джейн Остин «Чувство и чувствительность». Нелл (Нелли) Гвин (Гвинни) – актриса, одна из любовниц Карла II, прозванная «апельсиновой девушкой» за рыжие волосы и за то, что начала карьеру в театре с продажи апельсинов зрителям.

⁴⁰ Подразумевается Реставрация. Назвать Реформацией «необузданный и веселый стиль поведения» само по себе парадокс и немного насмешка над церковью.

Test Act, чтобы увидеть, сделали ли они это (и если да, то что). Так Селлар и Йетмен высмеивали непоследовательность политики Реставрации. Одним из замечательных людей того времени был Самуэл Пипс, *памятный* тем, что вел дневник, в котором часто ложился в постель, и его жена Ивлин, тоже написавшая *памятный* дневник, но в нем не ложившаяся в постель⁴¹. Один из вопросов к этому разделу звучит так: Исследуйте состояние мыслей: 1) Карла I через полчаса после того, как ему отрубили голову; 2) Карла II через полмомента после того, как он впервые увидел Нейл Гвин.

Вот как рассказывал о царствовании Карла II учебник Г. Маршалл: «Хорошим делом было принятие Habeas Corpus Act. Он был не нов, а существовал со времен Великой Хартии короля Иоанна. Но, как и многое другое из Великой Хартии, откладывался одним королем за другим. По этому закону никого нельзя было заключить в тюрьму и держать сколько угодно по воле короля, или до той поры, когда арестованного забудут все друзья. Закон провозглашал, что каждый должен предстать перед судом, быть наказанным или освобожденным. Habeas Corpus по-латыни означало: “Представить тело”, т.е. каждый заключенный в определенное время должен отправиться в суд вместо того, чтобы содержаться в тюрьме долго-долго, или быть отправленным в рабство и изгнание без суда и шанса доказать свою невиновность. Этот закон был одним *хорошим делом*, которое можно запомнить о правлении Карла II, умершего в 1685 г. от рождества Христова после 25-летнего царствования. Он умер, как жил, беззаботно, остроумно, с любовью к смеху. Он был умен, о нем говорили, что он не сделал ни одного глупого дела, но и ни одного мудрого дела. Он был ленив, эгоистичен, лжив, плохой человек и плохой король. Однако мужчины и женщины любили его при жизни, сожалели о его смерти, потому что он был умным, с легким характером и приятными манерами»⁴². Таков типичный для учебников портрет Карла II, конструировавший образ «плохого короля», не заботившегося о стране, тратившего деньги на удовольствия для себя и своего окружения, но обладавшего качествами джентльмена.

Объектом сатиры Селлара и Йетмена были все следующие короли, государственные деятели и герои. «По какой-то причине» Вильямаэнд-мери в его стране, Голландии, называли апельсином (Orange, Оранская династия – А.С.). В Англии он был популярен, так как народ считал его потомком Нейл Глинн⁴³. В целом, он был *хорошим королем*, и вначале выпустил акт о терпимости, в котором обещал терпеть все, но потом пошел назад и решил, что не будет терпеть шотландцев. Королева Анна

⁴¹ С. Пипс и Джон Ивлин – авторы дневников. Пипс довольно откровенно писал о своей сексуальной жизни. Ивлин этой темы не касался. Жену Пипса звали Элизабет.

⁴² An Island History 1920.

⁴³ Еще один пример игры слов и имен. Гвинн – фамилия любовницы Карла II, торговавшей апельсинами. Глинн, видимо, от названия деревне Гленко в Шотландии, где в 1692 г. был безжалостно истреблен один из горных кланов.

была замечательной женщиной, и поэтому ее соотносят с Великой Анной, или *Annus Mirabilis*⁴⁴. Георг III, «упрямый король», был *плохим королем*. В то же время он был умственно не здоров, и был хорошим человеком. Его министров всегда звали Питтами. Как и Претенденты (лидеры якобитов, сын и внук Якова II Яков-Эдуард и Карл-Эдуард – *A.C.*), они приходили двумя *волнами*, старший Питт и младший Питт. Питт-старший имел стратегическую идею завоевать Канаду на берегах Эльбы. Узнав, что она расположена в другом месте, он поручил генералу-поэту Джеймсу Вольфу завоевать вместо Канады Квебек. Школьникам предлагалось подумать, «было бы хорошим делом, если бы Вольф вместо того, чтобы захватить Квебек, написал Элегию Грея»⁴⁵.

Как «1066 и все такое» «объяснял» революции? Однажды, будучи нездоровым, Георг III узнал, что американцы не пьют чай *five o'clock*. Это его очень рассердило, и он позвал их в Бостон на обязательное чаепитие. Американцы, однако, начали с того, что выплеснули чай в бостонскую гавань, и продолжили бросать все другое, пока не стали свободными, что стало причиной появления Соединенных Штатов. Французская революция привела к огромным потерям жизней, свободы, братства и т.д., что было весьма *Хорошим Делом*, ибо французы в то время деградировали, но Наполеон придумал новую конвенцию, будто они должны устроить резню всем народам и стать топ-нацией. Это было *Плохим Делом*⁴⁶. Наполеона не следует путать с Нельсоном, хотя у них были очень похожие головные уборы. Их можно легко различить, потому что Нельсон всегда стоял, держа руку вот так, а Наполеон стоял с руками вот этак. *Памятная* Крымская война «была абсолютно неизбежной», ибо имела ряд причин: (а) Англия до этого еще не воевала против русских; (б) *больной человек Европы*, которого потом лечила Флоренс Найтингейл; (с) Россия была слишком большой и располагалась в направлении Индии; (d) святые места. Французы полагали, что святые места должны охранять (возможно, от американцев) латинские монахи, тогда как турки, которые владели этими местами, думали, что их должны охранять греческие монахи. Поэтому Англия совершенно правильно объявила войну России, которая немедленно оккупировала Румынию⁴⁷.

Каскад шуток об истории Англии можно продолжать до бесконечности. Это яркая и впечатляющая сатира на то, как обучали и подчас продолжают обучать истории в школе, основанная на главных правилах английского юмора. В учебнике по национальной истории не может не быть элемента приукрашивания. Заинтересованность общества в том,

⁴⁴ Латинское выражение, применяемое к календарным годам, отмеченным важными и позитивными сдвигами. Правление Анны Стюарт обычно изображали, как цепь побед в войне за испанское наследство.

⁴⁵ «Элегия на сельском кладбище» поэта Томаса Грея была написана в 1750 г.

⁴⁶ Авторы пародируют отраженные в учебниках стереотипы восприятия других наций, в частности французов.

⁴⁷ Sellar, Yeatman: 109-110.

чтобы историческое образование способствовало формированию гражданских качеств у школьников, позитивному отношению к своей стране, понятна. Однако решение этой задачи требует исключительного такта, она по сложности напоминает проход Одиссея между Сциллой и Харибдой, потому что не допускает односторонности оценок, лжи, как преднамеренной, так и идущей от заблуждения, тем более, предвзятости. Увы, так бывает не всегда.

Есть такой пример из американской дидактической литературы: один любитель, исследователь семейной истории, узнал, что его дальний предок был повешен в Монтане в 1889 г. за кражу лошадей и ограбление поездов. Сохранилась единственная фотография, на которой он запечатлен стоявшим на виселице. Надпись гласила: Ремус Старр, конокрад, заключен в территориальную тюрьму Монтаны в 1885 г., бежал в 1887 г., шесть раз грабил скорые поезда. Был пойман детективами Пинкертон и повешен». Разочарованный любитель обрезал, увеличил и исправил изображение так, что осталась одна голова. Сопутствующая биографическая справка теперь сообщала: «Ремус Старр был известным ковбоем. Его бизнес-империя выросла за счет ценных конных активов и близких контактов с монтанской железной дорогой. С 1885 г. он несколько лет работал на правительственном объекте, оставив прежние связи с железной дорогой. В 1887 г. он был ключевым игроком в важном расследовании, проведенном прославленным агентством Пинкертон. В 1889 г. Ремус отошел в мир иной во время важного гражданского действия, организованного в его честь, когда площадка, на которой он стоял, рухнула»⁴⁸. Авторы учебников поступают иногда подобно этому историку-любителю, конструируя тексты, которые должны передать молодому поколению героическую, даже романтическую (не случайно, это одно из излюбленных слов Селлара и Йетмана) версию национального прошлого. Собственно, «1066 и все такое» предостерегает от такого отношения к истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Соколов А.Б. Кларендон и его время. Странная история Эдуарда Хайда, канцлера и изгнанника. СПб.: Алетейя, 2017. 471 с. [Sokolov A.B. Klarendon i ego vremya. Strannaya istoriya Edwarda Hayda, kanzlera I izgnannika (Clarendon and its time. The strange story of Edward Hyde, chancellor and exile). SPb.: Aleteya, 2017].
- Cannadine D., Keating J., Sheldon N. The Right Kind of History. Teaching the Past in Twentieth Century England. N.Y.: Macmillan, 2011.
- Carlton Ch. Going to the Wars. The experience of the British Civil Wars, 1638-1651, London: Routledge, 1994 (1st ed. 1992).
- An Island History / by H.E. Marshall. N.Y.: Frederick A. Stokes, 1920 // digital.library.upenn.edu
- Researching History Education. Theory, Method and Context / Ed. by Linda S. Levstic and Keith C. Barton. N.Y.: Routledge, 2008.
- Samuel R. Island Stories: Unravelling Britain. Theatres of Memory. Vol. II / ed. by E. Light. L.: Verso, 1999 [1998].
- Schama S. A History of Britain. V. 1 (3000 BC – 1603). L.: BBC, 2000. 416 p. V. 2 (1603-1776). L.: BBC, 2001. 544 p. V.3 (1776–2000). L.: BBC, 2002.

⁴⁸ Researching History Education: 1.

Sellar W.C., Yeatman R.J. *1066 and All That*. A Mandarin Humour Classic, 1997 [Methuens, 1930].

Stenton F. *Anglo-Saxon England*. Oxford: University Press, 1971 [1943].

Wedgwood C.V. *The Trial of Charles I*. L.: Penguin Books, 1983 [1964].

Соколов Андрей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского.

Alfred the Cake and the Other Heroes of British History: About One Famous Satire on School Textbook

A small book – satire on modern school history textbook was published in London in 1930. It was written by Walter Sellar and Robert Yeatman, called “1066 and All that” and it is still one of the most famous satirical works in English literature of the XX century. The content of this writing is under regard in my article. The aim of the study lays in identification of the ways to achieve comic effect. The attention is given to the fact that for the authors the object of irony was intention to teach lesson in Victorian morality. For this the antithesis of good/ bad kings was used, and very characteristic negative example was Charles II. On the contrary Alfred the Great was an example of good king, though nearly all that was known about him from school textbooks had generally legendary character. The satire helps to understand that power usually belongs not to outstanding personalities, but to very ordinary and even worthless persons. The other object for satirical critics stands in false understanding of heroism. The ancient Britons allegedly began the tradition of heroism. This approach is explained by perception of WWI and wars in general, typical for “lost generation”. Satire of Sellar and Yeatman shows: the traditional history lesson was full of myths and speculations. This book undermined presentation about the one right version of national history as it was reflected in English school history textbooks.

Key words: “1066 and All That”, satire, English Humour, bad and good kings and queens, school history textbook, British heroism.

Sokolov Andrei B. PhD (History), Professor, Head of the Chair of Methods of Teaching History and Social Studies, Yaroslavl State Ushinskiy Pedagogical University.

Л.А. ФАДЕЕВА, Д.Б. ВЕРШИНИНА

«НАПОЛНИТЬ СОСУД ИЛИ ЗАЖЕЧЬ ФАКЕЛ» ДИЛЕММЫ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ

В статье анализируются характерные черты и интеллектуальные традиции научной исторической школы Льва Ефимовича Кертмана, повлиявшие на развитие исследовательских стратегий его последователей. Первоначально, с 1960-х гг., школа складывалась как коллектив молодых исследователей, объединенных научными интересами, которые помог сформировать авторитетный ученый и харизматичный руководитель. По мере развития школы происходило расширение исследовательского поля при сохранении интеллектуальных традиций даже после неожиданной кончины в 1987 г. ее основателя. В статье использованы материалы научного и культурного наследия профессора Кертмана, литература мемуарного характера, научные публикации представителей пермской школы, посвященные как историческим сюжетам и проблемам, так и широкому социокультурным вопросам. Сделать ряд выводов о значимости школы Кертмана. Авторы считают, что влияние научной школы на творчество ее последователей выразилось в фокусе на социокультурных аспектах исторического и политического процесса. Значимость научной школы авторы видят также в заданном ее основателем моральном импульсе, который помогает поддерживать исследовательский потенциал и мотивацию.

Ключевые слова: научная школа, история, политология, ПГНИУ, Л.Е. Кертман, социокультурные аспекты исторического и политического процесса.

Интеллектуальная атмосфера как элемент научной школы

Интеллектуальная атмосфера и традиции, заложенные основателем научной школы, не менее важны для ее создания и продвижения, нежели конкретные результаты в виде опубликованных статей и монографий, защищенных диссертаций и пр. Нередко основатель школы стоит перед дилеммой «наполнить сосуд или зажечь факел»: повлиять на своих учеников в плане выбора научных проблем, сюжетов, подходов, с тем, чтобы они сохранили верность им на протяжении своей научной карьеры, либо же «зажечь факел». В таком случае «влияние основателя проявляется в трудно формулируемых и нередко в не вполне осознаваемых формах, связанных исключительно с интуитивными процессами»¹.

Размышления М.П. Лаптевой об интеллектуальной интуиции множественны и разнообразны. Приведенные строки приурочены к 100-летию со дня рождения Льва Ефимовича Кертмана, который не только был «интеллектуальным центром гуманитарной жизни Пермского университета», но обладал интеллектуальной мощью отнюдь не местного значения, интеллектуальной включенностью в современные ему научные дискурсы, а также стремился передать своим коллегам и ученикам способность к «интеллектуальному наслаждению»². «Самый же высокий стимул, который будет действовать всю жизнь и никогда не потускнеет, – чистая жажда знаний, свободная от каких-либо даже самых бла-

¹ Лаптева 2012: 86.

² Мир личности... 1991: 84, 101, 113, 128.

городных прагматических мотивов, – писал Л.Е. Кертман, объясняя профессию профессора». – Честолюбие, если оно не выходит за рамки здорового чувства, может быть удовлетворено, долг оплачен, высокая квалификация приобретена, – и человек может успокоиться, застыть, потому что его стимулы иссякли, а чистая жажда познания бесконечна, как само познание»³.

Кертмановский сентябрь 2017 г. в Перми

Замысел отметить 100-летний юбилей Кертмана возник сразу у нескольких его учеников и последователей (М.А. Оболонковой, Л.А. Фадеевой, М.П. Лаптевой, Г.А. Янковской, Д.Б. Вершининой, К.А. Пуниной) не просто чтобы отдать дань уважения прекрасному ученому и человеку, но и для того, чтобы распространить его влияние и обаяние на интеллектуальную городскую среду. Вечер встречи и воспоминаний 2 сентября 2017 года собрал широкий круг его учеников, коллег, друзей семьи, которые слушали стихи военных лет и сатирические вирши Льва Ефимовича, делились воспоминаниями о своем общении с ним, рассказанными как увлекательные истории. На «интеллектуальном вечере» 12 сентября в Центре городской культуры аудитория была более пестрой, «космос Кертмана» привлек немало молодежи. На этот раз тексты Льва Ефимовича звучали в виде документального спектакля, исполненного студентами ПГНИУ, а воспоминания были представлены элегантными и эмоциональными фрагментами книг Нины Евгеньевны Васильевой и Лины Львовны Кертман. Влияние научной составляющей наследия Кертмана была отражено в докладах и научной дискуссии о «факторе Кертмана» в интеллектуальной перспективе, а также в тематическом выпуске «Вестника Пермского университета. История». Творческая личность Кертмана обусловила и креативный характер выставки, подготовленной студентами и сотрудниками Музея истории университета как необычайный и удачный эксперимент. В ходе его подготовки магистранты-историки провели серию глубоких интервью с преподавателями факультета, вспоминая свой опыт общения с Л.Е. Кертманом.

«Кертмановский сентябрь» 2017 года выдался вдохновляющим, богатым на события, интеллектуальные и эмоциональные впечатления. В ходе него возникла идея книги, которая вместила как эти впечатления, так и другие компоненты памяти о замечательном ученом и прекрасном человеке. Чтобы помнить о Льве Ефимовиче, нет необходимости в юбилейных датах: память эту хранят те, кто его знал и кому он был дорог. Обращение к научному творчеству Кертмана происходит постоянно на протяжении многих лет⁴. Авторы книги поставили перед собой сложную задачу – представить современному читателю «творческую палитру» Кертмана: фрагменты его текстов, научных и иных (стихи, выдержки из пьес и поэм); воспоминания о его лекциях студентов Киевского и Пермского университетов; анализ академического наследия Кертмана,

³ Кертман 1986.

⁴ Фадеева, Вершинина 2012.

его творческих идей, методологических поисков, пермской школы англоведения, влияния «фактора Кертмана» на интеллектуальную историю и историю интеллектуалов; воспоминания учеников и коллег Льва Ефимовича, друзей его дома, членов его семьи⁵.

Интеллектуальные традиции

В научном плане не будет преувеличением сказать, что Л.Е. Кертман вел постоянный «диалог со временем», сосредоточив свое исследовательское внимание на человеке в истории, чем пермская школа отличалась от тех, которые «потеряли человека» в формационных и макроисторических процессах. Именно в невнимании к человеку упрекал отечественных историков А.Я. Гуревич в нашумевших публикациях начала 1990-х гг.⁶ В рамках сложившейся в Пермском государственном университете исторической школы Кертмана, фокус исследований был сделан на том, что люди думают, чувствуют, чем руководствуются в своих действиях. Это относилось как к политической элите (научные работы П.Ю. Рахшмира, А.Б. Цфасмана), так и к рабочему классу (Н.Ф. Ушкевич, Г.М. Алпатовой, С.Н. Дементьевой, Б.А. Нураловой, Л.С. Малинского, М.И. Штабского, М.А. Оболонковой, Л.А. Фадеевой). Апробированные на одном историческом материале и социальной группе подходы формировали мировоззрение и поддерживали научный интерес, который существенно расширился в отношении политического класса (П.Ю. Рахшмир, В.Р. Золотых, О.Б. Подвинцев, Г.М. Алпатова) или категории интеллектуалов (Н.Ф. Ушкевич, С.Н. Дементьева, Л.А. Фадеева).

«По Кертману», история интеллигенции и интеллектуалов выступает как органический компонент истории общества. Можно распространить на интеллектуалов суждение Льва Ефимовича об относительной самостоятельности истории культуры и относительности ее самостоятельности с учетом того, какое внимание исследователь придает духовной сфере, духовным ценностям и их творцам. Очень важно то, что при гуманистически-ценностной ориентации самого ученого он считал необходимым включать в категорию интеллигенции представителей разных политических взглядов и ценностных ориентаций.

Остается, к сожалению, актуальной высказанная Л.Е. Кертманом мысль, что в России доминирует традиция научной дискуссии, которая проходит «в скрытом виде, когда авторы не полемизируют, а высказывают свою точку зрения, отличающуюся от других позиций»⁷. Сам он отдавал предпочтение открытой полемике – в печати и на разных форумах. Именно такая форма научной дискуссии доминирует в сообществе исследователей интеллектуальной истории, что заметно и на проводимых российским Обществом интеллектуальной истории конференциях и семинарах, и в публикациях, в том числе, «Диалога со временем». И подобную форму научного общения поддерживают на исто-

⁵ Лев 2018.

⁶ Гуревич 1990.

⁷ Кертман 1987: 13.

рическом (в настоящее время историко-политологическом факультете) Пермского государственного университета.

Заданные исторической школой традиции включают прежде всего научную добросовестность в отношении к источникам и фактам. Пермские преподаватели считают нужным объяснить студентам, что «проблема научной объективности – одна из самых сложных в науке. В известной степени ученый похож на Мюнхгаузена, вытаскивающего себя за волосы из болота: любой исследователь имеет собственные взгляды, политические ориентации, симпатии и антипатии, абстрагироваться от которых ему не так-то легко. На помощь приходит обращение к источникам и литературе, где выражены другие взгляды и позиции. Они помогают преодолеть односторонность, принять во внимание разнообразие оценок, провести корректировку выводов»⁸. Важный элемент исследовательских стратегий, заложенных научной школой состоит в стремлении включать исследуемый объект в сравнительную перспективу применительно как к политическому процессу, так и к научному дискурсу. Этими традициями объясняется первоначальная ориентация созданной в 1998 г. кафедры политических наук (под руководством профессора Л.А. Фадеевой) на исследование политической культуры, а в 2014 г. определение ведущего направления научной деятельности кафедры как «Институциональные и социокультурные измерения политики».

Социокультурное измерение исследований

К социокультурному измерению относится исследование проблематики политической идентичности. Уже первая конференция «Идентичность как предмет политического анализа», проведенная совместно в Институте мировой экономики и международных отношений РАН Центром сравнительных социально-экономических и социально-политических исследований ИМЭМО РАН и кафедрой политических наук ПГНИУ, привлекла широкий круг исследователей из академических институтов и региональных университетов.

Пермские ученые рассматривают идентичность в том же духе, что и З. Бауман, как поле битвы, считая это не препятствием, а стимулом для идентитарных исследований. За плечами у пермских политологов был опыт анализа региональной политической культуры, что сближало их с традициями кубанской школы (Е.В. Морозова). Как и в элитологическом сообществе, профессиональные интересы подкреплялись добрыми человеческими отношениями, культурный код тоже совпал⁹.

На исследование политической идентичности и интеллектуальной активности в сравнительной перспективе были ориентированы международные научные проекты «Европейская идентичность, культурное разнообразие и политические изменения» (2014–2017 гг., координатор Л.А. Фадеева), «Университет и сообщества: европейский опыт и российские практики» (2013–2015 гг., руководитель К.А. Пунина), «Европей-

⁸ Нескучные советы... 2012: 8.

⁹ Фадеева, Назукина 2020.

ские университеты в меняющемся мире: институциональная трансформация и стратегии взаимодействия с сообществами» (2014-2016, руководитель Г.А. Данилова). Добившись значительных научных результатов в исследовании идентичности, пермские ученые инициировали подготовку учебного пособия¹⁰, чтобы «познакомить читателя с разработанным российскими учеными подходом к политике идентичности как теоретической категории и политической практике во внутривнутриполитическом и международном контексте»¹¹. Читателю представлены разработанные отечественными учеными подходы к анализу политики идентичности и возможности использовать их для осмысления современной сложной реальности. Субъекты политики идентичности охарактеризованы преимущественно с фокусом на государственных акторов. Авторы считают важным продвижение в научном дискурсе позитивных, этически мотивированных ориентиров и ценностей, позитивного образа будущего для нынешних и будущих поколений. Раскрыто многообразие структурных компонентов политики идентичности в содержательном и технологическом плане (символическая политика, языковая политика, политика памяти), а также в пространственной перспективе (на региональном и локальном уровнях, в интернет-пространстве).

Идеологии и ценности: соединить несоединимое

Интерес к левым идеологиям и силам, заложенный основателем школы англоведения в Пермском университете, отразился и на тех сюжетах, которые оказались в центре внимания историков Пермского университета, специализирующихся на зарубежной истории. Соединить несоединимое – вот своеобразный лозунг проекта «Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа», поддержанного РФФИ. В его рамках последователи Л.Е. Кертмана и его ученика П.Ю. Рахшмира действительно соединили исследования левых идеологий (таких, к примеру, как феминизм или антирасизм) и правых сил, в центре столкновения которых с конца XX века оказались вопросы морального характера. Пермских исследователей заинтересовал концепт «традиционных ценностей» и дискуссии, ведущиеся вокруг него в разных странах: России, Британии, США, Ирландии, Польше, Германии, Франции, Швейцарии, включение этого концепта позволило обратиться к широкому кругу феноменов, объединяемых термином «культурные войны», автором которого стал американский исследователь Дж. Хантера.

Обращение к консерватизму не было чем-то новаторским в истории пермских исследований: в 1990-е гг. в Перми сложилась мощная школа исследований консерватизма, университетские историки и политологи раскрыли разные грани американского и европейского консерватизма: от исследований консерваторов США и Британии (П.Ю. Рахшмир, В.Р. Золотых, Л.М. Соколышник, С.А. Шеин) до дискурса поль-

¹⁰ Политика идентичности... 2023.

¹¹ Там же: 5.

ских консерваторов в период Первой мировой войны (М.А. Булахтин). Возрождение популярности консервативных идей, вызванное волной глобализации рубежа XX–XXI вв., позволило пермским исследователям посмотреть на дискуссии как внутри консервативного лагеря, так и между правыми и левыми по вопросу о том, какие ценности должны лежать в основе национальной и гражданской идентичности. Обращая внимание на то, насколько разные наборы ценностей общественно-политические акторы в разных регионах называют традиционными, пермские историки сосредоточились на ключевых из них: семья, религия, патриотизм, которые в различных комбинациях используются для привлечения электората, обозначения своей приверженности определенной идеологии и отмежевания от иных сил. Погружаясь в историю конструирования «традиционных ценностей» в разных странах, они отмечали и консолидацию консервативных движений на базе защиты семейных и морально-нравственных устоев¹², и неизбежную модернизацию риторики правых в борьбе за расширяющийся электорат¹³, и разные варианты понимания традиционных ценностей консерваторами разных стран. Так, к примеру, если либеральные консерваторы в Британии традиционными ценностями считают общенациональные ценности Британии («фундаментальные ценности британской демократии, власть закона, индивидуальную свободу, взаимное уважение и толерантность к людям с разными верованиями и убеждениями»¹⁴), то правые солидаризируются с американскими сторонниками семейных и религиозных ценностей. Дискуссии о традиционных ценностях, как подмечают пермские историки, дают правым возможность предложить отличный от западного – просвещенческого – вариант идентитарной политики, не выстроенный на основе секулярности, а напротив, отводящий религии и мифотворчеству центральное место в структуре традиционных ценностей¹⁵.

Консолидацию и активизацию правых сил в конструировании концепта «традиционных ценностей» пермские историки связывают с активизацией иммигрантских сообществ, что позволило провести анализ различных движений, выстроенных на основе идеи угрозы белой идентичности со стороны мигрантов¹⁶. Белая идентичность «коренных» европейцев становится поводом для модернизации ценностного набора правых сил, европейская семья воспринимается правыми как светский институт, которому угрожает семья мигрантская, мусульманская¹⁷.

Осмысление роли женщин в политике

Центральное место вопросов, связанных с семьей, гендерными ролями, репродуктивными правами женщин, отразилось в разнообразных публикациях пермских исследователей, в т.ч. носящих кросс-националь-

¹² Соколыщик 2018.

¹³ Бурмистрова 2022: 230.

¹⁴ Шеин 2018: 24.

¹⁵ Булахтин 2018: 363.

¹⁶ Вершинина 2020: 165.

¹⁷ Бурмистрова 2022: 227.

ный и кросс-региональный характер¹⁸. Еще в начале 2010-х гг. был проведен ряд всероссийских конференций «Гендерные аспекты социогуманитарного знания», вышло несколько тематических пособий и продолжились исследования женской политической активности в рамках проекта «Мобилизация vs самоорганизация: кросс-национальный анализ факторов и векторов женского участия в политике», поддержанного РФФИ и ЭИСИ. Обратившись к механизмам взаимодействия женских сообществ и политики, в рамках этого проекта пермские ученые попытались на конкретных примерах определить факторы политической мобилизации женщин: их интересовало, есть ли корреляция между женскими протестами, партийной политикой и женским представительством в избираемых палатах национальных парламентов. Они занялись анализом представленности женщин и женской повестки как в деятельности политических партий, так и в низовых общественных инициативах (общественные организации, сетевые сообщества) разных стран, стремясь выявить инструменты политической мобилизации женщин.

В рамках проекта пермские ученые обратили внимание на временной промежуток 2017–2021 гг. и составили базу данных по присутствию женской повестки в партийных программах и политике в выбранных для анализа странах (РФ, Ирландия, Великобритания, ФРГ, Польша, США), включенности женщин в политические партии исследуемых стран, протестам по женской тематике, женщинам-политикам, представленным в избираемых палатах национальных парламентов, и активисткам, представленным на общегосударственном уровне. Были сделаны выводы о том, что активизм остается занятием немногочисленных убежденных сторонниц тех или иных прогрессивных взглядов, и только некоторые из них выходят на общенациональный уровень, формируя повестку через уличные протесты и/или социальные сети, а тенденция рекрутирования женщин политическими партиями не зависит от общественной активности женщины, поскольку основным каналом попадания женщины в политику остается участие в партийном процессе (т.е. в региональном или молодежном отделении партии).

В рамках проекта пермские исследователи обратились к тематике женских протестов и зафиксировали универсальность сюжетов, которые выводят женщин на улицы: требования легальных аборт, равных прав для всех меньшинств, а также защиты от сексуального насилия¹⁹. Был составлен социальный портрет женщины-парламентария в избранных странах: это замужняя женщина чуть старше 50 лет с двумя детьми, высшим образованием, работавшая в области юриспруденции, экономики, образования или имевшая свой бизнес, как правило, связанная со своей партией через молодежные или региональные организации задолго до попадания от нее в национальный парламент²⁰. Не будет преуве-

¹⁸ Вершинина, Тимофеева 2019.

¹⁹ Vershinina, Timofeeva 2023.

²⁰ Vershinina, Burmistrova 2023.

личением отнести к чертам научной школы способность давать точную и практически не искаженную идеологической конъюнктурой картину.

«Творить себя»

В далеком 1974 г. Лев Ефимович написал для пермской областной газеты «Звезда» статью «Путь к идеалу», в которой выразил убеждение, что «человека, конечно, творит среда, общественные отношения, но и он сам творит себя и, может быть, это есть самый высокий вид творчества»²¹. Он считал этот процесс одним из самых трудных и потому, что «вечная тема истории – боль»²², и потому, что постоянно приходится слышать «старую абракадабру правды с ложью пополам»²³. Как вспоминает один из его киевских студентов, «мы поистине жили в ту пору в царстве беспардонной лжи. Особенно когда речь идет об истории. Ее нам читали в буквальном смысле слова. Преподаватели не отрывали глаз от конспектов, утвержденных на кафедре, проверенных высшими инстанциями»²⁴. Кертман в конспекты не заглядывал, но «рассказывал о событиях вековой давности так, словно они происходили вчера. Перед нами вставали не выразители тех или иных классовых интересов, а живые люди с их достоинствами и слабостями»²⁵.

То, что студентам казалось достоинством преподавателя, было оценено в условиях борьбы с космополитизмом как «идейное сочувствие антипатриотическим выродкам». Это цитата из статьи «Антипатриотическая деятельность космополита Кертмана» в киевской газете «За советские кадры», 1949 г.²⁶ Жестокой критике были подвергнуты и «объективистское изложение материала» в статьях, и даже тема докторской диссертации «Ранняя идеология лейбористской партии», которую «не одобрили партком и ректорат». «Собрание партийного, комсомольского и профсоюзного актива вскрыло истинное лицо космополита Кертмана и в своем постановлении потребовало прекращения его деятельности в университете», – резюмировал автор. 13 марта 1949 г. ректор вручил Кертману приказ об отчислении из университета. Эпопея поиска работы, отказов из университетов и счастливой встречи с ректором Пермского государственного университета Александром Букиревым, который пригласил опального доцента в Пермь, достаточно подробно описана²⁷. Но вот сколько раз ему еще приходилось выслушивать нарекания и наставления представителей разных парткомов, знает только он²⁸.

²¹ Кертман 1974.

²² Кертман 2017: 110.

²³ Там же: 133.

²⁴ Там же: 137.

²⁵ Там же: 141.

²⁶ За советские кадры... 1949.

²⁷ Мир личности... 1991.

²⁸ Кертман рассказывал, что инструктор райкома упрекал его в использовании непонятных выражений, типа «политика блестящей изоляции»; другой партийный инспектор (при том, что Лев Ефимович был беспартийным) возмутился, что лектор не обращается к конспектам даже при цитировании постановлений ЦК (после этого Кертман брал на лекции стопку бумаг из кипы материалов со своего рабочего стола).

Однако он говорил со своими слушателями и читателями не об этом. «От обязанности думать человек не вправе отказываться, если он хочет остаться человеком»²⁹; «человек должен заниматься своим делом. Тем единственным, для которого он создан. Быть не на своем месте – что хуже этого? Впрочем, бывает и хуже: когда делаешь то, что любишь всем сердцем, а тебе не дают, мешают развернуться во всю силу, дают всей тяжестью пошлости, бездарности»³⁰. При всем этом Лев Ефимович обладал, выражаясь полюбившимися ему словами академика Б.М. Кедрова, «смелостью мысли... мужеством для того, чтобы пойти против течения и сломать то, во что верит и чему, возможно, поклоняется сегодня большинство»³¹. Такие качества сочетались с дипломатическими навыками, прекрасным чувством юмора, умением облечь свои мысли в приемлемую ситуации упаковку так, чтобы сама мысль не потерялась, сохранила смысл.

Какое это значение имеет в плане научной школы? Зажечь факел дано немногим, но и сохранить его не проще, особенно когда ветер перемен оказывается холодным и суровым, а поклонение большинства кажется непреодолимым. Сейчас особенно важны уроки Учителя, его творчества и мужества как для научной школы, так и для каждого из нас.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Булахтин М.А. Традиционные ценности в публицистике польских правых // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 3. С. 363–373 [Bulakhtin M.A. Traditsionnye tsennosti v publitsistike pol'skikh pravyykh (Traditional values in the journalism of the Polish right) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 2. № 3. P. 363–373].
- Бурмистрова Е.С. «Традиционные ценности в дискурсе французских правых популистов: пример партии Национального объединения» // Вестник РУДН. Серия: политология. 2022. № 2. С. 221–233. [Burmistrova E.S. "Traditsionnye tsennosti v diskurse frantsuzskikh pravyykh populistov: primer partii Natsional'nogo obyedineniya" ("Traditional values in the discourse of French right-wing populists: the example of the National Rally Party") // Vestnik RUDN. Seriya: politologiya. 2022. № 2. P. 221–233].
- Вершинина Д.Б. Страна без правых популистов: ирландские традиционные ценности в риторике крайне правых сил // Вестник Прикамского социального института. 2020. № 3. С. 161–167. [Vershiniina D. B. Strana bez pravyykh populistov: irlandskie traditsionnye tsennosti v ritorike krayne pravyykh sil (A country without right-wing populists: Irish traditional values in the rhetoric of the far right) // Vestnik Prikamskogo sotsial'nogo instituta. 2020. № 3. P. 161–167].
- Вершинина Д.Б., Тимофеева О.В. Женский вопрос в католической стране: траектории гендерной политики в Ирландии и Польше конца XX - начала XXI века (на примере вопроса об абортгах) // Вестник Пермского университета. История. 2019. № 3. С. 95–108. [Vershiniina D.B., Timofeeva O.V. Zhenskiy vopros v katolicheskoy strane: traektorii gendernoy politiki v Irlandii i Pol'she kontsa XX - nachala XXI veka (na primere voprosa ob abortakh) (The women's issue in a Catholic country: trajectories of gender policy in Ireland and Poland in the late 20th – early 21st centuries (using the example of the issue of abortion)) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2019. № 3. P. 95–108].
- Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 11. С. 31–43. [Gurevich, A.Ya. Teoriya formatsiy i real'nost istorii (The theory of formations and the reality of history) // Voprosy filosofii. 1990. № 11. P. 31–43].

²⁹ Кертман 1975.

³⁰ Кертман 1991: 15.

³¹ Кертман 1987: 137-138.

- «За советские кадры». 1949. 20 апреля (перевод с укр. яз., рукопись) // Государственный архив Пермского края. Ф. Р1715, д. 280, л. 4. [«Za sovetskie kadry». 1949. 20 aprelya (perevod s ukr. yaz., rukopis') ("For Soviet personnel." 1949. April 20 (translation from Ukr., manuscript)) // Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraja. F. R1715, d. 280, l. 4].
- Кертман Л.Е. Из киносценария «Зрелость ровесников» // Мир личности. Творческий портрет профессора Л.Е. Кертмана. Пермь: Кн. изд-во, 1991 [Kertman L.E. Iz kinostsenariya «Zrelost' ровесnikov» (From the film script "The Maturity of Peers") // Mir lichnosti. Tvorcheskiy portret professora L.E. Kertmana. Perm': Kn. izd-vo, 1991].
- Кертман Л.Е. История культуры стран Европы и Америки. 1870–1917. М.: Высшая школа, 1987 [Kertman L.E. Istoriya kultury stran Evropy i Ameriki. 1870–1917 (History of culture of European and American countries. 1870–1917). M.: Vysshaya shkola, 1987].
- Кертман Л.Е. Память – личная и народная // Звезда. 17.03.1975. [Kertman L.E. Pamyat' – lichnaya i narodnaya (Memory – personal and national) // Zvezda. 17.03.1975].
- Кертман Л.Е. Профессия – профессор // Вестник высшей школы. 1986. № 9. [Kertman L.E. Professiya – professor (Profession – professor) // Vestnik vysshey shkoly. 1986. № 9].
- Кертман Л.Е. Путь к идеалу // Звезда. 18.07.1974 [Kertman L.E. Put' k idealu (The path to ideal) // Zvezda. 18.07.1974].
- Кертман Л.Л. Книга дочери. К 100-летию со дня рождения Л.Е. Кертмана и С.Я. Фрадкиной. Пермь: ИЦ «Титул», 2017 [Kertman L.L. Kniga docheri. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya L.E. Kertmana i S.Ya. Fradkinoy (Daughter's book. On the 100th anniversary of the birth of L.E. Kertman and S.Ya. Fradkina). Perm': ITs «Titul», 2017].
- Лаптева М.П. Интеллектуальная интуиция Л.Е. Кертмана // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2. С. 86–89. [Lapteva M.P. Intellekтуal'naya intuitsiya L.E. Kertmana (Intellectual intuition of L.E. Kertman) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2012. № 2. S. 86–89].
- Лев Кертман: творческая палитра / отв.ред.Фадеева Л.А., Оболонкова М.А. Пермь: ИЦ «Титул», 2018 [Lev Kertman: tvorcheskaya palitra (Lev Kertman: creative palette) / Ed. by L.A. Fadeeva, M.A. Obolonkova. Perm': ITs «Titul», 2018].
- Мир личности. Творческий портрет профессора Л.Е. Кертмана. Пермь: Кн. изд-во, 1991 [Mir lichnosti. Tvorcheskiy portret professora L.E. Kertmana (The world of personality. Creative portrait of Professor L.E. Kertman). Perm': Kn. izd-vo, 1991].
- Мобилизация vs самоорганизация: кросснациональный анализ факторов и векторов женского участия в политике. [Mobilizatsiya vs samoorganizatsiya: krossnatsional'nyy analiz faktorov i vektorov zhenskogo uchastiya v politike (Mobilization vs self-organization: cross-national analysis of factors and vectors of women's participation in politics) // <https://elibrary.ru/item.asp?id=50714191>].
- Нескучные советы студентам и аспирантам: как написать научный текст. Методические указания / ред. Л.А. Фадеева, Е.В. Стяжкина. Пермь: ПГНИУ, 2012 [Neskuchnye sovery studentam i aspirantom: kak napisat' nauchnyy tekst. Metodicheskie ukazaniya (Fun tips for students and graduate students: how to write a scientific text. Methodical instructions) / Ed. by L.A. Fadeeva, E.V. Styazhkina. Perm': PGNIU, 2012].
- Политика идентичности: понятия, смыслы, практики. Учебное пособие / отв. ред. Л. А. Фадеева. Пермь: ИЦ «Титул», ФГБОУ ВО «ПГНИУ», 2023 [Politika identichnosti: ponyatiya, smysly, praktiki. Uchebnoye posobie (Identity politics: concepts, meanings, practices. Tutorial) / Ed. by L. A. Fadeeva. Perm': ITs «Titul», FGBOU VO «PGNIU», 2023].
- Соколышник Л.М. Американские консерваторы и дебаты по вопросу традиционных ценностей: президентские выборы 2012 и 2016 гг. // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2018. Т. 2. № 4. С. 502–509. [Sokol'shchik L.M. Amerikanskie konservatory i debaty po voprosu traditsionnykh tsennostey: prezident'skie vybory 2012 i 2016 gg. (American Conservatives and the Traditional Values Debate: The 2012 and 2016 Presidential Elections) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2018. T. 2. № 4. P. 502–509].
- Традиционные ценности и глобализация в современном мире: Северная Америка, Западная и Восточная Европа [Traditsionnye tsennosti i globalizatsiya v sovremennom mire: Severnaya Amerika, Zapadnaya i Vostochnaya Evropa (Traditional values and globalization in the modern world: North America, Western and Eastern Europe) // <https://elibrary.ru/item.asp?id=50721530>].
- Фадеева Л.А. Пермская политологическая школа: истоки, становление, специфика // ПОЛИТЭКС. 2019. № 1. С. 122–138. [Fadeeva L.A. Permskaya politologicheskaya shkola

la: istoki, stanovlenie, spetsifika (Perm School of Political Science: origins, formation, specifics) // POLITEKS. 2019. № 1. P. 122–138].

Фадеева Л.А., Вершинина Д.Б. Кертмановский колорит англоведения // Вестник Пермского университета. История. 2012. № 2. С. 70–85. [Fadeeva L.A., Vershinina D.B. Kertmanovskiy kolorit anglovedeniya (Kertman's flavor of English studies) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2012. № 2. P. 70–85].

Фадеева Л.А., Назукина М.В. Институционализация политической науки в России: факторы, уровни, результаты (на примере идентитарных исследований) // Политическая наука. 2020. № 1. С. 201–220. [Fadeeva L.A., Nazukina M.V. Institutsionalizatsiya politicheskoy nauki v Rossii: faktory, urovni, rezul'taty (na primere identitarnykh issledovaniy) (Institutionalization of political science in Russia: factors, levels, results (using the example of identitarian research)) // Politicheskaya nauka. 2020. № 1. P. 201–220].

Шейн С.А. Концепт традиционных ценностей в программе и стратегии британских консерваторов: выборы 2015 и 2017 годов // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4. С. 22–30. [Shein S.A. Kontsept traditsionnykh tsennostey v programme i strategii britanskikh konservatorov: vybory 2015 i 2017 godov (The concept of traditional values in the program and strategy of the British Conservatives: the elections of 2015 and 2017) // Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya. 2018. № 4. P. 22–30].

Vershinina D., Burmistrova E. Social Portrait of Female Parliamentarians: A Cross-National Analysis // Science and Global Challenges of the 21st Century – Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications. Berlin, 2023. P. 638–643.

Vershinina D., Timofeeva O. Women's Agenda in Political Protests: A Cross-National Analysis // Science and Global Challenges of the 21st Century - Innovations and Technologies in Interdisciplinary Applications. Berlin, 2023. P. 630–637.

Фадеева Любовь Александровна, д. и. н., профессор, Пермский государственный национальный исследовательский университет, lafadeeva2007@yandex.ru

Вершинина Дарья Борисовна, к. и. н., доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, daryapros@yandex.ru

“Fill the Vessel or Light the Torch” - Dilemmas of the Scientific School

The article characterizes the specific features and intellectual traditions of the scientific historical school of Lev Kertman, which influenced the development of the research strategies of his followers. In the 1960s, the school developed as a team of young researchers united by scientific interests, which were helped to form by an authoritative scientist and charismatic leader. As the school developed, its research fields expanded while maintaining intellectual traditions even after the unexpected death of its founder in 1987. The article uses materials from the scientific and cultural heritage of Professor Kertman, literature of a memoir nature, scientific publications by representatives of the Perm school, devoted to both historical subjects and problems, and broad sociocultural issues. This gives the authors grounds to draw several conclusions about the significance of Kertman's school. The authors believe that the influence of the scientific school was expressed in the focus on the sociocultural aspects of the historical and political process, in the fact that the person was placed at the center of the study both in history and in politics. The authors also see the significance of a scientific school in the moral impulse that was given by its founder and which helps to maintain research potential and motivation.

Keywords: *scientific school, history, political science, Perm State University, Lev E. Kertman, sociocultural aspects of the historical and political process.*

Liubov A. Fadeeva, Doctor of Science in History, Professor, Perm State National Research University, lafadeeva2007@yandex.ru

Daria B. Vershinina, Candidate of Science in History, Associate Professor, Perm State National Research University, daryapros@yandex.ru

**“МЯГКОЕ НАСИЛИЕ” И “ТОТАЛИТАРНАЯ ДЕМОКРАТИЯ”
ОБРАЗ “ЗАПАДА” В ПОЛИТИЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ ЭДУАРДА ЛИМОНОВА**

Политический язык Эдуарда Лимонова и других представителей российской праворадикальной оппозиции в 1980–1990-е гг., изучен слабо. История идей этого писателя и политика представлена, в основном, пересказом политических программ, написанных им в рамках «Национал-Большевистской партии», и позиций по актуальным вопросам, часто с акцентом на «культурной» составляющей его деятельности. В статье дан анализ образа «Запада» в его политическом языке, выявлены специфические идиомы, связанные с его представлением о «Западе» и использованные в ходе критики «коллективного западника» во время Перестройки и ранних 1990-х.

***Ключевые слова:** Запад, национализм, национал-большевизм, правый радикализм, Россия, СССР, Лимонов, интеллектуальная история.*

Политические языки российской праворадикальной оппозиции во время Перестройки и в 1990-е гг. содержат множество образов «Запада». «Запад» в текстах право-радикалов можно рассматривать как идиому, работающую в определённых полемических контекстах, или как целевую концепту, свойственный определённому стилю мышления, сформировавшемуся непосредственно в ходе использования этой идиомы в полемике. К этому располагал контекст эпохи. В процессе Перестройки и окончания Холодной войны активизировались публичные дискуссии, невозможные ранее из-за особенностей Советской идеологии и политического режима. Патриотизм «освобождался» от прокоммунистической советской идентичности, возрождающийся российский национализм вступал в борьбу с растущим влиянием Запада и внутрироссийского западничества, сводя разнородных сторонников преобразований и открытости миру к единому гомогенному образу, который для удобства можно назвать «коллективным западником». Борьба велась на уровне политического языка, который, на взгляд идеологов национализма, был слишком «западным»: ориентированным на «Запад» в своих идейных составляющих или интеллектуальной генеалогии. Предметом полемики с таким «западничеством» могло стать многое: начиная от дискуссий о необходимости внутренних и внешних рыночных реформ и заканчивая рассуждениями о сущности «Западной» цивилизации, её вреде и пользе для России, способах соотношения с ней российской государственности, и так далее. Эти концептуальные подходы формировались в среде идеологов и активистов, которые были маловлиятельны в 1990-е гг., но в XXI в. созданные ими идейные наработки приобрели гораздо большую популярность и авторитетность, что делает актуальным изучение идеологов национализма 1990-х гг.

Основной целью данного исследования стал основанный на методологии интеллектуальной истории анализ использования идиомы «Запада» и тех идиом, что наиболее устойчиво связывались с конституиру-

емым образом «Запада», а также анализ внутренней логики и эволюции подхода к этим идиомам в политическом языке русского писателя, поэта, эмигранта, и национал-большевистского политика Эдуарда Лимонова (Э.В. Савенко). В частности, речь пойдет об особенностях критики Лимоновым «Западного» «мягкого насилия» и «санаторности», о специфике воображения им «Западной» «демократии», интеллектуальной ответственности «Запада» за разрушительные «экспериментальные» идеологии и пропаганду «западнических» иллюзий, усвоенных «коллективным западником» СССР и России, о «многонациональности» как постулируемой Лимоновым отличительной черте России от «Запада».

Исследование построено на методологии Кембриджской школы в изложении Т. Атнашева и М. Велижева. «Политические языки» – это «совокупности идиоматических матриц, принятых в политической философии и составляющих фон, по отношению к которому проявляет себя автор»; «идиома» – «сложившееся устойчивое языковое образование»; «контекст», в известной степени, и есть «полемическая языковая ситуация»; «контекстуализация» – «систематическое исследование контекста» и «изучение более широкого круга источников, позволяющих историку реконструировать полемическую ситуацию высказывания и набор сложившихся в определенный момент идиоматических узусов, определявших ситуацию, в которой говорил и посредством речи действовал автор». Контекстуализация позволяет уточнить смысл «идиом» сквозь обращение к ««правилам политической игры», господствовавшим в их [авторов] время»¹. Для удобства использованы следующие термины: «узкий контекст» – полемическая ситуация, в рамках которой автор отвечал конкретному автору, тексту, действию, или событию; «широкий контекст» – исторические условия, в которых автор вынужден использовать конкретную идиому с определенным значением, из-за чего он нередко вступает в полемику с воображаемым «образом» своего «коллективного оппонента» или какой-то «идеей» в целом; «интертекстуальный контекст» – когда автор использует идиому, более глубокое понимание которой может быть обеспечено только в связи с другими идиомами и фрагментами его текстов или текстов тех, на кого он ссылался.

Необходимость использования методологии интеллектуальной истории применительно к текстам правых радикалов в 1980–1990-е гг. продиктована рядом причин. Посвященная Лимонову историография недостаточно обширна и преимущественно дескриптивна. Анализ идеологических особенностей этих движений чрезвычайно редок. К примеру, идеологию Лимонова рассматривал В.П. Сапон в контексте сравнения его с Михаилом Бакуниным², но им был сделан слишком узкий акцент на «анархистской» составляющей идеологии Лимонова, к тому же, в основном, в контексте 2000-х гг., когда ряд идей подвергся существенному изменению по сравнению с их состоянием в 1980–1990-е гг. Инте-

¹ Атнашев, Велижев 2015: 22-27.

² Сапон 2004.

ресные сравнения также проведены А. Рогачевским в контексте изложения биографии Лимонова (например, с Владимиром Маяковским и Петром Красновым)³. В этой же работе затрагиваются особенности некоторых элементов языка Лимонова, к примеру, концептов *героя* и *цивилизации*, но лишь на уровне поиска биографических причин, из-за которых автор стал определённым образом использовать их и лишь в некоторых контекстах. Наконец, книга Ф. Фенги⁴ содержит ценные замечания о культурной специфике литературы Лимонова и деятельности его партии, особенно в отношении их к «модерности». В ней дан анализ отдельных идеологических аспектов ранних книг Лимонова и газеты «Лимонка», но из-за обширности тематики теряется глубинная динамика подхода Лимонова к разным идиомам и концептам. Везде можно выделить общую проблему, вызванную, в основном, иным целеполаганием авторов: отсутствие или критический недостаток динамичного анализа идиом и концептов, используемых исследуемыми персонажами, и недостаток контекстуализации этих идиом актуальными полемическими и историческими условиями, а также в их связи с другими идиомами.

Интеллектуальная история периода Перестройки и постсоветского пространства сосредоточена в основном на текстах тех, кого герой данного текста назвал бы «западниками»⁵ или «левыми», тогда как языки условной «националистической» среды в целом малоисследованы. Важные исключения можно найти в работах Т. Атнашева или А. Магуна⁶, но они в большей степени посвящены «консервативным», нежели националистическим идиомам, и как раз в случае с героями данного исследования акцент смещается с анализа идиом в сторону анализа аргументов и общих историсофских позиций авторов.

Данное исследование вводит в оборот источники, ранее использовавшиеся достаточно редко, чем продиктовано обилие цитат из них). Возможно, в своё время это было вызвано спецификой исследовательского акцента авторов, у которых не стояло задачи чересчур углубляться в язык исследуемых персонажей, но лишь указать на какие-то общие условные совокупности исповедуемых ими идей. В свою очередь, конституируемый Лимоновым образ «Запада» и связанные с ним идиомы – наиболее удобная точка отсчёта для анализа его «языка»: именно отталкиваясь от образа «Запада» можно увидеть специфику мышления «право-радикала» касательно ряда других проблем.

Термин «право-радикал» используется в статье преимущественно в силу сложившейся в российской и зарубежной историографии практики применения. Понятийная сетка «левого» и «правого» весьма неустойчива, но даже несмотря на то, что исследуемый персонаж может быть в ряде случаев классифицирован как «левый», Лимонов и персонажи

³ Rogachevskii 2003.

⁴ Fenghi 2020.

⁵ К примеру, Атнашев 2018.

⁶ Магун 2010.

родственных ему взглядов часто характеризуются как «правые», «ультраправые», «right-wing» и «far-right» (а также «фашисты» и «националисты» в качестве синонимов) у У. Лакера⁷, С. Шенфилда⁸, М. Ларюэль⁹, Ф. Фенги и ряда других авторов. Звание «радикалов» же означает, как правило, радикальное теоретическое расхождение с легитимной и популярной политической мыслью, а также готовность к участию в нелегитимных общественных мероприятиях.

В качестве источников выбраны популярные и основные труды Лимонова данного периода, в основном публицистика. В фокусе исследования находятся: «Исчезновение варваров» (сборник эссе и статей для нескольких газет), «Дисциплинарный санаторий» (отчасти художественное эссе, отдельные главы которого мало отличаются от газетных статей), «Убийство часового» (публицистика и эссе до 1992 г., но большая часть уже вышла из-под пера Лимонова-политика и участника боевых действий), «Как мы строили будущее России» (сборник статей, написанных Лимоновым для национал-большевистской газеты «Лимонка» с 1993 по 2004 гг.), и «Анатомия героя» (книга, структурно схожая с «Убийством часового», но сюда вошли статьи как 1993 г., так и более поздние). Важными источниками стали и несколько интервью и видеовыступлений Лимонова. Спонтанность живых бесед позволяет зафиксировать устойчивость некоторых элементов политического языка.

«Мягкое насилие» и «расизм» Запада

Российским праворадикалам данного периода было свойственно говорить о «Западе» как о едином существующем сквозь века геополитическом организме, противостоящем России, СССР, Российской Империи, или даже более ранним образованиям на месте современного им постсоветского пространства. В 1988–1989-х гг., ещё находясь в Париже, Лимонов начал писать книгу «Дисциплинарный санаторий», дорабатывал её в 1990–1991-х гг., и впервые опубликовал в России в издательстве «Глагол» в 1992 г. Стоит отметить, что некоторые известные члены НБП позитивно отзывались прежде всего об этой книге Лимонова среди тех, что повлияли на них в это время. К примеру, знаменитый российский музыкант Егор Летов, судя по словам самого Лимонова в позднем интервью, в 1993 г. отзывался о ней с восхищением¹⁰, а позднее писатель Захар Прилепин называл именно её в числе тех, что оказала на него и на всё общество серьёзное влияние в 1990-х гг.¹¹ Ещё во время написания этой книги в конце 1980-х гг., Лимонов постулировал логику неизменного геополитического антагонизма, борьбы цивилизаций, народов, политий, и сохранял эту логику на протяжении всей публицистики дальнейших годов. Широким полемическим контекстом для него была заочная дискуссия с коллективным «Западником» и «реформатором»,

⁷ Лакер 1994.

⁸ Shenfield 2000.

⁹ Laruelle 2009.

¹⁰ Лимонов Э. ГРОБ // LIFE: сетевое издание. 08.11.16. URL: <https://life.ru/p/928129>.

¹¹ Андреев И. Захар Прилепин о судьбе и разочаровании Эдуарда Лимонова...

чи, в понимании Лимонова, иллюзорные «западнические» идеи противоречат не просто «закону истории», но и постоянно проговариваемым в «Санатории» биологическим особенностям живых организмов.

По Лимонову, и СССР, и «Запад» были системами подавления. Разницу он видел в том, что на «Западе» подавление осуществлялось при помощи «мягкого насилия», его пример – регуляция естественных человеческих желаний через средства массовой культуры¹². В числе «регуляции желаний» или, как это ещё называет Лимонов, «санаторной агрессии против природы»¹³ неоднократно упоминается и принудительное создание негативного образа войны¹⁴, призванного подавить «природное» влечение к войне как людей, так и человеческих обществ. Подобное отношение к войне Лимонов ставит в вину и ощущению угрозы «тотального уничтожения», с которым связан описанный в этой и других книгах авторский концепт «РАИХ АТОМІQUE», «ядерный мир». Его Лимонов регулярно называет одной из главных причин перехода государств к режиму «soft» насилия, полагая, что наличие ядерного оружия сделало невозможными серьёзные войны, в рамках которых человек бы естественно реализовывал свою «природу».

Подчёркивание «санаторности» Запада также казалось Лимонову важным в широком полемическом контексте, в качестве ответа тем, кто пользовался «широко распространенным несправедливым уподоблением СССР ГУЛАГУ»¹⁵. Уподобление «Запада» «санаторию» при помощи этой и связанных с ней идиом становилось ответом в контексте видевопросов автору «правил игры». Показательно, что Лимонов будет вспоминать об этой своей художественной задаче даже в ходе устной лекции, посвященной его книге уже в середине 1990-х гг.¹⁶ При этом Лимонов неоднократно отмечал наличие аспектов «санаторности» и «soft насилия» и в СССР. Схожий лейтмотив сохранится и в более поздние годы. Например, уже на страницах национал-большевистской газеты «Лимонка» во второй половине 1990-х гг. Лимонов будет критиковать послевоенные советские комедийные фильмы: «...Вицин—Моргунов—Никулин отплясывали свои пошлые чечетки на всю страну...»¹⁷. На его взгляд, обилие фильмов подобного жанра «опошляло» недавнее героическое прошлое победившей в войне страны. Казавшийся автору недостатком милитаризма в массовой культуре послесталинского СССР приводил к тому, что в нём по Западному «санаторному» сценарию выросло несколько поколений «обывателей», точно так же лишённых возможности и даже потребности реализовывать свою естественную природу.

Изобличая «мягкое насилие» такого «Запада», Лимонов видел своей задачей и обнажение его истинной «воинственной» природы, скрыва-

¹² Fenghi 2020: 52

¹³ Лимонов 2002: 160

¹⁴ Там же: 127

¹⁵ Там же: 19.

¹⁶ Лимонов Э. (2020) Лекция Эдуарда Лимонова «Дисциплинарный санаторий»...

¹⁷ Лимонов 2004: 235.

ющей за ширмой «санаторности». С одной стороны, его тексты, описывающие западную «воинственность», нацелены на полемику с тем же «коллективным западником». Автор стремился развеять всевозможные «западнические» иллюзии своих соотечественников. Среди таких иллюзий он видел приписывание СССР «роли интернационального злодея номер один»¹⁸. С другой стороны, обнажая подлинную «воинственность» «Запада», Лимонов как бы дополнительно аргументировал свою логику обусловленного самой природой геополитического антагонизма: ведь получалось, что даже построенное на «мягком насилии» «санаторное» общество на самом деле остаётся агрессивным.

Более узкий полемический контекст подобных высказываний автор поясняет сам во всецело посвященной теме «агрессивности» «Запада» статье «Век вторжений», опубликованной в газете «Красная звезда» уже в феврале 1991 г. Лимонов рассказывает, как в 1968 г. слушал сюжеты запретного радио «Свобода» о вторжении СССР в Чехословакию, и затем поссорился с отцом-военным, который в ответ на воспроизведение сыном весьма критических по отношению к этой политике тезисов стал утверждать, что враждебная государству радиостанция пытается отвлечь внимание советской молодёжи от американского вторжения во Вьетнам. Лимонов создаёт образ неопытного, повёдшегося на вражескую пропаганду сына, не послушавшегося в своё время мудрого отца. Апеллируя к собственному опыту жизни за границей, автор утверждает, что он прозрел лишь когда попал на «Запад» лично, убедившись в том, насколько обманчива транслируемая оттуда на покинутую им родину пропаганда. Так, автор противопоставлял себя потенциальному читателю-«западнику» и создавал дополнительный аргумент в пользу своего права говорить о двадцатом веке как «Веке вторжений», тщательно акцентируя внимание на том, что «вторжения» в этом веке учинял далеко не только СССР. В частности, в этом тексте он подробно расписывает жертвы американского вторжения во Вьетнам, подавления Францией «национальных восстаний» в своих колониях, войны за независимость Алжира и других событий. Лимонов утверждает, по сути, повторяя приписываемую отцу идею, что «Запад» при помощи отлаженной медийной системы попросту отводит взгляд от собственных вторжений систематическими пересказами вторжений «коммунистических». К такому «Западу» регулярно применяется идиома «агрессивности».

В связи с этим, сложно пройти и мимо редких для языка Лимонова в целом, но показательных попыток связать с «Западом» «расизм». В этом же тексте автор задается риторическими вопросами: не ответствен ли «европоцентризм, переходящий в расизм»¹⁹ за приписываемое Лимоновым «Западу» «невнимание» к жизни «не-европейцев»? (Под «невниманием» имеется в виду «замалчивание», по автору, жертв политики «Запада» в Африке и Азии, но акцентирование внимания на

¹⁸ Лимонов: 1992: 236.

¹⁹ Лимонов 1992: 46.

жертвах советской политики в Европе.) Здесь же автор иронично заявляет об умении «Запада» «цивилизировать дикарей»²⁰. Сложно говорить о том, насколько искренне близка была автору подобная «антиколониальная» перспектива, но иногда он не мог упустить её использование по крайней мере в качестве риторического приёма, с помощью которого можно было наделить «Запад» очередной отрицательной чертой в широком полемическом контексте 1980–1990-х гг.

При работе с текстами Лимонова может показаться парадоксальным, что он считает «естественной» агрессивность и войну, но при этом критикует «агрессивность» Запада. Это противоречие объяснимо той же идеей «санаторности». Критикуя «агрессивность» Запада, Лимонов негативно характеризует прежде всего скрытость этой «агрессивности» за ширмой «санаторности», и исследуемое им влияние прежде всего этой обманчивой ширмы на «западников» среди его соотечественников. Возможно, поэтому большинство негативных характеристик «агрессивности» Запада встречаются именно в контексте заочной или прямой полемики с «западником». Радикализация характеристик призвана эмоционально акцентировать внимание на проблеме.

Западническая «антиколлективизация» и «буржуазность»

В посвящённом «мягкому насилию» трактате также встречались специфичные попытки обличить обманчиво «благородную» сущность «Запада». К примеру, примечателен фрагмент текста, в котором Лимонов настойчиво подчёркивает «общеευропейскую» генеалогию и нацизма, и марксизма: «Ревизионизм отсек германский нацизм от эпохи и... превратил в Монстра, в иррациональное Чудовище, поразившее благородных жителей Европы. То обстоятельство, что нацизм (так же, как и марксизм) был общеευропейской идеей... замалчивается...»²¹.

Упомянутое «замалчивание», осуществляемое в т.ч. посредством описанного Лимоновым «мягкого насилия», также способствует сокрытию «агрессивной» сущности «Запада». Подчёркивание же «общеευропейской» генеалогии двух идеологий работало на широкий полемический контекст. В 1980–1990-х гг. многим из тех, кого автор называл «западниками», было свойственно обвинять эти идеологии в самых масштабных бедствиях и трагедиях заканчивавшегося XX века. Всё более радикальной становилась демократическая критика «марксизма», по крайней мере, в контексте критики практических результатов применения этой идеологии в истории советского государства. Активно и с новейшими подробностями обсуждались трагедии коллективизации и сталинских массовых репрессий. Лимонов пыгается развернуть эти упреки в сторону того, что видит идеалами своего воображаемого коллективно-оппонента: чего-либо «европейского» и «западного».

Отдельно интересна идиома «общеευропейская идея», которая скорее всего является намеренной ироничной отсылкой автора к идиоме

²⁰ Там же: 236.

²¹ Лимонов 2002: 105.

«общеевропейского дома» Михаила Горбачёва. Идиома «общего дома» – «Мы с вами живём в этой Европе... Мы живем в одном доме... Нам нужно сотрудничать и налаживать коммуникации в этом доме»²², – была озвучена Горбачёвым ещё в 1985 г. Он неоднократно отсылал к ней впоследствии, в т.ч. ретроспективно подчёркивал её важность (и уже именно в виде «общеевропейского» дома) в своей речи в 1987 г. в Чехословакии²³. Контексты словоупотребления идиомы Горбачёвым могли серьёзно разниться. В частности, М. Ф. Польшин отмечал, что изначально идиома отображала идею «вбить дипломатический клин между США и европейскими членами НАТО...»²⁴. Но этот контекст сознательно не учитывался право-радикалами вроде Лимонова. Во-первых, они не веряли самой возможности наличия подобных замыслов у Горбачёва, и даже если бы могли поверить в них, результаты его внешней политики говорили бы им об обратном. Во-вторых, признание за Горбачёвым подобных замыслов было бы полемически невыгодно для их риторики, в рамках которой Перестройка и её акторы активно критиковались и нередко обобщались вместе с «демократической» оппозицией до образа одного коллективного «Западника». Так, ироническое воспроизведение идиомы «общеевропейского» становилось своеобразным упреком «западничеству», наивному космополитизму, готовности идти на уступки геополитическому оппоненту.

В рамках критики «Запада» Лимонову также было свойственно подчёркивать, что и марксизм, и «либерально-демократическая идеология» были «экспериментами западного происхождения»²⁵. Настойчивость разговора о «западном» происхождении этих идей подразумевает веру автора в принципиальные онтологические препятствия для переноса политических практик одного государства на почву другого. Эта вера не в последнюю очередь продиктована специфичным воображением народов или даже государств в качестве «организмов», что проявляется у Лимонова в органицистских образах и метафорах. Называя планы некоторых «западников» реорганизовать сельское хозяйство по западному «фермерскому» образцу «антиколлективизацией», он отмечает опасную вероятность, что она «окажется не менее болезненной для организма народа, чем коллективизация: ведь речь идет о смене психологии, поведения, образа жизни многих десятков миллионов людей...»²⁶. Так, автор полагал, что чуждая политическая практика может навредить самому «организму народа». Идиома «антиколлективизация» в свою очередь также навешана широким полемическим контекстом: уже в Перестройку вскрывались подробности смертельных для миллионов людей масштабов советской коллективизации. Само партийное руководство, осторож-

²² Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С.Горбачева во Францию 1985: 14-15.

²³ В Политбюро ЦК КПСС 2006: 161.

²⁴ Польшин 2017: 148.

²⁵ Лимонов 1992: 189.

²⁶ Там же: 86.

но рефлексирова «сталинский» период истории своего государства, было склонно признавать ошибочность ряда его действий во время проведения той политики. Обсуждение подробностей, проблем и ошибок «коллективизации» в политической риторике оппозиции само по себе становилось частью критики порочной сущности действующего режима и истории советского государства. Выражая риторические опасения по поводу вероятных результатов проведения очередного «эксперимента западного происхождения» с помощью идиомы «антиколлективизации», Лимонов разворачивал популярный отрицательно заряженный риторический приём в сторону «западников».

Критикуя потенциальные результаты «либерально-демократического» эксперимента, Лимонов старался аргументировать, почему «социализм», являясь «экспериментом», был, по его мнению, всё же более органичен для России: «Характер русского человека в течение тысячелетия подвергался влиянию византийского христианства... Византизм – куда более коллективистская, общинная религия... возможно предположить, что, помимо византизма, очень сформировала его характер привычка к жизни “миром”. Традиционно русская земельная община, МИР, общественное владение землей сделали русских эгалитарными коллективистами за множество столетий до появления социалистического строя...»²⁷. Лимонов говорит о коллективистской народной морали, формировавшейся у русских ещё с древних времён, в т.ч. в силу принятия именно Византийской модели православия. Полемически это также было важно в контексте, в рамках которого Лимонов спорил с людьми, проповедовавшими, пересматривая советскую «коллективистскую» риторику, «индивидуализм». В такую категорию людей Лимонов мог записать всех, кого мог назвать «западником», вплоть до «боссов перестройки», для которых «экономическая «рыночная» реформа» сделалась «идеей фикс»²⁸, почему они, по мнению Лимонова, невзирая на коллективистскую «душу Ивана Иванова», вершили свои «революционные» по отношению к этой душе «изменения»²⁹. «Западный» же капитализм считался непригодным для русских прежде всего в силу того, что за ним стояла исключительно «индивидуалистическая» этика.

Стоит отметить и специфику использования идиомы «буржуазности» в схожих контекстах. В силу советской традиции, эта идиома закономерно соотносилась с чем-то «Западным» и, подчас, шла через запятую с такой соотносимой с образом «Запада» идиомой как «индивидуализм». Лимонов часто стремится писать о «буржуазности» новых советских элит и западной «интеллигенции», которую он полагал «авангардом» «советской буржуазии»³⁰. Впрочем, особенно любопытный сюжет касается реплики, брошенной им однажды в адрес «национа-

²⁷ Лимонов 1992: 94.

²⁸ Лимонов 1992: 112.

²⁹ Там же: 104.

³⁰ Лимонов 1993: 94.

лизм» как идеологии. Лимонов называл его «буржуазной идеей, неотъемлемой от класса буржуазии»³¹ в статье с характерным названием «Преступная идеология» в «Советской России» (2.11.1991). Здесь важен контекст словоупотребления: он говорит об этом, когда национализмы на окраинах Советского Союза оказываются деструктивны по отношению к самому существованию СССР, который, в контексте воззрений Лимонова в то время, держался на пока ещё противопоставляемой национализму «многонациональности». В том числе поэтому у Лимонова неоднократно встречаются похвалы СССР за наличие именно «наднациональной» идеологии³². В интертекстуальном контексте, в связи с его постулатами о «социализме» и русском национальном «коллективизме», идиома «буржуазности» также связывалась с «индивидуализмом» и «капитализмом» как противоречащими России продуктами «Запада».

“Тоталитарная демократия” Запада и “многонациональность” России

Контекст критики Лимоновым «Западной» демократии требует пояснения. Лимонов использует «демократию», импортированную Горбачёвым и его советниками в качестве идиомы, ассоциируемой с политической слабостью и нерешительностью. «Советники... не советуют ему вводить войска на территории, где идут погромы» (речь о погромах в Баку в январе 1990 г. и «Ошской резне» мая-июня 1990 г.). В приведенной цитате Лимонов сводит логику «советников», характеризуемых им как «прогрессистов и прозападников», к приписываемому им страху получить неодобрение Запада: «Запад скажет, что мы не демократы»³³.

Российское западничество Лимонов трактует широко: «и Горбачев, и Ельцин... люди без собственных идей, функционеры власти. Профессионалы внутренних партийных интриг, оба они – ЗАПАДНИКИ»³⁴. При этом, в 1990 г. Лимонов отмечает, что на «Западе» демократия есть «мощная девушка высокого роста, решительная и могучая», а в СССР она «оказалась бессильной и беззубой»³⁵. Автор способен наделить «демократию» на «Западе» позитивными чертами, соблюдая собственную логику, согласно которой определенные политические режимы уместны лишь на «своей» почве. Тем не менее, уже в рамках написанной в июле 1993 г. для газеты «День» статьи «КРАСНЫЕ + КОРИЧНЕВЫЕ = ВЛАСТЬ», «демократия» (как Европейская, так и США) будет именоваться «тоталитарной», и её «тоталитаризм» будет связан с идеей господства «Запада», установленного им «нового мирового порядка», которому и призваны противостоять «красно-коричневые»³⁶. Подобное обострение риторики неудивительно, ведь данная статья написана уже после начала автором полноценной политической «национал-большевистской» деятельности. Нацеленный на уличную политическую актив-

³¹ Лимонов 1992: 52.

³² Там же: 188.

³³ Там же: 110.

³⁴ Лимонов 1992: 172

³⁵ Лимонов 1992: 101.

³⁶ Лимонов 1997: 55.

ность «Национал-Большевистский Фронт», по словам автора статьи, был организован уже 1 мая 1993 г. А летом «национал-революционные» соратники Лимонова организуют митинги, к примеру, 5 июня на Лубянской площади, где некоторых из них избивают и арестовывают.

Пропагандируемая Лимоновым идея вреда «импорта» политических практик обретает логическое завершение: неосторожный и невнимательный к национальному контексту «импорт» способен лишь повторствовать тому, чтобы чужая (в данном случае, Западная) «тоталитарная демократия» установила «новый мировой порядок»: «то есть полный произвол США и европейского сообщества в мире»³⁷, в случае России откликнувшийся превращением России в «страну третьего мира... колонизированную США и Европейским Сообществом», из чего же Лимонов выводит идею, что «подавляющее большинство русских страдает от эксплуатации новым классом буржуазии»³⁸. «Эксплуаторская», «тоталитарная» цивилизация «Запада» словно намеренно транслировала заведомо ослабленный аналог своего принципа управления на не присущую ему почву побеждённого им государства для поддержания сохранности своего «мирового порядка», который поддерживается не только «санаторными», но и вполне репрессивными методами.

Лимонов на момент рубежа 1980-1990-х гг. также склонен предостерегать читателя, что благополучие «Запада» зиждется на закупке сырья за бесценок у стран «третьего мира», на «эксплуатации», из-за которой в эксплуатируемом извне государстве усиливается и «эксплуатация части собственного населения»³⁹. Тем не менее, в эфире одной радиопередачи Лимонов скажет, что «надо увеличивать экспорт и продавать всё, что возможно, на Западе»⁴⁰. Это говорит о том, что Лимонов использовал идиому «эксплуатации» в экономическом смысле, в основном, в определённых полемических контекстах ради риторической выгоды, ведь в однозначность «эксплуатационных» рыночных отношений между государствами он не верил. Впрочем, именно это приводило его к вольности использования идиомы «эксплуатации» в первую очередь как мобилизующей читательское внимание характеристики. Поэтому в одном из партийных манифестов второй половины 1990-х гг. за авторством Лимонова можно встретить призыв сделать Россию «гордым национальным государством», что должно вывести её из состояния «эксплуатируемой, колонизированной Западом и Востоком резервации»⁴¹.

Любопытно, что с помощью упомянутой ранее идиомы «многонациональности» к концу 1980-х гг. и в 1991–1992-е гг. Лимонов также склонен выделять магистральное отличие русских и России от «Запада». Встречаются прямые примеры её употребления: например, «Традиция

³⁷ Там же.

³⁸ Лимонов 1997: 60

³⁹ Лимонов 1992: 128.

⁴⁰ Лимонов Э. (2017) Один на один с Эдуардом Лимоновым 1996... 35:10

⁴¹ Лимонов 1997: 134.

многонациональной российской цивилизации»⁴², «...разрушение советского многонационального государства...»⁴³. В последней цитате «советское» следует воспринимать как синоним «русского» или «российского», поскольку советскую «многонациональность» Лимонов выводит именно из «русской» традиции. Но схожий лейтмотив подчёркивается и другими способами. К примеру, когда Лимонов проводит строгое разграничение между «правом почвы» и «правом крови» в статье «Ждут живые и павшие» в «Советской России» от 15 марта 1991 г.⁴⁴ «Право почвы» Лимонов отводил России, и эта идея впоследствии стала популярным в среде Лимонова отличительным маркером России от «Запада». Так, в одном интервью на этом различии настаивал тогда ещё национал-большевистский музыкант Егор Летов, говоря о различии ««Баркашовского» нацизма» и «национализма имперского», «по территории», и винил «идеологию Запада» в том числе и за то, что иные люди склонны идти по пути первого национализма, «по крови», а не второго⁴⁵.

Впрочем, уже в 1993 г. Лимонов начнёт пренебрегать идиомой «многонациональности». Примечателен его текст «Выкидыш национализма» для «Нового взгляда» от 7 августа 1993 г., в котором автор полемизировал с националистом Владимиром Жириновским. Одним из главных лейтмотивов критики Жириновского здесь стала идея, что последний, по мнению Лимонова, подозрительно вовремя понял, что «русские люди отзовутся на национальные идеи» (в том числе, «имперского» характера), и именно поэтому оседлал использующую их повестку. В этом тексте Лимонов характеризует русских как «многочисленный имперский народ». К середине статьи он начинает рассуждать о «нерусскости» Жириновского по этническому признаку, и сразу оговаривается: «мне-то что, я не расист. Сталин вон был грузином, однако интересы России защитил... русский народ... – широкий, кровь для нас всегда была неважна. Куда важнее было, что человек говорил на нашем языке, жил по-русски и отстаивал русские государственные интересы»⁴⁶.

Можно предположить, что заостряющая полемику с «этническим», «расистским» национализмом цитата является характеристикой того, что Лимонов понимает под «имперскостью» и контекстуальным синонимом «многонациональности», которой он в контексте полемики против Жириновского избежал. Важность этого контекста подтверждается другим полемическим текстом в адрес Жириновского, где Лимонов пытается представить оппонента ненастоящим националистом, в частности, как раз за использование в предлагаемой ЛДПР Конституции формулировки «Мы, многонациональный народ Российской Федерации» и утверждение, что ««Носителем суверенитета и единственным источни-

⁴² Лимонов 1992: 196.

⁴³ Лимонов 1992: 241.

⁴⁴ Лимонов 1992: 130.

⁴⁵ Евстигнеев О. (2017) 1994 Интервью Егора Летова. 4:50

⁴⁶ Лимонов 1997: 50.

ком власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ». После цитирования этих положений проекта ЛДПР, Лимонов утверждает, что в документе «не нашлось места для русского народа»⁴⁷. Следовательно, ранее активно используемая «многонациональность» перестала быть синонимом или атрибутом «русскости» для Лимонова, или, по крайней мере, эта идиома потеряла тот эффект, на который автор рассчитывал, когда использовал её ранее. Поменялись «момент» и «правила политической игры», и в том числе из-за этого в манифестах и лозунгах чаще стало фигурировать «национальное государство».

Так, хотя в пропагандируемом Лимоновым образе «Русского Национального Государства» сохранялись некоторые «имперские», «державные» атрибуты, всё ещё важные ему для разграничения России и «Запада», как минимум в риторике Лимонова вперед стал выходить более этно-центрический национализм. Это по-своему сближало пропагандируемый им тип национализма с тем, который он регулярно приписывал Западу в негативном контексте. Стоит помнить и о нестабильности этого различения в его политическом языке, ведь говоря о логике «права почвы» и «права крови» на «Западе» он сам (в отличие от некоторых сопартийцев) иногда был склонен делать оговорку, что Франции испокон веков также было свойственно «право почвы», тогда как «право крови» относилось преимущественно к «германской цивилизации»⁴⁸.

Заключение

Методология интеллектуальной истории позволила определить специфику использования ряда идиом в отношении образа «Запада» в политическом языке Эдуарда Лимонова в 1989–1993 гг. На примере трактата «Дисциплинарный санаторий», который он писал в 1989–1991 гг. и публиковал в России в 1992 г., отмечена специфика его подхода к идее имманентного геополитического антагонизма. По Лимонову, этот антагонизм между Россией и «Западом», обусловлен самой «природой», биологическими особенностями живых организмов, из-за которых люди и человеческие общества неизбежно вступают в конфликты. Из веры в эту идею следовала критика «мягкого насилия». По мнению автора, «Запад» второй половины XX века основан на «мягком насилии», занимается, «регуляцией желаний», природно свойственных людям, в частности, их тяги к «агрессии». Этот «Запад» уподобляется «санаторию».

Идиома «санаторий» была изобретена Лимоновым в силу им же проговоренного полемического контекста: он видел этот концепт ответом на уподобление СССР «ГУЛагу» и считал необходимым аналогично уподобить «Запад» чему-то «несвободному», основанному на принуждении, «насилии», делая при этом акцент на местной специфике этого «насилия» и противоречии этого вида «насилия» самой «природе». Периодически Лимонов также наделял идиомой «санаторности» всю современную ему цивилизацию, не только «Запад», но и СССР.

⁴⁷ Лимонов 1994: 75

⁴⁸ Лимонов 1992: 130

СССР критиковался за отсутствие на его взгляд необходимого акцента на «милитаризме» в массовой культуре послесталинского государства. Выдвигаемый Лимоновым концепт «ядерного мира», наступившего после Второй Мировой войны, также ложился в его видение истоков «санаторности» цивилизации. По его мнению, именно из-за «ядерного мира» у огромных масс людей была отнята возможность реализовывать свою природу в войнах, и даже в не-западных странах выросли поколения «обывателей». При этом, обличение «мягкого насилия» «Запада» становилось для Лимонова поводом и средством изобличать его истинную хищническую, военную, «агрессивную» сущность. Здесь он полемизировал с распространёнными на его взгляд иллюзиями соотечественников, в рамках которых те уделяли СССР «роль интернационального злодея номер один». Истинный, скрывшийся за своей «санаторностью» «Запад» часто характеризуется при помощи идиомы «агрессивности», а также ему иногда приписывается исходящий из его «европоцентризма» «расизм». При этом данная «агрессивность» характеризовалась негативным образом прежде всего по причине скрытости её «санаторностью», из-за чего истинная суть действий геополитического оппонента, по мнению Лимонова, ускользала от ряда его сограждан.

Полемизируя с распространёнными на взгляд Лимонова иллюзиями современных ему «западников», он также настойчиво подчёркивал «общевропейский» исток обычно критикуемых этими «западниками» идеологий нацизма и марксизма. Он обвинял «Запад» в «замалчивании» своей по меньшей мере интеллектуальной ответственности за эти идеи и трагическое воплощение их на практике. Идиома «общевропейский» становилась контекстуальным синонимом «западного». Рассуждая о порождённых «Западом» и «Европой» идеологиях, в определенном полемическом контексте Лимонов также предупреждал об опасности проведения либерально-демократических «экспериментов» на российской почве. Он прибегает к идиоме «антиколлективизации» для предупреждения потенциальных опасностей результатов либерально-демократических реформ, и полагает, что они могут быть не менее вредны для «организма народа» чем «коллективизация».

Хотя Лимонов в период публикаций статей такого рода (1989–1992) склонен был не отрицать «экспериментального» характера «марксизма», он пытался аргументировать, почему «социализм» был более органичен для России. Он выводил эту органичность из присущего «русскому человеку» ещё с древности «коллективистского» характера, противоположного «индивидуалистической» трудовой этике, лежащей в самих основах «западного» капитализма. Он упрекал деятелей Перестройки в совершении ещё более «экспериментальных», «революционных изменений» относительно самой души русского человека («души Ивана Иванова»). В схожих контекстах в качестве упрёка использовалась идиома «буржуазности» (в частности, «советская буржуазия»), применяемые автором в адрес «западнически» настроенных реформаторов и «ин-

теллигенции». В интертекстуальном контексте, в связи с рассуждениями Лимонова о «социализме» и русском национальном «коллективизме», идиома «буржуазности» также связывалась с «индивидуализмом» и «капитализмом» как противоречащими России продуктами «Запада».

Постулируемая Лимоновым логика «органичности» определённых политических практик только в конкретных государствах и вреда переноса их на чуждую почву периодически откликалась позитивным прочтением «демократии» на «Западе»: «Мощная девушка высокого роста, решительная и могучая». Но именно в силу этой логики он критиковал «демократию», строимую руками «западников» в России, на его взгляд, «бессильную и беззубую». Со временем, в том числе в силу становления автора полноценным «национал-большевистским» (тогда ещё «национал-революционным») политиком и начала им в том числе личной политической активности, его риторика в отношении «демократии» обострилась. «Западная» демократия характеризовалась как «тоталитарная», в рамках своего «нового мирового порядка» стремящаяся к «эксплуатации» других стран, включая Россию. В этой логике получалось, что «Запад» намеренно сохранял в «эксплуатируемых» странах слабые версии «демократии». С 1992 г. и в следующие годы идиома «эксплуатации» активно используется Лимоновым во множестве текстов преимущественно в риторических соображениях. Сам автор не верил в однозначно «эксплуаторский» характер любых международных рыночных отношений, но при этом регулярно использовал громкие лозунги с призывами к превращению России в «гордое национальное государство», что должно было вывести её из состояния «эксплуатируемой, колонизированной Западом и Востоком резервации».

Эволюция политического языка Лимонова в сторону таких лозунгов заслуживает внимания в свете того факта, что до 1993 г. Лимонов активно использовал идиому «многонациональности» как одно из средств различения России и «Запада»: она указывала и на «неэтнический» принцип в основе русского национального характера, на «наднациональный» характер органичной русским «идеологии», на «широту» русского народа. Но с 1993 г. эта идиома начинает исчезать из его языка, хотя ряд приписываемых «русским» с помощью этой идиомы черт ещё будут появляться в его текстах. На передний план начинает выходить «национализм», более похожий на тот, который он раньше характеризовал как «буржуазный» и «западный». Это может быть объяснено полемическим контекстом не только с «западниками», но и с другими «националистическими» движениями и деятелями России, прежде всего конкуренцией с Жириновским. Лимонов стал критиковать «многонациональность», когда эта идиома была использована в проекте конституции ЛДПР. Поменявшиеся «правила игры» побуждали его чаще апеллировать к необходимости построения именно «национального государства» и апологии «русского народа». Также это возможно объ-

яснить следующим образом: после падения СССР, «развала империи», при которой, по мнению Лимонова, была возможна «наднациональная» идеология — он посчитал «национализм» более эффективным и уместным средством в новом геополитическом контексте противостояния каким-либо «врагам». В том числе, другим «национализмам».

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Андреев И. Захар Прилепин о судьбе и разочаровании Эдуарда Лимонова // Свободная Пресса: сетевое издание. 17.03.2020. URL: <https://svpressa.ru/culture/article/260038/> [Andreev I. Zahar Prilepin o sud'be i razocharovanii Eduarda Limonova (Zakhar Prilepin about destiny and disappointment of Eduard Limonov) // Svobodnaya Pressa: setevoe izdanie. 17.03.2020. URL: <https://svpressa.ru/culture/article/260038/>]
- Визит Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева во Францию. 2-5 октября 1985. Документы и материалы. М.: Изд. полит. литературы, 1985. 96 с. [Visit Generalnogo Sekretarja SK KPSS M.S. Gorbacheva vo Frantsiyu. 2-5 oktyabrya 1985 goda. Dokumenty i materialy (Visit of General Secretary of Central Committee of CPSU M.S. Gorbachev to France. 2-5 October 1985. Documents and materials). Moscow: Izd. politicheskoj literatury, 1985. 96 s.]
- В Политбюро ЦК КПСС...: По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985-1991) / Сост. А. Черныяев (рук. проекта), А. Вебер, В. Медведев; Горбачев-Фонд. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. 800 с. [V Politburo CK KPSS...: Po zapisyam Anatoliya Chernyayeva, Vadima Medvedeva, Georgija Shahnazarova (1985-1991) (In CPSU Politburo: According to entries of Anatoly Chernyayev, Vadim Medvedev, Georgy Shahnazarov (1985-1991)) / Sost. A. Chernyayev (ruk. proekta), A. Weber, V. Medvedev; Gorbachev-Fond. M.: Alpina Biznes Buks, 2006. 800 s.]
- Евстигнеев О. (2017) 1994 Интервью Егора Летова [копия видео-интервью] // Youtube. 1 мая [Evstigneev O. (2017) 1994 Intervju Egora Letova [kopia video-intervju] (1994 Interview of Egor Letov [video-interview copy]) // Youtube. 1 maya.] URL: https://www.youtube.com/watch?v=Bs_LviGMPis
- Лимонов Э. Анатомия Героя. Смоленск: Русич, 1997. 480 с. [Limonov E. Anatomiya Geroja (Anatomy of Hero). Smolensk: Rusich, 1997. 490 s.]
- Лимонов Э. ГРОБ // LIFE: сетевое издание. 08.11.16. URL: <https://life.ru/p/928129> [Limonov E. GROB (GROB) // LIFE: setevoe izdanie. 08.11.16. URL: <https://life.ru/p/928129>]
- Лимонов Э. Исчезновение варваров. М.: Глагол, 1992. 550 с. [Limonov E. Ischeznovenie varvarov (Disappearance of Barbarians). Moscow: Glagol, 1992. 550 s.]
- Лимонов Э. Убийство часового, М.: Молодая Гвардия, 1993. 368 с. [Limonov E. Ubijstvo chasovogo (Murder of the Sentry). Moscow: Molodaya Gvardia, 1993. 368 s.]
- Лимонов Э. Дисциплинарный санаторий. СПб: Амфора, 2002. 245 с. [Limonov E. Distsiplinarnyj sanatorij (Disciplinary Sanatorium). Saint-Petersburg: Amfora, 2002. 245 s.]
- Лимонов Э. Как мы строили будущее России. М.: Пресском, 2004. 511 с. [Limonov E. Kak my stroili budushee Rossii (How We Built the Future of Russia). Moscow: Presskom, 2004. 511 s.]
- Лимонов Э. Лимонов против Жириновского. М.: Конец Века, 1994. 192 с. [Limonov E. Limonov Protiv Zhirinovskogo (Limonov against Zhirinovskiy). Moscow: Konets Veka, 1994. 192 s.]
- Лимонов Э. (2020) Лекция Эдуарда Лимонова «Дисциплинарный санаторий» (18.11.1996) [запись старой лекции] // YouTube. 24 марта. [Limonov E. (2020) Lektsiya Eduarda Limonova «Distsiplinarnyj sanatorij» (18.11. 1996) [zapis staroj lektsii] (Eduard Limonov «Disciplinary Sanatorium» lecture [old lecture recording]) // YouTube. 24 marta] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=E3GOaXAK2VY>
- Лимонов Э. (2017) Один на один с Эдуардом Лимоновым 1996 [диалог с писателем Владимиром Солоухиным в телепередаче «Один на один»] // YouTube. 20 октября. [Limonov E. (2017) Odin na odin s Eduardom Limonovym 1996 (One-on-one with Eduard Limonov [dialogue with writer Vladimir Soloukhin in «One-on-One» TV show]) // YouTube. 20 oktobra] URL: https://www.youtube.com/watch?v=nUz04hCCP_U

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Атнашев Т. Исторический путь, выбор и альтернативы в политической мысли перестройки около 1988 года // Особый путь: от идеологии к методу. М.: НЛО, 2018. [Atlashev T. Istoricheskij put', vybor i alternativny v politicheskoy mysli perestrojki okolo 1988 goda (Historical Path, Choice and Alternatives in Political Thought of Perestroika around 1988 year) // Osobyj put': ot ideologii k metodu. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018.]

- Атнашев Т., Велижев М. «Context is King»: Джон Покок – историк политических языков // НЛЮ. 2015. Т. 134. № 4. С. 21–44. [Atnashev T., Velizhev M. «Context is King»: Dzhon Pokok – istorik politicheskikh yazykov» («Context is King»: John Pocock – historian of political languages) // Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 2015. T. 134. № 4. S. 21–44.]
- Лакер У. Черная сотня. Происхождение русского фашизма. М.: Текст, 1994. 431 с. [Laker U. Chernaya sotnya. Proiskhozhdenie russkogo fashizma. (Black Hundreds. The Origins of Russian Fascism) Moscow: Tekst, 1994. 431 s.]
- Магун, Артемий. Перестройка как консервативная революция // Неприкосновенный запас 6(74). 2010 [Magun, Artemij. Perestrojka kak konservativnaya revolyuciya. (Perestroika as a Conservative Revolution). Neprikosnovennyj Zapas 6(74) 2010]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/perestrojka-kak-konservativnaya-revoljucziya.html>
- Полынов М., Тарасова Е. Переход к рыночной экономике в СССР в годы перестройки: борьба за создание концепции. 1989–1991 гг. // НИР. 2017. №1 (18). С. 113–127. [Polynov M., Tarasova E. Perekhod k rynochnoj ekonomike v SSSR v gody perestrojki: borba za sozdanie koncepcii. 1989–1991 gg (Transition Towards a Market Economy in USSR in Perestroika Years: Fight for Conception Creation) // NIR. 2017. №1 (18). S. 113–127.] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/perehod-k-rynochnoy-ekonomike-v-sssr-v-gody-perestrojki-borba-za-sozdanie-kontseptsii-1989-1991-gg>
- Сапон В. Сравнительный анализ социально-политических взглядов М.А. Бакунина и Э.В. Лимонова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение, Вып. 1 (2), 2004. С. 244–256 [Sapon V. Sravnitel'nyj analiz social'no-politicheskikh vzglyadov M.A. Bakunina i E.V. Limonova (Comparative Analysis of Social and Political Views of M.A. Bakunin and E.V. Limonov) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Mezhnunarodnye otnosheniya. Politologiya. Regionovedenie, Vyp. 1 (2), 2004. S. 244–256].
- Fenghi F. It will be fun and terrifying. Nationalism and Protest in Post-Soviet Russia. Madison: University of Wisconsin Press, 2020. P. 312.
- Laruelle M. In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in Contemporary Russia. New York: Palgrave/MacMillan, 2009. P. 264.
- Rogachevskii A. A Biographical and Critical Study of Russian Writer Eduard Limonov, Lewiston: Edwin Mellen Press, 2003. P. 265.
- Shenfield S. Russian Fascism: Traditions, Tendencies and Movements. L.: Routledge, 2000. P. 324.
- Канаев Артем Алексеевич**, магистр программы «Global and Regional History» ВШЭ (СПб), аспирант, Аспирантская школа по историческим наукам ВШЭ (СПб), hunter_kan@inbox.ru

«Soft Violence» and «Totalitarian Democracy» the Imagination of «West» in Political Language of Eduard Limonov

Political language of Eduard Limonov, like the languages of other representatives of the Russian right-wing radical opposition in the 1980–1990s, is a poorly studied phenomenon. The history of the ideas of this writer and politician is presented mainly as a paraphrase of his political programs within the National Bolshevik Party and his positions on a few current issues, often with an emphasis on «cultural» side of his activity. The article concentrates on intellectual history of the image of the «West» in his political language, the analysis of specific idioms associated with his imagination of the «West» and used in the context of his polemics with the collective «Westernizer» during Perestroika and early 1990s.

Key words: West, nationalism, national-bolshevism, right-wing radicalism, Russia, USSR, Limonov, intellectual history

Kanaev Artem Alekseevich, master's degree in «Global and Regional History», HSE (SPb), student of Graduate School of Historical Sciences HSE (SPb), hunter_kan@inbox.ru

А.М. МАЛИКОВ

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО И СРЕДНЕВЕКОВОГО САМАРКАНДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НИКОЛААСА ВИТСЕНА

Статья посвящена анализу сведений, собранных голландским ученым и политическим деятелем Н.Витсеном (1641–1717) о Самарканде – значительном культурном и научном центре Центральной Азии, что до сих пор не было предметом специального изучения. Исследованные материалы показывают разнообразие представлений о Самарканде и начало формирования определенных образов города в европейской науке к концу XVII века. Труд Н.Витсена является первым образцом синтеза различных источников по истории Центральной Азии, включая Самарканд, и ценен тем, что написан до формирования европейских «ориенталистских» стереотипов в отношении ислама и народов Центральной Азии.

Ключевые слова: *Средняя Азия, Нидерланды, ориентализм, XVII век, ислам, город, культура.*

В последние десятилетия развернулись интенсивные дебаты об отношениях между властью, знанием и научными дисциплинами в колониальном контексте. Получение знаний о странах за пределами Европы было необходимой предпосылкой для колониального завоевания. Предполагают, что знания и научные исследования не были инструментами нейтрального, «объективного» описания.¹

В Голландии эпоха экспансии и сбор информации об остальном мире начинается с XVII в. В 1602 г. голландцы первыми создали компанию под названием Объединенная Ост-Индская компания (ОИК), которая была в числе организаций, давших толчок первой волне европейского колониализма в Азии в XVII–XVIII вв.² и оказавших влияние на формирование европейских дискурсов о Востоке. Однако интерес европейцев к Азии был избирательным, вследствие чего в классических европейских исследованиях содержится мало сведений, например, о Сибири и Центральной Азии. В этом плане выделяется деятельность голландца Николааса Витсена (1641–1717), одного из директоров Ост-Индской компании, ученого, картографа, писателя и дипломата, многократно избравшегося на пост бургомистра Амстердама. Он имел доступ практически к любой информации, которая поступала в Нидерланды со всего мира³. Витсен был ключевой фигурой в голландско-русских отношениях. Интерес голландцев к Центральной Азии не был случайным. Уже с начала XVII в. они искали возможности для торговли с Персией и Бухарой через Россию⁴. Витсен был состоятельным человеком и полиглотом, что дало ему возможность читать книги, написанные по всей Евро-

¹ Conrad 2011: 124-135.

² Adams 1996: 12-13.

³ Gaastra 1997: 109.

⁴ Уляницкий 1889: 16.

пе, и позволило переписываться с европейскими авторами и учеными⁵. Он создал разветвленную сеть осведомителей в Западной Европе, России и Азии. Витсен также пользовался контактами, которые он установил во время пребывания в Москве в 1664–1665 гг., а также во время Великого Посольства Петра I в Нидерландах (1697–1698 гг.). Немалую роль в получении сведений из России было то, что Витсен был фаворитом Петра Великого.⁶ Дружба Витсена с Петром I облегчила его обширные исследования Сибири, и он посвятил ему свою книгу и карту Тартарии.⁷ На протяжении многих десятилетий Витсен работал над трудом «Северная и Восточная Тартария» (Noord en Oost Tartarye).

В советский и постсоветский периоды сведения из книги Витсена использовались для освещения истории Российской империи, в частности, ее европейской части, Кавказа, Сибири и Поволжья. Турецкие исследователи уже анализировали данные Витсена о киргизах, ногайцах и башкирах⁸. Однако его материалы по истории и культуре одного из древних городов Центральной Азии – Самарканда, остались вне внимания исследователей. В настоящей статье ставится задача проанализировать представления об истории и культуре Самарканда, нашедшие отражение в труде Н.Витсена. Как представлял себе Витсен образ Самарканда? Он воспринимал его как мусульманский город, один из городов Тартарии или что-то другое? Когда, по мнению Витсена, происходили периоды расцвета и упадка города и чем это было обусловлено?

Анализ труда Витсена позволяет не только понять принципы использования им тех или иных источников и выявить уровень знаний о Востоке в Голландии, но также выяснить, как воображалась внутренняя Азия накануне колониальных захватов. Несомненно, эти представления в определенной мере оказали влияние на формирование последующих стереотипов и образов восточных культур и городов.

С конца XVIII в. начинается формирование тип ориенталистского дискурса, в котором Восток начинает осознаться как отдельный мир, отличный от западного⁹. Если принять идею Э. Саида об ориентализме, то можно утверждать, что Витсен жил в эпоху предшествующей «саидовскому ориентализму», т.е. когда устойчивые стереотипы по отношению к Азии еще только начали формироваться, и, возможно, поэтому его исследование было мало затронуто идеями «чужой» и инаковой культуры Востока. До Витсена в Западной Европе были опубликованы труды, в которых содержался материал о Центральной Азии, который европейцы называли Тартарией. Однако труд Витсена «Северная и Восточная Тартария» (Noord en Oost Tartarye) над которым он работал 25 лет, резко выделяется среди них широким охватом источников самого

⁵ Rietbergen 1985: 124.

⁶ Rietbergen 1985: 125.

⁷ Naarden 2010: 216.

⁸ Sever 2023.

⁹ Said 1985: 93-94.

разного уровня, хронологии и географии. Витсен хотел собрать, а затем представить ученому миру обзор всех географических знаний о том, что он назвал «Северной и Восточной Тартарией», которая, по его мнению, включала в себя территории Сибири, Монголии, Средней Азии, Маньчжурии, Персии, Крыма, Кавказа, нижнее и среднее Поволжье и др.

Начиная со средних веков, европейцы использовали название «Великая Тартария» для обозначения Северной Азии¹⁰. Витсен не эссенциализировал название Тартария, а подчеркивал, что этот регион имел разные названия. Так, он отмечал, что тимурид Шахрух (1405–1447) «правил в королевствах Ирана и Турана - это Персия и Тартария»¹¹. По отношению к Средней Азии Витсен также применял географический термин Туркестан в широком его значении: «Туркестан – это значит страна турок – или с древности назывался Туркия... страна турка, на востоке, согласно Барнерусу, граничит с Катаем..., с юга с Дестрабаком (Астрабадом – *А.М.*) и московитскими полями с севера, с Бедахшаном, Кашмиром... и Тибетом с запада, еще с Харелемом и Дагестаном»¹². Учитывая, что к этому времени в Западной Европе уже существовала литература, содержащая различные, в том числе и негативные стереотипы по отношению к мусульманскому населению, то труд Витсена выделяется среди них относительной толерантностью.

Труд Витсена «Северная и Восточная Тартария» был издан три раза – первый раз в 1692 г., второй раз, переработанное и дополненное издание вышло в 1705 г. В 1785 г. книга была посмертно переиздана в Амстердаме в третий раз¹³. Для изложения материала по Центральной Азии Витсен выбрал форму, состоящую из географии и топографии, а также информации об обычаях и языках. Второе издание своей книги Витсен посвятил Петру Великому¹⁴. Витсен описывал не только физические особенности мира, но и современную политику и торговлю, а также социальную антропологию региона¹⁵.

Большую помощь Витсену оказали востоковеды, которые передали ему переводы текстов средневековых источников по истории городов Центральной Азии. Одним из них был Якобус Голиус (1596–1667), чье наследие до сих пор имеет огромное значение для арабистики в Европе¹⁶. Голиус тщательно изучал природу и жизнь восточных народов, языки которых изучал¹⁷. Он нанимал информаторов с Ближнего Востока для копирования рукописей и консультирования в интерпретации восточных текстов. Голиус перевел с арабского на латинский язык биографию правителя Центральной Азии и полководца Тимура (1336–

¹⁰ Vermeulen 2008:64.

¹¹ Витсен 2010: 587.

¹² Витсен 2010: 553.

¹³ Rietbergen 1985: 131.

¹⁴ Vermeulen, 2008: 70.

¹⁵ Rietbergen 1985: 128.

¹⁶ Vrolijk, van Leeuwen. 2013: 48.

¹⁷ Keuning 1954: 95-110.

1405), написанную арабским историком Ибн Арабшахом (1389–1450). Он также изучил тимуридскую хронику историка Мирхонда «Равзат аль-Сафа».¹⁸ Эти источники содержали ценные сведения по истории Самарканда эпохи Тимура и Тимуридов. Видимо, Голиус предоставлял отрывки или сами переводы текстов источников Витсену.

По мнению ряда исследователей, публикация Витсена не была должным образом и оценена в Западной Европе. Его труд был мало доступен для научного сообщества¹⁹. Витсен был больше известен в Российской империи, в которой его труд, несмотря на определенную критику, был высоко оценен. Отмечали, что «в этом сочинении собраны все знания того времени о центральной и северной Азии» и сам Петр Великий читал сочинения Витсена²⁰. В конце XIX в. книгу Витсена считали «наиболее замечательным иностранным произведением XVII в., касающимся Азиатской России»²¹. По мнению российских исследователей, «Северная и Восточная Тартария» – это настоящая географическая энциклопедия по Азиатской России и сопредельным странам. Вплоть до конца XVIII века работа Витсена считалась непревзойденной²². По мнению голландских ученых, «столь обстоятельное собрание сведений о Сибири, Монголии и Центральной Азии не имело аналогов в XVII веке» и «среди современников его выделяет глубину убежденность в значении Внутренней Евразии для мировой культуры и истории»²³. Однако выдающего востоковеда В. Бартольда (1869–1930) та часть карты Витсена, которая представляла Среднюю Азию, не впечатлила²⁴.

Влияние научного наследия Витсена проанализировано в ряде публикаций²⁵, поэтому мы не будем подробно останавливаться на этом. Советский этнограф, переводчик и историограф В. Трисман (1901–1982) в 1945–1950 гг. впервые полностью перевела «Северную и Восточную Тартарию» на современный русский язык. В 2010 г. голландские и российские ученые совместно опубликовали эту версию книги издания 1705 г.²⁶ Несколько ранее, в 2006 г. казахстанские исследователи издали отдельные части из книги Витсена по Центральной Азии в переводе А.П. Евдокимова, основанном на издании 1705 г.²⁷ При сравнении перевода В. Трисман и А. Евдокимова обнаружилась серьезная разница в передаче некоторых мест текста. Учитывая, что перевод В. Трисман был тщательно проверен и отредактирован группой авторитетных российских и голландских исследователей, мы использовали её перевод книги.

¹⁸ Bruijn, 2012.

¹⁹ Naarden 2010: 215-216.

²⁰ Россель 1878: 579, 582.

²¹ Пыпин т.4.1892: 212–213.

²² Кирпичников. 1995: 12.

²³ Наарден. К читателю, 2010: 7,9.

²⁴ Бартольд 1977: 382.

²⁵ Naarden, 2010.

²⁶ Витсен 2010.

²⁷ История Казахстана 2006.

Витсен использовал разнообразные источники, но он не называл имена всех авторов сочинений, на которые ссылался, поэтому их можно выявить только при сравнении его текстов с материалами средневековых историков, географов и др. Нередко, рядом с некоторыми абзацами Витсен просто ставил фамилию востоковеда Голиуса, который предоставил ему текст. Среди источников по древней истории Самарканда, использованных Витсеном, можно выделить сочинения Арриана, Квинт Курция Руфа, Страбона. Благодаря консультациям Голиуса и, вероятно, других востоковедов были использованы ценные источники по средневековой истории Самарканда: сочинения Йакута ибн Абдаллах ар-Руми ал-Хамави (1179–1229), Абу Джафар ат-Табари (839–923), Ибн Арабшаха, Шильбергера (1381–1440), Мирхонда (1433–1498), Хондамира (1475–1535) и др. Из современных ему информаторов Витсен выделяет сведения европейских посланников в Персии и империи Великих Моголов: Питера делла Валле, Гарсиаса де Сильва Фигуроа, Бернье, Тавернье и др. Однако, вероятно, записи российских посланников, И. Хохлова, братьев Пазухиных и других побывавших в Бухарском ханстве и, в частности, в Самарканде, остались недоступными для Витсена, поэтому он черпал основную информацию через купцов и европейских посланников в Сефевидском Иране. Нередко Витсен допускал анахронизмы, когда пытался синхронно использовать данные античных источников и поздних мусульманских²⁸. Сведения, собранные им по истории Самарканда, можно условно классифицировать по темам: легенды об основании города, домонгольский Самарканд, город в эпоху Тимура и Тимуридов, Самарканд в XVI–XVII вв. Несомненно, что Витсен физически не мог собрать все данные источников по истории города, однако им были использованы наиболее информативные труды.

Легенды об основании Самарканда

Современные археологические исследования позволяют утверждать, что Самарканд был основан в VIII в. до н.э.²⁹ и на протяжении многих веков перестраивался Ахеменидами, Александром Македонским, арабами и др.³⁰ В мусульманских источниках были озвучены разные версии основания Самарканда, которые впервые в европейской историографии были включены в труд Витсена. Он впервые высказал мнение о том, что город Самарканд – «тот самый, который древние греки и латинцы называли Маракандой»³¹. Витсен считал, что Самарканд был одним из городов древнего государства Согдианы. Ссылаясь на труд арабского географа Йакута, он озвучил легенду о том, что Самарканд был основан Александром Македонским (356–323 гг. до н.э.), которая впервые встречается в труде историка X в. Табари³². Витсен

²⁸ Vermeulen, 2008: 69-70.

²⁹ Ширинов, Исамидинов 2007.

³⁰ Маликов 2017.

³¹ Витсен 2010: 432.

³² The history of al-Tabari 1987: 94.

стремился критически оценивать сведения источников и помещал в свой труд разные версии тех или иных событий.

Анализируя сведения Арриана и Страбона, Витсен пришел к интересному выводу о том, что возможно «Александр разрушил Мараканду и основал новый город. Может быть, жители дали ему старое название разрушенного главного королевского города»³³. Последующие археологические исследования показали, что ближе к истине была вторая версия. Александр не основал новый город, но, видимо, произвел в нем некоторые перестройки³⁴. Кроме этого, Витсен перечислил легенды об основании Самарканда, которые часто использовали мусульманские авторы. Согласно одному преданию, «Самарканд – известный город среди городов области Мавранар, построен Кей-каусом (легендарный правитель Ирана – *А.М.*), сыном Кобадкея, и впоследствии обведен стеной Александром Великим»³⁵. По другой легенде, «Кайкавес, сын Кабада, построил город Самарканд, а Александр Великий окружил его большой стеной и увеличил его, а не построил, как было сказано». Авторы третьего рассказа утверждали, что «некий Керскасеб пришел в разрушенный город Самарканд, он вновь построил его и впоследствии переименовал его в Керскасеб». После походов арабов в Среднюю Азию появилась новая версия основания Самарканда. Как отмечает Витсен, «Туба, король счастливой Арабии, прозванный Скемером (Самаром или Шамиром – *А.М.*), разрушил в своем походе на Мавранар (Мавераннахр, территория междуречья Амударьи и Сырдарьи – *А.М.*) этот же город, почему он был назван Скемеркенд, что значит разрушение Скемера, почему многие считают Самарканд арабским словом»³⁶. Это предание впервые встречается у историка X века Абу Джафара Табари, только вместо имени Скемер использовалось имя Шамир³⁷.

Витсен приводит сведения об формировании исторической топографии Самарканда: «улицы города вымощены камнем. В середине пространства между пригородом и внешними валами Самарканда было издавна много великолепных домов и дворцов»³⁸. Легенды об основании Самарканда, собранные Витсеном, в последующие века повторялись специалистами по истории города.

Раннеисламский период

Европейские страны имели конфликты с мусульманским миром в период арабских завоеваний VIII в., эпоху Крестовых походов, Реконкисты и в течение нескольких веков вели войны с Османской империей. Эти события находили отражение в различных сочинениях, где ислам, исламская культура и османские турки трактовались с негативной сто-

³³ Витсен 2010: 432.

³⁴ Исамиддинов 2002.

³⁵ Витсен 2010: 430.

³⁶ Витсен 2010: 432.

³⁷ The history of al-Tabari 1999: 143,144,177.

³⁸ Витсен 2010: 431.

роны. Тем не менее, труд Витсена не содержит явных исламофобских оценок и тюркофобских идей. Вместе с тем Витсен уделяет отдельное внимание захвату Самарканда войсками Арабского халифата при арабском полководце Кутейбе ибн Муслиме³⁹, которое произошло в 712 г. Витсен подчеркивает, что после того, как Кутейба занял город он построил там храм (мечеть – *А.М.*) и «сжег всех идолов, которых нашел там»⁴⁰. Это свидетельство из сочинения вышеупомянутого Табари в последующие века использовалось разными историками в качестве доказательства уничтожения доисламской культуры новыми завоевателями, однако сам Витсен не комментировал этот текст.

Витсен выделял значение Самарканда и в древности, и в исламский период, отмечая, что «этот город восхваляют не только среди городов Маваранара (Мавераннахр – междуречье Амударьи и Сырдарьи – *А.М.*), но и среди остальных городов Азии, и он не уступает по радостному и красивому виду ни одному городу того края. И под Долиной Согд, или Самаркандом, подразумевают и часть области Самарканд, или Согдиану...»⁴¹. Так Витсен проводил неразрывную связь между историей согдийского и исламского города.

Особенности мусульманских источников домонгольского периода, излагавших относительно подробные сведения о городской топографии Самарканда, повлияли на характер записей Витсена. Так, повествуя об исламском периоде Самарканда Витсен основывается на данных Йакута, который привел сведения об окружности города, которая составляла 12 паразангов (фарсанг – по-персидски, мера расстояния – *А.М.*). В городе было 12 городских ворот с башнями. В пригороде были рынки и большие общественные здания. «Внутренний город имеет четыре стены, между ними большая площадь, с храмом и замком. В замке живет король, и туда, около ворот Кеш (южные ворота Самарканда – *А.М.*), проведена река по свинцовым трубам, или водопровод, который идет через высокий каменный свод». Далее он сообщает, что «эта свинцовая труба, или водопровод, разрезает рынок пополам в том месте, где находятся ворота Таки и где город наиболее заселен. Фрукты (плоды), которые растут по берегам, дарят из набожности магам, или мудрецам (это вроде священников), которые ночью бодрствуют около реки и охраняют ее и зимой, и летом»⁴². Таким образом, Витсен впервые приводит сведения об уникальном акведуке Джуи Арзис Самарканда, построенном в доисламскую эпоху. Позже к этому вопросу обращались В. Бартольд⁴³ и другие исследователи. Археологические поиски остатков акведука пока закончились безрезультатно. Очевидно, что подробные сведения Витсена были выборочно взяты из сочинений арабских и персидских географов:

³⁹ Витсен 2010: 430,432.

⁴⁰ Витсен 2010: 432.

⁴¹ Витсен 2010: 431.

⁴² Витсен 2010: 427.

⁴³ Бартольд 1965: 274.

Ибн Хаукаля, Абу Саъд Абдалкарим ибн Мухаммад ас-Самани, Ибн Йакута и др. Два века спустя обобщающий академический анализ данных источников по исторической географии Самарканда домонгольского периода был блестяще проведен Бартольдом.⁴⁴ Витсен также упоминал знаменитую бумагу из Самарканда – *кагези Самарканд*.⁴⁵

Витсен подчеркивал, что «Самарканд – главный город всех окружающих городов. Самарканд лежит в южной части долины Алсогда, несколько возвышенно, с большим рвом вокруг стены⁴⁶. Река течет по свинцовым трубам, через рвы города, через рыночную площадь, на месте, называемом Расолтак⁴⁷. Очевидно, что Витсену и его информаторам были доступны лишь отдельные арабо-персидские источники из Ирана и Ближнего Востока, однако он ничего не знал о государстве западных Караханидов (1040–1212) столицей которого был Самарканд⁴⁸. Возможно, что Витсен не располагал информацией о выдающихся исламских ученых – теологах, юристах, поэтах этой эпохи из Самарканда и поэтому в его произведении нет никаких сведений о них. Выдающиеся арабо-персидские историки Джувейни, Ибн ал-Асир, Рашид ад-дин отмечали катастрофические последствия монгольского нашествия для Мавераннахра и Самарканда (1219–1221). Витсен следует этому дискурсу и подчеркивает, что Самарканд был украшением всей Азии, но «эта красота очень пострадала от вторжения тартарского императора Чингис хана»⁴⁹. Витсен точно указывает, что в 1220 г. Чингисхан атаковал Самарканд, который защищали войска «султана Магомета, сын Йелалоддуа, короля Маваранара (Ала ад-дин Мухаммад хорезмшах – *А.М.*)»⁵⁰. Археологические исследования на территории Самарканда подтвердили данные о разгроме города монголами Чингисхана.

Ссылаясь на позднего автора Делла Валле, Витсен подробно рассказывает, что после захвата страны Чингисхан разделил свое государство и Самарканд достался в наследство его второму сыну Гиагатаю (Чагатаю, 1183–1242, – *А.М.*)⁵¹. Религиозные аспекты истории многоконфессионального Самарканда привлекли внимание Витсена. Основываясь на записях Марко Поло (1254–1324), побывавшего в Средней Азии во второй половине XIII в., Витсен отмечал, «что в его время в Самарканде жили как христиане, так и магометане. Это, он говорит, большой и красивый город»⁵². Витсен указывал, что монголы-чагатайцы первоначально не были мусульманами и позже приняли ислам⁵³.

⁴⁴ Бартольд 1963.

⁴⁵ Витсен 2010: 513.

⁴⁶ Витсен 2010: 448.

⁴⁷ Витсен 2010: 431.

⁴⁸ Бартольд 1963.

⁴⁹ Витсен 2010: 427.

⁵⁰ Витсен 2010: 433.

⁵¹ Витсен 2010: 437.

⁵² Витсен 2010: 427.

⁵³ Витсен 2010: 433.

Позднее эта тема была одним из предметов исследования В. Бартольда⁵⁴ и остается актуальной в исторической науке в настоящее время.

Витсен пытался сравнить сведения разновременных источников по географии города. Он писал: «Самарканд расположен, как рассказывает Абулфедд из Ибн Хаукала, на южном берегу реки Согд, которая берет свое начало на Согдийских горах, согласно Птолемию»⁵⁵ Таким образом, сведения Витсена о Самарканде этого периода были основаны на арабо-персидских источниках, перевод которых был выборочно предоставлен ему европейскими востоковедами. Подборки текстов можно считать удачными, так как они содержали наиболее полные, распространенные среди арабо-персидских историков сведения о Самарканде.

Эпоха расцвета Самарканда

Витсен выделял эпоху Тимура (1370–1405) и Тимуридов (1405–1500) как время расцвета Самарканда, который был столицей их империи. На основе синтеза данных разных источников он заключил, что «во время Тамерлана Самарканд достиг такого расцвета, что он во всем Туране, или Маваранаре, и Иране (это Персия) не имел себе равного. Но он достиг наибольшего благосостояния при Улугбеге (внуке Тимура – А.М.), короле Самарканда и Маваранара, потомке Тамерлана»⁵⁶. Эти выводы Витсена, основанные на анализе письменных источников XV века, опередили свое время на несколько столетий, и в современной мировой исторической науке считается, что именно в эпоху Тимура и Улугбека Самарканд достиг пика своего развития.

Немало сведений Витсен заимствовал у арабского историка Ибн Арабшаха, который жил при дворе Тимура (1336–1405). Из его сочинения Витсен включил в свой труд и негативные оценки личности Тимура. Он привел разные имена Тимура: Тамерлан, Амир Тимур Гурген (от монгольского слова Кураган, зять. – А.М.), Тимур Аксак⁵⁷ и др. Витсен привел и ряд фантастических рассказов о Тимуре, например: «Тамерлан был очень набожным и любил верования, особенно христианское»⁵⁸. Сведения о лояльности Тимура к христианству не были случайными, они были основаны на том, что «великий Тамерлан, который победил турецкого императора Баязета (османский султан – А.М.), освободил Грецию (Византию – А.М.) и впоследствии путем брака и завоеваний стал императором Великой Тартарии»⁵⁹. Именно в этот период султан Баязет (1389–1403) вел активные завоевания в Европе и угрожал существованию Византии. Заслуга Тимура перед Европой виделась европейцам в разгроме Баязета в Анкарском сражении 1402 г., после которого завоевательные походы османских турков в Европу временно прекрати-

⁵⁴ Бартольд 1964: 263, 315.

⁵⁵ Витсен 2010: 432.

⁵⁶ Витсен 2010: 431.

⁵⁷ Витсен 2010: 550.

⁵⁸ Витсен 2010: 433.

⁵⁹ Витсен 2010: 428.

лись. Витсен ознакомился с записями посланников и путешественников, побывавших в империи Великих Моголов, правящая династия которой была из рода Тимура (1336–1405). В политической и культурной легитимации этих потомков Тимура важное место занимал Самарканд как один из крупнейших культурных центров мусульманского Востока. Нельзя исключать, что идею расцвета Самарканда в эпоху Тимура и Тимуридов позже распространяли их потомки в Индии в XVI–XVIII вв.

Витсен, ссылаясь на историка Абулфеда, называет Самарканд «одним из основных городов Маваранара», который даже «превосходит все города этой области», и на этом основании Витсен пытается объяснить «почему Тамерлан (Тимур – *А.М.*) основал свой престол там»⁶⁰. Вместе с тем, Витсен выделял негативные моменты истории Тимура, как, например, факт насильственной миграции людей в Самарканд в эпоху Тимура, «когда Тамерлан победил турецкого императора Баязета, он увел в плен много людей и поселил их в Самарканде, чтобы увеличить его население»⁶¹. Эта была характерная политика Тимура, отмечаемая Ибн Арабшахом, основываясь на котором Витсен писал, что «Тамерлан их (население – *А.М.*) выгонял в невероятном количестве из страны и селил около Самарканда и в других своих государствах»⁶². Исходя из текста Ибн Арабшаха, Витсен отмечал особенность политики Тимура по основанию городков вокруг Самарканда, носящих названия известных мусульманских городов: Дамаска и Шираз⁶³. Витсен писал: «Вокруг Самарканда Тамерлан построил замки, которые назвал именами самых знаменитых городов тех государств, которые он покорил»⁶⁴.

Витсен писал о развитии науки в Самарканде в эпоху Тимура и его внука Мирзо Улугбека (1409–1449). Тимур «отовсюду вызывал способнейших мастеров, которые этот город украшали... и сейчас расцветает философия, мистическое, или тайное, магометанское богословие и фармакология, применяемая по принципам Аристотеля...»⁶⁵. Большое внимание Витсен уделил Мирзо Улугбеку, и это не случайно, потому что один из главных его консультантов – востоковед Голиус увлекался астрономией и интересовался мировыми достижениями в этой области. Кроме того, труды Улугбека были известны и высоко оценены в других европейских странах. В середине XVII века «звездные таблицы» Улугбека были опубликованы в Оксфорде. Витсен приводит относительно подробные сведения о Мирзо Улугбеке. Он «построил в городе Самарканде высшую школу (медресе – *А.М.*), которая была очень большая, вся со сводами, так что ее считали одним из самых ценных зданий мира»⁶⁶.

⁶⁰ Витсен 2010: 432.

⁶¹ Витсен 2010: 429.

⁶² Витсен 2010: 272.

⁶³ Витсен 2010: 449, 608.

⁶⁴ Витсен 2010: 430.

⁶⁵ Витсен 2010: 435.

⁶⁶ Витсен 2010: 436.

Он также привел интересные сведения об обсерватории Мирзо Улугбека и впервые сообщил её размерах. По его словам, это был «астрономический квадрат, или четырехугольник, сторона которого, согласно сообщению турок, была величиной с высоту церкви Святой Софии в Константинополе»⁶⁷. В 1470-х гг. в Османскую империю прибыл ученик Улугбека Али Кушчи, который стал преподавать в медресе в Стамбуле⁶⁸. Видимо, какие-то турецкие информаторы сообщили голландцам сведения об обсерватории Улугбека. Не исключено, что существовал источник, описывавший обсерваторию. Таким образом, в представлении Витсена Самарканд эпохи Улугбека был одним из крупнейших культурных и научных центров не только Центральной Азии, но и мира.

Самарканд в XVI–XVII вв.

В это время Самарканд входил в состав Бухарского ханства, возглавляемого династиями Шибанидов (1500–1599) и Джанидов (1599–1747)⁶⁹. Основными информаторами Витсена истории Самарканда этого периода были купцы и посланники в Персии (Сефевидский Иран. – *А.М.*). Повествуя о Самарканде, Витсен отмечал, что «жителей Самарканда называют, как всех узбеков, еселбасами: это значит зеленые шапки, потому что там носят шапки такого цвета. Другие называют город еще Хери»⁷⁰. Очевидно, что эти сведения взяты из персидских источников сефевидской эпохи, в которых узбеки – носители зеленых тюрбанов, противопоставлялись иранским кызылбашам – носителям тюрбанов с красными полосами. Витсен обозначил также направление ислама – ханафизм, доминировавшего в «Узбекии (Бухарское ханство – *А.М.*), Турции, Тартарии»⁷¹, в другом месте он отмечает, что узбеки – мусульмане-сунниты по вероисповеданию⁷². Витсен использовал термин узбек в разных значениях: как самоназвание потомков кочевых племен, пришедших из степей в Мавераннахр, и как обобщающее название жителей Бухарского ханства, что, конечно, является сильным упрощением пестрой этнической картины Центральной Азии.

Современная эпоха также интересовала Витсена. Он отмечает, что «страна узбеков (Бухарское ханство – *А.М.*) разделена на три области, или маленьких королевства. Своих князей они называют ханы, что по-тартарски значит король... Самарканд, известный как место рождения Тамерлана, а также из-за высшей школы, которая там имеется. Теперь среди узбекских тартар много ученых людей и множество поэтов»⁷³. Хотя термин тартар и был широко распространен в европейской историко-географической литературе XVI–XVII вв., однако его использова-

⁶⁷ Витсен 2010: 436.

⁶⁸ Кары-Ниязов 1950: 95.

⁶⁹ McChesney 2009.

⁷⁰ Витсен 2010: 436.

⁷¹ Витсен 2010: 442.

⁷² Витсен 2010: 451.

⁷³ Витсен 2010: 445.

ние критически интерпретировалось, в частности, французским историком П. Левеком (1736–1812): он считал, что термин, который применяли европейцы по отношению к народам, жившим севернее Персии, Индии и Китая, был незнаком персам и арабам»⁷⁴.

Повествуя о Самарканде XVII в. Витсен отмечает, что «Самарканд – главный город государства того же названия и раньше назывался Согдиана, или Согдиания, но большинство его называло Узбек, или Загатай. Он населен тартарскими магометанами, у которых имеются хорошо построенные дома из камня, хорошо снабженные удобной мебелью»⁷⁵. Витсен впервые упоминает название реки Зар (Зерафшан – *А.М.*), он отмечает, что река Зар течет на расстоянии мили от города Самарканда⁷⁶. Согласно источникам еще в XVI в. река носила название Кухак и позже появилось новое название. Витсен упоминает название горы Кухак у Самарканда⁷⁷, которая с XVIII в. называлась Чупан-атой.

Одним из источников Витсена был труд итальянского путешественника Валле Питер делла или Пьетро делла Валле (1586–1653), посетившего в 1614–1626 гг. многие страны мусульманского Востока, включая Иран и империю Великих Моголов.⁷⁸ Питер делла Валле рассказывал, «что в то время, когда он был в Персии, там находился посол узбекского двора, от которого он узнал, что хан, или король, узбеков, которого звали Иман Кули (Имамкули-хан, джанидский хан, 1611–1642), в 1620 г. держал свой двор в Бухаре и города Балх и Самарканд находились под его управлением»⁷⁹. Как сообщает Витсен, «среди тартар нет других людей, называемых узбеками, кроме живущих в стране Балх, Бухаре и Самарканде, которые тогда находились под двумя князьями, братьями, и один из которых держал свой двор в Балхе и назывался Недхир Махуммед Хан (Надр Мухаммад-хан, джанидский хан, 1642–1645), а другого брата звали Иман Кули Ханом (Имамкули-хан), и он был господином Бухары, Самарканда, Тосекенда (Ташкент), Дигная и других областей»⁸⁰. Делла Валле различал узбеков и жагатайцев, или загатайцев. Эти названия обозначали бывших жителей двух улусов сыновей Чингисхана: Джучи и Чагатая⁸¹.

Одним из источников Витсена были записи испанского дипломата и путешественника, посла короля Испании в Персии в 1617–1618 гг. Гарсиас де Сильва Фигуроа (1550–1624)⁸², который также отличал узбеков от хатайцев, или жагатайцев. Он писал, что «Скербек, или Узбек-хан, сын Абул-хаиринбека (Мухаммад Шейбани-хан), отнял Маваранар,

⁷⁴ Левек 2016: 327; Храпунов 2020: 152.

⁷⁵ Витсен 2010: 427.

⁷⁶ Витсен 2010: 430.

⁷⁷ Витсен 2010: 346.

⁷⁸ Витсен т.3, 2010: 210.

⁷⁹ Витсен т.1. 2010: 437.

⁸⁰ Витсен т.1. 2010: 251, 437.

⁸¹ Маликов 2021: 91.

⁸² Витсен т.3. 2010.

Хоразан и другие области у потомков Тамерлана, тогда, очевидно, эти области и места Жагатай, или Загатай были названы по имени этого Узбека – Узбеком»⁸³. Таким образом, Гарсиас пытался объяснить изменение этнических наименований в оазисах Средней Азии как следствие завоеваний страны представителем Улуса Джучи, чингизидом Мухаммад Шейбани-ханом (1451–1510), который возглавил узбекские полукочевые племена, мигрировавших из степей Дашт-и Кипчака в Мавераннахр. Столицей его государства был Самарканд, где он построил медресе и который имел важное значение для политической легитимации⁸⁴.

Некоторые материалы Витсен почерпнул у французского переводчика арабских текстов Пьера Ватье (1623–1667), который сообщал, что «вокруг города Самарканда имеются увеселительные сады, называемые каугулы (имеется в виду местность у Самарканда Конигиль – *А.М.*). Та часть, к востоку от города, обычно называется Абрахмет (Обирахмат). Через нее протекает река, по-тартарски (по-тюркски) называемая Карасу, что значит “черная вода”, ибо “кара” – “черный”, “су” – “вода”»⁸⁵. Витсен зафиксировал раннее упоминание тюркского названия этой речки, которая в тимуридский период носила другое название.

Витсен приводит относительно подробные сведения о политических событиях при правлении бухарского хана Абдулазиз хана (1645–1680) из династии Джанидов или Аштарханидов, современника Витсена⁸⁶, а также Абдулла-хане II ибн Искандер (1534–1598), узбекском хане из династии Шейбанидов, Субхан-Кули-Хане (Саман Гул Хан, Субханкули-хаан), бухарском джанидском хане (1680–1702). Самарканд как крупный политический и экономический центр занимал особое место в политической жизни Бухарского ханства, однако он пострадал в результате междоусобиц, что отмечалось одним из информаторов Витсена в 1697 г.⁸⁷ Относительно подробное исследование политической истории Самарканда в эпоху Джанидов было проведено лишь в XX–XXI вв.

Таким образом, уникальные возможности по сбору материалов по истории Центральной Азии, которыми располагал Н. Витсен, позволили ему синтезировать значительный материал из античных, арабских, персидских источников, а также записей европейских посланников и положить начало формированию новых представлений о древнем и средневековом Самарканде. Хотя Витсен и не был востоковедом, он стремился критично оценивать данные разных источников и помещал в свой труд разные версии и взгляды на то или иное событие.

Витсен представлял образ Самарканда как одного из городов Согдианы, имевшего древние корни, уходивших в эпоху Александра Ма-

⁸³ Витсен 2010: 438.

⁸⁴ Маликов, Торланбаева 2022: 406.

⁸⁵ Витсен 2010: 431.

⁸⁶ Витсен 2010: 358, 359, 361, 369, 375, 405–411, 428.

⁸⁷ Витсен 2010: 450.

кедонского. Вместе с тем это был город Тартарии с мусульманской культурой. Ему удалось найти и включить в свое произведение все наиболее популярные версии возникновения Самарканда, основанные на сочинениях арабо-персидских авторов. Он связал историю древней Мараканды с мусульманским Самаркандом. Хотя часто в трудах европейских авторов встречались исламофобские оценки и тюркофобские идеи, вызванные конфликтами с мусульманским миром во время Крестовых походов и войн с Османской империей, труд Витсен не содержит явного негатива в отношении исламской истории Самарканда.

Однако Витсен либо не знал, либо игнорировал роль мусульманских ученых и поэтов Самарканда в развитии культуры города в домонгольский период. Основываясь на источниках Витсен утверждал, что упадок развития Самарканда связан с завоевательными походами Чингисхана. Возрождение города и его расцвет, по мнению Витсена, имел место в эпоху Тимура и Тимуридов. Особенно он выделял правителя и ученого астронома Мирзо Улугбека, в эпоху правления которого Самарканд стал крупнейшим культурным и научным центром не только Центральной Азии, но и мира.

Сведения, собранные Витсеном о Самарканде в XVI–XVII вв., в значительной степени касаются политической истории и междоусобиц, которые в последующем отрицательно сказались на развитии города. На наш взгляд, перевод на русский язык всех трех изданий Витсена позволило бы проследить эволюцию взглядов голландского автора и его информаторов на образ и историю Самарканда.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бартольд В.В. Сочинения. Том I. М.: Наука, 1963 [Bartold V.V. Sochineniya. Tom 1. (Essays. Volume 1). Moscow: Nauka, 1963].
- Бартольд В.В. Сочинения. Том II. Часть 2. М.: Наука, 1964 [Bartold V.V. Sochineniya. Tom 2. Chast 2. (Essays. Volume 2. Part 2). Moscow: Nauka, 1964].
- Бартольд В.В. Сочинения. Том III. М.: Наука, 1965 [Bartold V.V. Sochineniya. Tom III. (Essays. Volume III). Moscow: Nauka, 1965].
- Бартольд В.В. Сочинения. Том V. М.: Наука, 1968 [Bartold V.V. Sochineniya. Tom V. (Essays. Volume V). Moscow: Nauka, 1968].
- Бартольд В.В. Сочинения. Том IX. М.: Наука, 1977 [Bartold V.V. Sochineniya. Tom IX. (Essays. Volume IX). Moscow: Nauka, 1977].
- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В 3 т. Т. 1 / пер. с голл. яз. В. Г. Трисман; ред. и науч. рук. Н. П. Копанева, Б. Наарден. Амстердам: Pegasus, 2010 [Witsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya, Tom I. Perevod s gollandskogo yazyka V. G. Trisman. (Northern and Eastern Tartaria, including areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. In 3 vols. Volume. 1). Amsterdam: Izd-vo Pegasus, 2010].
- Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. В 3 т. Т. 3. Научные материалы. Амстердам: Pegasus, 2010 [Witsen N. Severnaya i Vostochnaya Tartariya, Tom III. (Northern and Eastern Tartaria, including areas located in the northern and eastern parts of Europe and Asia. In 3 vols. Volume. 3). Amsterdam: Izd-vo Pegasus, 2010].
- Исамиддинов М.Х. Истоки городской культуры Самаркандского Согда. Ташкент, 2002 [Isamididinov M.Kh. Istoki gorodskoy kul'tury Samarqandskogo Sogda. (The origins of the urban culture of Samarkand Sogd). Tashkent, 2002].

- История Казахстана в западных источниках XII–XX веков. Том VI. Алматы: Санат. 2006 [Istoriya Kazakhstana v zapadnykh istochnikakh XII-XX vekov. Tom VI. (History of Kazakhstan in Western sources of the 12th-20th centuries. Volume VI.). Almaty: Sanat, 2006].
- Кары-Ниязов Т.Н. *Астрономическая школа Улугбека*. Москва-Ленинград: издательство Академии наук СССР, 1950 [Kary-Niyazov T.N. *Astronomicheskaya shkola Ulugbeka*. (Ulugbek's Astronomical School). Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1950].
- Кирпичников А. Н. Николаас Витсен. Биографический очерк // Кирпичников А. Н. Россия XVII века в рисунках и описаниях голландского путешественника Николааса Витсена. СПб.: Славия, 1995. С. 7–20. [Kirpichnikov A. N. Nikolaas Vitsen. Biograficheskii ocherk (Nikolaas Witsen. Biographical sketch) // Kirpichnikov A. N. Rossiya XVII veka v risunkakh i opisaniyakh gollandskogo puteshestvennika Nikolaasa Vitsena. Sankt Petersburg: Slaviya, 1995. P. 7–20].
- Левек П. Ш. *История народов, подвластных России*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 480 с. [Levek P. SH. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii*. (History of peoples' subject to Russia.). Sankt Petersburg: Dmitriy Bulanin, 2016].
- Маликов А.М. *История Самарканда (с древних времен до середины XIV века)*. Том 1. Ташкент: Paradigma, 2017. 336 с. [Malikov A.M. *Istoriya Samarkanda (s drevnixh vremen do serediny XIV veka)*. Tom 1. (History of Samarkand (from ancient times to the middle of the 14th century). Volume 1). Tashkent: Paradigma, 2017].
- Маликов А.М. Монгольские элементы в этнонимике и этнопонимах долины Зеравшана (XV–XIX вв.) // Урало-алтайские исследования № 4 (43), 2021. С. 84–105. [Malikov A.M. Mongol'skiye elementy v etnonimike i etnotoponimakh doliny Zeravshana (XV–XIX vv.) (Mongolian elements in the ethnonymy and ethnotoponyms of the Zeravshan Valley (15—19th centuries) // Uralo-altayskiye issledovaniya № 4 (43), 2021. P. 84–105].
- Маликов А.М., Торланбаева К.У. Некоторые особенности культурной идентичности Шейбани-хана и монументальное строительство в Самарканде в начале XVI века // Золотоордынское обозрение. 2022. Т. 10, № 2. С. 391–413. [Malikov A.M., Torlanbayeva K.U. Nekotoryye osobennosti kul'turnoy identichnosti Sheybani-khana i monumental'noye stroitel'stvo v Samarkande v nachale XVI veka (Some Features of the Cultural Identity of Shaybani Khan and the Monumental Construction in Samarkand at the Beginning of the Sixteenth Century) // Zolotoordynskoye obozreniye. 2022. T. 10, № 2. P. 391–413].
- Пыпин А.Н. *История русской этнографии*. Том IV. СПб, 1892 [Pypin A.N. *Istoriya russkoy etnografii*. T. IV. (History of Russian ethnography. Volume IV). Sankt Petersburg: 1892].
- Россель Ю.А. Среднеазиатская культура и наша политика на Востоке // Вестник Европы №6,7. 1878. С. 578-610. [Rossel' Yu.A. Sredneaziatskaya kul'tura i nasha politika na Vostoke (Central Asian culture and our policy in the East) // Vestnik Yevropy №6,7, 1878. P. 578-610].
- Ульяницкий В.А. *Сношение России со Среднею Азию и Индию в XVI-XVII вв.: по документам Московского Главного Архива Министерства иностранных дел*. М.: Университетская тип. 1889. [Ulyanitskiy V.A. *Snosheniye Rossii so Sredneyu Aziyu i Indiyeyu v XVI-XVII vv.: po dokumentam Moskovskogo Glavnogo Arkhiva Ministerstva inostrannykh del*. (Relations of Russia with Central Asia and India in the 16th-17th centuries: according to the documents of the Moscow Main Archive of the Ministry of Foreign Affairs). Moscow: Universitetskaya tip. 1889].
- Храпунов Н.И. *Центральная Азия в воображении Запада в XVIII в.* // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* Сборник научных трудов. М.: Издательство «ОнтоПринт», 2020. С. 143-163. [Khrapunov N.I. *Tsentral'naya Aziya v voobrazhenii Zapada v XVIII v.* (Central Asia in the imagination of the West in the XVIII century) // *Tsentral'naya Aziya na perekrestke yevropeyskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.* Sbornik nauchnykh trudov. Moscow: Izd-vo «OntoPrint», 2020. P.143-163].
- Ширинов Т.Ш., Исамиддинов М.Х. *Археология древнего Самарканда*. Ташкент, 2007. [Shirinov T.SH., Isamidinov M.Kh. *Arkheologiya drevnego Samarkanda*. (Archaeology of ancient Samarkand). Tashkent, 2007].
- Adams J. *Principals and Agents, Colonialists and Company Men: The Decay of Colonial Control in the Dutch East Indies* // *American Sociological Review*, Vol. 61, No. 1 (Feb., 1996).
- Bruijn J. T. P. *Golius, Jacobus*. 2012. <https://www.iranicaonline.org/articles/golius>

- Conrad S. Knowledge and colonialism. In S. O'Hagan (Trans.), *German Colonialism: A Short History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 124-135.
- Gastra F. S. The Dutch East India Company: A Reluctant Discoverer. *Great Circle // Journal of the Australian Association for Maritime History*, 19, no. 2 (1997). P. 109-123.
- Gebhard Jr., J. F. Het leven van Mr. Nicolaas Cornelis Witsen. 1641–1717 [The Life of Mr. Nicolaas Cornelis Witsen: 1641–1717], Utrecht, 1881–1882.
- Keuning J. Nicolaas Witsen as a cartographer // *Imago Mundi*, 1954, Vol. 11. P. 95-110.
- McChesney R. D., The Chinggisid restoration in Central Asia: 1500–1785 // *The Cambridge History of Inner Asia: The Chinggisid Age*. Edited by Nicola Di Cosmo, Allen J. Frank, and Peter B. Golden. Cambridge University Press, 2009. P. 277-302.
- Naarden B. Witsen's studies of Inner Eurasia // In *The Dutch Trading Companies as Knowledge Networks*, Brill, 2010. P. 211-239.
- Rietbergen P.J.A.N. Witsen's World: Nicolaas Witsen (1641–1717) between the Dutch East India Company and the Republic of Letters // *Itinerario*, 9, 1985. P. 121-134
- Said E.W. Orientalism Reconsidered // *Cultural Critique* 1. 1985. P. 89-107.
- Sever Z. Nikolas Witsen'in Kuzey ve Doğu Tartaria Adlı Eseri ve Nogay, Kırgız, Başkurtlara Dair Notlar. // *Turcology Research*, 77, 2023. P. 198-204.
- The history of al-Tabari (Tarikh al-rusul wa'l-muluk). Volume IV. The ancient kingdoms. Translated and annotated by Moshe Perlman. State university of New York press, 1987.
- The history of al-Tabari, (Tarikh al-rusul wa'l-muluk). Volume V. The Sasanids, the Byzantines, the Lakhmids, and Yemen. Translated and annotated by C.E. Bosworth. State university of New York press, 1999.
- Vermeulen H. F. "Early history of ethnography and ethnology in the German enlightenment: anthropological discourse in Europe and Asia, 1710-1808." PhD diss., Leiden University, 2008.
- Vrolijk A., Van Leeuwen R. Arabic studies in the Netherlands: A short history in portraits, 1580–1950. Brill, 2013.

Азим Маннонович Маликов, кандидат исторических наук, доцент, отдел Азиатских исследований Университета Палацкого, Оломоуц, azimmal2018@gmail.com

The History of Ancient and Medieval Samarkand in the Views of Nicolaas Witsen

The article is devoted to the analysis of information collected by the Dutch scholar and politician N. Witsen (1641–1717) about Samarkand, a significant cultural and scientific center of Central Asia, which has not been the subject of special study until now. The studied materials show a variety of ideas about Samarkand and the beginning of the formation of certain images of the city in European science by the end of the 17th century. The work of N. Witsen is the first example of a synthesis of various sources on the history of Central Asia, including Samarkand, and is valuable because it was written before the formation of European "orientalist" stereotypes regarding Islam and the peoples of Central Asia.

Keywords: *Central Asia, Netherlands, orientalism, 17th century, Islam, city, culture.*

Azim Malikov, Cand. Sci. (History), Assistant Professor, Department of Asian studies, Faculty of Arts, Palacky University, Olomouc, azimmal2018@gmail.com

Л.И. ИВОНИНА

**ДЕМОНСТРАЦИЯ ТУЗЕМЦЕВ КАК ФЕНОМЕН
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ И КОЛОНИАЛИЗМА
живой экспонат британского мореплавателя Уильяма Дампира**

Статья посвящена анализу одного из феноменов географических открытий и колониализма - демонстрации туземцев в Европе на примере судьбы жителя острова Миангас Джиоло, захваченного в рабство мореплавателем Уильямом Дампиром и выставленного в качестве экспоната в Лондоне. Помимо трагической истории Джиоло автор представила общую характеристику человеческих выставок в ракурсе цивилизационного подхода и имагологии и выделила их побудительные мотивы. С одной стороны, демонстрация туземцев в Европе стимулировалась жадной наживы, характерной для представителей «империй эксплуатации», каковой являлась Британская империя. С другой стороны, это явление отражало присущее человеческой природе любопытство и стремление к познанию. С третьей – потребностью человека как живого социального существа в зрелищах, которые позволяли ему в непосредственной эмоциональной форме ощутить свою принадлежность к европейской общности и почувствовать свою защищенность в стремительно трансформирующемся мире Нового времени. Созерцание «другого» человека затрагивало глубинные пласты психологической организации личности, играя на моменте оппозиционности, т.е. противопоставления концептов «мы» и «они». Психология во многом определяла четвертый побудительный момент туземных выставок – утверждение в собственном превосходстве, оправдывавшем преобладавшее отношение цивилизованного мира к завоеванным и открытым территориям. В статье отмечено, что географические открытия и колониальная эра, визуализируя европейскому обществу «других» людей из различных регионов земного шара, стимулировали развитие расистских теорий.

Ключевые слова: географические открытия, колониальная экспансия, познание, выставки туземцев, «другой», Уильям Дампир, Джиоло, цивилизация.

Человеческое общество не существует вне информации, которая сопровождает все сферы жизни и деятельности. Частью колониальной экспансии европейских держав была информация о жизни «других» и визуальное представление об этих «других», которых одни воспринимали с ощущением собственного превосходства, а другие – с любопытством и изумлением, совмещенным с жадой познания нового.

Ряд современных историков придерживается мнения, что мир раннего Нового времени рассматривался, в первую очередь, с точки зрения «изумления» и «любопытства»¹. На фоне европейских морских путешествий и завоеваний и связанного с этим расширения мировоззрения огромное значение имела этнография. Неизвестные предметы, вещи и люди были свидетельством иного, чужого, и одновременно демонстрировали разнообразие Божьего творения. Со времен Августина Блаженного (354–430) и вплоть до XVI в. любопытство, включенное в «Каталог пороков», считалось табу, поскольку оно отвлекало от Бога и спасения души, являлось самоцелью и приближалось к смертному греху гордыни. Любопытство расценивалось как искушение для глаз, как бесполезное и

¹ Bujok 2004: 9.

тщетное стремление к познанию. Наряду с похотью оно ассоциировалось с честолюбием и считалось противоположностью воздержанию и скромности. В конечном счете, такая позиция приводила к моральному запрету объяснять и постигать тайны природы, а стремление к знаниям лишалось идеологического и морального фундамента².

В последней трети XVII в. изумление по-прежнему воспринималось как спусковой крючок для любопытства. Однако в русле развивавшегося рационалистического взгляда на мир философы и ученые того времени опасались, что оно предотвратит дальнейшие вопросы и парализует стремление к познанию, в результате чего восприятие останется чистым изумлением по отношению к необычному. По их мнению, «чудо» не должно являться «службой глазеющего невежества», а стимулом к научным исследованиям³. Поэтому авторы XVII–XVIII вв. предпочитали трактовать любопытство как внутреннее стремление человека исследовать мир, особенно природу, и узаконивали любопытство, как чувство, данное Богом. Уважение к природе задумано Богом, и знание, таким образом, представляет собой божественное служение.

Географические открытия и колониальная экспансия активно стимулировали процесс познания. В XVI–XVIII вв. из колоний вывозилось, исследовалось и внедрялось в повседневную действительность то, чего не было в Европе. Но, пожалуй, единственное, что тогда не вписывалось в европейскую жизнь, хотя и активно способствовало познанию, — это люди из колоний и открытых земель. В XIX и XX вв. в Европе и США получили широкое распространение т.н. «человеческие зоопарки», которые всего назывались «этнологическими экспозициями». Основная особенность этих многообразных разновидностей публичных зрелищ было живое присутствие людей в «естественном» состоянии, которых считали «примитивными». Иногда коренные народы открытых или колонизованных регионов Земли показывали свои навыки или производили изделия для публики, но чаще всего они играли роль экспонатов, демонстрирующих свои тела, жесты и язык. Эти экспозиции преследовали цель получить прибыль и делали акцент на культурных и внешних различиях между представителями западной европейской цивилизации и неевропейскими народами или с другими европейцами, которые вели более примитивный образ жизни. Ряд владельцев подобных выставок помещали коренное население в пространство между человекообразными обезьянами и цивилизованными людьми. В 1870–1930 гг. «этнологические экспозиции» посетило более полутора миллиардов человек. При этом человеческие зоопарки пользовались значительной научной легитимностью, и не в последнюю очередь потому, что они часто были непосредственным объектом лингвистических или антропологических исследований⁴.

² Vujok 2004: 63-65.

³ Barnes 2006: 32.

⁴ Sánchez-Gómez 2013.

В зарубежной историографии «выставкам народов» посвящено немало исследований. В последние десятилетия появились коллективные издания и монографии, посвященные «этнологическим экспозициям» в Европе и США. Особое внимание уделено подобным мероприятиям во Франции второй половины XIX в. а также «этнографическим выставкам» в зоопарках Пруссии, а затем и Германской империи, которые организовывал известный коллекционер диких животных и успешный предприниматель Карл Гагенбек, имя которого стало нарицательным⁵. Российская исследовательница М.В. Лескинен отмечает, что «негритянские деревни» и показы инородцев имели место и в России - в Московском и Петербургском зоосадах⁶. Вместе с тем, некоторые историки, выделяя три основные формы этнических шоу (коммерческая, колониальная и миссионерская), сомневаются в адекватности отнесения всех подобных зрелищ к категории «человеческих зоопарков»⁷.

И все же генезис этих унижительных экспозиций относится к раннему Новому времени. Исследования коренных народов, привозимых в Португалию, Испанию, Францию и Англию в XVI–XVIII вв., и их неоднозначного статуса отличаются своей спецификой. Нередко они носят либо этнологический (ученые обращают первостепенное внимание на анализ и восприятие привлекавших внимание европейцев татуировок на телах туземцев), либо научно-популярный характер⁸. Также исследователи обращают внимание на феномен «дипломатических делегаций» того времени из Америки в Европу⁹. Задача данной статьи – на основе цивилизационного подхода, признающего множество состояний многомерного коммуникационного пространства, а также метода имагологии охарактеризовать одну из ранних человеческих выставок и на ее примере выявить спектр побудительных мотивов этого явления.

Слово «цивилизация» вошло в обиход только в XVIII в. во французском (Виктор Мирабо «Друг человечества», 1757), а вскоре и в английском языках (Адам Фергюсон «Опыт истории гражданского общества», 1767), и поначалу считалось новомодным неологизмом¹⁰. Несмотря на появление этого термина для обозначения развитого общества или народа, выведенного из дикости, английский литературный критик, лексикограф и поэт эпохи Просвещения Сэмюэл Джонсон в четвертом издании своего «Словаря» (1773), не пересматривал свои статьи о «цивилизации» и «цивилизованности». «Цивилизация» по-прежнему определялась им как «закон, акт правосудия или судебное

⁵ Blanchard etc. 2008: 30–32.

⁶ Лескинен 2018: 149–163; Лескинен 2019: 61–88.

⁷ Понятие «человеческие зоопарки» в последние десятилетия стал распространенным как в академических кругах, так и в средствах массовой информации (см. Sánchez-Gómez 2013).

⁸ Allen 1991; Barnes 2006; Angel 2013.

⁹ Vaughan 2006: XI.

¹⁰ Schmitt 2003: 5.

решение, которым завершается гражданский уголовный процесс; которое осуществляется путем превращения информации в дознание или наоборот»¹¹. Так или иначе, термин быстро распространился в дискуссиях о прогрессе от «варварства» к «цивилизации» в эпоху Просвещения. Живой демонстрацией этого прогресса были люди, привозимые из колоний и тех регионов земного шара, куда ступала нога европейца.

Туземцы, захваченные европейскими путешественниками, торговцами, пиратами, привозились в Европу и выставлялись на всеобщее обозрение в качестве диковинок или «достопримечательностей» еще с середины XVI в. Например, в 1566 г. французские моряки демонстрировали в таверне Антверпена женщину-инуита из Северной Америки, покрытую татуировками, и ее ребенка. А 10 лет спустя английский мореплаватель и капер Мартин Фробишер вернулся из своего путешествия на Баффинов остров с туземцем-эскимосом. Последний вызвал такой неприкрытый интерес в Лондоне, что после своего второго путешествия в этот регион за золотой рудой Фробишер захватил еще трех пленных эскимосов, которые вызвали не меньшее, чем в первый раз, любопытство англичан, когда мореплаватель причалил в Бристол. Сам Фробишер считал эскимосов азиатами. Вскоре, однако, эти люди скончались от распространенных европейских болезней, против которых у них не было естественного иммунитета¹². Отчасти похожая, и, вместе с тем, не столь однозначная судьба постигла в конце XVII в. жителей острова Миангас, которого англичане именовали «принц Джиоло».

Этого человека привез в 1691 г. в Британию Уильям Дампир - пират, ставший в результате своих трех кругосветных путешествий ученым-естествоиспытателем. В своем повествовании о двенадцатилетней череде путешествий (1679–1691), в ходе которых он «объездил весь земной шар», он подражал своему знаменитому предшественнику времен Елизаветы Тюдор сэру Фрэнсису Дрейку. Но Дрейк в свое время привез в Англию целое состояние в золоте и специях, а самым значимым из того, чем располагал Дампир после своего кругосветного плавания, было, как он сам писал в аннотации к отчету об этих путешествиях, «это мой дневник и мой разрисованный принц»¹³. Сочинение Дампира, опубликованное Дж. Кнаптоном под названием «Новое кругосветное путешествие» (1697), впоследствии переработанное и дополненное, обеспечило его членство в Королевском обществе. Тем не менее, финансовые трудности по возвращении на родину в сентябре 1691 г. вынудили его отказаться от своего права на татуированного уроженца Островов пряностей Джиоло и продать его.

Несмотря на то что в «Новом путешествии» Дампир стремился представить себя как ученого путешественника, английский писатель Джон Ивлин заинтересовался именно его репутацией как пирата, а так-

¹¹ Johnson 1773: 63.

¹² Frobisher 2005: 88; Vaughan 2006: 4-7.

¹³ Dampier 1937: 2-3.

же историей Джиоло. Увидев Дампира и его туземца на званом обеде в августе 1692 г., он Он отметил: «Я обедал у мистера Пипса... Дампир, который был известным пиратом, привел сюда разрисованного принца Джоли, ...который был очень необычным...»¹⁴. Ивлин посчитал достойным увековечить обоих в виде медалей в своей «Нумизмате»: Дампира «и остальных пиратов» в категории «Великие путешественники», а «разрисованного принца» Джиоло – последним в длинном списке «людей с именем или заслугами в чем-то экстраординарном и заметном»¹⁵.

Почему молодой туземец именовался в Британии «принцем»? У Джиоло было две истории – публичная и истинная. Авторство первой истории, моментально напечатанной и разошедшейся множеством экземпляров, приписывают оксфордскому ученому Томасу Хайду. Но ее страницы были полны вымысла. Якобы, по совету Дампира Джиоло признался, что он сын короля, который был захвачен в плен вместе со своей семьей пиратами. Последние продали его в рабство в туземное королевство Томинек, «высокие и миловидные» жители которого не верили в Бога и поклонялись Дьяволу. Джиоло влюбился в местную принцессу Теренахете. Их чувства оказались взаимными, и король отослал свою дочь с острова. Принц-раб ухитрился сбежать, чтобы найти любимую. Когда он был схвачен вновь, дядя принцессы предложил освободить его и изгнать с Томинека, но Джиоло предпочел остаться, чтобы добиться руки Теренахете. В конце концов, юноша был продан¹⁶.

На самом деле Джиоло (или Джоли) был обычным туземцем родом с острова Миангас в семидесяти километрах от побережья современного Восточного Давао. Его вместе с матерью захватили в море работорговцы, отобрали у них золотые украшения и перепродали на Минданао (Филиппины). Некий мистер Муди приобрел сына и мать за 60 долларов и в 1690 г. передал право собственности на них Уильяму Дампиру, находившемуся тогда в своем первом кругосветном путешествии (1679–1691). Джиоло заинтересовал своего господина не только своим искусно татуированным телом, но и живым умом. Он и Дампир нередко вели во время плавания долгие беседы на малайском языке. Англичанин чувствовал симпатию к своему рабу и позже написал о том времени, когда мать и сын болели: «я заботился о них так, словно они были моими братом и сестрой»¹⁷. После смерти матери Джиоло завернулся в ее одежду, безмолвно сидел, глядя в пространство, и долгое время был безутешен. Дампир сочувствовал горю своего раба и пытался приободрить его.

В ходе плавания пират-путешественник надеялся обнаружить неиспользованные запасы специй и золота, но потерпел неудачу. В итоге Дампир возвратился в Лондон без гроша в кармане, имея только свои дневники и экзотического туземца, которого можно было выгодно про-

¹⁴ The Diary of John Evelyn 1906: 315-317.

¹⁵ Evelyn 1697: 18-48.

¹⁶ Hyde 1692.

¹⁷ Dampier 1937: 344.

дать из-за покрывавших все его тело татуировок. Подобие братских уз, которые он к нему испытывал, скоро были отброшены из соображений прибыли. Дампир вспоминал, что «вследствие нехватки денег, меня убедили продать первую часть моей доли в нем, а постепенно и всю долю. Только после этого я узнал, что его собирались показывать публике»¹⁸. В «Новом кругосветном путешествии» он подробно и красочно описал замысловатые татуировки своего бывшего раба: «У него были изображения по всей груди, сзади между плеч; на бедрах - преимущественно спереди; и в форме нескольких широких колец, напоминающих браслеты, вокруг рук и ног. Эти рисунки трудно сравнить с какими-либо фигурами животных или еще чем-то в этом роде; но они были исключительно интересными, отличались большим разнообразием линий, завитков... Я подумал, что вся картина на нем была сделана так же, как делается на мужских руках Иерусалимский Крест, – прокалыванием кожи и втиранием пигмента»¹⁹. В целом исследователи определяют подход ученого пирата к описанию Джиоло, как имперский, то есть, с позиций превосходства европейцев над другими народами²⁰.

Джиоло содержали и выставляли на обозрение публики в гостинице «Голубой кабан» на Флит-стрит в июне 1692 г. Сохранилось несколько экземпляров афиши, рекламирующей его выступления перед лондонцами. Она начиналась с подробной отпечатанной гравюры Джона Эвиджа, акцентировавшей внимание на татуировках на передней части тела, руках и ногах туземного «принца». По мнению ряда специалистов, эти рисунки напоминали традиционные микронезийские татуировки Каролинских островов и островов Палау²¹. Под гравюрой располагалась первая, романтическая история его жизни, а также подробная информация, приписывавшая татуировкам молодого туземца мощные защитные и целебные свойства, поскольку его народ считал их защитой от ядовитых существ.

Ранее европейские писатели не считали (или, скорее, не желали считать) рисунки на коже одним из способов записи прошедших событий и личных историй. Как средство воплощения истории, помещающей людей в космос, татуировки бросали вызов христианскому пониманию Вселенной. Английская публика была очарована татуировками Джиоло, но, как выразился Томас Хайд, «не смогла увидеть ничего, кроме его внешнего вида». Именно Хайд отметил связь татуировок этого туземца с его личной историей и происхождением: «... опубликованные его изображения дают подробное описание... его Жизни...»²².

Безусловно, сам Дампир был раздосадован тем, что не продал своего раба за гораздо более высокую цену, или вовсе оставить его себе.

¹⁸ Angel 2013.

¹⁹ Dampier 1937: 344.

²⁰ Frohock 2014: 155.

²¹ Allen 199: 86-101; Hasebe 1928: 63-71.

²² Hyde 1692: 1.

Об этом свидетельствует его неприкрытая ирония по поводу маркетинговой кампании вокруг Джиоло, фигура которого стремительно обрастала мифами и суевериями. «В небольшой печатной заметке... рассказали романтическую историю о его прекрасной сестре, которая была рабыней... на Минданао, и о том, как султан влюбился в нее; но это... был лишь вымысел. О нем также писали, что его краска на теле обладала такой силой, что змеи и другие ядовитые существа убегали от него... Но я никогда не знал о красках такого достоинства; а... Джиоло... так же боится змей, скорпионов или кентавров, как и я»²³.

Популярность Джиоло стала настолько велика, что английский король Вильгельм III Оранский (1688–1702) пожелал увидеть его на аудиенции в Уайтхолле, где бывший раб держался весьма достойно. Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба живого экспоната, но замысловатые татуировки не смогли защитить его от незнакомых ему инфекций, которые атаковали его на Британских островах. Через три года после прибытия в Англию, в 1793 г., Джиоло скончался от оспы в Оксфорде. Хотя его могила не отмечена, и его имя не значится в приходской книге, считается, что он похоронен на кладбище церкви Святого Эббе. После его смерти самый успешный хирург Оксфорда Теофилиус Пойнтер в научных целях вырезал фрагмент его татуированной кожи, чтобы поместить его в коллекцию Школы анатомии Оксфордского университета. Этот фрагмент кожи был внесен в список «Анатомических редкостей» в приложении к 4-томному каталогу английского священника и антиквара Джона Пойнтера для его музея Пойнтериянум и кабинета редкостей, который он оставил колледжу Св. Иоанна в Оксфорде в 1740 г. Кожа Джиоло была размещена рядом с уникальной китайской картой английского юриста Джона Селдена, который пожертвовал ее Бодлианской библиотеке Оксфорда в 1659 г. По поводу их соседства английский историк Т. Брук заметил: «Странные приятели по стене в паре с азиатскими диковинками для назидания посетителей-ученых»²⁴. Хотя татуированная кожа Джиоло была безвозвратно утрачена в начале XX в., она считается первым документально подтвержденным случаем сохранения разрисованной человеческой кожи в Англии в качестве анатомического курьеза²⁵. Но все же главное в истории Джиоло заключается не в его татуировках, а в отношении к его личности в Британии, лишь как к экзотическому экспонату.

Безусловно, в целях исследовательской точности следует оговориться, что лишь небольшая часть туземцев, побывавших в Великобритании и на европейском континенте, привозилась специально для участия в публичных шоу. Преимущественно эти люди все же являлись добровольными путешественниками или членами дипломатических

²³ Dampier 1937: 346.

²⁴ Brook 2015: 177-181.

²⁵ Barnes 2006: 49.

делегаций – в Новое время их земли, являвшиеся объектом колониальных устремлений или научного поиска, тоже вошли в мир системных контактов. В большей степени это касалось пребывания в Европе североамериканских индейцев. Известным примером является вояж «индейской принцессы» Покахонтас или «леди Ребекки» в Англию в 1616 г. вместе со своим мужем англичанином Джоном Рольфом, родственниками и свитой из индейцев. Она была радушно принята при дворе короля Якова I Стюарта, но заболела оспой и была похоронена в Англии, вдали от родной Виргинии. Однако почти все эти люди становились, прежде всего, объектом любопытства. Для одних из них далекие странствия способствовали повышению собственного статуса или престижа после возвращения на родину. А для других путешествие в Европу имело обратные последствия. Так, таитянин Омаи, которого в 1774 г. доставил в Великобританию знаменитый капитан Джеймс Кук, пользовался огромной популярностью. Информацией о нем пестрили газеты, художники писали с него портреты, а ученые охотно общались с ним. Омаи возвратился домой с третьей экспедицией Кука, привезя с собой богатые дары. Но на родине его восприняли как чужака, и он умер, отвергнутый соплеменниками²⁶.

В итоге статья подводит к следующим умозаключениям.

Демонстрация туземцев в Европе имела несколько побудительных моментов. С одной стороны, она, несомненно, стимулировалась жадной наживы, характерной для представителей империй эксплуатации, каковой являлась Британская империя. С другой стороны, она, безусловно, отражала особенности характерного для человеческой природы любопытства и стремления к познанию. С третьей – потребностью человека как живого социального существа в зрелищах, которые позволяли ему в непосредственной эмоциональной форме причаститься к своей европейской общности, почувствовать свою защищенность в трансформирующемся мире. Созерцание особенностей «другого» человека затрагивало глубинные пласты психологической организации личности, играя на аспекте оппозиционности, то есть, противопоставления «мы» и «они». Это обстоятельство во многом определяло четвертый побудительный момент выставок живых людей – утверждение в собственном превосходстве, оправдывавшем преобладавшее отношение цивилизованного мира к завоеванным и открытым территориям.

К последнему побудительному мотиву можно добавить то, что расизм существовал в той или иной форме всегда, но географические открытия и колониальная эра стимулировали развитие расистских теорий, визуализировав европейскому обществу людей из других регионов земного шара. «Другие» люди из колоний и захваченные в ходе путешествий и пиратских рейдов рабы-туземцы определенно являлись объектами эксплуатации. Однако в случае демонстрации «живых» экспонатов

²⁶ Vaughan 2006: 153.

мы видим эксплуатацию не труда человека, а его внешности и образа жизни с намерением иметь как прибыль, так и «очевидное» право на превосходство и преобладание. Даже в наименее драматичных и эксплуататорских случаях сутью этнических шоу было явное неравенство, в котором контекст взаимодействия устанавливал дихотомические отношения между черным и белым, Севером и Югом, колонизаторами и колонизированными и, в конечном счете, между высшими и низшими.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Лескинен М.В. «Человеческие зоопарки» в России: к постановке проблемы // Новое прошлое. История и археология. 4. 2018. С. 149–163. [Leskinen M.V. «Chelovecheskije zooparki» v Rossii: k postanovke problemi (“Human Zoos” in Russia: to problem statement) // *Novoje proshloje. Istorija i archeologija*. 4. 2018. S. 149–163].
- Лескинен М.В. «Что мы, Гагенбеки какие, что ли»: люди в зоосадах Российской империи // Антропологическим форум. 2019. № 3. С. 61–88. [Leskinen M.V. «Chto mi, Gagenbeki kakije, chto li»: ljudi v zoosadah Rossijskoj imperii (“Who are we, what kind of Hagenbecks, or what”: people in the zoos of the Russian Empire) // *Antropologicheskij forum*. 2019. № 3. S. 61–88]. Allen T. *European Explorers and Marquesan Tattooing: The Wildest Island Style* // *Tattootime Volume V: Art from the Heart* / Ed. D.E. Hardy. 1991. P. 86–101.
- Angel G. *Tattoos That Repel Venomous Creatures! The Tragic Tale of Prince Giolo*. On 27 May 2013 // URL: <https://blogs.ucl.ac.uk/researchers-in-museums/2013/05/27/the-tragic-tale-of-prince-giolo/>.
- Barnes G. Curiosity, Wonder, and William Dampier's Painted Prince // *Journal for Early Modern Cultural Studies*. Indiana University Press. Volume 6. Number 1. 2006. P. 31–50.
- Blanchard P., Bancel N., Boetsch, G., Deroo E., Lemaire S., Forsdick Ch. *Human Zoos: the greatest exotic shows in the West* // *Human zoos. Science and Spectacle in the Age of Colonial Empires* / Ed. by Blanchard P., Bancel N., Boetsch, G., Deroo E., Lemaire S., Forsdick Ch. Liverpool: University press, 2008. P. 1–49.
- Brook T. *Mr. Selden's Map of China*. London: Profile Books, 2015.
- Bujok E. *Neue Welten in europäischen Sammlungen. Africana und Americana in Kunstkammern bis 1670*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag GmbH, 2004.
- Dampier W. *A New Voyage Around the World* / Ed. by N.M. Penzer/ London: Adam & Charles Black, 1937.
- The *Diary of John Evelyn*/Ed. by A. Robson. Vol III. New York: Macmillan and Go, 1906.
- Evelyn J. *Numismata: A discourse of Medals: Together with some Account of Heads and Effigies of Illustrious, and Famous Persons, in Sculpt, and Taille-Douce, of Whom we have no Medals extant, and of the Use to be derived from them: to which is added A Digression concerning Physiognomy*. London: Took, 1697. 342 p.
- Frobisher K.A. *Elizabethan Hero: The Life of Sir Martin Frobisher*. North Charleston, South Carolina: Booksurge LLC, 2005.
- Frohock R. *Buccaners and Privateers: The Story of the English Sea Rover, 1675-1725*. 2014.
- Johnson S. *A Dictionary Of The English Language: In Which The Words Are Deduced From Their Originals, And Illustrated In Their Different Significations By Examples From The Best Writers*. Vol. I. London: Thomas Ewing, 1773.
- Hasebe K. The Tattooing of the Western Micronesians // *The Journal of the Anthropological Society of Tokyo*. Vol. XLIII. 1928. P. 63–71.
- Hyde Th. *An account of the famous Prince Giolo, son of the King of Gilolo, now in England with an account of his life, parentage, and his strange and wonderful adventures, the manner of his being brought for England: with a description of the island of Gilolo, and the adjacent isle of Celebes, their religion and manners / written from his own mouth*. London: Printed and sold by R. Taylor, 1692.
- Sánchez-Gómez Luis A. *Human Zoos or Ethnic Shows? Essence and contingency in Living Ethnological Exhibitions* // *Culture & History Digital Journal* 2(2), Dec. 2013 // URL: https://www.academia.edu/5486706/Human_Zoos_or_Ethnic_Shows_Essence_and_contingency_in_Living_Ethnological_Exhibitions.

- Schmitt C. *The Nomos of the Earth in the International Law of the Ius Publicum Europaeum*. New York: Telos Press, 2003.
- Vaughan A.T. *Transatlantic Encounters: American Indians in Britain, 1500–1776*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2006.

Ивонина Людмила Ивановна, д. и. н., профессор, кафедра всеобщей истории, Смоленский государственный университет; ivonins@rambler.ru

Native Exhibitions as Phenomena of Geographical Discoveries and Colonialism: a Living Showpiece of the British Seafarer William Dampier

The article is devoted to the analysis of one of the phenomena of geographical discoveries and colonialism - the demonstration of natives in Europe using the example of the fate of Giolo, a resident of the island of Miangas, captured as a slave by the seafarer William Dampier and exhibited as a showpiece in London. In addition to the tragic story of Giolo, the author presented a general description of human exhibitions from the perspective of the civilizational approach and imagology and highlighted their motivations. On the one hand, the demonstration of natives in Europe was stimulated by the itch for gain, characteristic of representatives of “empires of exploitation,” such as the British Empire. On the other hand, this phenomenon reflected the inherent curiosity and desire for knowledge in human nature. With the third one it was the need of man as a living social for spectacles that in a direct emotional form allowed him to feel his belonging to the European community and his security in the rapidly transforming world of the New Age. Contemplation of the “other” person affected the deep stratum of the psychological organization of the personality, playing on the moment of opposition, i.e. contrasting the concepts of “us” and “they”. Psychology largely determined the fourth motivating factor of native exhibitions, such as assertion of one’s own superiority, which justified the prevailing attitude of the civilized world towards conquered and discovered territories. The article notes that geographical discoveries and the colonial era stimulated the development of racist theories by visualizing “other” people from different regions of the globe to European society.

Keywords: *geographical discoveries, colonial expansion, knowledge, native exhibitions, “the other”, William Dampier, Giolo, civilization.*

Ivonina Liudmila Ivanovna, doctor of Historical Sciences, Professor of Department of History and Law, Smolensk State University; ivonins@rambler.ru

ОПЫТ МИССИОНЕРОВ РПЦ В ЗАРОЖДЕНИИ ХРИСТИАНСКОГО
ОБРАЗОВАНИЯ У ОСЕТИН (1742–1793)

В публикации представлен анализ деятельности миссионеров РПЦ в зарождении христианского образования у осетин за период с 1742 по 1793 гг. Цель работы заключается в воссоздании целостной картины генезиса христианского образования миссионерами, выявлении их вклада в дело просвещения осетинского народа. На основе открытия новых архивных и документальных материалов в статье пересматривается позиция некоторых аспектов кавказоведческой науки, нивелирующей значение грузинских деятелей в культурном сближении русско-осетинских обществ.

Ключевые слова: православная миссия, грузинская иммиграция, Осетинское подворье, христианское образование.

В российском социокультурном пространстве важную роль играет конфессиональный фактор, в связи с чем особое значение приобретает исследование его влияния на разные аспекты общественной жизни, включая проблемы становления образования в национальных республиках, одной из которых является Северная Осетия.

Несмотря на то, что история образования на Северном Кавказе, и конкретно, в Осетии, хорошо изучена, по-прежнему существуют лакуны в исследовании генезиса христианского образования, осуществляющегося со второй половины XVIII в. трудами грузинских, осетинских и русских миссионеров, действовавших под эгидой Российской империи. В целом, до недавнего времени в кавказоведении фактически не существовало отдельного церковно-исторического направления, несмотря на то, что история изучения проблемы берет начало с дореволюционных времен. В работах митр. Ставропольского и Владикавказского Гедона (Докукина), арх. Астраханского Платона, еп. Ставропольского и Екатеринодарского Владимира, прот. И. Беляева, прот. А. Гатуева, иг. Андрея (Мороза), епархиального миссионера А.И. Платону излагаются этапы христианизации осетин, но нет сведений по генезису их аккультурации среди народов Северного Кавказа. Имеющиеся светские мемуары педагогов, работавших на Северном Кавказе: К.В. Краснова, Д.Д. Семенова, Я.М. Неверова и др., при описании школьного строительства в Осетии тоже подчас носят субъективный характер и не лишены неточностей. Не свободны от предвзятости и труды непосредственно знакомых с самим христианским образованием осетинских просветителей начала XX века: А. Гассиева, М. Гарданова, Г. Дзасохова, К.Л. Хетагурова, Г. Цаголова, Х. Уруймагова и др.¹ В их статьях содержится резкая критика воспитательно-образовательных методик прошлого и настоящего им церковного обучения. Традиция «отмены религии» были развиты в советской историографии. Несмотря на то, что это время было озаглавлено появлени-

¹ Блейх 2020: 18.

ем целой плеяды профессиональных исследователей: Б.А. Алборова, В.Б. Скитского, М.С. Тотоева, Б.А. Калоева, М.М. Блиева, Е.Е. Хагаева и др., в их трудах просматриваются идейно-политическое неприятие конфессионализма, миссионерская деятельность церковных организаций называется обскурантной и связывается с реакционной политикой царского правительства, которая подается в негативном ключе. Работы современных осетиноведов Л.В. Дзанаговой, З.В. Кануковой, Ф.А. Кокаевой, Е.Х. Наскидаевой, Е.А. Савенко, Ц.Б. Цаллаговой и др. в большей степени свободны от подобной предвзятости. Однако и в них ранний период (XVIII в.) зарождения христианского просвещения затрагивается лишь косвенно, что вызвано скудостью источниковой базы. Основные публикации посвящены XIX веку. На основании новооткрытых материалов мы решили нарушить эту традицию и взяли на себя труд проанализировать вторую половину XVIII века, вернуться к истокам национального образования. Для чего необходимо исследовать условия и предпосылки создания православной миссии и рассмотреть деятельность ее членов в сфере становления школьного образования у осетин.

Изучение истории образования в регионе невозможно без рассмотрения связей России и Кавказа в конце XVII – первой половине XVIII в. В 1682 г. Петр I приютил опального имеретинского царя Арчила II (1647–1713 гг.), чем вызвал недовольство Турции, которая в 1703 г. захватила Западную Грузию. В 20-е гг. она продолжила экспансию в отношении остальной части страны. Россия не могла помешать этому, так как вела войну со Швецией. Российско-грузинские отношения вновь активизировались в ходе Персидского похода. В 1722 г. был составлен тайный договор о совместных военных действиях против Ирана между Петром и грузинским государём Вахтангом VI (1675–1737 гг.). Однако он не имел последствий в силу соглашения России с Ираном². По условиям Белградского договора (1739 г.), Россия отказывалась от вмешательства в дела оккупированной Ираном Восточной Грузии. Картлийский царь Вахтанг VI, вынужден был эмигрировать в Россию. С собой он привез сыновей – Бакара Георгия и Вахушти и 1200 человек свиты. Как известно из архивных записей, приехавшие были приняты с почестями. Всем им назначили жалованье, освободили от налогов³.

После смерти царя Вахтанга российское правительство озабочилось судьбой осиротевшей эмиграции, особо «обласкав» царевичей. Старшему – Бакару (1699/1700–1750) был дарован чин генерал-лейтенанта артиллерии и посла «по особым поручениям». В 1740 г. после отставки он открыл в с. Всесвятском Московской губернии (ныне территория московских р-нов Аэропорт и Сокол) типографию, которая печатала церковную литературу на грузинском языке. Среднему – Георгию (1712–1786) пожаловали чин генерал-майора. Впоследствии он участвовал в Русско-шведской войне, Войне за австрийское наследство, Семи-

² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 6. Т. 1. Л. 191-191об.

³ НАРГ. Ф. 802. Оп. 10. Д. 74. Л. 2.

летней войне. В 1762 г. был произведен в генерал-аншефы. После смерти Бакара возглавил грузинскую диаспору, пожертвовал крупную сумму в 10 тыс. руб. на обустройство Московского университета и построил в древней столице храм Георгия Победоносца (ул. Большая Грузинская, 13). Третий, незаконорожденный сын Вахтанга – Вахушти (1696–1757), от щедрот Анны Иоанновны ничего не получил. Однако он вписал свое имя в историю русско-грузинской культуры как картограф, историк, географ, переводчик, составивший 2 атласа Грузии (1735 и 1743), написавший (1745) «Сакартвелос цховреба» («Житие Грузии»)⁴, и выполнивший перевод «Феатрона, или Позора исторического» Г. Стратемана и «Камня веры» Стефана Яворского. Имеются сведения, что он участвовал в основании Московского университета⁵ (сейчас его именем назван Институт географии АН Грузии, а также вершина Кавказского хребта).

Сыновья Вахтанга сыграли важную роль в налаживании связей между Россией и Осетией. Вахушти составил географическое описание Осетии, представив исторический обзор и характеристику нравов и обычаев её населения, а Бакар был первым, кто предложил восстановить там христианство (он не хотел терять связи с родными местами и с помощью ближайших своих соседей осетин, в среде которых были христиане, стремился наладить контакт с родиной, а после вернуть трон).

В марте 1742 г. Бакар обратился к имперскому правительству с просьбой отправить в Осетию грузин-миссионеров⁶ с целью распространения христианства. Его идея была оправдана тем, что принявшая христианство еще в 914 г. Осетия считалась православной, несмотря на попытки искоренения христианства в регионе во времена ордынского владычества и нашествия Тимура. Однако к описываемому времени из-за набегов кабардинцев, заставлявших осетин принимать ислам положение христианства в регионе заметно ослабло. В этих условиях организация миссионерской деятельности представлялась целесообразным и своевременным предприятием⁷.

Выдвинутое М.М. Блиевым и устоявшееся в историографии представление о том, что эту идею впервые предложили уроженцы Грузии архиепископ Самебели и Цилкани Иосиф (Квабулидзе) (1676–1750) и архимандрит Московского Знаменского монастыря Николай⁸, которых поддержал канцлер Бестужев-Рюмин, не соответствует истине⁹. Записи из личного архива В. Мачарадзе, проанализировавшего доклад игумена Христофора 1743 г., доказывают, что инициатива исходила от Бакара¹⁰.

⁴ Вахушти Багратиони... 1916: 78.

⁵ Академия наук СССР и развитие грузинской науки... 1974: 47.

⁶ Пайчадзе 1973: 59.

⁷ Блейх, Дзанагова. 2018: 96–108.

⁸ Сведения о архимандрите Николае содержатся в архиве Св. Синода от 1756 г. под № 303 и Московского Знаменского монастыря иконы Божьей матери «Знамение», где он с 13 января 1738–1741; 2 октября 1741–1764) исполнял обязанности настоятеля.

⁹ Осетинское посольство в Петербурге... 2010: 8–12.

¹⁰ Личный архив проф. В. Мачарадзе. Оп 1/1. Д. № 2. Л. 15.

Имея чин генерал-лейтенанта и будучи начальником Артиллерийской конторы и дипломатом, царевич дважды посещал Астрахань и Кизляр с поручениями от правительства (1736 и 1742 гг.) и потому мог иметь представление об обстановке на Кавказе.

На наш взгляд, противоречие возникло оттого, что почти одновременно с прошением Бакара ходатайство об учреждении миссии для восстановления христианства в Осетии было озвучено архиепископом Иосифом и архимандритом Николаем, которые в обращении к Екатерине II обосновали создание Духовной Комиссии тем, что «осетинцы издревле были христианы». В этом документе впервые приводятся имена грузинских пастырей «архимандрита Пахомия, игумена Николая и игумена Христофора»¹¹, которые богоугодное дело чрез проповедь слова Божия по склонности упомянутых иноверцов во святое крещение и в вечное в.и.в. подданство привести могут в непродолжительном времени всех без остатку»¹². Важную роль в этом плане играло то, что при подавлении картлийского восстания кизилбашами (иранцами) пострадало немало осетин – сторонников правящей династии, которые вернулись на родину и будучи знакомы с грузинским языком и культурой, являлись прекрасными кандидатами для реконструкции дружеских отношений.

Выдвинутой грузинской диаспорой идея организации церковного института в Осетии оказалась созвучна мыслям российского правительства, которое желало «прирасти землями» Кавказа и в этом замысле понимало важное стратегическое положение Осетии. Империя решила завоевать Осетию «мягкой силой», для чего лучше всего подходила проповедническая деятельность грузинских священников, которые являлись подданными другого государства. Так Россия могла проводить свою политику на Кавказе, не раздражая Порту. «То, что мы, по своей слабости, уступили исламу, постараемся вернуть распространением христианства с помощью России», – писала Елизавета Петровна канцлеру А. Бестужеву-Рюмину, имея в виду Белградский договор, по которому Россия не имела права проводить свою политику на Кавказе¹³. Руководствуясь этими соображениями, императрица обязала Коллегию иностранных дел (КИД) предоставить более полные сведения об осетинском народе. Расследование велось с осторожностью (дабы не проведали о том турки) год, и только в 1745 г. управленцы одобрили идею создания осетинской комиссии. Акт отправки проповедников-мигрантов послужил начальным звеном российского влияния на Кавказе.

В июле члены комиссии (грузины-игумены Христофор и Николай, иеромонах Ефрем и осетин-толмач Андрей Бибирюлев (Бибилты), снос-

¹¹ Как свидетельствуют грузинские источники, в частности труд З. Чичинадзе «Жизнь Грузии» (1913: 217–218), Хантадзе (1957: 405) и др., архимандрит Пахомий был родом из Западной Грузии (Рача), игумен Николай являлся представителем знатного рода Эристави из Ксанского ущелья, игумен Христофор родился в конце XVII в., был родом из области Эгриси (Самегрело) в Западной Грузии.

¹² АСОНИИ Ф. 49. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

¹³ РГАДА. Ф.11. Оп. 1. Д. 329.

но владеющий тремя языками), руководимые архимандритом Пахоимом, прибыли в Осетию. Они обосновались в урочище Хускадаг (Майрамадаг) по р. Фиагдон, назвав своё поселение Осетинским подворьем, которое было весьма невелико и состояло из церквушки и избы. Их целью была христианизация горцев и привлечение их к России. Миссионеры принялись создавать положительный образ осетин и Осетии для правительства. В их докладах имеются сведения об обилии природных ископаемых, красоте местного пейзажа, обычаях и традициях жителей, «которые в Россию ехать весьма желают и принести поклонение Ея императорскому величеству и тамо крестится желают, ежели им указ будет или возмогут чем достигчь»¹⁴. Первым донесением в Синод от 12 июля миссионеры делились своими впечатлениями об осетинах: «Народ дружелюбно отнесся к нам, противных действий не выказывал, ничего не крали. Осетины с большим удовольствием переходят в христианство. Правда в некоторых местах распространено магометанство, однако местные ничего в этом не смыслят. Народ необразован, невежественен, законам жития и правильного питания не обучен»¹⁵.

Однако эта (субъективная) характеристика осетинскому народу отнюдь не означала, что он был необучаем. Известны эпизоды, когда проповедники-греки старались привить книжные знания горцам. «Они завозили на Русь и Кавказ исторические сочинения и книги божественного содержания на греческом и латинском языке, в основном, об описании православных святых. Но на Северном Кавказе, кроме Осетии, эти книги не прижились. После греков первыми сеятелями знаний стали русские священники, бежавшие из плена крымских татар во времена русско-крымских сражений и обучавшие горских детей русской грамоте»¹⁶. Понятно, что такие случаи были единичны и мы не можем говорить об осознанной образовательной деятельности. Однако М.В. Краснов утверждает, что осетины тянулись к просвещению: «...Все эти попытки ознакомить инородцев с русскою грамотою были частныя, случайныя. Но стремление инородцев к изучению русскаго языка более и более усиливалось. Так как большинство из них не имело собственной письменности, то некоторые из них старались применить к своему языку русския буквы, например, осетины, именующее себя иронами (от корня ар, ир) не забывшие христианства и при господстве над ними турок»¹⁷.

На протяжении нескольких веков выходцы из богатых осетинских семей, желающие получить образование, отправлялись в монастыри Грузии. К указанному периоду было известно о девяти священниках, владеющих грузинским языком и письмом. Владел грамотой и руководитель первого осетинского посольства. В архивах имеется доклад иеромонаха Ефрема, содержащий список осетинских старшин, желающих

¹⁴ АВПРИ. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 3. Л. 250б.

¹⁵ РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 67.

¹⁶ Блейх, Дзанагова. 2018: 96.

¹⁷ Там же: 100.

креститься и принять российское подданство. Особенно лестно он отзывался о Зурабе Магкати: «природной оных же осетинцов из места, зовомаго Касри [Касарское ущелье], и из младенчества воспитан и крещен»¹⁸. Но в самой Осетии обучение не велось, его и поручили наладить Духовной комиссии, которой также было дано указание первым делом построить церковь и для «осетинского юношества содержать школу»¹⁹.

Осуществляя высочайший наказ, прибывшие в Дигорию миссионеры во главе с Пахомием за неимением специального здания стали обучать местных мальчиков у себя на дому, о чем имеется донесение пастыря: «Я с прежде взятых... малолетних три человека уже грамоте совершенно мною и моим коштом обучил, из которых один в Астрахань мною привезен был, во иерея посвящен и в Осетию отправлен, а двое к тому еще обученные приготовлены к посвящению»²⁰.

После миссионерами была предпринята попытка создания при церкви школы. Сведений о численности ее учеников не сохранилось. В грузинских архивах имеется лишь упоминание этой школы в связи с христианской проповедью в ней одного из членов Комиссии – Парфения²¹. В среде исследователей, которые по традиции, сложившейся в кавказоведении, первой школой считают моздокскую (1754), о которой будет рассказано ниже, этот факт остался незамеченным. Между тем о существовании учебного заведения упоминает М. Краснов, который пишет, что «школа при Подворье была открыта в сакле никогда не отапливаемой и вечно сырой. Плоская земляная крыша, заросшая лесным густым бурьяном, мало защищала внутренность школы от потоков дождя. Для учащихся были присланы из Москвы буквари, которые целые годы лежали без употребления, так как учиться по ним не находилось охотников, хотя духовные лица и взывали к отцам и матерям отдавать детей в школу. С одной стороны, родители не отдавали детей своих в школу, считая в своем быту образование вообще, и в частности, русскую грамоту бесполезной роскошью, а с другой стороны – боясь обрусения детей. Только в 1749 году оказалось в школе 7 мальчиков, которые после пятилетнего пребывания в ней усвоили механизм чтения славянских книг без понимания читаемого. Просуществовало Осетинское подворье вместе со школой до 1752 года»²².

Трудности, связанные с функционированием Подворья, вынудили власти переименовать его в 1752 г. в Осетинскую Духовную Комиссию. Видя жалкое положение майрамадагской школы Пахомий озаботился учреждением нового учебного заведения в другом месте. Обращаясь к Синоду с прошением о необходимости христианского воспитания, он

¹⁸ АВПРИ. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 3. Л. 34

¹⁹ РГИА. Ф. 383. Оп. 4. Д. 67.

²⁰ Материалы по истории Осетии 1947: 39.

²¹ Иеромонахом при грузинском монастыре, знал осетинский язык, погиб в 1749 г. отказавшись вести антирусскую пропаганду (НАРГ. Ф. 802. Оп. 10. Д. 74. Л.11).

²² Красновъ 1913: 8.

ходатайствует о том, что «...для обучения осетинских малолетних детей надлежит учредить хотя бы в малом числе школу»²³. 27 мая 1752 г. Св. Синод повелел арх. Пахомию представить свои рекомендации «о том, где и в каком месте ту школу завести и какому в ней на первый случай ученикам быть числу, и кто именно может им быть учителем и на каком диалекте и каким способом те ученики в ту школу могут быть набраны»²⁴. «Объявленная школа учреждена будет в Куртаульском уезде (Куртатинском ущелье), в которой при первом случае учеников может быть до тридцати человек... малолетние же осетинцы обучены будут на грузинском диалекте»²⁵, – отвечал на запрос арх. Пахомий.

Церковные руководители одобрили проект начальника Комиссии, указав, что школа должна будет выпускать пастырей лояльных к русским властям. О деятельности этой школы мало что известно. В литературе укоренено мнение, что ее вообще не существовало, однако сохранились данные, что в 1753 г. было обучено два осетина, которые впоследствии стали посредниками между миссионерами и местным населением²⁶. Эти скромные результаты говорят о том, что жители Куртатинского ущелья также боялись отдавать своих детей в церковную школу из-за беспокойной обстановки, сопряженной с частыми набегами кабардинцев, которые видели в осетинах своих данников, постоянно грабя их и выражая недовольство распространением православия. К тому же по условиям Белградского договора Россия не имела права осуществлять какую-либо деятельность в Осетии. Поэтому продолжить обучение осетинских детей было решено в приграничном Моздоке. Выбор города был продиктован тем, что он находился в формальном управлении российской администрации.

Моздокская школа торжественно открылась в 1754 г. Обучение было достаточно примитивным. Преподавались азы русской и осетинской грамоты, чтение. Основной упор делался на толкование духовных книг и церковное пение, «дабы осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на другом каком диалекте ... дабы из осетинцев могли быть достойные к производству в духовные чины и к употреблению в должности переводческие»²⁷. Как видим, по замыслу церковного ведомства выпускники должны были стать либо священнослужителями, либо переводчиками и привлекаться к работе в Духовной комиссии.

Данное образовательное учреждение правительством воспринималось как важный стратегический объект, имеющий богатый культурный ресурс для внедрения православия, что было немаловажно, так как соседняя Кабарда предпринимала неоднократные попытки распространения ислама. Имелись случаи, описанные игуменом Григорием, когда

²³ Материалы по истории осетинского народа. 1942: 32.

²⁴ АСОИГСИ. Ф. 49. Оп. 1. Д. 2. Л. 18.

²⁵ ЦГАДА. Ф. 259. Оп. 22. Д. 1575. Л. 457–458.

²⁶ ЦГИАР. Ф. 733. Оп. 82. Д. 329. Л. 1–13.

²⁷ ЦГИА России. Ф. 1290. Оп. 11. Д. 2373. Л. 8–12.

«адыги присылали от себя к тем осетинцам человека с увещеванием, дабы они не могли детей своих в российские руки отдавать, потому что если оне такую отдачу учинят, то дети их... в России останутся, и обратно возвращены к ним не будут»²⁸. Для борьбы с этими слухами и поддержки лояльности населения было решено выдавать всем воспитанникам стипендию со своеобразной дифференциацией – детям простых людей 2 руб., детям знатных фамилий 4 руб. Ответственными за школу назначались комендант Кизляра и губернатор Астрахани. Первым директором был назначен глава Комиссии архимандрит Пахомий, заместителем стал его соотечественник и сподвижник игумен Григорий. Именно последнему было поручено проводить набор учеников. Напуганные кабардинцами горцы все также страшились отдавать своих детей на обучение, однако они уважали священника и отпускали с ним сыновей. В первый год после открытия школы в нее было зачислено 7 учеников. О чем и сообщил Синоду: «А семь человек из тамошних старших детей своих мне перепоручили, которые и поныне в Моздоке в школе обучаются»²⁹. История сохранила их имена: Андрей Битаров, Иван Елиханов, Павел Давыдов, Феофан Карабугаев, Пётр Париев, Харитон Хетагуров, Христофор Хетагуров. Впоследствии первые выпускники стали священниками в сельских приходах. На протяжении остальных лет функционирования школы количество детей доходило до 46 человек³⁰.

Пахомий и Григорий занимались переводом и изданием книг для нужд школы. О том имеется рапорт арх. Пахомия 1753 г.: «от Св. пр. синода постановлением велено было нам, низжайшим, грузинское божественное писание переводить на осетинский язык с употреблением грузинских литеров, о чем мы, низжайшие, и стараемся, и некоторые уже стихи из божественных писаний нами на осетинский язык и переведено»³¹. «По просьбе архимандрита Пахомия с братиею по знанию моему азиатских четырех языков, – писал Григорий, – Комиссии для способности призван, чему и я, видя богоугодное дело, в оную комиссию вступил, чего ради принужден был и нужда требовала осетинский язык через два года научиться, и на осетинский язык некоторые духовные книги перевел»³². Именно Григорий, возведенный в сан архимандрита после кончины архимандрита Пахомия в 1767 г., встал во главе Миссии и был назначен директором учебного заведения. Возглавив школу, он обратил особое внимание на изучение русского языка и разговорной речи, о чем имеется донесение кизлярскому градоначальнику А.В. Суропову от 30 ноября 1767 г.: «...когда показанные школьники действительно российской грамоте обучатца, и в совершенные лета войдут и в России обживутца, то уже и неуповательно, чтоб оне паки в свою сторону возымели

²⁸ РГАДА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 34. Л. 6.

²⁹ АВПРИ. Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 3. Л. 34.

³⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф. 123. Д. 32. Л. 12.

³¹ Bleich Н.О. 2015: 289-295.

³² Материалы по истории осетинского народа 1942: 39.

намерение, то будут со усердием стараться отцов и матерей их, також и родственников вызывать на учительство в Россию»³³. Нововведения нашли одобрение в Св. Синоде: «чтобы осетинцы обучены были грамоте на российском, а не на другом каком диалекте... дабы из осетинцов могли быть достойные к производству в духовные чины и к употреблению в должности переводческие»³⁴.

Изучение русской словесности продвигалось туго. Занятия по русскому языку, длившиеся каждый день по 4 часа, не могли дать хорошей разговорной практики. Они знали только названия предметов и могли кое-как изъясняться. В итоге, проучившись 5–6 лет, большинство горских детей-выпускников школы, по возвращении домой, скоро забывали русскую речь. «Я знаком в горах с прежними воспитанниками Комиссии, – вспоминал путешественник Л.Л. Штедер, – которые не соответствуют всем тем требованиям, которые могут быть к ним предъявлены. Слишком высокомерные и ленивые для того, чтобы обрабатывать землю, они живут гостеприимством своего народа или являются посредниками при обменах между русскими и своей нацией»³⁵.

Управляющий старался наладить учебный процесс в школе, но финансирования не хватало. Здание приходило в негодность и воспитанникам приходилось проживать на казенных квартирах, что было неудобно. Архимандрит начал было строительство нового здания, но не успел его закончить. В 1768 г. был убит кабардинцами-мусульманами.

Гибель директора подтолкнула в 1771 г. Св. Синод, в ведении которого была эта миссия, назначить её руководителем протопопа Афанасия Лебедева и заменить грузинских священников на русских. Лебедеву вменялось в обязанность «осетинских и ингушевских людей учить христианским законам и иметь за ними присмотр»³⁶. Для чего он озаботился организацией в короткие сроки школы начального порядка для обучения горцев православному закону и российской грамоте. Решено было им восстановить моздокскую школу, которая сильно обветшала, о чем было доложено императрице: «Ныне при обветшании и разрушении школьных покоев остались ученики без пристанища и скитаются по разным домам у поселившихся осетинцев и претерпевают крайнюю бедность и недостаток, не имея ни обуви, ни рубах по причине отбираемого у них жалованья отцами и родственниками во время их в Моздок приездов, для чего не только по городу, но и в школу ходить не могут; к чему и отведена деревянная изба, в которой летом от течи, а зимою от угаров великое беспокойство и ученикам и учителям причиняются»³⁷.

В ответ на это послание Екатерина II обязала генерал-губернатора Астрахани Ивана Якобия срочно привести школьный корпус в порядок,

³³ Там же: 40.

³⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 120. Л. 64–86.

³⁵ Штедер 2016:19.

³⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 120. Л. 64.

³⁷ РГАДА. Ф. 468. Оп. 453. Д. 354. Л. 7.

а миссионерам поручалось «тамощные уезды объехать и со всем тамощным народом познакомитца и обласкатца, ...и собою посвященным крещением и некрещеным толковать и поучать о законе божьем, стараясь при том склонять к отдаче на Моздок в школу более детей их, и с чего главная польза предвидитца»³⁸.

Учителем был назначен дьякон Артемий Романов, знавший грузинский и армянский. Благодаря своей грамотности и пылливому уму он был определен на службу в 1774 г. в Осетинскую комиссию. Как отмечает М. Краснов, «Романов своею любовью к учащимся, общительностью с ними и их родителями, скоро завоевал общие симпатии к школе. Грамота его ученикам давалась туго, но зато расположение их к русским возрастало. Даже ингуши, попадавшие в школу, редко убежали из нее»³⁹.

Обучение оставалось примитивным: русский и грузинский язык, чтение, арифметика (четыре действия) и письмо, а также псалтырь и молитвы. Об этом свидетельствуют показания того же Л.Л. Штедера: «учебное заведение Комиссии в Моздоке, если бы оно было общепользным и его доходы разрешали бы более значительную подготовку, могло бы явиться основой преобразования этой нации. А для этого учащихся следовало бы учить не только молиться по псалтырю, но и другим более полезным вещам»⁴⁰. Практиковались индивидуальные занятия с учетом возможностей каждого ученика. В «Инструкции» церковных властей говорилось об обучении осетин: «с ними такой строгости как с российскими употреблять не можно, а надлежит их приохачивать к науке, дабы они неленносно учились и казенный интерес на них не праздно держан мог быть, в чем за ними наблюдать без суровости, но подавая советы и толкуя им собственную чрез то пользу»⁴¹.

Директор следовал всем рекомендациям Св. Синода и не мог ничего привнести в школьный Устав. Комендант Моздока Г.С. Ломов считал своим долгом вмешаться в учебный процесс и требовал ежегодный отчет об усвоении знаний каждого ученика, а сам вел разгульную жизнь, тратил деньги, выделенные на нужды школы, в карты и пропивал. По поводу быта воспитанников говорил так: «не во что обуться и одеться мальчику – сиди дома – и без русской грамоты проживешь век. В школе сыро и холодно – вот беда, будто просидеть в ней нельзя два-три часа. Баловство одно»⁴². Учителя и учащиеся владели жалкое существование.

Благочинный часто вступал в полемику с возмнившим себя властителем города комендантом. Вскоре, не сумев переломить ситуацию, Романов подал в отставку. После его ухода школьные дела стали продвигаться все хуже и хуже. В начале девяностых в школе насчитывалось 7 воспитанников вместо 36, как в былые времена. Так продолжалось до

³⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 120. Л. 64.

³⁹ Краснов 1913: 10

⁴⁰ Штедер 2016: 37.

⁴¹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 120. Л. 65.

⁴² Краснов 1913: 11.

1793 года, пока школа не была закрыта по причине восстания шейха Мансура, мешавшего доставке детей в учебное заведение.

Несмотря на слабую материально-техническую базу и учебный процесс, роль Моздокской школы в становлении осетинского образования несомненна. М.С. Тотоев отмечал: «Это была по существу первая в истории осетинского народа школа, хотя и открытая в основном, для детей осетинских старшин. Она подготавливала и подготовила первых грамотных осетин, которые, по крайней мере, умели читать и писать по-русски, и вместе с тем, могли быть посредниками между осетинами и русскими, способствовали своей посреднической ролью как толмачи в какой-то степени взаимопониманию и сближению Осетии с Россией»⁴³. Кроме того, эта христианская школа дала осетинскому народу многих церковных деятелей, ставших учителями. Известны имена участвовавших в просвещении кавказских народов священников А. Аладжикова, А. Гагуева, П. Жускаева, Е. Караева, А. Колиева, М. Сухиева.

Опыт миссионеров РПЦ в просвещении осетин (1742–1793) интересен тем, что еще до момента официального вхождения Осетии в состав империи русскими властями была сделана ставка на религиозную пропаганду. И она оказалась вполне оправдана, так как, несмотря на трудности, выпавшие на долю осетинского народа, ко второй половине XVIII в. он смог сохранить ряд элементов христианства.

Создание Комиссии было вызвано желанием России «прирасти землями» Кавказа, центральное место в котором занимала Осетия, имевшая важное стратегическое положение, богатые природные и людские ресурсы. Империя решила завоевать регион с помощью «мягкой силы», посредством христианизации местного населения. Появление идеи распространения у осетин христианства, выдвинутой представителями грузинской иммиграции – царевичем Бакаром и высшими духовными лицами Иосифом и Николаем, преследовавшими цель с помощью России и соседей-осетин освободить Грузию от османов, стало возможным в результате усиления интереса России к Кавказу.

С появлением в Осетии миссионерского общества – Осетинского подворья (1745–1752 гг.), переименованного впоследствии в Осетинскую духовную комиссию (1752–1793 гг.), начинается процесс просвещения осетинского народа. Благодаря деятельности грузинских архимандритов Пахомия, Григория, русского протопopa Афанасия Лебедева и других священнослужителей в Осетии осуществляется разработка письменности, появляются книги, возникает и национальное образование, позволяющее воспитать первенцев церковной интеллигенции. Миссионерами было учреждено всего несколько школ, самой известной из которых стала Моздокская. При этом ее вклад в культурное строительство края несомненен: а) в её стенах открылась первая типография, выпускавшая учебники и церковную литературу на русском и осетинском; б) она воспитала первую генерацию осетинской интеллигенции, знавшей

⁴³ Тотоев 1962: 18.

русскую грамоту и являющейся проводниками российской политики. В целом, роль миссионеров в распространении христианства и развитии местной культуры и просвещения в Осетии сложно переоценить.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Осетинские дела. Оп. 128/2. Д. 3. Л. 25об.
 АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Д. 6. Т. 1. Л. 191-191об.
 Архив Св. Синода. Д. 1756, № 303.
 Архив Северо-Осетинского института гуманитарных исследований (АСОИГСИ)
 Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 394. Оп. 1. Д. 532. Л. 30, 30 об.
 Личный архив проф. В. Мачарадзе. Оп 1/1. Д. № 2. Л. 15.
 Национальный архив Республики Грузия (НАРГ). Ф. 802. Оп. 10. Д. 74. Л. 4.11.
 Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 9. Отд. I. Д. 53.
 РГАДА. Ф. 23. Оп. 13. Д. 34. Л. 6; Ф. 11. Оп. 1. Д. 329.
 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 1. Д. 671.
 Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф. 559. Д. 106. Л. 57.
 ЦГА РСО-А. Ф. 148. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
 ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 120. Л. 64–86.
 ЦГА РСО-А. Ф. 123. Д. 32. Л. 12.
 Центральный Государственный исторический архив России (ЦГИАР). Ф. 733. Оп. 82. Д. 329. Л. 1–13.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Академия наук СССР и развитие грузинской науки. 1724–1974. Тбилиси: Метсниереба, 1974 [Akademiyā nauk SSSR i razvitie gruzinskoj nauki. 1724–1974 (The USSR Academy of Sciences and the development of Georgian Science. 1724–1974). Tbilisi: Metsniereba, 1974].
- Блейх Н.О. Исторические вехи становления и развития просветительства на Северном Кавказе в русле российской цивилизационной политики. Т. 1. (Бакалавриат). Монография. М.: Русайнс, 2020 [Blejkh N.O. Istoricheskie vekhi stanovleniya i razvitiya prosvetitel'stva na Severnom Kavkaze v rusle rossijskoj civilizacionnoj politiki (Historical milestones of the formation and development of enlightenment in the North Caucasus in line with Russian civilizational policy). Tom 1. (Bakalavriat). Monografiya. Moscow: Rusajns, 2020].
- Блейх Н.О., Дзанагова Л.В. Специфика просветительских тенденций у народов Северного Кавказа во второй половине XVIII – начале XX века. //Диалог со временем. 2018. № 62. С. 96–108 [Blejkh N.O., Dzanagova L.V. Specifika prosvetitel'skih tendencij u narodov Severnogo Kavkaza vo vtoroj polovine XVIII – nachale XX veka (The specifics of educational trends among the peoples of the North Caucasus in the second half of the XVIII - early XX century) //Dialog so vremenem. 2018. № 62. P. 96–108].
- Вахушти Багратиони //Записки Кавказского отдела Русского географического общества. В 16 кн. Кн. 12. Тифлис, 1916 [Vahushti Bagrationi (Vakhushti Bagrationi) //Zapiski Kavkazskogo otдела Russkogo geograficheskogo obshchestva. V 16 kn. Kn. 12. Tiflis, 1916].
- Джаши И. Священный Капаретский Самебский (Троицкий) монастырь и Иосиф Самебели // Иверия. 1904. № 15. С. 16–22 [Dzhashi I. Svyashchennyj Katsaretskij Samebskij (Troickij) monastyr' i Iosif Samebeli (The Sacred Katsaretsky Sameba (Trinity) Monastery and Joseph Samebeli) // Iveriya. 1904. № 15. P. 16–22].
- Жордания Ф. Архиеп. Иосиф Самебели и дело груз. типографии в XVIII в. // Иверия. 1884. № 2. С. 31–56; № 3. С. 61–93 [Zhordaniya F. Arhier. Iosif Samebeli i delo gruz. tipografii v XVIII v. (The Archbishop Joseph Samebeli and the cargo case. printing houses in the XVIII century) // Iveriya. 1884. № 2. P. 31–56. № 3. P. 61–93].
- Иоганн Антон Гильденштедт. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2002 [Iogann Anton Gil'denshtedt. Puteshestvie po Kavkazu v 1770–1773 gg. (A journey through the Caucasus in 1770–1773). SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2002].
- Краснов М. Просветители Кавказа // Труды Ставропольской Ученой Архивной Комиссии. V ТОМ. 3 отдъль. Ставрополь: Типография Губернского Правления. 1913. С. 7–16. [Krasnov" M. Prosvetiteli Kavkaza (Enlighteners of the Caucasus) // Trudy

- Stavropol'skoj Uchenoj Arhivnoj Komissii. V TOM. 3 otd"l". Stavropol': Tipografiya Guberiskago Pravleniya. 1913. P. 7–16].
- Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен Св. Апостолов до XIX столетия. Сочинение Генерального Штаба полковника И. Ракина. СПб., 1862 [Kratkij istoricheskij ocherk hristianstva kavkazskih gorcev so vremen Sv. Apostolov do XIX stoletiya. Sochinenie General'nogo Shtaba polkovnika I. Rakinta (A brief historical sketch of the Christianity of the Caucasian Highlanders since the time of St. The Apostles before the XIX c. The composition of the General Staff of Colonel I. Rakint). SPb., 1862].
- Маруашвили Л.И. Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. Географические труды и путешествия. М.: Госгеографиздат, 1956 [Maruashvili L.I. Vahushti Bagrationi, ego predshestvenniki i sovremenniki. Geograficheskie trudy i puteshestviya (Vakhushti Bagrationi, his predecessors and contemporaries. Geographical works and travels). Moscow: Gosgeografizdat, 1956].
- Материалы по истории осетинского народа. Ордзжоникидзе: Государственное издательство Северо-Осетинской АССР, 1942 [Materialy po istorii osetinskogo naroda (Materials on the history of the Ossetian people). Ordzhonikidze: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Severo-Osetinskoj ASSR, 1942].
- Попов Н. В.Н. Татищев и его время. Эпизод из истории государственной, общественной и частной жизни в России первой половины прошедшего столетия. М.: Тип. Грачева и К^о, 1861 [Popov N. V.N. Tatishchev i ego vremya. Epizod iz istorii gosudarstvennoj, obshchestvennoj i chastnoj zhizni v" Rossii pervoj poloviny proshedshego stoletiya (V.N. Tatishchev and his time. An episode in the history of state, public and private life in Russia in the first half of the last century). Moskva: Tipografiya Gracheva i Ko, 1861].
- Тотоев М.С. Народное образование и педагогическая мысль в дореволюционной Северной Осетии. Ордзжоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1963 [Totoev M.S. Narodnoe obrazovanie i pedagogicheskaya mysl' v dorevolyucionnoj Severnoj Osetii (Public education and pedagogical thought in pre-revolutionary North Ossetia). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963].
- Хантадзе Ш. Грузинские деятели на Северном Кавказе в XVIII в. // Вестник гос. музея им. акад. С. Джанашия. Тб. XIX-А, XXI-В. ТВ. 1957 [Hantadze SH. Gruzinskie deyateli na Severnom Kavkaze v XVIII v. (Georgian figures in the North Caucasus in the XVIII century) // Vestnik gos. muzeya im. akad. S. Dzhnashiya. Tб. XIX-A, XXI-V. TV. 1957].
- Штедер Л.Л. Дневник путешествия из пограничной крепости Моздок во внутренние местности Кавказа, предпринятого в 1781 году. Владикавказ: СОИГСИ ВНИЦ РАН, 2016 [SHteder L.L. Dnevnik puteshestviya iz pogrannichnoj kreposti Mozdok vo vnutrennie mestnosti Kavkaza, predprinjatogo v 1781 godu (Diary of a journey from the Mozdok border fortress to the interior of the Caucasus, undertaken in 1781). Vladikavkaz: SOIGSI VNC RAN, 2016].
- Bleich H.O. The Contribution of Russian and Mountaineer enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // Былые годы. Российский исторический журнал. 2015. № 36 (2). С. 289–295 [Bleich H.O. The Contribution of Russian and Mountaineer enlighteners to the Making of Writing Culture in the North Caucasus // Bylye gody. Rossijskij istoricheskij zhurnal. 2015. № 36 (2). P. 289–295].

Блейх Надежда Оскаровна, доктор исторических наук, профессор, ФГБОУ ВО «СОГУ им. К.Л.Хетагурова», nadezhda-blejikh@mail.ru

The Experience of the Missionaries of the Russian Orthodox Church in the Origin of Christian Education Among the Ossetians (1742–1793)

The publication presents an analysis of the activities of the missionaries of the Russian Orthodox Church in the origin of education among Ossetians for the period from 1742 to 1793. The aim of the work is to recreate a holistic picture of the genesis of Christian education by missionaries, to identify their contribution to the school architecture of the Ossetian people. Based on the discovery of new archival and documentary materials, the article reviews the position of some aspects of Caucasian studies, leveling the importance of Georgian figures in the cultural rapprochement of Russian-Ossetian societies.

Keywords: *Orthodox mission, Georgian immigration, Ossetian compound, Christian education.*

Nadezhda Oskarovna Bleikh, Dr.Sc. (History), Professor, K.L. Khetagurov State Pedagogical University, nadezhda-blejikh@mail.ru

ПРОТЕСТАНТСКОЕ СЛУЖЕНИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ШПИОНОМАНИЯ VS ХРИСТИАНСКОЕ БЛАГОЧЕСТИЕ

В статье рассматриваются особенности отношения властных структур к представителям неправославных христианских конфессий в годы Первой мировой войны. На территории Российской империи к началу XX в. проживало около 2 млн. этнических немцев, как подданных Германской, так и Российской империй. Обычно они сохраняли верность своей конфессии. Немецкое население, прежде всего мужчины от 17 до 45 лет, в условиях мирового конфликта активно подвергалось депортациям и интернированию. Лютеранские пасторы, их жены, паства Москвы, Риги, Ревеля, оказывали материальную и духовную поддержку как высланному немецкому населению, так и военнопленным. Однако их деятельность вызывала подозрения у департамента полиции Российской империи, а в общественное мнение активно внедрялась мысль, что помощь оказывается только этническим немцам и австрийцам и не распространяется на военнопленных славянского происхождения. Протестантские общины утверждали: они помогают всем неимущим без различия подданства и вероисповедания. Главный упрек МВД: благотворительность – всего лишь повод создать организацию для осуществления шпионской деятельности. Ключевая фигура в донесении полиции – пастор Вальтер, а также Евангелический полевой лазарет Москвы, через который шла помощь. С этим пастором были связаны все протестантские проповедники, проявлявшие христианское благочестие в отношении ближнего. В результате проведенного расследования деятельность пастора Вальтера и его коллег была квалифицирована как антирусский и антигосударственный заговор, его фигуранты подверглись высылке, что свидетельствует о приоритете принципов национальной безопасности и принижении роли гуманитарных инициатив.

Ключевые слова: *Первая мировая война, протестантские пасторы на территории Российской империи, шпиономания, христианское благочестие, история эмоций.*

Первая мировая война носила тотальный характер. Она затронула все сферы общества, создала напряженность не только в отношении «враждебных иностранцев», но и лиц неправославных христианских конфессий. На территории Российской империи по данным переписи 1897 г. проживали 1790489 человек, которые родным языком считали немецкий¹. В годы Первой мировой войны в условиях пристального внимания к национальной безопасности многие из них обрели статус «враждебных иностранцев» и подвергались преследованиям. Рестрикции распространялись прежде всего на германских подданных – мужчин в возрасте от 17 до 45 лет, которые депортировались из прифронтовых зон, Прибалтийских губерний и столиц во внутренние районы Российской империи и обрели статус интернированных. Этническая принадлежность тесно переплеталась с конфессиональным выбором, поскольку они конструировали идентичность немецкого населения, определяли их сознание. Характерная особенность немцев России – их поликонфессиональность. Однако удельный вес католиков среди них был невелик. Как отмечает В. Деннингхаус, среди немецкоязычного населения Моск-

¹ Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897... S. 62, 142.

вы католиков было не более 10%. То, что протестантизм вырос из оппозиции католицизму делало его потенциальным союзником православия и обеспечивало некоторое покровительство со стороны правящих кругов Российской империи, определенное преимущество лютеранства обеспечивала до перехода в православие принадлежность некоторых членов царской семьи к евангелическо-лютеранской церкви и ее широкое распространение в прибалтийских губерниях².

В годы Первой мировой войны консолидация этнических немцев происходила вокруг лютеранских общин и лютеранских пасторов. В поисках духовной защиты люди возвращались в лоно евангелической церкви. Хотя по политическим мотивам некоторые российские немцы принимали православие и меняли фамилии на русские³. Большая часть германских подданных и русских немцев сохраняли верность лютеранству, что само по себе в условиях военного конфликта с Германией вызывало повышенное напряжение и усиливало антинемецкие настроения в российском обществе, апогеем которых стал 1915 год⁴. Согласно данным О.А. Лиценбергер, за годы Первой мировой войны пострадали 84 лютеранских пастора, что составляло почти треть от всех священнослужителей. Главным образом их обвиняли в распространении германофильских настроений⁵. Но даже когда политические позиции открыто не озвучивались, также возникали коллизии.

На территории Прибалтики, Петрограда, Москвы после активной политики выдворений в августе – сентябре 1914 года осталось немецкое население, среди них пасторы, их жены, члены лютеранских общин, которые не подвергались депортациям в силу возраста и гендерной принадлежности. Именно они начали оказывать разнообразную поддержку выдворенному немецкому населению, а также военнопленным: собирать вещи, деньги и передавать их нуждающимся. Этим под руководством протестантских пасторов занималось немецкое население таких городов как Москва, Рига, Ревель, Юрьев, Митава. С одной стороны, в целях национальной безопасности государство должно было проявить пристальное внимание к их деятельности, но с другой – интересы гуманности и христианского благочестия, заставляли его проявлять осторожность, чтобы не вызвать осуждения со стороны общественного мнения. Однако любые организации гражданского общества, направленные на поддержание гуманности, вызывали у полиции напряжение.

В Прибалтике сложилась очень непростая межнациональная и социальная ситуация, туда был направлен член Совета министра внутренних дел Николай Петрович Харламов, чтобы проверить данные о немецком шпионаже, злоупотреблениях лифляндской, эстляндской и курлянд-

² Дённингхаус 2004: 116.

³ Там же: 127.

⁴ Феномен гражданского плена в России и Германии... 2023: 199-207; см. также: Лиценбергер 2003: 219; Оболенская 2001; Лор 2012; Туманова 2015.

⁵ Лиценбергер 2004: 220.

ской администраций в связи с депортациями германских и австро-венгерских подданных из Прибалтики. С инспекционной поездкой в эти губернии приехал товарищ министра внутренних дел Владимир Федорович Джунковский, который отмечал, что с началом мировой войны «прибалтийские немцы, в большинстве своем, не сумели или не хотели считаться с настроением страны и не вышли за пределы холодной корректности, давая в то же время некоторыми действиями повод к серьезным на себя нареканиям»⁶.

1915 год, как уже отмечалось, стал временем самых масштабных антинемецких кампаний. В феврале 1915 года Россия и Германия уже позволили репатрироваться всем лицам, на которых не распространялся статус гражданских пленных. В документах Саксонского архива есть указание на то, что в феврале 1915 года было подписано распоряжение шефа Генерального штаба о разрешении на выезд враждебным иностранцам женщинам и мужчинам непризывного возраста. Однако это не распространялось на активных и неактивных офицеров и тех лиц, которые находятся под следствием⁷. Фактически и Германия, и Россия завершили первый этап репатриации «враждебных иностранцев», которые не попадали под депортации и интернирование. Однако в России это не ослабило процессы рестрикций.

В феврале 1915 г. начинаются интенсивные преследования в Прибалтийских губерниях лиц немецкого происхождения, которые по своей инициативе занимались благотворительностью. Так, 15 февраля окончательно ликвидировалась группа лиц, занимавшаяся сбором денег и вещей в г. Юрьеве (бывший Дерпт) во главе со студентом Юрьевского университета Бурхардом Бруновым фон Штейном и дворянином Арнольдом фон Тидебеком, которые были высланы в Томскую губернию⁸. Главным раздражающим Департамент полиции фактором являлось то, что они собирали вещи и деньги без надлежащего разрешения. Однако для российского общественного мнения это позиционировалось иначе: отмечалось, что в Юрьеве сбор денег и вещей шел только для германских и австрийских военнопленных, и настойчиво подчеркивалось: все это осуществлялось по директивам Евангелического полевого лазарета из Москвы, а центрами в Прибалтийском крае являлись города Юрьев, Рига, Ревель и отчасти Митава. Таким образом, с точки зрения Департамента полиции, вся гуманитарная помощь – всего лишь видимость, на самом деле это попытка создать антироссийскую организацию. Желая обеспечить национальную безопасность, полиция апеллировала к страхам и слухам, что якобы протестантские пасторы и их паства действуют в интересах Германии. Распускался слух об их усилиях по переходу Прибалтики под власть Германии. Как отмечала Б. Хитцер, страх – это

⁶ Цит. по: Феномен гражданского плена в России и Германии. С. 344.

⁷ Sächsisches Hauptstaatsarchiv Dresden. Bd. 11348. Nr. 2813. Stellvertretendes Generalkommando des XII. Armeekorps. Bl.160.

⁸ ГА РФ. Ф.102. Оп. 212 1915. Д. 739. Л. 5.

чувство, которое выступает изолированно, является стимулом для различных действий и исторически сильной эмоцией⁹. Именно применительно к истории турбулентного XX века чувство страха играет заметную роль. Особенно это касается военного времени, когда люди часто не в состоянии отделять чувства от разума. В данных условиях проходило обращение к коллективным эмоциям. Впервые о коллективных эмоциях писал Л. Февр, коллективные эмоции упоминал Х.-У. Велер, а о чувстве страха, присущего определенным эпохам – Дж. Бурк¹⁰.

Чтобы придать версии Департамента полиции большую убедительность использовались слухи о нелояльности германских подданных и русских немцев. Так, для широких общественных слоев проводилась мысль, что якобы какая-то немка из сестер милосердия московского кружка, где состояла пасторша – жена пастора Вальтера, в письме описывала раздачу денег германцам и выражала свои искренние симпатии к германцам и австрийцам, а также свою ненависть и отвращение к славянству вообще, и к русским в частности¹¹. В этом же письме подчеркивалось, что когда германцев выслали в Сибирь, то для них шел сбор теплых вещей и денег, так как в лазаретах у них вообще почти не было одежды, поэтому «у нас всегда эвакуируют ночью, потому что все голые и неудобно эвакуировать днем» и нельзя людей оставлять «без копеек»¹², отмечала эта сестра милосердия. Она писала также о необходимости расширения помощи, поскольку «Ревель, Юрьев, Рига делают много, надо привлечь Митаву»¹³.

Страх в рамках бинарной оппозиции «свой – чужой» использовался для конструирования образа немца в России как врага¹⁴, для внедрения в общественное сознание представлений о подрывной деятельности пасторов и лютеранских общин. Как отмечает признанный авторитет в сфере эмоциональной истории У. Фреверт: чувства могут как объединять людей, так и сохранять дистанцию между ними. В условиях военного времени сильны приоритеты общности, что ведет к коллективной мобилизации, которая осложняется этническим, религиозным и политическим факторами. Поэтому чувства включают в себя как взаимодействие, так и исключения, что является, по мнению У. Фреверт, основополагающим принципом всех социальных систем¹⁵. Преследование этнически однородных членов лютеранских общин в условиях противостояния России и Германии довольно неплохо вписывается в данную схему. Тем более, что накал борьбы с немецким засильем был в 1915 г. как никогда высок¹⁶. Огромное напряжение в российских правитель-

⁹ Hitzer В. Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen [Online]

¹⁰ См. об этом подробнее: Frevert 2009: 197-203.

¹¹ ГА РФ. Ф.102. Оп. 212 1915. Д. 739. Л. 5 об.

¹² Там же Л. 7 об.

¹³ Там же. Л. 5 об.

¹⁴ Дённингхаус 2004: 323-399; Hagemann 2006: 697-726.

¹⁵ Frevert 2014: 264-267.

¹⁶ Резанов 1915: 241-243.

ственных кругах вызывал закон о двойном подданстве, который в Германии вступил в силу в январе 1914 г. и предоставлял всем этническим немцам возможность получения второго германского подданства¹⁷.

В фокусе Департамента полиции оказалась группа немцев-лютеран из Ревеля, которая занималась сбором денег и вещей для высланных из прибалтийского края немцев. Во главе группы по сбору вещей – проживающая в Ревеле немецкая семья Кюгельген. Как отмечалось в донесении Департамента, их слугами семья характеризовалась как истинно германская, недоброжелательно относящаяся к русским. Слугами чаще всего были представители местного эстонского населения, которые с нескрываемой ненавистью и завистью относились к зажиточным и интеллектуально продвинутым немцам¹⁸. Глава семьи Эрнст Рихардович Кюгельман был директором больницы «Зеевальд». Его супруга Анна специально подчеркивала – деньги собирались больным и беженцам, причем разных национальностей, главная цель – помочь людям¹⁹.

В Германии русские в годы мировой войны воспринимались как шпионы, подобная ситуация была в России с немецким протестантским населением, которое подозревали в шпионаже. Эрнст Кюгельген признавал, что вещи, которые приносили немцы-протестанты, отправлялись в Саратов, куда была выслана часть лиц германского происхождения из прибалтийских губерний и конкретно из Ревеля, на имя пастора Бенинга, а также в Москву на имя пастора Вальтера. Последний являлся заведующим складом Евангелического полевого лазарета²⁰, где проходили лечение военнопленные.

Чувство страха не только вызывало ненависть и излишнюю подозрительность в отношении немецкого населения, но заставляла, например, прибалтийских немцев проявлять осторожность и действовать в режиме модели самосохранения. Так, представитель известного баронского рода Эдуард Штакельберг в условиях расследования помощи высланным немцам заявил, что он переезжал и просто избавлялся от ненужных вещей, отослав вещи один раз в Петроград, другой – в Москву, а потом еще два раза отсылал вещи по последнему адресу. Барон настойчиво проводил мысль что вещи предназначались для больных и раненых без различия национальностей и подданства. Причем все члены Ревельского прихода настаивали, что собирали только вещи, а денег не передавали²¹.

Департамент полиции расценивал всю эту деятельность по оказанию помощи «враждебным иностранцам» не в контексте гуманитарных инициатив, исходящих из гражданского общества, а как создание сплоченной организации с целью шпионажа. В марте 1915 года состоялись обыски в Москве у пастора Вальтера и в Саратове у пастора Бенинга, у

¹⁷ Дённигхаус 2004: 323.

¹⁸ См. об этом подробнее: Бахтурина 2014.

¹⁹ ГА РФ. Ф.102. Оп. 212 1915. Д. 739. Л. 10.

²⁰ Там же. Л. 11 об.

²¹ Там же. Л. 12.

которого были обнаружены документы о денежных пожертвованиях в пользу высланных из западного края и Восточной Пруссии немцев, германцев и австрийцев. Также были найдены письма с просьбами оказать поддержку конкретным лицам, высланным из Ревеля и Восточной Пруссии, и блокнот с записями прихода и расхода пожертвований²².

Обыск у пастора Вальтера продемонстрировал обширную географию пожертвований: они поступали из Воронежа, Орла, Саратова, Новороссийска, Самары, Екатеринодара, Красноярска, Ставрополя от разных пасторов. Были обнаружены квитанции о заказе на изготовление протеза, карта европейской части России с пометками, много визиток с немецкими фамилиями, конверты заграничной корреспонденции, патристическое воззвание Евангелического полевого лазарета в Москве, с призывом приходить и помогать, а также много разных вещей для раздачи неимущим, как заявил пастор. Книг обнаружено не было, но найдено много бланков на русском и немецком языках, причем на бланках на немецком языке отсутствовало указание на аффилированность с Российском Обществом Красного Креста, а также разные приборы, два аппарата типа Морзе с ключом для радиотелеграфа²³. Пастор Вальтер настаивал на том, что вся его деятельность – это проявление христианского благочестия, заявляя: помощь оказывалась всем лицам без различия наций и вероисповеданий. Однако в мае 1915 года было возбуждено уголовное дело, по которому проходили сам пастор Рихард Вальтер, его жена Елизавета и дочь Эдита, а также Елена Гершельман и барон Унгерн-Штернберг, которые принимали деятельное участие в передаче вещей. Следствие связало деятельность всех фигурантов с Пангерманским союзом, подчеркивая тайные связи пастора Вальтера и его жены, с заграницей. Судебное решение по данному делу было вынесено только 22 января 1917 года. Пастор, его жена, Е. Гершельман и барон Унгерн-Штернберг были осуждены и приговорены к шести месяцам тюрьмы каждый, а Эдита Вальтер оправдана²⁴.

Деятельность прибалтийских евангелических организаций, оказывавших благотворительную помощь, интерпретировалась Департаментом полиции как антигосударственная, направленная на отторжение Прибалтийского края от Российской империи. Такой вывод делался на основании того, что письмо с призывом о помощи военнопленным было написано не от руки, а напечатано на машинке, якобы для распространения по всему краю²⁵. Юрьевская учительская семинария и Гольдинская семинария в Курляндской губернии были названы в документах МВД «рассадниками немецкого просвещения и специальной немецкой культуры в России»²⁶, а группу из 14-ти человек немецкого проис-

²² Там же. Л. 13 об.

²³ Там же. Л. 15 об., 16, 17, 20, 22, 27.

²⁴ ГА РФ. Ф. 124. Оп. 69. Д. 707. Л. 3, 35

²⁵ ГА РФ. Ф.102. Оп. 212 1915. Д. 739. Л. 28

²⁶ Там же. Л. 29.

хождения из Ревеля, которая занималась благотворительной помощью вне аффилированности с Российским Обществом Красного Креста, приговорили к высылке, причем среди высланных – семь женщин. Они обретали статус интернированных, что было нечастым явлением в политике депортаций. Обычно высылали мужчин, а женщины следовали за ними в качестве жен или членов семьи²⁷.

В докладной записке Департамента полиции министру внутренних дел делался вывод об антирусской и антигосударственной деятельности Евангелического полевого лазарета, а также об опрометчивых и неосторожных действиях отдельных лиц этого учреждения. Причем деятельность осужденных лиц также связали с Пангерманским союзом²⁸, что выводит коллизию на уровень идеологического противостояния России и Германии. Проанализированные сюжеты подтверждают приоритет принципов национальной безопасности в условиях вооруженного конфликта, опору для ее обеспечения на коллективные эмоции, а также недоверие к гражданским гуманитарным инициативам в условиях вооруженного конфликта.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бахтурина А.Ю. Военное и гражданское управление на Западных окраинах Российской империи в годы Первой мировой войны // Российская история. 2014. № 5. С. 73-90. [Bakhturina A.YU. Voennoye i grazhdanskoye upravleniye na Zapadnykh okrainakh Rossiyskoy imperii v gody Pervoy mirovoy voyny // Rossiyskaya istoriya. 2014. № 5. S. 73-90].
- Бахтурина А.Ю., Ростиславлева Н.В., Бок Х. Семьи «враждебных иностранцев» в России и Германии в годы Первой мировой войны 1914-1918 гг. // Вестник архивиста. 2022. № 1. С. 214-228 [Bakhturina A.YU., Rostislavleva N.V., Bok KH. Sem'i «vrazhdebnykh inostrantsev» v Rossii i Germanii v gody Pervoy mirovoy voyny 1914-1918 gg. // Vestnik arkhivista. 2022. № 1. S. 214-228].
- Дёнингдаус В. Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494–1941). М., 2004 [Dönninghaus V. Nemtsy v obshchestvennoy zhizni Moskvy: simbioz i konflikt (1494–1941). Moscow, 2004].
- Лиценбергер О.А. Евангелическо-лютеранская церковь в Российской истории (XVI–XX). Минск, 2003 [Litzenberger O.A. Yevangelicheskoye-lyuteranskaya tserkov' v Rossiyskoy istorii (XVI–XX). Minsk, 2003].
- Лор Э. Русский национализм и Российская империя. Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М., 2012 [Lohr E. Russkiy natsionalizm i Rossiyskaya imperiya. Kampaniya protiv «vrazheskikh poddannyykh» v gody Pervoy mirovoy voyny. Moscow, 2012].
- Оболенская С.В. «Немецкий вопрос» и представления в России о немцах в годы Первой мировой войны // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 175–197 [Obolenskaya S.V. «Nemetskiy vopros» i predstavleniya v Rossii o nemtsakh v gody Pervoy mirovoy voyny // Rossiya i Germaniya. Вып. 2. Moscow, 2001. S. 175–197].
- Туманова А.С. «Немецкое засилье» и борьба с ним в России в годы Первой мировой войны // Неприкосновенный запас. 2015. № 5. С. 190–210 [Tumanova A.S. «Nemetskoye zasilye» i borba s nim v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny // Neprikosnovennyy zapas. 2015. No. 5. S. 190–210].
- Феномен гражданского плена в России и Германии в годы Первой мировой войны / под ред. Н.В. Ростиславлевой и А. Бауэркемпера. М., 2023 [Fenomen grazhdanskogo plena v Rossii i Germanii v gody Pervoy mirovoy voyny / Rostislavleva N.V., Bauerkemper A. (ed.). Moscow, 2023].

²⁷ См. об этом подробнее: Бахтурина, Ростиславлева, Бок. 2022.

²⁸ Там же. Л. 35.

- Die Nationalitäten des Russischen Reiches in der Volkszählung von 1897 / Bauer H., Kappeler A., Roth B. (Hg.). Bd. 2. Stuttgart, 1991.
- Deutsche und Deutschland aus der russischen Sicht 19./20. Jahrhundert. Von den Reformen Alexanders II. bis zum Ersten Weltkrieg / Hagemann D. (Hg.). München, 2006.
- Frevert U. Emotional Knowledge: Modern Developments // Emotional Lexicons. Continuity and Change in the Vocabulary of Feeling 1700–2000. Oxford, 2014. P. 260–273.
- Frevert U. Was haben Gefühle in der Geschichte zu suchen? // Geschichte und Gesellschaft. 2009. Vol. 35. Issue 2. S. 183–208.
- Hitzer B. Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen, H-Soz-Kult 23.11.2011. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte>

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, профессор кафедры всеобщей истории, Москва, Россия; ranw@mail.ru

Protestant activities during the First World War: spy fever vs Christian piety

The article examines the peculiarities of the attitude of power structures towards representatives of non-Orthodox Christian denominations during the First World War. On the territory of the Russian Empire by the beginning of the 20th century were around two millions ethnic Germans remained faithful to their confession who were both subjects of the German Empire and the Russian Empire. The German people, primarily men from 17 to 45 years old, were often targets of deportations and internment in the context of the global conflict. The Lutheran pastors, their wives, and the flock of Moscow, Riga, and Revel provided material and spiritual support to the deported Germans, as well as the prisoners of war. However, their activities aroused suspicion among the police department of the Russian Empire, and the idea actively introduced into public opinion that only ethnic Germans and Austrians received the assistance and it did not extend to prisoners of war of Slavic origin. Protestant communities claimed that they helped all the poor without distinction of nationality or religion. The main reproach of the Ministry of Internal Affairs: this charity is just an excuse to create an espionage organization. The key figure in the police reports is Pastor Walter, and the Moscow Evangelical Field Hospital, through which the help has been sent. All Protestant preachers who showed Christian piety towards the fellow creatures were associated with this pastor. As result of the investigation, the activities of Pastor Walter and his colleagues were qualified as an expression of anti-Russian and anti-state plot, its participants were deported, which indicates the priority of the principles of national security and the downplaying of the role of humanitarian initiatives.

Keywords: *First World War; Protestant pastors on the territory of the Russian Empire; Pastor Walter case; spy fever; Christian piety; history of emotions.*

Natalia V. Rostislavleva, Dr. in History, professor, Russian State University for Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru

Acknowledgements. _The article is published as part of the implementation of the Russian State University for the Humanities' research project "German subjects on the territory of the Russian Empire in the First World War: local, personal, social aspects" (RSUH Research Project Teams).

АВСТРИЙСКИЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ ТЕАТРЫ КАК ОБЪЕКТ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 1918-1945 ГГ. ВЫЖИВАНИЕ, ПРИСПОСОБЛЕНИЕ, КУЛЬТУРНЫЙ КАПИТАЛ¹

В данной статье Австрийские Федеральные театры рассматриваются как крупнейшая организационная единица австрийской культурной политики с точки зрения её концептуализации, применения и анализа. Долголетие этого театрального конгломерата скорее объясняется зависимостью от траектории и доминирующими моделями мышления в бюрократии, культурной среде и обществе Австрии чем настоящей борьбой за экономическую эффективность. В первой половине XX в. Федеральные театры пережили две мировые войны, революцию, экономический кризис и установление двух диктатур. Значительный культурный капитал театров, консервативные тенденции в менеджменте, а также способность абсорбировать и нейтрализовать перемены в экономической и политической обстановке помогли театрам преодолеть повороты краткосрочной конъюнктуры. Культурный капитал устойчиво превалирует над экономическими и политическими обстоятельствами.

Ключевые слова: театральная политика, театральное управление, культурный капитал, институциональная сопротивляемость, Австрийские Федеральные театры.

Австрийские Федеральные театры – крупнейшее в Европе и мире объединение театров, включающее несколько национальных символов страны (Государственную и Народную оперу (Volksoper), Бургтеатр) и составляющее наиболее значительную организацию на балансе министерства просвещения, науки и культуры страны². Их положение уникально: символический и культурный капитал Оперы и «Бурга», наряду с Зальцбургом, во многом воплощает статус культурной сверхдержавы, которым обладает (и, что не менее важно, на который претендует) маленькая Альпийская республика³.

В этой связи представляется важным проанализировать их специфику в национальном и европейском контексте, в том числе и с учётом опыта театрального управления России и СССР. В современной европейской (и, в более широком смысле, «западной», включая Россию и США) культурной политике театральные представления являются типичным «опекаемым благом»⁴, причём театры страдают от хроническо-

¹ Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

² Его название и точная сфера компетенций не раз менялись в австрийской истории. «Просвещение», хотя и не является точным переводом понятий *Unterricht* и *Bildung*, будет употребляться нами с целью подчеркнуть, что министерство никогда не занималось *только* сферой образования. Левые австрийские правительства, в том числе и основатели республики, были конечно ближе к понятию «просвещения» (в смысле наркомата просвещения и политики А.В. Луначарского), чем консервативное крыло австрийской политики. «Культура» как правило представлена государственным секретарём в рамках этого министерства.

³ Wimmer 2004, Wimmer 2012, Löffler 2009.

⁴ Рубинштейн 2012, Музычук 2013.

го роста дефицитов, вызванного т.н. «законом Бомоля»⁵. «Опекаемость» же театрального «блага» связывается с культурным (престижным) капиталом (по терминологии П. Бурдьё⁶), общественно-политическим консенсусом, особенно выраженным в наиболее развитых и богатых странах, о необходимости театра как существенной части национальной культуры и, как следствие, принятии его бюджетной поддержки.

Федеральные театры получили значительное внимание в австрийской (а также, в целом, немецко- и в несколько меньшей мере англоязычной) исследовательской литературе – ни одна история культуры Австрии или европейского театра (Манфред Браунек) и ни одно исследование по культурному менеджменту не обходятся без обращения к их опыту. Безусловно следует упомянуть обширную театроведческую литературу по отдельным «домам» в составе Федеральных театров. История Венской оперы широко освещена в работах основателя Театрального собрания Австрийской национальной библиотеки и либреттиста Рихарда Штрауса Йозефа Грегора (Gregor 1948; во время нацистского правления Грегор написал несколько трудов в националистическом ключе), Г. Кралика (Kralik 1962), М. Правого (Prawy 1969), Ф. Гадамовского (Hadamowsky 1975), М. Яна (Jahn 2004-201, 2012) и др. Для Бургтеатра существенный вклад внесли Хайнц Киндерман (Kindermann 1939; следует отметить его антисемитизм и симпатии национал-социализму), Эрнст Хойсерман (Haussermann 1964, 1975), Франц Хадамовски (Hadamowsky 1988), Элизабет Гросеггер (Grossegger 1989). Именно Гросеггер принадлежат особые заслуги в изучении современной политической истории Бургтеатра (в то время как в австрийской историографии традиционно силён интерес к новому времени, о чём свидетельствует издаваемый Австрийской академией наук многотомник *Theatergeschichte Österreichs*). Вместе с тем экономисты редко читают историков-театроведов, а историки-театроведы скорее интересуются вопросами жанров (Csáky 2021), репертуара (нация, классика/современность, Kraus 2017) и политики (которая действительно занимает большое место в жизни венского театра, см. Yates 1996, 2005). В первой половине XX в., которой будет посвящена данная статья, Федеральные театры пережили две мировые войны, острые экономические кризисы после Первой мировой войны и Великой депрессии, австрофашистскую и нацистскую диктатуру, наконец физическое уничтожение самих театров в центре Вены. Организационная сопротивляемость, экономический, политический и культурный капитал Федеральных театров будут находиться в центре нашего внимания как феномен общеевропейского значения, на примере которого возможно рассматривать судьбы классического оперного и драматического театра в «коротком» XX веке.

⁵ Vaumol, Bowen 1966. В сравнительной перспективе заслуживает внимание статья А.Я. Рубинштейна, В. и Х. Бомоль касательно экономического здоровья театров в СССР и США: Rubinstein, Vaumol, Vaumol 1992.

⁶ Bourdieu 1979.

Монархия и Первая республика: кто боится придворных театров?

Федеральные театры – результат национализации «придворного» имущества (*Hofärarvermögen*) в связи с установлением республиканского режима в Австрии в 1918 г. Эти «Государственные» театры (*Staatstheater*) наследовали заложенной в XVIII в. традиции репрезентации монархической власти⁷ – как Бургтеатр, так и Венская опера появились в результате интервенции императоров Иосифа II и, для их современных зданий на Ринге, Франца-Иосифа I. Традиция венского театра, безусловно, существенно старше: уже при Леопольде I при дворе действовала театральная труппа, которая давала музыкальные и драматические представления, в первую очередь на итальянском языке. В 1709 г. был построен театр при Каринтийских воротах (Theater am Kärntnertor, предшественник Государственной оперы, см. Jahn 2007), а в 1748 г. был возведён театр на Михаэлерплац, связанный с императорской резиденцией в Бурге (отсюда и название *Burgtheater*). Император Иосиф объявил оба придворных театра «немецким национальным театром» (*Teutsches Nationaltheater*); до конца XVIII в. как при Каринтийских воротах, так и в Бурге давались музыкальные представления. Переход «Бурга» на немецкий язык в начале XIX в. (директор Йозеф Шрайфогель) и жанровая дифференциация между музыкальным и драматическим театром привели к разграничению ролей «Оперы» и «Бурга».

В 1869 г. было открыто новое здание Императорской оперы, заменившее сгоревший Театр у Каринтийских ворот, а в 1888 г. своё здание получил Бург. Они были объединены в Императорские-королевские театры (*k.k. Hoftheater*). В 1898 г. открывается «Театр императорского юбилея», из которого формируется «Народная опера» (Фольксопер). Генеральное интенданство⁸ императорских-королевских театров подчинилось (как и в случае репрезентативных театров Петербурга и Москвы в царской России) министерству императорского двора. Артисты Оперы и Бургтеатра имели высокий социальный статус (как «актёры его величества»), а придворные театры отличались консерватизмом в репертуарной политике. В 1897-1907 гг. директором Венской оперы являлся Густав Малер, который провёл масштабную реформу практики оперных постановок с целью сплотить музыку, поэзию и сценические декорации для создания единого образа оперного произведения (Willpaue 2023). Долговременное планирование означало и сохранение системы постоянных контрактов у артистического состава (*festes Engage-*

⁷ Cumming, Katz 1987: 6.

⁸ Интендант (или генеральный интендант) – глава художественной и финансово-экономической структуры театра, перед которым отчитываются все артисты и сотрудники «дома». «Директора» традиционно отвечают только за одну из сторон жизнедеятельности театра: музыку, актёров, финансы или технику. В современном немецкоязычном пространстве сохраняется представление об интенданте как «верховном главнокомандующем» театра или фестиваля, хотя наименования должностей в конкретном театре могут отличаться. Глава современных Федеральных театров называется «управляющим» (*Geschäftsführer*), а глава Венской оперы – директором.

ment) в сочетании с приглашением гастролёров. К моменту революции австрийский театр подходил в хорошем артистическом здоровье, будучи органической частью противоречивой художественной жизни Вены «конца века». 19 ноября 1918 г. Временный Государственный совет Республики Немецкая Австрия поручил бывшему советнику императорского двора Оскару фон Геллеру обеспечить управление придворным имуществом. В рамках новой администрации был создан «театральный департамент» под руководством секционного советника Эдуарда фон Паумана⁹. Передача собственности короны в пользу республиканского правительства была окончательно оформлена законом 3 апреля 1919 г. (т.н. *Habsburgergesetz*), однако она оставляла открытой форму управления бывшими придворными театрами, а также не предусматривала чёткого механизма их финансирования.

Немецкая Австрия (с 1919 – Республика Австрия) была вынуждена искать новую идентичность в условиях распада многовековой монархии Габсбургов и запрета на присоединение к Германии. Величие австрийской культуры (в особенности музыки), европейская слава венских театров были важным фундаментом для построения таковой идентичности – а также культурного капитала. Все политические силы страны оказались заинтересованы в опере и драматическом театре: социал-демократы желали демократизировать высокую культуру, католический лагерь мог опереться на идеализированную картину прошлого Австрии, а великогерманские националисты видели музыку и драму частью «немецкого призвания» Австрии, «юго-восточной» марки¹⁰. Привязывание идеи «родины» и «культурной идентичности» Австрии к Федеральным театрам, однако, открывало возможности для правых консервативных сил транслировать через театры консервативно-католический образ Австрии и укреплять своё влияние в театральной индустрии, как на примере Бургтеатра убедительно показал Р. Пайра¹¹.

Вместе с тем театры оказались жемчужиной культурной политики в известной степени поневоле: катастрофическая экономическая конъюнктура молодой австрийской республики, отрезанной от сырьевой базы на территории независимых Венгрии и Чехословакии и принявшей условия Сен-Жерменского договора (включая запрет на объединение с (демократической) Германией) ограничивала возможности руководимого социал-демократами федерального правительства в поддержке символов блеска и величия австрийской культуры. Не хватало угля, и поэтому театры открывались лишь изредка, а финансовая поддержка оказывалась от случая к случаю (в 1919–1920 гг. Бургтеатр и Опера получили 61 млн крон)¹². Следует заметить, что в эти годы Ленин угрожал Луначарскому закрытием опекаемых Наркомпросом бывших им-

⁹ Pirchan et al. 1953: 245.

¹⁰ Brauneck 2004: 559.

¹¹ Руган 2017.

¹² Преснякова, Учитель 2018: 180–181.

ператорских театров Москвы и Петрограда под предлогом того, что на их финансирование было предусмотрено больше средств, чем на ликбез¹³. Трудности со снабжением, огромная инфляция и растущие дефициты театральных бюджетов¹⁴ дополнялись отсутствием регулятивной правовой базы, но, с другой стороны, контрастировали с желанием всех политических сил сохранить престижные театры страны.

Последующие меры вынужденно носили половинчатый характер. Управление придворных театров (1918 г.) было преобразовано в «Театральный департамент» в рамках управления придворным имуществом, который не имел гарантированной субсидии, а управлялся на основании внутренних распоряжений. Изначально в его состав входили Опера, Бургтеатр и театр в Шёнбрунне (впоследствии переданный студии Макса Рейнхарда). Становилось ясно, что республиканские юристы и политики не имели ясного представления о том, каким образом реорганизовать бывшие придворные театры¹⁵. В итоге радикальной реформы так и не произошло: созданное в 1920 г. Управление государственных театров (директор Адольф Феттер), преобразованное в 1921 г. в Управление федеральных театров (Bundestheaterverwaltung), стало новым изданием старого интендантства, воплощением континуитета и *path dependence*¹⁶. Одновременно была заложена традиция управления театрами посредством служебных инструкций (не публиковавшихся в *Bundesgesetzblätter*): кулуарно-административный стиль управления оставался характерным в течение почти 80 лет до последней реорганизации 1998 г.¹⁷

Стабилизация экономической и политической ситуации в Австрии благоприятно повлияла на возможности входящих в Управление федеральных театров Оперы и Бургтеатра к формированию и развитию художественной деятельности, которая вернула Вену в число ведущих театральных столиц мира. Она же, однако, сняла с повестки дня дальнейшие структурные реформы: последующие действия правительства были направлены на постепенное улучшение существующей ситуации. Уровень субсидий стабильно составлял несколько менее 50%¹⁸, а относительно высокий уровень собственных доходов Оперы и Бургтеатра в 1920-е гг.¹⁹ не в последнюю очередь объясняется невысоким уровнем зарплат. В 1922 г. Австрия вводит прогрессивную систему защиты прав артистов и работников сцены, включающую в себя нормативы по тарификации, гарантии отпуска и пенсий²⁰. В том же году Бургтеатр по-

¹³ Thorpe 1990: 224-226.

¹⁴ Преснякова, Учитель 2018: 180-181.

¹⁵ Bammer 1992: 37-38.

¹⁶ Mokre 1996: 209.

¹⁷ Bammer 1992: 41.

¹⁸ Общие финансовые показатели вносились в ежегодный федеральный бюджет, где театры составляли одну из статей расходов по «федеральным предприятиям» (обычно называемым *Bundesbetriebe*).

¹⁹ Преснякова, Учитель 2018: 186.

²⁰ Brauneck 2004: 562, Pirchan et al. 1953: 249-250.

лучил дополнительную сцену в здании Академитеатра, отныне составляющую часть Федеральных театров²¹.

Несмотря на ряд переименований (1926 г. – Генеральная директория, 1931 – Генеральное интендантство, с 1933 – снова Управление Федеральных театров), стабилизация австрийской демократической республики во второй половине 1920-х гг. благоприятно воздействовала на театры. После преодоления турбулентности 1918–1920 гг. Федеральные театры без значительных затруднений получили финансирование на проведение масштабных ремонтных работ (150 миллионов крон)²². Наиболее сложным финансовым вопросом было принятие на себя пенсионных обязательств в соответствии с социальным законодательством республики²³, однако стабилизация субсидий позволила руководству театров производить все выплаты (в 1921 г. размер субсидий был определён в 101,6 млн крон²⁴, а в 1928 – в 12,4 млн шилл. при ожидаемых доходах в 7,12 млн²⁵). В австрийском парламенте регулярно возникали дебаты по вопросу выплат Федеральным театрам (Первая республика преследовала политику бюджетной экономии), поскольку депутаты из консервативно настроенных федеральных земель и аграрных округов были недовольны огромными субсидиями из общегосударственного бюджета венским институтам. Однако министры просвещения регулярно, и успешно, пользовались риторикой престижа и «национального достояния»²⁶.

В итоге сама неясность правового положения была симптомом политики федерального правительства, дающей большую художественную свободу руководителям театров²⁷. Венская опера экономический флагман театров, достигла своего расцвета в период совместного руководства Рихарда Штрауса и Франца Шалька²⁸. Репертуарная политика

²¹ Директором Бурга в это время был наследник Антона Вильдганса Макс Паульсен.
²² Bundesgesetz 1922: 742.

²³ Verordnung 1922, Verordnung 1926

²⁴ Bundesfinanzgesetz für das Verwaltungsjahr 1920/21: S. 483.

²⁵ Bundesfinanzgesetz 1928: 291, 310. Шиллинги сменили кроны в 1925 г. Из расчёта 10000:1. Математические расчёты размера субсидий в начале Первой республики осложняются выраженными инфляционными процессами. Превышение доходов показателя в 50% расходов было явлением благоприятной экономической конъюнктуры конца 1920-х, впоследствии субсидии будут составлять чуть более половины общего бюджета театров с постоянным сокращением их собственной доходности.

²⁶ За республиканский период архив официальной Wiener Zeitung (коллекция австрийской прессы ANNO Австрийской национальной библиотеки) насчитывает более 400 упоминаний Федеральных театров в дискуссиях; типичные публикации 1920-х гг. касаются регулярных запросов депутатов разных политических партий. Театральным лоббистам, впрочем, удавалось сыграть и на предполагаемой сложности технических деталей в формировании театральных бюджетов (эти дискурсивные манёвры по существу повторяются до наших дней). Типичные, хотя и наиболее яркие премьеры: дискуссия в Национальном совете на титульной странице Wiener Zeitung (05.12.1925), Unterrichtsminister Czerniak im Finanz- und Budgetausschuss 1931.

²⁷ Brauneck 2004: 567-568.

²⁸ Rode-Breyman 1994: 18, Glanz 2019, Golovlev 2022: 110. Название «Венская Государственная опера» (*Wiener Staatsoper*) вошло в постоянный оборот при нацизме.

Штрауса (покинувшего Оперу из-за разногласий с Шальком²⁹) и последующих директоров в межвоенный период в целом отличалась достаточной консервативностью и ориентированием на классический репертуар XIX в., включая постановки работ Рихарда Вагнера³⁰. В то же время Опера успешно поставила оперу самого Штрауса «Женщина без тени» (*Die Frau ohne Schatten*), ставшую одной из наиболее ярких европейских премьер первых послевоенных лет³¹. В 1928 г. в Оперу была представлена опера Стравинского «Царь Эдип», обсуждалось инсценирование работ А Шёнберга³² и Э. Кренека (его опера «Карл V» в итоге так и не увидела венскую сцену). Бургтеатр же смог поставить «Хоровод» (*Der Reigen*) А. Шницлера, который в силу своего модернистского характера и провокационного сюжета привёл в 1920 (Берлин) и 1921 г. (Вена) к крупнейшему театральному скандалу межвоенной Германии и Австрии, включавшему судебный процесс против автора в Германии³³.

Экономический кризис начала 1930-х гг. (крах Credit-Anstalt в 1931 г.) и ухудшение политического климата в Австрии лишь в ограниченной мере затронули Федеральные театры. Так, в федеральном бюджете расходы на Федеральные театры в 1931 г. составили 13,8 млн шиллингов³⁴, на 1932 г. – 11,4 млн шиллингов³⁵ (впоследствии было проведено сокращение на 65 тыс. шиллингов³⁶), а на 1933 – 11,2 млн шиллингов³⁷ (впоследствии сокращено на 100 тыс. шиллингов³⁸). На ставший последним для «сословного государства» 1938 г. было запланировано 10,515 млн шиллингов (против 10,508 в 1937) при собственной доходности в 5,7 млн; более двух третей расходов (6,6 млн шиллингов) составлял фонд заработной платы, а самой большой статьёй доходов – 3,9 млн – стала продажа билетов³⁹. В целом вполне традиционная структура бюджета, где расходы примерно вдвое превышали доходы, не претерпела существенных изменений, в чём Австрия может служить типичным примером больших европейских театров.

²⁹ Hackenberg, Herrmann 1985: 103.

³⁰ Kraus 2017: 245-248.

³¹ Премьера состоялась 10 октября 1919 г. (дирижёр Франц Шальк, режиссёр Ганс Бройер), с 1931 г. опера шла в новой постановке (дирижёр Клеменс Краус, режиссёр Лотар Валленштейн). Ей последовали версии 1943, 1955, 1964, 1977, 1999 и 2019 г. См.: Frau ohne Schatten, Die // Spielplan der Wiener Oper 1869 bis 1955 – Eine politische Geschichte der Oper in Wien 1869 bis 1955. URL: <https://www.mdw.ac.at/imi/operapolitics/spielplan-wiener-oper/web/opus/130>. Neuproduktionen “Die Frau ohne Schatten” // Spielplanarchiv der Wiener Staatsoper. URL: <https://archiv.wiener-staatsoper.at/search/work/65>. В целом Вена не являлась (и не является) типичным городом премьер.

³² Оратория Шёнберга «Gurre-Lieder» была поставлена ещё в 1913 г.

³³ Objekt des Monats 2021.

³⁴ Bundesfinanzgesetz 1931: 210.

³⁵ Bundesfinanzgesetz 1932: 2061.

³⁶ Abänderung des Bundesfinanzgesetzes 1932: 736.

³⁷ Bundesfinanzgesetz 1933: 134.

³⁸ Abänderung des Bundesfinanzgesetzes 1933: 1340.

³⁹ Bundesfinanzgesetz 1938: 1498-99, 1528-1529.

Помимо урезания постановочных расходов важным средством экономии было консервирование (или сокращение) фонда заработной платы. Закрепление парламентского большинства за консерваторами в ущерб социал-демократии привело к ограничению прав персонала театров, заключившего весьма выгодные коллективные договора в начале 1920-х (в целом законодательное регулирование долгосрочных договоров 1922 г. действует, с поправками 2010-х, до сих пор⁴⁰). В июле и декабре 1931 г. дирекции удалось добиться ослабления прав артистов обоих театров, упростив процедуру расторжения трудовых договоров⁴¹: объективно это стало ещё одной мерой бюджетной санации в Австрии (гигантские расходы на спасение Credit-Anstalt и реструктурирование долга потребовали нового займа у Лиги наций, поставившей условием кредитов сбалансированный федеральный бюджет⁴²).

В начале 1933 г. министерство просвещения отменило введённый в 1930 г. пост генерального интенданта Федеральных театров, подчинив их непосредственно министерскому аппарату, где «Главным руководителем» (*Oberster Leiter*) Федеральных театров был назначен Ганс Пернтер, а его заместителем – Альфред фон Экман⁴³. Несмотря на растущие трудности, министерство подтвердило статус Федеральных театров как особо значимых культурных объектов в 1933 г., за полгода до падения первой демократической республики⁴⁴. Устойчивости Федеральных театров тогда мог позавидовать любой австрийский частный банк.

Сословное государство: диктатура как зона комфорта для театров?

В марте 1933 г. после технической заминки, связанной с одновременной отставкой всех трёх председателей парламента, австрийская полиция в результате предварительного сговора консервативно-католических кругов воспрепятствовала возобновлению нормальной деятельности народного представительства. Государственный переворот, произошедший в результате короткой гражданской войны в феврале 1934 г., не привёл к существенному изменению положения Федеральных театров. Корпоративистское, опирающееся на католическую церковь и силовые структуры внутри страны и на фашистскую Италию на международной арене, сословное государство начало своё правление с продолжения инкрементных мер республиканского предшественника, в частности введения дисциплинарной комиссии для определения взысканий в Федеральных театрах⁴⁵, однако продолжало стабильные финансовые вливания. Отказ от резкого сокращения дотации особенно примечателен на фоне подчёркнуто консервативной, ориентированной на дальнейшее сокращение расходов финансовой политики⁴⁶. На фоне сравнительной бедно-

⁴⁰ См. Серпуховитина, Музычук 2018: 166.

⁴¹ Bundesgesetz Kündigung 1931: 1144. Bundesgesetz Dienstverträge 1931: 2055-2056.

⁴² Binder 2018: 46-49.

⁴³ Pirchner et al. 1953: 247.

⁴⁴ Kundmachung Erklärung 1933.

⁴⁵ Bundesgesetz Dienstordnung 1934.

⁴⁶ Статистические выкладки были обобщены в Преснякова, Учитель 2018: 195.

сти «сословного государства» Бургтеатр всё же был вынужден уменьшить свои расходы на треть, а в Опере прошла волна особенно жёстких сокращений зарплат для достижения схожего результата (вторым инструментом директора Клеменса Крауса было введение популярных оперетт)⁴⁷. В 1930-е гг. Федеральные театры, как и вся Австрия, несколько обеднели, что создало почву для недовольства политикой режима среди персонала, которой могли пользоваться «щедрые» нацисты.

С художественной точки зрения театры должны были следовать католическо-национально-консервативной линии режима. «Сословная» Австрия культивировала образ «музыкального народа» как основу (немецко-)австрийской идентичности как внутри страны, так и за её пределами⁴⁸. Как для Бургтеатра, так и для Оперы падение австрийской демократии означало концентрацию на наиболее посещаемых произведениях классического репертуара. В театральной профессии также распространялись консервативные, охранительные и праворадикальные настроения, нередко с антисемитской окраской, что облегчало идеологическое инкорпорирование театров в «австро-фашистский» (а затем и нацистский) режим⁴⁹. Запрет НСДАП после июльского путча 1934 г., во время которого был убит канцлер Энгельберт Дольфус, не помешал распространению нацистского влияния среди артистов (наиболее известный пример – Герберт фон Караян – был скорее верхушкой айсберга, чем исключением, что показывает проникновение партии в оркестр Венской оперы (Wiener Philharmoniker) и другие институты⁵⁰). Не будучи по своей сути оппозиционной организацией, лояльные Федеральные театры комфортно пережили годы режима канцлеров Дольфуса и Шушнига.

Нацизм: великогерманский ребрендинг австрийского консерватизма

Успех аншлюса в марте 1938 г. превзошёл все ожидания нацистов. Вена, согласно ставшему общепринятым тезису Герхарда Ботца, стала ключевым полигоном для радикализации нацизма и отработки более жестоких форм антисемитской политики⁵¹. Это верно и для австрийской культуры, где доля нелегальных нацистов и готовых служить новой власти (а также удалить еврейских коллег) артистов была весьма значительна⁵². Федеральные театры легко интегрировались в нацистский аппарат власти: апробированные в Германии методы управления культурой уже достаточно сильно нацифицированная профессия встречала с пониманием. Несмотря на неприязнь Гитлера к Вене, Геббельс рассчитывал вернуть дунайской столице статус «форпоста немецкой культуры» на юго-востоке⁵³. Схожим образом мыслили и австрийские нацисты. Бальдур

⁴⁷ Преснякова, Учитель 2018: 194-196.

⁴⁸ Mayer-Hirzberger 2008: 117-121.

⁴⁹ Golovlev 2022: 113.

⁵⁰ Rathkolb 1991.

⁵¹ Botz 2008 (1988).

⁵² Rathkolb 1991.

⁵³ Brauneck 2004: 601.

фон Ширах, гауляйтер Вены, охотно инсценировал себя как покровителя представительных театров города⁵⁴. «Имперская неделя театров» в 1938 и 1939 г. и «Неделя Моцарта» в 1941 г. представляли удобную возможность повысить символический статус Вены в «Великогерманском рейхе» в противовес грозящей ей провинциализации.

Нацистское правительство сохранило «Федеральные» театры как организационную единицу, интегрировав их в систему «имперских» театров (*Reichstheater*), высший иерархический уровень театров Германии. В отличие от проектов прямого объединения крупнейших театров Вены и Берлина (Йозеф фон Мановарда), а также административного слияния венских и мюнхенских театров (Клеменс Краус)⁵⁵, крупнейшие венские сцены управлялись на месте, хотя и подчинялись с одной стороны Имперскому министерству пропаганды и народного просвещения (посредством Имперской камеры театров), а с другой стороны гауляйтеру Вены – что давало как Геббельсу, так и фон Шираху определённые возможности извлекать престижный капитал благодаря патронажу над бывшими «придворными» театрами. Тем самым в Вене, как и в Берлине, установилась нацистская поликратия (согласно термину М. Бросцата), которая давала театральным директорам возможность для манёвра⁵⁶. К 1941–1942 гг., после изгнания евреев⁵⁷ и ряда перестановок (в вопросе назначения директоров боролись Ширах и Геббельс, а Гитлер оставлял за собой право окончательного утверждения⁵⁸), Лотар Мютель⁵⁹ и Карл Бём руководили Бургтеатром и Оперой⁶⁰.

Патронажные меры нового режима принесли значительную финансовую выгоду Опере и Бургтеатру, ранее вынужденным считаться со скупостью австрийского министерства финансов. Уже во время короткого правления в Австрии Артура Зейс-Инкварта имперский бюджет покрывал большую часть потребностей театров⁶¹. Уровень субсидий удвоился в 1938-1939 гг. до семи миллионов рейхсмарок и поддерживался на уровне берлинских коллег (и в некоторой мере превосходил их), а по расходам на заработную плату (включая высокие гонорары артистов) Вена вышла на первое место в рейхе⁶². Поэтому большая

⁵⁴ Drewniak 1988: 23, Rischbieter 2000: 260, Mertinz 2017: 187-188. Ширах располагал и значительными средствами для поддержки культуры (Schreiner 1980: 150).

⁵⁵ Schreiner 1980: 179, Rotter 2000: 14.

⁵⁶ Golovlev 2022: 114.

⁵⁷ Prieberg 1982: 382-383, *passim*.

⁵⁸ Schreiner 1980: 76. Директор Оперы Эрвин Кербер, несмотря на свои попытки «приспособиться» к нацистскому режиму (Drüner/Günther 2012: 203-204, 228), был заменён Генрихом Штромом, который был вынужден оставить свой пост в силу сопротивления коллектива и усилившейся душевной болезни.

⁵⁹ Берлинский артист и режиссёр Лотар Мютель был известен верным следованием нацистским тропам в своей деятельности, в т.ч. известной постановкой «Венецианского купца» с явными антисемитскими тенденциями (см. Rathkolb 1991: 162).

⁶⁰ Mertinz 2017: 151-152, Rotter 2000: 16-28, см. Rathkolb 1991.

⁶¹ Schreiner 1980: 142-143, 146.

⁶² Drewniak 1988: 40, 68-75, Rischbieter: 261, Rotter 2000: 53-55.

часть артистического и технического персонала не имела причин активно выступать против режима, предпочитая извлекать для себя выгоду из новой политико-экономической конъюнктуры (организация театров при этом фактически не изменилась).

В войну австрийские театры оказались в привилегированном положении, во-первых, благодаря доброжелательному отношению со стороны нацистских властей (в Вене и Берлине), во-вторых в силу того, что Вена долгое время не была затронута бомбардировками. К 1944 г. ситуация начала ухудшаться. Введение *Theatersperre* к осени этого года стало тяжёлым ударом для театральной индустрии, которая в полной мере ощутила свою зависимость от платёжеспособного спроса «снизу», возможности снабжения топливом и другими материалами (трудного уже в зиму 1942–1943 г.), а также щедрых субсидий «сверху»⁶³. Дирекция А. фон Экмана упорно боролась за поставки угля, выделение пожарной бригады, возможность продолжения хотя бы ограниченной (концертной) деятельности и сохранение коллектива театра в условиях всё новых волн мобилизации⁶⁴. Незадолго до начала штурма Вены в апреле 1945 г. в Государственную оперу и Бургтеатр попали бомбы, которые уничтожили оба здания. Нацистский период закончился физическим уничтожением двух важнейших австрийских театров. Их восстановление станет одной из приоритетных задач советской оккупационной администрации и восстановленной (Второй) Австрийской республики.

Кода: непогрязимый корабль в «идеальный шторм»

История Федеральных театров в Австрии в 1900-1940-е показывает их невероятную устойчивость. Опера и Бургтеатр столкнулись с рядом долгосрочных вызовов, таких как растущая структурная убыточность (закон Бомоля), старение репертуара и театральной аудитории, потеря актуальности классического театрального искусства, его «элитизация» и «музеефикация». Кроме того, две мировые войны и ряд острых экономических кризисов представляли собой исключительно неблагоприятную конъюнктуру для сложного и дорогостоящего вида искусства – театра. Венскую оперу и Бургтеатр спас их исключительный культурный капитал. Общепризнанное положение театров на Ринге как символов австрийской культуры создавало социальную базу для меценатства всех политических режимов, сменявших друг друга в Вене. Если социальное положение Оперы и «Бурга» при монархии гарантировалось их придворным статусом, то социал-демократическое правительство первых послевоенных лет продемонстрировало верность консервативным идеалам высокой культуры, приложив – как и сами артисты и технические работники театров – значительные усилия для сохранения их работы даже в условиях острой нехватки ресурсов первой необходимости. Относительная стабилизация макроэкономической и

⁶³ Schreiner 1980: 259-260.

⁶⁴ Головлев 2021.

политической обстановки во второй половине 1920-х была периодом сравнительного экономического и художественного расцвета Оперы и Бургтеатра, а последующие ей кризисы были амортизированы за счёт структурного «сжимания» хозяйственной деятельности Федеральных театров. В то же время недовольство своей относительной бедностью при «австрофашистском» режиме объективно играло на руку нацистам, резко увеличившим вливания в Оперу и Бургтеатр после аншлюса.

Сделка с нацистским режимом дорого стоила «Государственным» театрам. Если потеря политической автономности произошла добровольно, то военные действия в Центральной Европе уничтожили их материальное хозяйство и сделали невозможным продолжение представлений. В этих условиях только политическая воля советского командования (действовавшего в интересах собственного престижа) могла обеспечить непрерывное существование Оперы и Бургтеатра с 1945 г. Консервативный культурный консенсус был унаследован и Второй республикой, правительство которой по мере роста собственных финансовых ресурсов и прогресса в восстановлении австрийского суверенитета играло всё большую роль в судьбе Федеральных театров.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Головлев А.И. От Theatersperre до союзнической администрации: к вопросу об институциональной резистентности театра на примере Венской государственной оперы и Бургтеатра, 1944-1945 гг. // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2021. 12/2. С. 35-50. [Golovlev A.I. Ot Theatersperre do soyuznicheskoy administratsii: k voprosu ob institucional'noy rezistentnosti teatra na primere Venskoy gosudarstvennoy opery (From the Theatersperre to Allied administration: on the issue of institutional resistance of theatre in the case of Vienna State Opera) // Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tury, smysly. 2021. 12/2. P. 35-50].
- Музычук В.Ю. Государственная поддержка культуры: ресурсы, механизмы, институты. СПб.: Нестор-История, 2013. 280 с. [Muzychuk V.Yu. Gosudarstvennaya podderzhka kul'tury: resursy, mekhanizmy, lyudi (The State Support of Culture: Resources, Mechanisms, People). Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. 280 p.]
- Преснякова О.В., Учитель К.А. Государственные театры Австрии периода Первой республики // Театральное дело. Наука и практика. Сборник статей по материалам дипломных работ продюсерских факультетов. М: Издательство РГИСИ; «Чистый лист», 2018. 2. С. 178-197. [Presnyakova O.V., Uchitel' K.A. Gosudarstvennyye teatry Avstrii perioda Pervoy respubliky (State Theatres of Austria under the First Republic) // Teatral'noe delo. Nauka i praktika. Sbornik statey po materialam diplomnykh rabot produserskikh fakul'tetov. M.: Izdatel'stvo RGISI; "Chisty list", 2019. 2. P. 178-197].
- Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». М.: ИЭ РАН, 2012. 78 с. [Rubinshtejn A.Ya. Opekaemye blaga v sfere kul'tury: priznaki i posledstviya «bolezni cen» (Sponsored goods in the sphere of culture: signs and consequences of the "cost disease"). М.: IE RAN, 2012. 78 p.]
- Серпуховитина Д.В., Музычук В.Ю. Ведущие театры Вены в контексте культурной политики Австрии // Театральное дело. Наука и практика. Сб. статей по материалам дипломных работ продюсерских факультетов. М: Издательство РГИСИ; «Чистый лист», 2018. 2. С. 164-176. [Serpukhovitina D.V., Muzychuk V.Yu. Vedushchiye teatry Veny v kontekste kul'turnoy politiki Avstrii (Vienna Top Theatres in the Context of the Cultural Policy of Austria) // Teatral'noe delo. Nauka i praktika. Sb. statey po materialam diplomnykh rabot produserskikh fakul'tetov. M.: Izdatel'stvo RGISI; "Chisty list", 2019. 2. P. 164-176].
- Bammer A. Bundestheater und Verfassung: eine historisch-systematische Untersuchung der (verfassungs)rechtlichen Stellung der Bundestheater unter besonderer Berücksichtigung der Kunstfreiheit und der Kompetenzverteilung. Wien: Staatsdruckerei, 1992. 388 S.

- Baumol W.I., Bowen W.G. *Performing Arts — the Economic Dilemma. A Study of Problems Common to Theater, Opera, Music and Dance* New York: Basic Books, 1966. 582 p.
- Binder M. *Austerität und Staatsintervention. Wirtschafts-, sozial- und finanzpolitische Zugänge in Österreich und deren Zusammenhang mit der autoritären Entwicklung von 1929-1934.* Mag. Diss. Universität Graz 2018. 192 S.
- Botz G. *Nationalsozialismus in Wien. Machtübernahme, Herrschaftssicherung, Radikalisierung 1938/39.* Wien: Mandelbaum Verlag, 2008. 728 S.
- Bourdieu P. *La distinction. Critique sociale du jugement.* Paris: Minuit, 1979. 672 p.
- Brauneck M. *Die Welt als Bühne. Geschichte des europäischen Theaters. Band 4: Das europäische Theater in der ersten Hälfte des 20. Jahrhunderts.* Stuttgart: J.B. Metzler, 2004. 976 S.
- Bundesfinanzgesetz für das Verwaltungsjahr 1920/21 (1. Juli 1920 bis 30. Juni 1921) // BGBl. St. 76. Nr. 162. S. 475-521.
- Bundesfinanzgesetz vom 29. Februar 1928 für das Jahr 1928 // BGBl. 01.03.1928. St. 16. Nr. 56. S. 265-346.
- Bundesfinanzgesetz vom 20. Februar 1931 für das Jahr 1931 // BGBl. 27.02.1931. St. 15. Nr. 63. S. 183-268.
- Bundesfinanzgesetz vom 17. Dezember 1931 für das Jahr 1932 // BGBl. 30.12.1931. St. 103. Nr. 393. S. 2061-2142.
- Bundesfinanzgesetz für das Jahr 1933 vom 24. Februar 1933 // BGBl. 01.03.1933. St. 14. Nr. 34. S. 109-191.
- Bundesfinanzgesetz für das Jahr 1938 vom 04.12.1937 // BGBl. 04.12.1937. St. 98. Nr. 403. S. 1447-1531.
- Bundesgesetz vom 17. Juli 1931 betreffend die Kündigung von Dienstverträgen der Bundestheater // BGBl. 1931. St. 57. Nr. 217. S. 1144.
- Bundesgesetz vom 18. August 1932, betreffend Abänderungen des Bundesfinanzgesetzes vom 17. Dezember 1931, B.G.Bl. Nr. 393, für das Jahr 1932 (Nachtrag zum Bundesfinanzgesetz 1932) // BGBl. 24.08.1932. St. 66. Nr. 235. S. 711-785.
- Bundesgesetz vom 18. Dezember 1931 betreffend die Dienstverträge bei den Bundestheatern // BGBl. St. 102. Nr. 385. S. 2055-2056.
- Bundesgesetz vom 28. Juni 1922, betreffend Durchführung baulicher Maßnahmen in den Bundestheatern // BGBl. 08.07.1922. St. 80. Nr. 374. S. 742.
- Bundesgesetz vom 8. Juni 1934, betreffend die Einführung einer Dienstordnung und Errichtung eines Disziplinarausschusses bei den Bundestheatern // BGBl. 23.06.1934. St. 31. Nr. 78. S. 169-170.
- Csáky M. *Das kulturelle Gedächtnis der Wiener Operette: Regionale Vielfalt im urbanen Milieu.* Wien: Hollitzer Verlag, 2021. 352 S.
- Cummings M.S., Katz R.S., eds. *The Patron State: Government and the Arts in Europe, North America and Japan.* Oxford: Oxford UP, 1987. 368 p.
- Drewniak B. *Theater im NS-Staat. Szenarium deutscher Zeitgeschichte 1933-1945.* Düsseldorf: Droste, 1988. 456 S.
- Drüner U., Günther G. *Musik und „Drittes Reich“. Fallbeispiele 1910 bis 1960 zu Herkunft, Höhepunkt und Nachwirkungen des Nationalsozialismus in der Musik.* Wien; Köln; Weimar: Böhlau, 2012. 390 S.
- Glanz Chr. *Vom Fin de Siècle zur Republik: Die Direktionen Mahler und Strauss-Schalk im zeitgeschichtlich-kulturellen Kontext // Geschichte der Oper in Wien. II: Von 1869 bis zur Gegenwart / Hg. B. Boisitz, Chr. Glanz, Cl. Hellsberg, Ph. Ther, Susana Zapke.* Wien: Molden, 2019. S. 182-9.
- Golovlev A. *Political Control, Administrative Simplicity, or Economies of Scale? Four Cases of the Reunification of Nationalized Theatres in Russia, Germany, Austria, and France (1918-45) // New Theatre Quarterly.* 2022. 38/2. P. 107-124.
- Gregor J. *Geschichte des österreichischen Theaters.* Wien: Donau, 1948. 334 S.
- Großegger E. *Das Burgtheater und sein Publikum. 2. I-II. Pächter und Publikum.* Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften 1989. 945 S.
- Hackenberg H., Herrmann H. *Die Wiener Staatsoper im Exil 1945-1955.* Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1985. 219 S.
- Hadamowsky F. *Die Wiener Hoftheater. 2. Die Wiener Hofoper (Staatsoper), 1811-1974.* Wien: Hollinek, 1975. 669 S.

- Hadamowsky F. Wien – Theatergeschichte. Von den Anfängen bis zum Ende des Ersten Weltkriegs. Wien: Jugend & Volk, 1988. 825 S.
- Haeusserman E. Das Wiener Burgtheater. Wien u.a.: Molden, 1975. 216 S.
- Haeusserman E. Die Burg. Rundhorizont eines Welttheaters. Wien u.a.: Hans Deutsch 1964. 416 S.
- Jahn M. Die Wiener Hofoper von 1810 bis 1836: Das Kärntnertheater als Hofoper. Wien: Der Apfel, 2007. 724 S.
- Kindermann H. Das Burgtheater. Erbe und Sendung eines Nationaltheaters. Wien; Leipzig: Luser, 1939. 252 S.
- Kralik H. Die Wiener Oper. Wien: Rosenbaum, 1962. 189 S.
- Kraus M. Die musikalische Moderne an den Staatsoper von Berlin und Wien 1945-1989. Paradigma nationaler Kulturidentitäten im Kalten Krieg. Stuttgart: J.B. Metzler, 2017. 537 S.
- Kundmachung des Bundesministers für Unterricht vom 27. April 1933, betreffend die Erklärung der österreichischen Bundestheater als Kultur- und Bildungszwecken dienende Theater // BGBl. 04.05.1933. St. 51. Nr. 160. S. 473.
- Löffler S. Mythos Kulturgroßmacht: Das Theater in Österreich // Tschechien und Österreich nach dem Ende des Kalten Krieges: auf getrennten Wegen ins neue Europa / Hg. G. Heiss, K. Králová, J. Pešek, O. Rathkolb. Ústí nad Labem: Albis International, 2009. S. 141-159.
- Mayer-Hirzberger A. „...ein Volk von alters her musikbegabt“: der Begriff „Musikland Österreich“ im Ständestaat. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2008. 291 S.
- Mertinz J. Die Kulturpolitik des Nationalsozialismus und ihre Auswirkungen auf die österreichische Theaterkunst unter besonderer Berücksichtigung der Wiener Theater 1938/39 und des Nachlasses von Heinrich Schnitzler. Dokt. Diss., Universität für Musik und darstellende Kunst Wien, 2017. 171 S.
- Mokre M. Austrian Theatres Cost Too Much! A Summary of a Research Project in Vienna // The European Journal of Cultural Policy. 1996. 2/2. P. 289-302.
- Objekt des Monats Februar 2021: Arthur Schnitzlers „Reigen“ // WienBibliothek im Rathaus. 2021. URL: <https://www.wienbibliothek.at/besuchen-entdecken/blog/objekt-monats/objekt-monats-februar-2021-arthur-schnitzlers-reigen> (время доступа 24.02.2024).
- Pirchan E., Witeschnik A., Fritz O. 300 Jahre Wiener Operntheater. Werk und Werden. Wien: Fortuna Verlag, 1953. 400 S.
- Prawy M. Die Wiener Oper. Wien: Fritz Molden Verlag, 1969. 228 S.
- Priberg Fr. K. Musik im NS-Staat. Frankfurt a/M: Fischer Verlag, 1982. 449 S.
- Pyrah R. The Burgtheater and Austrian Identity: Theatre and Cultural politics in Vienna, 1918-38. London: Routledge, 2017. 200 p.
- Rathkolb O. Die paradoxe Republik: Österreich 1945 bis 2015. Vienna: Zsolnay, 2015. 495 S.
- Rathkolb O. Führertreu und gottbegnadet. Künstlereliten im Dritten Reich. Wien: Österreichischer Bundesverlag, 1991. 303 S.
- Rischbieter H. NS-Theaterpolitik // Theater im Dritten Reich / Hg. H. Rischbieter. Seelze: Kallmayer, 2000. S. 9-278.
- Rode-Breyman S. Wiener Staatsoper in den Zwischenkriegsjahren. Tutzing: Hans Schneider, 1994. 485 S.
- Rotter I. Der Einfluss der NS-Kulturpolitik auf die Wiener Staatsoper 1938-1945. Dipl.-Arb., Universität Wien, 2000. 181 S.
- Rubinstein A.J., Baumol W., Baumol H. On the Economics of the Performing Arts in the Soviet Union and the USA: A Comparison of Data // Journal of Cultural Economics. 1992. 16/2. P. 1-23.
- Schreiner E. Nationalsozialistische Kulturpolitik in Wien 1938-1945 unter spezieller Berücksichtigung der Wiener Theaterszene. Diss., Universität Wien, 1980. 722 S.
- Spielplanarchiv der Wiener Oper 1869 bis 1955. URL: <https://www.mdw.ac.at/imi/operapolitics/spielplan-wiener-oper/web/>
- Spielplanarchiv der Wiener Staatsoper. URL: <https://archiv.wiener-staatsoper.at/>
- Thorpe R. The Management of Culture in Revolutionary Russia: The Imperial Theaters and the State, 1897-1028. PhD Diss., University of Princeton, 1990. 406 p.
- Unterrichtsminister Czerniak im Finanz- und Budgetausschuss des Nationalrates // Wiener Zeitung. 18.01.1931. S. 3-4.
- Verordnung der Bundesregierung vom 26. März 1926, womit die Bundestheaterpensionsverordnung vom 4. Juli 1922, B.G.Bl. Nr. 440, abgeändert und ergänzt wird (Nachtrag zur Bundestheaterpensionsverordnung) // BGBl. 12.04.1926. 18 St. Nr. 84. S. 503-523.

- Verordnung der Bundesregierung vom 27. Oktober 1933, betreffend Abänderungen des Bundesfinanzgesetzes für das Jahr 1933 (Bundesgesetz vom 24. Februar 1933, B.G.Bl. Nr. 34) (Nachtrag zum Bundesfinanzgesetz 1933) // BGBl. 08.11.1933. St. 157. Nr. 495. S. 1291-1381.
- Verordnung der Bundesregierung vom 4. Juli 1922 über die Regelung der Ruhe(Versorgungs) genüße der Angestellten der ehemaligen k.k. Hoftheater und der Staats(Bundes)theater sowie der Hinterbliebenen dieser Angestellten, dann über Teuerungsmaßnahmen für Pensionisten der genannten Theater (Bundestheaterpensionsverordnung) // BGBl. 04.07.1922. 92 St. Nr. 440. S. 881-890.
- Willnauer F. Gustav Mahler und die Wiener Oper. Wien: Böhlau, 2023. 288 S.
- Wimmer J. "Denn Die Kunst ist eine Tochter der Freiheit" – Die Ausgliederung der österreichischen Bundestheater und ihr Kulturauftrag mit besonderem Augenmerk auf die Volksoper Wien. Dipl.-Arb., Universität Wien, 2012. 99 S.
- Wimmer M. "What Makes Cultural Policy Truly Austrian?" // The Journal of Arts Management, Law and Society. 2004. 35/4. P. 265-276.
- Wirtschaftskammer Österreich / Statistik Österreich. Wirtschafts- und Prognose (März 2018) // Wirtschaftskammer Österreich [2018]. URL: <http://wko.at/statistik/prognose/prognose.pdf>.
- Yates W.E. Theatre in Vienna: A Critical History, 1776-1995. Cambridge: CUP, 1996. 328 p.
- Yates W.E. Two Hundred Years of Political Theatre in Vienna // German Life and Letters. 2005. 58/2. P. 129-140.

Головлев Александр Игоревич, PhD, доцент, школа исторических наук НИУ ВШЭ, agolovlev@hse.ru, alexander.i.golovlev@gmail.com

Austrian Federal Theatres as an Object of Cultural Policy, 1918-1945: Survival, Adaptation, Cultural Capital

The Austrian Federal Theatres are investigated as the largest organizational unity within Austrian cultural politics from a viewpoint of its conceptualization, implementation, and analysis. The longevity of this theatre conglomerate is better explained by path dependence and predominant patterns of thinking within Austria's bureaucracy, cultural milieu and society than as a genuine strife for economic efficiency. In the first half of the 20th century, the Federal Theatres survived two world wars, a revolution, an economic crisis, and the establishment of two dictatorships. Theatres' significant cultural capital, conservative tendencies in management, and the ability to absorb and neutralize changes in economic and political conditions helped theatres to overcome the vicissitudes of short-term conjuncture. Cultural capital has consistently prevailed over economic and political circumstances.

Keywords: *theatre policy, theatre governance, cultural capital, institutional resilience, Austrian Federal Theatres.*

Alexander Golovlev, PhD, is an associate professor at the School of History, HSE University. Email: agolovlev@hse.ru, alexander.i.golovlev@gmail.com

РАЗМЫШЛЕНИЯ О КИТАЙЦАХ-КРАСНОАРМЕЙЦАХ ОТ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ПЕЧАТИ ДО РОССИЙСКИХ КИНОЛЕНТ

Статья посвящена изучению образа китайца-красноармейца на фронтах Гражданской войны в России. Внимание фокусируется на следующих ключевых сюжетах: создание образа, его постепенное «умолчание» в 1930-е гг. на фоне внутривнутриполитических преобразований и обострения военно-политической ситуации на восточных рубежах, активное использование в условиях сближения СССР и КНР в 1950-е гг., переосмысление в современной России. Применение исторической имагологии как основного методологического подхода позволяет увидеть, как на примере китайцев, участвовавших в военных действиях, работали механизмы социальной инклюзии и эксклюзии. Источниковую базу составили материалы советской периодической печати, агитационные плакаты белого движения, произведения художественной литературы о Гражданской войне и современные российские киноленты, содержащие упоминания о китайцах в России того времени. Ключевой аргумент автора в том, что динамика репрезентации образа китайца красноармейца отражает амбивалентное отношение российского общества не только к китайским мигрантам, но и применительно к проблемам миграции в целом. В зависимости от состояния российско-китайских отношений и этапов присутствия китайцев в России происходит переосмысление образов «китайских красноармейских интернациональных отрядов».

Ключевые слова: миграция, китайцы, Гражданская война, красная армия, репрезентация.

Длительный опыт соседства России и Китая, протяженная общая граница, взаимные миграционные обмены – все это сформировало в российском обществе сложные представления о Китае, китайцах и китайских мигрантах. В них словно в зеркале отражались существенные черты коллективной психологии российского общества. Формирование и развитие образа «другого» в лице китайцев предполагало комплекс рациональных установок и предрассудков, которые то прятались в «сундуки» коллективной памяти, то извлекались из них¹. Примером служат представления о китайцах, сражавшихся на полях Гражданской войны в России. Для реконструкции пребывания китайских мигрантов в России необходимо восполнить этот пробел в историческом знании. Участие иноэтничных «других» в политических кризисах российской истории нуждается в дополнительной рефлексии и проработке.

Цель статьи – показать появление и развитие образа китайца-красноармейца в России. Это позволит ответить на следующие вопросы: как факт широкого участия трудовых мигрантов из Китая отразился в исторической памяти российского общества, как и почему этот образ исчезал, а потом вновь извлекался из идеологических арсеналов. Рамки статьи, к сожалению, позволяют остановиться лишь на основных сюжетах: формирование образа непосредственно в период вооруженного противостояния; постепенное умолчание в довоенные годы и новый этап пере-

¹ См.: Репина 2012а.

осмысления в годы советско-китайской дружбы; постсоветская рефлексия, в контексте которой внимание ученых и кинематографистов привлекли китайцы, сражавшиеся на фронтах Гражданской войны.

Оценки в исторической литературе получили причины, побудившие китайцев принять участие в Гражданской войне, показан боевой путь их подразделений и т.д.² Детально реконструированы в историографии особенности трудовой миграции китайцев в Россию в годы Первой мировой войны³, изучены обстоятельства их вступления в части красной и белой армий⁴. Образ Китая и китайцев тревожил современников непостижимостью (другой как опасность) или вызывал любопытство новизной и «экзотикой». В отличие от имперских чиновников, большевики не видели в мигрантах из Азии источник опасности, а рассматривали их как важного, верного, самое важное многочисленного союзника в борьбе за победу мировой революции, поэтому лидеры революции с самого начала стремились заручиться поддержкой китайских трудящихся⁵. В советское время риторика в отношении китайских частей несколько раз менялась от масштабных презентаций «пролетарского единства» и умолчаний, вызванных внутри и внешнеполитическими обстоятельствами, до переосмысления некоторых страниц истории китайской миграции в постсоветские годы, в том числе участия китайцев в сражениях на стороне красных.

Источниковую базу составила периодическая печать большевиков времен Гражданской войны, художественная и общественно-политическая литература, российские киноленты. Большевистская периодика (газеты «Вооруженный народ», «Красная армия», «Боевая правда» и др.) и известные агитационные плакаты белого движения содержат яркие описания китайцев на полях сражений, выполненные по «горячим следам», что позволяет увидеть, как в режиме реального времени работали механизмы социальной эксклюзии / инклюзии в отношении китайцев.

Сквозь призму произведений советской художественной литературы 1920–1930-х отображаются особенности восприятия китайцев-красноармейцев в раннем и довоенном СССР. В данных текстах проявляется определенная рефлексия над вопросом об участии китайцев в событиях Гражданской войны, попытки встроить, казалось бы, «второстепенный» персонаж в повествование об этих событиях. Пользу принесли произведения П.А. Бляхина «Красные дьяволята» (1923), М.А. Булгакова «Китайская история» (1923), Платонова «Чевенгур» (1927–1928). Привлечение текстов советских общественно-политических изданий, посвященных увековечиванию памяти об интернациональных батальонах и о китайцах, в частности, позволило рассмотреть мотивы и технологии героизации, характерные для периода советско-китайской дружбы 1950-х гг.

² Ларин 2009.

³ Ходяков, Чжао 2017; Alexeeva 2018.

⁴ Lin 2015; Чжан, Гагкуев 2019.

⁵ Stolberg 2004: 174.

Некоторые российские киноленты о Гражданской войне содержали упоминания о китайцах на стороне большевиков, поэтому давали ценный материал для работы в этом плане: «Девять жизней Нестора Махно» (Россия, Украина, режиссер Н. Коптан, 2007), «Жила-была одна баба» (Россия, режиссер А. Смирнов, 2011), «Контрибуция» (Россия, режиссер С. Снежкин, 2016). В них упоминались китайцы или они появлялись в качестве персонажей на стороне красных.

Столь разнородный комплекс источников, безусловно, оставляет у читателя справедливые вопросы о его репрезентативности. Однако применение этого материала позволяет преодолеть многие познавательные ограничения, накладываемые характером имеющихся источников, и попытаться увидеть динамику изучаемого явления на разных этапах российской истории в XX — начале XXI века.

Историческая имагология предоставляет инструментарий для исследования межкультурных взаимодействий в истории, обстоятельств создания и применения механизмов социальной инклюзии и эксклюзии, обозначения маркеров «свой» / «чужой». Автор фокусируется на реконструкции основных этапов в развитии представлений о «другом», его культуре, этнических, национальных, географических, внешнеполитических, инокультурных образов и стереотипов. Применяя эту исследовательскую оптику, мы видим, что представления о мигрантах из Китая продуцировались не только внутривосточной и международной конъюнктурой, но и социокультурным «багажом» принимающего общества. Методы исторической имагологии позволят показать, как создавался и менялся образ китайцев красноармейцев в зависимости от приоритетов эпохи, в контексте которой «вспоминали» или «забывали» об участии китайцев в Гражданской войне в России⁶.

Китайский рабочий берет винтовку... В общей сложности с января 1915 по апрель 1917 г. в Россию для работы завезли 159 тыс. китайцев⁷. Однако в условиях падения уровня промышленного производства, нарастающих проблем в работе железнодорожного транспорта, а затем и революционных событий «завоз» рабочей силы из Китая остановился, а оставшихся рабочих отправляли на родину. По данным А. Аникста на российских предприятиях к 1 сентября 1917 г. продолжали работать порядка 67 тыс. китайских рабочих⁸. Их дальнейшее неорганизованное пребывание создавало ощутимые санитарные и социальные риски. К примеру, в Новгородской губернии скопилось много китайцев, прибывших на постройку железных дорог. Оставшись без работы, они голодали, распространяли заразные болезни и тем самым повышали опасность эпидемии среди местного населения⁹. Временное, а затем большевистское правительство предприняло энергичные меры для эва-

⁶ Репина 2012а

⁷ Ларин 2009: 28.

⁸ Аникст 1920: 42.

⁹ Ларин 2009: 72–73.

куации китайских рабочих. Только за период с 1 января по 18 марта 1918 года. через Екатеринбург проследовало на восток 17,9 тыс. китайцев¹⁰. До выступления чехословацкого корпуса страну покинуло примерно 40 тыс. «желтых» рабочих¹¹. Эвакуация затруднялась перебоями в работе железнодорожного транспорта и суровостью условий в пути¹².

Рис. 1.

Так начался новый этап развития образа китайских рабочих, примкнувших к красным. С помощью текстов о китайских подразделениях конструировался образ китайца, «пробужденного» и измененного революцией¹³. «Ходя» преобразуется, становясь красноармейцем (Рис.1). В большевистской прессе опубликовано немало заметок о «доблестных, стойких и дисциплинированных» китайцах, жертвующих жизнью ради революции». Подчеркивалось их «пролетарское» происхождение – принимали только бедняков, рабочих и шахтеров¹⁴. Китайские отряды представляли примером пролетарской солидарности: «Китайский рабочий берет винтовку, создает интернациональные отряды и кладет свою жизнь за дело социализма...»¹⁵.

Добровольное включение в военное противостояние большого количества иностранцев преподносилось пропагандой как доказательство влияния идей Октября, наличия у молодой Советской республики массовой опоры среди различных слоев населения, в т.ч. трудовых мигрантов из Китая, которые пошли «против буржуев». Как писала газета «Боевая правда» китайцы «осознали свои классовые интересы и идут стройными рядами строить социализм»¹⁶. Согласно замыслам большевиков, раскрепощенные кули Китая потом должны соединиться с «победоносным пролетариатом всего мира»¹⁷. Так «другой» в лице китайцев становился, по крайней мере официально, верным и доблестным союзником.

Позиция большевиков в «китайском» вопросе не сбрасывала со счетов отрицательных представлений о китайцах и пренебрежительного к ним отношения, укоренившихся еще в позднейимперском обществе. Первое время в героических текстах оставались привычные элементы расового дискурса («желтый»), так как опереться на другие конструкции было невозможно. Летом 1918 г. в Москве «невежественные обыватели» били китайцев-красноармейцев, срывали с них погоны и оскорбляли. Замоскворецкий военный комиссариат требовал уважительного отноше-

¹⁰ Ипполитов, Минаев 2013: 31.

¹¹ Митинг китайцев-красноармейцев...: 1.

¹² Ларин 2009: 70.

¹³ Красная армия...: 3.

¹⁴ Красная армия в провинции...: 3.

¹⁵ Наши желтые братья...: 4.

¹⁶ Новые союзники...: 1; Выступления китайских коммунистов...: 1.

¹⁷ Большевизм в Китае...: 2. Более подробно см.: Нин, Сюй 2015.

ния к бойцам Восточного батальона, поскольку они в бою доказали преданность революции¹⁸. Учитывая, что китайцы воспринимались как потенциальный «очаг антисанитарии и заразных болезней», новая власть показывала перемены в лучшую сторону. Обнаружена пара растиражированных текстов об образцовой чистоте, порядке, опрятности и дисциплине в китайских частях¹⁹. Новый социально-политический порядок означал для китайцев новый быт, лишенный пережитков прошлого.

Несмотря на яркие пропагандистские материалы, китайские подразделения вряд ли играли самостоятельную и решающую роль в боевых операциях. Известно, что около 30 тыс. китайских рабочих вступили в ряды красной армии, некоторое количество китайцев волей судьбы оказалось на стороне белых²⁰. Даже будучи высоко мотивированными, китайские чернорабочие и крестьяне без военных навыков, специальной подготовки и организации не всегда составляли реальную силу на поле боя. Их важные качества – стойкость и лояльность (нередко от безысходности положения), желание поквитаться за унижительное обращение в прошлом с социальными силами, выступившими против большевиков. Как отмечал Е.Г. Калкаев, в китайских частях фиксировалось дезертирство, нарушалась воинская дисциплина, встречалось халатное отношение к службе, что вызывало негодование командиров²¹. Трудно говорить о боевой эффективности таких подразделений на всех фронтах. Во всяком случае, на Урале они были разгромлены белыми и важных побед не одержали²². Но на Юге России, судя по источникам, собранным Н. Карпенко и Е.Г. Калкаевым, китайцы играли важную роль в стабилизации фронта и поддержании порядка. Данные авторы описывают участие китайцев не только в терроре в отношении населения казачьих хуторов²³, но и в борьбе с погромами и различными бандами²⁴.

Полезен взгляд на китайцев по другую сторону линии фронта. Манипуляции этнофобиями и образами иноземцев-большевиков прочно вошли в пропагандистский арсенал белого движения²⁵. В восточных районах России, подконтрольных белым «желтая» угроза тесно переплеталась с угрозой «красной»²⁶. В изображении колчаковской прессы хорошо снаряженные коммунисты (латыши, мадьяры, китайцы и др.) плетьюми и под дулом оружия гнали в бой голодных, оборванных, грязных, запуганных и безвольных простых красноармейцев²⁷.

¹⁸ К случаям оскорбления красноармейцев Восточного батальона...: 4.

¹⁹ В китайском отряде...: 4.

²⁰ Ларин 2009: 90; Исповедников 2010: 80.

²¹ Более подробно об этих фактах см.: Калкаев 2017: 694–697.

²² Каменских 2011: 128.

²³ Калкаев 2017: 697

²⁴ Роли китайских формирований в военных действиях на Юге России посвящена целая глава: Карпенко 2007: 209–320.

²⁵ Novikova 2019.

²⁶ Ипполитов, Минаев 2013: 31.

²⁷ Пермские ужасы...: 2.

Взглянем на известные агитационные плакаты, посвященные китайцам. С ними ассоциировались главные мотивы, задействованные в информационной войне с «совдепией» – террор и гонения на православную церковь²⁸. Плакат «Мир и свобода в совдепии» изображает китайцев, стоящими на горе из человеческих черепов и костяков. Они казнят людей (Рис. 2). Карательные отряды китайцев и латышей «отбирали хлеб, разоряли деревни и расстреливали крестьян», словом, уничтожали все то, что с чем ассоциировалась крестьянская Россия (Рис. 3, 4). Вот пример, связанный с гонениями на церковь. В одном из сюжетов китайцы «спокойно расстреляли священника». В сравнении даже с отъявленными по тем меркам «хулиганами-матросами» китайцы «не испугались честного и животворящего креста...». Так образ китайцев дегуманизировался, изображался одной из форм воплощения «зла» (Рис. 5).

Рис. 2
«Мир и свобода в Совдепии»

Рис. 3

«Так большевистские карательные из латышей и китайцев насильственно отбирают хлеб, разоряют деревни и расстреливают крестьян».

Рис. 4
«Лихая работа красной интернациональной армии Ленина и Троцкого»

²⁸ Сергеева 2017.

Рис. 5.

«Даже матросы, эти отчаянные хулиганы и разбойники, испугались честного и животворящего Креста Господня, тогда комиссары вызвали китайцев, и те спокойно, не дрогнув, расстреляли священника. Это случилось в Москве».

Китайцы в раннем и предвоенном СССР. После завершения Гражданской войны советское правительство предприняло меры для возвращения китайцев на родину²⁹. Однако на протяжении 1920-х гг. численность китайских мигрантов только росла. Центрами притяжения являлись дальневосточные окраины и крупные города. В 1926 г. на территории СССР зафиксировано свыше 100 тыс. китайцев. Более 70 тыс. находились на Дальнем Востоке. Крупные китайские общины оформились в Москве, Ленинграде и др. городах³⁰. Условия жизни китайцев поменялись слабо. Сохранялось тяжелое материальное и бытовое положение большинства китайских рабочих³¹. Их принадлежность к низшим социальным слоям, низкий процент грамотности – все это затрудняло успешную интеграцию в общество, снижало эффективность образовательной и воспитательной работы. В некоторых текстах 1920-х гг. авторы продолжали использовать категорию «желтый». Привычный в позднеимперский период язык описания, а точнее образ китайца «ходи», вошел не только в прессу, но и в художественную литературу.

Образы Востока, Китая и китайцев приобретают в творчестве писателей послереволюционных лет новое осмысление. По «горячим» следам событий П.А. Бляхиным, М.А. Булгаковым и др. написаны произведения, где присутствует фигура китайца, сражавшегося за власть советов. В повести «Красные дьяволята» (1922) активный участник революционного движения и Гражданской войны П.А. Бляхин на примере китайца Юю описывает типичную биографию китайского мигранта до вступления в Красную армию. Она выглядела стандартно – выполнение какой-либо «неблагодарной работы»³². Характерный эпизод позже воспроизвел П.П. Бажов в рассказе «Шанго Контрами», когда поступивший на службу к красным китаец в ответ на обращение «ходя» отвечает:

²⁹ Ларин 2009: 111.

³⁰ Например, в Москве к 1928 г. проживало около 8000 китайцев и насчитывалось более 400 китайских прачечных. Лукин 2007: 192, 196; Ларин 2009: 113, 128.

³¹ См.: Кулинич 2006.

³² Бляхин 1923.

«Хотя ни...я китайса лабоча»³³. Китайцы, изображенные на страницах этих произведений, во многом «стихийно» и не осознанно встали на сторону большевиков, смутно представляя себе реальную суть вооруженной борьбы между белыми и красными. Это заметно контрастирует с официальными реляциями об «осознании классовых интересов и стройных рядов, идущих строить социализм».

Китаец непостижим для принявшего его советского общества, и одновременно крайне неприхотлив. Современникам часто было трудно найти внятный ответ на вопрос, почему китайцы сражались на полях чужой для них войны. О сложностях в распознавании образа китайцев говорит даже описание ходи у М.А. Булгакова. Из текста неясно, сколько ему на самом деле лет (указан солидный разбег от 40 до 23 лет)³⁴. Это подчеркивает представления о том, что они «все выглядели на одно лицо». Любопытный эпизод описан в романе А. Платонова «Чевенгур» (1926–1928). Китайцы в этом тексте появляются только раз, но этот фрагмент построен на схожей символике. На вопрос матросов о смерти, китайцы, ехавшие с ними в поезде на Царицын, дали краткий и парадоксальный ответ: «Мы любим смерть! Мы очень ее любим». Здесь же показана их неприхотливость. Они рады самой нехитрой еде и сну. Китайцы съели рыбный суп, собрали хлебом питательную влагу со стенок супных ведер. После этого сытыми легли спать³⁵.

Непостижимость «другого» в лице китайца тесно связана и с его готовностью к самопожертвованию. Такой эпизод можно найти в произведении В. Иванова «Бронепоезд 14–69» (1927). Один из главных героев китаец Син Бин У вместе с красными партизанами боролся против белогвардейцев и интервентов. Можно сказать, что это порождение той непростой эпохи, тем более в дальневосточном крае, где китайцы играли видную роль в партизанском движении. Син Бин У добровольно ложится на рельсы и жертвует жизнью, чтобы остановить бронепоезд белых и помочь партизанскому отряду приблизить победу. Через образ благородного китайца, пожертвовавшего жизнью за дело революции, В. Иванов изобразил многогранный и мифологичный Восток³⁶.

В 1930-е гг. политика советского государства в отношении китайцев приобретает репрессивный характер³⁷. Дореволюционная китайская община в России практически исчезла, была вытеснена или уничтожена. Факт ее существования ушел на периферию исторической памяти. В атмосфере подозрительности и массовых репрессий борьба со шпионажем и заговорами не обошла многих ветеранов Гражданской войны из числа китайцев. Упоминания о китайских добровольцах становились неуместны, а этот сюжет уходит на задний план.

³³ Бажов 1934: 110.

³⁴ Булгаков 1925: 135.

³⁵ Платонов 2011: 78.

³⁶ Вьюгин 2011.

³⁷ См.: Kuromiya 2014.

Китайские батальоны в контексте дружбы СССР и КНР.

Оживление интереса государства к участию китайцев в сражениях Гражданской войны происходит постепенно и под влиянием внутри- и внешнеполитической ситуации, сложившейся после войны. В 1950-х гг. КНР и Советский союз переживают период сближения. Информационную повестку двухсторонних отношений определяла тема дружбы народов и масштабной научно-технической помощи Китаю со стороны СССР. В этих условиях возник политический запрос на формирование и закрепление исторического знания (т.е. «моста из прошлого»)³⁸ о важной роли китайских рабочих, привезенных еще в имперскую Россию, в боях за установление советской власти и изгнание интервентов. Тема участия китайцев в революционных событиях и Гражданской войне на стороне большевиков получила одобрение и поддержку властей, поскольку легитимировала и укрепляла идеологические и исторические основы советско-китайского альянса и пролетарского единства. Вплоть до конца 1950-х гг. все происходящее в Китае и пребывание китайцев в СССР рассматривались сквозь призму нерушимой советско-китайской дружбы. СобираТЕЛЬНЫЙ образ китайца после нескольких десятилетий забвения вновь стал функционально востребован. Тем более, китайцы пусть и не в таком значительном количестве как на рубеже XIX–XX вв., но все же появились в России и с ними начались сравнительно массовые повседневные контакты (рабочие, студенты, практиканты на заводах)³⁹.

Юбилей Октябрьской революции (1957) оказал значительное влияние на характер пропагандистских материалов, посвященных китайцам-красноармейцам. В советской прессе⁴⁰, исторической и общественно-политической⁴¹ литературе нарративы о китайцах на стороне большевиков дополнялись новыми деталями и политически верными подробностями, подтверждающими их нещадную эксплуатацию в царской России («рабы капитала», «невольники», «рабочий скот» и др.). Советское правительство, напротив, показано проявившим «отеческую заботу» о китайских тружениках, которые вместе с русским пролетариатом плечом к плечу выступили на защиту завоеваний революции. Особый жанр созданных тогда текстов – воспоминания участников и очевидцев, что придавало высокую степень достоверности описываемым событиям. Китайцы, принимавшие участие в Гражданской войне, в таких рассказах красочно и подробно описывали свое бедственное положение до революции⁴². В свою очередь их командиры и сослуживцы больше внимания уделяли боевым и высоким морально-волевым качествам китайцев (выносливы, дисциплинированны и «дрались как львы»)⁴³. Так образ

³⁸ Репина 2012б.

³⁹ Дащышен, Сюй 2019.

⁴⁰ См.: Копылов, Павлов 1957; Сыны Китая... 1957.

⁴¹ Попов 1957: 122; Новогрудский, Дунаевский 1959; Попов 1959.

⁴² Дружба скрепленная кровью... 1959.

⁴³ Миронова, Стручков, Устинов 1957: 16; Селенгин 1958; Голиков 1959: 72–73.

китайца красноармейца ситуативно выдвигался на передовые позиции в межкультурных связях между двумя странами и народами.

Относительно кратковременный политический заказ на укрепление советско-китайской дружбы вызвал активную работу над созданием и закреплением образов китайских товарищей, боровшихся за советскую власть. Раскол между Китаем и СССР на долгие годы закрыл тему участия китайцев в советской истории. Полностью остановилась китайская миграция в Советский Союз. Улучшение двусторонних отношений наметилось только к исходу советской эпохи. В конце 1980-х многие образы, ушедшие на периферию исторической памяти, стали возвращаться и переосмысливаться. В киноленте «Искусство жить в Одессе» (СССР, 1989, режиссер Г. Юнгвальд-Хилькевич) появился персонаж китаец Ли, служивший в Одесской ЧК. Он изображен в нескольких сценах, где чекисты борются с бандами налетчиков.

Память о «китайских штыках» на стороне большевиков в постсоветской России. В постсоветский период Россия приняла новые волны мигрантов, и китайцы играли в структуре этих миграций не последнюю роль⁴⁴. С новой силой пробудились стереотипы и представления о Китае и китайцах, усиленные в массовом сознании многочисленными трудностями транзитивного периода. Восприятие россиянами Китая противоречиво: от дружески настроенного соседа и союзника до опасного гиганта, готового целиком поглотить азиатскую часть страны⁴⁵. Эти установки в массовом сознании россиян убедительно доказывают, что стереотипы о «желтой угрозе» не исчезают – они сохраняются и эволюционируют, пульсируют вместе с пиковыми по своим количественным параметрам моментами миграций, периодами межгосударственного сближения и конфронтации.

В последние два десятилетия в российском дискурсе о миграции появилось место для трудовых мигрантов из Китая, которые в 1917–1922 гг. встали на сторону большевиков. Образ китайца все чаще транслировался в российских кинолентах о Гражданской войне, причем от одной кинокартины к другой очертания китайца, воюющего на стороне большевиков, становились все более четкими и наполнялись деталями. От простой констатации факта присутствия китайцев в переломном моменте российской истории кинематографисты перешли к содержательному наполнению образа. Показана неприветливость восточных мигрантов, немало внимания уделено тому, как их воспринимал рядовой обыватель, противники и соратники по вооруженной борьбе.

В сериале «Девять жизней Нестора Махно» мы встречаем лишь упоминание о неприветливых китайцах, работающих в угольных шахтах за суп и кусок хлеба.

Брат Н. Махно: Нестор, шахты работают в половину силы. Всех шахтеров мобилизовали на войну.

⁴⁴ Balzer, Repnikova 2010; Kireev 2016.

⁴⁵ Shlapentokh 2007.

Н. Махно: А под землей кто?

Брат Н. Махно: А кто ты думаешь? Китайцев привезли. А хозяевам выгодно. Нам нужно платить зарплату. А китайцам что? Дали суп, краюху хлеба. Они и ходят довольные. Спасибо хозяин, спасибо хозяин...

В фильме «Жила была одна баба» с киноэкрана впервые доносятся элементы позднеимперского дискурса о «желтой опасности». Из уст киногероев звучат такие характерные выражения как «китаёза», «косой» и «макака». Так, в одной из сцен китаец отнимает у пассажира поезда мешок с излишками хлеба («не трожь, китаёза проклятая!»). В следующей сцене китаец-красноармеец появился при задержании дезертира.

Китаец: Стой! Стрелять буду! (Выстрел)

Дезертир: Я тебе стрельну... холера косая. Разве можно этим макакам давать в руки оружие?!

В наибольшей степени изучаемый нами образ представлен в кинофильме «Контрибуция». Если раньше китаец на экране появлялся один, то в этом фильме китайцев уже несколько. (Рис. 6).

Рис. 6. Китайцы в тюремном подвале в фильме «Контрибуция»

В кадре можно насчитать до 5–7 человек. Они находятся в тюремном подвале после взятия Перми белыми. В первой же сцене показаны характерные для «желтого» дискурса образы и бытовые ситуации. Революционный матрос делает грубое замечание китайцу – он «неправильно» воспользовался туалетом т.е. не закрыл крышку за собой:

Матрос: Косорылый... парашу за собой прикрой – не один живешь, морда нерусская. Маленький, а вонючий!

При этом китайцы по-прежнему остаются безликими. Имя было только у чекиста Ли в картине «Искусство жить в Одессе». В других кинолентах нет указания на имя и какие-то иные персональные черты. Китайцы предстают только как часть этнической группы, а не отдельные люди. Это словно продолжение идеи о наплыве китайцев в позднеимперской России. В российской традиции важнейшей характеристикой китайцев была, видимо и по сей день остается, массовидность. Отношение к китайцам выражается как к некой однородной социальной группе или лучше сказать массе, в которой растворялась индивидуаль-

ность каждого. Индивид не воспринимается как самостоятельный субъект, а лишь как часть большого «муравейника». Это можно видеть в эпизоде, когда генералу А. Н. Пепеляеву принесли на подпись список приговоренных к расстрелу. Китайцы указаны только численно:

Генерал А.Н. Пепеляев: Что это? Десять латышей, десять китайцев... у них что имен нет...?

Штаб-ротмистр: Есть, наверное, но по счету написано верно.

Столетие революционных событий в России взывало определенный интерес к теме участия китайцев в Гражданской войне. В журнале «Огонек», а позже на портале издания «Коммерсантъ», в 2017 г. появился емкий очерк о «китайских штыках русской революции», в котором подробно излагалась история участия китайцев в Гражданской войне, ликвидация китайской общины в Советском союзе 1930-х гг.⁴⁶ Генсек КПК Си Цзиньпин на XIX съезде партии (18 октября 2017) подчеркнул, что «орудийные раскаты Октябрьской революции донесли до Китая марксизм-ленинизм, что помогло решить множество проблем китайского государства и общества. У российской и китайской сторон даже имелись планы снять сериал «Ленин и его китайские телохранители», но найти сведения о состоянии данного кинематографического проекта не удалось⁴⁷. В гор. Хэйхэ (пров. Хэйлуцзян) действует Музей китайской диаспоры в России, в экспозициях которого важное место занимают «героические бюсты китайских бойцов Красной армии»⁴⁸.

В то же время получение доступа к ранее неизвестным или закрытым архивным документам открыло возможность достоверной реконструкции пребывания китайцев в России. Не обошли ученые вниманием и вопросы, связанные с беспристрастной оценкой участия мигрантов из Китая в Гражданской войне. На страницах научных изданий звучат часто противоположные мнения по этому поводу. Начиная от того, что китайцы в действительности не играли роль основной опоры большевистских лидеров или, напротив, составляли мощный костяк наиболее преданных и мотивированных подразделений, охранявших вождей революции и принимавших активное участие в карательных акциях и военных действиях⁴⁹. Символическое значение китайских частей в составе Красной Армии заметно превосходило их реальную боевую мощь. Самостоятельные успехи на поле боя в основном носили локальный или тактический характер. Между тем, сюжеты о «пролетариях, которым нечего терять кроме своих цепей» служили идеологическим целям большевиков, позволяя вписать иноэтничных «чужаков» в новые социально-политические реалии. К тому же китайцы являлись прекрасным примером того, как советская власть воплощала на практике установки интер-

⁴⁶ Смирнов 2017.

⁴⁷ Китай и Россия... 2017.

⁴⁸ Lin 2018.

⁴⁹ Более подробно см.: Герасимова 2018; Чжан, Гагкуев 2019. Рамки и задачи статьи не позволяют провести более подробный обзор историографии на эту тему.

национализма и формировала корпус кадровых революционеров для грядущей работы в странах Востока.

Репрезентации образа китайца-красноармейца отражали не только амбивалентные установки российского общества в отношении китайцев, но также концентрировали предубеждения относительно миграционных проблем в целом. В массовом сознании населения России длительное время сохраняются и время от времени дают о себе знать представления о «желтой угрозе». Героический образ китайца советского времени существовал со скрытыми опасениями демографической экспансии и бытовыми ксенофобскими установками, когда прежде «чужого» помещали в статус «своих», но потом столь же быстро переставляли акценты или замалчивали его роль в российской истории. При этом моменты «пробуждения» и использования изученного нами образа прочно связаны с динамикой развития российско-китайских отношений и трансграничных миграций. За стремлением государственной власти нейтрализовать символические последствия Гражданской войны на современном этапе и прийти к «примирению» сторон, скрыты глубокие культурные и политические разломы в массовом сознании российского общества. Один из них, судя по всему, проходит вдоль оценок и мнений относительно роли – деструктивной, нейтральной или позитивной – этноконфессиональных меньшинств в российской истории, в частности в событиях Гражданской войны. Хотя китайцы-красноармейцы играют роль второстепенного персонажа в этих событиях, и основные дискуссии разворачиваются вокруг фигур лидеров белых или красных, мы все более отчетливо видим фрагментацию прошлого. Эти разрозненные «точки памяти» приобретают значение только в сознательной привязке к ключевым внешнеполитическим и мировоззренческим конфликтам, преодолевающим определенную ретроспективу.

Образ китайца на стороне большевиков служит не только скрытым индикатором состояния межгосударственных и межгрупповых отношений, но и концентрирует в себе симпатии и антипатии общества в отношении китайцев и самой роли иноэтничных мигрантов в российской истории. В этой неочевидной «болевой точке» исторической памяти сходятся этнофобии нескольких исторических этапов, включая тревожные ожидания перспектив политической нестабильности и возможные сценарии участия в этих событиях «других».

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Аникст А.А. Организация распределения рабочей силы в 1920 году. М.: Агит. изд. отд. Г.К.Т. и Н.К.Т., 1920 [Anikst A.A. Organizatsiya raspredeleniya rabochei sily v 1920 godu (Organization of labor distribution in 1920). Moscow: Agit. izd. otd. G.K.T. i N.K.T., 1920].
- Бажов П.П. Бойцы первого призыва. Свердловск: Уральское изд-во, 1934 [Bazhov P.P. Boitsy pervogo prizyva (First draft fighters). Sverdlovsk: Ural publishing house, 1934].
- Бляхин П.А. Красные дьяволата. Баку: Бакинский рабочий, 1923 [Blyakhin P.A. Krasnye d'yavolyata (Little red devils). Baku: Bakinskij rabochij, 1923].
- Большевизм в Китае // Боевая правда. 1919. 11 октября. С. 2. [Bol'shevizm v Kitae (Bolshevism in China) // Boevaya pravda. 1919. 11 oktyabrya. P. 2].

- Булгаков М.А. Дьяволиада. М.: Недра, 1925 [Bulgakov M.A. D'yavoliada (Diaboliad). Moscow: Nedra. 1925].
- В китайском отряде // Вооруженный народ. 1918. 6 октября. С. 4. [V kitaiskom otrjade (In the Chinese detachment) // Vooruzhennyi narod. 1918. 6 oktyabrya. P. 4]
- Выступления китайских коммунистов // Боевая правда. 1919. 26 сентября. С. 1. [Vystupleniya kitaiskikh kommunistov (Speeches by Chinese communists) // Bovevaya pravda. 1919. 26 sentyabrya. P. 1]
- Голиков Ф. И. Красные орлы (Из дневников 1918–1920 гг.). М.: Воениздат, 1959 [Golikov F. I. Krasnye orly (Iz dnevnikov 1918–1920 gg.) (Red Eagles (From the diaries of 1918–1920). Moscow: Voenizdat, 1959].
- Дружба скрепленная кровью. Сборник воспоминаний китайских товарищей – участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в СССР. М.: Военное изд-во Мин-ва обороны Союза ССР. 1959 [Druzhba skreplennaya krov'yu. Sbornik vospominanij kitajskih tovarishchej – uchastnikov Velikoj Oktyabr'skoj socialističeskoj revolyucii i grazhdanskoj vojny v SSSR (Friendship sealed by blood. Collection of memoirs of Chinese comrades - participants in the Great October Socialist Revolution and the Civil War in the USSR). Moscow: Voennoe izd-vo Ministerstva oborony Soyuzs SSR. 1959].
- К случаям оскорбления красноармейцев Восточного батальона // Красная армия. 1918. 11 июля. С. 4. [K sluchajam oskorblenija krasnoarmeitsev Vostochnogo batal'ona (On cases of insult to the Red Army soldiers of the Eastern Battalion) // Krasnaya armiya. 1918. 11 iyulya. P. 4].
- Китай и Россия совместно снимут телесериал «Ленин и его китайские телохранители» // Женьминь Жибао. 2017. 4 апреля. [Kitai i Rossiya sovместno snimut teleserial «Lenin i ego kitaiskie telokhraniteli» (China and Russia will jointly film the television series “Lenin and His Chinese Bodyguards”) // Zhen'min' Zhibao. 2017. 4 aprelja. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0412/c31516-9202003.html>].
- Копылов В., Павлов А. Под знаменем интернационализма // Огонек. 1957. 44. С. 6–7. [Kopylov V., Pavlov A. Pod znamenem internatsionalizma (Under the banner of internationalism) // Ogonek. 1957. 44. P. 6–7].
- Красная армия // Правда. 1918. 9 мая. С. 4. [Krasnaya armiya (Red Army) // Pravda. 1918. 9 maya. P. 4].
- Красная армия в провинции // Красная армия. 1918. 13 июня. С. 3. [Krasnaya armiya v provintsi (The Red Army in the Province) // Krasnaya armiya. 1918. 13 iyunya. P. 3].
- Митинг китайцев-красноармейцев // Известия. 1919. 30 ноября. С. 1. [Miting kitaitsev krasnoarmeitsev (Rally of Chinese Red Army soldiers) // Izvestiya. 1919. 30 noyabrya. P. 1].
- Наши желтые братья // Вооруженный народ. 1918. 15 сентября. С. 4. [Vystupleniya kitaiskikh kommunistov (Speeches by Chinese communists) // Bovevaya pravda. 1919. 26 sentyabrya. P. 1].
- Новогрудский Г.С., Дунаевский А.М. Товарищи китайские бойцы. М.: Воениздат, 1959 [Novogrudskij G.S., Dunaevskij A.M. Tovarishchi kitajskie bojcy (Comrade Chinese fighters). Moscow: Voenizdat, 1959].
- Новые союзники // Боевая правда. 1919. 13 сентября. С. 1. [Novye soyuzniki (New allies) // Bovevaya pravda. 1919. 13 sentyabrya. P. 1].
- Пермские ужасы // Красный Урал. 1919. 21 сентября. С. 2. [Permskie uzhasy (Perm horrors) // Krasnyi Ural. 1919. 21 sentyabrya. P. 2].
- Платонов А.П. Чевенгур: Роман; Котлован: Повесть. М.: Время, 2011 [Platonov A.P. Chevengur: Roman; Kotlovan: Povest' (Chevengur: Novel; Pit: A Tale.). M.: Vremja, 2011].
- Селенгин А. Дружба, скрепленная кровью // Урал. 1958. 2. С. 111–114. [Selengin A. Druzhba, skreplennaja krov'ju (Friendship sealed by blood) // Ural. 1958. 2. P. 111–114].
- Смирнов О. Китайские штыки русской революции // Огонек. 2017. 19. С. 28–30. [Smirnov O. Kitajskie shtyki russkoj revolyucii (Chinese bayonets of the Russian revolution) // Ogonek. 2017. 19. P. 28–30].
- Сыны Китая вместе с нами боролись за власть советов // Дружба народов. 1957. 11. С. 117–147. [Syny Kitaja vmeste s nami borolis' za vlast' sovetov (The sons of China fought with us for the power of the Soviets) // Druzhba narodov. 1957. 11. P. 117–147].

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Вьюгин В. Ю. «Какая была погода в эпоху Гражданской войны?» Климатическая метафора в соцреализме // Новое литературное обозрение. 2011. 2. С. 59–81. [V'yugin V. YU. «Kakaya byla pogoda v epokhu Grazhdanskoj voiny?» Klimaticheskaya metafora v sotsrealizme ("What was the weather like during the Civil War?" Climate metaphor in social realism) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2011. 2. P. 59–81].
- Герасимова О.Е. Роль китайской диаспоры в Великой Октябрьской революции 1917 г. // ПОЛИТЭКС. 2018. 1. С. 49–56. [Gerasimova O.E. Rol' kitaiskoj diaspory v Velikoi Oktyabr'skoj revolyutsii 1917 g. (The role of the Chinese diaspora in the Great October Revolution of 1917) // POLITJEKS. 2018. 1. P. 49–56].
- Дацьшен В. Г., Стой Х. Отправка рабочих из провинции Хэбэй в СССР в 1955 г. Из истории русско-китайских отношений // Вестник Томского государственного университета. 2019. 445. С. 102–106. [Datsyshen V. G., Syui Kh. Otpravka rabochikh iz provintsii Khebei v SSSR v 1955 g. Iz istorii rusско-kitaiskikh otoshenii (Sending workers from Hebei province to the USSR in 1955. From the history of Russian-Chinese relations) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. 445. P. 102–106].
- Ипполитов С.С., Минаев В.В. «От этого зависит вся судьба России»: к изучению демографической и экономической экспансии Китая и Японии на Востоке России во время второй русской смуты // Новый исторический вестник. 2013. 3. С. 27–45 [Ippolito S.S., Minaev V.V. «Ot etogo zavisit vsya sud'ba Rossii»: k izucheniyu demograficheskoi i ekonomicheskoi ekspansii Kitaya i Yaponii na Vostoke Rossii vo vremya vtoroi russkoi smuty ("The whole fate of Russia depends on this": to the study of the demographic and economic expansion of China and Japan in the East of Russia during the second Russian Troubles) // Novyj istoricheskij vestnik. 2013. 3. P. 27–45].
- Исповедников Д.Ю. Участие Китая в Гражданской войне в Сибири // Новый исторический Вестник. 2010. 3. С. 74–81. [Ispovednikov D.Yu. Uchastie Kitaya v Grazhdanskoj voine v Sibiri (Chinese participation in the Siberian Civil War) // Novyj istoricheskij Vestnik. 2010. 3. P. 74–81].
- Калкаев Е.Г. Китайские красноармейцы 21-го Московского сводного полка осенью 1918 г. в воспоминаниях и документах // Общество и государство в Китае. 2017. 2. С. 689–698. [Kalkaev E.G. Kitaiskie красноarmeitsy 21-go Moskovskogo svodnogo polka osen'yu 1918 g. v vospominaniyakh i dokumentakh (Chinese Red Army soldiers of the 21st Moscow Consolidated Regiment in the fall of 1918 in memoirs and documents) // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2017. 2. P. 689–698].
- Каменский М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011 [Kamenskikh M.S. Kitaitcy na Srednem Urale v kontse XIX – nachale XXI v. (Chinese in the Middle Urals at the end of the 19th - beginning of the 21st c.). Saint-Petersburg: Mamatov, 2011].
- Карпенко Н.М. «Китайский легион». Участие китайцев в революционных событиях на территории Украины (1917–1921 гг.). Луганск: Альма-матер, 2007 [Karpenko N.M. «Kitaiskii legion». Uchastie kitaitsev v revolyutsionnykh sobyitiyakh na territorii Ukrainy (1917–1921 gg.) ("Chinese Legion"). Participation of the Chinese in revolutionary events on the territory of Ukraine (1917–1921)). Lugansk: Al'ma-mater, 2007].
- Кулинич Н.Г. Китайцы в составе городского населения Дальнего Востока в 1920–1930-е годы // Проблемы Дальнего Востока. 2006. 4. С. 120–129. [Kulinich N.G. Kitaitcy v sostave gorodskogo naseleniya Dal'nego Vostoka v 1920–1930-e gody (Chinese as part of the urban population of the Far East in the 1920s–1930s) // Problemy Dal'nego Vostoka. 2006. 4. P. 120–129].
- Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Восточная книга, 2009 [Larin A.G. Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' (Chinese migrants in Russia. History and modernity). Moscow: Vostochnaya kniga, 2009].
- Лукин А.В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: Восток-Запад: АСТ, 2007 [Lukin A.V. Medved' nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII–XXI vekakh. (The bear watches the dragon. The image of China in Russia in the 17th–21st centuries). Moscow: Vostok-Zapad: AST, 2007].
- Миронова И.М., Стручков А.А., Устинов В.М. Интернациональные группы РКП(б) и воинские формирования в Советской России (1918–1920 гг.) // Исторический архив. 1957. 4. С. 3–36. [Mironova I.M., Struchkov A.A., Ustinov V.M. Internatsional'nye grupy

- RKP(b) i voinskie formirovaniya v Sovetskoi Rossii (1918–1920 gg.) (International groups of the RCP (b) and military formations in Soviet Russia (1918–1920) // *Istoricheskii arkhiv*. 1957. 4. P. 3–36].
- Нин Я., Сюй Х. Китайские эмигранты в России и распространение ими марксизма (на примере приграничных городов Китая) // *Россия и АТР*. 2015. 3. С. 154–163. [Nin Ya., Syui Kh. Kitaiskie emigranty v Rossii i rasprostranenie imi marksizma (na primere prigranichnykh gorodov Kitaya) (Chinese emigrants in Russia and their spread of Marxism (using the example of border cities in China) // *Rossija i ATR*. 2015. 3. P. 154–163].
- Попов Н.А. Они с нами сражались за власть советов. Ленинград: Лениздат, 1959 [Popov N.A. Oni s nami srazhalsi' za vlast' sovetov. (They fought with us for the power of the Soviets). Leningrad: Lenizdat, 1959].
- Попов Н.А. Участие китайских интернациональных частей в защите Советской Республики в период Гражданской войны (1918–1920 годы) // *Вопросы истории*. 10. 1957. С. 109–123. [Popov N.A. Uchastie kitaiskikh internatsional'nykh chastei v zashchite Sovetskoi Respubliki v period Grazhdanskoj voiny (1918–1920 gody) (Participation of Chinese international units in the defense of the Soviet Republic during the Civil War (1918–1920) // *Voprosy istorii*. 10. 1957. P. 109–123].
- Репина Л.П. «Национальный характер» и «образ другого» // *Диалог со временем*. 2012a. 39. С. 9–19. [Repina L.P. «Natsional'nyi kharakter» i «obraz drugogo» (“National character” and “image of the other”) // *Dialog so vremenem*. 2012a. 39. P. 9–19].
- Репина Л.П. «Мост из прошлого в грядущее», или вновь о метафоре памяти // *Диалог со временем*. 2012b. 41. С. 181–190. [Repina L.P. «Most iz proshlogo v gryadushchee», ili vnov' o metafore pamyati (“Bridge from the past to the future,” or again about the metaphor of memory) // *Dialog so vremenem*. 2012b. 41. P. 181–190].
- Сергеева О.В. Визуальный язык «красных» и «белых» плакатов периода Гражданской войны в России // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2017. 4. С. 210–229. [Sergeeva O.V. Vizual'nyi yazyk «krasnykh» i «belykh» plakatov perioda Grazhdanskoj voiny v Rossii (Visual language of “red” and “white” posters of the Russian Civil War) // *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*. 2017. 4. P. 210–229].
- Ходяков М.В., Чжао Ч. Трудовая миграция китайцев в Россию в годы Первой мировой войны // *Новейшая история России*. 2017. 1. С. 7–30. [Khodyakov M.V., Chzhao Ch. Trudovaya migratsiya kitaitsev v Rossiyu v gody Pervoi mirovoi voiny (Labor migration of Chinese to Russia during the First World War) // *Novejshaya istoriya Rossii*. 2017. 1. P. 7–30].
- Чжан Ю., Гагкуев Р.Г. Китайские добровольцы в гражданской войне в России: между красными и белыми // *Российская история*. 2019. 1. С. 60–71. [Chzhan Yu., Gagkuev R.G. Kitaiskie dobrovol'tsy v grazhdanskoj voine v Rossii: mezhdru krasnymi i belymi (Chinese volunteers in the Russian Civil War: between the Reds and the Whites) // *Rossijskaya istoriya*. 2019. 1. P. 60–71].
- Alexeeva O.V. Experiencing War: Chinese Workers in Russia During the First World War // *The Chinese Historical Review*. 2018. 25/1. P. 46–66.
- Balzer H., Repnikova M. Migration between China and Russia // *Post-Soviet Affairs*. 2010. 26/1. P. 1–37.
- Kireev A.A. China in Russia, Russia in China: Ethnic Aspect of Migration Between the Two Countries in the Past and Present // *Asian Ethnicity*. 2016. 17/1. P. 67–89.
- Kuromiya H. Stalin's Great Terror and the Asian Nexus // *Europe-Asia Studies*. 2014. 66/5. P. 775–793.
- Lin R. Among Ghosts and Tigers: The Chinese in the White Terror // *Revolutionary Russia*. 2015. 28/2. P. 140–166.
- Lin R. Red at Heart: How Chinese Communists Fell in Love with the Russian Revolution // *Revolutionary Russia*. 2018. 31/2. P. 306–308.
- Novikova L.G. Red Patriots against White Patriots: Contesting Patriotism in the Civil War in North Russia // *Europe-Asia Studies*. 2019. 71/2. P. 183–202.
- Stolberg E. The Siberian frontier between ‘White Mission’ and ‘Yellow Peril,’ 1890s–1920s // *Nationalities Papers*. 2004. 32/1. P. 165–181.
- Shlapentokh V. China in the Russian Mind Today: Ambivalence and Defeatism // *Europe-Asia Studies*. 2007. 59/1. P. 1–21.

Авдашкин Андрей Александрович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет, adrianmaricka@mail.ru

“Chinese Worker in Russia Takes the Rifle”: Formation and Development of the Image

The article is devoted to the formation and development of the image of the Chinese Red Army soldier on the fronts of the Civil War in Russia. The author's attention is focused on the following key subjects: the creation of the image, its gradual “silence” in the 1930s against the background of internal political transformations and the aggravation of the military-political situation on the eastern borders, active use in the context of rapprochement between the USSR and China in the 1950s, rethinking in modern Russia. The main methodological approach is historical imagology. This scientific approach allows us to see how the mechanisms of social inclusion and exclusion worked in the example of the Chinese. The source base consisted of materials from Soviet periodicals, propaganda posters of the white movement, works of fiction about the Civil War and modern Russian films. The author's key argument is that the dynamics of representation of the image of a Chinese Red Army soldier reflects the ambivalent attitude of Russian society not only towards Chinese migrants, but also towards migration problems. Rethinking the images of the “Chinese Red Army international detachments” at a turning point in Russian history depends on the state of Russian-Chinese relations and the stages of the presence of the Chinese in Russia.

Keywords: *migration, Chinese, Civil War, Red Army, representation.*

Avdashkin Andrey Alexandrovich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, South Ural State University; adrianmaricka@mail.ru

**ФЕНОМЕН ДВИЖЕНИЯ ЧЕРНЫХ ЕВРЕЕВ
ИДЕОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНО-РЕЛИГИОЗНОГО ПРОТЕСТА
АФРИКАНО-АМЕРИКАНЦЕВ (КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XXI В.)**

В статье рассматриваются особенности идеологии черных евреев в США, исповедовавших различные варианты альтернативного иудаизма, в контексте протестного движения африкано-американцев. Охарактеризовано зарождение групп черных евреев среди африкано-американцев в конце XIX – начале XX в. Проведен анализ эволюции их взглядов – от умеренных, основанных на ветхозаветной традиции, характерных для сторонников большинства первоначальных организаций, до радикальных – у заметной части черных евреев, начиная с 1960-х. Возникновение нового религиозного движения стало реакцией части африкано-американской общины на многолетние притеснения и дискриминацию. Движение являлось формой протеста африкано-американцев, стремившихся исповедовать иудаизм и заявивших о себе как об «истинном Израиле». Религиозные радикалы и националисты искажали историю стран и народов Ближнего Востока и Африки с целью продвижения идеи превосходства черной расы. Принятие иудаизма означало разрыв с господствующей религией и социально-культурными ценностями. Черные евреи стали особой субкультурой и одной из разновидностей африкано-американской религии, близкой по идеологии и структуре к церквям «черного христианства». Показано, что, несмотря на маргинальность, относительную замкнутость и малочисленность, экстремистское крыло черных евреев оказало существенное влияние на формирование ключевых идей «групп ненависти», отстаивающих черный национализм и сепаратизм в Соединенных Штатах.

***Ключевые слова:** религиозная история США, черные евреи, идеология радикальных африкано-американских сект иудаистской направленности, «группы ненависти», протестное движение афроамериканцев в конце XIX – начале XXI в.*

Заметный след в протестном движении афроамериканцев, несмотря на малочисленность, оставили черные евреи. Это религиозное и социальное движение возникло в условиях переломной эпохи, наступившей после неудачного для африкано-американского населения завершения Реконструкции Юга (1865–1877), связанной с началом его «Первой Великой миграции» в города Севера (1910–1940). Этот период в истории США характеризовался обострением социально-политических и расовых проблем. Возникший в это время религиозный «черный ориентализм» («черный иудаизм» и «черный ислам») был своеобразной защитной реакцией на притеснение афроамериканцев и агрессивные проявления белого расизма (режим расовой сегрегации в южных штатах, «Законы Джима Кроу», линчевание, возрождение Ку-клукс-клана в 1915 г. и т.п.). Разные группы и секты черных евреев заявляли о своем духовном или даже природном (биологическом) происхождении от древних евреев, ориентировались на еврейские ценности, культуру и образ жизни, а также в той или иной степени исполняли основные предписания иудаизма. В русскоязычной научной литературе и публицистике в отношении данной религиозной общности устоялся термин «черные евреи». Но в действительности их наиболее распространенные самоназвания – это

«черные израэлиты (израилиты или израильтяне)», «черные (африканские) иудеи-израэлиты» или просто «евреи-израэлиты».

О религиозных и политических взглядах черных евреев дают представление опубликованные сочинения их проповедников, «мессий» и «пророков»¹. Многие группы представлены в сети Интернет, где они детально излагают не только различные аспекты вероучения, но также подробно рассказывают об истории создания и деятельности своих организаций и лидеров². Ценная информация об идеях последователей широкого спектра радикальных африкано-американских культов содержится в работах лидеров черных мусульман и близких по идеологии к ним и черным евреям групп и организаций в США³. Интерес представляют также произведения сторонников африканоцентричной «альтернативной истории»⁴. Источники изучались при опоре на ряд различных подходов и методов: историко-сравнительный (компаративистский), историко-генетический, историко-типологический, герменевтический. Герменевтика и дискурсивный анализ предполагают не только интерпретацию и понимание смысла текстов, исследование взглядов автора, учет его психологии, мировоззрения, ценностных ориентиров, но также изучение социальных условий создания произведения и влияния на него базовых культурных ценностей общества.

В первой половине XX в. в США начинают развиваться африканские исследования. основоположником американской африканистики был выдающийся антрополог и этнограф М.Дж. Херсковиц (1895–1963), написавший ряд трудов в 1920-е – начале 1960-х гг. В книге «Миф о негритянском прошлом» (1941 г.) он развенчивал ложные преставления о том, что у африкано-американцев отсутствовало культурное наследие⁵. Херсковиц осуществил беспрецедентное исследование истории и культуры африкано-американской общины. Ученый изучил и показал богатое африканское наследие в общественных отношениях, культуре, искусстве, языке, фольклоре, а также в религиозной жизни Америки.

Интерес к африкано-американским религиозным культам и «черной религии» в контексте культуры африкано-американской общины США усилился в 1960–1970-е гг. – в эпоху борьбы за гражданские права. Однако исследователей преимущественно интересовало не движение черных евреев, но более радикально настроенные, активные, многочисленные и влиятельные черные мусульмане, а также близкие к ним по идеологии маргинальные религиозные группы⁶. Кроме того, недостаточной была источниковая база для проведения исследований. Тем не менее, черные евреи упоминались и кратко характеризовались в обобща-

¹ Crowdy 1902; Ben Ammi 2008.

² Masharah Yasharahla...; Israel United in Christ... и др.

³ Elijah Muhammad 1994; Hakim 2006.

⁴ Ben-Jochannan Yosef 1993.

⁵ Herskovits 1941.

⁶ Noor 2002.

ющих трудах по истории черных церквей и африкано-американского христианства⁷. Но по-настоящему изучение черных евреев в американской историографии началось лишь в XXI в. Знаковым событием в исследовании черного иудаизма в США стал выход в свет в 2000 г. монографии «Черный Сион: религиозные встречи африкано-американцев с иудаизмом» под редакцией И.П. Чирео и Н. Дойча⁸. В ней содержались очерки истории черных евреев, анализ их религиозных воззрений и духовных практик, исследование отношений черного сионизма и черного иудаизма с традиционным иудаизмом, черным исламом и африкано-американским христианством. В последующие 15 лет было опубликовано несколько значимых научных работ, посвященных черным евреям, их идентичности, социально-политической роли, анализу протестного потенциала движения, изучению эволюции религиозного опыта афроамериканцев, способствовавшего обращению в иудаизм⁹.

Религиозное движение черных евреев в отечественной науке является малоисследованной проблемой, представлено в основном в публицистике. Тема интересовала преимущественно современных российских журналистов, стремившихся освещать сенсационные новости из США. Как правило, они сообщали о противозаконной деятельности, связанной с экстремизмом и терроризмом представителей «экзотического» для россиян движения. Черные евреи также упоминаются в работах российских историков, посвященных «Нации ислама» и другим организациям черных мусульман¹⁰. В российской историографии специально посвящены черным евреям только работы Э.Л. Нитобурга (1918–2008)¹¹. Историк стремился осмыслить духовный опыт, религиозные практики, особенности культуры и повседневной жизни африкано-американцев, принявших иудаизм в специфической форме.

Иудаизм не был совершенно новым явлением для африканцев. Во многих странах Северной Африки в течение многих столетий существовали (и имеются в наши дни) общины, считавшие, что они происходят от евреев, и, как правило, исповедовавшие иудаизм в неортодоксальной (неталмудической) форме. Подобные группы сохранились даже в некоторых государствах южнее Сахары. Исследователи полагают, что иудаизм был занесен в этот регион евреями-переселенцами из Ближнего Востока. В Северной Америке, по мнению ряда историков, иудаизм первоначально распространился среди незначительного числа негров-невольников, владельцами которых были евреи. В Вест-Индии (Виргинские острова, часть из которых стала американским владением в начале XX в.) исповедовала иудаизм небольшая группа смешанного африканско-еврейского происхождения (потомки от браков плантато-

⁷ Lincoln, Mamiya 1990; Introduction to new and alternative religions... Vol. 5; Pinn 2006.

⁸ Chireau, Deutsch 2000.

⁹ Dorman 2013; Parfitt 2013; Fernheimer 2014.

¹⁰ Кошелева Н.В. 2008 и др.

¹¹ Нитобург 1995; 2008.

ров-евреев и негритянок). Впоследствии выходцы из Вест-Индии сыграли важную роль в истории движения черных евреев в Америке. Известны единичные случаи принятия новой религии афроамериканцами на Юге США в эпоху рабства. Так, одним из обратившихся в иудаизм до Гражданской войны являлся раб из Чарльстона (Южная Каролина) – «старый дядя Билли», чей случай был широко задокументирован¹². Но некоторыми учеными ставится под сомнение роль плантаторов в распространении иудаизма среди черных рабов.

Небольшая часть чернокожих американцев, исповедовавших иудаизм, влилась в традиционную иудейскую общину США, и она не представляет интерес для данного исследования. Наше внимание сосредоточено на истории новой религии и религиозной культуры – самостоятельного движения черных евреев. Возникнув в конце XIX в., оно всегда отличалось религиозным радикализмом. Первые организации черных евреев в Соединенных Штатах начали образовываться в 1880–1890-е гг. в Теннесси, Канзасе, Вирджинии, Пенсильвании, федеральном округе Колумбия. Важным центром нового религиозного движения в первой половине XX в. стал Гарлем – населенный преимущественно афроамериканцами и евреями район г. Нью-Йорка. Многие черные евреи изначально не стремились практиковать иудаизм в чистом виде. Они пытались возродить раннюю христианскую церковь, опираясь на строгие предписания еврейского Священного Писания. Американский черный иудаизм также заимствовал и творчески перерабатывал афро-карибские верования, идеи «движения святости», пятидесятничества, масонства и парамасонства («Орден шрайнеров»), британского израилизма и оккультной каббалы¹³. Всего в американской истории известны несколько десятков групп и сект черных евреев, которые в разные исторические периоды объединяли от 25–40 до 200 тыс. последователей.

Можно выделить этапы движения черных евреев (всплески активности, сопровождавшиеся созданием новых структур), которые во многом совпадали с переходными периодами в истории США:

1) Конец XIX – начало XX вв. – зарождение первых групп, имеющиеся сведения по которым часто остаются скудными и отрывочными. Восприятие еврейской культуры и религии частью черных американцев воспринималось как протест против сложившихся условий, поскольку отмена рабства не привела к их полному освобождению, преодолению бедности и интеграции в американский социум. Происходило конструирование мифов о прошлом, поскольку «сыны Бога» под влиянием европейцев пережили «преображение души», духовную трансформацию, которая имела негативные последствия для народа. Один из идеологов черных евреев писал об этом: «Несмотря на очевидные выгоды для черного среднего класса, статистика свидетельствует о том, что в целом к афроамериканцам продолжают относиться как к гражданам второго

¹² Chireau, Deutsch 2000: 22.

¹³ Dorman 2013: 8–10.

сорта, хотя они живут уже более 400 лет в Америке. Очевидно, что подавляющее большинство афроамериканцев приняло этот образ жизни, поскольку позволило превратить себя в жертву злему угнетателю, благодаря которому они остаются безработными, малообразованными, страдающими и пребывающими в неволе»¹⁴.

2) 1910–1950-е гг. – увеличение численности черных евреев, появление новых организаций. Наиболее значимая и известная из них – «Хранители Заповедей Живого Бога», основана «раввином» Уэнтуортом Артуром Мэтью (1892–1973) в 1919 г. в Гарлеме (г. Нью-Йорк). «Хранители Заповедей» открыли филиалы в городах Восточного побережья и на Карибских островах. Большое значение имела в эту эпоху иммиграция евреев в Соединенные Штаты из Восточной и Центральной Европы (только в 1881–1925 гг. переселились по разным оценкам от 1,8 до 2,4 млн чел.). Вскоре представители данной этнической группы стали влиятельной силой в американском обществе. Черные иудеи в это время пытались установить контакты и сблизиться с представителями традиционного иудаизма (сефардами, ашкеназами) и эфиопскими евреями.

3) С 1960-х гг. и до настоящего времени – радикализация и политизация религиозного движения. Переломный период 1960-х гг. в американской истории был связан с борьбой за гражданские права афроамериканцев. Происходила также «молодежная революция», которая привела к возникновению новых протестных социально-политических и радикальных религиозных движений. Одна из групп черных евреев иммигрировала в Израиль. Часть черных евреев перешла на экстремистские позиции, объединившись в 1969 г. в «Израильскую (Израэлитскую) школу универсальных практических знаний» (известную неофициально как «One West Camp»). Впоследствии из нее выделились «лагеря» и ответвления в различных регионах страны. Возникшая в 1979 г. «Нация Яхве» стала на непродолжительное время самой массовой организацией. Численность ее членов и влияние оказались почти сопоставимы с другой известной афроамериканской сектой – «Нацией ислама». Но в начале 1990-х «Нация Яхве» резко снизила активность после обвинений в терроризме и осуществлении серии убийств. Начало XXI в. ознаменовалось новым обострением социально-экономических, политических и расовых конфликтов в Соединенных Штатах, в конечном итоге вылившихся в массовые волнения и беспорядки (май 2020 – январь 2021 гг.).

Большое влияние на возникновение религиозной группы оказал англо-американский протестантизм XIX века. Для него было характерно употребление личных имен библейского происхождения (Джошуа, Джозайя, Авраам, Сара, Элайджа, Джедедия и др.), широкое использование ветхозаветной (иудео-христианской) символики и смысловые ассоциации: «избранный божий народ», «новый Израиль», построение «Нового Иерусалима» или «Сиона», «потерянные колена Израиля» и т.п. Гебраизмы часто встречались в песнях негров-рабов Юга США. В новое

¹⁴ Ben Ammi 2008: 134–135.

время в ученых кругах Запада было распространено ошибочное представление о том, что библейский иврит (древнееврейский) якобы являлся единым общечеловеческим языком. Западноевропейские лингвисты считали его священным праязыком человечества, из которого происходят все иные современные наречия. В XVI–XVIII вв. также некоторые европейские мыслители высказывали предположение о том, что древние (библейские) евреи могли иметь темный цвет кожи. Подтверждением этой гипотезы являлось существование в Северной Эфиопии древней иудейской общины «фалаша» или «бета-Израэль» (т.е. «дом (община) Израиля»). Помимо чернокожих эфиопских евреев также и древние египтяне – строители великих пирамид могли быть черными¹⁵. В целом в африканцах видели потомков Хама, которые «за грехи были наказаны Богом», и их кожа приобрела черный цвет¹⁶.

Определенную роль в формировании идеологии черных иудеев сыграл англоизраилизм (британский израилизм), известный с конца XVI века, но испытавший наибольший подъем в XIX – начале XX века. Эта псевдонаучная концепция основывалась на идее о том, что англосаксы – жители Британских островов и англо-американцы якобы произошли от потерянных израильских племен. Последние не являлись этническими евреями, а были родоначальниками скифов, киммерийцев и готов («готско-скифской расы»), потомки которых захватили Британские острова в раннее средневековье. При этом переселенцы – англы, саксы («сыны Исаака»), юты и скотты (древние шотландцы) были на самом деле саками – одним из скифских племен. Валлийцы и камберлендцы якобы произошли от киммерийцев и кимвров (киммеров), а завоеватели Англии – даны (норманны) – от «колена Данова»¹⁷.

Религиозные представления черных евреев представляют собой синкретический культ, сочетающий элементы иудаизма, христианства и собственного (не раввинского или талмудического) толкования Библии (Ветхого Завета – Торы и Нового Завета). Заметны также элементы традиционных африканских верований и духовных практик¹⁸. Синкретизм вообще являлся характерной чертой религиозности и религиозной жизни выходцев из Африки в Новом Свете¹⁹. Черный иудаизм оказался близок по учению и практике к миллениаризму и маргинальному христианству (адвентизму, мормонизму), пятидесятничеству и «движению святости». Основы новой веры были разработаны в конце XIX – начале XX вв. двумя ранними «пророками»: радикалом Фрэнком С. Черри (1868?-1963), создавшем «Церковь Живого Бога – Столп утверждения истины для всех народов», и умеренным деятелем Уильямом Сондерсом Крауди (1847-1908), возглавившем «Церковь Бога и Святых Христа».

¹⁵ Parfitt 2013: 25.

¹⁶ Wilson 1840: 20.

¹⁷ Wilson 1840: 96–101; Ingersoll 1886: 14–16, 37–42; Garnier 1890: 18–34.

¹⁸ Lincoln, Mamiya 1990: 3–5; Chireau, Deutsch 2000: 8–9.

¹⁹ Herskovits 1941: 249–254.

Ф. Черри получил откровения от Бога о том, что африкано-американцы являются истинными потомками (не только в духовном, но и в биологическом смысле) древних израильтян. Якобы в древности черные иудеи были частью изначальных израильских племен, изгнанных из Ближнего Востока в Центральную и Западную Африку римлянами в 70 г. н.э.²⁰ Впоследствии представители этого народа были захвачены белыми работорговцами и проданы в рабство в Америку. В эпоху рабства черные люди утратили свою еврейскость, иудейскую идентичность, и теперь настала необходимость в ее восстановлении. Черри считал Священным Писанием Библию (Ветхий и Новый Завет) и не отрицал божественность Христа. В отличие от подавляющего большинства других черных евреев, признавал авторитет Талмуда – древнего свода законов и этических норм, основных религиозно-правовых положений современного иудаизма. Настоящими евреями-израильтянами, хранителями и носителями подлинной иудейской религии, по мнению Черри, могут быть только черные. Белых евреев он обличал как «нарушителей» принципов истинного иудейства, считая их «мошенниками», и сурово осуждал за отрицание божественного характера Иисуса. По мнению пророка Черри, Иисус Христос принадлежал к негроидной расе²¹. Теология Черри базировалась на некоторых важных аспектах иудаизма и христианства, на идеях миллениаризма, похожего на учение адвентистов, «альтернативной истории», черном расизме, антисемитизме и собственных богословских умозаключениях. Он утверждал, что в 2000 г. н.э. черный Христос спустится с небес, чтобы начать расовую войну (которая закончится поражением белых и наступлением рая для «избранного народа» – черных американцев). Иисус должен воскресить всех Святых, соблюдавших Десять заповедей и веривших в учение Черри²².

Пророк У. Крауди стремился осуществить синтез иудаизма и христианства. Важной составляющей его религиозных представлений стало учение о том, что африкано-американцы произошли от потерянных древнееврейских племен. Начиная с Крауди, черные евреи предпочитали считать себя прямыми потомками 10 «потерянных» или всех 12 «колен Израиля». Упомянутые в Библии «колена Израилевы» – это потомки 12 сыновей праотца Иакова (Якова евреев, Якуба мусульман), третьего по времени ветхозаветного патриарха, которому Бог дал имя «Израиль». Первоначально в Библии были перечислены колена следующих сыновей Иакова: Рувима, Симеона, Левия, Иуды, Иссахара, Завулону, Иосифа, Вениамина, Дана, Неффалима, Гада и Асира²³. В действительности же существовали 13 или 14 племен израильского народа. Из рода Иосифа впоследствии выделились отдельные колена («полуколена») его сыновей – Манассии и Ефрема, которые нередко воспринимаются как еди-

²⁰ Fernheimer 2014: 10–11.

²¹ Pinn 2006: 78–79.

²² Introduction to new and alternative religions in America. Vol. 5: 73.

²³ Бытие 49:28.

ное племя, заменившее все «колено Иосифово». Род Левия являлся священниками и не имел отдельного земельного владения в Земле Обетованной и Заиорданье. Черные евреи утверждают, что определенные народы произошли от следующих 12 племен Израиля: от колена Иуды – черные американцы, от Вениамина – чернокожие жители Вест-Индии, от Левия – гаитяне, от Ефрема – пуэрториканцы, от Манассии – кубинцы, от Симеона – доминиканцы, от Завулона – народ майя, проживавший на территории от Гватемалы до Панамы, от Рувима – индейцы-семинолы, от Асира – инки (на территории от Колумбии до Уругвая), от Иссахара – мексиканцы (ацтеки), от Неффалима – аборигены Аргентины и Чили, от Гада – иные коренные американцы (индейцы)²⁴. Таким образом, утвердилась идея о генетическом родстве американских аборигенов и негров, которые якобы являлись автохтонным населением Америки до прихода европейских переселенцев. Подобные представления получили распространение и дальнейшее развитие не только среди черных евреев, но и в группах радикальных черных мусульман, представителей «нью-эйдж» и других новых религиозных движениях афроамериканцев.

В настоящее время умеренные черные евреи (около 15-20 независимых групп и сект), тяготеющие к традиционному иудаизму (часть из них активно сотрудничала и продолжает взаимодействовать с белыми евреями), насчитывают около 10 тыс. чел. Наиболее значимые течения – сторонники идей Крауди, «Хранители Заповедей» и иврийим («Африканская еврейская израильская нация Иерусалима»). Последователи Крауди в наши дни являются единственной сохранившейся крупной деноминацией, обладающей преемственностью со старейшей организацией в движении черных евреев, имеющей почти 130-летнюю историю. Но «Церковь Бога и Святых Христа» так и не преодолела раскола 1908-1909 гг. Сейчас она представлена 3-мя независимыми религиозными группами. К иврийим принадлежит от трети до половины умеренных черных евреев (основная часть их проживает сейчас в государстве Израиль).

«Нация Яхве», являвшаяся в 1980-е – начале 1990-х гг. наиболее влиятельной среди радикальных течений организацией, насчитывавшей до 20 тыс. членов, распалась в наши дни. После обвинений в создании террористического культа и совершении серии убийств остались лишь отдельные независимые группы в разных городах страны. В современных Соединенных Штатах наиболее многочисленными организациями экстремистов являются «Израиль, объединенный во Христе» и «Израильская Церковь Бога в Иисусе Христе». Численность радикальных черных евреев, связанных с религиозно-политическим и социальным протестом, сейчас вряд ли превышает 15 тыс. чел. Таким образом, общее число активных членов всех групп и направлений черных евреев в современной Америке можно определить в 25-30 тыс. чел. Но сочувствующих религиозному движению (преимущественно его экстремистскому

²⁴ Masharah Yasharahla...

крылу) на порядок больше (до 100-200 тыс. чел. и более). Так, на официальную страницу «Израиля, объединенного во Христе» на Фейсбуке были подписаны почти 55 тыс. чел. (сентябрь 2021 г.)²⁵.

С точки зрения радикальных черных евреев Иисус Христос, дева Мария, Адам и Ева, Авраам, Моисей, Давид, Соломон и иные библейские патриархи и пророки являлись людьми с черной кожей. При этом они ссылались на отрывок из текста Ветхого Завета, в котором имеется описание черного Христа: «и ноги Его подобны халколивану (предположительно бронза или медь), как раскаленные в печи, и голос Его, как шум вод многих»²⁶. Другие афроамериканские секты пошли еще дальше – они верили не только в чернокожего Христа, но и в «Черного Человека Азии» («мудрый человек Востока»). Под Черным Человеком Азии понимался Бог-Отец, Верховное Существо, Аллах (у некоторых черных мусульман), изначальный народ (негроидная раса), а также его отдельные представители, которые могли сами даже считаться богами²⁷.

Считается, что белые люди, европеоиды, представители «кавказской расы», которых называют «эдомитянами» или «эдомитами», якобы особенно злые от природы и проклятые Богом. По мнению одного из духовных лидеров движения черных евреев Бен Амми Бен-Израэль (1939–2014), белые люди, представители европейских народов – «нечестивые», «безнравственные», «неправедные», «отвергающие Бога»²⁸. Родоначальником белой расы черные евреи полагают ветхозаветного патриарха Исава (Едома), сына Исаака, продавшего за чечевичную похлебку право первородства брату-близнецу Иакову. От него вел свою родословную известный в Библии семитский народ идумеяв или едомитян, проживавший в исторической области Идумея или Эдом на юге Израильского нагорья. Белая кожа якобы является символом проклятия и наказания свыше, о чем свидетельствует случай нечестивца Гиезия, слуги пророка Елисея, от которого якобы также произошли белые люди. В Библии о Гиезии сообщается следующее: «Пусть же проказа Неemannова пристанет к тебе и к потомству твоему навек. И вышел он от него белый от проказы, как снег»²⁹.

Черные евреи переосмыслили библейскую историю о египетском рабстве, освобождении из него по воле Бога («великий исход» под предводительством пророка Моисея) и необходимости возвращения в Землю Обетованную из Вавилона – Америки. Согласно учению черных евреев, после захвата Израильского и Иудейского царств Ассирией и Вавилонном чернокожие израильтяне якобы оказались в рассеянии на территории Африки. Впоследствии они были захвачены, вывезены и проданы европейскими работорговцами в Америку. Произошло это из-за нару-

²⁵ Israel United in Christ...

²⁶ Откровение 1:15.

²⁷ Elijah Muhammad 1994: 11, 13; Noor 2002: 33, 35; Hakim 2006: 20–21.

²⁸ Ben Ammi 2008: 54–60.

²⁹ 4-я Царств 5:27.

шения заповедей Бога («Если же не будешь ... стараться исполнять все заповеди Его и постановления Его..., то придут на тебя все проклятия...»). «И рассеет тебя Господь по всем народам, от края земли до края земли, и будешь там служить иным богам...») ³⁰. Современные экстремисты-антисемиты и расисты из числа черных евреев называют эти события «подлинным холокостом, начавшимся в 1400-е гг.». Они утверждают, что Иисус Христос (Мессия) спасет не всех людей, а только «настоящий Израиль» (черных, индейцев и латиноамериканцев). Белых евреев они считают «псевдоиудеями», «лжецами», «самозванцами» или «обманщиками», а себя – «истинными детьми Авраама и Иакова-Израиля», у которых евреи якобы хотят «украсть идентичность, писания и историю». В европейцах представители «групп ненависти» из числа черных евреев склонны видеть «белых дьяволов» или «дом дьяволов», а в евреях – «синагогу (собрание) Сатаны». При этом они ссылаются на Библию, вырывая из контекста цитаты: «Вот, Я сделаю, что из сатанинского сборища, из тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, но не суть таковы, а лгут, – вот, Я сделаю то, что они придут и поклонятся пред ногами твоими, и познают, что Я возлюбил тебя» ³¹.

Имеется множество спекуляций на тему потерянных племен Израиля. Африка, согласно некоторым талмудическим представлениям, являлась одной из стран, где нашли пристанище Десять потерянных колен после того, как оказались в ассирийском плену. Ряд исследователей полагают, что в действительности потомки плененных и изгнанных ассирийцами в 740-722 гг. до н.э. колен Северного (Израильского) царства растворились среди говорившего на арамейском языке населения Древней Месопотамии. Сакральный характер для черных евреев носила не только Палестина (Ханаан) – Земля Обетованная древнего народа Израиля, но и Африка. Кроме того, отдельные группы придавали ключевую роль Марокко – прародине «мавров», от которых якобы произошли афроамериканцы, и Египту – древнему культурному центру, положившему начало великим цивилизациям. Любопытно, что в Библии содержатся сведения о «земле Куш» (Хуш, Кус, Кес) в Древнем Междуречье. Одноименная территория упоминается и в Африке, куда, вероятно, из ближневосточного региона переселился народ кушитов – потомков Куша (Хуша), сына Хама и внука Ноя. На Африканском континенте особую роль играет Эфиопия – священная страна для черных евреев, считающих ее своей первоначальной духовной и физической родиной («Эфиопия (Куш) прострет руки свои к Богу») ³². Под раем, Эдемом, Святой Землей, Сионом они иногда понимают всю Африку, называя ее «Эфиопией». Эфиопские легенды утверждают, что правящая династия в стране произошла от израильского царя Соломона и аравийской царицы Савской (X в. до н. э.), которая установила иудаизм в качестве государ-

³⁰ Второзаконие 28:15; 28:64.

³¹ Откровение 3:9.

³² Псалтирь 67:32.

ственной религии. Не только уцелевшая община эфиопских евреев (фалаша), но и другие жители африканской страны считали себя наследниками библейского Израиля. Подобные теории поддерживал известный африкано-американский писатель и историк Йосеф Альфредо Антонио Бен-Йоханнан (1918–2015), развивавший африканоцентричную «альтернативную историю» или «фольк-историю». Его концепция, основанная на постулатах черного национализма, «развенчивала» «еврейский миф» или так называемые «заблуждения» «белой или семитской (кавказской, еврейской) расы». Она содержала утверждение о том, что древние евреи якобы происходили из Эфиопии и являлись африканцами («Мы – черные евреи»). Впоследствии культуру, обычаи, традиции и верования эфиопского иудаизма будто бы заимствовали ближневосточные семиты и ханаанцы. Цивилизация долины Нила, по мнению Бен-Йоханнана, также была создана африканцами-«эфиопами» и оказала огромное влияние на мировой историко-культурный процесс. В эпоху Древнего Египта африканцы господствовали в гигантском регионе Земли, известном как «Азия» и включавшем Северо-Восточную Африку, Аравийский полуостров, Ближний и Средний Восток³³.

Черные евреи оказались связаны не только с идеологией эфиопионизма, но и близкой к нему религией – растафариянством, возникшим на Ямайке в 1930-е. В их мировоззрение органично вошли идеи панафриканизма, черного национализма и сепаратизма, отстаиваемые ямайским политическим деятелем Маркусом Гарви (1887–1940). Гарви выдвинул лозунг «Назад в Африку!», доказывая необходимость возвращения людей с африканскими корнями на историческую родину³⁴. Поэтому часть черных евреев выступала за эмиграцию («репатриацию») в Северо-Восточную Африку или Палестину («черный сионизм»). Отдельные группы пытались переселиться в 1930-е гг. в Эфиопию (безуспешно), в 1960-е гг. – в Либерию (неудачно), а из нее – в Израиль (успешно).

Черные евреи создали свою субкультуру, включающую ношение мужчинами кипы (ермолки), рубашки с эмблемой организации или длинной одежды, стилизованной под древнееврейские священнические облачения и мантии, описанные в Ветхом Завете, а женщинами – различных видов традиционной верхней одежды и головных уборов. Используются иудейская символика (семисвечник-менора, Звезда Давида и т.п.), заимствуются обычаи и традиции иудаизма, отмечаются еврейские праздники, принимаются еврейские имена. Молитва произносилась в направлении на восток, богослужения и посты осуществлялись по субботам. Для черных евреев характерны пищевые ограничения («Закон Моисея»): запрет на свинину, на принятие некоторых лекарств, на употребление спиртных напитков³⁵ (кроме домашнего вина, произведенного в собственном хозяйстве). Изначально движение стремилось

³³ Ben-Jochannan Yosef 1993: xiv, xviii–xix, xxiv, 1–100.

³⁴ Нитобург 1995: 162–165; Кошелева 2007: 114–117.

³⁵ Crowdy 1902: 26–28, 44–45.

к экономической независимости, созданию сети малых предприятий для предоставления занятости участникам. Уплата десятины также имела и имеет большое значение. Отдельные течения придерживаются вегетарианства и практикуют многоженство. Как правило, христианские праздники не отмечаются. Вышеперечисленные особенности привели к формированию относительно замкнутой общности, противопоставившей себя не только белым, но и отделившейся по культуре, образу жизни и верованиям от других черных в США. Сознательная самоизоляция и конфронтация с африкано-американским христианством и ортодоксальным иудаизмом позволили экспертам судить о радикальных группах как о «культах», «сектантах», «культистах».

Черные евреи всегда отличались консерватизмом, ориентацией на семейные ценности, были настроены против сексуальных меньшинств. Заключение брака считалось важным событием в жизни общины. Но женщины («сестры») имели неполноправный статус. Крупное религиозное объединение черных евреев, как правило, называлось «церковью», место собраний – «синагогой» или «лагерем». Фракции взаимодействуют, обмениваются информацией, устраивают совместные уличные мероприятия и конференции. Отличия в идеологии не мешают деятельности, основанной на схожей организационной структуре и одинаковых целях. Руководители организаций (пророки, главные епископы, первосвященники, главные раввины) считаются надежными источниками истины, исходящей непосредственно от Бога. Они носят любопытные прозвища: «Восстановитель Церкви», «Великий Отец Авраам», «Святой Дух», «Утешитель», «Главный Первосвященник», «Святой Апостол», «Духовный лидер», «Великий Повелитель Всего Сущего», «Бог Вселенной», «Великий Властелин», «Вечный Отец», «Мессия», «Бог, сын Бога» и т.п. Строгая иерархия и военизированный характер, напоминающий «Нацию ислама», характерны для экстремистских групп, члены которых делятся на «священников», «диаконов», «старейшин», «генералов», «офицеров», «капитанов», «солдат», «новобранцев», «братьев» и т.п.

Движение черных евреев как форма протестной активности части афроамериканцев (преимущественно в сфере религии) представляло собой реакцию на белый расизм, необоснованные привилегии и превосходство белых в западном обществе, отсутствие черных людей в европейских религиях. Черные евреи выступили против духовных ценностей, навязывавшихся в течение столетий большинством белых англосаксов-протестантов угнетенному черному меньшинству. Протестные настроения и борьба с «бесправием» привели к созданию мифологизированного прошлого. Преодоление комплекса неполноценности проявилось в идее о «богоизбранном народе», в проповеди исключительности, в крайних формах религиозного национализма и сепаратизма. Изначально черные иудеи предпочитали создавать религиозные коммуны. Впоследствии сосредоточились на уличной активности. Полное или частичное принятие еврейской религии разными народами встречалось и ранее

(например, у русских субботников, адвентистов седьмого дня и др.). Черные евреи дали свою эклектичную версию иудаизма, включавшую не только иудеохристианские представления, но и элементы конспирологии, европейского израилизма нового времени, растафариянства, масонства, уфологии, «нью-эйдж», других западных и восточных оккультно-мистических учений. Они оказали существенное воздействие на религиозные представления и философию возникавших синхронно с ними более многочисленных и влиятельных черных мусульман, а также «мавров», «пятипроцентников», нуваубиан и близкие к ним группы.

Подобно черным мусульманам в Америке, черные иудеи разделились на группы, исповедовавшие традиционные формы религии, и на экстремистов. Умеренные течения в религиозном движении сблизились с американским протестантизмом. Некоторые черные евреи идеологически эволюционировали в направлении радикализма вплоть до создания «групп ненависти», способных к осуществлению терактов. Они внесли свой вклад в создание экстремистского варианта «черной религии», поддерживая и развивая его характерные черты: идею об избранности и превосходстве определенной расовой и этноконфессиональной общности, различные религиозно окрашенные формы черного национализма и сепаратизма. Радикальные черные евреи оказались парадоксально близкими к идейно чуждому им ультраправому движению белых расистов и антисемитов «Христианская идентичность», выделившемуся в США из англоизраилизма в 1920–1930-е гг. Черные евреи как протестное явление оказались шире относительно узких границ «нового религиозного движения». Их активность стала частью социально-политического протеста афроамериканцев, боровшихся за гражданские права в 1950–2010-е гг. Идеи этих групп оказали косвенное влияние на программу леворадикального движения «Жизни черных важны» (BLM), возникшего в Соединенных Штатах летом 2013 г. и получившего мировую известность в ходе массовых беспорядков и протестов в 2020 г.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кошелева Н.В. Африка и ислам в идеологии афроамериканских мусульман // Африканский сборник – 2007. СПб.: Наука, 2008. С. 112–123 [Kosheleva N.V. Afrika i islami i ideologii afroamerikanskij musul'man (Africa and Islam in the ideology of African-American Muslims) // Afrikaniskij sbornik – 2007. Saint-Petersburg: Nauka, 2008. P. 112-123].
- Нитобург Э.Л. Церковь афроамериканцев США. М.: Наука, 1995 [Nitoburg E.L. Cerkov' afroamerikancev SSHA (The Church of African Americans in the USA). M.: Nauka, 1995].
- Нитобург Э.Л. Черные евреи в США // Лехаим. 2008. №7 (195). С. 38–41. [Nitoburg E.L. Chernye evrei v SSHA // Lekhaim (Black Jews in the USA). 2008. №7 (195). P. 38–41].
- Ben Ammi. God, the Black Man, and truth. Takoma Park, MD: Communicators Press, 2008.
- Ben-Jochannan Yosef A.A. We the Black Jews. Witness to the «White Jewish Race» Myth. In 2 volumes. Baltimore, MD: Black Classic Press, 1993 (1-st edition – N.Y., 1983).
- Chireau Y.P., Deutsch N. Black Zion: African American religious encounters with Judaism. N.Y.: Oxford University Press, 2000.
- Crowdy W.S. The revelation of God revealed. Philadelphia: The Church of God Publ. House, 1902.
- Dorman J.S. Chosen people: the rise of American Black Israelite religions. N.Y.: Oxford University Press, 2013.
- Fernheimer J.W. Stepping into Zion: Hatzzaad Harishon, Black Jews, and the remaking of Jewish identity. Tuscaloosa, Alabama: The University Alabama Press, 2014. 204 p.

- Garnier J. Israel in Britain: a brief statement of the evidences in proof of the Israelitish origin of the British race. L.: R. Banks & Son, 1890.
- Elijah Muhammad. The history of Jesus' birth, death and what it means to you and me. Atlanta, Ga.: Secretarius Mempis Publications, 1994. 99 p.
- Hakim N.M. Does Elijah Muhammad teach true Islam?: nature vs nurture. Phoenix, AZ: Secretarius MEMPS Publications, 2006. 184 p.
- Herskovits M.J. The Myth of the Negro Past. N.Y., L.: Harper & Brothers Publishers. 1941.
- Introduction to new and alternative religions in America. Vol. 5. African diaspora traditions and other American innovations / Ed. by E.V. Gallagher, W.M. Ashcraft. Westport, Conn.; L.: Greenwood Press, 2006.
- Noor A. The supreme understanding: the teachings of Islam in North America. San Jose: Writers Club Press, 2002.
- Ingersoll E.P. Lost Israel Found, or The Promises made to Abraham, to Isaac, and to Jacob, all fulfilled in the Anglo-Saxon Race. Established in History, verified by prophecy. Topeka: Kansas Publishing House, 1886.
- Israel United in Christ // Official website of the Israel United in Christ [Yonkers, New York, 2021]. URL: <https://www.facebook.com/israelunited.inchrist>.
- Lincoln C.E., Mamiya L.H. The Black church in the African American experience. Durham, L.: Duke University Press, 1990.
- Masharah Yasharahla. The 12 tribes of Israel. Mission Statement // Official website of the Masharah Yasharahla [2018]. URL: <https://masharahyasharahla.com/>.
- Parfitt T. Black Jews in Africa and the Americas. Cambridge, Mass.: Harvard Univ. Press, 2013.
- Pinn A.B. The African American religious experience in America. Westport, Conn.: Greenwood Press, 2006.
- Wilson J. Our Israelitish Origin: Lectures on Ancient Israel, and the Israelitish Origin of the Modern Nations of Europe. L.: Nisbet and Co., 1840.

Прилуцкий Виталий Викторович, д.и.н., профессор, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; vitaliyp@yandex.ru

The Phenomenon of the Black Hebrew Israelites Movement Ideology of socio-religious protest of African Americans (late 19th– early 21 c.)

The article examines the features of the ideology of Black Hebrew Israelites in the United States, who professed various variants of alternative Judaism, in the context of the protest movement of African Americans. Its origin among African Americans in the late XIXth – early XXth centuries is shown. The analysis of the evolution of their views – from the moderate, based on the Old Testament tradition, among the supporters of the majority of the original organizations, to the radical – among a noticeable part of Black Hebrew Israelites, starting from the 1960s, is carried out. The emergence of a new religious movement was the reaction of part of the African American community to years of oppression and discrimination. The movement was a form of protest among African Americans who sought to profess Judaism and declared themselves as "the true Israel". Religious radicals and nationalists distorted the history of the countries and peoples of the Middle East and Africa in order to promote the idea of the superiority of the black race. The adoption of Judaism meant a break with the dominant religion and socio-cultural values. Black Hebrew Israelites have become a special subculture and one of the varieties of the African American religion, close in ideology and structure to the churches of "black Christianity". It is shown that, despite the marginality, relative isolation and small numbers, the extremist wing of Black Hebrew Israelites had a significant impact on the formation of key ideas of "hate groups" defending black nationalism and separatism in the United States.

Keywords: *religious history of the USA, Black Hebrew Israelites, the ideology of radical African American sects focusing on Judaism, "hate groups" in the United States, the protest movement of African Americans in the late XIX – early XXI centuries.*

Vitaliy V. Prilutskiy, Dr. Sc. (History), Professor, Department of General History and International Relations, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky; vitaliyp@yandex.ru

ВИШВА ХИНДУ ПАРИШАД: ИСТОРИЯ НА ЭКСПОРТ

Индийская диаспора является одной из крупнейших и влиятельных в мире, её численность превышает 30 млн чел. Индийцы в настоящее время расселены во множестве стран мира, их миграции способствовала сначала колониальная политика британцев, затем — изменение экономической ситуации в мире. Поэтому она имеет особое значение для современной Индии не только в контексте внешней политики страны как составляющая «мягкой силы», но и в плане распространения индийских традиций и ценностей, в т.ч. сведений об историческом прошлом страны. В настоящее время господствующее положение занимают последователи идеологии хиндутвы, соединённые в единую сеть организаций — Сангх паривар, где вопросом защиты и распространения традиций и ценностей индийцев занимается Вишва хинду паришад (ВХП). В статье показано, как сформировалась историческая концепция хиндутвы, какова роль в этом процессе у Вишва хинду паришад, какие методы используются для распространения концепции в странах с крупными индийскими диаспорами, в первую очередь на Западе, и как с процессом экспорта данной концепции связаны индологи-сторонники идеологии индусского национализма.

Ключевые слова: *Индия, индуизм, диаспора, хиндутва, Вишва хинду паришад, история.*

Немалую роль в жизни многих стран мира играют различные диаспоры – часть народа (этнуса), проживающая вне страны своего происхождения, образующая сплочённые и устойчивые группы в стране пребывания, и имеющая социальные институты для поддержания и развития своей идентичности и общности. Миграция части того или иного народа осуществляется из-за географических (изменение природно-климатических условий, стихийные бедствия), экономических (низкий уровень жизни, высокая безработица, отсутствие карьерных перспектив) и политических (гражданские войны, нестабильность правящих режимов) причин, делающих невозможным дальнейшее проживание на родине. Человечество на протяжении всей своей истории из-за разных катастроф переселялось на территории планеты, образуя крупные миграционные волны. Сегодня наблюдается очередная миграционная волна, связанная с переселением выходцев из бедных и политически нестабильных стран Азии и Африки в более богатую и благополучную Европу. Взаимодействие с диаспорами составляют неотъемлемую часть более широкого круга контактов между народами Запада и Востока.

Отношения с проживающими за рубежом соотечественниками являются важным направлением внешней политики многих стран, в т.ч. и Российской Федерации. Диаспора может играть заметную роль в сохранении национальной культуры и формировании национального самосознания, она старается поддерживать связь со страной своей исторической принадлежности и оказывает влияние на политику страны пребывания. Крупные диаспоры способны создавать национальные предприятия, состоящие из представителей конкретного этноса, что способствует

их быстрой экономической интеграции, они выступают в защиту своих членов в экономических и социальных конфликтах, оказывают им различные услуги, что способствует их адаптации в незнакомых условиях. Для некоторых стран диаспора, оказывающая политическую и экономическую поддержку исторической родине, играет особо важную роль. Одной из таких стран является Индия.

История индийской диаспоры

Индийская диаспора – одна из крупнейших в мире. Её формирование и развитие имело несколько этапов. Первый этап пришёлся на 1833–1917 гг., когда британские колонизаторы переселили почти 30 млн чел. на территории своих колоний в Индийском океане, в Африке и в Карибском бассейне. 24 млн переселенных впоследствии вернулись на родину¹. Это поколение индийской диаспоры получило название «потерянное», поскольку переселенцы потеряли связь с родиной и испытывали сложности с адаптацией на новом месте пребывания, сталкиваясь с проявлениями расизма. Благодаря первой волне миграции сформировались устойчивые этнические общности индийцев в странах Африки, Карибского бассейна, некоторых соседей Индии (Непал, Шри-Ланка). В тот же период индийцы, в основном сикхи, активно переселялись в Северную Америку (США, Канаду). В 1910-е гг. начался процесс получения переселенцами американского гражданства, но после принятия в США Закона об иммиграции в 1917 г.² и запрета на получение гражданства в 1922 г. поток индийцев в Америку снизился и стал более нелегальным. Представители зарождавшейся в начале XX века индийской интеллигенции выезжали на учёбу и работу в метрополию – Великобританию.

Второй этап, начавшийся в 1960-е и продолжающийся по настоящее время, характеризуется тем, что индийцы уезжали за границу, сохраняя гражданство и связи с родиной. Выделяются два направления миграции: элита и интеллигенция продолжают уезжать на Запад – в США, Великобританию, Канаду, средний класс и разнорабочие – в страны Ближнего Востока (ОАЭ, Саудовская Аравия, Кувейт, Катар и др.)³ Продвижению индийцев способствовали усиление добычи углеводородов (нефти и газа) и рост благосостояния стран, живущих за их счёт (в первую очередь, это касается Ближнего Востока), смягчение миграционного законодательства в странах пребывания: в США новый закон о миграции принят в 1965 г., в Канаде – в 1976 г., в Великобритании – в 1962 (для стран Содружества наций) и 1971 г., в Австралии – в 1975 г.

На сегодняшний день индийская диаспора насчитывает около 32 млн чел., из которых значительная доля проживает в США (4,9 млн),

¹ Лунёв 2023: 135.

² Закон об иммиграции 1917 г. был направлен на ограничение иммиграции в США путём введения тестов на грамотность мигрантов, создания новых категорий лиц, которым не разрешён въезд в страну, и запрета иммиграции из стран Азиатско-Тихоокеанского региона, включая Индию.

³ Лунёв 2023: 141.

ОАЭ (3,4 млн), Саудовской Аравии (2,6 млн), Малайзии (2 млн), Мьянме (2 млн), Великобритании (1,6 млн), Канаде (1,4 млн), ЮАР (1 млн). Такое количество проживающих за пределами Индии индийцев привлекает особое внимание политических деятелей на исторической родине, поскольку она стала важным элементом «мягкой силы» страны. Особый акцент на диаспоре делают представители индуэской националистической идеологии – хиндутвы, о которой пойдёт речь далее.

История идеологии хиндутвы

Хиндутва (санскр. हिन्दुत्व «индуэскость»), которую многие исследователи обозначают как «индуэский национализм» – концепция социальной и политической мысли современной Индии, основанной на коренных духовных и культурных традициях Индийского субконтинента, прежде всего на индуизме как господствующей религии. Слово «индуизм» на протяжении всей истории использовалось для обозначения местных традиций и обычаев коренных народов Индии. Только в конце XVIII в. это слово стало широко использоваться с религиозным подтекстом. Поскольку индуизм не представляет собой единую идентифицируемую религиозную группу, а является совокупностью религиозных традиций и философских школ, такие термины, как «индуэский национализм», «индуизм», в рамках националистического дискурса не имеют какого-то одного значения и считаются проблемными в научной среде.

Хиндутва как политическое движение и идеология появилась на фоне масштабного реформаторского движения в индуизме в период британского колониального правления. Целью этого движения было «очищение» индуизма и приведение его религиозно-этических норм к современной жизни с учётом привнесённых из Запада, в первую очередь из Великобритании, идей и установок. Следует отметить разницу в подходах к реформированию, поскольку одни идеологи стремились полностью порвать с прошлым и, по сути, создать ценности индуизма заново, а другие – сохранить богатое индуэское наследие, адаптируя его к современным реалиям. Реформаторское движение в индуизме связано с именами таких деятелей и организаций, как Рам Мохан Рой (1772–1833) и его «Брахмо самадж», Дайананда Сарасвати (1824–1883) и «Арья самадж», Свами Вивекананда (1863–1902), Шри Ауробиндо Гхош (1872–1950). В период национально-освободительного движения индуизм стал одним из атрибутов политической борьбы за независимость, с его помощью обосновывались идеи национального единства индийцев и попытки придать движению общенациональный характер. В частности, индуизм стал одной из основ политического учения Бала Гангадхара Тилака (1856–1920), Лала Раджпата Раи (1865–1928), Мадана Мохана Малавии (1861–1946) и других борцов за независимость Индии. К ценностям индуизма обращался и Махатма Ганди (1869–1948), общепризнанный лидер индийского национально-освободительного движения.

В этот же период формируется и крайне правая ветвь движения за независимость Индии. Термин «хиндутва» впервые ввёл в оборот

Чандранатх Басу (1844–1910), индийский литератор, опубликовавший в 1892 г. труд «Хиндутва. Подлинная история индусов»⁴, где он сформулировал идеи о создании в Индии на основе классической индийской философии системы ценностей, альтернативной привнесённой извне британцами. Басу изобразил индусов как единственных существ, которые обрели духовное сознание, фундаментально превосходящих людей всех других вероисповеданий, чьи традиционные социальные обычаи и практики намного превосходили западную культуру и образ жизни. Он одним из первых выступил категорически против обращений в другие конфессии и настаивал на том, что Индия не место для иностранных религий, таких как ислам и христианство. Окончательное признание термин получил после его использования Винаяком Дамодаром Саваркар (1883–1966) в его основном труде «Hindutva: Who is a Hindu?»⁵, изданном в 1923 г. Для Саварка хиндутва включает в себя всё индийское. Её можно определить формулой «раштра, джати, санскрити» (до словно можно перевести как «страна, нация, культура»), что подразумевает под собой единство нации вне зависимости от кастового статуса на основе общей культуры и ценностей. Саваркар включил в свою концепцию хиндутвы все индийские религии, а это помимо индуизма, ещё и буддизм, джайнизм и сикхизм, поскольку они являются носителями общей культуры. Главными же врагами сторонников хиндутвы объявлялись ислам и христианство. Эти идеи впоследствии развил в своих трудах Мадхав Садашив Голвалкар (1906–1973)⁶, которые станут основой программ, уставов и других подобных документов политических, культурных и общественных организаций-сторонников хиндутвы.

Таковыми организациями на сегодняшний день являются Раштрия сваямсевак сангх⁷ (РСС), военизированная организация индусских националистов, также являющаяся крупнейшей некоммунистической организацией в мире, Бхаратия джаната парти⁸ (БДП), одна из двух крупнейших партий в Индии вместе с Индийским национальным конгрессом (ИНК), Вишва хинду паришад⁹ (ВХП), религиозная организация, занимающаяся защитой индуизма, его традиций и ценностей, а также его распространением в Индии и за её пределами, и многие другие, которые в 1960-е гг. были объединены в Сангх паривар («Семья союза») под верховным руководством РСС.

⁴ Basu 1892.

⁵ Savarkar 1923.

⁶ Golvalkar 1939; 1966.

⁷ Раштрия сваямсевак сангх (РСС, «Союз добровольных слуг родины») основана в 1925 г., штаб-квартира – в Нагпуре, штат Махараштра, верховный лидер-сарсангхачалак — Мохан Бхагват.

⁸ Бхаратия джаната парти (БДП, «Индийская народная партия»), основана в 1980 г. на базе предшественников — «Бхаратия джан сангх», существовавшего в 1951–1977 гг. и «Джаната парти», существовавшей в 1977–1980 гг., штаб-квартира – в Дели, президент – Джагат Пракаш Надда.

⁹ Вишва хинду паришад (ВХП, «Всемирный совет индусов») основана в 1964 г., штаб-квартира – в Дели, президент – Рабиндра Нараян Сингх.

Именно Вишва хинду паришад отвечает в рамках Сангх паривар за консолидацию всех индусов под знаменем ценностей индуизма, в первую очередь среди диаспоры, поскольку сторонники хиндутвы обеспокоены культурным и нравственным состоянием индийцев, живущих за границей. На сегодняшний день ВХП имеет офисы в 27 странах мира, где сосредоточены крупнейшие диаспоры. Эти филиалы можно разделить по региональному признаку: Европа и Северная Америка (США, Канада, Великобритания, Германия, Нидерланды, Норвегия), Карибский регион (Гайана, Суринам, Тринидад и Тобаго), Южная, Юго-Восточная Азия и Океания (Шри-Ланка, Непал, Таиланд, Мьянма, Гонконг, Тайвань, Малайзия, Сингапур, Индонезия, Австралия, Новая Зеландия, Фиджи), Африка (ЮАР, Кения, Танзания, Маврикий). За пределами Индии ВХП занимается образовательными проектами, строительством мандиров (индусских храмов), участием в благотворительных и социальных мероприятиях, организацией индусских религиозных фестивалей и праздников и так далее. Немалую роль сторонники хиндутвы уделяют историческому прошлому Индии и распространению знаний о ней в собственной интерпретации, о которой пойдёт речь в данной статье.

Историческая концепция хиндутвы: становление и развитие

Формирование националистической интерпретации истории Индии началось задолго до появления Вишва хинду паришад, в период британского колониального правления. На данный дискурс серьёзное влияние оказали идеи британских ориенталистов XVIII–XIX вв. – А. Доу¹⁰, Дж.З. Холуэлла¹¹, У. Джонса¹², а также немецкого учёного Ф.М. Мюллера¹³, которые представляли Индию как древнюю, великую цивилизацию, давшую миру богатое культурное наследие, «страну мудрецов». Немалый интерес для ориенталистов представлял санскрит как язык «тайной мудрости», на обязательном изучении которого впоследствии будет настаивать ВХП. Не меньшее восхищение вызывало брахманское религиозное учение, у которого ориенталисты собирались учиться мудрости. Однако акцент в их работах касался преимущественно древней истории страны, средневековье и последующие эпохи оценивались как бесконечный упадок, застой, связанный в т.ч. с иноземными нашествиями. Их взгляд на историю представлял собой деление прошлого Индии на «хорошие» и «плохие» времена, где в «хорошей» древности господствовал чистый санскрит, ортодоксальный «брахманский» индуизм, были мощные империи с сильной властью правителей-раджей (Маурьи, Гупты)¹⁴. Интерес к древней Индии был обусловлен стремлением провозгласить Британскую империю наследницей древней и средневековой истории страны и гарантом сохранения закона и порядка.

¹⁰ Dow 1768, 1770-1772.

¹¹ Holwell 1775.

¹² Jones 1806.

¹³ Muller 1878; 1883.

¹⁴ Ванина 2009: 168.

Именно такой дискурс был воспринят индийскими историками националистического направления уже в XIX в. Это связано с деятельностью бабу – так называли представителей индийской элиты, получившей европейское образование и занимавшей важнейшие государственные посты в колониальный период. В первой половине XIX в. они активно отстаивали необходимость британского правления в Индии. Впоследствии с внедрением британцами различных социальных реформ в индийском обществе выделилась консервативная часть элиты, защищавшая своё прошлое, в т.ч. традиционную культуру¹⁵. Усиление колониального гнёта, расистское отношение колонизаторов к местному населению, в т.ч. образованному, презрение к истории подчинённой страны, которую почти не изучали в учебных заведениях, усилили антиколониальные и патриотические настроения в индийской элите во второй половине XIX в. Следствием стал рост интереса элиты к историческому прошлому, создание книг и газет об истории Индии на местных языках и их активное распространение. Центром исторических исследований в колониальной Индии стала Махараштра, где впоследствии будет образована Раштрия сваямсевак сангх, поскольку там жива память о великом правителе Шиваджи¹⁶ (1630–1680) и его великих подвигах (её активно будет эксплуатировать Бал Гангадхар Тилак – лидер радикального крыла ИНК на рубеже XIX–XX вв. через проведение праздников в честь Шиваджи).¹⁷ Изучение отечественной истории, обсуждение ее проблем все больше воспринималось как общественное служение, считалось жизненно важным делом не только и не столько историков-профессионалов, сколько образованных патриотов. История стала фундаментом антиколониальной борьбы и конструирования единой индийской нации. Целью индийских историков того времени было пробудить в населении гордость историческим прошлым своей родины. Построение национального единства Индии было связано с вопросом об источнике объединения населения в единую нацию в условиях конфессионального и этнокультурного разнообразия. В попытке ответить на этот вопрос и возникла идеология хиндутвы со своей интерпретацией истории Индии.

Основной исторической концепции хиндутвы, описанной в работах Саваркара и Голвалкара, является заимствованная у ориенталистов идея древней истории как «золотого века» в истории Индии. Ведийский период был эпохой процветания, равенства, свободы, расцвета науки и культуры, духовности, высокой морали, «правильного» индуизма. Регулярно в исследованиях использовались фрагменты народных эпосов

¹⁵ Ванина 2014: 109–110.

¹⁶ Шиваджи – создатель и первый правитель государства маратхов, много лет воевавший с империей Великих Моголов и побеждавший их. Считается национальным героем Индии, в честь него названы многие объекты в Индии, в том числе железнодорожный вокзал и аэропорт Мумбаи – крупнейшего города страны.

¹⁷ Ванина 2009: 172.

«Рамаяна» и «Махабхарата». Во время правления Маурьев появился первые враги индуизма – буддизм и джайнизм¹⁸. Негативно освещалось правление Ашоки – самого известного правителя династии Маурьев, который был буддистом. Его обвиняли в лишении индусов «боевого духа» из-за внедрения идеи ненасилия, исповедуемого буддистами (первым эту мысль высказал Саваркар¹⁹). С этого времени отсчитывается деградация индийского общества и государства, сопровождающаяся иноземными вторжениями, внутренними конфликтами, кастовой дискриминацией, падением морали, нищетой, падением уровня образования и т.д. Деградация сопровождалась и редкими всплесками возрождения «индусского духа»: деятельностью «объединителя индуизма» Шанкарачарья²⁰ (788–820), правлением раджпут²¹, подвигами упомянутого Шиваджи, распространением бхакти²². Главным врагом после ухода буддизма из Индии стали мусульмане, поскольку они разрушали мандиры (индусские храмы) и строили мечети, уничтожали брахманов-главных носителей индусских ценностей и традиций, внедряли в Индии свои традиции, не свойственные местной культуре. Средневековая история Индии – борьба индусов против мусульманских захватчиков²³.

Причиной колониального гнёта сторонниками хиндутвы считается деградация местной элиты, принявшей чужие ценности и забывшая свои корни. В стремлении консолидировать индийцев и вовлечь их в массовое антиколониальное движение они апеллировали прежде всего к религиозным чувствам и к индийской идентичности. Вся индийская культура сводилась только к санскритской, брахманской традиции как прямой наследнице «арийской цивилизации». Исторические факты проверялись, не совпадающие с новой идеологией факты исключались, вклад неарийских народов и представителей иных религиозных течений не учитывался. Одной из важнейших составляющих такого взгляда на историю станет «теория исхода из Индии», которая обосновывает индийское про-исхождение всех индоевропейских народов, языков, традиций и ценностей, в т.ч. индуизма. «Теория исхода из Индии»²⁴ станет впоследствии противовесом теории «арийского вторжения», согласно которой социальное устройство Индии (система варн и каст) было привнесено

¹⁸ Ванина 2014: 155.

¹⁹ Savarkar 1923.

²⁰ Шанкарачарья – один из первых реформаторов индуизма, создатель адвайта-веданты — философского учения о тождестве человеческого и мирового духов.

²¹ Раджпуты – военно-феодалное сословие Западной, Северной и Центральной Индии. В период средневековья были активными защитниками индуизма.

²² Бхакти – средневековый индусский мистицизм, комплекс учений, проповедовавший экстатическую любовь к личному, «желанному» богу.

²³ Ванина 2009: 117.

²⁴ «Теория исхода из Индии» - гипотеза о возникновении индоевропейских народов и языков на территории Индостана. Появилась в конце XVIII в. усилиями немецкого писателя и философа Фридриха Шлегеля (1772-1829). Её сторонники опираются при доказательстве гипотезы на санскритскую литературу. Отвергнута после проведения лингвистических исследований индоевропейских текстов.

но, предположительно, из территории древнейшей культуры (3200–2300 гг. до н.э., занимала площадь от южного Урала на востоке до Днепра на западе и среднего Поволжья на севере до Кавказа на юге).

С обретением независимости в 1947 г. распространение идеи хиндутвы не прекратилось, несмотря на запрет РСС в 1948 г. после убийства Махатмы Ганди её активистом Натхурамом Годзе. Её сторонники стали организовывать собственные институты для распространения индусской концепции истории Индии. Первым таким институтом стал Бхаратия видья бхаван («Дом индийского знания»), основанный в 1938 г. в Бомбее (ныне – Мумбаи) Канхалаялом Мунеклалом Мунши²⁵ (1887–1971), одним из идейных вдохновителей ВХП. Этот институт с 1951 г. стал публиковать многотомник «История и культура индийского народа», ставшей самой крупной публикацией, освещающей историю Индии с точки зрения хиндутвы²⁶. Дело Бхаратия видья бхаван продолжил созданный в 1965 г. в Дели Пурушоттамом Нагеш Оаком (1917–2007) «Институт по переписыванию истории Индии», который при непосредственном участии его создателя радикализировал историческую концепцию, посчитав, что всё созданное в мире человечеством – индусского происхождения (в первую очередь, речь шла о религиозных сооружениях, преимущественно мусульманских).²⁷ Публикации этого института на рубеже XX–XXI вв. стали приобретать большую популярность, особенно в учебных заведениях, находящихся под патронажем Вишва хинду паришад, отвечающей в том числе за «правильное» образование индийских детей и молодежи. С созданием в 1964 г. Вишва хинду паришад занималась распространением данной концепции истории, поскольку она отвечает одной из основных целей – пропаганде и защите ценностей и традиций индуизма. ВХП открывала собственные школы, где образовательный процесс построен исключительно в духе хиндутвы, в речах религиозных деятелей-членов организации увеличилось отсылки к историческому прошлому, в главном печатном органе ВХП – журнале «Хинду вишва» выходили статьи на историческую тематику.

Немалую роль в распространении концепции хиндутвы сыграли политические изменения в Индии. В 1980-е гг. началась «рамаизация» политической жизни, связанная с восстановлением храма Рамы на месте мечети Бабура в Айодхье (штат Уттар-Прадеш). ВХП была в авангарде этого движения, проводя религиозные демонстрации и шествия²⁸. Пи-

²⁵Канхалаял Мунеклал Мунши – историк, писатель, политический деятель из Гуджарата, брахман, был министром внутренних дел Бомбея в качестве члена партии ИНК. Активный сторонник концепции Акханд Бхарат («Неделимая Индия») – термин, обозначающий концепцию единой Великой Индии, включающей не только территорию Республики Индия, но и территорию Пакистана, Бангладеш, Непала, Бутана, Мьянмы, Мальдив, Шри-Ланки, Тибета, Афганистана. Активно поддерживается РСС и ВХП.

²⁶ Ванина 2014: 228-230.

²⁷ Ванина 2014: 230-232.

²⁸ В 1983 г. была проведена первая Экатмата ятра – колесничий агитационный марш с требованиями религиозного характера. Является первой крупной и общенацио-

ком процесса «рамаизации» стал декабрь 1992 г., когда мечеть Бабура была разрушена и начались межконфессиональные столкновения инду-сов и мусульман. Начиная с 1990-х гг. политический союзник ВХП – Бхаратия джаната парти (БДП) стала приходить к власти сначала на уровне штатов, затем в 1998 г. – на общеиндийском уровне. Их приход к власти сопровождался образовательными реформами, включающими переписывание учебников истории в духе хиндутвы. Помимо древней и средневековой истории, начался процесс переписывания и новой истории Индии: истинными героями становятся исключительно самые воинственные борцы с колониализмом (Шиваджи, Б.Г. Тилак и др.), правители Великих Моголов, некоторые реформаторы индуизма, лидеры национально-освободительного движения секуляристского толка либо игнорируются, либо преподносятся в негативном свете, на их месте возносятся новые герои (лидеры РСС или близкие к правым лидеры ИНК, такие как Валлабхаи Патель)²⁹. На сегодняшний день при премьер-министре Нарендре Моди этот процесс продолжает усугубляться и расширяться внутри Индии. При этом ВХП действует не только на родине, но и за границей в странах с многочисленной индийской диаспорой, которую данный процесс также не обходит стороной.

Распространение исторической концепции хиндутвы за пределами Индии

Одна из основных задач ВХП – активная работа с индийской диаспорой для привлечения её в идеологию хиндутвы. Самыми крупными филиалами ВХП за рубежом являются американский, британский и канадский, что связано не только с численностью диаспоры, которая приведена выше, но и их влиянием: экономическим (диаспора обеспечивает немалый приток денег в Индию, за рубежом работает много индийских фирм, крупнейшие компании Индии размещают свои акции на биржах США и Великобритании, выходцы из Индии возглавляют крупнейшие западные компании), интеллектуальным (многие индийцы, особенно представители элиты, получают образование в странах Запада, в первую очередь технические, индийские учёные работают в западных научных институтах и университетах), политическим (долгое время в правительстве Канады министрами обороны были выходцы из Индии Харджит Сингх Саджан и Анита Ананд, в канадском парламенте заседает 19 депутатов индийского происхождения, в британском – восемь, включая действующего премьер-министра Риши Сунака, индийские корни имеет действующий вице-президент США Камала Харрис). Поэтому именно в этих странах разворачиваются основные программы ВХП по распространению «правильного» восприятия Индии, в которое включается и соответствующая интерпретация исторического прошлого страны.

В США при местном отделении ВХП в 1990 г. был создан студен-

нальной кампанией ВХП.

²⁹ Ванина 2014: 235; Солодкова 2020: 190.

ческий совет индусов (Hindu Student Council, HSC), который на сегодняшний день действует в 70 университетах и колледжах США³⁰. HSC представляет собой форум для обсуждения и изучения среди студентов индусской дхармы, истории, культуры и методов решения проблем, с которыми они сталкиваются в Америке. На сайте совета есть блог, в котором члены организации публично высказываются о различных проблемах, в том числе исторических. Статей исторического содержания в блоге пока немного, в основном там преобладают заметки о прошедших мероприятиях HSC и рассуждения о религии. Самая первая статья на историческую тему датируется 2016 г., написал её некий Партих Парихар и называется «Ведийско-харапское наследие слова «индус»»³¹. В нём автор пытается доказать, что термины «индус» и «Индия» имеют собственно индийское происхождение, а индуизм и Индия не являются искусственными конструкциями, созданные иностранцами для управления огромной совокупностью различных этнических, языковых и культурных групп Индостана. Немалая доля статьи – критика марксизма, сторонники которого якобы хотели расчленить Индию и образовать на её месте несколько суверенных государств, провести «балканизацию» страны. Причём автор выделил в качестве «спасителя нации» Джавахарлала Неру, которого ВХП склонен критиковать, поскольку именно он «разоблачил» план «балканизации» Индии местными коммунистами на страницах американского журнала National Herald в 1946 г. Продолжателями дела Неру названы сторонники хиндутвы, последователи Неру изменили его идеям и примкнули к коммунистам. Что касается происхождения слова «индус», то автор подчёркивает ведическую связь, синхронизирующую центральный ведический ритуал со сакральной географией Индии, в частности ритуал фильтрации Сомы³², где Инду – «капли Сомы, отложенные на дне фильтра».

В другой статье Мансы Деваки (2020) сравнивались «Шримад Бхагавад-гита» Веда Вьясы и «Апология» Платона, в ней автор пишет, что учение о добродетели, мудрости, бессмертия души Кришны в «Шримад Бхагавад-гите» и Сократа в «Апологии» идентичны³³. В статье «Ганди и Гита: интерпретации карма-йоги, науки действия» Анвеш Джайн утверждает, что Махатма Ганди во время национально-освободительного движения вдохновлялся третьей главой «Бхагавад-гиты», посвященной карма-йоге, поскольку она «совершенно ясно раскрывает дух и природу правильных действий и показывает, как истинное знание должно выражаться в актах бескорыстного служения»³⁴. Именно карма-йога освободила Индию от британского колониального правления благодаря набож-

³⁰ Официальный сайт: <https://www.hindustudentscouncil.org>

³¹ Parihar 2016.

³² Сомы – одно из имён бога Луны Чандры, часто упоминающееся в Ригведе. Так же именуется напиток, употребляемый во время религиозных обрядов.

³³ Devaki 2020.

³⁴ Jain 2020.

ности ее народа, сыграла свою роль в построении индийской нации, «отличающейся кипучей жизненной силой, и граждан, охваченных стахановской решимостью управлять судьбой»³⁵.

В 1989 г. при поддержке американского отделения ВХП создан Индусский университет Америки в г. Орlando (штат Флорида). Он предоставляет студентам академическую среду для изучения индусской мысли, философии, традиций, культуры и цивилизации. Кроме изучения основ индуизма, санскрита, йоги, классической и современной индийской философии, в этом университете есть историческая программа. В ней помимо истории Индии и индуизма изучается также история Запада и западная философская мысль, начиная с античности и до наших дней. Акцент в изучении западной философии и истории делается на том, как «европейская (теперь западная) мысль создает фундаментальную поляризацию и конфликт между религией и наукой, разумом и откровением, религиозным и светским, традицией и современностью, прогрессизмом и регрессивизмом, частным и общественным, белыми и цветными и так далее»³⁶. Цель программы – дать студентам возможность участвовать в современных социальных и политических дебатах с точки зрения вдумчивого и критического размышления и адекватного исторического контекста. В данной программе есть следующие курсы: «Реконструкция индусской истории – упущения» (цель этого курса – изучить доказательства того, что обычно упускается из исторических повествований об индуизме в Индии, в большинстве школьных и университетских учебников, в первую очередь – западных)³⁷, «Реконструкция индусской истории – Комиссии» (целью этого курса является изучение доказательств происхождения индусов в связи с теориями арийского вторжения/миграции)³⁸, «Искажения в индийской историографии» (курс изучает феномен «негационизма» – систематического и по большей части преднамеренного отрицания исторических фактов по отношению к истории Индии в индийской исторической традиции, научное и политическое влияние различных форм манипулирования историей и перспективы их исправления, где особое внимание уделяется критике левой и светской историографии, курс ведёт Конрад Эльст, известный бельгийский индолог, ярый сторонник хиндутвы)³⁹, «Раса и современный индуизм» (курс изучает развитие расовой теории в Европе, вклад западных индологов в неё и влияние этой теории на индусских мыслителей), «Арьянизм и индология» (акцент в этом курсе дела-

³⁵ Jain 2020.

³⁶ History and Methods. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/academics/areas-of-study/history-and-methods/>

³⁷ Reconstructing Hindu History – The Omissions. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/courses/reconstructing-hindu-history-the-omissions/>

³⁸ Reconstructing Hindu History – The Commissions. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/courses/reconstructing-hindu-history-the-commissions>

³⁹ Distortions in Indian Historiography. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/product/distortions-in-indian-historiography/>

ется на понимании того, как индология по существу связана с арийской теорией, дискурс об этой теории лежит в основе всех усилий по датировке индусских текстов и периодизации истории Индии)⁴⁰ и др.

Особый акцент в университете делают на исследованиях влияния колониализма на историю Индии, этому посвящена отдельная программа. В ходе этой программы изучается «культурное наследие колониализма и империализма, уделяя особое внимание человеческим последствиям контроля и эксплуатации индусского общества и цивилизации», причём под колониализмом и империализмом подразумевают не только британское, но и мусульманское правление в Индии.⁴¹ Цели программы – восстановить доколониальное мировоззрение индусов, детально изучить реформы колонизаторов, направленные на изменение индусского сознания, комплексно исследовать искажения в индусском мировоззрении, внесённые европейцами и мусульманами и методы их устранения. В частности, изучаются и анализируются психологические и социологические последствия британских колониальных нарративов для индусов, а также то, как эти нарративы сейчас увековечиваются самими индусами в современной Индии для дальнейшей «деколонизации» сознания. При этом остаётся неизвестным, изучаются ли в ходе программы труды известной во всём мире школы Subaltern Studies⁴².

Кроме этого, вопросы «правильного» образования индусов за границей, включающего распространение соответствующей интерпретации истории, обсуждаются на многих конференциях, проводимых под эгидой ВХП. В первую очередь, это касается молодёжных конференций и выездных форумов, проводимых в США, Канаде, Великобритании и других странах. Исторические вопросы рассматриваются и во время конференций руководителей мандиров (НМЕС), где основное внимание уделяется состоянию индусских храмов и их роли в распространении индуизма среди диаспоры. Главной конференцией, где обсуждаются вопросы образования – Всемирный конгресс индусов, собирающийся раз в 4 года, в рамках которого проходит отдельный образовательный форум. В ноябре 2023 г. состоится очередной Всемирный конгресс индусов в столице Таиланда, Бангкоке. Ещё одной формой продвижения исторической концепции хиндутвы за рубежом является распространение соответствующей литературы. Книги идеологов хиндутвы

⁴⁰ Aryanism and indology. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/product/aryanism-and-indology/>

⁴¹ Postcolonial Hindu Studies. Hindu University of America. URL: <https://www.hua.edu/academics/areas-of-study/postcolonial-hindu-studies/>

⁴² Subaltern Studies – известная индийская историческая школа конца XX в., занимавшаяся постколониальными исследованиями, изучением роли масс в общественно-политической жизни периода колонизации, в первую очередь крестьян (subaltern часто переводится с английского как «подчинённый»). Исследования проводились не только в Индии, но и за границей, в т.ч. в США. Известные представители: Ранаджит Гуха (1923–2023), Гаятри Чакраворти Спивак (род. 1942), Партха Чаттерджи (род. 1947), Хоми Бхабха (род. 1949), Дипеш Чакрабартти (род. 1948).

Саваркара, Голвалкара, П.Н. Оака или современного историка Наваратны Шринивасы Раджарама (1943–2019) можно найти в свободном доступе в Интернете на различных площадках, в том числе на сайтах библиотек или Интернет-магазинов (прежде всего, Amazon). Немалую помощь ВХП в этом вопросе оказывают и сторонники этой концепции на Западе, чьи публикации также активно распространяются.

Известные историки – сторонники хиндутвы на Западе

Самым известным историком этого направления на Западе является уже упомянутый ранее бельгиец Конрад Эльст (род. 1959). Свою позицию он обозначил ещё в начале 1990-х годов, когда поддержал снос мечети Бабура в Айодхье. В своей монографии «Обновленная информация о дебатах об арийском вторжении» (1999) Эльст с помощью данных палеолингвистики пытался доказать «теорию исхода из Индии» и происхождение индоевропейского языка именно в Индии.⁴³ Свою приверженность хиндутве Эльст обосновал в книге «Деколонизация индусского разума» (2001), где утверждает, что необходимость «возрождения» индуизма проистекает из того факта, что враждебным религиям и идеологиям (в основном исламу) удалось физически уничтожить индуизм в определенных географических частях и социальных классах Индии и нейтрализовать индусский дух местного населения.⁴⁴ В 2017 г. опубликовал книгу «Почему я убил Махатму: понимание защиты Годзе», которая продолжает линию ВХП на восхваление и прославление убийцы Махатмы Ганди Натхурама Годзе⁴⁵. В феврале 2023 г. Эльст предлагает возобновить дискуссию о «теории исхода из Индии», поскольку влияние работ прошлого оказалось ничтожно малым и в неё по-прежнему не верит научное сообщество.⁴⁶

Придерживается концепции хиндутвы французский журналист и публицист Франсуа Готье (род. 1950). Он призывал к полному ревизионизму индийской истории, так как существующая историография прославляет колонизаторов и иностранных захватчиков. Готье также придерживается «теории исхода из Индии» и считает Конрада Эльста одним из самых знающих ученых по Индии и жалеет о том, что он практически не может публиковаться из-за своих взглядов. Единственное новшество, которое привнёс Готье – концепция индусского холокоста, который совершался мусульманами и по масштабу превосходил еврейский. Участвовал во Всемирном конгрессе индусов 2018 г. в Чикаго.

Не меньше известен его соотечественник Мишель Данино (род. 1956). В работе ««Затерянная река: по следам Сарасвати»⁴⁷ (2010), он условно отождествил легендарную реку Сарасвати, упоминаемую в Ригведе, с нынешней рекой Гаггар-Хакра, которая протекает на границе

⁴³ Elst 1999.

⁴⁴ Elst 2001.

⁴⁵ Elst 2017.

⁴⁶ Elst 2023.

⁴⁷ Danino 2010.

Индии и Пакистана. Также Данино известен своей биографией Шри Ауробиндо Гхоша, в которой он пытался показать причастность реформатора индуизма к «арийской теории».

В США активно распространяется книга «В поисках колыбели цивилизации» (1995) и поддерживавшая «арийскую теорию»⁴⁸. Её авторами являются немецкий индолог Георг Фейерштайн (1947–2012), американский историк науки индийского происхождения Субхаш Как и его коллега Дэвид Фроули (он же – Пандит Вамадева Шастри, род. 1950). Здесь Индия предстаёт как колыбель человечества, через исследование ведийских текстов обосновывается богатство духовности Индии и её актуальность для современного мира. Фроули за эту книгу, а также за исследования по Ведам, йоге, аюрведе получил в 2015 г. Падма бхушан – третью по значимости государственную награду Индии. Все эти авторы публикуют свои заметки в журнале «Хинду вишва» (англоязычная версия с момента основания в 1970 г. печатается под эгидой американского отделения ВХП, на родине публикуется только на хинди). В данном издании публикуются не только заметки об истории Индии, особенно об археологических раскопках в ареале Хараппской цивилизации и исследованиях на эту тему и современной историографии, но и статьи религиозного содержания, материалы о прошедших мероприятиях ВХП в США, политических и социально-экономических событиях в Индии. Тем не менее, истории Индии и её интерпретации уделяется немалое внимание. В частности, в №2 за 2022 год «Хинду вишвы» вышла статья на тему того, почему стоит убрать из учебников по истории Индии теорию «арийского вторжения»⁴⁹. Автор считает эту теорию плодом расового британского колониального мышления, в которой отрицается индийское происхождение индусской религии и культуры. Эта теория даёт повод для критики индуизма, его изображения как неполноценной религии, что по мнению ВХП – яркий пример хиндифобии. В качестве доказательств приводят соотношение датировки Ригведы с исследованием реки Сарасвати (по теории «арийского вторжения» Ригведа создана после него, в районе 1500 г. до н.э., сторонники хиндутвы датируют Ригведу около 5000 лет до н.э. по данным водоотведения Сарасвати, где в 1500 г. до н.э. река уже пересохла), археологическими данными с раскопок в ареале Хараппской цивилизации, генетическими доказательствами (отсутствие у индийцев внешнего генетического влияния в течение более чем 5 тысяч лет), отсутствием упоминания старой родины в Ведах, количеством найденных санскритских рукописей⁵⁰. Теория «арийского вторжения» имеет несколько социальных и психологических последствий: обесценивание культурного наследия Индии, негативные оценки индийской культуры извне, усиление расизма по отношению к индийцам, провоцирование межэтнических волнений (противопоставление

⁴⁸ Feuerstein, Kak, Frawley 1995.

⁴⁹ Bansal 2022.

⁵⁰ Bansal 2022: 18-19.

хиндустанского севера и дравидского юга), оправдание британских колонизаторов, что категорически не устраивает ВХП⁵¹. Данная статья имеет право претендовать на научность, поскольку написана она Джаем Бансалом, сотрудником университета Ватерлоо в Канаде, несмотря на то, что опубликована не в научном издании.

Можно сказать, что экспорт исторической концепции хиндутвы происходит через образовательные учреждения, проведение образовательных сессий на различных конференциях и распространение соответствующей литературы. ВХП в данном процессе занимает ведущую роль из-за своего статуса главного органа, отвечающего за распространение ценностей и традиций индуизма в диаспоре.

Вишва хинду паришад весьма активно занимается распространением концепции хиндутвы и его видения истории Индии не только на родине, но и за ее пределами, прежде всего в странах с крупной диаспорой – США, Великобритании, Канаде. Собственная концепция истории Индии является частью программы по распространению ценностей и традиций индуизма в диаспоре – одной из главных целей ВХП. Немалую роль играют и местные сторонники хиндутвы.

Это важно для научных исследований по истории различных диаспор и их интеграции в культурную традицию мест пребывания. В странах Запада в связи с большими миграционными потоками сформировались крупные диаспоры выходцев из стран Азии и Африки: турецкая – в ФРГ, арабская – во Франции, Италии, Испании, пакистанская – в Великобритании, курдская – в Швеции. Каждая из перечисленных групп имеет давнюю историю пребывания на Западе, взаимодействия с местным населением, культурой, в настоящее время выходцы из стран Востока обладают весомым политическим и экономическим влиянием в Европе. У каждого из восточных народов есть свой взгляд на прошлое исторической родины, который они пытаются распространить и в странах пребывания. Индийская диаспора здесь не является исключением.

Изучение экспорта исторической концепции хиндутвы среди индийцев за рубежом позволит в дальнейшем взглянуть на аналогичные процессы в других крупных диаспорах. Изучение исторических взглядов восточных диаспор приобретает все большее значение по мере дальнейшего развития миграционной ситуации в регионе и политики в этом направлении. В частности, по мере увеличения численности индийской диаспоры и её распространения по миру экспорт идей хиндутвы и деятельность ВХП будет расширяться, поэтому их историческая концепция останется в ближайшее время жизнеспособной и готовой к любым социальным и политическим изменениям. То же самое можно сказать и про представителей других восточных национальностей. Изучения их исторических взглядов позволит разработать методы дальнейшего межэтнического и межкультурного взаимодействия.

⁵¹ Bansal 2022: 20.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ванина Е.Ю. Индия: история в истории. М.: Наука – Восст. лит., 2014. 343 с. [Vanina Ye.YU. *Indiya: istoriya v istorii (India: history within history)*. M.: Nauka – Vost. lit., 2014. 343 p.].
- Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история // Вестник Российской нации. 2009. № 4 (6). С. 162-180. [Vanina, Ye.YU. *Proshloye vo imya budushchego: indiytskiy natsionalizm i istoriya (The Past for the Future: the Indian nationalism and history)*. // *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 2009. № 4 (6). S. 162-180.].
- Ванина Е.Ю. Прошлое во имя будущего: индийский национализм и история (продолжение). // Вестник Российской нации. 2009. № 5 (7). С. 108-129. [Vanina, Ye.YU. *Proshloye vo imya budushchego: indiytskiy natsionalizm i istoriya (prodolzheniye) (The Past for the Future: the Indian nationalism and history. Continuation)*. // *Vestnik Rossiyskoy natsii*. 2009. № 5 (7). S. 108-129].
- Лунев С.И. Развитие индийской диаспоры и ее влияние на внешнеполитическую стратегию Индии. // Вестник Института Востоковедения РАН. 2023. №4 (26). С. 134-149. [Lunev, S.I. *Razvitiye indiytskoy diaspory i yeye vliyaniye na vneshnepoliticheskuyu strategiyu Indii (Development of the Indian diaspora and its influence on India's foreign policy strategy)* // *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2023. №4 (26). S. 134-149.].
- Солодкова О.Л. Другое прошлое. Историческая политика и изменение исторической памяти в современной Индии. // Россия в глобальной политике. Ноя. -Дек., 2020. Т. 18. № 6 (106). С. 182-195. [Solodkova, O.L. *Drugoye proshloye. Istoricheskaya politika i izmeneniye istoricheskoy pamyati v sovremennoy Indii (Another Past. Historical politics and changes in historical memory in modern India)*. // *Rossiya v global'noy politike*. Noya. - Dek., 2020. Tom 18. № 6 (106). S. 182-195.].
- Bansal J. *Aryan Invasion Theory. Why It Must Be Purged From School Textbooks* // *Hindu Vishwa*. Vol. LII. №2. 2022. P. 16-21.
- Basu C. *Hindur Prakrita Itihas*. Calcutta, 1892. 424 p.
- Danino M. *The Lost River: On The Trail of the Sarasvati*. Delhi: India Penguin, 2010. 368 p.
- Devaki M. *Analysis of Commonalities: The Srimad Bhagavad Gita and Plato's Apology*. // HSC Blog, 19 Jul 2020. URL: <https://www.hindustudentscouncil.org/2020/analysis-of-commonalities-the-srimad-bhagavad-gita-and-the-apology>.
- Dow A. *The History of Hindostan; from the earliest account of time, to the death of Akbar; tr. from the Persian of Mahummud Casim Ferishta of Delhi; together with a dissertation concerning the religion and philosophy of the Brahmins; with an appendix, containing the history of the Mogul empire, from its decline in the reign of Mahummud Shaw, to the present times by Alexander Dow*. Vol. I-II. L.: Print. for T. Becket, and P.A. De Hondt, 1768. 298 p.
- Dow A. *The history of Hindostan, from the death of Akbar, to the complete settlement of the empire under Aurunzebe. To which are prefixed, J. A dissertation on the origin and nature of despotism in Hindostan. II. An enquiry into the state of Bengal; with a plan for restoring that kingdom to its former prosperity and splendor. By Alexander Dow*. Vol. III. L.: Printed for T. Becket and P.A. De Hondt, 1770-1772. 590 p.
- Elst K. *Decolonizing The Hindu Mind*. Delhi: Rupa Publications India, 2001. 646 p.
- Elst K. *Let the "Aryan" Debate Become a Debate Again*. // *Hindu Vishwa*. Vol. LIII. №1. 2023. P. 30-32.
- Elst K. *Update on the Aryan Invasion Debate*. Delhi: Aditya Prakashan, 1999. 342 p.
- Elst K. *Why I Killed the Mahatma: Understanding Godse's Defence*. Delhi: Rupa Publications India, 2017. 240 p.
- Feuerstein G., Kak S., Frawley D. *In Search of the Cradle of Civilization: New Light on Ancient India*. N.Y., Quest Books, 1995. 341 p.
- Golwalkar M. S. *Bunch of Thoughts*. Bangalore, 1966. 437 p.
- Golwalkar M. S. *We, or our nationhood defined*. Nagpur: Bharat publications. 1939. 148 p.
- Holwell J.Z. *Interesting Historical Events, Relative to the Provinces of Bengal, and the Empire of Indostan*. Vol. I. L.: Printed for T. Becket and P.A. De Hondt, 1775. 589 p.
- Jain A. *Gandhi and the Gita: Interpretations of Karma-Yoga, the Science of Action*. // HSC Blog, 30 Nov 2020. URL: <https://www.hindustudentscouncil.org/2020/gandhi-and-the-gita>.
- Jones W. *The Third Anniversary Discourse (delivered 2 February, 1786, by the President, at the Asiatic Society of Bengal)* // *The Works of Sir William Jones. With a Life of the Author, by*

- Lord Teignmouth [John Shore]. Vol. III. L.: John Stockdale and John Walker, 1806. P. 24-46.
- Muller F.M. India: what Can It Teach Us? A Course of Lectures Delivered before the University of Cambridge. L.: Longmans; Green, 1883. 402 p.
- Muller F.M. Lectures on the origin and growth of religion as illustrated by the religions of India. L.: Longmans; Green, 1878. 394 p.
- Parihar P. Vedic-Harrapan Legacy of the Word 'Hindu' // HSC Blog, 4 Aug 2016. URL: <https://www.hindustudentscouncil.org/2016/vedic-harrapan-legacy-of-the-word-hindu>.
- Savarkar V. D. Hindutva: Who Is a Hindu? Hindi Sahitya Sadan, 1923. 141 p.
- Зайцев Андрей Алексеевич**, аспирант, ИВ РАН, Центр индийских исследований; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

Vishva Hindu Parishad: History for Export

The Indian diaspora is one of the largest and most influential in the world with more than 30 million people. Indians are currently settled in many countries around the world; their migration was facilitated first by the colonial policy of the British, then by changes in the economic situation in the world. Therefore, it plays a special significance for modern India, not only in the context of the country's foreign policy as a component of "soft power", but also in terms of disseminating Indian traditions and values, including information about the country's historical past. At present, the dominant position is occupied by followers of the Hindutva ideology, united in a single network of organizations of its supporters, which is the Sangh Parivar, where the Vishva Hindu Parishad (VHP) is engaged in the protection and dissemination of the traditions and values of Indians. The article indicates how the historical concept of Hindutva was formed, what is the role of the Vishva Hindu Parishad in this process, what methods are used to spread the concept outside of India in countries with large Indian diasporas, primarily in the West, and how Indologists who support the ideology of Hindu nationalism are connected with the process of exporting this concept.

Keywords: *India, Hinduism, diaspora, Hindutva, Vishva Hindu Parishad, history.*

Andrey A. Zaytsev, postgraduate student, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Center for Indian Studies; andrey.zaytsev1998@yandex.ru

ХАДЖ 1969 г. В ДОКУМЕНТАХ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РЕЛИГИЙ

Для мусульманина любой страны поездка в хадж всегда была мечтой, ради которой будущий паломник готов был преодолевать множество барьеров: проблемы длительного пути, его немалая цена, тяжелая акклиматизация и т.д. В СССР самым главным из таких барьеров была господствующая в государстве идеология. Подготовка к отправке паломников начиналась примерно за три месяца до их вылета в Саудовскую Аравию, а после прилета в Москву, паломники оформляли отчеты для Совета по делам религий при Совете Министров СССР (СДР). При этом часть из паломников получали помощь от работников СДР при подготовке отчетов, что вполне объяснимо: эти документы изучались в Совете Министров СССР, в Центральном комитете КПСС и в Министерстве иностранных дел СССР.

Ключевые слова: Совет по делам религий, хадж, духовные управления мусульман, муфтий, паломник, врач, СМИ, Аль-Азхар, Египет, Саудовская Аравия.

Многие ученые и политики проявляют интерес к истории СССР и разным аспектам его внутренней и внешней политики, в т.ч. к религиозной политике. Ряд исследователей предлагали считать коммунистическую, советскую, марксистско-ленинскую идеологию религией особого толка. Эти взгляды на примере 66 работ разных авторов и авторских коллективов – отечественных и зарубежных – проанализированы Ф.Л. Сеницыным¹. Интерес у многих ученых вызывает и такой аспект религиозной политики СССР, как государственно-мусульманские отношения. Некоторые специалисты изучала деятельность органов власти Советского государства и духовных управлений мусульман по организации хаджа – паломничества к святым местам, расположенным в Королевстве Саудовская Аравия (КСА). С учетом современных реалий – постоянного роста количества российских мусульман, выезжающих в КСА на хадж, так, например, в 2023 г. КСА разрешило приехать на хадж 25000 россиянам, а в 1992 г. их было всего лишь 8000 человек.

Вместе с тем, появившиеся за последние годы работы о государственно-мусульманских отношениях в советское время носят ярко выраженный не только антисоветский, но и антироссийский характер. Так, в книге Е. Тасара (США) есть глава, название которой можно перевести следующим образом: «Хадж как пропагандистский фронт»². Несмотря на то, что автор работал в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) с фондом Ф. Р-6991 «Совет по делам религий при Совете Министров СССР», охватывающим хронологические рамки с 1943 г. по 1991 г., он приводит данные по хаджу советских мусульман только за 1962, 1972 и 1976 гг. Е. Тасар ссылается на данные Центрального Государственного архива Республики Узбекистан, не берет во внимание документы ГАРФ – куда стекалась информация по самым разным во-

¹ Сеницын 2023: 139–155.

² Tassar 2017: 262–276.

просам религиозной политики со всего СССР. К таким же работам относится книга А. Кейн (США). Несмотря на название книги, в главе 5 «Хадж и социалистическая революция» автор не называет ни одной фамилии советских паломников и заканчивает главу рубежом 1920-х и 1930-х гг., а в Заключении, озаглавленном «Российский хадж в XXI веке» делает некорректные выводы, обвиняя Российскую Федерацию в имперской политике³. При этом А. Кейн не приводит, в противовес политике России, мотивы руководства США по помощи или препятствованию мусульманам этого государства совершать хадж.

Цель статьи – показать опыт деятельности Советского государства по строительству отношений с мусульманами СССР в преломлении через организацию хаджа в 1969 г., в эпоху, как тогда говорили, развитого социализма. Документальную основу исследования составили два дела из четвертой описи «Совет по делам религиозных культов при Совете Министров СССР. Опись документальных материалов постоянного хранения» за 1944–1965 гг. четыре дела из шестой описи «Совет по делам религий при Совете Министров СССР» за 1966–1991 гг., входящая в фонд «Р-6991 – Совет по делам религий при Совете министров СССР» и одно дело из шестидесятой описи третьего фонда «Политбюро ЦК КПСС. 1952–1990 гг.», хранящегося в Российском государственном архиве новейшей истории (РГАНИ). Эти источники отражают изменение в религиозной политике высшего партийно-государственного руководства и в строительстве государственно-мусульманских отношений.

В научный оборот вводятся десять документов из четырех дел шестой описи фонда Р-6991, хранящегося в ГАРФ. Из дела 128 «Материалы о зарубежных связях Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана, Московской Мечети и других мусульманских организаций (справки, письма). Т. 4» (15 ноября 1967 – 16 ноября 1969) проанализирован «Отчет о поездке в арабские страны Магриба», который подготовил в декабре 1969 г. младший научный сотрудник Института востоковедения, член правления общества «СССР – Сирия» Ш. Бабаханов, ставший в 1982 г. председателем Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана. Из дела 262 проанализированы «Краткая информация о пребывании в Мекке паломников из Таджикистана» для центрального аппарата СДР (подписана в конце марта 1969 г. уполномоченным СДР по Таджикистану У. Юлдашевым) и «Справка о поведении паломников после возвращения на родину» (подписана уполномоченным СДР по Узбекистану М. Мирагзамовым 6 июня 1969 г. для члена Совета по делам религий при Совете Министров СССР А.А. Нуруллаева). Из дела 263 «Материалы о зарубежных связях Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана, Московской мечети и других мусульманских организаций (отчеты, справки, письма). Т. 2» (29 августа 1969 – декабрь 1969) изучен «Отчет о результатах поездки группы советских мусульман на паломничество в Саудовскую Аравию»,

³ Кейн 2021: 175–264.

подписанный главой делегации советских паломников заместителем председателя САДУМ И.М. Саттиевым в адрес председателя СДР В.А. Куроедова и отправленный в Москву М. Мирагзамовым 2 апреля 1969 г. Из дела 263 «Материалы о зарубежных связях Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана, Московской мечети и других мусульманских организаций (отчеты, справки, письма). Т. 3» (17 февраля 1969 – 17 декабря 1969) изучены статья из саудовской газеты «Указ» от 5 марта 1969 г., записи И.М. Саттиева о паломничестве 1969 г., статья «Паломничество советских мусульман в Мекку» – подписана Г.А. Осиповским, «Воспоминания о IV-й конференции исламских исследований в Каире» подписанные 18 декабря 1969 г. муфтием, председателем САДУМ З. Бабахановым, «Отчет врача Фазылова Ильяса Фазиловича, находившегося с группой мусульман-паломников в Саудовской Аравии с 19 апреля по 19 марта 1969 года» от 21 марта 1969 г., сообщение И.М. Саттиева о поездке на паломничество в Мекку на приеме у заместителя председателя СДР П.В. Макарцева 20 марта 1969 г., «Отчет о поездке мусульманской духовной делегации в Марокко и Алжир с 25 ноября по 17 декабря 1969 года.», подписанный 23 декабря 1969 г. З. Бабахановым.

Новые документы дают возможность полнее изучить взаимодействие органов власти СССР с легитимными органами управления советских граждан, исповедующих ислам – духовными управлениями мусульман в 1969 г. Постановление № 1043 «О преобразовании Совета по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР и Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР в Совет по делам религий при Совете Министров СССР» появилось только 8 декабря 1965 г.⁴ В новом органе было много служащих, не имевших опыта организации поездок мусульман на паломничество. Тем не менее, опыт, наработанный Советом по делам религиозных культов и организациями, взаимодействующими с ним в вопросе организации хаджа, был сохранен и востребован. При нахождении на территории стран транзита группа паломников курировалась разными советскими организациями, но наиболее транспарентными были контакты с работниками посольств СССР. Нередко именно во взаимодействии с ними советские паломники устраивали банкеты, групповые беседы и другие мероприятия, в т.ч. выступления в местных мечетях, на которых пропагандировали советский образ жизни и достижения СССР в разных областях.

О качестве организации хаджа 1969 г., поведении паломников и особенностях хаджа этого года можно судить по отчетам заместителя председателя Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана (САДУМ, резиденция в г. Ташкент) И.М. Саттиева, врача группы И.Ф. Фазылова, уполномоченного СДР по Таджикистану У. Юлдашева и уполномоченного СДР по Узбекистану М. Мирагзамова⁵. Анализ до-

⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–7; Д. 119. Л. 16; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 2. Л. 1–9.

⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 84–89, 140–143; Д. 263. Л. 147–154; Д. 263а. Л. 1–31, 53–80об., 90.

кументов, представленных уполномоченными руководством СДР, показывает некоторые расхождения, прежде всего, по числу паломников, выехавших на хадж из Узбекистана⁶. Как и в предыдущие годы, в группе были свой переводчик с арабского языка и врач. На этот раз ими были секретарь САДУМ А. Мавлянкулов и заслуженный врач Узбекской ССР, доцент Ташкентского медицинского института терапевт И.Ф. Фазилов. По докладу И.М. Саттиева: «Все вышеперечисленные лица являются, в основном, служителями религиозного культа и верующими»⁷.

Изучение документов о хадже 1969 г. помогло выявить важную деталь, касающуюся расходов на поездку. Перед поездкой в Москву паломники из Таджикистана – А. Рахимов и Р. Мустафакулов внесли в кассу САДУМ и по 2 тыс. руб. для оплаты расходов, связанных с пребыванием за границей (средняя зарплата в СССР была около 111 руб.). При этом необходимо учитывать, что все паломники ещё несли значительные расходы: от мест жительства до Москвы, тратились в столице и после возвращения с хаджа в Москву, жили в этом городе несколько дней – оформляли отчеты, и только затем отправлялись домой.

Паломники из Таджикской ССР прибыли в Москву 13 марта, заселились в гостиницу «Ленинград» и жили в столице по 19 марта. За это время они вместе с другими членами группы побывали на экскурсиях и два раза вместе с другими будущими хаджиями молились в Московской мечети. Всех паломников, как и в предыдущие годы, подробно проинструктировали в СДР о правилах пребывания в Саудовской Аравии⁸.

Паломники вылетели 19 февраля 1969 года из Москвы на самолёте Ил-18. Полет длился пять с половиной часов. В аэропорту Каира группу встретили сотрудник посольства СССР Б. Турсунходжаев (житель Ташкента) и два советских студента, приехавшие для обучения в знаменитый университет Аль-Азхар из Таджикистана и Узбекистана. Полиция проверила у советских паломников паспорта и не досматривала их личные вещи. В Каире советская группа заселилась в гостиницу «Аскарабия». Секретарь САДУМ А. Мавлянкулов, назначенный переводчиком группы, занимался решением всех бытовых вопросов: размещением, организацией питания, хранением паспортов, обеспечением транспортом и всем необходимым для перемещения по Египту и Сау-

⁶ В отчете уполномоченного У. Юлдашева указано, что в группу были включены 20 человек, но указаны только 19 человек из 9 регионов: из Узбекистана – 6 человек, из Киргизии – 4 человека, из Азербайджана и Таджикистана – по 2 человека, из Туркмени, Казахстана, Татарстана, Ленинграда и Москвы – по 1 человеку. Но анализ списка паломников, подготовленный ставшим в очередной раз руководителем группы И.М. Саттиевым, позволяет дать несколько иные данные. Уполномоченный М. Мирагзамов в справке для руководства СДР утверждает, что из Узбекистана было 8, а не 6 паломников. Заместитель председателя САДУМ И.М. Саттиев доложил о 20 паломниках и дал их фамилии. По его сведениям, из Узбекистана было 8 паломников, но не было представителя от Татарстана.

⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 84–85, 140; Д. 263. Л. 148.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 84–89.

довской Аравии. В первый день посольство СССР выделило группе свой автобус, на котором паломники посетили каирскую мечеть Мухаммед Али. Они самостоятельно провели намаз, так как никто из служителей этой мечети их не встретил. После намаза группа раздала садака (пожертвования) её охранникам. В пятницу, 21 февраля, группа молилась в одной из мечетей, расположенной недалеко от Аль-Азхара. Пользуясь случаем И.М. Саттиев выступил перед большим количеством собравшихся, что подняло авторитет группы⁹.

Во время посещения мечети при университете Аль-Азхар её прихожане попросили, чтобы члены советской группы во время паломничества усердно молились и просили у Аллаха помощи в освобождении арабской территории, оккупированной Израилем. В ответ советские граждане пообещали выполнить эту просьбу и заявили, что мусульмане СССР, как и весь советский народ, поддерживали и будут поддерживать справедливую борьбу арабских народов против агрессии¹⁰.

В субботу, 22 февраля, на самолете, принадлежащем авиакомпании Саудовской Аравии, паломники вылетели из Каира в Джидду. Саудовские таможенники строго подошли к осмотру вещей советских граждан. Без возврата изымались обнаруженные письма. После завершения проверок паспорта и вещи возвратили владельцам. С наступлением вечера советская группа выехала на автобусе в Мекку, в которую приехала утром 23 февраля. В этом городе они, как и в прошлые годы, устроились в гостинице, принадлежащей Саиду Зайни Кушаку. После размещения сразу посетили Запретную мечеть. В ней паломники пробыли 3 часа. В Мекке группа пробыла до 7 марта, и за это время делегация посетила гору Арафат, долину Муздалифа и город Мина¹¹.

Одним из городов, который посетила советская делегация, была Медина. 7 марта паломники выехали из Мекки на автобусе и, преодолев около 500 километров, 8 марта приехали в Медину, в которой пробыли до 12 марта. Они посетили могилу пророка Мухаммада, а также захоронения его близких: жен, родственников и сподвижников. В этом городе встреч с эмигрантами было значительно больше, чем в Мекке. Они приглашали паломников к себе домой, но решение о встрече принимал старший группы И.М. Саттиевым. Поведение советской группы в Медине находилось под контролем саудовской стороны – за паломниками постоянно велось наблюдение¹².

В отчете уполномоченного СДР по Таджикистану У. Юлдашева указано, что 2 марта 1969 г. король Саудовской Аравии Файсал ибн Абдул-Азиз ибн Абдуррахман Аль Сауд принял в своей резиденции в городе Мина 6 человек из советской группы, в том числе и главу делегации И.М. Саттиева. Но заместитель председателя САДУМ И.М. Сат-

⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 86.

¹⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 27.

¹¹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 86.

¹² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 84–89, 141–143.

тивей доложил СДР, что «... на приеме у Короля присутствовало 9 представителей паломников из республик Средней Азии и Кавказа»¹³.

Король не только принял советскую делегацию, но и усадил рядом с собой. Главе советской группы была предоставлена возможность выступить с приветственной речью перед королем и членами его правительства. Глава КСА задал И.М. Саттиеву вопросы о положении мусульман в СССР: сколько их проживает в Советском государстве и как они соблюдают исламские обряды и традиции. К сожалению, в отчете И.М. Саттиев не показал конкретно как именно он ответил на эти вопросы, но указал: «На этот вопрос я дал исчерпывающий ответ и преподнес ему экземпляр Корана, изданного третий раз в Ташкенте, и бухарский богатый золотошвейный халат». Король не только с интересом рассматривал Коран, но и дал высокую оценку качеству издания¹⁴.

Во время проживания в Мекке советская делегация участвовала в различных мероприятиях, устанавливала контакты с различными представителями исламского мира. Так, например, И.М. Саттиев с двумя советскими паломниками посетил центр по объединению ислама «Рабататунль ислама». Часть советских паломников – пять человек, в том числе И.М. Саттиев, 6 марта 1969 г. приняли участие в собрании организации «Объединение мусульман всего мира». Они встретились с руководителем этой организации – шейхом Мухаммедом Суруром Саббаном. После официального приема шейх подарил советским хаджиям редкий экземпляр Корана и другую религиозную литературу, а также пригласил их на вечернюю лекцию Генерального секретаря партии «Истиклаль» (рус. Независимость) и члена парламента Марокко Аляль-эль-Фасий. Часть группы также посетила руководителя мусульманской организации по координации религиозных вопросов, шейха Абдулмаллика Олий аш Шейха. Во время этих мероприятий члены советской группы старались проводить пропагандистскую работу: они в положительном ключе показывали иностранцам жизнь советских людей, особое внимание уделяли вопросам развития свободы вероисповедания в Узбекистане за годы Советской власти, а также науке, культуре и т.д.¹⁵

Советским хаджиям пришлось также проводить встречи с мусульманами Саудовской Аравии, Туниса, Сирии, Марокко, Ливана, Турции, Афганистана, Пакистана, Индии, Судана и Объединенных Арабских Эмиратов. В ходе этих встреч они вели пропаганду советского образа жизни: распространяли брошюры, открытки, пластинки с национальными песнями и раздавали журнал «Мусульмане Советского Востока». Для советских паломников хадж 1969 г. был насыщенным и в плане встреч с эмигрантами из Средней Азии, в том числе и из Узбекистана, многие из которых жили в Мекке и в Медине. Особая обстановка вокруг советских хаджиев сложилась благодаря врачу группы Н. Фазилову. Он,

¹³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 86; Д. 263. Л. 150.

¹⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 150.

¹⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 86; Д. 263. Л. 150–153.

не считаясь со временем, оказывал медицинскую помощь гражданам Саудовской Аравии, Сирии, Пакистана, Турции, Афганистана, Объединенных Арабских Эмиратов и других государств. Ему удалось вылечить за короткое время несколько человек, что не только повысило его авторитет, но и положительно сказалось на образе СССР¹⁶.

Возвращение в СССР было длительным. Первый перелет состоялся 14 марта – группа вылетела из Джидды в Ассуан (в 1958–1971 гг. Египет был частью Объединенной Арабской Республики). Здесь все члены группы пробыли двое суток на карантине, а 16 марта прилетели в Каир. В это время Египет вел очередную войну с Израилем, поэтому Каир, как и вся страна, находился на военном положении. Паломники на трое суток поселились в гостинице «Карлтон». Значимым мероприятием на обратном маршруте стало посещение советскими паломниками ректора знаменитого исламского университета Аль-Азхар шейха Хасана Маъмуна. В ходе встречи обсуждали результаты хаджа группой, особое внимание было уделено поддержке мусульманами СССР и Советским государством борьбы арабов против агрессии Израиля. Беседа дала результат, на который очень рассчитывали в САДУМ: И.М. Саттиеву удалось договориться не только об обучении в Аль-Азхаре советских граждан, но и об обмене студентами. Встреча освещалась в местной газете «Аль-Джумхури». В культурном центре Посольства СССР состоялась встреча с представителями мусульманской общечности Каира. Около 150 египтян с интересом выслушали рассказ И.М. Саттиева о хадже и о жизни мусульман СССРЮ после чего он ответил на многочисленные вопросы. В конце встречи показали два фильма: «Жизнь мусульман Советского Союза» и «Жизнь мусульман Узбекистана»¹⁷. Из Каира группы вылетела на Родину через Анкару и 19 марта вся делегация благополучно приземлилась в одном из аэропортов Москвы¹⁸.

Анализ доклада заместителя председателя САДУМ И.М. Саттиева о поездке даёт основания для выделения ряда её особенностей и итогов:

- в конце встречи король Фейсал попросил И.М. Саттиева передать привет всем мусульманам СССР и лично председателю САДУМ муфтию З. Бабаханову;
- король Фейсал и члены его правительства «в отличие от предыдущих лет, к Советским паломникам относились с некоторым уважением и вниманием»;
- содержание беседы короля Фейсала и И.М. Саттиева транслировалось по радио и телевидению;
- приветственная речь И.М. Саттиева была в полном объёме опубликована в газете «Оказ»¹⁹;

¹⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 150–153.

¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 152–153.

¹⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 154.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 155–157; Д. 263а. Л. 10–12. «Оказ» – арабоязычная ежедневная газета Саудовской Аравии, выпускается с 1960 г. Указ – назва-

- перед вылетом из КСА И.М. Саттиеву в резиденции короля Фейсала вручили национальную одежду, которая преподносилась только в качестве знака особого уважения;
- советская делегация предстала в выгодном свете благодаря включению в состав группы трех молодых имамов – А. Рахимова и А. Мавланкулова (Узбекистан), Р. Мустафакулова (Таджикистан)²⁰.

Безусловно, отсутствие приветствия в адрес руководства СССР показывало истинное отношение короля к лидерам Советского государства. Несомненно, передавая привет всем мусульманам СССР и лично председателю САДУМ З. Бабаханову, король Фейсал весьма недипломатично показал своё отношение к председателям трёх ДУМ в СССР.

По мнению И.М. Саттиева, самым частым вопросом от иностранцев был следующий: «почему из Советского Союза ежегодно приезжают не более 20 человек паломников?». К сожалению, Саттиев не цитирует ответы советских граждан иностранцам. Тем не менее именно статистические данные за 1969 г. показывают, насколько слабо СССР отвечал на запрос о хадже своих мусульман, и как с этим вопросом справлялись в других государствах. Даже поверхностный анализ показывает, что эти данные явно были не в пользу СССР²¹.

Выводы уполномоченного СДР по Таджикистану У. Юлдашева показывают, что требования к кандидатам в хадж, сформулированные ещё в системе СДРК, остались прежними. Он откровенно сообщал, что направление в хадж А. Рахимова и Р. Мустафакулова объяснялось тем, что они подошли по состоянию здоровья, уровню религиозных знаний, привязанностью к семье и к Родине, приятному внешнему виду и умению содержать себя опрятно. У. Юлдашев отметил факт окончания этими лицами медресе Мир-Араб в Бухаре, владение ими арабским языком, а также отсутствие религиозного фанатизма. Немаловажным стало и их отношение к рекомендациям уполномоченного СДР, которые не только внимательно выслушивались, но и выполнялись. Особый интерес вызывает поведение А. Рахимова и Р. Мустафакулова перед вылетом и после возвращения домой. По мере приближения отъезда из Таджикистана, они под благовидными предложениями ограничили посещение мечети. Об их предстоящем хадже представители казията Таджикистана, мутавали мечети города Курган-Тюбе и имам хатиб мечети «Мовлоно» узнали всего за три дня до вылета. Остальные мусульмане узнали об их хадже только после возвращения А. Рахимова и Р. Мустафакулова в республику. Приехав домой, они не устраивали громких торжеств с застольями в

ние древней ярмарки, находившейся рядом с г. Мекка. Сегодня эта газета печатается в Эр-Рияде и в Джидде, имеет офисы по всему Королевству.

²⁰ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 150–151, 154.

²¹ Так, из Португалии был 41 паломник, из США – 96 мусульман, из Греции – 183, из Франции – 346, из Югославии – 1 554 и т.д. При этом властями КСА на хадже 1969 г. было зарегистрировано 374 784 иностранца, что превысило показатель 1968 г. на 56 277 человек ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 158–159; Д. 263а. Л. 8–9.

честь возвращения. Более того, иногда вместо воды Зам-Зам они угощали пришедших обычной водопроводной водой. У. Юлдашев рекомендовал руководству СДР перспективу использования этих людей: например, не ограничиваться включением А. Рахимова, знающего Коран наизусть, в мероприятия по приему в СССР зарубежных мусульман, а вводить его в делегации мусульман СССР, выезжающие в зарубежные страны. У. Юлдашев также отметил, что Р. Мустафакулов откровенный, веселый и общительный человек, и предложил отправить его на учебу в одно из зарубежных исламских учебных заведений от САДУМ²².

Паломники из Узбекистана прилетели в республику 23 марта. Как и с возвращением паломников в Таджикистан, в Узбекистане не было торжественной встречи хаджиев на аэродроме. Некоторых паломников в Ташкенте встречали родственники. И.М. Саттиева и секретаря САДУМ А. Мавланкулова в аэропорту Ташкента встречали родственники и несколько имам-хатибов мечетей Ташкента. В тот же день И.М. Саттиев возглавил утреннюю молитву в мечети Ташкента «Шейх Зайнутдин», где собралось много мусульман. И.М. Саттиев рассказал присутствующим о поездке в хадж. Многие из них старались получить благословение у И.М. Саттиева. Его дом, как и других паломников, в первые дни после возвращения, посетило большое количество мусульман из Ташкента, Андижана, Намангана и Коканда. Похожая ситуация сложилась и с другими паломниками в Узбекистане. Дом паломника М. Нуритдинова из Маргелана в первый день возвращения для поздравления с успешным совершением хаджа посетили около 300 человек. И так было почти каждый день приблизительно неделю. Дом К. Акбарова в Намангане в первый день возвращения посетили 150–200 человек. Паломники угощали гостей водой Зам-Зам. Без сомнения, отмеченный в докладе уполномоченного СДР по Узбекистану М. Мирагзамова факт показывал рост религиозности. В Узбекистане имело место так называемое «заочное паломничество»: каждый паломник брал с собой от таких «заочных паломников» по 5 метров различных отрезков, всего 40 метров. После хаджа они вручали этим людям соответствующий документ.

В центральном аппарате СДР и органах власти, перед которыми отчитывался Совет, позитивно воспринимались слова М. Мирагзамова о том, что хаджии рассказывали гостям «о тяжелой жизни и отсталой культуре мусульман Саудовской Аравии»²³. Особого внимания заслуживают выводы этого уполномоченного о том, что после совершения хаджа люди перестают употреблять спиртные напитки, а также о том что хотя некоторые, скрывая от окружающих, начали пятикратно совершать намазы, основная часть паломников стала это делать открыто.

Поэтому, по мнению М. Мирагзамова, поездка в хадж является полезным и нужным делом, но, с другой стороны, хадж «усиливает фа-

²² ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 88–89.

²³ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 140–143.

натизм среди отсталой части населения и увеличивает количество людей, желающих поехать в паломничество»²⁴.

Анализ отчета паломника 1969 г. Заслуженного врача Узбекской ССР, врача советской группы Ильяса Фазыловича Фазылова и анализ хаджа этого года, сделанный Г.А. Осиповским (вероятно, сотрудником СДР) позволили выделить ряд интересных моментов²⁵.

Во-первых, уже в заголовке отчета есть ошибка: указаны даты поездки «с 19 апреля по 19 марта». То есть вместо 19 февраля дано 19 апреля, причем эта дата стоит на первом, а не на втором месте.

Во-вторых, в условиях, когда современный мир испытал комплекс разнообразных проблем, связанных с пандемией, особенно актуально выглядит цитата из его отчета: «Во-первых, состояние здоровья лиц, выезжавших в Саудовскую Аравию, мне совершенно не было известно. Перед отъездом в Мекку я о каждом из них располагал только сведениями о вакцинации или ревакцинации против оспы и холеры. Но, как выяснилось впоследствии, среди них было несколько человек с тяжелым гипертоническим заболеванием [...]. Между тем из инструкции Министерства Здравоохранения Союза ССР известно, что лицам, страдающим гипертонией и имеющим 60-летний или более преклонный возраст, прививки против холеры противопоказаны. Однако все наши паломники, как один, имели на руках сертификаты с положительными заключениями состояния их здоровья»²⁶.

Цитата со всей ясностью показывает, насколько серьезно и ответственно власти Советского государства и сами мусульмане относились к противоэпидемиологическим мероприятиям, что напрямую влияло на безопасность страны. При этом противоположное отношение было к незаразным тяжелым заболеваниям паломников.

В-третьих, между паломниками была очень большая разница в возрасте. Например, глава делегации И.М. Саттиев родился в 1893 г., то есть ему было около 76 лет, а паломник Р. Мустафакулов родился в 1936 г., ему было около 33 лет. Безусловно, такая разница в возрасте сказывалась не только на мобильности группы, но и влекла за собой возникновение различных проблем.

В-четвертых, слишком большой была разница между паломниками в уровне культурного развития, понимании и выполнении правил культуры питания, санитарного минимума, личной гигиены, осознании опасности дизентерии, кишечных инфекций, брюшного тифа.

В-пятых, группа еще перед вылетом из СССР закупила различные медикаменты примерно на 400 рублей. С учетом того, что средняя зарплата в СССР составляла всего 110,68 рублей в месяц, становится ясно, что с точки зрения лекарственного обеспечения поездки власти СССР и сами паломники отнеслись весьма ответственно.

²⁴ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 143.

²⁵ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 14–18, 21–26.

²⁶ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 21–26.

В-шестых, информация о враче в составе советской группы очень быстро стал известна местному населению и иностранным паломникам. Поэтому поток больных к И.Ф. Фазылову был значительным. Он принимал в день, вынужденно сокращая сон и порой отказываясь от обеда или ужина, по 50–60 пациентов, а также посещал больных на дому. Среди них были граждане Афганистана, Турции, Сирии, Иордании, ОАР, Пакистана, Саудовской Аравии и Индии. И.Ф. Фазылов не только проводил прием бесплатно, но и без денег давал пациентам лекарственные препараты из фонда группы. При этом, по подсчётам самого И.Ф. Фазылова, при пересчёте на советские деньги их стоимость составляла около 10 000 руб. Особое восхищение больных вызывал отказ врача от денег за проделанную им работу. Одним из значимых итогов этой деятельности, по мнению И.Ф. Фазылова и Г.А. Осиповского, стал рост авторитета советской медицины и всего СССР. В благодарность за самоотверженный труд И.Ф. Фазылова делегации паломников из Афганистана и Сирии вручили благодарственные письма, что явилось отражением возросшего авторитета как самой группы, так и советской медицины и СССР в глазах части иностранных граждан²⁷.

В-седьмых, вся группа совершила благородный поступок, который также был замечен и оценен местным населением. Незадолго до хаджа селевой поток затопил старинные кварталы Мекки, и местные рабочие самоотверженно боролись с его последствиями. Узнав об этом происшествии, советские паломники еще в СССР купили по 20 пар обуви и одежды для вручения наиболее пострадавшим и отличившимся при разгребании завалов рабочим. После приезда в Мекку они осуществили этот замысел, чем заслужили уважение местных жителей.

Одним из логичных завершений хаджа стал прием группы заместителем председателя Совета по делам религий при Совете Министров СССР П.В. Макаревым 20 марта 1969 г. От лица группы на мероприятии выступал И.М. Саттиев. Он сообщил о том, что съездил в Мекку в четвертый раз, но такого организованного поведения ранее не видел, все паломники вели себя достойно, в группе не было никаких отрицательных разговоров, все ее члены вели себя дружно и сплоченно, и советской группе завидовали многие паломники из других стран. Было отмечено особое внимание короля Саудовской Аравии и руководства мусульманского центра «Исламия» к паломникам из СССР, выразившееся в ценных подарках. И.М. Саттиев особо отметил, что не было попыток вручить группе пропагандистские материалы антисоветского характера.

²⁷ Часть пациентов советский доктор принимал по личной просьбе эмигранта из Узбекистана, хозяина нескольких гостиниц Саида Зейни Кушака, разместившего в своих гостиницах 2 тыс. паломников из разных стран, в т.ч. и советскую группу. Он также представил И.Ф. Фазылову к письменной благодарности. Благодарственное письмо на узбекском языке поступило и от регулярно выступающего по радио КСА крупного мусульманского деятеля, восьмидесятилетнего Мухамада Максума, выходяца из Андижана (Узбекистан), проживающего в Мекке уже 40 лет. ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 14–20, 21–26.

И.М. Саттиев также отметил, что бывшие соотечественники, в отличие от прошлых лет, не опасались встреч с советскими паломниками. Более того, Саид Зейни Кушак, у которого останавливаются паломники из СССР, прощаясь с ними, сказал, что и будущие паломники из Советского Союза могут рассчитывать на его гостеприимство и попросил передать им его домашний адрес. На обратном пути после рассказа советских граждан об отношении к ним со стороны короля Саудовской Аравии пограничники в Джидде не стали применять к советской группе таможенные процедуры и выделили двух сотрудников, сопроводивших группу до самолета, заявив, что это сделано из уважения к паломникам. Когда после приземления в Каире группе стало известно о кончине брата короля КСА, они отправили телеграмму на имя короля Фейсала ибн Абдель Азиза ас-Сауда с выражением соболезнования. Глава Саудовской Аравии ответил благодарственной телеграммой. И.М. Саттиев обратил внимание П.В. Макарецва, что широкое освещение в печати, по радио и по телевидению пребывания советских граждан в Саудовской Аравии убедительно свидетельствовало об авторитете СССР. Во время пребывания группы в Каире состоялась обстоятельная беседа с ректором университета Аль-Азхар Хасаном Маъмуном материалы которой были опубликованы в прессе. Хасан Маъмун пообещал и впредь предоставлять места в университете Аль-Азхар для обучения советских мусульман. В Культурном центре посольства СССР в Каире 18 марта состоялась встреча группы с представителями местной общественности и прессы, в ходе которой советские мусульмане заявили, что их единоверцы в СССР готовы оказать помощь арабам в борьбе против Израиля.

В заключении мероприятия, организованного СДР, выступили паломники К. Ибрагимов, М. Бадретдинов, И. Фазылов и др. Они поблагодарили Правительство СССР и Совет по делам религий при Совете Министров СССР за предоставленную возможность съездить в хадж. Кроме того, они дали положительную характеристику И.М. Саттиеву за его умелое руководство группой паломников.

Хадж 1969 г., как и предыдущих лет, показывался чиновниками Советского государства, иностранцам и мусульманскими деятелями из различных духовных управлений с выгодной для СССР стороны. Так, в период с 9 октября по 2 ноября 1969 г. член правления общества «СССР – Сирия», младший научный сотрудник Института Востоковедения Шамсутдин Бабаханов (в 1982–1989 гг. председатель САДУМ, муфтий) находился в командировке, оформленной Союзом советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД). Он посетил часть стран Магриба, а именно Алжир, Тунис и Марокко, в качестве лектора ССОД. Ш. Бабаханов читал лекции по четырем темам: «Жизнь мусульман в СССР»; Исторические памятники ислама в СССР»; «Торжество ленинской национальной политики в республиках Средней Азии»; «Изучение арабского языка в СССР». Ш. Бабаханов проанализировал многочисленные вопросы, которые ему задавались во время лек-

ций, встреч и бесед. Все эти вопросы можно свести в несколько групп: как развивается исламское образование и просвещение в СССР, как выполняются столпы ислама, в т.ч. хадж, как государство строит свою политику в отношении мусульман. Примечательно, что в списке, составленном Ш. Бабахановым, вопрос иностранцев о хадже содержал и частичный ответ, которые они сами и давали: «Нам известно, что ежегодно совершают хадж из СССР всего 15–20 человек. Почему так мало?»²⁸.

К сожалению, отчет Ш. Бабаханова не содержит его ответов на полученные вопросы, но вполне очевидно, что они были обтекаемы и не отражали сути государственно-мусульманских отношений – постепенное выдавливание ислама из жизни советских людей при одновременном создании видимости полного благополучия в этих отношениях. Той положительной картины, которая была ориентирована, прежде всего, на зарубежные государства, их политиков и простых граждан.

В период с 25 ноября по 17 декабря 1969 г. делегация мусульман СССР в составе председателя САДУМ муфтия З. Бабаханова (глава делегации), председателя ДУМСК муфтия М.Г. Курбанова, редактора журнала «Мусульмане Советского Востока» Г. Абдуллаева и служащего Отдела международных связей мусульманских организаций СССР А. Алякбарова посетила Марокко и Алжир по приглашению глав мусульманских организаций этих государств. По итогам визита муфтий З. Бабаханов подготовил список вопросов, которые чаще всего им задавала принимающая сторона. Один из этих вопросов был о причинах небольшого количества мусульман Советского Союза, приезжающих в хадж²⁹.

Несмотря на расхождения в документах по количеству паломников от регионов, хадж 1969 г., как и в предыдущие годы показал, что САДУМ занимало первое место в рейтинге ДУМ, моделируемом органами власти. На этот раз доля САДУМ составила около 75 %, Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (ДУ-МЕС, г. Уфа) – около 15 %, Духовное управление мусульман Закавказья (ДУМЗАК, г. Баку) – около 10 %, Духовное управление мусульман Северного Кавказа (ДУМСК, г. Буйнакск) – 0 %.

Анализ архивных документов показывает, что новый орган в системе Советского государства – СДР, придерживался доктринальных установок коммунистической идеологии и продолжал линию на построение безрелигиозного общества. При этом именно государственные власти, как и в предыдущие годы (хадж в СССР официально проводился при поддержке властей с 1926 г. и по примерно, по 1929 г., а затем в 1944–1945 гг. и с 1953 г. непрерывно) решали важные вопросы: с каких духовных управлений поедут люди в хадж, сколько их будет и кто именно это будет. Надо отметить, что советские мусульмане находились под пристальным взглядом не только различных представителей органов

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 128. Л. 64–71; Д. 263а. Л. 53–60.

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 90.

власти и управления советского государства, за ними также наблюдали структуры стран транзита и КСА. При этом, как видно из архивных документов, многие иностранные граждане, после контактов с советскими паломниками, подвергались репрессиям со стороны властей своих государств. В первую очередь это относится к КСА. Безусловно, выезды советских мусульман в хадж находились под пристальным вниманием и простых зарубежных единоверцев. Многие несоветские мусульмане, прежде всего руководители высокого ранга, понимали, что истинные причины малочисленности советских мусульман, отправлявшихся в паломничество, лежащие в идеологическом поле.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 1. Л. 1–7.
 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 4. Д. 119. Л. 16.
 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 128. Л. 64–71.
 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 262. Л. 84–89, 140–143.
 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263. Л. 147–159.
 ГАРФ. Ф. Р-6991. Оп. 6. Д. 263а. Л. 1–31, 53–83об., 90.
 РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 2. Л. 1–9.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кейн А. Российский хадж. Империя и паломничество в Мекку / пер. с англ.: Р. Ибатуллин. М.: НЛО, 2021. 296 с. [Keyn A. Rossiyskiy khadz. Imperiya i palomnichestvo v Mekku (Russian hajj. Empire and pilgrimage to Mecca) / per. s angl.: R. Ibatullin. M.: NLO, 2021].
- Синицын Ф.Л. К вопросу о «религиозности» советской идеологии // Диалог со временем. 2023. 82. С. 139–155. [Sinityn F.L. K voprosu o «religioznosti» sovetskoy ideologii (On the question of the "religiosity" of Soviet ideology) // Dialog so vremenem. 2023. 82. S. 139–155].
- Tasar E. Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. New York. Oxford University Press, 2017.

Ахмадуллин Вячеслав Абдулович, д. и. н., доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия); slavaah@yandex.ru

Hajj 1969 In Documents Council for Religions

For a Muslim of any country, a trip to the Hajj has always been a dream, for which the future pilgrim was ready to overcome many barriers: the problems of a long journey, its considerable price, difficult acclimatization, etc. In the USSR, the most important of these barriers was the ideology that dominated the state. Preparations for the departure of pilgrims began about three months before their departure to Saudi Arabia, and after arriving in Moscow, the pilgrims prepared reports for the Council for Religious Affairs under the Council of Ministers of the USSR (SDR). At the same time, some of the pilgrims received assistance from SDR workers in preparing reports, which is understandable: these documents were studied in the Council of Ministers of the USSR, in the Central Committee of the CPSU and in the USSR Ministry of Foreign Affairs.

Keywords: *Council for Religious Affairs, Hajj, Muslim Spiritual Boards, Mufti, pilgrim, doctor, media, Al-Azhar, Egypt, Saudi Arabia.*

Akhmadullin Vyacheslav Abdulovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation; slavaah@yandex.ru

Е.А. БУЗДАЛИНА

BREVIARIUM В КОНТЕКСТЕ ЛАТИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ТРАДИЦИИ (I–IV ВВ.)

В статье рассматривается *бревиарий* (*breuiarium*) как краткий латинский нарратив; обсуждается его эволюция с I по IV вв. Посредством изучения текстов Сенеки Младшего, Плиния Старшего, Светония и Тертуллиана анализируются особенности употребления лексемы *breuiarium*, обсуждается ее трансформация в понятие о текстах, фиксирующих определенные сведения для имперского общества. Выявляются характерные черты, присущие ранним бревиариям, которые впоследствии проявились в исторических нарративах («Бревиариях») Феста и Евтропия (369 / 370 гг.).

Ключевые слова: *breuiarium, epitome, позднеримская литература, краткий пересказ, сжатое изложение, редукция текста.*

В настоящей статье речь пойдет о *бревиариях* (*breuiarium*) – кратких латинских сочинениях (нарративах), отразивших не только бурные процессы политических и социокультурных перемен на рубеже Античности и Средневековья¹, но и их последствия, связанные с переосмыслением прежних идеалов и выражением новых веяний в разных сферах жизни греко-римского общества. Эти сочинения, создаваемые посредством редуцирования² классических исторических произведений, вполне характерны для своей эпохи и схожи по построению и жанру с другими краткими нарративами, например, *эпитомами*³.

Наша задача – рассмотреть бревиарий (*breuiarium*) как краткий латинский нарратив (начиная со времени его возникновения в латинской литературе вплоть до появления работ Флавия Евтропия [310 / 345 – ок. 400] и Феста [? – ок. 380]) и показать его эволюцию в период с I по IV в. Мы

¹ О современном концептуальном подходе к изучению этого периода, см.: Brown 1971:7–9; Васцеева 2009: 225–228.

² Процесс редуцирования, с одной стороны, сводился к сокращению объема источников, к значительным упрощениям в содержании, с другой, способствовал формированию канонического образа тех или иных исторических событий прошлого, акцентуации на основных идеях в рамках становления политической системы домината.

³ На сегодняшний день существует множество лакун в изучении такого рода кратких сочинений. Это вызвано, в частности, поверхностным отношением исследователей к предельной сжатости сочинений; смещением акцента изучения на их стилистический и / или информативный потенциал. В то же время вопросы формы, специфики, а также наличия или отсутствия в них видовых моделей, выявление особенностей, в том числе и заложенных в названии сочинения, на данный момент остаются не решенными. На периферии исследовательского поля остается и проблема терминологического *изоморфизма*, предполагающая наличие сложностей, препятствующих выявлению четких критериев дифференциации понятий, используемых при изучении кратких нарративов Поздней Античности (Banchich 2007: 310; Burgess, Kulikowski 2013: 34). Здесь мы имеем в виду проблему выявления и использования *разных* названий для внешне идентичных форм кратких исторических сочинений, вызванную не только наличием конъюнктур в рукописях, но и построением историографических конструктов, принятым при рассмотрении отдельно взятых сочинений.

также рассмотрим случаи употребления лексемы *breviarium*, покажем ее трансформацию в *понятие* («бревиария»), обобщающего и объединяющего вид текстов, фиксирующих определенные сведения для имперского общества⁴, а также выделим характерные черты ранних бревиариев, которые проявились впоследствии в исторических нарративах («Бревиариях») Феста и Евтропия (369 / 370 г.).

В «Оксфордском словаре латинского языка» *breviarium* трактуется не иначе, как «сжатое изложение, краткий пересказ»⁵. Но так было не всегда; у этого слова были и другие значения. Впервые слово *breviarium* встречается в «Нравственных письмах к Луцилию» Сенеки Младшего (4 г. до н.э. – 65 г. н.э.), который писал (Sen. Ep. XXXIX. 1. 1)⁶:

«Комментарии, о которых ты возжелал, тщательно упорядоченные и в сжатый вид приведенные, я, конечно, составлю; но, смотри, не принесет ли большей пользы упорядоченный список, нежели то, что теперь в народе *бревиарием* зовется, а некогда, когда на чистом латинском языке мы говорили, назывался *суммарием*»⁷.

По мнению Сенеки, *breviarium*⁸ – современное ему название для перечня *комментариев*. Философ вынужденно составлял *breviarium* по

⁴ Ниже под *понятием* мы понимаем обобщенное представление о бревиариях и их содержании (ср.: Кацнельсон 2011: 9: понятие – форма мышления, отражающая предметы или явления в их существенных признаках, в отличие от «термина», имеющего определенное значение и конкретизирующего такое понятие. См. также: Лингвистический энциклопедический словарь. URL: <https://tapemark.narod.ru/les/#20>; <https://tape-mark.narod.ru/les/508c.html/> (март, 2024).

⁵ Oxford Latin Dictionary 1968: 241.

⁶ Ad loc. (Gummere 1917–1925): “*Commentarios quos desideras, diligenter ordinatos et in angustum coactos, ego vero componam; sed vide ne plus profutura sit ratio ordinaria quam haec quae nunc vulgo breviarium dicitur, olim cum latine loqueremur summarium vocabatur*” (Здесь и ниже переводы автора, кроме случаев, оговоренных особо).

⁷ При переводе нами выбрано значение глагола *desidero* – «желать», «требовать» (Дворецкий 1976: 314), подчеркивающее положение Сенеки, не имеющего возможности отказать своему младшему современнику и другу Луцилию в силу его высокой должности. Определенную трудность вызывает толкование словосочетания “*in angustum coactos*”. Перфектное причастие от глагола *coagere* (сгонять, вводить, собирать) в рассматриваемом фрагменте мы передаем как «приведенные», поскольку этот глагол употребляется с предлогом *in* (Дворецкий 1976: 201). Оно также соотносится с другим причастием как по форме, так и по смыслу, т.е. отражает задачу Сенеки по сбору материала для Луцилия. Лексема “*angustum*” – 1) стеснение, тесное пространство; 2) затруднение (Дворецкий 1976: 73) – может восприниматься по-разному. В контексте описания кратких комментариев более вероятно, что они собирались без физических затруднений, но в «стесненном», т.е. *сжатом* виде для экономии места на пишущей поверхности. Соответственно, в нашем случае принято первое значение лексемы “*angustum*” (стеснение); для репрезентативности перевода на русский язык мы используем словосочетание «сжатый вид». Бинарная оппозиция демонстрирует противопоставление – «мы» (т.е. люди со знатым происхождением и образованием, которые говорили на «чистом» латинском языке [*latine loqueremur*] и «они» [т.е. простолюдины без соответствующего образования – *vulgus*]).

⁸ В тексте Сенеки это слово соотносится по значению с *summarium*. Однако до нашего времени не дошли иные фрагменты, где бы оно употреблялось. В «Латинско-русском словаре» И.Х. Дворецкого *breviarium* также интерпретируется как «краткое изложение» (Дворецкий 1976: 978). Можно предположить, что лексема *summarium* использовалась только лишь Сенекой в противоположность лексеме *breviarium*.

просьбе Луцилия, пожелавшего, чтобы тот собрал для него выжимку из афоризмов, необходимых в обучении⁹. Но автор противился этому и подчеркивал, что изречения необходимо *не собирать*, а именно *подбирать*¹⁰. Этот факт свидетельствует о заложенном принципе *подбора* материала для «Бревиария», носившего дидактический характер.

В «Естественной истории» Плиний Старший (22 / 24 – 79) употребил слово *breviarium* лишь дважды. В первом случае автор представляет «Бревиарий» как *сборник цитат и практических советов*, необходимых для правильного посева сельскохозяйственных культур (Plin. Nat. XVIII, 228, 1-8, 229, 2)¹¹:

«Варрон о бобах предписал, чтобы применяли нынешнюю добросовестность и запасались впрок. <...> А некоторые [предписывали], что если [бобовые] нужны из-за корма, то зимой, а если из-за семян, то весной. И есть другой, в большей степени очевидный способ, более чудесным предвидением природы, в отношении которого мы приведем слова самого Цицерона <...> Катон так заключил о маковых зернышках <...>».

Здесь особое значение имеет авторский подход к комплектованию материала. Плиний ссылается на разные источники – как известных ему авторов (Цицерона и Катона), так и неизвестных. И только ниже, упомянув о *breviarium* (Ib. XVIII, 230, 1-2), Плиний переходит к собственным замечаниям об удобрении деревьев и подвязывании виноградных лоз (Ibid.). Таким образом, по этим фрагментам *breviarium* возможно интерпретировать не иначе, как *перечень заметок*, формируемых для практических, чаще дидактических целей и созданных на основе нескольких источников. Во втором случае у Плиния *breviarium* – краткий *перечень военных достижений* Гнея Помпея на Востоке с перечислением видов деятельности полководца (Plin. Nat. VII. 26. 3-4)¹²:

«После этого [Помпей] отправился на многие моря и оттуда на Восток, по обыкновению вернулся на Родину победителем в священных битвах, дабы увенчать не себя, а свое отечество. Это его *Бревиарий* с Востока».

Здесь *breviarium* впервые употребляется по отношению к прошедшим событиям. В таком контексте примечателен сюжет Гая Транквилла Светония (70–122) из книги «О знаменитых людях»¹³, в котором при

⁹ Sen. Ep. XXXIII. 1 (Gummere 1917–1925): “Desideras his quoque epistulis sicut prioribus adscribi aliquas voces nostrorum procerum” (Ты требуешь, чтобы, как и прежде, к этим письмам я предписывал некие изречения наших «мастеров»).

¹⁰ Sen. Ep. XXXIII. 6 (Gummere 1917–1925): “...ingens eorum turba est passim iacentium; sumenda erunt, non colligenda” (...но велико собрание их высказанных [мыслей] всюду, их должно подбирать, а не собирать).

¹¹ Ad loc. (Mayhoff 1892–1909): “Varro in fabae utique satu hanc observationem custodiri praecepit. Alii plena luna serendam <...> quidam pabuli causa sic iuvent seri, seminis autem vere. Est et alia manifestior ratio mirabiliore naturae providentia, in qua Ciceronis sententiam ipsius verbis subsignabimus <...> Cato de papavere ita tradit...”.

¹² Ad loc. (Mayhoff 1892–1909): “...postea ad tota maria et deinde solis ortus missus hos retulit patriae titulos more sacris certaminibus vincentium – neque enim ipsi coronantur, sed patrias suas coronant. Hoc est breviarium eius ab oriente”.

¹³ См.: Suetonius (Rofle 1992). Vol. 2. – <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015036034380&view=2up&seq=8> (март, 2024).

описании филолога Атея Претекстата¹⁴ римский биограф назвал бревиарием *список собранных римских деяний*, лежащих в основе создания исторического сочинения (Suet. De Gram. X. 10)¹⁵:

«Почитал Гая Саллюстия и после его смерти Азиния Поллиона, когда они приступали к сочинению истории, одному он составил [сочинение] в виде *бревиария* обо всех деяниях Римлян, из которых что желал, то выбирал, другому – [текст] в виде *наставлений* о том, как правильно писать».

Вероятно, список деяний представлял собою некий справочный и тезисный текст, из которого Саллюстий мог черпать материал. Следует заметить, что наряду с *breviarium*, Светоний упоминает и некие *praeserta*, т.е. наставления, что подчеркивает дидактический характер пособий, создаваемых Атеем для своих соратников. Однако принципы составления и подбора материала, заложенные в *breviarium*, встречаются у Светония и в других контекстах. Так, в его «Жизни двенадцати цезарей» искомое слово трижды (Suet. Vita Caes. Galba. 12, Vesp. 21) употребляется в утилитарном значении. Светоний называет бревиариями *количественные отчеты* (Ibid. Galba 12)¹⁶:

«<...> и [будто] некому очередному управителю, представляющему *бревиарий* подсчетов, [Гальба] за старание и умения пожаловал блюдо овощей», – а также *ведомственные перечни*, которые подносили императору его савонники (Ibidem: Vesp. 21)¹⁷:

«[Веспасиан] у власти всегда вставал рано и с ночи после того, как по очереди были вычитаны письма и *бревиарии* всех ведомств, он выпускал друзей».

Вспомогательный характер этих документов подчеркивается в посвященном Октавиану Августу отрывке, где Светоний пишет о трех свитках, которые поднесли императору перед его смертью (Ib.: Aug. 101)¹⁸:

«Из трех свитков в первом содержались *распоряжения* о погребении; во втором – *список* его деяний, который он завещал вырезать на медных досках у входа в мавзолей; в третьем – *бревиарий* государственных дел: сколько где воинов под знаменами, сколько денег в государственном казначействе, в императорской казне и в податных недоимках...».

¹⁴ Во фрагменте книги «О знаменитых людях» Светоний повествует читателю о жизни и творчестве грамматика и учителя ораторского искусства Атея Претекстата (86 г. до н.э. – ?), написавшего около 800 работ на разные темы. В разное время его соратниками были Гай Саллюстий и Азиний Поллион, кому филолог подготовил вспомогательные пособия для их будущих работ по истории и словесности.

¹⁵ Ad loc. (Rofle 1992): “Coluit postea familiarissime C. Sallustium et eo defuncto Asinium Pollionem, quos historiam componere aggressos, alterum *breviario* rerum omnium Romanarum, ex quibus quas vellet eligeret, instruxit, alterum praeceptis de ratione scribendi”. Перевод приводится по указанному изданию.

¹⁶ Ad loc. “<...> et ordinario quidem dispensatori *breviarium* rationum offerenti paropsidem leguminis pro sedulitate ac diligentia porrexisse”.

¹⁷ Ad loc. “In principatu maturius semper ac de nocte evigilabat; dein perlectis epistolis officiorumque omnium *breviariis*, amicos admittebat...”.

¹⁸ Ad loc. “Tribus voluminibus, uno mandata de funere suo complexus est, altero indicem rerum a se gestarum, quem vellet incidi in aeneis tabulis, quae ante Mausoleum statuerentur, *tertio breviarium totius imperii*, quantum militum sub signis ubique esset, quantum pecuniae in aerario et fiscis et vectigaliorum residuis” (пер. М.И. Гаспарова).

Можно предположить, что под такими *перечнями* (распоряжений о погребении императора, списка его деяний [Res Gestae Divi Augusti]¹⁹, отчетных сведений о количестве воинов) римский автор и понимает «Бревиарии», необходимые для эффективного проведения политики внутри нового управленческого аппарата Римской империи.

Но понимание бревиария как своеобразного перечня заметок и отчетных списков постепенно трансформируется. Так, во фразе из введения к «О молитве» теолога Тертуллиана (ок. 160 – ок. 240) это слово встречается в ином значении (Tert. De orat. I. 6)²⁰:

«...Итак, чтобы не только заключались характерные свойства всей молитвы <...>, но и, на самом деле, чтобы излагался *бревиарий* целого Евангелия».

На первый взгляд интерпретировать данный фрагмент сложно, поскольку в этом случае сложившееся ранее толкование слова «бревиарий» представляется неуместным. Скорее, в тексте Тертуллиана его следует понимать как *краткое изложение* какого-либо материала с целью наставления, что позднее стало характерной чертой такого вида сочинений²¹. «О молитве» создавалось как догматическое произведение; Тертуллиан не только изъяснял молитву, но в рамках своего текста давал наставления, относящиеся к порядку ее проведения. Таким образом, начиная с III в. под «бревиариум» понимается *наставительная форма* измененного исходного текста, придаваемая получившемуся (цельному) сочинению.

Почти такое же значение имеет слово *epitome* (ἐπιτομή)²², хотя его семантическое поле гораздо шире. Бревиарии²³ являются разновидностью эпитом; но между ними есть различия: *бревиарии* создавались в качестве принципиально новых опусов и текстов; *эпитомы* являлись модификацией уже существующих работ. Возникает вопрос, почему Тертуллиан в данном контексте употребил лексику *breviarium* вместо *epitome*?

¹⁹ Деяния божественного Августа. См., напр., в переводе И.Ш. Шифмана (1990). – <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1316002000> или А.Л. Смышляева (2014). – <https://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1316003000>; оригинальный текст и английский пер., см.: Shipley (1961). – <https://archive.org/>

²⁰ Ad loc. (Evans 1953): “Neque enim propria tantum orationis officia complexa est <...> ut revera in oratione breviarium totius euangelii comprehendatur”.

²¹ Позднее, в средневековой культуре бревиарии рассматривались как «книги общественных молитв», а их истоки связывались исключительно с церковной традицией (подробнее, см.: Salmon 1967).

²² См.: Oxford Latin Dictionary (1968. P. 613). Эпитомы (ἐπιτομή; epitome – извлечение, сжатое изложение) – это произведения, созданные благодаря сокращению объемного текста и больше похожие на отрывок или пересказ. В основном, эпитомы, которые написаны прозой, создавались на основе прозаических произведений. Декларируемая цель эпитомы – предельная краткость, в рамках которой речи, отступления и большие отрывки текста пропускаются или группируются. Эпитомы делятся на два типа. Первый тип (epitome auctoris) представляет собою сокращенные произведения одного автора, с отличной от оригинала структурой, благодаря которой воспроизводятся основные черты произведения. Второй тип (epitome rei tractatae) – тексты, основанные на нескольких источниках и представленные в виде тематического конспекта в сжатом виде. Подробнее, см.: Gärtner, Eleuteri 1996: 1175-1177ff.

²³ Gärtner, Eleuteri 1996: 1175-1177ff.

Вероятно, ответить на него можно так: причина состоит в догматической направленности произведения Тертуллиана (что требовалось подчеркнуть посредством редукции исходного текста Евангелия) и необходимостью включения в него практических советов о проведении молитвы.

Лексема “*breviarium*” имеет место и в анонимном историческом сочинении, известном как «Итинерарий Александра» (“*Itinerarium Alexandri ad Constantium Augustum*”). Этот текст был создан на основе изложения Арриана из Никомерии и посвящен императору Констанцию II (317–361). В нем речь идет о походе Александра Македонского в Персию, приводится список городов и деревень, указываются промежуточные расстояния между различными пунктами и тому подобное. И в нем под *breviarium* также понимается некая форма исходного сочинения, однако, отличная от получившегося описания (Itin. Alex. III. 1)²⁴:

Наконец, вместо *бreviария* я надписал *итинерарий*, исправляя его [Арриана] труд, а также из-за названия применение

Лаконичность фразы не предполагает выявления каких-либо свойств *бreviариев* (как формы сочинений), но вполне демонстрирует существование такого вида сочинений, принципиально новых по содержанию, на территории греко-римской ойкумены в IV в. Именно в это время (369 / 370) появляются два *бreviария* – Феста (*Breviarium rerum gestarum populi Romani*)²⁵ и Евтропия (*Breviarium ab Urbe condita*)²⁶²⁷, созданных по заказу императора Валента II (364–378). В отличие от многих других произведений того времени (или более позднего), в случаях с текстами Феста и Евтропия не возникает сомнений в аутентичности их названия как «*Бreviарий*»²⁸. Как представляется, титулы таких сочинений вполне соотносятся с их содержанием, поскольку по их типовым прооemia возможно реконструировать и основные принципы построения текста, и способы его описания, и цель его составления. Например, Фест пишет (*Fest. I*)²⁹:

²⁴ Ad loc. (Tabacco 2000): “*Itinerarium denique pro Breviario superscripsi, castigans operis eius etiam nomine facultatem...*”.

²⁵ Eadie 1967; Bettenworth, Schenk 2020.

²⁶ См.: Кареев 2004.

²⁷ «*Бreviарии*» долгое время находились на периферии научно-исследовательского поля, поскольку оставались малоинформативными как с точки зрения языка, так и с позиций описания событий. В современной отечественной историографии интерес к «*Бreviариям*» Феста и Евтропия постоянно возрастает (см., например: Семичева 2019; Семичева 2021; Кареев 2020; Кареев 2021).

²⁸ В большинстве дошедших до нас рукописей в названии присутствует понятие *breviarium*. Однако в историографии долгое время оставался нерешенным вопрос о внутреннем соотношении между двумя позднеримскими нарративами. Так «*Бreviарий*» Феста считался сокращением текста Евтропия, но впоследствии эта точка зрения была признана несостоятельной. Подробнее: Holzberg, Zimmermann 2020: 18–19.

²⁹ Ad loc. (Eadie 1967): “*Brevem fieri clementia tua praecipit. Parebo libens praeecepto, quippe cui desit facultas latius eloquendi; ac morem secutus calculonum, qui ingentes summas aeris breuioribus exprimunt, res gestas signabo, non eloquar. Accipe ergo, quod brevier dictis brevius computetur: ut annos et aetatem rei publicae ac praeteriti facta temporis non tam legere tibi, gloriosissime princeps, quam numerare videaris?*”.

«Твоя Милость предписала быть *кратким*. Я охотно подчиняюсь указанию, ведь мне недостаёт способности красноречить, а также, следуя обычно счетоводов, кто огромные суммы выражают меньшими пособиями, *деяния я обозначаю, а не изложу*. Поэтому прими то, что *суммируется кратким описанием*, чтобы казалось, Славнейший принцепс, что ты не столько читаешь о годах и возрасте государства, и о деяниях минувшего времени, сколько ты [их] считаешь».

В «Бревиарии» Феста, действительно, невозможно найти пространных рассуждений, речей и риторических форм. В нем события из истории Рима подчинены поставленным задачам; строгая очередность изложенных фактов представляет собой сопровождаемые списками и перечнями³⁰ ответы на заданные в начале разделов (Fest. IV, X, XV) вопросы. И если ранее в «Бревиариях» содержались лишь *заметки* по вопросам хозяйствования, образования и управления, то в IV в. в исторической ретроспективе уже перечислялись *актуальные изменения* в политике и географии Римской империи.

Таким образом, многозначность слова «бревиарий» в латинских текстах в I–IV веков очевидна. Оно вполне конкретизирует и точно отражает понятие «бревиария» как краткого нарратива самого разного содержания и формы. Это и список заметок по какому-либо вопросу (Сенека, Плиний); и перечень военных достижений, деяний, минувших событий (Плиний, Светоний); и форма фиксации сведений для отчетности (Светоний); и форма сжатого, например, наставительного изложения сгруппированных сведений (Тертуллиан); и в итоге форма завершённого произведения (Аноним, Фест, Евтропий), основанного на тщательном подборе и компоновке материала из разных источников в соответствии с заданным предметом и поставленной целью (например, для дальнейшего использования отобранного материала или его изучения).

Именно такие бревиарии, представляющие собой форму завершённого сочинения, прочно укрепились в системе управления поздней Римской империи. Однако в контексте латинской литературной традиции I–IV веков такой текст не следует считать статичным, лишь «сжатым изложением» или «кратким пересказом» первоначального источника, поскольку, как мы показали выше, такие характеристики не только не передают многозначности этого слова, но и скрывают под собой его внутреннюю эволюцию на протяжении длительного времени.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- C. Plini Secundi Naturalis Historiae. Libri XXXVII / Ed. C. Mayhoff. Vol. 1-5. 1892–1909. – <https://latin.packhum.org/loc/978/1/0#1410> (March, 2024).
 Eadie J.W. The Breviarium of Festus, Critical Edition with Historical Commentary. L., 1967.
 Gärtner H.A., Eleuteri P. Epitome // Der Neue Pauly: Enzyklopädie der Antike. Bd. III. Ci – Epi / Hrsg. von H. Cancik und H. Schneider. Stuttgart, Weimar, Metzler, 1996. 1175–1177ff.
 Q. Septimii Florentis Tertulliani. De oratione liber / Ed. E. Evans. London. 1953.
 Res gestae divi Augusti / With an Engl. transl. by F.W. Shipley. London, 1924; 1961.

³⁰ В главах об истории завоевания римских территорий Фест создавал специальные каталоги с указанием провинций, входивших в описанный диоцез (Fest. IV–IX). В «Бревиарии» Евтропия в конце глав, посвященных императорам, перечислены земли, вошедшие в состав Римской империи.

- Rufius Festus: Kleine Geschichte des römischen Volkes / Hrsg. von Anja Bettenworth und Peter Schenk. Lateinisch-Deutsch. Berlin; Boston. 2020.
- Seneca. Ad Lucilium Epistulae Morales. / Ed. R.M. Gummere. Vol. 1–3. Cambridge. 1917–1925.
- Suetonius. With an English translation / Ed. J.V. Rofle. Vol. 2. Cambridge, London. 1992. – <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015036034380&view=2up&seq=8> (March, 2024).
- Tabacco R. Itinerarium Alexandri. Testo, apparato Critico, introduzione traduzione, e commento. Firenze. 2000.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ващева И.Ю. Концепция поздней античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. 6 (1). С. 220–231 [Vashcheeva I. Yu. Kontseptsiya pozdnei antichnosti v sovremennoi istoricheskoi nauke (The Concept of Late Antiquity in Modern Historical Science) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2009. 6 (1). S. 220–231].
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М: Русское слово, 1976 [Dvoretckii I. Kh. Latinskoo-russkii slovar' (Latin-Russian Dictionary). M: Russkoe slovo, 1976].
- Кареев Д.В. Позднеримская историография перед вызовом времени: Евтропий и его «Бревиарий от основания Города». СПб.: Алетейя, 2004 [Kareev D.V. Pozdnerimskaya istoriografiya pered vyzovom vremeni: Evtropii i ego "Breviarii ot osnovaniya Goroda" (Late Roman historiography before the challenge of time: Eutropius and his "Breviarium from the foundation of the City"). Spb.: Aleteia, 2004].
- Кареев Д.В. Римско-персидские войны в интерпретации «малых» римских историков IV века н.э. // Проблемы истории, филологии, культуры. № 2. 2020. С. 135–150 [Kareev D.V. Rimsko-persidskie voyny v interpretatsii "malykh" rimskikh istorikov IV veka n.e. (Roman-Persian wars in the interpretation of the "minor" Roman historians of the IV century AD) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. № 2. 2020. S. 135–150].
- Кареев Д.В. Фест и его Breviarium rerum gestarum populi Romani // Проблемы истории, филологии и культуры. 4 (21). 2021. С. 251–268 [Kareev D. V. Fest i ego Breviarium rerum gestarum populi Romani (Festus and his Breviarium rerum gestarum populi Romani) // Problemy istorii, filologii i kul'tury. 4 (21). 2021. S. 251–268].
- Кацнельсон С.Д. Содержание слова, значение и обозначение / Под общ. ред. В.М. Жирмунского, М.М. Гухман, С.Д. Кацнельсона. Изд. 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011 [Katsnel'son S.D. Soderzhanie slova, znachenie i oboznachenie (Word content, meaning and designation) / Pod obshch. red. V.M. Zhirmunskogo, M.M. Gukhman, S.D. Katsnel'sona. Izd. 3-e. M.: Editorial URSS, 2011].
- Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. – <https://tapemark.narod.ru/les/508c.html/> [Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' (Linguistic Encyclopaedic Dictionary). – <https://tapemark.narod.ru/les/508c.html/>].
- Семичева Е.А. «Восточный» дискурс в «кратких историях» IV в. // Византийский вестник. 2021. 105. С. 13–26 [Semicheva E.A. "Vostochnyi" diskurs v "kratkikh istoriyakh" IV v. ("Oriental" discourse in the "brief histories" of the fourth century) // Vizantiiskii vremenik. 2021. 105. S. 13–26].
- Семичева Е.А. К вопросу о структуре «Бревиария» Феста // Via in tempore. История. Политология. 2019. 2. С. 236–241 [Semicheva E.A. K voprosu o strukture "Breviariya" Festa (Towards a question on the structure of Festus' "Breviarium") // Via in tempore. Istoriya. Politologiya. 2019. 2. S. 236–241].
- Banchich T. The Epitomizing Tradition in Late Antiquity // A companion to Greek and Roman historiography / Ed. J. Marincola. Oxford, 2007.
- Brown P. The world of Late Antiquity. From Marcus Aurelius to Muhammad. London, 1971.
- Burgess R.W. Roman Imperial Chronology and Early-Fourth-Century Historiography. The Regal Durations of the So-called Chronica urbis Romae of the Chronograph of 354. Stuttgart. 2014.
- Burgess R.W., Kulikowski M. Mosaic of Time. The Latin Chronicle Traditions from the First Century BC to the Sixth Century AD. Vol. I: A Historical Introduction to the Chronicle Genre from its Origins to the High Middle Ages. Belgium, 2013.
- Oxford Latin Dictionary / Ed. G.M. Lee. Oxford, 1968.
- Salmon P. L'office divin au Moyen Âge: histoire de la formation du bréviaire du IXe au XIV siècle. Paris, 1967.
- Schlmeier M. Geschichtsbilder für Pagane und Christen Res Romanae in den spätantiken Breviarien. Berlin; New York, 2009.

Буздалина Екатерина Артёмовна, старший лаборант отдела истории ИНИОН РАН; ecathrine.b@gmail.com

***Breviarium* in the context
of Latin literature tradition (I–IV centuries AD)**

The paper examines the concept of *breviarium* and the evolution of its content in the period from the 1st to the 4th centuries AD. By studying the texts of Seneca the Younger, Pliny the Elder, Suetonius, Tertullian, the peculiarities of its use are analysed. The conclusion is made that at the mentioned time *breviarium* could be both a concept for the form of certain fixation of information and a term in the context of creating lists of data. Some characteristic features inherent in Latin *breviaries* were later manifested in the historical “*Breviaries*” of Festus and Eutropius.

Keywords: *breviarium, epitome, late Roman literature, short paraphrase, summary, text reduction.*

Buzdalina Ekaterina Artyomovna, Senior Laboratory Assistant, History Department, INION RAS; ecathrine.b@gmail.com

К ВОПРОСУ ОБ ОКРУЖЕНИИ АЛЕКСЕЯ I КОМНИНА*

В статье рассматривается окружение византийского императора Алексея I Комнина (1056 / 1057–1118), воссозданное по источникам его эпохи («Алексиаде» Анны Комнины [1083–1053], «Типикону» Григория Пакуриана [ум. 1086 г.] и другим). В контексте византийской историографии и современной византинистики обсуждаются факты из жизни наиболее ярких представителей Востока – Григория Пакуриана и Татикия (ок. 1056 – п. 1099). Изучается их происхождение, карьерный путь, практика инкорпорирования в социальную и политическую структуру Ромейской империи.

Ключевые слова: Григорий Пакуриан, Татикий, источник, историография, византинистика.

В статье рассматривается *окружение* византийского императора Алексея I Комнина (1056 / 1057–1118), воссозданное по источникам его эпохи («Алексиаде» Анны Комниной [1083–1053]¹, «Типикону» Григория Пакуриана [ум. 1086 г.] и др.); обсуждаются факты из жизни наиболее ярких представителей Востока – Григория Пакуриана и Татикия (ок. 1056 – п. 1099) в контексте византийской историографии и современной византинистики. «Алексиада», посвященная биографии и правлению Алексея Комнина и охватывающей период с 1079 по 1118 г.², написана его дочерью Анной Комниной около 1144 г. (когда ей было примерно 65 лет)³. В ней изложена византийская версия истории Первого крестового похода (1096–1099)⁴ и приведена подробная информация о ряде политических институтов, аристократии, других социально-политических и экономических реалиях Византийской империи рубежа XI–XII вв.

В числе источников «Алексиады» византийский эпистолярный и документальный материал (напр., послания самого Алексея Комнина и письма, адресованные ему; императорские хрисовулы [ὁ χρυσόβουλλον] и договоры, дипломатическая переписка); византийские истории и хроники (напр., «Хронография» Михаила Пселла [1018–1078]⁵ и «Исторические записки» Никифора Вриенния [XI в.]⁶), вторичные или опосре-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта (№ 20–18–00286П) «Личность в истории европейских обществ: политические стратегии, культурные ценности и реновации».

¹ Подробнее об Анне Комнине, см.: Диль 1994: 241–257; Бибиков 2001: 463–464.

² Об этом, см.: Любарский 2012: 262–279; Бибиков 1996: 90–94; Wilson 1971: 87–97; Kazhdan 1991a: 1142; Treadgold 2013: 354–386.

³ Это время правления Мануила Комнина (1143–1180), последнего представителя Комниновского возрождения, благодаря которому страна смогла восстановить свою военную и финансовую мощь.

⁴ Шаландон 2017: 127–152.

⁵ В тексте «Алексиады» присутствуют явные заимствования из Хронографии Михаила Пселла. В числе таковых описание быта и нравов печенегов.

⁶ Часть книги I (гл. 1–9) и отдельные места книги II (о событиях до 1079 г.) представляют собой вольное переложение «Исторических записок» Никифора Вриенния. Подробнее, см.: Любарский 2010: 19; Treadgold 2013: 367–368.

дованные сведения из текстов, а также разнообразные свидетельства⁷. В числе последних упоминания Анной хронологических ориентиров (например, индикт [ὁ ἰνδικτιῶν]) и других точных дат (что возможно рассматривать в качестве маркеров использования ею текстов различных договоров и хрисовулов)⁸; указания на церковные праздники. Такие упоминания в одних случаях уточняют даты, в других – являются единственным временным ориентиром. Не исключено, что датами религиозных праздников Анна отмечала наиболее памятные для себя события. В частности, она упоминает такие религиозные праздники и дни, как Пасха (τὸ μυστικὸν Πάσχα) и Великий Четверг (ἡ μεγάλη Πέμπτη)⁹, Сырная суббота (κατὰ μὲν τὸ Τυρόνιον Σάββατον / В Сырную субботу...) и Сырное воскресение (νὸξ ἦν ἡ τῆς Τυροφάγου Κυριακῆς / Ночь... была ночью Сырного воскресения...)¹⁰, Сырная неделя, Мясопустная неделя (...μετὰ τὴν Αλόκρεω ...ἐν τῇ Τυροφάγῳ /... в сырную неделю, следующую за мясопустной...)¹¹, Мясопустное воскресение (αὐγαζούσης δὲ τῆς Αλόκρεω Κυριακῆς ... / утром же Мясопустного воскресения...)¹² и проч. Отдельные события в тексте отмечаются развернутой датой с указанием на время суток, месяц, число и индикт. Тем не менее, в «Алексиаде» зачастую встречаются ошибки в хронологии и путаница в ней (например, с VII-й по XI-ю книги¹³; временные ориентиры (кн. XI) носят хаотичный характер¹⁴ (что следует учитывать применительно к реконструкции окружения Алексея Комнина).

В таком же контексте особую ценность приобретают сведения о титулатуре, должностных / сановных именовании. Так, Анна пишет о титуле севастократора, принятом при династии Комнинов: ...ἕτερον δὲ ἀξιῶμα πλὴν τοῦ καίσαρος οὐκ ἦν, νέον ὀνοματοποιήσας ὁ βασιλεὺς Ἀλέξιος ἀπὸ τε τοῦ σεβαστοῦ καὶ τοῦ αὐτοκράτορος σύνθετον ὄνομα τὸ τοῦ σεβαστοκράτορος τὰδελεφῶ ἐφηρμόσατο οἶονει δεῦτερον βασιλέα πελοικῶς... / Поскольку сана более высокого, чем кесарь, не существовало, император Алексей нарек брата (Исаака Комнина) «Севастократором» – сложным словом, состоящим из двух частей: «севаст» и «автократор», и сделал, таким образом, Исаака как бы вторым императором¹⁵.

⁷ Например, в «Алексиаде» назван информатор Анны – византийский стратег Татикий; упомянуты не только сообщения высокопоставленных чиновников Алексея I Комнина и сообщения Георгия Палеолога, но и сведения, полученные как из «устной молвы» (ἡ φήμη), так и на основании личных впечатлений. Подробнее, см.: Шаландон 2017: 265–277; Любарский 1965: 99–120; Treadgold 2013: 373–385.

⁸ Всего в «Алексиаде» насчитывается ок. 37 отсылок к хрисовулам. См.: Анна Комнина. Алексиада... (passim).

⁹ Reinsch, Cambylis 2001. II, 10, 4 (P. 81) – Анна Комнина. Алексиада II, 10 (С. 111). Здесь и ниже, кроме случаев, оговоренных особо; цит. пер. Я.Н. Любарского.

¹⁰ Reinsch, Cambylis 2001. II, 4, 9 (P. 65) – Анна Комнина. Алексиада II, 4 (С. 98).

¹¹ Reinsch, Cambylis 2001. VIII, 2, 4 (P. 240) – Анна Комнина. Алексиада VIII, 2 (С. 230).

¹² Reinsch, Cambylis 2001. VIII, 2, 2 (P. 239) – Анна Комнина. Алексиада VIII, 2 (С. 230).

¹³ Подробнее, см.: Шаландон 2017: 272–275; Любарский 1963: 47–56. См. также ниже.

¹⁴ Подробнее, см.: Шаландон 2017: 272–275.

¹⁵ Пер. Я.Н. Любарского с изменениями, которые не оговариваются. См.: Reinsch, Cambylis 2001. III, 4, 1 (P. 95) – Анна Комнина. Алексиада III, 4 (С. 122).

Как правило, титул севастократора присваивался (даровался) представителям императорского рода (семьи)¹⁶. Первым его получил старший брат Алексея Комнина – Исаак (1050–1102 / 04)¹⁷. По свидетельству Анны её отец почитал брата как отца (καὶ τὸν ἀδελφὸν Ἰσαάκιον ὡς πατέρα σβόριμος κοινωνὸν εἶχεν ἐν λαῖσιν)¹⁸ и по всем важным вопросам с ним совещался; именно Исаак надел на ноги Алексею пурпурные сапоги (один из атрибутов императорской власти в Римской империи). Анна Комнина как бы обозначает Исаака «императором без порфиры»¹⁹, отмечая своеобразную игру составляющих титул слов. На протяжении длительного времени, с 1082 по 1204 год, этот титул имели преимущественно представители таких родов, как Комнины и Дуки²⁰.

Отдельных западноевропейских аристократов (среди них лидеры и знатные рыцари Первого крестового похода) Анна Комнина называет κόμης (комит)²¹. Вероятно, она искренне считала таковых подданными своего отца и императора, в связи с заключенным между ними договором о подданстве. Термин κόμης у Анны применим к тем крестоносным лидерам и знатым рыцарям, которые *не нарушали* данную императору клятву (напр., Раймунд Тулузский [1041–1105, Ἰσαγγέλης]²², Роберт I Фризский [ок. 1035–1093, ὁ Φλάντρας κόμης]²³ и др.)²⁴.

¹⁶ Подробнее, см.: Каждан 2010: 123–124.

¹⁷ О нем, см.: Kazhdan 1991b: 1144.

¹⁸ Reinsch, Cambylis 2001. III, 2, 1 (P. 90) – Анна Комнина. Алексиада III, 2 (С. 118).

¹⁹ Kazhdan 1991b: 1144.

²⁰ Подробнее, см.: Каждан 1974: 88–90, 116–120 (Этот титул просуществовал до самого конца существования Византийской империи).

²¹ Должность комита появилась вследствие реформ Константина Великого в IV веке. Первоначально она демонстрировала связь ее обладателя с императором или его семьей. Комиты являлись представителями императора в регионах и провинциях империи, а также в различных гражданских и военных учреждениях. В ранневизантийском актовом материале и историописании «комитами» часто называют (обозначают) варварских королей. Позднее, в XI–XII веках, комит – высокопоставленный чиновник с административными и фискальными функциями, а также одна из офицерских должностей в имперских армии и флоте. См.: Kazhdan 1991c: 484–485.

²² Анна Комнина или не знала о разногласиях Алексея Комнина с Раймундом Тулузским (которого характеризует как искреннего, щедрого и правдивого [кн. X]), или по какой-то причине не хотела о них писать. Упоминания об этом персонаже в «Алексиаде», см.: Reinsch, Cambylis 2001. X, 11, 9, 30, 34 (P. 320); XI, 1–2 (P. 321–324); XI, 7–8 (P. 341–348); XI, 11, 6, 78 (P. 355); XIV, 2, 6, 87 (P. 430); XIV, 2, 14, 12 (P. 434).

²³ Reinsch, Cambylis 2001. VII, 6, 51 (P. 218). Подробнее: Дробышев 2021: 150–152.

²⁴ Биографии и *cursus honorum* многих представителей византийской аристократии разных уровней (упоминаемых в разнообразных источниках: нарративных материалах, актах, печатях) реконструированы методами просопографии. Один из них направлен на воссоздание отдельных социальных групп на основе содержащихся в источниках характеристик людей рассматриваемой эпохи. Этот метод не только успешно использован в историографии применительно к хронологическим и географическим рамкам этой темы, но и может быть по-новому осмыслен после выхода в свет «Просопографического словаря палеологовского времени», издаваемого немецкими учеными на протяжении 20 лет. В словаре (Prosopographisches Lexicon der Palaiologenzeit. Wien, Fasc. 1–12. 1976–1996) собраны практически все встречающиеся в источниках имена и патронимы с кратким описанием и библиографией. В отечественной

Из представителей восточных народностей в окружении Алексея Комнина в «Алексиаде» особо выделяются Григорий Пакуриан (Γρηγόριος Πακουριάνος) и Татикий (Τατίκιος). Ниже будут рассмотрены отдельные факты их жизни и деятельности и показано их отражение в историографических исследованиях по византистике.

Григорий происходил из знатного рода Пакурианов, принадлежавшего к этнообщности ивиров²⁵. Согласно наблюдениям В.А. Арутюновой-Фиданян этноним «ивир» (ὁ Ἴβηρ) в византийских источниках XI века употреблялся в пяти значениях. Под ним могли подразумеваться испанцы, грузины, уроженцы византийской фемы Иверия, армяне-халкидониты и монахи монастыря Ивирон на Афоне²⁶. Выходцы из семьи Пакурианов перешли на службу в РOMEЙСКУЮ империю около 1000 г. при императоре Василии II Болгаробойце. Сам Григорий Пакуриан служил в византийской армии с 1060-х гг. и к 1083 г., по видимому, уже успел сделать некую карьеру на службе в РOMEЙСКОЙ империи, сохранив при этом знание армянского и грузинского языков. В отечественной историографии, с одной стороны, отмечается сложная «кивирская», т.е. «грузино-армянская», идентичность Григория Пакуриана²⁷, характерная для народов Закавказья. С другой стороны, имеет место спор о его этнической принадлежности к армянской или грузинской народности²⁸. При всей сложности существующей дискуссии следует указать, что этнонимом «ивир» в византийском историописании могли обозначаться представители обеих народностей.

Для знатного ромея Григорий Пакуриан оставался в какой-то мере «армянином»-инородцем. Так, Анна Комнина положительно характеризуя Григория, назвала его γένους Ἰακτρῶν Ἀρμενίων ὀρώμενος (происходящим из знатного армянского рода)²⁹. Как представляется, в историографии упущен немаловажный аспект такой идентификации: Григорий Пакуриан не назван армянином или ивиром, поскольку, ко времени составления Анной Комниной своего сочинения, он уже был типичным ромеем, и Анна об этом знала (точнее, не могла не знать). Однако род Григория Пакуриана был именно «армянским», т.е. принадлежащим к народу армян или сообществу монофизитской церкви. Оба варианта такой принадлежности охватываются семантикой греческой лексемы Ἀρμένιος («армянский»). И, как очевидно, Григорий Пакуриан на новой родине, в Романии, стал полноправным ромеем (и считал себя таковым),

историографии эта методика использовалась в Каждан 1974 применительно к комниновской эпохе (XI–XII вв.). В настоящее время собраны электронные базы данных Prosopographie der mittel-byzantinischen Zeit (PMBZ) и Prosopography of Byzantine World. – http://pom.bbaw.de/pmbz/index_engl.html ; <https://pbw2016.kdl.kcl.ac.uk/> (март, 2024).

²⁵ См. обзоры: Каждан 1975: 60–63, 143–145; Степаненко, Шандровская 2005: 171–193; Степаненко 2006: 225–236; Арутюнова-Фиданян 2011: 5–22.

²⁶ Арутюнова-Фиданян 1994: 69–70.

²⁷ Степаненко, Шандровская 2005: 189.

²⁸ Шаридзе 1971: 240–270. Противоположная точка зрения: Арутюнова-Фиданян 1994: 68–75.

²⁹ Reinsch, Cambylis 2001. II, 4, 6 (P. 63) – Анна Комнина. Алексиада II, 4 (С. 97).

хотя его происхождение всегда оставалось предметом особого, не слишком доброжелательного, отношения к нему других аристократов.

В нем, ивире по происхождению, органично сочеталось восхищение Ромейской империей и её церковью с некой настороженностью и недоверием к ромеям в вопросах религии (или, возможно, церковной юрисдикции). Эта тема занимает особое место в «Типике Петрицонского монастыря» Григория Пакуриана. Получив разрешение основать монастырь в Болгарии, он всячески желает обезопасить его от разных посягательств представителей ромейских церковных властей (например, митрополита Филипполя) и гражданских³⁰. Таким образом, как представляется, ко времени составления «Типикона» Григорий считал себя одновременно и ивиром, и ромеем. Пакурианы же (как и другие ивирские семьи) принадлежали к среднему классу провинциальной аристократии³¹; поэтому Григорий, несмотря на блестящую карьеру³², по своему опыту и мировоззрению скорее тяготел именно к таким типичным среднестатистическим аристократам из разных провинций империи. Он служил на восточном фронтире империи; участвовал в заговоре 1081 г., приведшем Алексея Комнина на трон (за что был им хорошо вознагражден). При Алексее I Комнине он занял высший военный пост империи – *доместика схол запада* (т.е. стал фактическим главнокомандующим). На протяжении своей карьеры он получал от сменявшихся императоров милости и привилегии, в т.ч. крупные земельные пожалования во Фракии, которые впоследствии и передал своему монастырю в Болгарии³³. Погиб Григорий Пакуриан в 1086 г., на Балканах, в битве с кочевниками под Белятовым.

³⁰ См.: Типик Григория Пакуриана XXIV (С. 108–109), где Григорий называет ромеев насильниками (βίαιοι ὄντες), корыстолюбцами (πλεονέκται) пустословами (περίλογοι) и пишет о запрете зачисления ромейских пресвитеров и монахов в монастырь, чтобы они «никоим образом не причинили вреда и ущерба монастырю».

³¹ Степаненко 2006: 235.

³² О карьере Григория известно из «Алексиады» (Reinsch, Cambylis 2001. II, 4, P. 57–59, II, 6, 7, 8 P. 75–77) – Анна Комнина. Алексиада II, 4 (С. 45–47), II, 6, 7, 8 (С. 50–55), а также по личным печатям (см.: Степаненко, Шандровская 2005: 171–193).

³³ См., напр., Морозов 2008: 185–197, где выполнено сравнение бытовых представлений социальной среды Григория Пакуриана и Кекавмена (посредством сопоставления их сочинений, соответственно, «Типикона» и «Стратегикона»). Согласившись со схожестью восприятия дома (oikos) и понимания службы империи обоими авторами, заметим, что, вероятно, потомки Кекавмена, представители той же социальной среды, достигли более скромной карьеры, по сравнению с потомками Григория. Известно, что Кекавмен, по-видимому, старший сверстник Григория, был стратигом «в отставке» в городе Лариса; еще два носителя такого патронима упоминаются в «Алексиаде». Вероятно, речь идет о младших представителях рода Кекавменов – Катакалоне (Κατακαλὼν ὁ Кеκαυμένος [Reinsch, Cambylis 2001. P. 276, 279]) и Михаиле (Μιχαήλ ὁ Кеκαυμένος [Reinsch, Cambylis 2001. P. 338, 397, 400, 473]), чье положение связано с отношением к трону (согласно «Алексиаде», Катакалон Кекавмен, участник заговора против императора в 1094 г., был сослан в Цезареполис и впоследствии ослеплен; Михаил Кекавмен, один из стратегов, воевавших в Малой Азии с турками и войсками Бозмунда Тарентского за интересы империи (о роде и генеалогии людей с патронимом «Кекавмен» см.: Savvides 1986 / 1987: 12–27).

Текст Типикона» насыщен ссылками на хрисовулы (которые сам Григорий получал по разным юридическим поводам) и документы, например, «завещание» родного брата Григория магистра Апасия (Аббаса): *Ὁ δὲ μακάριος καὶ γνησιώτατος μου ἀδελφὸς ὁ ἀλοιχόμενος μάγιστος Ἀπάσιος ἐτύπωσε ἐν τῇ ἐγγράφῳ αὐτοῦ διατυπώσει...* – «Блаженной памяти кровный брат мой усопший магистр Апасий в своем письменном завещании указал...». В этом тексте есть две прямые цитаты из собственноручно написанного завещания (*ἐν τῇ ἐγγράφῳ*)³⁴ Апасия и несколько отсылок к нему. В завещании Апасия было указано, что его тело нужно захоронить в церкви или монастыре, который будет основан Григорием Пакурианом, и что он тоже вкладывает в это церковное заведение свое владение – деревню Прилонкий³⁵. Таким образом, можно предположить, что Григорий считает свой «Типикон» своеобразной формой завещательного документа, который объединит посмертную волю и его самого, и его любимого брата.

В «Типиконе» встречаются 11 отсылок к различным хрисовулам (*οἱ χρυσοβούλλοι*)³⁶. Как правило, это – хрисовулы, дарованные лично Григорию Пакуриану. «Типикон» содержит три перечня таких грамот. Эти документы, как указывает автор, подтверждают его титулы, имения, а также права некоторых людей из его окружения. Первый перечень посвящен хрисовулам, хранящимся в храме св. Софии (*Διὰ τῶν χρυσοβούλλων τῶν φυλαττομένων ἐν Κωνσταντινουπόλει εἰς τὴν τοῦ Θεοῦ μεγάλην ἐκκλησίαν* – «Про хрисовулы, хранящиеся в Константинополе, в Великом Божьем храме»³⁷). Второй перечень состоит из девятнадцати оригинальных хрисовулов и трех копий, подтверждающих права и титулы Григория Пакуриана, видимо, из его личного архива. Третий перечень – из хрисовулов, хранящихся в Петриционском монастыре. Один из таких хрисовулов – от императора Алексея I Комнина – освобождает Петриционский монастырь от налогов³⁸; другие – подтверждают иммунитетные права основанного Григорием Пакурианом монастыря³⁹.

Другой яркий представитель Востока из окружения Алексея Комнина – турок Татикий (*Τατίκιος*)⁴⁰, упоминаемый в «Алексиаде» (кн. IV, VI, VII, IX–XI и XIV), был одним из информаторов Анны Комниной (например, об осаде крестоносцами Антиохии совместно с отдельными византийскими боевыми контингентами под командованием Татикия

³⁴ Le Turikon (Gautier 1984. P. 39, 41) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 77–78).

³⁵ Le Turikon (Gautier 1984. P. 39) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 77).

³⁶ Le Turikon (Gautier 1984. P. 35, 39, 41, 93, 125, 127, 129) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 75, 77, 78, 101, 103, 118–120).

³⁷ Le Turikon (Gautier 1984. P. 125) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 118).

³⁸ Le Turikon (Gautier 1984. P. 45) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 81).

³⁹ *...καὶ ἅπ' αὐτοῦ δὴ τοῦ βασιλικῆς μέρους καὶ τοῦ πατριарχικῆς, καθόστερ διὰ τῶν εὐσεβῶν καὶ προσκνητῶν χρυσοβούλλων προεθεσπίσθη* – и даже от вмешательства самого василевса и патриарха, как было утверждено благочестивыми и достойными поклонения хрисовулами). См.: Le Turikon (Gautier 1984. P. 93; 91) – Типик... (Арутюнова-Фиданян 1978. С. 103; 101).

⁴⁰ Подробнее о нём, см.: Kazhdan 1991d: 2014; Necipoğlu 2006: 257–258.

было известно Анне именно от него). Татикий⁴¹, будучи приближённым Алексея, раскрыл заговор Никифора Диогена и Михаила Кекавмена в 1094 г. Неслучайно, после конфликта Татикия с Бозмундом Таренстким и его ухода из-под Антиохии в «Алексиаде» начинается «хронологический» хаос⁴², о котором ранее мы упоминали. Источники, созданные участниками и сторонниками крестоносцев, обвинили Татикия во многих сложностях и проблемах крестоносцев (в частности, в сговоре с турками-сельджуками при осаде Антиохии).

Историография эпохи крестовых походов «подхватила» такое отношение к действиям и поступкам Татикия. В ней, с одной стороны, просматривается соглашение в том, что Татикий следовал интересам империи и императора; с другой, отмечается, что не могло быть и речи о его нарушении договора (сделки) с воинством крестоносцев (ведь даже после ухода Татикия с византийским контингентом из-под Антиохии, греки продолжили поставлять продовольствие крестоносным войскам⁴³), что подтверждается актовым и эпистографическим материалом. Потомки же Татикия служили на протяжении почти пяти поколений византийским императорам⁴⁴.

Таким образом, в окружении Алексея Комнина «присутствуют» не только члены его семьи и ближайшие родственники, но и представители западноевропейской аристократии и восточных народностей. Как было показано, по византийским источникам эпохи Комнинов вполне возможно воссоздать вехи жизненного пути рассматриваемых персонажей: реконструировать их происхождение, карьерный путь и практику инкорпорирования в социальную и политическую структуру Ромейской империи (что отражено в современных исследованиях по византистике). Однако вопросы, связанные с мировоззрением представителей окружения императора (будучи не до конца изученными), еще ждут своего исследователя, заставляя вновь и вновь обращаться к источникам.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Anna Comnenae Alexias // *Corpus fontium historiae Byzantinae* / Rec. D.R. Reinsch et A. Cambylis. Berolini: Walter de Gruyter, 2001. Vol. 40/ 1. 508 p. – <https://el.wikisource.org/wiki/Αλεξιάς/Προοίμιо> (март, 2024).
- Gautier P. Le typikon du sébaste Grégoire Pakourianos // *Revue des études byzantines*. 1984. T. 42. P. 5–145.
- Анна Комнина. Алексиада / Перевод, комментарий и вступительная статья Я. Н. Любарского. СПб., 2010 [Anna Komnina. Aleksiada (Anna Comnenae Alexias) / Perevod, komentarii i vstupitel'naya stat'ya Ya. N. Lyu-barskogo. SPb., 2010].
- Типик Григория Пакуриана / Введение, перевод и коммент. В.А. Арутюновой-Фиданян. Ереван, 1978 [Tipik Grigoriya Pakuriana (Typicon of Gregory Pakourianos) / Vvedenie, perevod i komment. V.A. Arutyunovoi-Fidanyan. Erevan, 1978].

⁴¹ В историографии не ставился вопрос о том, был ли крещен Татикий. Скорее всего, был, и, безусловно, он мог говорить и писать по-гречески. В «Алексиаде» (XIII, 5 [С. 351]) есть известия о турке Скалиарие, который роменизировался и принял крещение.

⁴² Шаландон 2017: 265–277; Любарский 1965: 99–120.

⁴³ Подробнее, см.: Франкопан 2018: 224–225.

⁴⁴ Necipoğlu 2006: 257–258.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арутюнова-Фиданян В.А. Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994. С. 69–70 [Arutyunova-Fidanyan V.A. Armeniano-vizantiiskaya kontaktnaya zona (X–XI vv.). Rezul'taty vzaimodeistviya kul'tur (Armenian-Byzantine contact zone (X–XI centuries). Results of interaction between cultures). М., 1994. S. 69–70].
- Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на службе Византийской империи: Пакурианы // Византийские очерки. Труды российских ученых к XII Международному конгрессу византинистов. СПб., 2011. С. 5–22 [Arutyunova-Fidanyan V.A. Armyane-khalkidonity na sluzhbe Vizantijskoj imperii: Pakuriany (Chalcedonian Armenians in the service of the Byzantine Empire: Pakurians) // Vizantijskie очерки. Trudy rossijskich uchennykh k XII Mezhdunarodnomu kongressu vizantinistov. SPb., 2011. S. 5–22].
- Бибиков М.В. Анна Комнина // Православная энциклопедия / Под общей ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2001. Т. II [Bibikov M.V. Anna Komnina (Anna Komnena) // Pravoslavnaya entsiklopediya / Pod obshchej red. Patriarkha Moskovskogo i vseya Rusi Aleksiya II. – М.: Tserkovno-nauchnyi tsentr «Pravoslavnaya entsiklopediya», 2001. T. II].
- Бибиков М.В. Византийская историческая проза. М., 1996. [Bibikov M.V. Vizantijskaya istoricheskaya proza. (Byzantine historical prose) М., 1996.]
- Диль Ш. Анна Комнина // Византийские портреты. М., 1994. Ч. II. Гл. 2. С. 241–257. [Dil' Sh. Anna Komnina (Anna Komnena) // Vizantijskie portrety. М., 1994. Ch. II. Gl. 2. S. 241–257].
- Дробышев М.И. Сведения о графах Фландрии в «Алексиаде» Анны Комнины // В диалоге с Бельгией: история, дипломатия, культура (к юбилею А.С. Намазовой) / Отв. Ред. Г.А. Шатохина-Мордвинцева. М., 2021. С. 150–152. [Drobyshv M.I. Svedeniya o grafah Flandrii v “Aleksiade” Anny Komniny (Information about the Counts of Flanders in Anna Komnena’s “Alexiada”) // V dialoge s Bel'giej: istoriya, diplomatiya, kul'tura (k yubileyu A.S. Namazovoj) / Otv. Red. G.A. Shatohina-Mordvinceva. М., 2021. S. 150–152].
- Каждан А.П. Армяне в составе господствующего класса. М., 1975. [Kazhdan A.P. Armyane v sostave gosподstvuyushchego klassa Vizantii (Armenians as part of the ruling class of Byzantium) М., 1975].
- Каждан А.П. Византийская культура X–XII вв. СПб., 2010 [Kazhdan A.P. Vizantijskaya kul'tura X–XII vv. (Byzantine culture of the X–XII centuries). SPb., 2010].
- Каждан А.П. Социальный состав господствующего класса Византии. М., 1974. [Kazhdan A.P. Social'nyj sostav gosподstvuyushchego klassa Vizantii. (The social composition of the ruling class of Byzantium). М., 1974].
- Любарский Я.Н. Алексиада – шедевр византийской литературы? // Византийские историки и писатели. М., 2012. С. 262–279 [Lyubarskij Ya.N. Aleksiada – shedevr vizantijskoj literatury? (Alexiade – a masterpiece of Byzantine literature?) // Vizantijskie istoriki i pisateli. М., 2012. S. 262–279].
- Любарский Я.Н. Замечания к хронологии XI книги Анны Комниной // Византийский временник. 1963. Т. XXIII. С. 47–56. [Lyubarskij Ya. N. Zamechaniya k hronologii XI knigi Anny Komninoj (Remarks on the chronology of the XI book of Anna Komnena) // Vizantijskij vremennik. 1963. T. XXIII. S. 47–56].
- Любарский Я.Н. Об источниках «Алексиады» Анны Комниной // Византийский временник. 1965 Т. 25. С. 99–120 [Lyubarskij Ya. N. Ob istochnikah “Aleksiady” Anny Komninoj (On the sources of Anna Komnina’s “Alexiada”) // Vizantijskij vremennik. 1965 T. 25. S. 99–120].
- Любарский Я.Н. Предисловие // Анна Комнина Алексиада / Пер., коммент. и ст. Я.Н. Любарского. СПб., 2010. С. 5–49 [Lyubarskij Ya. N. Predislovie (Preface) // Anna Komnina Aleksiada / Per., komment. i st. Ya.N. Lyubarskogo. SPb., 2010. S. 5–49].
- Морозов М.А. Мирозозрение пограничной знати Византийской империи в XI в. на примере Катакалона Кекавмена и Григория Пакуриана // История. Мир прошлого в современном освещении. Сб. науч. статей к 75-летию проф. Э.Д. Фролова. СПб., 2008. С. 185–197 [Morozov M.A. Mirovozzrenie pogranichnoj znati Vizantijskoj imperii v XI v. na primere Katakalona Kekavmena i Grigoriya Pakuriana (The worldview of the frontier nobility of the Byzantine Empire in the XI century: Katakalon Kekaumenos and Gregory Pakurian) // Istoriya. Mir proshlogo v sovremennom osveshchenii. Sb. nauch. statej k 75-letiyu prof. E.D. Frolova. SPb., 2008. S. 185–197].

- Степаненко В.П., Шандровская В.С. Татул и Пакурианы // Античная древность и Средние века. 2005. Вып. 36. С. 171–193. [Stepanenko V.P., Shandrovskaya V.S. Tatul i Pakuriany (Tatul and Pakurianos) // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. 2005. Vyp. 36. S. 171–193].
- Степаненко В.П. К просопографии ивирских родов в Византии конца X–XI в.: Чортванели и Пакурианы // Античная древность и Средние века. 2006. Вып. 37. С. 225–236 [Stepanenko V.P. K prosopografii ivirskih rodov v Vizantii konca X–XI v.: Chortvaneli i Pakuriany (On the prosopography of the Ivir families in Byzantium of the late 10–11 centuries: Chortvaneles and Pakurianos) // Antichnaya drevnost' i Srednie veka. 2006. Vyp. 37. S. 225–236].
- Франкопан П. Первый крестовый поход. Зов с Востока / Пер. М. Витебский / Ред. Р. Шляхтин М., 2018 [Frankopan P. Pervyj krestovoj pohod. Zov s Vostoka (The First Crusade: The Call from the East) / Per. M. Vitebskij / Red. R. Shlyahhtin. M., 2018].
- Шаландон Ф. Алексей I Комнин. История правления 1081–1118. М., 2017 [Shalandon F. Aleksei I Komnin. Istoriya pravleniya 1081–1118 (The history of the reign of Alexius I Komninus). M., 2017].
- Шаридзе А.Г. Грузинский монастырь в Болгарии и его Типик Григория Пакуриана. Тбилиси, 1971 [Sharidze A.G. Gruzinskii monastyr' v Bolgarii i ego Tipik Grigoriya Pakuriana (Georgian monastery in Bulgaria and its Typikon of Gregory Pakurian). Tbilisi, 1971].
- Kazhdan A. Anna Komnene // Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Vol. I–III. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1142. – Kazhdan 1991A.
- Kazhdan A. Isaak Komnen // Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Vol. I–III. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. 2. P. 1144. – Kazhdan 1991B.
- Kazhdan A. Comes // Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Vol. I–III. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. I. P. 484–485. – Kazhdan 1991C.
- Kazhdan A. Tatikios // Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. by A. Kazhdan. Vol. I–III. N.Y.; Oxford, 1991. Vol. III. P. 2014. – Kazhdan 1991D.
- Necipoglu N. Turks and Byzantines (Eleventh–Twelfth Centuries) // The Turkic Speaking Peoples: 2000 Years of Art and Culture from Inner Asia to the Balkans. N.Y.: Prince Claus Fund Library, 2006. P. 254–265.
- Savvides A. The Byzantine Family of Kekaumenos (Cesaumenos) (Late 10th – early 12th Century) // Δίπτυχα Ἐταιρείας βυζαντινῶν καὶ μεταβυζαντινῶν μελετῶν. 1986/1987. Τ. 4. Σ. 12–27.
- Treadgold W. The Middle Byzantine Historians. N.Y., 2013.
- Wilson N. An Anthology of Byzantium Prose. N.Y., 1971.

Дробышев Максим Игоревич, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, maksimus1008@mail.ru

On the Issue of Alexei I Komnenos' Environment

The paper examines the environment of the Byzantine emperor Alexios I Komnenos (1056/1057–1118), reconstructed on sources of his epoch (“Alexias” of Anna Komnena [1083–1053], “Typikon” of Gregory Pacurianus [d. 1086] and others). In the context of Byzantine historiography and modern Byzantine studies, facts from the life of the most prominent representatives of the East – Gregory Pakurian and Tatikios (c. 1056–1099) are discussed. Information on their origins is analyzed, their careers and the practice of inclusion in the social and political structure of the Roman Empire are studied.

Key words: Gregory Pacurianus, Tatikos, source, historiography, Byzantine studies.

Drobyshev Maksim Igorevich, Junior Researcher, Institute of World History at the Russian Academy of Sciences; maksimus1008@mail.ru

А.Л. МАМОНТОВ

ДОЛГИЙ ПУТЬ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ

Новая книга видного британского антиковеда и византиниста А. Кэмерон представляет собой сборник статей об историографии поздней античности. Посредством анализа творчества ряда учёных (Э. Гиббона, А. Пиренна, А. Х. М. Джонса, П. Брауна и др.) в ней исследуется, как период, изначально считавшийся лишь эпохой упадка позднего Рима, постепенно стал восприниматься как время долгой трансформации – перехода от древности к Средним векам. Рассмотрены основные аспекты развития историографии поздней античности. Среди них можно выделить возрастание интереса к культуре и религии, сдвиг хронологических рамок и расширение географических, внимание к субъектности в истории. Вместе с автором мы обратились и к вопросу о влиянии общества на труд историка. Работы, включённые в сборник, помогают проследить творческий путь Кэмерон, увидеть, как менялись её взгляды и сама наука. К сожалению, почти все герои книги – представители британской историографической традиции, что существенно ограничивает перспективу. С другой стороны, это позволяет глубже погрузиться в научную среду, в которой возникла современная концепция поздней античности.

Ключевые слова: *поздняя античность, поздняя Римская империя, Византия, историография.*

В 2023 г. в серии *Variorum collected studies* (издательство *Routledge*) вышло в свет собрание статей Аверил Кэмерон об историографии поздней античности и ранней Византии¹. Кэмерон – видный британский антиковед и медиевист, автор ряда значимых работ, в которых раскрываются общие и частные проблемы истории Средиземноморья в I тысячелетии н.э.² Также исследовательница неоднократно выступала в качестве ответственного редактора коллективных монографий, в том числе об изображении женщин в античности и Византии и о раннем исламе³. Новая книга совместит размышления о проблемах развития историографии с рефлексией творческого пути самой Кэмерон. Основная цель собрания отражена в его названии – проследить перерождение научной области, изначально ориентированной на историю упадка Римской империи, в изучение поздней античности и далее – как было в случае Кэмерон – Византии и её соседей. Четырнадцать текстов, включённых в книгу, посвящены наследию Э. Гиббона, А. Пиренна, А.Х.М. Джонса, А. Момильяно, П. Брауна и др. Каждый очерк снабжён небольшим предисловием, где автор рассказывает об обстоятельствах его появления и особенностях (нередко в критическом духе).

Книга открывается статьёй о классическом труде Э. Гиббона (1737–1794)⁴. Кэмерон анализирует описание правления императора

¹ Cameron 2023. Почти все эти статьи были ранее опубликованы в других изданиях.

² Например, Cameron 1991; 1993; 2014.

³ Например, Cameron, Conrad 1992; Cameron, Kuhrt 1993; Cameron, King 1994.

⁴ Издание Д.Б. Бьюри: Gibbon 1896–1900.

Юстиниана (527–565) и приходит к выводу, что Гиббон был слишком зависим от трудов Прокопия Кесарийского. Этим объясняется то, что историк не смог в полной мере оценить значение деятельности императора (4–20). Во второй статье речь идёт о жизни и трудах Д.Б. Бьюри (1861–1927), Н.Х. Байнса (1877–1961) и А.Д. Тойнби (1889–1975), творчество которых отражает ход развития византистики в Британии (21–33). Затем следует текст лекции о работах С. Дилля (1844–1927), считавшего причиной падения империи нравственный упадок её жителей (34–44). Здесь, как и в четвёртой статье – о бельгийском учёном А. Пиренне (1862–1935) – подняты вечные вопросы о взаимоотношениях историка и общества: влиянии социального контекста на научное творчество и ответственности исследователя за свои выводы (45–51).

Несколько статей посвящены учёным поколений, по времени более близких Кэмерон (преимущественно работы 1940–1960-х гг.). В очерке об А.Х.М. Джонсе (1904–1970) как исследователе поздней империи автор видит черты, свойственные и современной историографии (например, интерес к экономике и расширение хронологических рамок), однако не соглашается с его представлением о варварах и их роли. Также Кэмерон отмечает отсутствие освещения в трудах Джонса судьбы восточной части империи после арабского завоевания (52–68). Далее следуют статья о Р. Браунинге (1914–1997), наполненная интересными биографическими деталями (69–84), и ещё две о научном руководителе Кэмерон — А. Момильяно (1908–1987). Автор обращает внимание на то, как учёный понимал значение процесса распространения христианства, которое, по Момильяно, заключалось в возникновении нового, более глубокого, понимания свободы (85–99; 100–124).

Статьи, расположенные ближе к концу книги, посвящены историографии последней трети XX века. Среди них: рецензия на монографию Э. Патлажан (1932–2008) по социальной истории IV–VII вв. (125–132); эссе о влиянии М. Фуко (1926–1984) на изучение христианства и поздней античности, заключающемся прежде всего в стимулировании интереса к проблеме субъективности (133–144); четыре статьи, прямо или косвенно имеющие отношение к трудам и идеям П. Брауна (1935 г.). Первая из них – краткая рецензия на его книгу «Мир поздней античности»⁵, в которой период был показан как время сложной трансформации, а не упадка классической культуры (145–148). За ней – статья об аскетическом дискурсе, его содержании, влиянии на общество и политическую жизнь (149–166). С этой темой логически связан очерк о святых и их роли, в основу которого положен анализ работ Брауна. Вновь рассматривая природу аскетизма, Кэмерон также показывает распространённость и значение мимесиса (подражания) в культе святых (167–183). Последняя статья посвящена восприятию поздней античности как периода кризиса. Кэмерон призывает отказаться от этого взгляда и пи-

⁵ Brown 1971.

шет о трансформации Средиземноморья, показывая, насколько полнее стали представления об этой эпохе к концу XX в. (184–196).

Хотя книга составлена из публикаций, относящихся к пяти разным десятилетиям⁶, она производит цельное впечатление. Это объясняется как особенностями организации материала (расположение статей по хронологии сюжетов; наличие предисловий, написанных автором с учётом своих взглядов на момент составления сборника), так и внутренним единством. При чтении кажется, что на протяжении своей научной биографии Кэмерон регулярно возвращалась к одним и тем же вопросам. Нам хотелось бы вместе с ней остановиться на некоторых из них.

Большое внимание Кэмерон уделяет проблеме определения самого периода и его соотношения с другими эпохами. В книге мы видим, как представления о кризисе античности и гибели империи, ярче всего выраженные Гиббоном, Диллем, отчасти Джонсом, постепенно теряли актуальность. Позитивное толкование роли христианства и церкви (Байнс, Момильяно), интерес к ранневизантийской культуре и интеллектуальной жизни (Браунинг), социальной истории (Патлажан) привели к осознанию самостоятельной ценности периода. Этот сдвиг был выражен в работах Брауна и способствовал расширению исследовательских горизонтов: «Слишком легко писать о мире поздней античности, как если бы это была просто история “Упадки и разрушения”, конца Римской империи для Запада и Персии, державы Сасанидов, для Ирана. С другой стороны, мы всё лучше замечаем нововведения этого периода: мы обращаемся к нему, чтобы понять, почему Европа стала христианской, а Ближний Восток мусульманским; мы стали ясно ощущать “современный” характер нового абстрактного искусства того времени; сочинения таких людей как Плотин и Августин удивляют нас, будто мы уловили отзвук — как в необычной увертюре — очень многого, что чуткий европеец привык считать наиболее “современной” и ценной частью своей культуры»⁷. Впрочем, в истории культуры действительно легче обнаружить преемственность, чем в экономической и политической жизни, в связи с чем работы Брауна подвергались критике⁸.

⁶ Рецензия на «Мир поздней античности» была опубликована в 1973 г., а самая поздняя статья, о Пиренне – в 2016 г. В том же году была прочитана лекция о Дилле.

⁷ Здесь и далее все переводы наши. Brown 1971: 7.

⁸ Ващева 2009: 224. Об этом пишет и Н.А. Селунская: «Увидеть черты континуитета цивилизации вместо упадка основ и прекращения традиций весьма легко, если обратить внимание не на кризисы экономических и политических систем, а на культуру и выражение религиозного чувства, эстетического начала. Ведь культура, а тем более культура элиты, отпечаток которой мы обычно только и можем проследить по сохранившимся памятникам, не так жестко связана с «материальными» обстоятельствами, чтобы находиться в упадке по причине изменения экономической конъюнктуры или демографических колебаний. И эта культура продолжает приносить свои плоды. Правда, плоды, которые приносит дерево, порой совсем не похожи на ветви и ствол. Но плоды культуры также принадлежат тому дереву, от которого они произросли». Селунская 2004: 234.

В результате развития науки изменилось и представление о границах позднеантичного мира. Внимание современных исследователей, хотя и сосредоточено на Средиземноморье, обращено и на страны Африки (Нубия, Аксум), и на области Северной Европы. Кэмерон часто останавливается на отношении разных учёных к Аравии и исламу, отмечая, что Пиренн и Джонс считали арабские завоевания рубежом в истории покорённых стран, тогда как современные исследователи чаще рассматривают возникновение ислама в контексте самой позднеантичной цивилизации, подчёркивая его связь с иудаизмом и христианством. Книга позволяет проследить постепенное смещение верхней хронологической границы периода: от времени Алариха и Одоакра (V в.) ко времени Юстиниана (VI в.), затем Мухаммеда и Ираклия (VII в.), иконоборческих споров и Карла Великого (VIII–IX вв.), даже до конца тысячелетия. Каждый раз в очередном рубеже историки обнаруживали не переломный момент, а определённый этап долгой трансформации. Например, в странах Ближнего Востока и после VII в., уже под властью халифов, долго сохранились элементы прежней культуры⁹.

В статьях сборника поднимается и ряд более специальных, но важных для исследования поздней античности проблем. Не все они рассмотрены подробно: например, почти без внимания остались вопросы о причинах кризиса Римской империи и о значении варварских переселений. В большей степени автора привлекают мнения разных учёных о роли христианства в трансформации Средиземноморья. Мы встречаем противоположные мнения: Гиббон рассматривал христианство как одну из причин упадка империи; Джонс считал, что христианство в лучшем случае не привнесло ничего принципиально нового; для Момильяно христианство было продуктом слияния эллинской и иудейской культур, новой формой объединения людей и проводником нового понимания свободы – уже не политической, а духовной – и вообще итогом и смыслом античной истории. Вслед за Фуко перенесён акцент на изучение исторического субъекта, в одной из статей Кэмерон отказывается вступать в старую дискуссию и пишет: «Оценивая результаты и масштаб христианизации, некоторые учёные в поисках улучшения нравственности и поведения людей столкнулись с его отсутствием. В любом случае, учитывая природу наших источников, такие изменения сложно проследить. Однако сама эта задача, как кажется, вводит в заблуждение. Другой подход начинается с рассмотрения актуальных дискурсов, которые, вероятно, сформировали позднеантичное общество» (156). Как можно догадаться, это цитата из статьи об аскетическом дискурсе, который тоже стал значимой темой для Кэмерон. Перед читателем аскетизм предстаёт как мировоззренческая установка, очень многогранная по своему содержанию (для отдельного человека, социальных групп, общества и государства), находящаяся в не до конца ясной связи с христианством,

⁹ «Сад, защищённый нашими копьями» — так Браун назвал главу об этом времени: Brown 1971: 194–203.

распространяющаяся разными способами. Вместе с другими учёными автор предполагает, что рост влияния этого дискурса был одной из наиболее характерных черт поздней античности.

Изучая работу историков разных периодов, Кэмерон часто ставит вопрос об их взаимоотношениях с обществом и предполагает влияние политического и социального контекста на научное творчество¹⁰. В этой связи наиболее показательны судьбы бельгийского историка А. Пиренна и итальянского историка А. Момильяно. Пиренн лично пострадал в годы I мировой войны¹¹, а затем, отвергнув тезис немецких учёных о решающей роли германцев в падении Рима, сформулировал концепцию возникновения новой Европы как результата деятельности Мухаммеда и Карла Великого. Момильяно, вынужденный эмигрировать из фашистской Италии в Великобританию, в 1940 г. прочитал курс лекций о мире и свободе, в которых связал западное понимание свободы с христианскими идеалами, противопоставив их разлагавшемуся римскому государству. В дальнейшем восприятие христианства как пути преодоления упадка античной цивилизации оставалось характерным для мысли Момильяно. Ещё чаще встречаются случаи, когда современная действительность и характерные для неё дискурсы определяли научную повестку в целом. Именно в таком ключе Кэмерон пишет об имперском дискурсе, под влиянием которого историю пишут «с позиции центрального правительства»¹². При децентрализации политической и общественной жизни на первый план могут выйти другие подходы, направленные на исследование трансформации общества и исторического субъекта. Общество как потребитель исторического знания формирует на него свой запрос: «...прерогатива истории – снова и снова обращаться к основным проблемным аспектам нашего прошлого и делать это таким образом, который значим для нашего поколения и с позиции нашего опыта. Каждое поколение по-своему помнит о прошлом и воссоздаёт его» (196). С этим связан вопрос об ответственности историка за свою работу. Кэмерон не видит возможности учиться у истории, вынося из неё актуальные уроки: ход истории не повторяется, поэтому «уроки истории» могут быть несостоятельными и даже опасными для общества. Польза изучения прошлого, напротив, заключается в формировании более глубокого и осмысленного представления о действительности, готовности к её критическому восприятию (43).

В целом эта книга представляется в значительной степени личной. В ней много биографических фактов, которые Кэмерон могла узнать во время бесед с самими исследователями или от их родственников и зна-

¹⁰ Такие наблюдения характерны для современной историографии. Более детально влияние различных контекстов на исследователей периода (начиная с Франции XVIII в.) прослеживает И. Вуд: Wood 2013. В сокращённом виде содержание этой монографии изложено в его лекции, переведённой на русский язык: Вуд 2019.

¹¹ Его сын погиб на фронте в 1914 г., а сам учёный был интернирован в Германию.

¹² Характеристика подхода Джонса, высказанная Брауном: Brown 1972: 73.

комых. Любопытные детали, такие как знакомство Бьюри с русским языком, побег разведчика Браунинга с греческого острова (на подводной лодке), тонкий юмор лектора Момильяно, часто всплывают среди размышлений автора. Вместе с тем книга наполнена рефлексией: историк постоянно анализирует свою работу, отказываясь от одних идей и возвращаясь к другим. Перед нами отражение научного поиска, который занял всю жизнь Кэмерон. Личным характером текстов объясняются и недостатки собрания. Оно не стало полноценным обзором историографии периода – впрочем, и не претендовало на это. За исключением статей о Пиренне, Патлажан и Фуко (и отчасти о Момильяно) перед нами очерки из истории британской науки. Лишь в некоторых случаях Кэмерон останавливается на фигурах зарубежных учёных, соотнося их идеи со взглядами своих героев: М.И. Ростовцев упоминается в статье о Джонсе, П. Вейн – о Брауне). Поэтому перспектива, сформировавшаяся в сборнике Кэмерон, кажется нам весьма ограниченной¹³. Ещё одна особенность книги заключается в том, что автор редко вступает в научные дискуссии, предпочитая только констатировать их наличие. Это, вероятно, связано с убеждённостью, что взгляды на прошлое могут быть разнообразными, однако в результате развитие историографии выглядит просто как череда новых подходов и концепций: в ней нет естественного (и необходимого) полемического накала¹⁴.

В целом же после прочтения книги остается ощущение открытости и динамики в развитии науки о поздней античности. Отчасти это связано с тем, что в собрание не включены тексты о работах XXI века – возможно, из-за неготовности подводить итог трудам своего поколения или открытости современного этапа развития историографии. Обобщающая же статья – о понимании поздней античности как времени трансформации – в большей степени констатирует уже происходящий переворот в восприятии эпохи, чем намечает дальнейшие перспективы для исследований. Поэтому после знакомства с книгой читатель остаётся с приятным чувством неопределённости, побуждающим к новому поиску.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ващева И. Ю. Концепция Поздней Античности в современной исторической науке // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2009. № 6 (1). С. 220–231. [Vashcheva I. Yu. Konceptsiya Pozdnej Antichnosti v sovremennoj istoricheskoy (Concept of Late Antiquity in the modern historical science) // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2009. № 6 (1). S. 220–231].
- Вуд И. Споры о падении Рима: от «старого порядка» до создания «поздней Античности» // Vox medii aevi. 2019. Vol. 1 (4). С. 175–202. [Vud I. Spory o padenii Rima: ot «starogo

¹³ Впрочем, это явно связано и с изначально британской спецификой концепции поздней античности. Она возникла как реакция на преимущественно институциональный и светский характер традиционной британской историографии периода, находившейся в середине XX в. под частичным влиянием марксизма: Селунская 2004: 239; Ващева 2009: 220–222.

¹⁴ Позиция «третейского судьи» вообще характерна для Кэмерон: Селунская 2004: 240–241.

- poryadka» do sozdaniya «pozdney Antichnosti» (Debating the Fall of Rome: from the Ancien Régime to the Creation of Late Antiquity) // *Vox medii aevi*. 2019. Vol. 1 (4). S. 175–202.
- Селунская Н.А. Осень Средневековья и Поздняя Античность: как антиковеды с медиевистами историю делили ('The Autumn of the Middle Ages' and the 'Late Antiquity': how classicists and medievalists divided the past between them) // *Диалог со временем*. 2004. № 13. С. 232–246. [Selunskaya N.A. Osen' Srednevekov'ya i Pozdnyaya Antichnost': kak antikovedy s medievistami istoriyu delili // *Dialog so vremenem*. 2004. № 13. S. 232–246].
- Brown P. *Religion and Society in the Age of Saint Augustine*. London: Faber & Faber, 1972.
- Brown P. *The World of Late Antiquity from Marcus Aurelius to Muhammad*. London: Thames and Hudson, 1971.
- Cameron A. *Byzantine Matters*. Princeton; Oxford: Princeton University Press, 2014.
- Cameron A. *Christianity and the Rhetoric of Empire: The Development of Christian Discourse*. Berkeley: University of California Press, 1991.
- Cameron A. *From the Later Roman Empire to Late Antiquity and Beyond*. L.; New York: Routledge, 2023.
- Cameron A. *The Later Roman Empire, AD 284–430*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1993.
- Cameron A., Conrad L.I. (eds.) *The Byzantine and Early Islamic Near East I: Problems in the Literary Sources*. Princeton: Darwin Press, 1992.
- Cameron A., King G.R.D. (eds.) *The Byzantine and Early Islamic Near East II: Land Use and Settlement Patterns*. Princeton: Darwin Press, 1994.
- Cameron A., Kuhrt A. (eds.) *Images of Women in Antiquity*. L.; New York: Routledge, 1993.
- Gibbon E. *The History of the Decline and Fall of the Roman Empire* / ed. by J. B. Bury. Vol. I–VII. London: Methuen, 1896–1900.
- Wood I. *The Modern Origins of the Early Middle Ages*. Oxford: Oxford University Press, 2013.

Мамонтов Андрей Леонидович, кандидат исторических наук, инженер-исследователь, Институт истории, СПбГУ, andrey-2006@mail.ru

Long Way of the Late Antiquity

The new book by prominent British classicist and Byzantinist A. Cameron is a collection of essays on the historiography of the Late Antiquity. Discussing the works of various scholars such as E. Gibbon, H. Pirenne, A. H. M. Jones, P. Brown, and others, it demonstrates how the period, primarily regarded as only an age of the decline of the late Rome, gradually came to be seen as a time of astonishing transformation, of a long transition from antiquity to the Middle Ages. Following Cameron in this review, we focus on the main aspects of the development of historiography of the Late Antiquity. Among these are the increasing interest in culture and religion, the shift in chronological scale, the expansion of geographical perspectives, and the attention to subjectivity in history. The biographical sketches included in the book make us consider the influence of society on the historian's work. The texts included in this collection help trace Cameron's scholarly development. The reader can observe how her perspectives evolved and how the field of study changed. Unfortunately, almost all the heroes of this book represent the British scholarship, and that significantly limits the perspective. However, at the same time it provides us with a depth of immersion in the scholarly landscape from which the modern concept of Late Antiquity arose.

Key words: *Late Antiquity, Later Roman Empire, Byzantine, Historiography*

Mamontov Andrei Leonidovich, Ph.D. in History, research engineer, Institute of History, Saint Petersburg State University, andrey-2006@mail.ru

«ОДНОДНЕВНЫЙ МУЗЕЙ БЫТА» И ЗЕРКАЛО ПАМЯТИ РАЗМЫШЛЯЯ О НОВОЙ КНИГЕ ИГОРЯ И НАТАЛЬИ НАРСКИХ

Статья посвящена книге Игоря и Натальи Нарских «Незаметные истории, или путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов)», вышедшей в серии «Культура повседневности» издательства «Новое литературное обозрение» в 2023 г. Несмотря на наличие сложившейся междисциплинарной традиции в изучении блошиного рынка, авторы книги демонстрируют собственный подход, рассматривая блошинный рынок как некое «другое», гетеротопическое пространство, пространство перехода, в котором происходит встреча людей и вещей и устанавливаются особые отношения между ними. Рассказывая жизненные истории людей, «незаметных» обитателей этого рынка (продавцов, покупателей, фланеров), авторы параллельно реконструируют «истории жизни» вещей, для которых блошинный рынок становится новой точкой отсчета в их биографии. Специфика объекта исследования во многом определила жанровые особенности книги, полностью укладывающейся в рамки т.н. «лирической историографии», когда язык нарратива соединяет в себе черты художественного и научного текста, автобиографические реминисценции занимают равноправное место с академическими исследовательскими методами, а сами авторы – «дилетанты» и путешественники – в пестром и сложном мире блошиного рынка, вновь и вновь возвращаются туда как в пространство своих детских воспоминаний, материализованных в старых вещах как «места памяти» о дорогих и любимых людях.

Ключевые слова: *культур(аль)ная история, материальный поворот, блошинные рынки, гетеротопические пространства, «места памяти», лирическая историография*

Секрет привлекательности культур(аль)ной истории, в прошедшие десятилетия обретшей огромное количество адептов и среди авторов, и среди читателей, можно обозначить словами одного из ее классиков Марка Блока, сказавшего об истории, что это наука «о людях во времени»¹. В самом деле, что может быть интересней, чем вглядываться в изменяющиеся миры повседневной жизни людей прошлого?² Культурная история, подобно старинному зеркалу с блошиного рынка, отражая заинтересованные лица нас сегодняшних, хранит в своей зачерненной, таинственной, еще не познанной стороне память о людях прошлого, когда-то смотревшихся в ее незамутненное стекло.

Блошинный рынок как место встречи людей и вещей, место частного обращения с прошлым (18–19, 43) – так определили одну из идей своей книги Игорь и Наталья Нарские³. Осознавая, что феномен блошиного рынка уже десятилетиями изучается специалистами – экономистами, социологами, антропологами, авторы наложили на свое исследование ограничения, определивших ряд особенностей книги. Прежде всего, авторы сосредоточили внимание на германских (в гораздо меньшей сте-

¹ Блок 1986: 18.

² Изучению истории повседневности – в первую очередь, советской в свое время отдали дань и авторы этой статьи. См.: Вишленкова, Малышева, Сальникова 2005: 785–1184; Малышева, Сальникова 2018 и др.

³ Нарский, Нарская 2023. Страницы далее указываются в тексте в скобках.

пени – российских) блошиных рынках, а основные описанные в книге события и находки относятся к одному излюбленному и неназываемому мюнхенскому блошиному рынку. Далее: источниками исследования выступали как сами вещи с блошиного рынка (старше 75–100-летнего возраста – еще одно ограничение), так и рассказы собеседников, воспоминания, «полевые дневники», записи самих авторов, а также «всевозможные репрезентации старых вещей и блошиных рынков за пределами музейного дела и исторического цеха» (63): телепередачи о барахолках, путеводители, справочники, периодика, художественные тексты и т.д.

Наконец, главной особенностью книги, выполненной в традициях культурно-исторического исследования, является способ организации, выстраивания и ведения повествования. Авторы подчеркивают, что знакомят читателя «не только с результатом исследования, но и с его течением» (39). А само повествование отличает глубокая интимность, личностный, персонализированный характер. Этот жанр, знакомый читателям по другим книгам И. Нарского, названный им «лирической историографией», соединяет черты художественно-литературного и научного текста, рассказ о себе и своей жизни – с повествованием об изучаемом объекте. Автобиографические реминисценции занимают в нем практически равноправное с другими источниками место. Именно эти качества придают работе черты то беллетристики, то травелога, превращая весьма обширный ее текст в неспешно и плавно текущее «макро-эссе».

Протестуя против возможного упрека в отходе от традиционной академичности, авторы декларируют отказ «от птичьего языка “посвященных” профессионалов» и прибегают к «прямому обращению к читателю, минуя экспертное сообщество» (44). Однако этот отказ не абсолютен, что доказывают постоянная апелляция к исследовательским трудам и концептам коллег по академическому цеху, солидная историография и примечания, а также формализованные признаки академического письма – обозначение объекта, постановка проблемы, характеристика источников, обоснование структуры работы. Характеризуя последнюю, авторы попытались «укротить» буйное разнообразие собственного текста, выстроив логику изложения: 1-я часть – вводная, рассказывает об организации книги, ее особенностях, о личностях авторов, 2-я – о блошином рынке как институции, 3-я – повествование о людях блошиного рынка и их рассказах о вещах, 4-я – собственный рассказ о вещах и их способностях поведать о владельцах и событиях, 5-я – размышления о «мужском» и «женском» в пространстве блошиного рынка, 6-я – рассказ об особенностях российского блошиного рынка и приключениях предметов и людей российского/советского происхождения на блошиных рынках.

Однако заданный вектор и своеобразный жанр работы вкупе с спецификой объекта исследования властно разрушают как стройность схемы, так и декларируемое разделение. И текст книги с ее 24-мя главами и более чем сотней подразделов как будто сам выстраивается в описываемый авторами блошинный рынок, который невозможно загнать в жест-

кую исследовательскую рамку. Здесь на тематических развалах то и дело блеснут предметы из других категорий, здесь, сделав круг по прилавкам и отдохнув за чашечкой кофе в приятных или болезненных воспоминаниях, авторы вновь возвращаются к заинтересовавшим их людям и вещам. Неожиданность, открытия, удивление, внезапное озарение, причудливые истории, потери и обретения, разные, подчас странные, люди – все это никак не вписывается в попытки авторов ограничить свой текст академическими инструментарием и правилами. На блошином рынке они свои. Но именно эта «неукротенность» текста и объекта, характеризует и подчеркивает гетеротопичность изучаемого явления.

Действительно, в описании авторов блошиный рынок – яркий пример той самой гетеротопии, «других пространств», о которых десятилетия назад говорил Мишель Фуко – пространств, которые «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются», в которых все остальные пространства «сразу и представляются, и оспариваются, и переворачиваются: места, находящиеся за пределами всех остальных мест, хотя, несмотря на это, они фактически локализуемы»⁴. В 1967 г. среди этих гетеротопий Фуко упомянул и ярмарки как гетеротопии, подчеркивающие «наиболее ничтожное, наиболее преходящее, наиболее непрочное во времени» – «эти гетеротопии на краю городов, обычно пустые, но раз или два в году наполняющиеся палатками, прилавками, разнообразными предметами, борцами, женщинами-змеями, предсказательницами судьбы»⁵. Именно эти качества преходящести, непрочности позволяют говорить о блошином рынке как об «уникальном, на один день, музее разномастного быта» (243).

Люди и вещи – главные герои книги И. и Н. Нарских, встречаются во временном, гетеротопичном пространстве блошиного рынка, как на станции вокзала или в вагоне поезда, в месте изменения их судьбы. Они рассказывают свои истории или красноречиво молчат о прошлом. Анонимность и несвязанность людей социальными и прочими ограничениями рождает здесь иные правила поведения и этикета. А вещи, выпавшие из контекста миров, в которых они бытовали, могут обрести совсем иную ценность, испытать взлеты или падения в своей «биографии».

Изучение «культурной биографии вещи» (названной так по аналогии с антропологически ориентированной биографистикой)⁶ предполагает реконструкцию истории ее «жизни» в неразрывном единстве пространства и времени. Пространство блошиного рынка – это т.н. «якорная точка» в жизненном цикле вещей, знаменующая собой обретение ими нового статуса и функций, нового назначения вплоть до реинкарнации в абсолютно новой форме. Авторы подчеркивают, что современный блошиный рынок отнюдь не является простым хранилищем вещей и

⁴ Фуко 2006: 195–196.

⁵ Там же: 201.

⁶ Корютофф 1996.

местом их сбыта (32). Он представляет собой особое пространство, куда «ненужные» вещи из домашних хозяйств – обычно годные к употреблению, но уже невостребованные (устаревшие, вышедшие из моды, мешающие новым приобретениям) перебираются с чердаков и подвалов, а иногда благодаря старьевщикам и со свалок. И здесь, в этом новом гетеротопичном пространстве, эти вещи могут обрести новую жизнь. Иногда они возвращают свою первоначальную утилитарную функцию в домашних хозяйствах небогатых людей, часто – мигрантов, только обустроивающих свой быт, иногда пополняют костюмерные и реквизиторские цеха театров, кино- и фотостудий, иногда выходят на аукционы и заполняют полки антикварных магазинов, иногда даже достигают статуса музейного экспоната или оседают в частных коллекциях. Но подчас блошинный рынок – последнее пространство их обитания: отсюда они отправляются на кладбища ненужных вещей – свалки, чтобы после переработки возродиться возможно в абсолютно новом качестве. Ряд таких «жизненных историй» вещей воссоздан в книге.

Отдельный интерес представляют фигуры самих авторов книги на блошином рынке. Они рекомендуют себя как «дилетантов» и «путешественников» в этом сложном мире переплетений человеческих судеб и вещей, мире чувств, которые рождаются здесь, например, чувства дружбы и горечи неожиданной утраты навсегда рынка «Манни», Манфреда Германа Вальтера, памятью о котором пронизана книга, или чувства, принесенные сюда из «внешнего» мира. Думается, именно последние в значительно большей мере, чем все остальные, двигали этот научный поиск. Безусловно, интерес авторов к блошиному рынку был обусловлен множеством причин, но одна из них – самая очевидная звучит буквально с каждой страницы книги и понятна любому из нас. Авторы, говоря о своих находках на блошином рынке, озвучили ее так: «Каждая такая находка провоцирует нас на долгие беседы, расспросы, воспоминания, предположения. Каждая из них обязательно возвращает в те времена, где ведут разговоры бабушки и дедушки. Где они и другие, живые и молодые наши близкие наряжаются, смеются, читают, поют, играют на инструментах, оберегают семью и уют в доме, готовят нас к школе, тревожатся за нас, радуются, гордятся нами, старательно и ответственно кормят, и неустанно заботятся» (91). Путешествие на блошинный рынок оказывается путешествием в детство, «реализацией детской мечты, оживлением воспоминаний о дорогих нам близких, утолнением горечи от их отсутствия и созданием эффекта живого общения с ними» (641).

Недаром смысловое ядро первой части книги «Давайте знакомиться: о (не)написанной книге и ее авторах» представляют рассказы об их детстве, об окружавших их любимых людях и мирах их повседневности, о вещах, ставших «местами памяти» об этих людях и мирах. К воспоминаниям о них авторы возвращаются вновь и вновь. «Наша память – главный побудитель и источник этого проекта» – прямо пишут авторы, и содержание работы это подтверждает. Поэтому основными исследова-

тельскими подходами, наряду с источниковедческим и социологическим методами и этнологическим методом включенного наблюдения, становится, по их словам, «собственный жизненный опыт» (44) и практики «вспоминания», переплетающие «жизненные истории» вещей и «Я-истории» создателей книги в единый Большой семейный меморат.

С первой частью книги перекликается ее пятая часть, посвященная месту женщины на блошином рынке и представляющая собой весьма успешный опыт самоописания, поскольку ее автор – Наталья Нарская. Раздел «Следы детства» (536-575) в этой части важен для понимания мотивов, заставивших авторов написать книгу. Показательна рассказанная в нем история с кукольной брошкой, встреченной в одном из антикварных магазинов Тюбингена в начале 2010-х, когда Наталья только начала знакомиться с богатствами блошиных рынков и антикварных магазинов Германии (536). Брошка была великолепна: старинное, изготовленное более сотни лет назад, «миниатюрное золотое ювелирное изделие с недозрелым гранатом-альмандином розоватого оттенка». «И теперь смутные мысли и ощущения тревожили меня. Я мысленно прикалывала к ситцевым, вельветовым или бархатным платьям советских кукол эту брошь с тонкими золотыми завитками... Из украшений у кукол моего детства, сколько бы я ни напрягала память, мог быть только бант на голове» (541-542). Но этим куклам она явно не подходила. Не могла эта брошка, по ощущениям Натальи, украшать и роскошных по советским меркам кукол из ГДР, которые с трудом доставали «по благу» во времена ее детства. «Разум не находил объяснений, вновь накрывали эмоции, и миниатюрная немецкая вещица прочно заняла первое место на пьедестале загадок и фантазий» (542). А разгадка очевидна: эти брошки были предназначены совсем для других кукол и для других детей, они не вписывались ни в вещно-предметный мир маленькой Натальи, ни в вещный мир немецких детей ее поколения. Тогда как представить миниатюрные золотые брошки на роскошных фарфоровых куклах, изготавливаемых, например, на кукольном Императорском заводе (фабрике «Журавлёв и Кочешков») в начале XX века – легко. Тем не менее, эта брошка вернула Наталью в «ее», советское детство, позволило заново (вос)создать и присвоить прошлое. «Это прошлое, – пишут авторы, – не просто принадлежит нам, оно не только позволяет ориентироваться в сегодняшнем дне. Оно становится частью нас (а мы – частью его), оно помогает понять нам наших предшественников и нас самих» (755).

Взгляд на блошинный рынок и на старые вещи оказывается взглядом в зеркало. В то самое старое зеркало с блошиного рынка, которое само, согласно мысли М. Фуко, соединяет черты утопии и гетеротопии. В нем мы видим себя там, где нас нет, видим себя в нереальном, несуществующем пространстве. Но наш атакующий взгляд из глубин несуществующего зазеркального бытия (прошлого) возвращает нас к нам настоящим, утверждая нас и наше место здесь и сейчас⁷.

⁷ Фуко 2006: 196.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блок М. Апология истории или ремесло историка. Изд. 2-е. М.: Наука, 1986. 256 с. [Bloch M. *Apologia istorii ili remeslo istorii*. Izd. 2. Moskva: Nauka, 1986. 256 s.].
- Вишленкова Е.А., Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Казанское жительство (XIX–XX века). Казань: Домо «Глобус», 2005. С. 785–1184. [Vishlenkova E.A., Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. *Kazanskoe zhit'e (XIX–XX veka)*. Kazan: Domo «Globus», 2005. S. 785–1184].
- Мальшева С.Ю., Сальникова А.А. Повседневная жизнь советского провинциального города: казус Казани. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. 282 с. [Malysheva S.Yu., Salnikova A.A. *Povsednevnaia zhizn' sovetskogo provintsial'nogo goroda: kazus Kazani*. Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, 2018. 282 s.].
- Нарский И., Нарская Н. Незаметные истории, или Путешествие на блошинный рынок (Записки дилетантов). М.: Новое литературное обозрение, 2023. 848 с. [Narskii I., Narskaia N. *Nezametynye istorii, ili Puteshestvie na bloshinyi ryнок (Zapiski diletantov)*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 848 s.].
- Фуко М. Другие пространства // Фуко М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / под общ. ред. В.П. Большакова. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 191–204. [Foucault M. *Drugie prostranstva // Foucault M. Intellektualy i vlast'*; *Izbrannye politicheskie stat'i i vystupleniia i interv'iu* / pod obshch. red. V.P. Bolshakova. Moskva: Praksis, 2006. P. 3. S. 191–204].
- Копытов Ю. The Cultural Biography of Things: Commoditization as Process / Appadurai A. (ed.). *The Social Life of Things*. Cambridge: Cambridge UP, 1986. P. 64–91.

Мальшева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и архивоведения Казанского (Приволжского) федерального университета, Alla.Salnikova@kpfu.ru

"One Day Museum of Everyday Life" and the Mirror of Memory Reflections on the New Book by Igor and Natalia Narskii

The article is devoted to Igor and Natalia Narskii's new book "Unnoticeable Stories, or a Journey to the Flea Market (Notes of Dilettantes)", published in 2023. Despite the existence of an established interdisciplinary tradition in the study of the flea market, the authors demonstrate their own approach, considering the flea market as a kind of "other", heterotopic space – a space of transition in which people and things meet and a special relationship between them is established. By telling the life histories of people – the "invisible" inhabitants of this market (sellers, buyers, flyers), the authors reconstruct in parallel the life histories of things, for which the flea market becomes a new point of reference in their biography. The specificity of the object of study has largely determined the genre features of the book, which fully fit into the framework of the so-called "lyrical historiography", when the language of narrative combines the features of fiction and literature and scientific text, and autobiographical reminiscences take an equal place with academic research methods. The authors themselves – "dilettantes" and travelers" in the motley and complex world of the flea market, return there repeatedly as to the space of their childhood memories, materialized in the old things as "places of memory" about dear and beloved people.

Key words: *cultural history, material turn, flea markets, heterotopic spaces, "places of memory", lyrical historiography*

Svetlana Malysheva, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History and Archive Studies of Kazan Federal University, Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

Alla Salnikova, Dr.Sc. (History), Professor, Professor of the Department of Russian History and Archive Studies of Kazan Federal University, Alla.Salnikova@kpfu.ru

Донат.

Скульптура. Фасад Шартрского собора (Франция), автор неизвестен (1150–1170). – https://nibiryukov.mgimo.ru/nb_pinacoteca/nbr_pinacoteca_artists_unknown_french.htm (январь, 2024).

ДОНАТ ГРАММАТИСТ ГОРОДА РИМА

ГРАММАТИЧЕСКАЯ НАУКА

III. 5. О РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУРАХ (DE SCHEMATIBUS)*

Есть *schemata lexeos*¹ и [*schemata*] *dianoeas*², то есть *фигуры*³ речи и [*фигуры*] *мысли*⁴. Но *фигурами мысли* занимаются риторы, тогда как *фигурами речи* – грамматисты⁵.

* Публикуется комментированный перевод с латинского языка раздела из «Грамматической науки» (*Ars grammatica* [*Ars maior*]) Доната (IV в.) о риторических фигурах (*De schematibus*), выполненный М.С. Петровой. **Ключевые слова:** *Донат, грамматическая наука, риторические фигуры, иносказания.*

¹ Др.-греч.: τὰ τῆς λέξεως σχήματα.

² Др.-греч.: τὰ τῆς διανοίας σχήματα (διάνοια – мысль, образ мыслей, размышление, смысл, значение).

³ Ср.: ps.-Herodianus (*Gram. et Rhet.*), *De figuris* 85, 4-5: Σχήμά ἐστιν ἐξάλλαξις φράσεως ἀπὸ τοῦ καταλλήλου ἐπὶ τὸ κρεῖττον μετὰ τινος ἀναλογίας – «Фигура есть изменение выражения из обычного в более сильное на основе какой-нибудь аналогии (пер. И.М. Троцкого) // *Rhetores Graeci, De figuris* (=ΠΕΡΙ ΣΧΗΜΑΤΩΝ) [Sp.] / Ed. L. Spengel. Vol. 3. Leipzig: Teubner, 1856; repr. Frankfurt am Main: Minerva, 1966; TLG 0087-035.

⁴ Ср. у Харисия (Здесь и *ниже* текстуальные соответствия выделены **полужирным** шрифтом; порядковые отличия показаны фоновой заливкой или указаны арабскими цифрами в круглых скобках, вербальные отличия – *курсивом*, последовательность слов в предложении – подчеркиванием):

Char. *Inst. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 279, v. 23)

Don., *Ars gram.* [*Ars maior*] III: *De schematibus* (GL I, p. 397, vv. 5-6)

Schemata lexeos sunt et dianoeas, id est figurae verborum et sensum.

Schemata lexeos sunt et dianoeas, id est figurae verborum et sensuum.

Эта же фраза встречается у Юлиана Толедского (VII в.) (*De vitiis et figuris* V, 4 [ed. W.M. Lindsay, 1922, p. 19]).

⁵ О различных фигурах мысли и речи в латинской традиции, см. введение М.Л. Гаспарова к его же переводу анонимной дидактической поэмы *Стихи о фигурах красноречия*, датированной IV–V вв.: «1. *Фигуры мысли* – те, которые не меняются от пересказа другими словами: они могут быть обращены к предмету речи (уточнять мысль, как оризм, эпитимесис, метабола, паромойон, этиология; уточнять чувство, как эпекфонесис; уточнять образ, как характеризм); к сопернику (антгипофора, пролес, протасис, апокрисис, эпитропа, паромология, отчасти – эпифономенон и метабасис); к публике (парресия). 2. *Фигуры слова* – те, которые разрушались бы от пересказа другими словами: среди них различаются: (а) фигуры переосмысления (уточнение смысла: диафора, парадиастола, сонойкейсис, аллойосис, анакласис; детализация смысла: диэременон, диэксод, меризм, просаподосис, панта прос панта; оттенение смысла: антитеза, антенантиосис, антиметабола; пересказ смысла: перифраз, метафрасис, гипаллага); (б) фигуры прибавления (по количеству выделяются – плеоназм, синатройсм, просдиасафесис, полисиндетон; по форме – эпизевксис, метаклисис, полиптотон, парономасия; по расположению – анафора, эпифора, койнотес, анадиплосис,

Хотя [фигур] множество, из них всех есть надобность обычно в семнадцати⁶, которые называются так: [1] *пролеписис*⁷, [2] *зевгма*⁸, [3] *гипозевксис*⁹,

эпиблока; по добавочному смысловому оттенку – эпаналепс); (в) фигуры убавления (брахилогия, эллипс, зевгма, диалелимен); (г) на стыке со следующей группой – фигуры порядка слов (прогипантесис, анастрофа, гипербатон, парентеза). 3. *Фигуры фразы* – это формы членения речи (кома, колон, период, исocolон, триколон) и параллелизации членов (гомеотелевтон, гомеоптотон)» (см.: Гаспаров М.Л. Проблемы литературной теории... с. 249).

⁶ См. перечень фигур у Харисия, выделившего 18 наименований (см. Char., *Inst. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* [GL I, p. 279, vv. 26-30]), в числе которых *asyndeton* (см. *Ibidem*, v. 28). Исидор, упомянув о существовании множества фигур для украшения речи, рассматривает 19, говоря о них как о том их множестве, которым оперируют грамматисты (см. *Isid., Etym.* I, 36 [PL 82, 110B]): “*Haec dum multa sint, apud grammaticos ista inveniuntur*”. Далее Исидор приводит названия фигур, сопровождая свой перечень разъяснениями и примерами. Беда также, как и Донат, приводит те же 17 фигур (некоторые незначительные отличия между этими авторами проявляются лишь в их написании и порядке [см. *ниже*, в табл. 1]). Ср.:

Char., <i>Inst. gram.</i> IV: (4) <i>De schemate lexeos</i> (GL I, p. 279, vv. 27-30)	Don., <i>Ars gram.</i> [<i>Ars maior</i>] III: <i>De ceteris vitiis</i> (GL I, p. 394, vv. 29-31)	Isid., <i>Etym.</i> I, 36 (PL 82, 110B – 112B)	Beда, <i>De schem. et trop.</i> (PL); <i>Idem, De arte metrica</i> (PL)
prolepsis	prolepsis (1)	prolepsis	prolepsis
zeugma	zeugma (2)	zeugma	zeugma
hypozeuxis	hypozeuxis (3)	hypozeuxis	hypozeuxis
synlepsis	syllipsis (4)	syllipsis	syllipsis
asyndeton	-	-	-
anadiplosis	anadiplosis (5)	anadiplosis	anadiplosis
anaphora	anaphora (6)	anaphora	anaphora
-	-	epanaphora	-
epanalepsis	epanalepsis (7)	epizeuxis (8)	epanalepsis
epizeuxis	epizeuxis (8)	epanalepsis (7)	epizeuxis
paronomasia	paronomasia	paronomasia	paronomasia
schesis onomaton	schesis onomaton	schesis onomaton	schesis onomaton
-	-	alliteration	-
parhomoenon	parhomoenon	-	paromoenon
homoeoteleuton	homoeoptoton	homoeoptoton	homoeoteleuton
homoeoptoton	homoeoteleuton	homoeoteleuton	homoeoptoton
polyptoton	polyptoton	polyptoton	polyptoton
hirmos	hirmos	hirmos	hirmos
polysyndeton	polysyndeton	polysyndeton	polysyndeton
dialyton	dialyton	dialyton	dialyton
-	-	hypallage	-

⁷ Др.-греч. πρόληψις (предположение, предчувствие, предвидение). Пролепсис – упоминание будущих событий или свойств как заранее ожидаемых. Здесь и *ниже* для сравнения мы приводим современные определения фигуры речи из терминологических словарей, справочников и энциклопедий. См., напр.: Горте 2007, Скребнев 1997, Литературная энциклопедия, т. 4 (1930), Энциклопедический и словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (перепеч. 1993–2003) и др.

⁸ Др.-греч. ζεύγμα (сопряжение, связь). В частности, зевгма – повторение конеч-

[4] *σίλλησις*¹⁰, [5] *анаδίπλωσις*¹¹, [6] *анафорά*¹², [7] *επανάλεψις*¹³, [8] *ἐπίζευξις*¹⁴, [9] *παρονομασία*¹⁵, [10] *σхесис оноμάτων*¹⁶, [11] *παρόμοιον*¹⁷, [12] *гомеоπτотон*¹⁸, [13] *гомеоτέλεuton*¹⁹, [14] *πολύπτοton*²⁰, [15] *ιρμός*²¹, [16] *πολυσύνдетон*²², [17] *διαλιτόn*²³.

[1] *Прόлеψις* – это упреждающее использование того, что согласно порядку следует после²⁴, например:

continuo reges ingenti mole Latinus²⁵, –

ных звуков, повторение звука в конце одного и в начале следующего слова.

⁹ Др.-греч. ὑπόζευξις. Гипозевксис – риторический оборот речи, когда в предложении каждое существительное имеет отдельное сказуемое. Противоположная фигура называется «зевгма».

¹⁰ Др.-греч. σύλληψις (обобщение, охватывание). Силлепсис – соединение одного сказуемого с несколькими подлежащими.

¹¹ Др.-греч. ἀναδίπλωσις (сдвоенность, т.е. стык). Анадиплосис – повторение одного или нескольких слов таким образом, что последнее слово или фраза первой части отрезка речи повторяется в начале следующей части. Тем самым они связываются в единое целое.

¹² Др.-греч. ἀναφορά (приписывание, средство к исправлению). Анафора – повторение родных звуков, слова или группы слов в начале каждого параллельного ряда, т.е. в повторении начальных частей двух и более относительно самостоятельных отрезков речи (полустихий, стихов, строф или прозаических отрывков).

¹³ Др.-греч. ἐπανάληψις. Эпаналепсис (анадиплосис) – повторение слова или выражения в начале или в конце следующих друг за другом словосочетаний.

¹⁴ Др.-греч. ἐπίζευξις. Эпизевксис – повторение слова подряд, без разрыва между повторениями.

¹⁵ Др.-греч. παρονομασία. Парономазия – комическое или образное сближение слов, которые вследствие сходства в звучании и частичного совпадения морфемного состава могут иногда ошибочно, но чаще каламбурно использоваться в речи (т.е. игра близкими по звучанию словами).

¹⁶ Др.-греч. τῶν ὀνομάτων συήσις (т.е. фигура из имен).

¹⁷ παρόμοιον (аллитерация). Паромойон – уподобление одного предмета другому.

¹⁸ Др.-греч. ὁμοίπτωτον (фигура единого падежа). Гомеоптотон – созвучие окончаний слов, достигаемое за счет употребления слов в одном и том же падеже.

¹⁹ Др.-греч. ὁμοιτέλεuton – подобие окончаний, звуковое совпадение конечных элементов слов.

²⁰ Др.-греч. πολύπτωτον – фигура многих падежей; повторение одного и того же слова в разных грамматических формах.

²¹ Др.-греч. εἰρμός (сплетение, связь).

²² Др.-греч. πολυσύνдетон (многосоюзие). Полисендетон – многократное использование союзов (в осн., сочинительных) в предложении для достижения плавности речи, замедления ее темпа или для придания ей большей эмоциональной силы.

²³ Др.-греч. διαλιτόn. Диалитон (или асиндетон [ἀσύνдетон, бессоюзие]) – отсутствие союзов между отрезками речи с целью придания речи сжатости, насыщенности и высокого темпа. Противоположная фигура – полисиндетон (см. *выше*).

²⁴ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 2 (PL 82, 110B): “Prolepsis est praesumptio, ubi ea quae sequi debent anteponuntur” – «Пролепсис – предсказание, в котором то, что должно следовать после, ставится вперед» (пер. Л.А. Харитоновой). Здесь и *ниже* при цитировании *Этимологий* использован перевод Л.А. Харитоновой (2006); см. также пер. А. Гараджи (2020).

²⁵ Вергилий, *Энеида* XII, 161: «Тюю порой показались цари: в колеснице четверкой //

и другие.

[2] *Зевгма* – это продолжение [того, что сказано] одним словом посредством различных словосочетаний, должным образом присоединяемых, как:

**Troiugena interpret divum, qui numina Phoebi,
qui tripodas, Clari lauros, qui sidera sentis**²⁶,

и тому подобное.

[3] *Гипозевксис* – это фигура [речи] противоположная предыдущей; в ней отдельные пояснения присоединяются к тому, что сказано различными словами: каждое к своему²⁷, например:

regem adit et regi memorat nomenque genusque²⁸.

[4] *Силлепсис* – это охват и связывание разных фраз одним словом, как:

hic illius arma, Hic currus fuit²⁹.

Эта фигура так широко распространена, что обычно встречается не только в частях речи, но и в том, что к ним относится. Также силлепсис получается, когда слово³⁰ в единственном числе присоединяется к глаголу во множественном³¹, например:

**sunt nobis mitia poma,
castaneae molles et pressi copia lactis**³².

Едет могучий Латин...» (здесь и *ниже*, кроме случаев, оговоренных особо, строки из *Энеиды* Вергилия цитируются в переводе С. Ошерова; сделанные для пояснения смысла необходимые изменения не оговариваются). Эту же строку приводит Харисий (*Instit. gram. IV: [4] De schemate lexeos* [GL I, p. 280, v. 3]). Исидор (*Etym. I, 36, 2*) поясняет: «Следовало сказать: “*Interea reges ingenti mole* (Тем временем, цари огромной толпой)”, и сразу же добавить то, что логически следует: “*procedunt castris* (достигают лагеря)” [см.: *Aen. XII, 169*], а потом говорить: “*Latinus... et cetera*”. Но ради красоты было сделано предвосхищение вещи, и вещи, которым должно следовать за утверждением о царях, перенесены на семь строк [вперед], а уже после добавлено “достигают лагеря”. Таким образом, это предвосхищение, ибо то, что должно следовать после, поставлено первым» (пер. В.В. Петрова).

²⁶ Вергилий, *Энеида* III, 359: «**Трой сын, глашатай богов! Ты Фебову волю // Видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах кларийских**». Этот пример см. у Харисия, см. Char., *Instit. gram. IV: (4) De schemate lexeos* (GL I, p. 280, vv. 11-12).

²⁷ Ср. Isid., *Etym. I, 36, 4* (PL 82, 110C): “*Hypozeugis est figura superiori contraria, ubi in singulis sensibus propria unicuique clausula est*” – «Гипозевксис – это фигура, обратная предыдущей, когда период состоит из глаголов с собственными смыслами» (пер. Л.А. Харитоновна).

²⁸ Вергилий, *Энеида* X, 149: «Там предстал пред **царем** и назвал **царю** свое имя и род». Эта же строка имеется у Харисия, см.: Char., *Instit. gram. IV: (4) De schemate lexeos* (GL I, p. 280, v. 20).

²⁹ Вергилий, *Энеида* I, 16-17: «...**здесь** ее колесница стояла, // **Здесь** и доспехи ее».

³⁰ Здесь имеется в виду имя; в современной терминологии имя существительное.

³¹ Ср. Isid., *Etym. I, 36, 5* (PL 82, 110C): “*Syllepsis est in dissimilibus clausulis, aut pluralis dictio singulari verbo finita... aut singularis dictio plurali verbo expleta*” – «Силлепсис – это когда различные фразы или имена во множественном числе заканчиваются глаголом в единственном... или когда при именах в единственном числе ставится глагол во множественном числе».

³² Вергилий, *Буколики* I, 81: «Свежие есть и плоды, созревшие есть и каштаны»

[5] *Anadíplosis* – это удваивание, при котором в начале следующей строки повторяется последнее слово предыдущей³³, как:

**sequitur pulcherrimus Astur,
Astur equo fidens**³⁴.

[6] *Анафорá* – это повторение одного и того же слова в начале нескольких строк³⁵, например:

**nate, meae vires, mea magna potentia solus,
nate patris summi, qui tela Typhoëa temnis**³⁶.

[7] *Эпанáлепис* – это повторение слова, помещенного в начале строки, в конце той же [строки]³⁷, как:

ante etiam sceptrum Dictaci regis et ante³⁸.

(пер. С.В. Шервинского). Более точно: «У нас *были* спелые фрукты, созревшие каштаны и *изобилье* творога». Этот же пример приводится Харисием (см. Char., *Instit. gram.* IV: [4] *De schemate lexeos* [GL I, p. 281, vv. 5-6]) и Исидором (см. Isid., *Etym.* I, 36, 5 [PL 82, 110D]).

³³ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 7 (PL 82, 111A): “Anadiplosis est, quando ab eodem verbo quo illud, prior versus finivit sequens versus incipit” – Анадиплосис – это когда тем же словом, который завершает предыдущий стих, начинается стих последующий (пер. Л.А. Харитоновна).

³⁴ См.: Вергилий, *Энеида* X, 180-181. Анадиплосис возможно показать так: «Далее следует великолепнейший *Астур* – / *Астур*, наездник лихой...». Этот же пример приводится Харисием, см. Char., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 281, vv. 13-14).

³⁵ Ср.

Isid., *Etym.* I, 36, 8 (PL 82, 111A)

Don., *Ars gram.* [Ars maior] III: *De schematibus* (GL IV, p. 398, vv. 5-6)

Anaphora est repetitio ejusdem verbi per principia versuum plurimorum... –

Анафора – это повторение одного и того же слова в начале нескольких стихов (пер. Л.А. Харитоновна)

Anaphora est relatio ejusdem verbi per principia versuum plurimorum...

³⁶ Вергилий, *Энеида* I, 664: «Сын... ты – моя мощь, лишь в тебе моя власть и величье, // Сын, ты Юпитера стрел не боишься, сразивших Тифона...». Этот же пример приводится Харисием, см. Char., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 281, vv. 16-17).

³⁷ Ср.

Isid., *Etym.* I, 36, 11 (PL 82, 111B)

Don., *Ars gram.* [Ars maior] III: *De schematibus* (GL IV, p. 398, vv. 9-10)

Epanalepsis est sermonis in principio versus positi ejusdem in fine replicatio... – Эпаналепсис – это выражение, помещенное в начале стиха, и оно же повторенное в конце (пер. Л.А. Харитоновна).

Epanalepsis est verbi in principio versus positi in ejusdem fine repetitio...

³⁸ Вергилий, *Георгики* II, 536: «Раньше, чем был у царя Диктейского скипетр, и раньшее...» (пер. С.В. Шервинского).

[8] *Эпизевкис* – это удвоение слова, [повторяемого] подряд в той же строке³⁹, как:

me, me, adsum qui feci, in me convertite ferrum⁴⁰.

[9] *Парономасия* – это, так сказать, некое изменение имени⁴¹, например:

nam inceptio est amentium, haut amantium⁴².

[10] *Схесис онома́тон* – это когда [строку образуют только] имена, множество которых соединяется неким связывающим признаком⁴³, как:

Marsa manus, Peligna cohors, Vestina virum vis⁴⁴.

[11] *Паро́мойон* – когда несколько слов начинаются с одной буквы⁴⁵, как:

o Tite tute Tati tibi tanta tyranne tulisti⁴⁶.

³⁹ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 10 (PL 82, 111B): “Epizeusis in uno sensu congeminationis verbi” – Эпизевкис – повторение слова в одном и том же смысле (пер. Л.А. Харитоновой).

⁴⁰ Вергилий, *Энеида* IX, 427: «Я, я это сделал! На меня направьте оружие». Эту же строку приводит Харисий, см. СНАР., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 281, v. 30).

⁴¹ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 12 (PL 82, 111B): “Paronomasia est in significatione diversa dicitio rene ipsa” – Парономасия – это обозначение разного почти одними и теми же словами.

⁴² Ср. Terent. Afer, *Andria* 218 (PHI 5.3 [0134]): «Это замысел скорее сумасшедших, чем влюбленных». Ср.: «Под стать для иступленных, не влюбленных» (пер. А.В. Артюшкова [*Девушка с Андроса*]). Ср. также у Кассиодора (*Instit.* II, 3, 15): “Conjugata dicuntur, cum declinatur... nomen a nomine; ut Terentius: Inceptio est amentium, haut amantium” (Доводы от сопряженных получаются, когда изменяется... имя от имени, например у Теренция: “Это начинание безумцев, а не любящих”, пер. В.В. Петрова). Эта же фраза цитируется Исидором в *Этимологиях* (II, 30, 5): “Nomen est a nomine; Terentius: Inceptio est amentium, haut amantium, dummodo distet unius appellationis postremitas in aliam vocis declinationem formata (Имя от имени [как, например], у Теренция: “Inceptio est amentium, haut amantium [Затея вся под стать для иступленных, не влюбленных, нет!]), поскольку здесь есть разница в произнесении окончания одного [слова], которое преобразовано в иное [окончание] изменением звучания, пер. Л.А. Харитоновой). См. также: Demetriou 2014: 782-799.

⁴³ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 13 (PL 82, 111B): “Schesis onomaton, multitudo nominum conjunctorum quodam ambitu copulata” – Схесис онома́тон – это множество сочетающихся имен, собранных в один период (пер. Л.А. Харитоновой).

⁴⁴ Досл.: «...марсийский отряд, пелигнская когорта, вестинское воинство мужей». Эта фраза приписывается Эннию (Enn., *Annal.* VIII, 208, ed. Vahl). Этот же пример приводится Харисием, см. Char., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 282, v. 6). Ср. Titus Livius, *Ab urbe condita* 44, 40: *Duae cohortes a parte Romanorum erant, Marrucina et Paeligna... et aliud pro castris stativum erat praesidium... tres cohortes, Firmana, Vestina, Cremonensis... «У римлян там стояли две когорты – марруцинская и пелигнская... а другой отряд охраны стоял перед лагерем: там было три когорты: фирманская, вестинская и кремонская...»* (пер. О.Л. Левинской).

⁴⁵ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 14 (PL 82, 111C): “Paromoeon est multitudo verborum ex una littera inchoantium...” – «Паромойон – это несколько слов, начинающихся с одной буквы...» (пер. Л.А. Харитоновой).

⁴⁶ Enn., *Annal.* I, 104 (PHI 5.3 [0043]): «О, Тит Таций, тиран, тяготы твои таковы!» (пер. В.В. Петрова), ср.: «О, Тит Таций тиран, тяготят тебя тяготы эти!» (пер. А.П.

[12] *Гомеоптотон* – когда несколько слов оканчиваются в одном падеже⁴⁷, как:

merentes flentes lacrimantes commiserantes⁴⁸.

[13] *Гомеотэлевтон* образуется, когда несколько слов оканчиваются одинаково⁴⁹, как:

eos reduci quam relinqui, devehī quam deseri malui⁵⁰.

[14] *Полиптотон* [возникает, когда] несколько [слов повторяются] в разных падежах⁵¹, например:

**litōra litoribus contraria, fluctibus undas
inprecōr, arma armis, pugnent ipsique nepotesque**⁵².

[15] *Ирмос* — это последовательность слов, до самого конца сохраняющая единство смысла⁵³, например:

**principio caelum ac terras camposque liquentes
lucentemque globum lunae Titaniaque astra
spiritus intus alit**⁵⁴.

[16] *Полисиндетон* – это фраза, связанная множеством союзов⁵⁵, как:

Воскресенского, А.О. Денисова и др.). Этот же пример приводится Харисием (см. Char., *Instit. gram.* IV: [4] *De schemate lexeos* [GL I, p. 282, v. 8]) и Исидором (см. Isid., *Etym.* I, 36, 14 [PL 82, 111C]).

⁴⁷ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 15 (PL 82, 111C): “Номеоптотон est, cum plurima nomina per unum casum denuntiantur...” – «Гомеоптотон – это когда многие имена даются в одном падеже» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁴⁸ Досл.: ...горюющих, рыдающих, плачущих, скорбящих. Ср. Enn., *Sedis incertae annalium fragmenta*, v. 498 (PHI 5.3 [0043]): “Flentes plorantes lacrumantes obstantes”. Ср. у Харисия (Char., *Instit. gram.* IV: [4] *De schemate lexeos* [GL I, p. 282, v. 13]: “...merentes flentes lacrimantes ac miserentes”).

⁴⁹ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 16 (PL 82, 111D): “Номотелевтон est, cum uno modo verba plurima finiuntur” – «Гомеотэлевтон – это когда многие слова оканчиваются одинаково» (пер. Л.А. Харитоновна с изменениями).

⁵⁰ См. Enn. X, 390 (Vahlen, p. 194) Досл.: «...я бы предпочел, чтобы их вернули, а не оставили, чтобы привезли, а не бросили» (пер. В.В. Петрова).

⁵¹ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 17 (PL 82, 111D): “Полиптотон est, cum diversis casibus sententia variatur” – «Полиптотон – когда одно и то же слово повторяется в разных падежах» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁵² Вергилий, *Энеида* IV, 628: «Берег пусть будет, молно, враждебен берегу, море – // Морю и меч – мечу: пусть и внуки мира не знают!». Этот же пример приводится Харисием, см. Char., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 282, vv. 15-16).

⁵³ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 18 (PL 82, 112A): “Ирмос est sententia continuatae orationis tenorem suum, usque ad ultimum servans” – «Ирмос – предложение непрерывной речи, продолжающееся до отдаленного стиха...» (пер. Л.А. Харитоновна).

⁵⁴ Вергилий, *Энеида* VI, 724: «Землю, небесную твердь и просторы водной равнины, // Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды, // Все питает душа». Этот же пример приводит Харисий, см. Char., *Instit. gram.* IV: (4) *De schemate lexeos* (GL I, p. 282, v. 19).

⁵⁵ Ср. Isid., *Etym.* I, 36, 19 (PL 82, 112A): “Полисиндетон est dicitio multis concatenata conjunctionibus” – «Полисиндетон – это фраза, в которой многие [слова] связаны

**Acamasque Thoasque
Pelidesque Neoptolemusque**⁵⁶, –

и прочее.

[17] *Диалитон* или асиндетон – это фигура, противоположная предыдущей и лишённая союзов⁵⁷, например:

**ite
ferte citi flammis, date tela impellite remos**⁵⁸.

При переводе мы стремились сохранить синтаксические конструкции оригинала и передать латинскую терминологию с наименьшими потерями. При составлении примечаний использованы тексты и исследования, указанные в библиографическом перечне. Публикуемые ниже фрагменты являются дополнением к нашим исследованиям (1999–2023), посвященным анализу Донатовой грамматической науки и образовательным практикам Поздней Античности и раннего Средневековья. Перевод выполнен по: *Ars Donati Grammatici Urbis Romae // Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe – IXe siècle) / Éd. par L. Holtz. Paris, 1981. P. 663–674*, с учетом раннего издания: *Donati Grammatici Urbis Romae Ars Grammatica // Grammatici Latini / Ex rec. H. Keilii. Lipsiae, 1864. Vol. IV. P. 397–402*. В основу примечаний положены упомянутые критические издания и литература, указанная в библиографическом перечне. Сокращения имен античных и средневековых авторов, названий их сочинений соответствуют общепринятым аббревиатурам. См. также: *Oxford Latin Dictionary. Oxf.: Clarend. Pr., 1968 – <https://www.oxfordscholarlyeditions.com/page/abbreviations>* (январь, 2023); *Liddle H.G, Scott R. et al. A Greek-English Lexicon, with a Revised Supplement. Oxf.: Clarend. Pr., 1996*.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Оригинальные тексты см. по имени издателя в электронных базах данных или открытом доступе сети Интернет: Packard Humanities Institute Latin Library texts [PHI 5, CD-ROM edition]; Thesaurus Linguae Graecae [TLG] – <http://stephanus.tlg.uci.edu>; Patrologia Latina [PL, CD-ROM edition] – <http://patristica.net/latina/#069>. См. также: *Corpus corporum* – <https://mlat.uzh.ch/browser?path=>, раздел *Grammatici Latini* – <https://mlat.uzh.ch/browser?path=/14161>. Переводы источников на русский, английский и др. языки, за исключением случаев оговоренных особо, см. по имени переводчика и редактора в любых изданиях или открытом доступе сети Интернет. Принятые в отдельных случаях сокращения приведены курсивом в библиографическом перечне. Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996 [Antichnye teorii jazyka i stila (Ancient theories of language and style). Saint Petersburg: Aletejja, 1996]. – *Ант. теории...* Гаспаров М.Л. [К переводу анонимной дидактической поэмы «Стихи о фигурах красно-

союзами» (пер. Л.А. Харитонова с изменениями).

⁵⁶ Вергилий, *Энеида* II, 262: «...спустились Фоант с Акамантом, // Неоптолем Пелид...». Досл.: ...и Акамант, и Фоант, и Неоптолем, сын Пелея... Эти же строки приведены Харисием (*Instit. gram. IV: [4] De schemate lexeos* [GL I, p. 283, vv. 2–3]).

⁵⁷ Ср. Isid., *Etym. I*, 36, 20 (PL 82, 112A): “Dialyton, vel asyntheton figura est, quae e contrario sine conjunctionibus solute ac simpliciter effertur” – «Диалитон, или асиндетон – это фигура, в которой, напротив, [слова] пишутся без союзов, просто и свободно» (пер. Л.А. Харитонова).

⁵⁸ Вергилий, *Энеида* IV, 593–594: *Идите // «...несите огонь, паруса распускайте, гребите...»*. Эти же строки приведены Харисием, см. Char., *Instit. gram. IV: (4) De schemate lexeos* (GL I, p. 283, vv. 10–11).

- речия»] // Проблемы литературной теории в Византии и латинском Средневековье / Ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1986. С. 249 [Gasparov M.L. K perevodu anonimnoj didakticheskoj poemy «Stihi o figurah krasnorechija» (To the translation of the anonymous didactic poem "Poems on Eloquence") // Problemy literaturnoj teorii v Vizantii i latinskom Srednevekov'e / Ed. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1986. P. 249].
- Гаспаров М.Л. Очерк истории европейского стиха. М.: Фортуна Лимиттед, 2003, 2 изд. доп. [Gasparov M.L. Oчерk istorii evropejskogo stiha (Essay on the history of European verse). Moscow: Fortuna Littited, 2003, 2nd ed.].
- Горте М.А. Фигуры речи. Терминологический словарь. М.: ЭНАС, 2007 [Gorte M.A. Figury rechi. Terminologicheskij slovar' (Figures of speech. Terminological dictionary). Moscow: JeNAS, 2007].
- Исидор Севильский. Этимологии. Книга I. О грамматике / Пер. А. Гараджи // Античная традиция и патрологические исследования. Т. 5. № 1-2 (2020). С. 269-322 [Isidor Sevil'skij. Jetimologii. Kniga I. O grammatike (Isidore of Seville. Etymologies. Book I. On grammar) / Trans. by A. Garadzha // Antichnaja tradicija i patrologicheskie issledovanija. T. 5. No 1-2 (2020). P. 269-322].
- Исидор Севильский. Этимологии или Начала в XX книгах. Книги I–III Семь свободных искусств / Изд. подг. Л.А Харитонов. СПб.: Евразия, 2006 [Isidor Sevil'skij. Jetimologii ili Nachala v XX knigah. Knigi I–III Sem' svobodnyh iskusstv (Isidore of Seville. Etymology or Beginnings in 20 books. Books I–III The Seven Liberal Arts) / Ed. by L.A Haritonov. Saint Petersburg: Evrazija, 2006].
- Ирмшер Й., Йоне Р. Словарь Античности / Пер. с нем. / Отв. ред. В.И. Кузищин. М.: Прогресс, 1989 [Irmsher J., Jone R. Slovar' Antichnosti (Dictionary of Antiquity) / Ed. by V.I. Kuzishhin. Moscow: Progress, 1989].
- Литературная энциклопедия. М., 1929–1939, Т. 4. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930 [Literaturnaja jenciklopedija (Literary encyclopedia). Moscow, 1929–1939, T. 4. M.: Izd-vo Kommunisticheskoj akademii, 1930].
- Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972 [Mark Tullij Ciceron. Tri traktata ob oratorskom iskusstve (Marcus Tullius Cicero. Three treatises on oratory) / Ed. by M.L. Gasparov. Moscow: Nauka, 1972]. – *Три трактата...*
- Петрова М.С. (пер. 1999). Донат. «Краткая наука о частях речи» / Пер. с лат., примеч., публ. ориг. текста М.С. Петровой // Диалог со временем. 1999. 1. С. 306-344 [Petrova M.S. (tr. 1999). Donat. "Kratkaja nauka o chastjah rechi" (Donatus. "Ars Minor") / Trans. from Latin, notes by M.S. Petrova // Dialog so vremenem. 1999. 1, p. 306-344].
- Петрова М.С. (пер. 2011). Донат. «Наука грамматики»: О частях речи (II. 1.), Об имени (II. 2) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2011. 35. С. 312-331 [Petrova M.S. (tr. 2011). Donat. "Nauka grammatiki" II. 1–2 (Donatus. "Ars grammatica: Ars Maior" II. 1–2) // Dialog so vremenem. 2011. 35. P. 312-331].
- Петрова М.С. (пер. 2021). Донат. «Наука грамматики»: О звуке (I. 1.), О букве (I. 2.), О слоге (I. 3.), О стихотворных стопах (I. 4.), Об ударениях (I. 5.), О положениях (I. 6.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // ИУРОТНЕКАИ. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2021. 5: Учебные тексты в Античности. С. 86-99 [Petrova M.S. (tr. 2021). Donat. "Nauka grammatiki" I. 1–6 (Donatus. "Ars Grammatica": Ars Maior I. 1–6) / Trans. from Latin and notes by M.S. Petrova // ИУРОТНЕКАИ. Zhurnal po istorii antichnoj pedagogicheskoj kul'tury. 2021. 5: Uchebnye teksty v Antichnosti. P. 86-99].
- Петрова М.С. (пер. 2023). Донат, грамматист Города Рима. «Грамматическая наука»: О варваризме (III. 1.), О солецизме (III. 2.), О других погрешностях в речи (III. 3.), О метаграмме (III. 4.) / Пер. с лат. и примеч. М.С. Петровой // Диалог со временем. 2023. 82. С. 376-385 [Petrova M.S. (tr. 2023). Donat, grammatist Goroda Rima. «Grammaticheskaja nauka» III. 1–4 (Donatus. "Ars grammatica": Ars Maior III. 1–4), trans. from Latin and notes by M.S. Petrova // Dialog so vremenem. 2023. 82. P. 376-385].
- Петрова М.С. К переводу Ars grammatica (III. 1 – 4) Элия Доната // Диалог со временем. 2023. 82. С. 372-375 [Petrova M.S. K perevodu Ars grammatica (III. 1 – 4) Jelija Donata (To the translation of Donatus' Ars grammatica III. 1–4) // Dialog so vremenem. 2023. 82. P. 372-375].

- Петрова М.С. Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: Ars minor Доната // Диалог со временем. 1999. 1. С. 295-305 [Petrova M.S. Grammaticheskaja nauka v Pozdnej Antichnosti i v Srednie veka: Ars minor Donata (Grammar in Late Antiquity and the Middle Ages: Donatus' Ars minor) // Dialog so vremenem. 1999. 1. P. 295-305].
- Петрова М.С. Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение // Диалог со временем. 2008. 22. С. 80-92 [Petrova M.S. Donat: zhizn', jepoha i intellektual'noe okruzhenie (Donatus: life, epoch and intellectual environment) // Dialog so vremenem. 2008. 22: 80-92.
- Петрова М.С. Рецепция Донатовой Ars grammatica Кассиодором Сенатором // Диалог со временем. 2009. 28. С. 196-207 [Petrova M.S. Recepcija Donatovoj Ars grammatica Kassiodorom Senatorom (Reception of Donatus' Ars grammatica by Cassiodorus) // Dialog so vremenem. 2009. 28. P. 196-207].
- Петрова М.С. Восприятие латинского грамматического знания русской ученостью в XVI веке (на примере Дмитрия Герасимова и других...) // Диалог со временем 2011. 34. С. 311-364 [Petrova M.S. Vosprijatie latinskogo grammaticheskogo znanija russkoj uchenost'ju v XVI veke (na primere Dmitrija Gerasimova i drugih...) (Perception of Latin grammatical knowledge by Russian scholarship in the 16th century (on Dmitry Gerasimov and others...)) // Dialog so vremenem. 2011. 34. P. 311-364].
- Петрова М.С. Риторико-грамматические работы Беды Досточтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2012. 1. С. 36-63 [Petrova M.S. Ritoriko-grammaticheskie raboty Bedy Dostochtimogo v kontekste lingvisticheskogo znanija Pozdnej Antichnosti i rannego Srednevekov'ja (Rhetorical and grammatical works of Bede the Venerable in the context of linguistic knowledge of Late Antiquity and the Early Middle Ages) // Intellekturnye tradicii v proshlom i nastojashhem. 2012. 1. P. 36-63].
- Петрова М.С. Просопография и реконструкция биографии Элия Доната // Специальные исторические дисциплины. 2014. 1: 5-30 [Petrova M.S. Prosopografija i rekonstrukcija biografii Jelija Donata (Prosopography and reconstruction of the biography of Aelius Donatus) // Special'nye istoricheskie discipliny. 2014. 1. P. 5-30].
- Петрова М.С. Учебные тексты и грамматическая наука на рубеже Античности и Средневековья // Диалог со временем. 2015. 51. С. 110-132 [Petrova M.S. Uchebnye teksty i grammaticheskaja nauka na rubezhe Antichnosti i Srednevekov'ja (Educational texts and grammatical science at the turn of Antiquity and the Middle Ages) // Dialog so vremenem. 2015. 51. P. 110-132].
- Петрова М.С. Ars grammatica Доната и образовательные практики Поздней Античности: Сергей – Кледоний – Помпей // ГИПОТНЕКАИ. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2019. 3: Образование в Поздней Античности. С. 60-86 [Petrova M.S. Ars grammatica Donata i obrazovatel'nye praktiki Pozdnej Antichnosti: Sergij – Kledonij – Pompej (Donatus' Ars grammatica and educational practices of Late Antiquity: Sergius – Cleodnius – Pompeius) // ГИПОТНЕКАИ. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoj kul'tury 2019. 3: Obrazovanie v Pozdnei Antichnosti. P. 60-86].
- Петрова М.С. О Донатовой “Ars Grammatica” и заглавиях ее частей // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. 2020 5: 134-144 [Petrova M.S. O Donatovoj “Ars Grammatica” i zaglavijah ee chastej (On Donatus’ “Ars Grammatica” and the titles of its parts) // Intellekturnye tradicii v proshlom i nastojashhem. 2020. 5. P. 134-144].
- Петрова М.С. Дмитрий Герасимов и его последователи о местоимении // Новая и Новейшая история. 2022. 66 / 2. С. 145-169 [Petrova M.S. Dmitrii Gerasimov i ego nasledovately o mestoimenii (Dmitry Gerasimov and his followers on the pronoun) // Novaya i Noveishaya istoriya. 2022. 66 / 2. P. 145-169].
- Скрёбнев Ю.М. Фигуры речи // Русский язык. Энциклопедия / Под ред. Ю.Н. Караулова. М.: Большая российская энциклопедия, 1997 [Skrebnev Ju.M. Figury rechi (Figures of speech) // Russkij jazyk. Jenciklopedija / Ed. by Ju. N. Karaulov. Moscow: Bol'shaja rossijskaja jenciklopedija, 1997].
- Теренций. Комедии / Пер. с лат. А.В. Артюшкова. М.: Издат-во Художественная литература, 1985 [Terencij. Komedii (Terence. Comedies) / Per. s lat. A.V. Artjushkova. Moscow: Izdat-vo Hudozhestvennaja literatura, 1985]. – *Комедии...*
- Троцкий И.М. Проблемы языка в античной науке / О.М. Фрейденберг, ред. // Античные

- теории языка и стиля (Антология текстов). СПб.: Алетея, 1996; перепеч. изд. 1936: 9-32 [Trockij I.M. Problemy jazyka v antichnoj nauke (Problems of language in Ancient science) // Antichnye teorii jazyka i stilja (Antologija tekstov) / Ed. by O.M. Frejdenberg. Saint Petersburg: Aleteja, 1996 (reprinted 1936). P. 9-32].
- Усманова А.Р. Знак иконический // Постмодернизм. Энциклопедия / Под ред. Грицанова А.А., Можейко М.А. Минск: Интерпрессервис – Книжный дом, 2001. С. 289 [Usmanova A.R. Znak ikonicheskiy (Ironic sign) // Postmodernizm. Jenciklopedija / Ed. by A.A. Gricanov, M.A. Mozhejko. Minsk: Interpresservis – Knizhnyj dom, 2001. P. 289]. – <https://studylib.ru/doc/6262381/postmodernizm.-e-nciklopediya-by-a.a.-gricanov--m.a.-mozhejk...> (январь / Jan., 2024).
- Энциклопедический и словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 86 т. СПб.: ПОЛРАДИС – Иван Фёдоров, 1993–2003 (перепеч.). [Jenciklopedicheskiy i slovar' F.A. Brokgauza i I.A. Efrona (Encyclopedic and Dictionary of F.A. Brockhaus and I.A. Efron). In 86 tt. Saint Petersburg: POLRA-DIS – Ivan Fjodorov, 1993–2003 (repr.).]
- Ars Iuliani Toletani episcopi. Una gramatica latina en la España visigoda / Ed. Maestre Yenes M.A. Toledo, 1973.
- Demetriou Chrysanthi. Aelius Donatus and his Commentary on Terence's Comedies // The Oxford Handbook of Greek and Roman Comedy / Ed. by Michael Fontaine and Adele C. Scafuro. Oxford Univ. Press, 2014. P. 782-799.
- Donat et la Tradition de l'Enseignement grammatical / L. Holtz, ed. Paris: Centre National de la Recherche Scientifique, 1981.
- Ennianae poesis reliquiae / Rec. Iohannes Vahlen. Lipsiae: Typis B.G. Teubneri, 1903.
- Julian of Toledo. De Vitiis et figuris / Ed. by Prof. W.M. Lindsay. Oxford Univ. Press, 1922.
- Law V. Grammar and Grammarians in the Early Middle Ages. L. – NY: Longman, 1997.
- Marotta G. Syllable and Prosody in Latin Grammarians / D. Russo, ed. // The Notion of Syllable across History, Theories and Analysis. Cambridge Scholars Publishing, 2015. P. 55-86.
- Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. III. Le IV siècle d'Arnobé à Victorin. Paris: Leroux, 1905.
- Munzi L. Il De partibus orationis di Giulano di Toledo // AION (filol.): Annali dell'Università degli Studi di Napoli "L'Orientale". 1980–1981. 2-3. P. 153-228.
- Petrova M.S. (tr.) The life of Donatus / Trans. from Latin into English and Russian, notes and original text by M.S. Petrova // ΣΧΟΛΗ (Schole). 2016. 10.1. P. 54-59.
- Petrova M.S. The Reception of Latin Grammar Knowledge in the Early Middle Ages: Bede and Donatus / I. Woods, ed. and alii. (org.) // Mirabilia. 2014. 18 [Leeds Congress 2013]. P. 45-66. – <https://asnoc.wordpress.com/2014/03/09/the-reception-of-latin-grammar-knowledge-in-the-early-middle-ages-bede-and-donatus/> (январь / Jan., 2024).
- Petrova M.S. Taking a New Look at the Ancient Tradition of Suetonius-Donatus' Biographies // ΣΧΟΛΗ (Schole). 2016. 10.1. P. 49-53.
- Rhetores Graeci. De figuris (=ΠΕΡΙ ΣΧΗΜΑΤΩΝ) [Sp.] / Ed. L. Spengel. Vol. 3. Leipzig: Teubner, 1856; repr. Frankfurt am Main: Minerva, 1966 (TLG 0087-035).
- Zetzel J.E.G. Ennian Experiments // The American Journal of Philology. Vol. 95 / 2 (Summer, 1974). P. 137-140.

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; beionyt@mail.ru

To the translation of Donatus' *Ars Grammatica* (III. 5)

A commented translation from Latin of section from Donatus' "*Ars grammatica*" (*Ars maior*) is published, which relate to rhetorical figures (III.5. De schematibus).

Keywords: Donatus, grammatical science, rhetorical figures.

Maya Petrova, Dr. Sc. (in History), Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; beionyt@mail.ru

CONTENTS

Theory and History

<i>Nikolay Vlasov</i> The Grounded Theory Methodology as a Research Tool in Intellectual History.....	5
<i>Evgenii Kamenev</i> Post-Structuralist Textual Analysis of Historical Narrative.....	18
<i>Semen Ekshtut</i> Apology for myth in history.....	32
<i>Azat Rakhmanov</i> Dialectics in the Realm of Mars Historical Typologies of Wars of A.E. Snesev and E.A. Razin.....	51

Intellectual History Today

<i>Igor Surikov</i> Two Critiques and Atlantis: From the history of Athenian oligarchic thought.....	68
<i>Dmitriy Usov</i> The idea of law as a means of legitimizing authoritarianism in Virgil's "Georgics".....	78
<i>Alevtina Matveeva</i> Scholarly Friendship Between a Woman and a Man in the Context of Byzantine Epistolary Practice: Letters to Theodora Raoulaina.....	93
<i>Nataliya Chesnokova</i> The Fictional and Real History: Legitimation of Yi Seong-gye (Taejo, 1392-1398), the Founder of the Korean Kingdom of Joseon (1392-1897).....	107
<i>Radislav Kaurkin</i> , <i>Nina Starikova</i> "Empire of knowledge": utopian project of I. Trevoga and the intellectual environment of Russia in the 18 th century.....	124
<i>Oleg Sinitsyn</i> Heinrich Rickert and the Specifics of the Methodology of Historical Knowledge (on the 160th Anniversary of His Birth).....	141
<i>Marina Kolesnikova</i> , <i>Artyom Peretyatko</i> V.D. Sukhorukov's manuscripts on the history of the Don cossacks History of creation and publications.....	149
<i>Tatyana Budyakova</i> , <i>Tatyana Polyakova</i> , Intellectual Heritage of G.D. Grebenshikov in the Context of Civil Confrontation in Russia at the Beginning of the XX Century.....	163
<i>Vassily Zolotarev</i> , <i>Vera Rusanova</i> Two Revolutions in the Destiny of the Russian Intellectual P.A. Sorokin Individual Survival Strategy.....	175
<i>Andrei Sokolov</i> Alfred the Cake and the Other Heroes of British History about one famous satire on school textbook.....	184
<i>Liubov Fadeeva</i> , <i>Daria Vershinina</i> "Fill the Vessel or Light the Torch" - Dilemmas of the Scientific School.....	199
<i>Artem Kanaev</i> «Soft Violence» and «Totalitarian Democracy» the Imagination of «West» in Political Language of Eduard Limonov.....	210

In the Space of Sociocultural History

<i>Azim Malikov</i>	
The History of Ancient and Medieval Samarkand in the Views of Nicolaas Witsen....	227
<i>Liudmila Ivonina</i>	
Native Exhibitions as Phenomena of Geographical Discoveries and Colonialism a living showpiece of the British seafarer William Dampier.....	243
<i>Nadezhda Bleikh</i>	
The Experience of the Missionaries of the Russian Orthodox Church in the Origin of Christian Education Among the Ossetians (1742–1793).....	253
<i>Natalia Rostislavleva</i>	
Protestant activities during the First World War: spy fever vs Christian piety.....	266
<i>Alexander Golovlev</i>	
Austrian Federal Theatres as an Object of Cultural Policy, 1918-1945 Survival, Adaptation, Cultural Capital.....	274
<i>Andrey Avdashkin</i>	
“Chinese Worker in Russia Takes the Rifle” Formation and Development of the Image.....	289
<i>Vitaliy Prilutskiy</i>	
The Phenomenon of the Black Hebrew Israelites Movement Ideology of socio-religious protest of African Americans (late 19 th – early 21 c.).....	306
<i>Andrey Zaytsev</i>	
Vishwa Hindu Parishad: History for Export.....	320
<i>Vyacheslav Akhmadullin</i>	
Hajj 1969 In Documents Council for Religions.....	337

Notulae eruditae

<i>Ekaterina Buzdalina</i>	
<i>Breviarium</i> in the context of Latin literature tradition (I–IV centuries AD).....	351
<i>Maksim Drobyshhev</i>	
On the Issue of Alexei I Komnenos’ Environment.....	360

Reading books...

<i>Andrei Mamontov</i>	
Long Way of the Late Antiquity.....	369
<i>Svetlana Malysheva, Alla Salnikova,</i>	
"One Day Museum of Everyday Life" and the Mirror of Memory Reflections on the New Book by Igor and Natalia Narskii.....	376

Trnslations and publications

<i>Maya Petrova</i>	
To the translation of Donatus’ <i>Ars Grammatica</i> (III. 5).....	383

СОДЕРЖАНИЕ

Теория и история

<i>Н.А. Власов</i> Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории.....	5
<i>Е.В. Каменев</i> Постструктуралистский текстовый анализ исторического нарратива.....	18
<i>С.А. Экипут</i> Апология мифа в истории.....	32
<i>А.Б. Рахманов</i> Диалектика в царстве Марса исторические типологии войн А.Е. Снесарева и Е.А. Разина.....	51

Интеллектуальная история сегодня

<i>И.Е. Суриков</i> Два Крития и Атлантида: из истории афинской олигархической мысли. Часть II...	68
<i>Д.А. Усов</i> Идея закона как средство легитимации авторитаризма в «Георгиках» Вергилия..	78
<i>А.С. Матвеева</i> «Ученая дружба» женщины и мужчины в контексте византийской эпистолярной практики (на примере писем к Феодоре Раулене).....	93
<i>Н.А. Чеснокова</i> История вымышленная и реальная: легитимация власти Ли Сонге (Тхэджо, 1392–1398), основателя корейского королевства Чосон (1392–1897)....	107
<i>Р.В. Кауркий, Н.В. Старикова.</i> «Империя знаний»: утопический проект И. Тревоги и интеллектуальная среда России XVIII столетия.....	124
<i>О.В. Симицын</i> Генрих Риккерт и специфика методологии исторического познания (к 160-летию со дня рождения).....	141
<i>М.Е. Колесникова, А.Ю. Перетяшко</i> Рукописи по истории донского казачества В.Д. Сухорукова история создания и публикаций.....	149
<i>Т.П. Будякова, Т.А. Полякова</i> Интеллектуальное наследие Г.Д. Гребенщикова в контексте гражданского противостояния в России в начале XX века.....	163
<i>В.П. Золотарев, В.С. Русанова</i> Две революции в судьбе российского интеллигента П.А. Сорокина индивидуальная стратегия выживания.....	175
<i>А.Б. Соколов</i> Альфред Лепешка и другие герои британской истории о знаменитой пародии на школьный учебник. Часть 2.....	184
<i>Л.А. Фадеева, Д.Б. Вершинина</i> «Наполнить сосуд или зажечь факел»: дилеммы научной школы.....	199
<i>А.А. Канаев</i> «Мягкое насилие» и «тоталитарная демократия» образ «Запада» в политическом языке Эдуарда Лимонова.....	210

В мире социокультурной истории

<i>А.М. Маликов</i> История древнего и средневекового Самарканда в представлениях Николааса Витсена.....	227
<i>Л.И. Иволина</i> Демонстрация туземцев как феномен географических открытий и колониализма живой экспонат британского мореплавателя Уильяма Дампира.....	243
<i>Н.О. Блейх</i> Опыт миссионеров РПЦ в зарождении христианского образования у осетин (1742–1793 гг.).....	253
<i>Н.В. Ростиславлева</i> Протестантское служение в годы Первой мировой войны шпионаж vs христианское благочестие.....	266
<i>А.И. Головлев</i> Австрийские федеральные театры как объект культурной политики в 1918-1945 гг. выживание, приспособление, культурный капитал.....	274
<i>А.А. Авдашкин</i> Размышления о китайцах-красноармейцах от большевистской печати до российских кинолент.....	289
<i>В.В. Прилуцкий</i> Феномен движения черных евреев: идеология социально-религиозного протеста афро-американцев (конец XIX – начало XXI века).....	306
<i>А.А. Зайцев</i> Вишва Хинду Паришад: история на экспорт.....	320
<i>В.А. Ахмадуллин</i> Хадж 1969 г. в документах Совета по делам религий.....	337

Notulae eruditae

<i>Е.А. Буздалина</i> <i>Breviarium</i> в контексте латинской литературной традиции (I–IV вв.).....	351
<i>М.И. Дробышев</i> К вопросу об окружении Алексея I Комнина.....	360

Читая книги...

<i>А.Л. Мамонтов</i> Долгий путь поздней античности.....	369
<i>С.Ю. Мальшева, А.А. Сальникова</i> «Однодневный музей быта» и зеркало памяти размышляя о новой книге Игоря и Натальи Нарских.....	376

Переводы и публикации

<i>М.С. Петрова</i> Донат. грамматист города Рима. Грамматическая наука. III. 5. О Риторических фигурах (de schematibus).....	383
CONTENTS.....	394

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 86 (2024)

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.029	<i>Н.А. Власов.</i> Методология «обоснованной теории» как инструмент исследования интеллектуальной истории
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.030	<i>Е.В. Каменев.</i> Постструктуралистский текстовый анализ исторического нарратива
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.031	<i>С.А. Экутум.</i> Апология мифа в истории
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.001	<i>А.Б. Рахманов.</i> Диалектика в царстве Марса: исторические типологии войн А.Е. Снесарева и Е.А. Разина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.002	<i>И.Е. Суриков.</i> Два Крития и Атлантида из истории афинской олигархической мысли (Часть II)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.003	<i>Д.А. Усов.</i> Идея закона как средство легитимации авторитаризма в «Георгиках» Вергилия
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.004	<i>А.С. Матвеева.</i> «Ученая дружба» женщины и мужчины в контексте византийской эпистолярной практики (на примере писем к Феодоре Раулене)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.005	<i>Н.А. Чеснокова.</i> История вымышленная и реальная: легитимация власти Ли Сонге (Тхэджо, 1392–1398) – основателя корейского королевства Чосон (1392–1897)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.006	<u><i>Р.В. Кауркин</i></u> , <i>Н.В. Старикова.</i> «Империя знаний»: утопический проект И. Тревоги и интеллектуальная среда России XVIII столетия
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.007	<i>О.В. Синецын.</i> Генрих Риккерт и специфика методологии исторического познания (к 160-летию со дня рождения)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.008	<i>М.Е. Колесникова, А.Ю. Перетяшко.</i> Рукописи по истории донского казачества В.Д. Сухорукова: история создания и публикаций
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.009	<i>Т.П. Будякова, Т.А. Полякова.</i> Интеллектуальное наследие Г.Д. Гребенщикова в контексте гражданского противостояния в России в начале XX века
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.010	<u><i>В.П. Золотарев</i></u> , <i>В.С. Русанова.</i> Две революции в судьбе российского интеллигента П.А. Сорокина: стратегия выживания
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.011	<i>А.Б. Соколов.</i> Альфред Лепешка и другие герои британской истории о знаменитой пародии на школьный учебник (Часть 2)

https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.012	<i>Л.А. Фадеева, Д.Б. Вершинина.</i> «Наполнить сосуд или зажечь факел»: дилеммы научной школы
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.013	<i>А.А. Канаев.</i> «Мягкое насилие» и «тоталитарная демократия»: образ «Запада» в политическом языке Эдуарда Лимонова
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.014	<i>А.М. Маликов.</i> История древнего и средневекового Самарканда в представлениях Николааса Витсена
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.015	<i>Л.И. Ивошина.</i> Демонстрация туземцев как феномен географических открытий и колониализма: живой экспонат британского мореплавателя Уильяма Дампира
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.016	<i>Н.О. Блейх.</i> Опыт миссионеров РПЦ в зарождении христианского образования у осетин (1742–1793)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.017	<i>Н.В. Ростиславлева.</i> Протестантское служение в годы Первой мировой войны: шпионomanия vs христианское благочестие
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.018	<i>А.И. Головлев.</i> Австрийские федеральные театры как объект культурной политики в 1918–1945 гг.: выживание, приспособление, культурный капитал
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.019	<i>А.А. Авдашкин.</i> Размышления о китайцах-красноармейцах: от большевистской печати до российских кинолент
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.020	<i>В.В. Прилуцкий.</i> Феномен движения черных евреев идеология социально-религиозного протеста африкано-американцев (конец XIX – начало XXI века)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.021	<i>А.А. Зайцев.</i> Вишва Хинду Паришад: история на экспорт
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.022	<i>В.А. Ахмадуллин.</i> Хадж 1969 г. в документах Совета по делам религий
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.023	<i>Е.А. Буздalina.</i> <i>Breviarium</i> в контексте латинской литературной традиции (I–IV вв.)
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.024	<i>М.И. Дробышев.</i> К вопросу об окружении Алексея I Комнина
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.025	<i>А.Л. Мамонтов.</i> Долгий путь поздней античности
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.026	<i>С.Ю. Мальшева, А.А. Сальникова.</i> «Однодневный музей быта» и зеркало памяти: размышляя о новой книге Игоря и Натальи Нарских
https://doi.org/10.21267/AQUILO.2024.86.86.027	<i>Петрова М.С.</i> (пер. с латинского, примеч.). Донат, грамматист Города Рима. <i>Грамматическая наука</i> III. 5. О риторических фигурах (<i>De schematibus</i>)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

86 / 2024

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 1 (History — 2023 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).
Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.